

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ V

1847—1850 гг.

(№№ 452—491)

Издание наследниковъ автора

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ V

1847—1850 гг.

(№№ 452—491)

Издание наследниковъ автора

4677

Оглавленіе.

1847.

№№	СТР.
*452.	Прошеніе о внесеніи въ дворянскую родословную книгу 3
**453.	Надпись для П. Я. Чаадаева. 4
*454.	Надпись для М. К. Эрнъ 4
**455.	Письмо къ А. А. Краевскому 5
*456.	Письмо къ Т. Н. Грановскому 5
457.	Капризы и раздумье. III. Новыя варіаціи на старыя темы 13
458.	Станція Едрово 28
*459.	Письмо къ Е. Θ. Коршу 44
**460.	Письмо къ Н. П. Огареву 47
461.	Изъ сочиненія доктора Крупова „О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности“, 1-й вариантъ 59
—	Докторъ Круповъ. Повѣсть. 2-й вариантъ. 83
462.	Письма изъ Франціи и Италіи.
	Предисловіе 108
	Письма изъ Avenue Marigny.
	Письмо первое 114
	Письмо второе 126
	Письмо третье 141
	Письмо четвертое 155

1848.

*463.	Письмо къ Е. Θ. Коршу, Т. Н. Грановскому и К. Д. Кавелину 177
*464.	Надпись для М. К. Эрнъ 185
465.	Сорока-воровка. Повѣсть 185
**466.	Письмо къ П. В. Анненкову. 205
467.	Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести 210
**467 bis.	Приписка къ Н. А. Тучковой 559
**468.	Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Θ. и М. Θ. Коршъ. 232

№№	СТР.
*469.	Письмо къ М. Θ. Коршъ 241
**470.	Приписка для Н. А. Тучковой 242
*471.	Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Θ. и М. Θ. Коршъ, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину 242
**472.	Письмо къ П. В. Анненкову 249
**473.	Письмо къ Н. П. Огареву 250
**474.	Письмо къ Е. А. и Н. А. Тучковымъ 251

1849.

**475.	Письмо къ Н. П. Огареву 255
**476.	То же 256
**477.	То же 257
*478.	Письмо къ А. А. Герцену 259
**479.	Письмо къ женѣ 270
*480.	То же 273
**481.	То же 275
*482.	То же 277
*483.	То же 278
*484.	Письмо къ Т. Н. Грановскому 279
*485.	Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Θ. Коршу и др. 285
**486.	La Russie 299
	Россія 330
*487.	Письмо къ А. А. Герцену 365
*488.	То же 366
**489.	Lettre d'un Russe à Mazzini 366
	Письмо Русскаго къ Маццини 372

1850.

*490.	Письмо къ А. А. Герцену 381
491.	Съ того берега.
	Сыну моему Александру 382
	Предисловіе 383
	Прощайте! 386
	I. Передъ грозой (Разговоръ на палубѣ) 392
	II. Послѣ грозы 410
	III. LVII годъ республики, одной и нераздѣльной 418
	IV. Vixerunt! 429
	V. Consolatio 450
	VI. Omnia mea mecum porto 469
	VII. Эпиграфъ 1849 484
	VIII. Доносо-Кортесъ, маркизъ Вальдегамасъ и Юліанъ, императоръ римскій 491
	Библиографическій комментарий 502
	Опечатки и дополненія 558

1847

452. Прошеніе о внесеніи въ дворянскую родословную книгу.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій! Проситъ надворный совѣтникъ Александръ Ивановъ сынъ Герценъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Желая быть внесеннымъ въ родословную книгу дворянства московской губерніи, въ доказательство права моего на дворянство, представляю при семъ: 1) паспортъ или указъ объ отставкѣ моей отъ службы, 2) метрическія консисторскія свидѣтельства о бракѣ моемъ съ дѣвицею Натальею Александровною Захарьиной и о рожденіи отъ сего брака сыновей Александра и Николая и дочери Натальи и 3) списокъ по формѣ о семействѣ моемъ и состояніи и всеподданнѣйше прошу дабы повелѣно было на основаніи представляемыхъ мною документовъ внести меня съ семействомъ въ подлежащую часть дворянской родословной книги московской губерніи и выдать мнѣ и сыновьямъ моимъ грамоты, всѣмъ же намъ копіи съ протокола о дворянствѣ, а подлинныя паспортъ и свидѣтельства мнѣ возвратить. Января 3 дня 1847 года. Къ поданію надлежитъ въ Московское дворянское депутатское собраніе. Прошеніе со словъ просителя писалъ губернскій секретарь Константинъ Николаевъ сынъ Налетовъ. Къ подлинному прошенію, по пунктамъ надворный совѣтникъ Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ. ¹

◆◆ 1. Вслѣдствіе этого прошенія Герцену была выдана слѣдующая грамота, подлинникъ которой хранится въ Румянц. музеѣ:

ГРАМОТА

Московской губерніи отъ губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, собранныхъ для составленія дворянской родословной книги, данная дворянину надворному совѣтнику Александру Ивановичу Герцену.

Разсмотрѣвъ, на основаніи Всемиловѣйше въ 1785 году апрѣля 21 дня пожалованной и 1801 года апрѣля 2 числа Высочайше утвержденной россійскому дворянству грамоты, предъявленной отъ него, Герцена, о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, вслѣдствіе коихъ по силѣ семьдесятъ девятой статьи объявленной грамоты, онъ и родъ внесенъ въ дворянскую родословную московской губерніи книгу, въ третью ея часть, во свидѣтельство чего мы, губернскій предводитель и депутаты, во исполненіе Всевысочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, дали ему сію грамоту за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью дворянскаго собранія московской губерніи. Генваря 21 дня 1847 года.

(Подписи предводителя и секретаря).

Выдана Генваря 24 дня 1847 г. № 27.

453. Надпись П. Я. Чаадаеву.

Петру Яковлевичу
Чаадаеву

въ знакъ глубокаго уваженія

отъ А. Герцена.

1847. Янв. 9.

454. Надпись М. К. Эрнъ.

Маріи Каспаровнѣ Эрнъ

отъ А. Герцена.

1847. Янв. 10.

455. Письмо къ А. А. Краевскому.

10 янв. (1847).

Милостивый государь, Андрей Александровичъ, повѣсть моя ¹⁾, начало которой было въ «От. Зап.», издана особо. Я счелъ себя обязаннымъ сказать Вамъ, что я считаю васъ совершенно въ правѣ перепечатать ея окончаніе, если вы полагаете, что читатели не забыли давнымъ давно о началѣ. Печатайте ее, хоть въ слѣдующей книжкѣ, но только, пожалуйста, не думайте, что я этими строками вызываю Васъ на это перепечатываніе изъ учтивости: я хотѣлъ только сказать, что я первый признаю справедливость и Ваше право на передачу окончанія.

Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю пребыть преданнымъ

А. Герценъ.

456. Письмо къ Т. Н. Грановскому.

20 января 1847. Тверь. Утро. Понедѣльникъ.
(Четверть второго пополудни).

Видишь, что мы ѣдемъ исправно да и ѣдимъ исправно, а именно, стерляжью уху, въ городѣ въ Твери. А пишу я къ тебѣ вотъ зачѣмъ: говорятъ, что 22 января твои именины; извини меня передъ Лиз. Богдановой, что я въ этотъ день не могу быть, по вздорной, конечно, причинѣ: потому что буду въ Новѣгородѣ. — Снисхождение.

Мы здоровы. Саша веселъ, Наташа 2-я ²⁾ весела, Коля величественъ и притомъ увлекается въ возкѣ всѣми слабостями чело-вѣческими, что не возвышаетъ *bien-être* ³⁾ существовать въ возкѣ, передъ которымъ четыре клячи, а за которымъ Зонненбергъ въ шпинатѣ.

О проводахъ, о 18 и 19 января буду говорить, когда приду въ себя.

¹⁾ «Кто виновать?»

²⁾ Примѣчаніе Пыпина: «Цифра прип. рукой Н. А.».

³⁾ Общаго чувства довольства.

Кормилица ¹⁾ упала съ Наташей и треснула ее затылкомъ объ полъ, — это много способствовало къ удовольствію *partie de plaisir'a*.

Ну, передай же всѣмъ и еще по привѣту Коршу и сопр. и страшно большую благодарность за тѣ чувства, за тѣ мысли, съ которыми я уѣхалъ и ѣду.—Прощайте. Дорога прекрасная.

Кавелину, *Sovga'nъ* ²⁾ пантаривы. Что Сатина здоровье? ³⁾

Это ужъ роскошь,—сколько твоихъ.

Мельгунову скажи, что дѣйствительно въ нашемъ знакомствѣ недоставало бы одного элемента, именно—относящагося болѣе къ чувству, нежели къ уму и симпатіи... Нѣтъ, что-то ничего не умѣю сказать,—очень наѣлся хересомъ и ухой. ²

◆◆ 1. Приписка Н. А—ны:

«Милые, безцѣнные, несравненные друзья! Всѣ, всѣ московскіе друзья! Еще отсюда обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ. Вчерашній вечеръ до сихъ поръ продолжается въ душѣ... (рукою Герцена: несмотря на постоянную тошноту въ продолженіе 24 часовъ), да еще несмотря на жестокою головную боль, да не въ томъ дѣло... Лиза, съ именинникомъ! Гранка, съ именинами честь имѣю поздравить! А затѣмъ, кланяйтесь всѣмъ Коршамъ, Кетчерамъ, Астраковымъ, Щепкинымъ, Рѣдкину и всѣмъ, всѣмъ, Сатину. Ну, еще васъ обнимаю. Прощайте! Пишите въ Ригу. Дѣти всѣ здоровы и веселы».

2. Заграничный паспортъ надворному совѣтнику А. И. Герцену (Gertzen) былъ выданъ 9 декабря 1846 г., для отправленія въ Германію и Италію для излѣченія болѣзни жены его, срокомъ на 6 мѣсяцевъ. Подлинникъ хранится въ Румянц. музеѣ и является очень важнымъ документомъ по тѣмъ визамъ, которыя занесены на него заграничными консулами и даютъ возможность документально установить находженіе Герцена въ такіе-то дни въ такихъ-то пунктахъ.

Отъѣздъ состоялся въ воскресенье, 19 января, а паспортъ прусскимъ консуломъ въ Москвѣ визированъ 20/8, т. е. первымъ буднимъ днемъ послѣ 19-го. Провожали Герценовъ до первой почтовой станціи Черная-Грязь: Грановскіе, Корши, Мельгуновы, М. С. Щепкинъ, Ю. Б. Мюльгаузенъ (родная сестра Е. Б. Грановской), Кетчеръ съ женой, Рѣдкинъ, К. Д. Кавелинъ, Засядко и Егоръ Ива-

¹⁾ Татьяна.

²⁾ *Sovgana*—государыня, т. е. жена Кавелина.

³⁾ Дальше шли приписки Н. А—ны, М. О. Коршъ и М. К. Эрнъ. ¹⁾

новичъ. Путешественники ѣхали въ двухъ возкахъ, обшитыхъ мѣхомъ. Кромѣ собственно всей семьи Герцена, уѣзжали еще Луиза Ивановна, М. Ѡ. Коршъ и М. К. Эрнъ, при чемъ вторая ѣхала на годъ, третья—на полтора года, какъ на предѣльный срокъ всей поѣздки, и въ своихъ воспоминаніяхъ она категорически утверждаетъ, что «установленнаго намѣренія не возвращаться въ Россію, конечно, не было» (стр. 41). Это видно и изъ другихъ писемъ, а также изъ напечатаннаго въ IV томѣ «Дневника» Н. А.—ны.

Проводы въ Черной-Грязи были очень теплые и довольно пьяные.

Вотъ какъ М. К. Эрнъ описываетъ начало ихъ путешествія: «При отъѣздѣ изъ города, хотя свѣтило солнце, но было холодно, и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ становилось холоднѣе; мы ѣхали, останавливаясь только часа по два, чтобы обогрѣться и поѣсть. Провизію мы везли съ собою подъ шубами, чтобы не дать ей замерзнуть; на станціяхъ грѣли ее на спиртовыхъ лампочкахъ. На ночлегъ, кажется, не останавливались; я помню только, что мы ночевали одинъ разъ въ Псковѣ, гдѣ насъ чуть не съѣли клопы. А именно отъ Пскова кто-то и предостерегалъ Герцена, но онъ только послѣ вспомнилъ объ этомъ. Вообще, не мало было приключеній по дорогѣ, но я уже не помню всего. Иногда ѣхали между сугробами снѣга по узкой дорогѣ, такъ что лошадей запрягали гусемъ, и, все-таки, нашъ возокъ, который ѣхалъ позади, разъ завязъ въ снѣгу, а другой уѣхалъ на много впередъ. Пришлось отпрягать одну изъ лошадей и догонять другой возокъ, чтобы намъ помогли выбраться. Путешествіе продолжалось довольно долго; наконецъ, мы приѣхали въ Ригу, гдѣ должны были пробыть дня два; у Герцена была какая-то исторія съ ямщикомъ. Доѣхавъ до Таурогена, мы отправили назадъ наши возки, а съ ними и Татьяну и стараго слугу, а, что всего глупѣе—отправили назадъ и шубы, точно мы приѣхали въ Италію. Отъ прусской границы мы ѣхали въ дилижансѣ, но была уже распутица и надобно было часто пересаживаться въ разные экипажи и, если принять въ соображеніе, что, мы, русскіе, ѣхали со множествомъ узелковъ и пакетовъ, то это частое перегруженіе при сѣверной сырой погодѣ было куда какъ не кстаті; къ удивленію, мы ничего не потеряли... Насколько мало я помню Ригу, настолько болѣе остался въ памяти Кенигсбергъ, гдѣ мы пробыли три дня... До Берлина ѣхали еще чуть ли не три дня съ тѣми же пересаживаніями, подъ конецъ въ какомъ-то омнибусѣ, гдѣ мы могли всѣ вмѣстѣ помѣститься. Въ Берлинѣ мы пробыли дольше, но память моя ничего не сохранила изъ этого пребыванія; помню только одно, что совѣтывались съ докторами на-

счетъ Коли, есть ли возможность воротить ему слухъ. Посѣтили какое-то заведеніе, гдѣ воспитывали идіотовъ съ ужасно тупыми лицами и дѣйствовали на нихъ музыкаю... Взявъ съ собою Колю, мы ранѣе оставили Берлинъ и поѣхали въ Вюртембергъ, гдѣ Луиза Ивановна хотѣла посѣтить родственниковъ» (стр. 43—44).

Въ Таурогенѣ Герцены были 31 января нов. стиля ¹⁾, 12 февраля въ Laugszargen'ѣ, 15 февраля въ Кенигсбергѣ и 27 февраля въ Берлинѣ, гдѣ Герценъ встрѣтилъ Тургенева; вторая берлинская виза паспорта — 1 марта; 16 марта переѣхали границу Бельгіи и Пруссіи и вскорѣ прибыли въ Парижъ.

«Въ одно прекрасное утро, по осени (веснѣ—*М. Л.* ²⁾) 1847 г., въ крошечномъ салонѣ парижской моей квартиры, улицѣ Caumartin, 41, — рассказываетъ П. В. Анненковъ, — явился господинъ, хорошо выбритый, по русскому обычаю, съ волосами, зачесанными на затылокъ, и въ долгополомъ сюртукѣ, который странно мѣшалъ его порывистымъ движеніямъ. Это былъ Герценъ, носившій еще на всей своей внѣшности рѣзкій отпечатокъ московскаго жителя, но скоро преобразившійся, благодаря парижскимъ портнымъ и другимъ артистамъ, въ полного джентльмена западной расы — съ подстриженной головой, щегольской бородкой, очень быстро принявшей всѣ необходимыя очертанія, и пиджакомъ, ловко и свободно державшимся на плечахъ. Я обрадовался ему несказанно и выслушалъ юмористическую повѣсть объ усиліяхъ и домогательствахъ, какія потребовались ему для выѣзда, и потомъ о долгомъ вояжѣ его, еще на *почтовыхъ*, черезъ всю Германію. Онъ прибылъ въ Парижъ со всѣмъ семействомъ, остановился на Place Vendôme и спрашивалъ меня, какъ парижскаго старожила (я уже прожилъ цѣлый годъ въ столицѣ Франціи), объ условіяхъ, образѣ жизни и привычкахъ новой своей резиденціи, къ которымъ, тоже по русскому обычаю, и примѣнился весьма скоро. И не онъ одинъ подчинился этого рода превращенію и измѣненію своей оболочки, а съ нею и самаго образа жизни, но и семья его — и притомъ съ свободой и развязностью, которыя могли бы считаться изумительными, если бы не были всеобщимъ, всѣмъ извѣстнымъ свойствомъ нашей природы. Жена Герцена, послѣ первой недѣли своего пребыванія въ Парижѣ, представляла уже изъ себя совсѣмъ другой типъ, чѣмъ тотъ, который олицетворяла собою въ Москвѣ. Впрочемъ, внутренняя переработка,

¹⁾ Начиная заграничную жизнь, я впредь буду указывать особо на даты по старому стилю; безъ такихъ указаній—вездѣ новый стиль.

²⁾ 25 марта 1847 г. Анненковъ писалъ Бѣлинскому: «Герценъ сейчасъ пріѣхалъ и уже наполнилъ Парижъ грохотомъ желудочнаго своего смѣха. Я очень ему радъ» (Бѣлинскій «Письма», III, 368).

измѣнившая ея нравственную фізіономію, началась еще тамъ и только завершилась въ Парижѣ. Изъ тихой, задумчивой, романтической дамы дружескаго кружка, стремившейся къ идеальному воспитанію своей души и не дѣлавшей никакихъ запросовъ и никакихъ уступокъ внѣшнему міру, она вдругъ превратилась въ блестящую туристку, совершенно достойную занимать почетное мѣсто въ большомъ, всесвѣтномъ городѣ, куда прибыла, хотя никакой претензіи на такое мѣсто и не заявляла. Новыя формы и условія существованія вскорѣ вытѣснили у нея и послѣднюю память о Москвѣ» («Литерат. воспоминанія», 303).

«Съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Парижѣ Герценъ, перѣхавшій на постоянную квартиру въ Avenue Marigny, откуда онъ писалъ въ «Современникъ» 1847 г., — Герценъ, говорю (продолжаетъ П. В. Анненковъ), по складу своего ума и наклонности къ энергическому вчинанію при всякой данной задачѣ, очутился какъ бы въ своемъ родномъ элементѣ. Онъ бросился тотчасъ же въ это сверкающее море отважныхъ предположеній, безпощадной полемики, всевозможныхъ страстей и вышелъ оттуда новымъ и крайне нервнымъ человѣкомъ. Мысль, чувство, воображеніе пріобрѣли у него болѣзненную раздражительность, которая сказывалась прежде всего въ негодованіи на господствующій политическій режимъ, который занимался обезсиливаніемъ однихъ ученій другими. Затѣмъ не менѣе гнѣва и злобы возбуждала въ немъ и ясность реформаторскихъ проектовъ, фальшиво обещающихъ положить конецъ всѣмъ преніямъ и уже торжествующихъ побѣду прежде самаго сраженія. То и другое явленіе одинаково казались ему признаками несостоятельности общества, и въ одну изъ минутъ задушевнаго анализа ощущеній, полученныхъ имъ при первомъ знакомствѣ съ европейскимъ социализмомъ, онъ написалъ одну изъ тѣхъ своихъ статей, которая можетъ назваться самымъ пессимистическимъ созерцаніемъ западнаго развитія, какое только высказывалось порусски; но зато она и была имъ писана уже *съ другою берега* — онъ видѣлъ теперь воочию то, что до сихъ поръ было ему извѣстно издалека» (311).

«Между тѣмъ какъ русско-польскіе вдохновенные праздники торжествовали водвореніе вѣчнаго мира на сѣверѣ Европы, такія же торжества происходили, по разнымъ поводамъ и въ разныхъ формахъ, во всѣхъ углахъ Парижа. Образованные иностранцы собственно для такихъ праздниковъ, съ великолѣпными спектаклями и апоѳеозами будущаго, и съѣзжались, почерпая въ нихъ свѣдѣнія о состояніи и направленіи умовъ въ отечествѣ всяческихъ реформаторскихъ попытокъ. Русская колонія не отставала ни отъ кого

при этомъ, а Г. былъ часто самъ душой и героемъ подобныхъ праздниковъ. Онъ очень скоро сдѣлался, какъ и Бакунинъ, изъ зрителя и *галлерей* участникомъ и *солистомъ* въ парижскихъ демократическихъ и соціальныхъ хорахъ. Подъ электрическимъ дѣйствіемъ всѣхъ возбуждающихъ элементовъ города живая природа Герцена мгновенно пустила въ сторону ростки необычайной силы и роскоши, въ которые вся и ушла, надрывая свое нормальное существованіе. Многосторонняя образованность Герцена начинала служить ему всю ту службу, къ какой была способна,—онъ понималъ источники идей лучше тѣхъ, которые ихъ провозглашали, находилъ къ нимъ дополненія и очень часто поправки и ограниченія, ускользавшія отъ специалистовъ по даннымъ вопросамъ. Онъ начиналъ *удивлять* людей, и немного прошло времени съ его пріѣзда, какъ около него сталъ образовываться кругъ болѣе чѣмъ поклонниковъ, а, такъ сказать, *любовниковъ* его со всѣми признаками страстной привязанности. Въ числѣ послѣднихъ находился и извѣстный эмигрантъ, поэтъ Гервегъ, который потомъ внесъ столько горя и страданія въ его личное и семейное существованіе. Не разъ при разгарѣ этого интеллектуальнаго пира въ Парижѣ мнѣ вспоминались московскіе пиры села Соколова, сопровождавшіеся такимъ же нервнымъ возбужденіемъ умственныхъ и физическихъ силъ, но уже какая была разница въ содержаніи и настроеніи!

«Относительно изумленія, возбуждаемаго въ иностранцахъ обширностью пониманія нѣкоторыхъ русскихъ людей, способомъ ихъ ставить вопросы и признаками вообще необычайныхъ способностей,—можно было бы привести много любопытныхъ подробностей. Герценъ и Бакунинъ собирали дань этого изумленія, смѣшаннаго почти со страхомъ, едва не на каждомъ шагу. Они постоянно, послѣ встрѣчи съ знакомыми и незнакомыми лицами, оставляли ихъ въ раздумьи на счетъ загадочныхъ натуръ такой силы мысли, такой смѣлости воззрѣній и языка, остающихся одинокими экземплярами развитія посреди своихъ земляковъ...

«Если Герценъ понесъ на себѣ слѣды парижской жизни, то тѣмъ менѣе могла избѣжать заразы опьяняющей атмосферы большого города тихая, сосредоточенная жена Герцена. Она преобразилась въ истую парижанку, усвоила себѣ яркую демократическую окраску и горячо принимала къ сердцу интересы французской жизни, восторгаясь и любясь разными, болѣе или менѣе, бѣдными и страдающими людьми, выброшенными ею на улицу, и особенно тѣми полу-буржуа и полу-работниками, которые, кромѣ размышлений о формѣ будущаго, неизбѣжнаго переворота, никакого другого занятія на свѣтѣ не имѣли. Домъ Герцена сдѣлался подобіемъ Діонисіева

уха, гдѣ ясно отражался весь шумъ Парижа, малѣйшія движенія и волненія, пробѣгавшія на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни. И только одна М. Ѳ. Коршъ, сопровождавшая Герценовъ въ ихъ путешествіи, не захвачена была водоворотомъ и служила живымъ напоминовеніемъ о недавно покинутой ими и уже позабываемой Москвѣ. Больная, рѣдко выходившая изъ дома, посвятившая себя уходу за дѣтьми и только издали прислушивавшаяся къ гулу, который несся отъ всемірнаго города, она становилась какимъ-то анахронизмомъ въ семьѣ, впрочемъ, очень любившей и уважавшей ее. Какъ ни интересна была по своему содержанию и разнообразію новая обстановка, въ которую попала теперь эта умная и многосторонне образованная женщина, но мысль ея постоянно жила въ кругу далекихъ друзей, оставленныхъ въ Москвѣ и занятыхъ своимъ не блестящимъ и не шумнымъ дѣломъ—спасать умы и нравственное чувство людей отъ загроубнѣнія, наступающаго со всѣхъ сторонъ. Однимъ своимъ присутствіемъ въ домѣ Герцена она говорила хозяевамъ и нѣкоторымъ изъ русскихъ гостей ихъ о другой культурѣ, о недавнихъ, уже пренебрегаемыхъ друзьяхъ, занятыхъ у себя дома невзрачной подготовительной, черновой работой просвѣщенія. До нихъ ли было теперь при такомъ блескѣ, при такихъ очаровательныхъ дорогахъ, открытыхъ на всѣ стороны каждому умственному и нравственному побужденію и даже всякому капризу мысли! Въ образѣ М. Ѳ. Коршъ стояла передъ Герценомъ олицетворенная *элегія* съ горячими симпатіями къ прошлому, — а кто изъ тѣхъ, которые неслись теперь въ вихрѣ всяческихъ наслажденій европейскимъ міромъ и добытой свободой, имѣлъ время останавливаться передъ элегіями или прислушиваться къ нимъ!

«Вскорѣ мнѣ уяснилось, что были и другія причины къ холодности между друзьями, переѣхавшими за границу, и тѣми, которые остались дома, — посущественнѣе разсѣяніи Парижа. Послѣ нѣсколькихъ искреннихъ и довѣрчивыхъ бесѣдъ, происходившихъ у насъ обыкновенно по ночамъ въ Парижѣ, я не могъ сомнѣваться болѣе, къ великому моему изумленію, что въ глазахъ Герцена и его семьи Москва совершенно поблекла, лишилась своихъ красокъ, утратила магическое слово, отворяющее сердца. Вся старая жизнь въ ней казалась уже Герцену и его женѣ сухой степью; на ней уже не росло болѣе трогательныхъ воспоминаній, да и тѣ, которыя оставались отъ давняго времени, видимо завяли, не поддерживаемыя тщательнымъ уходомъ, который такъ же необходимъ для воспоминаній, какъ для дѣтей и цвѣтовъ.

«Переворотъ этотъ объяснить не совсѣмъ легко, потому что онъ вышелъ изъ довольно сложнаго психическаго процесса и вос-

питался массой очень тонкихъ нервныхъ раздраженій,—но несомнѣнно, что начался переворотъ еще въ Москвѣ и только довершился за границей. Обстоятельство это пролило для меня большой свѣтъ на всѣ приемы Герцена въ Парижѣ, на всю его судорожную торопливость поставить себя въ центрѣ новой жизни: другая, старая, которая могла бы служить ей противовѣсомъ уже скрылась для него въ туманѣ и болѣе не существовала. Никто еще не возбуждалъ во мнѣ такъ полно предчувствія, при первыхъ же шагахъ Герцена на почвѣ европеизма, что онъ прирастетъ къ ней навсегда, что почва эта окончательно овладѣетъ имъ и уже не уступитъ его никакой другой, хотя фактическихъ поводовъ для такого пророчества пока еще и не представлялось ни откуда. Но я тогда не зналъ, что Герценъ просто старается нажать себѣ второе духовное отечество, такъ какъ первое уже лишилось своей притягательной силы и существовало только, какъ поводъ къ сожалѣнію, дружескому участію и великодушному предложенію посильныхъ услугъ, если потребуются» (стр. 320—323).

Вопреки нѣкоторымъ историкамъ русской литературы и общественности, я вовсе не считаю Анненкова ни безусловно вѣрнымъ повѣствователемъ описываемыхъ имъ фактовъ, ни сколько-нибудь глубокимъ психологомъ, и если сдѣланныя цитаты изъ его воспоминаній длинны, то приведены онѣ не ради ихъ очень большой абсолютной цѣнности, а какъ иллюстрація тогдашняго пониманія Герцена людьми, уравнившими и неспособными ни на какія существенныя жертвы ради своихъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій.

457. Капризы и раздумье.

III.

Новыя варіаціи на старыя темы ¹⁾.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Нѣкогда школа остановилась въ грустномъ недоумѣніи, пораженная страшными и, повидимому, безвыходными противорѣчіями, которыми Кантъ завершилъ свое ученіе, и изъ-за которыхъ вдали виднѣлись улыбающіяся черты его учителя, Юма. Казалось, послѣдняя опора человѣка, разумъ, подкосился, достовѣрность вѣдѣнія исчезла; робкіе умы, всегда предпочитающіе бѣгство труда и лѣнивый покой утомительному изслѣдованію, стали отступать въ свои всегдашнія зимнія квартиры—въ мистицизмъ; эмпирики иронически улыбались; а въ сущности антиноміи Канта были основаны на одномъ формальномъ противорѣчіи и на насильственномъ раздвоеніи истины; вскорѣ наука обличила это.

Но если мы сравнимъ противорѣчія, поставленныя Кантомъ, съ противорѣчіями, встрѣчающимися въ сознаніи современнаго человѣка, то увидимъ, что отъ послѣднихъ не такъ легко отдѣлаться: они прокрались во всѣ наши убѣжденія, исказили весь нравственный бытъ. Они упорны, какъ всѣ явленія полусознательныя и, слѣ-

¹⁾ Статья эта была напечатана въ «Современникѣ» 1847 года. Случайно въ моихъ бумагахъ остались рукописи этой статьи и другой, также напечатанной въ «Современникѣ»: «*Объ историческомъ развитіи чести*»; сличая ихъ, можно вполне оцѣнить отеческое попеченіе цензуры того времени; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что отъ 1843 до 1848 была самая либеральная эпоха николаевского царствованія.—А. И. Г.

довательно, полусостоящія въ волѣ человѣка (человѣкъ дѣйстви- тельно свободенъ только въ томъ, что вполне понимаетъ); они трудно уловимы, безпрестанно мѣняютъ платье, форму, языкъ, по временамъ до того притихаютъ, что становятся незамѣтными, но преупорно остаются при своей задней или, лучше, дряхлой мысли. Тѣмъ опаснѣ эти противорѣчія, что они почти всегда скрыты за туманомъ внутреннихъ чувствъ, что они избѣгаютъ рѣзко выска- заннаго имени, что, наконецъ, знамя, выставленное ими съ вели- чайшей добросовѣстностью, прикрываетъ совсѣмъ иное содержаніе. Рядомъ такихъ противорѣчій, утомительныхъ, ироническихъ, оскор- бительныхъ, проходитъ озабоченное человѣчество передъ нашими глазами, льетъ свои слезы, льетъ свою кровь, мучится, спорить, становится съ той или другой стороны, думаетъ примирить, ду- маетъ побѣдить,—не можетъ и вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнью, склоняетъ усталую голову подъ то или другое ярмо пред- разсудковъ. Но кто же ставитъ, кто поддерживаетъ это ярмо? Его никто не ставитъ и никто не поддерживаетъ. Заблужденія разви- ваются сами собою,—въ основѣ ихъ лежитъ всегда что-нибудь истин- ное, обросшее слоями ошибочнаго пониманія, какая-нибудь простая житейская правда; она мало-по-малу утрачивается, между прочимъ, потому что выражена въ формѣ, несвойственной ей; а вѣками ско- пившаяся ложь, сѣдая отъ старости, опираясь на воспоминанія, пе- реходитъ изъ рода въ родъ. Боратынскій превосходно назвалъ пред- разсудокъ обломкомъ древней правды. Эти обломки составляютъ одно начало для противорѣчій, о которыхъ мы говоримъ, по другую сторону ихъ—отрицаніе, протестъ разума. Развалины эти поддер- живаются привычкой, лѣнью, робостью и, наконецъ, младенчествомъ мысли, не умѣющей быть послѣдовательною и уже развращенной принятіемъ въ себя разныхъ понятій безъ корня и безъ оправданія, рассказанныхъ добрыми людьми и принятыхъ на честное слово. Это совершенно противно духу мышленія, но оно очень легко: вмѣсто труда и пота—органъ слуха, вмѣсто логической наготы— готовое богатство, вмѣсто нравственной отвѣтственности передъ самимъ собою—младенческая зависимость отъ внѣшняго суда.

Но не должно забывать, что и сознаніе, что и трудъ мысли имѣетъ свою сильно увлекательную прелесть; а потому, кромѣ не- счастной, отстраненной нуждою и работою толпы да кромѣ пре- сытившейся и утонувшей въ нѣгѣ другой толпы, почти никто не остается спокойно при готовыхъ понятіяхъ; это просто неесте- ственно человѣку, у котораго мысль сколько-нибудь возбуждена; но хотѣть мыслить, но любить и желать истины—еще не все,— тутъ и открываются трагико-логическія столкновенія, скорбныя

и мучительныя противорѣчія. Всмотритесь въ нравственный бытъ современнаго человѣка,—вы будете поражены противорѣчїями, глубоко и до поры до времени мирно лежащими въ основѣ всѣхъ его дѣлъ, мыслей, чувствъ; это одна изъ самыхъ рѣзкихъ, отличительныхъ чертъ нашего образованія. Отсюда желаніе сохранить разомъ науку со всѣми ея правами, съ ея притязаніемъ на самозаконность разума, на дѣйствительность вѣдѣнія, и всѣ романтическія выходки противъ разума, основанныя на неопредѣленномъ чувствѣ, на темномъ голосѣ; отсюда желаніе воспользоваться всѣми благами современнаго и будущаго, не утрачивая ни одного блага прошедшаго, несмотря на то, что сознаніе несправедливости послѣдняго—единственное условіе водворенія первыхъ. Слѣдствія этой шаткости, этого колебанія—тѣ, которыхъ надобно было ожидать: поразительная смѣлость въ посылкахъ и поразительная робость въ силлогизмѣ, удалъ въ отвлеченїяхъ и несостоятельность въ приложенїяхъ. Наконецъ, отсюда же истекаетъ потребность возстать всѣми силами противъ этого не мужественнаго, ложнаго, стертаго направленія.

Наука, выросшая вдали отъ жизни, за стѣнами аудиторій, держалась большею частію въ отвлеченїяхъ, говорила свысока, языкомъ труднымъ и въ то же время неопредѣленнымъ, которымъ она столько же высказывалась, сколько скрывалась; въ ея распущенныя, не замкнутыя категорїи вносили все, что хотѣли, придавая грубому матеріалу, захваченному съ улицы, современный лоскъ и отливая его въ логическія формы. Такое неустройство продолжаться не можетъ; время такихъ себяобольщеній прошло; теперь труднѣе безнаказанно и шутя плавать по поверхности науки, играть ея истинами: ея основы глубоки, а глубь тянетъ въ себя; надобно опуститься съ головою или выходить по добру, по здорову на берегъ и оставить науку и себя въ покоѣ; оно, можетъ быть, и лучше, кому это возможно. Блаженъ, говоритъ Пушкинъ,

Кто, хладный умъ уgomонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Отойти еще легко, но, дѣйствительно, трудно становится долго продержаться Колоссомъ Родосскимъ—одна нога на берегу, другая на другомъ: берега все болѣе и болѣе раздвигаются. Да и зачѣмъ эта двойственность? «Будь то или другое»,—какъ говорилъ Іоаннъ. Въ этомъ отношеніи скажемъ смѣло: хвала дерзкому языку, которымъ съ нѣкотораго времени заговорила наука нашего вѣка: это кончитъ поскорѣе всѣ недоразумѣнія. Ей не нужно скрываться, у

ней совѣсть чиста; пора говорить просто, ясно; пора все говорить, насколько это возможно. Половина поклонниковъ современной мысли непременно отойдетъ,—что за бѣда? Кто отойдетъ, тотъ былъ чужой, тотъ былъ обмануть. Оставлятъ что-либо не договореннымъ, значитъ оставлятъ возможность ложнаго пониманья; надобно, напротивъ, предупреждать всякое двусмысленное выраженіе,—этого требуетъ честность въ наукѣ. Таковъ языкъ Спинозы. Можно съ нимъ ни въ чемъ не соглашаться, но нельзя не остановиться съ уваженіемъ передъ этой мужественной и открытой рѣчью, и вотъ разгадка, почему его въдесятеро болѣе ненавидѣли, чѣмъ другихъ мыслителей, говорившихъ то же, что и онъ.

Говорить языкомъ откровеннымъ можетъ всякій благородный человѣкъ, имѣющій право говорить, но говорить языкомъ совершенно простымъ бываетъ, не скажу—невозможно, но трудно при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Современна слагающееся возрѣніе на жизнь сложно; взятое съ боя, выработанное въ мучительной борьбѣ, въ отрицаніяхъ и лишеніяхъ, не конченное, наконецъ, оно трудно уловляется въ какой-нибудь маленькой кодексъ, въ нѣсколько общихъ мѣстъ, громкихъ словами и скудныхъ содержаніемъ; можетъ быть, оно трудно уловляется оттого, что его требованія и выше и многостороннѣе требованій прежнихъ моралистовъ и юристовъ. Несмотря на это, новое возрѣніе имѣетъ не только свою опредѣленность, но и свой инстинктъ, который никогда не обманетъ того, кто совѣстливо выработалъ себѣ смыслъ его и кто понятое оставилъ не въ отвлеченіи, а принялъ въ мозгъ и кровь. При всемъ этомъ можно бы было просто передавать многое, если-бъ просто понимали; но главное препятствіе въ томъ, что каждый является съ готовыми убѣжденіями, воспитавши въ себѣ возможность спокойно укладывать въ головѣ самую крутую противорѣчія. Что дѣлать съ такими умами? Задача тутъ измѣняется, вопросъ становится не педагогическій, а патологическій. Кто *не все* исторгнулъ изъ груди не оправданное разумомъ, тотъ не свободенъ и можетъ дойти до того, что отвергнетъ *весь* разумъ. Беранже говоритъ, что его муза прекапризная: за малѣйшій кончикъ галуна начинаетъ бѣситься и кричать ¹⁾. Его муза права; дѣло не въ сажени и не въ вершкѣ галуновъ, а въ галунахъ вообще.

Обернитесь, куда хотите, въ психическомъ быту нашемъ—въ вездѣ найдете эту борьбу сознанія съ привычкой, мысли съ раз-

¹⁾ Цензура пропустила: A bas la livrée! ^{o)}—А. И. Г.

^{o)} Долой ливрею!

сказомъ, логики съ преданіемъ, ума съ дѣломъ, философіи съ исторіей. За примѣрами далеко ходить нечего.

Люди испоконъ вѣка или, по крайней мѣрѣ, съ Троянской войны толкуютъ о нравственной независимости, о стремленіи къ ней, о ея достоинствахъ и прелестяхъ, однако, не вкушаютъ этихъ прелестей, потому что они несравненно болѣе привязаны (хоть и не хвастаются этимъ) къ авторитетамъ, къ внѣшнимъ велѣніямъ, къ указаніямъ, нежели къ нравственной свободѣ. Любовь къ нравственной свободѣ — чисто платоническая, идеальная; по ней вздыхаютъ, о ней говорятъ въ ученыхъ предисловіяхъ и въ академическихъ рѣчахъ, ей поклоняются пламенная души, но на благородной дистанціи. Людямъ страшна отвѣтственность самобытности; любовь ихъ къ нравственной независимости удовлетворяется вѣчнымъ ожиданіемъ, вѣчнымъ стремленіемъ; они скромно рвутся, воздержно стремятся къ предмету желаній и чувствительно вѣрятъ, что ихъ желанія осуществляются, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ; такая вѣра утѣшаетъ и миритъ ихъ съ настоящимъ, — чего же лучше? Вспомнимъ при этомъ грубыхъ и дикихъ средневѣковыхъ рыцарей, съ своимъ гордымъ и воинственнымъ видомъ слушающихъ благочестиваго капеллана и его поученія о смиреніи, о нищетѣ. Они слушаютъ и глубоко горюютъ о томъ, что все это не исполняется... а если-бъ?... не такъ бы пришлось горевать имъ. Милая, наивная логика!

Съ своей стороны, любовь къ умственному авторитету — вовсе не платоническая, а обыкновенная супружеская, *d'un mariage de raison* ¹⁾, такая любовь, въ которой мечтами и поэзіей пожертвовано для домашнихъ удобствъ, для экономіи, для порядка, для лѣни. Лѣнь и привычка — два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ представляетъ, собственно, опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними или безумными, лишь бы ихъ взяли подъ опеку и дали бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное — не думать и заниматься вздоромъ. Правда, люди боятся умственной неволи, особенно, когда пилюля не позолочена, когда она груба, нагла, но они вдвое больше боятся отсутствія авторитета, т. е. простоты, шири, которая тогда дѣлается; они знаютъ, что человѣкъ слабъ, того и смотри — избалуется.

¹⁾ Брака по расчету.

Внѣшній авторитетъ несравненно удобнѣе: человѣкъ сдѣлалъ скверный поступокъ—его пожурили, наказали, и онъ квити, будто и не дѣлалъ своего поступка; онъ бросился на колѣни, онъ попросилъ прошенія,—его, можетъ, и простятъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ оставленъ на самого себя: его мучить униженіе, что онъ отрекся отъ разума, что онъ сталъ ниже своего сознанія, ему предстоитъ трудъ примириться съ собою не слезливымъ раскаяніемъ, а мужественною побѣдою надъ слабостью. Но побѣды эти не легки. Первое дѣло, за которое принимаются люди, отбросивъ одинъ умственный авторитетъ,—принятіе другого, положимъ, лучшаго, но столько же притѣснительнаго, а если забыть его содержаніе, то и не лучшаго, по очень простой причинѣ: потому что и люди сдѣлались лучше; слѣдовательно, отношеніе осталось то же. Китаецъ, которому дадутъ пятьсотъ бамбуковъ за нарушеніе какой-нибудь изъ десяти тысячъ церемоній, столько же ими огорчится, сколько французъ, котораго драму запретятъ играть самымъ учтивѣйшимъ образомъ ¹⁾. Даже такіе привилегированные эмансипаторы, какъ Вольтеръ, умѣя кощунствовать надъ религіей, оставались просто идолопоклонниками *своихъ вымысловъ и призраковъ* ²⁾.

Моралисты часто умилительно говорятъ о гибельномъ пороцѣ властолюбія; властолюбіе, какъ и всѣ прочія страсти, доведенное до крайности, можетъ быть смѣшнымъ, печальнымъ, вреднымъ, смотря по кругу дѣйствій, но властолюбіе само по себѣ вытекаетъ изъ хорошаго источника—изъ сознанія своего личнаго достоинства; основываясь на немъ, человѣкъ такъ бодро, такъ смѣло вступалъ вездѣ въ борьбу съ природой и развилъ въ себѣ ту гордую нескнетаемость, которая насъ поражаетъ въ англичанинѣ. Къ тому же въ нѣсколько устроенномъ обществѣ властолюбіе, какъ дикая страсть,

¹⁾ «Переходъ отъ авторитета къ авторитету похожъ на то, что дѣлали встарь наши крестьяне: они пользовались Юрьевымъ днемъ только для того, чтобъ по собственному выбору избрать барина, нѣсколько лучше».—А. И. Г.

²⁾ «какой-то естественной и пренелѣпой религіи. Вольтеръ, точно такъ, какъ в послѣдствіи Робеспьеръ, испугался прямого результата своихъ проповѣдей. Они лучше хотѣли выдумать искусственный авторитетъ, нежели оставить людей не подвластными. Нужно ли говорить о всей сухости, всей безнравственности всего неуваженія къ истинѣ и всего презрѣнія къ людямъ, проглядывающей сквозь такое воззрѣніе. Тотъ, кто безъ вѣры хочетъ поработить другого чему-нибудь, тотъ самъ поработенъ, рабъ и плантаторъ вмѣстѣ. Кто далъ имъ право скрывать истину подъ спудомъ, если они были въ самомъ дѣлѣ призваны ее свидѣтельствовать, и что за самоуниженіе сказать, что человѣкъ не долженъ, не можетъ знать истины! Религія никогда не шла этимъ путемъ явнаго обмана».—А. И. Г.

является такъ рѣдко, что едва ли стоитъ о немъ говорить. Совсѣмъ иное дѣло умалчиваемая моралистами любовь къ подвластности, къ авторитетамъ, основанная на самопрезрѣннн, на уничтоженіи своего достоинства,—она такъ обща, такъ эпидемически поражаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлые народы, что о ней стоило бы поговорить, но они молчатъ! Считать себя глупымъ, неспособнымъ понять истины, слабымъ, презрѣннымъ, наконецъ, и получающимъ все свое значеніе отъ чего-нибудь внѣшняго,—неужели это добродѣтель? «Я теперь остался круглымъ сиротой, нѣтъ ни отца, ни матери»,—говорилъ мнѣ одинъ *чиновникъ*¹⁾ лѣтъ пятидесяти; онъ въ эти лѣта и совершивъ уже общественную тягу, понимаетъ себя безъ отца и матери *сиротою*, а не самобытнымъ, на своихъ ногахъ стоящимъ человѣкомъ. Не смѣйтесь надъ нимъ: также не самобытна большая часть самыхъ развитыхъ людей; вы у каждого найдете какое-нибудь карманное идолопоклонство, какое-нибудь дикое понятіе, унаслѣдованное отъ няньки и спокойно прожившее лѣтъ тридцать съ возрѣніемъ, вовсе несвойственнымъ нянькамъ, и, наконецъ, хоть какой-нибудь авторитетъ, безъ котораго онъ пропалъ, безъ котораго онъ—круглая сирота. Вотъ какъ трепещутъ передъ палкой, къ которой привязана козлиная борода, это—ихъ шайтанъ. Нѣмцы трепещутъ передъ страшными призраками своей науки. Конечно, отъ грубаго вотяцкаго шайтана до шайтана нѣмецкой философіи большой шагъ, но родственныя черты не мудрено раскрыть между ними. «Я вижу на твоёмъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ»,—сказалъ Кентъ безумному Лиру. А мы можемъ сказать многимъ, кичащимся своею умственной независимостью: «Я вижу на твоёмъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ!».

II.

Нѣтъ той всеобщей, истинной мысли, изъ которой бы вмѣсто расширенія круга дѣйствій человѣкъ не сплелъ веревку для того, чтобъ ею же потомъ перевязать себѣ ноги,—а если можно, то и другимъ,—такъ что свободное произведеніе его творчества дѣлается карательною властью надъ нимъ самимъ; нѣтъ того истиннаго, простаго отношенія между людьми, котораго бы они не превратили во взаимное порабощеніе: любовь, дружба, братство, соплеменность, наконецъ, самая *любовь къ волѣ* послужили неизсякаемыми источниками нравственныхъ притѣсненій и неволи. Мы здѣсь вовсе не

¹⁾ Въ текстѣ: безсрочно отпускной солдатъ.—А. И. Г.

говоримъ о внѣшнихъ стѣсненіяхъ, а о боязливой, теоретической совѣсти людей, о стѣсненіяхъ внутреннихъ, добровольныхъ, отогрѣваемыхъ въ собственной груди, о трепетѣ передъ послѣдствіемъ, о боязни передъ правдой. Человѣкъ стоитъ безпрестанно на колѣняхъ передъ тѣмъ или другимъ,—передъ золотымъ тельцомъ или передъ внѣшнимъ долгомъ; всего чаще, онъ, какъ извѣстный своей разсѣянностью графъ Остерманъ, склоняется передъ своимъ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ, передъ фатой-морганой, отражающей ему его самого. Потребность чтить, уважать такъ сильна у людей, что они безпрестанно что-нибудь уважаютъ внѣ себя: отца и мать, повѣрія своей семьи, нравы своей страны, науку и идеи, передъ которыми они совершенно стираются. Все это, допустимъ, и хорошо и необходимо, но дурно то, что имъ въ голову не приходитъ, что и внутри ихъ есть достойное уваженія, что они, не краснѣя, вынесутъ сравненіе со всѣмъ уважаемымъ; они не понимаютъ, что человѣкъ, презирающій себя, если уважаетъ что-либо, то ужъ онъ въ прахъ передъ уважаемымъ, его рабъ; что онъ уже преступилъ святую заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира».

И между тѣмъ, дѣйствительно, все превращается въ кумирь; даже логическую истину, даже самую свойственную человѣку форму жизни превращаетъ человѣкъ себѣ въ тяжкій долгъ,—онъ заставляетъ себя насильственно повиноваться своему собственному побужденію,—такъ въ немъ искажены всѣ понятія ¹⁾). Если долгъ мною сознанъ, то онъ—столько же силлогизмъ, выводъ, мысль, которая меня не тѣснитъ, какъ всякая истина и котораго исполненіе мнѣ не жертва, не самоотверженіе, а мой естественный образъ дѣйствія: мнѣ никто не запрещалъ говорить, что $2 \times 2 = 5$, но я противъ себя не могу этого сказать. Дѣло все состоитъ въ томъ, что моралисты главнымъ основаніемъ своего ученія кладутъ глубокою истину, что человѣкъ отъ природы злодѣй и извергъ, изъ чего и выводятъ, *что онъ долженъ быть добродѣтеленъ*. Отчего же ни одинъ звѣрь не имѣетъ отъ природы развратныхъ побужденій, т. е. такихъ, которыя были бы несвойственны и вредны его формѣ бытія? Странная была бы исключительная привилегія человѣка (*homo sapiens!*) быть въ противорѣчій съ своими опредѣленіями, съ своимъ родовымъ значеніемъ и притягиваться къ нему на арканѣ. Если-бъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то надлежало бы заключить, что

¹⁾ Но этого мало; не одной покорности требуютъ моралисты, не одного вещественнаго исполненія *того, что* называютъ долгомъ (потому что содержаніе его до капризности многообразно), но еще, чтобъ внутри души своей человѣкъ считалъ внѣшній долгъ, хотя и противъ своихъ убѣжденій, за безусловно-нравственную истину.—А. И. Г.

или человѣкъ нелѣпъ, или что долгъ нелѣпъ, т. е. не выражаетъ его назначенія. Быть *человѣкомъ* въ человѣческомъ обществѣ—вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитіе внутренней потребности; никто не говоритъ, что на пчелѣ лежитъ священный долгъ дѣлать медъ; она его дѣлаетъ потому, что она—пчела. Человѣкъ, дошедшій до сознанія своего достоинства, поступаетъ человѣчески потому, что ему такъ поступать естественнѣе, легче, свойственнѣе, приятнѣе, разумнѣе; я его не похваляю даже за это,—онъ дѣлаетъ свое дѣло, онъ не можетъ иначе поступать, такъ, какъ роза не можетъ иначе пахнуть. «Поэтому всѣ сознательные люди будутъ героями добродѣтели, самоотверженія и проч.»¹⁾ Нисколько. Дѣлать героическіе подвиги принадлежитъ натурѣ героической такъ, какъ творить художественныя произведенія принадлежитъ поэту. Но не дѣлать ничего противочеловѣческаго принадлежитъ всякой человѣческой натурѣ, для этого не требуется даже много ума; никому не даю я права требовать отъ меня героизма, лирическихъ поэмъ и пр., но всякому принадлежитъ право требовать, чтобъ я его не оскорбилъ и чтобъ я не оскорблялъ его оскорбленіемъ другого. Человѣкъ, не дошедшій до сознанія,—дитя, больной, неполный человѣкъ, недоросль; онъ внѣ закона нравственнаго, потому что онъ его не понимаетъ своимъ закономъ; за это, хотя онъ и вѣренъ своей степени развитія, покоряясь страстямъ больше разума, его должно силою заставить покориться, на томъ основаніи, на которомъ приказываютъ дѣтямъ исполнять волю старшихъ, или, если хотите, изъ тѣхъ началъ, по которымъ сажаютъ сумасшедшаго на цѣпь. Сомнительно, чтобъ внѣшнія мѣры исправили кого-нибудь, но онѣ держатъ въ страхѣ,—и цѣль достигнута. Уголовные законы составляются въ пользу общества, а не въ пользу преступника ¹⁾. Здѣсь дѣло въ томъ, чтобъ заставить лицо исполнить общую волю, и въ большей части случаевъ развитой человѣкъ ей уступить, если не по охотѣ, то по расчету: онъ долженъ покориться, потому что онъ слабѣйшій; имѣй онъ достаточно силы, онъ вышелъ бы на борьбу съ ложнымъ, въ его глазахъ, началомъ такъ, какъ Сократъ. Лицо можетъ столько же забѣжать противъ общества, сколько отстать; въ обоихъ случаяхъ можно обуздать,

¹⁾ О пользѣ преступнику толкуютъ изъ того же лицемѣрія, о которомъ мы столько говорили. Разумѣется, что этимъ путемъ общество можетъ подавить и праваго, и всегда побьетъ слабого; впрочемъ, Гуссъ былъ казненъ, а Лютеръ самъ казнился. Человѣкъ, вступающій въ борьбу съ обществомъ,—или правѣе его, и тогда онъ—революціонеръ, или общество правѣе его, и тогда онъ—преступникъ, и общество беретъ всѣ мѣры, чтобъ оградиться отъ него.—А. И. Г.

понудить лицо, по мѣрѣ его дѣяній и ихъ несоотвѣтственности съ общепринятымъ, но это—вовсе не выгода и прелесть общественной жизни, а необходимость ея, ея невыгода, жертва, которую лицо приноситъ ей, а жертва никогда не бываетъ наслажденіемъ,—я, по крайней мѣрѣ, не знаю радостныхъ жертвъ, потому что радостная жертва—вовсе не жертва. Но моралисты вздумали придать какой-то абсолютно высокій характеръ обыкновеннымъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя не болѣе, какъ справедливы въ юридическомъ смыслѣ и необходимы для столкновеній въ обществѣ. Представляя себѣ слишкомъ отвлеченно и односторонне идею долга, они захотѣли, чтобъ и въ политическомъ мѣрѣ человѣкъ предупредительно, добровольно жертвовалъ собою и всѣмъ своимъ...

III ¹⁾.

Ничто въ свѣтѣ не поддерживаетъ такъ сильно людей въ искаженномъ пониманіи, какъ нашъ условный и до крайности невѣрный языкъ; мы нехотя безпрестанно лжемъ, мы говоримъ готовыми типами, и типы эти беремъ изъ двухъ совершенно прошедшихъ міросозерцаній—римскаго и феодальнаго; мы словами своими мѣшаемъ понимать просто и ясно свою же мысль. Это и грустно, и досадно, и смѣшно!

Что такое эгоизмъ? сознание моей личности, ея замкнутости; ея правъ? Или что-нибудь другое? Гдѣ оканчивается эгоизмъ и гдѣ начинается любовь? Да и дѣйствительно ли эгоизмъ и любовь противоположны, могутъ ли они быть другъ безъ друга? Могу ли я любить кого-нибудь не для себя, могу ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ*, удовольствія? Не есть ли эгоизмъ одно и то же съ индивидуализаціей, съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли? Всего меньше эгоизма въ камнѣ,—у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ; онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человѣка; не сливается ли онъ съ высшей гуманностью у образованнаго?

Вы думаете, что моралисты разрѣшили эти вопросы? нѣтъ, они отдѣлываются доблестнымъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ—значительный порокъ: имъ

¹⁾ Въ текстѣ: «— Кто для кого: личность для общества или общество, государство для лица?

— Безъ сомнѣнія, лицо для государства, иначе что же это будетъ—*эгоизмъ, своеволие!*

— Я совершенно, совершенно согласенъ съ вами».—А. И. Г.

это довольно; ихъ безпорочная натура мечеть громы на него и не унижается до пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобъ именно на эгоизмъ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человѣческаго, создать житейскую мудрость и разумныя отношенія людей, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т. е. скрыть *die feste Burg* ¹⁾ человѣческаго достоинства и сдѣлать изъ человѣка слезливаго, сентиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство. Слово *эгоизмъ*, какъ слово *любовь*, слишкомъ общи: можетъ быть гнусная любовь, можетъ быть высокій эгоизмъ и—обратно. Эгоизмъ развитого, мыслящаго человѣка благороденъ: онъ-то и есть его любовь къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и проч.; любовь ограниченнаго дикаря, даже любовь Отелло—высшій эгоизмъ. Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастью, это невозможно и напоминаетъ только того почтеннаго моралиста, который отучилъ свою лошадь отъ эгоистической привычки ѣсть и очень сердился, что она умерла, какъ только стала отвывать отъ пищи...

Что мы сказали объ эгоизмѣ, то же должно сказать о своеволии. *Мининъ началъ своевольно великое дѣло возстанія противъ чужеземную порабощенія* ²⁾. Неужели его своеволие похоже на своеволие пьяницы, придирающагося къ прохожимъ? ³⁾ Я полагаю, что *разумное признаніе своеволия есть высшее нравственное признаніе человѣческаго достоинства, что до него и домогаются всѣ* ⁴⁾. Отчего эти недоразумѣнія, этотъ смутный хаосъ понятій? Отъ дурной привычки брать и понятія и слова безъ анализа, благо, мы унаслѣдовали ихъ отъ схоластики. Жизнью люди стали выше этой унижающей точки зрѣнія, но изъ учтивости и по скверной привычкѣ остаются при старомъ языкѣ, и таково странное право словъ: мы чувствуемъ, что неладно, что не такъ выражаемся, но не языкъ

¹⁾ Укрѣпленная цитадель.

²⁾ Въ текстѣ: «Вильберфорсъ ^{о)} началъ своевольно хлопотать объ освобожденіи негровъ и послѣ долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ—достигъ желаемаго».—А. И. Г.

³⁾ «Да и потомъ, что же за нравственная обязанность быть подъ авторитетомъ *чужеволія?*».—А. И. Г.

⁴⁾ «Я полагаю, что своеволие есть высшая нравственная среда, что до нея и домогаются всѣ».—А. И. Г.

^{о)} Вильямъ, сынъ купца; первымъ внесъ въ англійскій парламентъ (1789 г.) билль о полномъ уничтоженіи торговли невольниками-неграми.

отбрасываемъ, а принимаемъ превратный образъ. Мы перетасили изъ средневѣковаго міра натянутую, романтико-мистическую обстановку всѣхъ наипростѣйшихъ истинъ и затемнили ихъ. Обстановка эта всему придаетъ, какъ освѣщеніе бенгальскимъ огнемъ, странный и изуродованный видъ. Мораль наша еще въ феодальной одеждѣ, но уже въ полинялой и истасканной; ея оружія заржавѣли и притупились, утратили свою рѣзкость и сдѣлались площе. Слагающаяся новая жизнь, не признанная въ сферѣ морали,—почва, совершенно неудобная для такихъ сѣмянъ. Она и не пустила корней. Возьмите обыкновенную свѣтскую мораль,—все это до такой степени не истинно, перемѣшано изъ разныхъ началъ, такъ нелѣпо, шатко, бѣдно, что жаль видѣть добросовѣстную преданность проповѣдующихъ ее. Когда для морали былъ одинъ источникъ—религія, тогда она была послѣдовательна: она стройно шла изъ одного начала. Новый человѣкъ, этотъ Криспинъ ¹⁾, слуга двухъ господъ, хочетъ сохранить выводы прежней морали, но источникомъ ей поставилъ отвлеченный долгъ. Можете себѣ представить плоды такой логики! Отшатнувшись отъ твердаго берега, люди испугались; имъ, привыкшимъ къ мрачнымъ сводамъ, къ освѣщенію свѣчами, къ сырому испаренію каменныхъ стѣнъ, сдѣлалось невыносимо тяжело на чистомъ полѣ отъ воздуха, отъ солнца, отъ отсутствія стѣнъ, отъ безграничной дали и возможности итти во всѣ стороны. Со страху они построили на скорую руку досчатый балаганъ нашей морали и подумали, что это новый храмъ, въ то время, какъ въ сущности этотъ балаганъ — не что другое, какъ временный лазаретъ.

Желаніе выйти изъ романтизма ощутительно, но робко покидаемъ мы его; насъ гнететъ вліяніе пугающихъ мечтаній и привычныхъ грезъ, и мы равно не имѣемъ геройства ни воротиться къ средневѣковымъ воззрѣніямъ, ни пожертвовать ими; мы краснѣемъ еще при мысли, что у насъ есть тѣло, и не вѣримъ, что мы духи; у насъ въ памяти глубоко вкоренились клеветы, подъ вліяніемъ которыхъ мы думаемъ нашу думу, и готовые образы, отъ которыхъ мысль наша отстать не можетъ. Съ грустью говорилъ ужъ объ этомъ Гегель; вотъ слова его: «Мы всѣмъ нашимъ образованіемъ погружены въ фантастическія представленія, которыя трудно переступить. Древніе мыслители были совсѣмъ не въ томъ положеніи; обычные къ чувственному созерцанію, они не имѣли ничего впередъ идущаго, кромѣ небесъ сверху и земли внизу. Мысль вольно ширилась и сосредоточивалась въ этомъ мірѣ, и сосредоточивалась

¹⁾ Криспинъ, святой западной церкви III вѣка; кралъ кожу, чтобы безплатно снабжать бѣдняковъ обувью.

свободная отъ всякаго даннаго содержанія: это было вольное выплываніе въ ширь, гдѣ ничего нѣтъ ни подѣ нами, ни надѣ нами, гдѣ мы остаемся наединѣ съ собою» (Encyclop. Tom. I)...

С. Соколово. Іюль 1846 года.

IV ¹⁾.

Есть слова, понятія, опозоренныя, не смѣющія явиться въ порядочное общество такъ, какъ не смѣетъ въ него явиться палачъ, отвергаемый людьми за то, что исполняетъ ихъ волю. Что подумали бы о человѣкѣ, который поднялъ бы, на примѣръ, рѣчь въ защиту *пристрастія* и сказалъ бы, что *пристрастіе* настолько выше *справедливости*, насколько *любовь* выше *равнодушія*?

Здѣсь опять не можетъ быть и рѣчи о томъ, что всякое *пристрастіе* выше всякой *справедливости*,— главное дѣло въ томъ, во *имя чего* человѣкъ *пристрастенъ*.

— Нѣтъ, все равно,—для чего бы человѣкъ ни былъ *пристрастенъ*—онъ поступаетъ безчестно, слабодушно!

Хорошо, что такія вещи только говорятъ, а дѣлаютъ совсѣмъ иное.

Справедливость въ человѣкѣ, не увлеченномъ страстью, ничего не значить,—довольно безразличное свойство лица, подтверждающаго, что днемъ день, а ночью ночь. Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ, безличныхъ сужденій нашихъ (математическихъ, химическихъ, физическихъ) лежитъ *справедливость*, но въ основѣ всего личнаго, любви, дружбы лежитъ *пристрастіе*. Бракъ основанъ на *пристрастномъ* предпочтеніи одной женщины всѣмъ остальнымъ, одного мужчины—всѣмъ прочимъ. Предпочтеніе, которое мать оказываетъ своему ребенку,—вопіющее *пристрастіе*; мать, которая была бы только *справедлива* къ дѣтямъ, могла бы служить образцомъ сухого и бездушнаго существа. Семейная *любовь*—такое же *пристрастіе*, не выдерживающее критики, какъ *любовь* къ отечеству. Строго *справедливъ* космополитъ. *Справедливъ* человѣкъ, ничего не любящій особенно; мизантропъ очень недурно выразился, сказавши: «L'ami du genre humain ne peut pas être le mien» ²⁾. Разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не о другѣ *человѣчества*, а о другѣ со всѣми на свѣтѣ, то есть ни съ кѣмъ въ особенности.

¹⁾ Этого параграфа вовсе не было напечатано.—А. И. Г.

²⁾ Другъ всего рода *человѣческаго* не можетъ быть моимъ другомъ. «Мизантропъ» Мольера.

Фанатическій мечтатель Сень-Жюсть пошелъ далѣе мизантропа (онъ вообще не останавливался передъ послѣдствіями, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось кому-нибудь или ему самому потерять голову) и требовалъ, чтобъ гражданина, не имѣющаго друга въ тридцать лѣтъ, лишать правъ гражданства, какъ чело-вѣка, не имѣющаго способности быть пристрастнымъ.

«Справедливость прежде всего» — говорятъ французы; съ этимъ можно согласиться, лишь бы любовь была въ концѣ всего. *Pergeat mundus et fiat justitia* ¹⁾, говорятъ по-латыни нѣмцы, и съ этимъ нельзя согласиться, потому что антитезисъ дурно выбранъ. Нѣмцы — странный народъ: мало того, что они имѣютъ Аѳины въ Берлинѣ, Аѳины въ Мюнхенѣ, они хотятъ еще на порожніе пьедесталы греческихъ боговъ поставить свои тощія метафизическія привидѣнія; греческіе боги — чего нѣтъ другого — были разбитные люди, любили весело пировать, пили безмѣрно амброзію, собой были красивы да и не то, чтобы слишкомъ цѣломудренны, — самъ старикъ Зевсъ за-вертывался иногда съ волоокой Герой облакомъ (простодушный Го-меръ думаетъ, что это онъ отъ людей прятался, а мнѣ кажется, просто отъ Ганимеда). На ихъ-то вакансіи берлинскіе аѳиняне хотятъ помѣстить свои трансцендентальныя абстракціи безъ тѣла и жизни, а тоже — со строгостями.

«Идея — все, чело-вѣкъ — ничего. Всеобщему надобно жертвовать частнымъ». Если слушать и принимать все за чистыя деньги, то можно подумать, что нѣмцы — худшіе террористы въ мірѣ, готовые жертвовать лицами, поколѣніями. На дѣлѣ нѣмецъ жертвуетъ всѣмъ міромъ и всѣми идеями въ пользу тихой, семей-ной жизни съ подругою дней и ночей, которая останется ему вѣрна лѣтъ сорокъ при жизни да лѣтъ двадцать послѣ его смерти; въ пользу вечеровъ въ палисадничкѣ, куда приходитъ ученый другъ, также занимающійся филологіей, читать вмѣстѣ Эукидида или что-нибудь такое современное. У нихъ подобнаго рода выходки до того безвредны, что имъ позволено ихъ высказывать и печатать въ тол-стыхъ книгахъ; всѣ знаютъ, что нѣмецъ скорѣе переведетъ Рот-тека ²⁾ на санскритскій языкъ, нежели теоретическую мысль — на практику; бѣда въ томъ, что вся Европа стала читать по-нѣмецки. Вотъ какъ французы примутся писать комментаріи къ такимъ идеямъ, того и смотри, что попадешь на фонарь, — французы на-родъ веселый, а шутить не любятъ. Нѣмцы вовсе не веселый на-родъ, а шутятъ шутки нехорошія; они и не подумали, что если

¹⁾ Да погибнетъ міръ и свершится справедливость.

²⁾ Германъ, профессоръ философіи во Фрейбургѣ.

mundus погибнетъ, а justitia останется, гдѣ будетъ мюнхенская пинакотека и гиссенская лабораторія?

Люди любятъ декорацию; они и въ истинѣ видятъ одну эффектную сторону,—зади хоть трава не расти; а *истинныя* истины только кубическія, и всѣ три измѣренія имъ необходимы.

Разумѣется, есть отношенія, по которымъ всеобщее важнѣе частнаго; личность, противодѣйствующая всеобщему, попадаетъ на глупое положеніе человѣка, бѣгущаго съ лѣстницы въ то самое время, какъ густая колонна солдатъ подымается на нее; таковы личности тирановъ, консерваторовъ, дураковъ и преступниковъ. Но голову мнѣ было бы жаль отрубить и злодѣю; расчетъ простой: если человѣку отрубить голову, она никогда не вырастетъ, а всеобщее, какъ гидра лернская: тутъ срубили голову, а тамъ двѣ выросли.

Апостоль Павелъ не говоритъ, что любовь справедлива, а говоритъ, что она *милосерда, долготерпѣлива*. Когда въ тяжелую, въ горькую минуту раскаянія я бѣгу къ другу, я вовсе не справедливости хочу отъ него. Справедливость мнѣ обязанъ дать квартальный, ежели онъ порядочный человѣкъ; отъ друга я жду не осужденія, не ругательства, не казни, а теплаго участія и возстановленія меня любовью; отъ него я жду, что онъ половину моей ноши возьметъ на себя, что онъ скроетъ отъ меня свою чистоту.

Если я въ человѣкѣ люблю только его идею,—я не люблю человѣка, а люблю идею. Такую теоретическую симпатію можно имѣть къ книгѣ, къ художественному произведенію; но съ человѣкомъ я мало соединенъ общимъ признаніемъ нѣсколькихъ истинъ, тѣмъ болѣе, что всякій не сумасшедшій долженъ признать истину. Если-бъ достаточно было одного отвлеченнаго согласія мыслей, то всѣ умные люди были бы друзья. Не только ума недостаточно для сближенія, но даже генія: я могу благоговѣть передъ Гете, но, что бы мы съ нимъ стали дѣлать, если-бъ жизнь свела насъ? Не всякому данъ свыше талантъ быть Эккерманомъ ¹⁾ или Ласъ-Казомъ ²⁾.

Справедливость—высшее достоинство судьи, но судья перестаетъ быть человѣкомъ, пока онъ сидитъ на судейскомъ стулѣ: онъ—не погрѣшающій органъ законодательства, онъ—языкъ, но не онъ разумъ, не онъ воля, разумъ, законъ. Чѣмъ болѣе онъ вѣрить, что онъ—судья, что преступникъ—подсудимый, что въ законѣ рѣшено трудное уравненіе прошедшихъ событій съ грядущими истязаніями, тѣмъ незыблемѣе должна быть его справедливость.

¹⁾ Иоганнъ-Петръ, слѣпо поклонявшійся Гете его біографъ.

²⁾ Графъ Эммануиль, слѣпо поклонявшійся Наполеону его біографъ.

Когда люди не были такъ разборчивы, какъ теперь, и были полны наивной вѣры, они безъ малѣйшаго раздумья водили на казнь во имя всякой идеи и во имя всякаго убѣжденія. За что погибли тысячи и тысячи еретиковъ? За то, что одни увѣряли, что 2×2 — *три*, а другіе твердо знали, что 2×2 — *пять*, и жарили за это цѣлыми стадами честныхъ испанцевъ, нѣмцевъ, голландцевъ, и неумытные судьи, возвращаясь домой, говорили, «что дѣлать: справедливость выше всего, *peccat mundus et fiat justitia*»,—и кротко засыпали съ чистой совѣстью на мягкихъ подушкахъ, забывая запахъ подожженного мяса ¹⁾).

С. Соколово. Іюль 1846.

458. СТАНЦІЯ ЕДРОВО.

Въ 1842 г. въ Новѣгородѣ я написалъ двѣ статьи, сильно ходившія по рукамъ: «Москва и Петербургъ» ²⁾ и «Владиміръ и Новгородъ» ³⁾. Ни та, ни другая не были напечатаны въ Россіи. Въ 1845—46 споры о Москвѣ и Петербургѣ повторялись ежедневно или, лучше, еженочно. Даже въ театрѣ пѣли какіе-то петербургубійственные куплеты К. С. Аксакова, въ водевилѣ, въ которомъ была представлена встрѣча москвичей съ петербуржцами на большой дорогѣ ⁴⁾.

В. Драшусовъ ⁵⁾ собирался въ 1846 издавать «Московскій Городской Листокъ» и просилъ у насъ статей. У меня ничего не было, я предложилъ ему передѣлать, особенно въ *видахъ цензуры*, мою статью о «Москвѣ и Петербургѣ». «Я вамъ сдѣлаю изъ нея встрѣчу, въ родѣ Аксаковской!» Редакторъ былъ доволенъ и торопилъ меня.

— Я такъ вдохновился вашимъ почтовымъ куплетомъ,—сказалъ я Константину Сергѣевичу,—что самъ для «Листка» написалъ «станцію».

— Надѣюсь, однако, вы не *за...*

¹⁾ Конца нѣтъ въ тетради.—А. И. Г.

²⁾ Во 2 листѣ «Колокола», 1 августа 1857.—А. И. Г.

³⁾ Въ 1 кн. «Полярной Звѣзды».—А. И. Г.

⁴⁾ «Почтовая карета», водевиль, представленъ впервые 24 апрѣля 1846 г. въ Москвѣ.

⁵⁾ Владимиръ Александровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, *противъ*.

— Я такъ и ждалъ, что вы противъ.

— Да, да, только, вѣдь, притомъ противъ *обоихъ!*

1862.

I.

Отъ С.-Петербурга 334³/₄ вер.

Отъ Москвы... 342³/₄ вер.

Nel mezzo del camin ¹⁾... Здѣсь Дантъ сбился съ дороги: Едрово— именно mezzo del camin между Москвой и Петербургомъ. Конечно, въ XIII столѣтїи не мудрено было сбиться съ дороги, и я очень вѣрю, что Дантъ обрадовался, встрѣтившись подальше съ *Виргилиемъ*. Въ одиночествѣ какъ-то невесело по такой дорогѣ, особенно за 500 лѣтъ прежде, нежели она была проложена. Совершенно безъ заботы насчетъ пути я, съ своей стороны, сидѣлъ нынѣшней осенью въ этой безразличной точкѣ между двухъ великихъ центровъ, изъ которыхъ одинъ въ серединѣ, а другой съ краю, и съ душевною кротостью ожидалъ, пока мнѣ сварятъ,— что вы думаете?

— Soupe à la tortue? ²⁾

— Нѣтъ, не отгадали. Шину на колесѣ.

Дѣлать было нечего, я вспомнилъ Шиллерову резигнацію, спросилъ себѣ порцію кофе, вынулъ изъ мѣшка сигары, томикъ «*Мартина Чезльвита* ³⁾ и, какъ ожидать надобно было, не развертывалъ его. Порядочный человѣкъ можетъ читать только у себя въ комнатѣ, гдѣ всѣ предметы ему надобли; оттого добродѣтельные отцы семействъ читаютъ вслухъ многолѣтнимъ подругамъ жизни и малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ. Есть ли какая-нибудь возможность не-нѣмцу читать на станціи? Тутъ все развлекаетъ: картинная галлерей на стѣнѣ, ящики передъ окномъ, толстая трактирщица, худошавая горничная... и, наконецъ, объявленіе о цѣнахъ кушаній, которыхъ нѣтъ, и «правила, какъ себя вести приѣзжимъ». Не успѣлъ я обозрѣть всѣ эти интересные предметы,—одни и тѣ же во всѣхъ гостиницахъ и притомъ совершенно различные,—какъ подъѣхала съ петербургской стороны и съ гласомъ трубнымъ *почтовая карета*. На сей разъ она везла не подсвѣчники отвлеченныхъ мнѣній, не милые куплеты, къ которымъ едва приклеены пою-

¹⁾ Посреди дороги.

²⁾ Черепаховый супъ?

³⁾ Романъ Ч. Диккенса.

щѣ ихъ люди, а просто живыхъ людей. Сначала явился человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ, повязанный пестрѣйшимъ въ мірѣ кашнэ, съ сигарой въ зубахъ и съ маленькимъ дорожнымъ сакомъ на ремнѣ. Онъ вошелъ въ шляпѣ, употребилъ большія усилія, чтобы не замѣтить меня, подошелъ къ зеркалу и тутъ снялъ шляпу, увидѣвши въ стеклѣ знакомыя и уважаемыя черты свои; потомъ досталъ лорнетъ, вставилъ его, какъ двойную раму, въ глазъ и началъ съ презрительной миной разсматривать всѣ вещи въ комнатѣ, въ томъ числѣ и меня. Я ему, должно быть, не понравился; бросивъ два-три взгляда какъ-то подозрительно изъ-подлобья, онъ почувствовалъ ко мнѣ такое отвращеніе, что сѣлъ въ обратныя три четверти. За нимъ явился въ тепломъ сюртукѣ оскорбительно-коричневаго цвѣта сѣденькій старичокъ, съ черными зубами и съ натуральными волосами, до того похожими на парикъ, что никто не купилъ бы себѣ парика изъ нихъ. Я тотчасъ заподозрѣлъ, что онъ лѣтъ десять... нѣтъ, лѣтъ двадцать столоначальникомъ и что въ отличномъ порядкѣ ведетъ дѣла своего стола, самъ черновыя пишетъ, раньше всѣхъ приходитъ и позже всѣхъ уходитъ; теперь онъ, должно быть, ѣдетъ осматривать имѣнье: директоръ хочетъ купить, просилъ сѣздить... отчего же не сѣздить?.. Эта краткая біографія пришла мнѣ въ голову, какъ только я увидѣлъ почтеннаго бюрократа. Столоначальникъ смотрѣлъ не съ тѣмъ презрѣніемъ, какъ господинъ въ пальто, однакожъ, не безъ страха: я началъ думать, что трактирщикъ сдѣлалъ глупую шутку и увѣрилъ ихъ, что я имѣю привычку послѣ кофе кусаться. Вмѣстѣ съ столоначальникомъ вошелъ купецъ съ бородой, перекрестился, поклонился мнѣ и началъ расчесывать густую окладистую бороду свою. Кондукторъ замѣтилъ, что «здѣсь слѣдуетъ пить чай», и вышелъ.

— Мальчикъ!—закричалъ господинъ въ пальто дѣвкѣ, которая стояла въ буфетѣ.

— Чего изволите?—спросила дѣвка въ должности мальчика.

— Рюмку коньяку и бутербродъ.

— Коньяку нѣтъ.

— Ну, рюмку джину.

— И такихъ напитковъ нѣтъ.

— Ну, рюмку кирша.

Дѣвка не отвѣчала, увѣренная въ томъ, что путешественникъ ее дурачить и что такого напитка нѣтъ во всей солнечной системѣ.

— Экая гостиница! да что-жъ у васъ есть?

— Есть горькая и есть анисовая.

— Ну, дай анисовой.

— И порцію чаю, голубушка,—прибавилъ купецъ.

Столоначальникъ ничего не спрашивалъ: онъ вѣрилъ въ чай купца, и вѣра его оправдалась. Купецъ велѣлъ дать два стакана, столоначальникъ отказался—и сѣлъ пить.

— Да передъ чаемъ-то не выпить ли по рюмочкѣ?—спросилъ купецъ, вынимая фляжку и серебряную чарку.

— Нѣтъ-съ, не безпокойтесь,—отвѣчалъ столоначальникъ.

Купецъ налилъ, подаль своему сосѣду, тотъ выпилъ, онъ налилъ другую... и, нѣсколько колеблясь, обратился къ господину въ пальто съ вопросомъ:

— Не позволите ли васъ, государь мой, просить нашимъ православнымъ, т. е. практическимъ? оно здоровѣе-съ сладкой.

— А что это у васъ за практическое?—сказало пальто, благосклонно улыбаясь и съ видомъ покровителя.

— Пѣнничекъ-съ, очищенный.

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно. Я когда ноги мою себѣ простымъ виномъ, и то запахъ такъ противенъ, что душистой бумажкой курю весь день.

— Была-бы-съ честь приложена-съ,—отвѣтилъ купецъ и такъ зло-лукаво улыбнулся, какъ будто онъ сомнѣвался въ томъ, моетъ ли тотъ ноги чѣмъ-нибудь, не только пѣннымъ виномъ.

Столоначальникъ въ благодарность за хлѣбъ и соль, состоявшіе изъ чаю и сивухи, началъ въ полголоса какой-то рассказъ купцу... Я не могъ слышать всего, но до меня долетали слѣдующія слова: «Я и говорю: ваше превосходительство! вы, примѣромъ будучи, отецъ чиновника... конечно, маленькій человекъ есть червь... нашъ-то генералъ, вѣдь, это умница... вотъ-съ, прихожу въ канцелярію... только экзекуторъ... ну, и лисабонскаго какъ слѣдуетъ»...

На самомъ этомъ португальскомъ названіи, не торопясь и покачиваясь со стороны на сторону, подѣхалъ бѣлокурый дилижансъ первоначальнаго заведенія изъ Москвы; наверху торчали утесы поклажи, изъ оконъ высывались подушки. Дилижансъ былъ крупнаго калибра, и черезъ минуту обѣ комнаты гостиницы наполнились народонаселеніемъ этого ковчега; тутъ были старики и дворовые люди, дѣти и комнатныя собаки. Впереди всѣхъ явился толстый господинъ въ енотовой шубѣ, съ огромными усами, съ крестомъ на шеѣ и въ огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ. Входя, онъ втащилъ съ собою 50 кубическихъ футовъ холоднаго воздуха. Онъ такъ сбросилъ свою шубу, что накрылъ ею полкомнаты и правую ногу господина въ пальто; господинъ въ пальто съ поспѣшностью спасъ свои сигары и съ чрезвычайно недовольнымъ видомъ выта-

щилъ свою ногу; въ то же время рукавъ шубы какъ-то коснулся затылка столоначальника; который въ ту же минуту привсталъ и извинился.

— Здравствуйте, господа!—сказалъ новый гость, очутившійся въ черномъ бархатномъ архалукѣ.—Эй, малый! приготовь гдѣ-нибудь умыться. Не могу ни чаю пить, ни трубки курить, не умывшись... Да и чаю живо!

Пока господинъ въ архалукѣ отдавалъ приказъ, тащился въ черной бархатной шапкѣ и въ синей медвѣжьей шубѣ, подпоясанный шарфомъ, въ валеныхъ сапогахъ сѣраго цвѣта, человѣкъ очень пожилой и съ нимъ юноша лѣтъ 20-ти, упитанный, краснощекій, съ дерзкимъ и смущеннымъ видомъ, который пріобрѣтаютъ баричи въ патриархальной жизни по селамъ своихъ родителей. Пока я разсматривалъ его, съ господиномъ въ синей шубѣ сдѣлалось странное превращеніе: человѣкъ въ нагольномъ тулупѣ развязалъ ему шарфъ, стащилъ съ него шубу и, представьте наше удивленіе: онъ очутился въ шелковомъ стеганомъ халатѣ, точно онъ не то что два дня въ дорогѣ, а года два не выходилъ изъ комнаты; въ этомъ костюмѣ видъ у него былъ до того московскій, что я былъ увѣренъ, что онъ ѣдетъ изъ Тулы или Рязани.

Господинъ въ архалукѣ отправился умываться. Дамы не вошли. Одна только старуха приходила въ буфетъ, требуя самовара, съ присовокупленіемъ, что чай и сахаръ возить свои.

— А что будетъ стоить самоваръ?

— Двадцать копѣекъ серебромъ,—отвѣчала горничная.

— Двадцать копѣекъ серебромъ!—повторила барыня, и никто еще не говорилъ съ такимъ нѣжно-дрожащимъ и въ то же время исполненнымъ негодованія голосомъ о двугривенномъ.

— Точно такъ.

— Вы точно нехристи... двадцать копѣекъ серебромъ!.. за что? за простую воду... слыханное ли это дѣло?.. Вода—даръ божій, для всѣхъ течетъ—и двадцать копѣекъ серебромъ!

Послѣ этого замѣчанія, зараженнаго коммунизмомъ, она пошла съ ворчаніемъ въ другія комнаты. Но потеря ея вознаградилась московскимъ купцомъ, точно также перекрестившимся и раскланявшимся со всѣми, точно также спросившимъ себѣ чаю. Черезъ минуту оба бородача говорили между собою, какъ старые знакомые, въ то время, какъ остальные проѣзжіе разсматривали другъ друга, какъ иностранцы.

— Что, батюшка, изъ Москвы или изъ Питера?—спросилъ петербургскій купецъ юношу съ патриархальнымъ видомъ.

— Да,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, которому смерть хотѣ-

лось выдать себя за юнкера; онъ съ этой цѣлью безпрестанно крутилъ слабые и пушистые намеки на будущіе усы,—мы ѣдемъ въ Петербургъ.

— Изволили прежде въ Питерѣ бывать?

— Да, какъ же!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, покраснѣвшій до ушей: юная совѣсть угрызала его за то, что онъ еще не былъ въ Петербургѣ, и за то, что солгалъ.

Господинъ въ архалукѣ возвратился съ лицомъ, украшеннымъ каплями воды, и съ полотенцемъ въ рукѣ:

— Трубку! да скажи моему человѣку, чтобы мой чубукъ принесли,—не могу курить изъ вашихъ. А гдѣ же чай?

— Готовъ,—сказалъ трактирщикъ, возымѣвшій особенное уваженіе къ человѣку въ архалукѣ, и указалъ ему на столъ, возлѣ господина въ пальто. Господинъ въ архалукѣ бросилъ сахаръ въ стаканъ и слѣдующій вопросъ въ сосѣда:

— Вы изъ Петербурга изволите?

— Изъ Петербурга,—отвѣчалъ тотъ съ гордымъ видомъ.

— Что дорога?

— Очень хороша.

— Слава Богу! а то что-то кости сказываются, лѣта... Бывало, я по этой дорогѣ на тройкѣ, на перекладной для двухъ-трехъ баловъ московскихъ за какимъ-нибудь вздоромъ лечу... да еще хорошо зимой, а осенью,—шоссе не было,—по фашиннику дую, и горя мало. Шоссе-то не было, да здоровье было. Вотъ скоро восемь лѣтъ, какъ не былъ въ Петербургѣ, да и нынче бы не поѣхалъ. Семейныя дѣла; племянница выходитъ замужъ, пишетъ: «дядюшка, пріѣзжай, да, дядюшка, пріѣзжай»; хоть, по правдѣ, они бы и безъ меня обдѣлали это дѣло, ну, да какъ не потѣшить дѣвку?! она же послѣ покойнаго отца своего воспитывалась у меня въ домѣ; своихъ дѣтей нѣтъ.—Подай лимону.—А позвольте спросить, изволите служить?

— Служу...—сказалъ петербуржець.

— При министрѣ?—спросилъ дядюшка своей племянницы.

— При министрѣ,—сказалъ петербуржець.

— По особымъ порученіямъ?

— Да, то есть при самой особѣ министра: знаете—при самой особѣ... У насъ есть эдакъ нѣсколько...

— Вы, можетъ, видали мою племянницу, коли живете постоянно въ Петербургѣ? Княжна Анна С.

— Какъ-же-съ! Кто же изъ бывавшихъ въ обществѣ не знаетъ княжны?!—отвѣчалъ петербуржець, нѣсколько сконфуженный и очень смягченный аристократической фамиліей княжны.

— Очень радъ! Такъ вы знакомы съ Алиной?

— То есть, изволите видѣть, я не смѣю такъ сказать: я никогда не имѣлъ чести быть представленъ княжнѣ; гдѣ же ей вспомнить въ толпѣ черныхъ фраковъ... Я ее только встрѣчалъ на вечерахъ у нашего министра, у графини Z... имѣлъ случай сказать нѣсколько словъ, танцевать. Знакомство салона, знакомство паркета, забытое на слѣдующій день.

— Это для меня новость: я и не зналъ, что Алина знакома съ графиней Z...

Петербургецъ молчалъ, но видно было, что внутри его совершается что-то, не совсѣмъ пріятное; онъ раздавилъ сигару и прочистилъ голосъ для того, чтобъ ничего не сказать, а сосѣдъ его предобродушно посмотрѣлъ на него и сталъ наливать второй стаканъ чаю.

— Позвольте спросить вашу фамилію?

— Чандр—нъ,—произнесъ скороговоркой господинъ въ пальто.

— Какъ-съ?

— Чандрыкинъ-съ,—повторилъ господинъ въ пальто съ примѣтнымъ волненіемъ.

— Никогда не слыжалъ... никогда... не случалось.

Между тѣмъ помѣщикъ—до того московскій, что ѣхалъ изъ Тулы,—пришелъ въ себя и, сдѣлавши три-четыре вовсе излишнія исправительныя замѣчанія своему человѣку, возымѣлъ непреодолимое желаніе вступить въ разговоръ, и для этого вынулъ золотую табакерку—въ родѣ аттестата и непреложнаго права на участіе въ обществѣ, понюхалъ изъ нея и обратился къ петербуржцу, который внутри проклиналъ отца и мать, что они пустили его на свѣтъ съ такой немзыкальной фамиліей да еще съ такой, которую не случалось слышать дядѣ княжны Алины.

— А позвольте спросить,—спросилъ нѣсколько въ носъ помѣщикъ,—каковъ у васъ хлѣбъ нынѣшній годъ?

— Превосходный,—отвѣчалъ чиновникъ.

— Давай Богъ, давай Богъ, а у насъ червь много попортилъ.

— Надобно правду сказать, что хлѣбъ сталъ лучше и больше съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ порядокъ по этой части.

— У насъ, нечего грѣха таить, плохъ вотъ ужъ который годъ,—продолжалъ помѣщикъ, не замѣтившій, что г. Чандрыкинъ говоритъ о печеномъ хлѣбѣ.—Доходы бѣдныя, а расходы такъ-таки ежегодно и увеличиваются; а тутъ, какъ на смѣхъ, тащисъ полторы тысячи верстъ... Тяжелое дѣло да вотъ сынишку въ полкъ опредѣлить.

— А гдѣ у васъ дѣло?

— Въ —мъ департаментъ.

— Въ —мъ? Я очень знакомъ съ оберъ-прокуроромъ, прекраснѣйшій человекъ!—замѣтилъ чиновникъ, начавшій забывать княжну Алину—такъ натура бываетъ сильна.

Помѣщикъ глубоко вздохнулъ.

— Охъ! ужъ лучше-бъ вы не говорили, а то, ей Богу, такъ вотъ и подмываетъ попросить письмецо, такъ бы нѣсколько строгое, да не смѣю и просить; я, конечно, не имѣю никакихъ правъ на ваше благорасположеніе... а знакомыхъ нѣтъ почти никого; безъ рекомендаціи—куда сунешься? сами изволите знать...

При этомъ помѣщикъ придалъ невѣроятно жалкое и подобострастное выраженіе своему лицу,—выраженіе, вѣроятно, рѣдко видѣнное на гуннѣ и въ усадьбѣ.

— Мнѣ очень жаль, но другое дѣло, если-бъ я былъ самъ въ Петербургѣ, я бы могъ переговорить; ну, а писать письмо—это не водится между нами. Впрочемъ, г. Z. такой прекраснѣйшій человекъ, къ которому не нужны рекомендаціи; если ваше дѣло правое—ступайте смѣло, прямо... и вы увидите.

— Мое дѣло-съ... ясно, какъ день (пословица, выдуманная не въ Новгородской губерніи и вообще не въ этомъ краю: день въ тотъ день, какъ почти во всѣ прочіе, былъ туманный). Вотъ, извольте видѣть, въ 1818 году умеръ у меня дядя... человекъ былъ солидный, извѣстный... ну, а духовную написалъ такую, что вотъ до сихъ поръ процессъ длится у меня съ сестрами... Я не умѣю ясно изложить вамъ обстоятельства дѣла... позвольте мнѣ прочесть послѣднюю апелляціонную жалобу... Эй, Никитка, подай изъ кареты несессеръ!

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ чиновникъ, нѣсколько успокоившійся отъ кондукторской трубы; онъ очень хорошо предвидѣлъ, что Никитка не успѣетъ принести несессера, какъ ихъ уже позвуть... Такъ и случилось.

— Господа почтовой кареты и брика!—возвѣстилъ кондукторъ.

— Идемъ, идемъ!—раздалось съ трехъ мѣстъ.

Чиновникъ поспѣшно вскочилъ и, сказавши: «очень жаль!» помѣщику и «bon voyage, messieurs!» остающимся, побѣжалъ въ карету, напѣвая Карлушу изъ «Булочной». Вѣроятно, разговоръ о хлѣбѣ напомнилъ ему эти куплеты, пѣніемъ которыхъ онъ засвидѣтельствовалъ о своихъ усердныхъ посѣщеніяхъ Александринскаго театра.

Не проѣхала почтовая карета версты, какъ Никитка подалъ помѣщику несессеръ.

— Ты бы, дуракъ, завтра принеси! экой увалень. Вы не можете себѣ представить, сколько онъ во мнѣ крови портить: дома

пойдетъ размазня обѣдать... часть жди, посылай другого въ людскую, чтобы гналъ оттуда осла. И что у него на умѣ, не понимаю? Сытъ, одѣтъ, женилъ дурака въ прошломъ году,—все не помогаетъ. Ну, что ты надо мной сдѣлалъ? Два часа копался?... Долго ли взять да и принести?... Неси назадъ несессеръ.

— А вы и повѣрили этому фѣртику?—сказалъ господинъ въ архалукѣ:—все вретъ!... Малый, спроси у моего человѣка рому къ чаю.

— Дилижансъ готовъ,—доложилъ кондукторъ.

— Да мы-то, братецъ, не готовы,—возразилъ господинъ въ архалукѣ.

— Помилуйте! на всякой станціи теряемъ время.

— Что ты ко мнѣ присталъ? Видишь, никто не допилъ чая. Я оттого и не поѣхалъ въ почтовой каретѣ: не дадутъ ногъ распрямить.

— И я еще не кончилъ чай,—замѣтилъ помѣщикъ.

Купецъ, разумѣется, тоже не кончилъ, но такъ какъ его никто не спрашивалъ, онъ ничего и не сказалъ, а оберъ полотенцемъ ротъ да и сталъ изъ большого чайника подливать кипяткъ въ маленькій.

Въ это время взошелъ ямщикъ, спрашивая:

— Кому шину варили?

— Мнѣ,—отвѣчалъ я.

— Пожалуй, что готова, и лошадей закладамъ... да ужъ на чаекъ-то, баринъ: отъ кузницы какъ бѣжалъ—уморился, чтобъ вашей-то милости поскорѣе сказать.

Я началъ собираться, собрался и уѣхалъ прежде, нежели москвичи кончили чай.

II.

Рѣзкая противоположность пассажировъ почтовой кареты съ жителями дилижанса поневолѣ настроила меня на рядъ летучихъ мыслей о Москвѣ и о Петербургѣ. Говорить о сходствахъ и несходствахъ Москвы и Петербурга сдѣлалось пошло, потому что объ этомъ чрезвычайно много говорили умнаго; оно, сверхъ того, сдѣлалось скучно, потому что еще болѣе объ этомъ говорили пошлаго. А я, все-таки, имѣю смѣлость передать нѣсколько замѣтокъ изъ цѣлой вереницы ихъ, занимавшей меня непрерывно отъ Едрова до Торжка, гдѣ я такъ занялся котлетами, что на время забылъ *la grande question*.

Какъ ни быть различіямъ между Москвой и Петербургомъ?

Разное происхожденіе, разное воспитаніе, разное значеніе, разное прохожденіе службы... Петербургъ родился въ 1703 году послѣ Р. Х. Конечно, человѣкъ такого возраста былъ бы очень не молодъ, ну, а городъ 144 лѣтъ—просто jeune premier ¹⁾). Москва скоро перейдетъ въ восьмую сотню; она такъ стара, что лѣта свои (какъ геологическіе перевороты) вела отъ сотворенія міра, что было очень давно. Москва цвѣла отъ татаръ до кошихинскаго времени. Петръ I опустилъ паруса ея, видя, что по этому прекрасному пути далѣе итти некуда; Петербургу Петръ I поднялъ паруса, и онъ идетъ впередъ до нынѣшняго дня. Москва лѣтъ пятьсотъ кряду отстраивалась, и все ничего не вышло, кромѣ Кремля, а если что вышло, то послѣ французовъ; Петербургъ выстроился лѣтъ въ пятьдесятъ съ громадностью, о которой Москвѣ не снилось. Москва почти вся сгорѣла въ 1812 году; Петербургъ чуть не утонулъ въ 1824 году. Совершенно разный характеръ: въ Петербургѣ русское начало перерабатывается въ европейское, въ Москвѣ европейское начало—въ русское... Но, несмотря на это различіе, они не ссорятся; антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ—чистѣйшій вымыселъ; его нѣтъ, это—болѣзнь нѣсколькихъ воображеній, фактъ исключительный. Я самъ видалъ людей, которые думаютъ, что всякое доброе слово о Петербургѣ—оскорбленіе Москвѣ. Они думаютъ, если вы похвалите колачъ московскій,—это значить, что вы браните невскую воду. Просто страхъ беретъ что-нибудь сказать при нихъ; молвишь, что то-то не очень хорошо на Невскомъ, а тебя тотчасъ обвиняютъ, что ты находишь все прекраснымъ въ Москвѣ. Это напоминаетъ ту милую и наивную эпоху критики, когда доброе слово о Шиллерѣ сопровождалось проклятіями Гете и наоборотъ. Гете, возмущенный однажды глубокомысліемъ подобныхъ сужденій, скромно замѣтилъ Эккерману: «Вмѣсто того, чтобъ благодарить судьбу за то, что она дала имъ насъ обоихъ, они хотятъ непременно пожертвовать одного другому». Что за необходимость порицать Москву? Будто нѣтъ тамъ и тутъ хорошаго, не говоря ужъ о дурномъ? Будто грудь человѣка такъ узка, что она не можетъ съ восторгомъ остановиться передъ удивительной панорамой Замоскворѣчья, стелящагося у ногъ Кремля, если она когда-нибудь высоко поднималась, глядя на Неву, съ ея гранитными берегами, съ дворцами, стоящими надъ водами ея?

Къ тому же, если съ точки зрѣнія различій легко указать рѣзкія противоположности, то не надобно забывать, что много Москвы въ Петербургѣ и что много Петербурга въ Москвѣ. Петер-

¹⁾ «Первый любовникъ»—театральный терминъ.

бургъ не оставилъ Москвы въ покоѣ послѣднія сто лѣтъ; у нея, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ зданій, кромѣ историческихъ воспоминаній, ничего не осталось прежняго. Съ своей стороны, Москва и окольныя ея губерніи, переѣзжая въ Петербургъ, привезли съ собою *самихъ себя* и отчего же имъ было вдругъ утратить свою особенность? Странная была бы національность наша, если бы достаточно было проѣхать семьсотъ верстъ, чтобъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ — иностранцемъ. Конечно, весь образъ современной жизни, всѣ удобства цивилизаціи: и великій московскій университетъ, и знаменитый англійскій клубъ, и дворянское собраніе, и Тверской бульваръ, и Кузнецкій мостъ, — все это принадлежитъ не кошихинскимъ временамъ, а вліянію петербургской эпохи. «Можетъ быть, Москва безъ петербургскаго вліянія развилась бы еще лучше». Можетъ быть... такъ, какъ не токмо можетъ быть, но весьма вѣроятно, если-бъ царь Иванъ Васильевичъ вмѣсто Казани взялъ Лиссабонъ, то въ Португаліи было бы теперь что-нибудь другое; только это ни къ чему не ведетъ. Не то важно въ исторіи, чего не было, а то, что было. А было то, что въ послѣдній вѣкъ Москва состояла подъ вліяніемъ Петербурга, и сама многое доставляла ему; онъ вызвалъ наружу ея сильную производительность; непрерывный обмѣнъ, непрерывное сношеніе поддерживали живую связь обоихъ городовъ. Въ иныхъ случаяхъ перевезенное совершенно усваивалось, въ другихъ особенности еще сильнѣе развились на иной почвѣ, такъ что можно изучать Петербургъ въ Москвѣ и Москву въ Петербургѣ.

Отъ Петра I до Наполеона Москва жила тихо, незамѣтно; на Петербургъ она не косилась, особенно послѣ первыхъ непріятностей *remue-ménage* ¹⁾ и негодующаго удивленія, что часть ея переѣхала на Неву-рѣку съ Москвы-рѣки, что другая часть вмѣсто красивой бороды показала голый подбородокъ, вмѣсто русыхъ волосъ — пудренныя пукли. Случалось ей хмурить брови, обижаться всѣми нововведеніями, но соперничать ей въ голову не приходило; она поняла, что время сильныхъ преслѣдованій не только за употребленіе телятины, но даже табака прошло...

И передъ младшею столицей
 Главой склонилася Москва,
 Какъ передъ новою царицей
 Порфирородная вдова.

¹⁾ Безпорядокъ въ хозяйствѣ отъ внезапныхъ перемѣнъ.

Москва помнила, быть можетъ, что и она, въ свою очередь, была Петербургомъ, что и она нѣкогда была новымъ городомъ, надменно поднявшимъ свою голову надъ старыми городами, опираясь на слабость ихъ и на ордынскую поддержку. Старые города обидѣлись: они хотѣли высокомѣрно не знать Москвы... Но она шла своимъ путемъ. «Посмотримъ, посмотримъ!—говорили старые города:—что-то она сдѣлаетъ съ Тверью, какъ-то совладеетъ съ Псковомъ, какъ-то сладитъ съ Новымъ-городомъ!» Посмотрѣли, увидѣли какъ да и склонились. Между Москвой и Петербургомъ ничего подобнаго не было. Петербургъ, *какъ* едукованный ¹⁾ юноша, афишировалъ решпектъ и атенцію Москвѣ, окружалъ ее знакомъ величайшаго вниманія; а она, какъ добрая русская помѣщица, готовая всѣхъ угостить и послать всякіе гостинцы, любила иногда пожурить Петербургъ такъ, какъ бабушки журятъ внучатъ-юнкеровъ, пріѣзжающихъ въ отпускъ: зачѣмъ трубку курятъ и постныхъ дней не соблюдаютъ... Но пожуривши, Москва отправляла въ Петербургъ свое молодое поколѣніе служить въ гвардію, окружать дворъ,—даже литераторы перебирались туда писать и вдохновляться; сердечная связь у этихъ переселенцевъ съ Москвою нисколько не перерывалась: при всякой невзгодѣ, при усталости и грусти вспоминалась родная столица. Маститые вельможи и государственные люди пріѣзжали въ Москву отдыхать, провести остатокъ дней своихъ въ величавомъ покоѣ, повѣствуя жизнь свою и прислушиваясь издали къ быстро несущимся событіямъ не-петербургской жизни.

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
 Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
 Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ;
 И къ нимъ издалика то воинъ, то ораторъ,
 То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
 Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
 Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Среди этихъ мирныхъ и дружныхъ отношеній наступилъ 1812 годъ. Не знаю, былъ ли Наполеонъ ученикъ Пинетти или Калиостро ²⁾, но онъ былъ величайшій фокусникъ въ мірѣ. Онъ сдѣлалъ сперва изъ г. Мортъе ³⁾ тревизскаго герцога, а потомъ сдѣлалъ тревизскаго герцога московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, а маршала Нея—просто московскимъ княземъ. Москва попала съ ореографической ошибкой въ бюллетени великой арміи.

¹⁾ Educué—воспитанный, натасканный.

²⁾ Извѣстные фокусники.

³⁾ Офицеръ первой французской революціи и маршалъ при имперіи.

Наполеонъ переѣхалъ изъ Тюльери въ Кремлевскій дворецъ. Вся Русь, задерживая дыханіе, устремила свое вниманіе на Москву, вся Европа ее вспомнила въ первый разъ послѣ Маржерета, Поссевина ¹⁾, Флетчера ²⁾ и другихъ. Вліяніе ея, утраченное цѣлымъ вѣкомъ, вполнѣ возстановилось нѣсколькими днями великаго пожара. Въ добровольномъ несчастіи Москвы было что-то захватывающее душу; она сдѣлалась интересна съ своими обгорѣлыми домами, она взошла въ моду съ своими улицами, на которыхъ стояли однѣ черныя трубы, однѣ задымленныя стѣны. Эта горестная година миновала Петербургъ; князь Витгенштейнъ не пустилъ къ нему непріятели; спокойствіе его не было возмущено ни на одинъ день. Все это прекрасно, все это слава Богу, но не имѣетъ интереса: моды всего болѣе интересуются несчастіями. Разказы о Москвѣ носились по всему свѣту. Нѣтъ человѣка не только въ Калифорніи и Полинезіи, но въ южной Италіи, гдѣ ничего не знаютъ, который бы не слышалъ о томъ, какъ дивно, какъ громадно, какъ удивительно, какъ быстро обстроилась Москва. Келейно можно сказать—слухи эти не безъ увеличенія: не то, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обстройка эта была такъ сказочно хороша, дома обклеены колоннами, фронтонами съ страшными претензіями, каждый стоитъ на свой салтыкъ, огороженный какимъ-то уродливымъ заборомъ. И что же Москва была прежде, если была гораздо хуже? Это—тайна, которую она запечатлѣла великимъ пожаромъ. Оставимъ ее подъ историческими углями.

Послѣ 1812 уваженіе къ Москвѣ было безусловно: вся Русь, весь Петербургъ брали въ ней живѣйшее участіе; костеръ, зажженный собственными руками, поразилъ своей героической рѣшительностью всѣ уцѣлѣвшіе города. Войска возвращались, осыпанные крестами и медалями офицеры летѣли въ Москву отдохнуть съ родными, вспомнить семейную жизнь, которая такъ же хороша послѣ лагеря, какъ лагерь хорошъ послѣ семейной жизни; нигдѣ не было и тѣни соперничества, вражды; никто не предполагалъ, не предвидѣлъ, что въ это время торжество и мира зарождалась въ тиши та высокая и мощная теорія, которой назначено было явиться грознымъ «Маякомъ». Шагъ, сдѣланный ею для нашего развитія, необъятенъ. Что значить, въ самомъ дѣлѣ, передъ нею весь рядъ побѣдъ 1812 и 13 годовъ, переходъ по Европѣ, русскіе гвардейцы на бивакахъ передъ Тюльерійскимъ дворцомъ? Кѣмъ сдѣланы эти по-

¹⁾ Антоніо, авторъ «Moscovia».

²⁾ Джильсъ, авторъ «On the Russe Common Wealth» («О русскомъ государствѣ»).

бѣды? Людьми, любившими европейское образованіе, любившими Парижъ и французовъ, любившими говорить по-французски,—людьми, которые чрезвычайно удивились бы, услышавъ о томъ, что истинный русскій долженъ ненавидѣть нѣмца, презирать француза, что патріотизмъ состоитъ не столько изъ любви къ отечеству, сколько изъ ненависти ко всему, внѣ отечества находящемуся, и тому подобныя правила любви и братства. Храбрые воины, актеры великой эпохи, думали, что достаточно грудью стать противъ непріятеля и мужественно отразить его; они не знали, что, сверхъ того, необходимо день и ночь у себя въ комнатѣ бранить нѣмцевъ и гніющую цивилизацію Европы; эти воины мечтали, что они съ пріобрѣтеніемъ образованія не утратили достоинства русскаго. Какой предразсудокъ! Оттого-то они и уменьшили славу своихъ побѣдъ кротостью, съ которой они обращались съ побѣжденными. Но извинимъ ихъ: тогда еще не были брошены въ судьбы всемірной исторіи изслѣдованія о происхожденіи Руси, тогда пѣлъ суетный Пушкинъ, который въ своей поэтической распушенности бросилъ по нѣскольку стиховъ Петербургу и Москвѣ, въ которыхъ оба города дивно отразились, но зачѣмъ же не одинъ?

Довольно, впрочемъ, о важныхъ матеріяхъ; займетесь лучше маленькими различіями петербургскихъ и московскихъ нравовъ,—это гораздо веселѣе и не такъ сильно потрясаетъ нервы, какъ маячныя теоріи. Въ Москвѣ все шло медленно, въ Петербургѣ все шло черезъ пень колоду; оттого житель Петербурга привыкъ къ дѣятельности, онъ хлопочетъ, онъ домогается, ему некогда, онъ занятъ, онъ разсѣянъ, онъ озабоченъ, онъ опоздалъ, ему пора!.. Житель Москвы привыкъ къ бездѣйствію: ему досужно, онъ еще погодить, ему еще хочется спать, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія вѣчности; сегодня не поспѣетъ—завтра будетъ, а и завтра—не послѣдній день. Москвичъ только живетъ и насилию можетъ отдохнуть послѣ обѣда; петербуржецъ и не живетъ за суетой суетствій и такъ мало обѣдаетъ, что даже ночью не стоитъ отдыхать. У петербуржца цѣли, часто ограниченныя, не всегда безусловно чистыя, но онъ ихъ достигаетъ, онъ всѣ силы свои устремляетъ къ одной цѣли: это чрезвычайно воспитываетъ способность труда, гибкость ума, настойчивость; москвичъ—почти всегда преблагороднѣйшій въ душѣ—ничего не достигаетъ, потому что и цѣли не имѣетъ, а живетъ въ свое удовольствіе и въ горестъ лошадамямъ, на которыхъ безъ нужды ѣздитъ съ Разгуляя на Дѣвичье поле. Москвичъ, какъ бы ни былъ занятъ, скроетъ это и будетъ отъ души радъ, что ему помѣшали; петербуржецъ, какъ бы ни былъ свободенъ отъ дѣлъ, никогда не признается въ этомъ. Въ Петер-

бургѣ на каждомъ шагу встрѣтите представителей всѣхъ военныхъ чиновъ и четырнадцати соотвѣтствующихъ классовъ статской службы; въ Москвѣ—отставныхъ изъ всѣхъ чиновъ военной и статской службы: изъ военной—знаменитыхъ людей венгерокъ и усовъ, трубокъ и картъ, изъ статскихъ—вѣчныхъ обѣдателей англійскаго клуба, людей золотыхъ табакерокъ и картъ. Ихъ почти совсѣмъ не найдешь въ Петербургѣ, зато я и въ Петербургѣ между львами, тиграми и прочими злокачественными знаменитостями встрѣчалъ такихъ людей, которые ни на какого звѣря, даже на человѣка, не похожи, а въ Петербургѣ дома, какъ рыба въ водѣ. Московскіе писатели ничего не пишутъ, мало читаютъ и очень много говорятъ; петербургскіе ничего не читаютъ, мало говорятъ и очень много пишутъ. Московскіе чиновники заходятъ всякій день (кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней) на службу; петербургскіе заходятъ всякій день со службы домой; они даже въ праздничный день, хоть на минуту, а заглянуть въ департаментъ. Въ Петербургѣ, того и смотри, умрешь на подорогѣ, въ Москвѣ изъ ума выживешь; въ Петербургѣ исхудашь, въ Москвѣ растолстѣешь,—совершенно противоположное міросозерцаніе.

Москвичъ любитъ отъ души Москву, нигдѣ не можетъ жить, какъ въ Москвѣ—ему неловко въ Петербургѣ, онъ всюду опаздываетъ, онъ чувствуетъ себя тамъ не дома: и квартиры тѣсны, и лѣстницы высоки, и обѣдаютъ поздно, и Кремля нѣтъ, и икра паюсная хуже... Но, возвратясь въ Москву, онъ начинаетъ хватать Петербургомъ, онъ показываетъ въ образецъ фракъ, сшитый на Невскомъ, подражаетъ петербургскимъ модамъ, приказываетъ людямъ изъ домашняго сукна сшить штiblеты съ оловянными пуговками, привозитъ бездну ненужныхъ вещей, сдѣланныхъ въ Москвѣ, и увѣряетъ, что такихъ въ Москвѣ ни за какія деньги не найдешь. Петербуржецъ не такъ сильно страдаетъ тоскою по родинѣ: онъ вообще привыкъ себя считать выше тоски, но въ Москвѣ на все смотритъ свысока: на низкіе дома, на тусклые фонари, на узкіе тротуары и ни за что въ свѣтѣ не сознается, что въ «Дрезденѣ» номера лучше, нежели въ петербургскихъ гостиницахъ, и что у Шевалье можно обѣдать не хуже, чѣмъ у Леграна и Сень-Жоржа. Ему смерть не хочется ѣхать въ Петербургъ, но онъ показываетъ видъ, что стремится вырваться изъ провинціального города такъ, какъ москвичъ показываетъ изъ себя отчаяннѣйшаго петербуржца и большого любителя петербургскихъ нравовъ. Воротившись, петербуржецъ карабкается на свой четвертый этажъ и, отдыхая среди запаха кухни въ маленькой лачугѣ, смѣется надъ московскимъ просторомъ.

Вообще я слышалъ отъ многихъ, что Петербургу вмѣняютъ въ достоинство эти сплошные дома о пятистахъ окнахъ, а Москвѣ вмѣняютъ въ недостатокъ, что дома ея удобнѣе, что никто тамъ другъ другу не мѣшаетъ, что московская постройка способствуетъ чистотѣ воздуха. Я ужасно люблю старинные московскіе дома, окруженные полями, лѣсами, озерами, парками, скверами, саваннами, пустынями и степями, по которымъ едва протоптаны дорожки отъ дома къ погребу и на которыхъ, если не найдете дворника, то зато встрѣтите стадо дикихъ собакъ. Замѣчательно, что въ Москвѣ домъ окруженъ дворомъ, а въ Петербургѣ дворъ—домомъ: это имѣетъ тоже свою прелесть... Мнѣ часто приходило въ голову: если-бъ въ Петербургѣ случилась теплая погода, и свѣтило бы солнце, какую прекрасную тѣнь можно-бъ было находить на дворѣ!.. Но возвратимся отъ домовъ опять къ людямъ. Въ Петербургѣ ужасно любятъ роскошь, но терпѣть не могутъ ничего лишняго; въ Москвѣ только лишнее и считается роскошью; оттого въ Москвѣ почти у каждаго дома колонны, а въ Петербургѣ ни у одного; оттого петербургское гостепріимство стремится изящнымъ образомъ насытить вашъ голодъ и вашу жажду и на этомъ останавливается, а московское только тутъ и начинается: оно молчитъ, пока вамъ хочется пить и ѣсть, и начинается свое преслѣдованіе, когда видитъ, что вамъ невозможно ни пить, ни ѣсть. Потому же у каждаго московскаго барина множество слугъ въ передней, дурно одѣтыхъ и болѣе приученныхъ къ отъѣзжому полю, нежели къ мирнымъ комнатамъ, а въ Петербургѣ одинъ слуга,—много двое, чисто одѣтыхъ и ловкихъ, но не умѣющихъ травить гончими, что и не очень нужно за порядочнымъ ужиномъ, гдѣ даже и жареныхъ зайцевъ не подаютъ. Москвичъ непремѣнно закладываетъ четыре лошади въ карету—не для легкости и скорости, а изъ уваженія къ собственному достоинству; петербуржецъ катится въ маленькой колясочкѣ вдвое быстрѣе москвича. Москвичъ любитъ внѣшніе знаки отличія и церемоніи; петербуржецъ предпочитаетъ мѣста и матеріальныя выгоды; москвичъ любитъ аристократическія связи; петербуржецъ—связи съ должностными людьми. Въ Москвѣ до сихъ поръ всякаго иностранца принимаютъ за великаго человѣка, въ Петербургѣ—каждаго великаго человѣка за иностранца: тамъ долго никто не вѣрилъ, что Брюлловъ русскій. Другихъ иностранцевъ собственно въ Петербургѣ и нѣтъ; тамъ такъ много иностранцевъ, что они сдѣлись туземцами. Одна изъ отличительныхъ чертъ Петербурга отъ прочихъ новыхъ городовъ всей Европы состоитъ въ томъ, что онъ на всѣ похожъ, тогда какъ Москва ни на какой не похожа ни въ Европѣ, ни въ Азіи...

— Неужели это Торжокъ?—спросилъ я, прерывая глубоко-мысленныя разсужденія о Москвѣ и Петербургѣ.

— Пожалуй, что и Торжокъ,—отвѣчалъ ямщикъ.

— Ступай къ большой гостиницѣ, направо-то.

— Знаемъ, знаемъ! — отвѣчалъ нѣсколько пикированный ямщикъ.

Ноябрь 1846 года.

459. Письмо къ Е. Ѳ. Коршу.

21/9 іюня (1847).

Парижъ.

Не хочу запечатывать это письмо, чтобъ не сказать вамъ «здравствуйте», и не хочу ничего сказать, кромѣ «здравствуйте». «Современника» не получено, и это нахожу очень справедливымъ, потому что вы не посылаете. Почти ничего не дѣлаю, въ рѣдкія минуты нынче пописываю. Иногда на душѣ и хорошо, и полно... иногда щемятъ воспоминанія, хочется видѣть и того и другого, но дѣло Теста ¹⁾ и Алкивіада буржуазіи—Э. Жирардена ²⁾, развлекаетъ,—я послѣ этихъ представленій пересталъ ходить въ театръ. А ты не выписывай изъ «Дебатовъ» ³⁾: тамъ все перевернуто,—это здѣшняя «Пчелка» ⁴⁾,—ужъ лучше изъ «Монитера» ⁵⁾, да и «Пресса» ⁶⁾ разыгралась, такая удалая себѣ... ⁷⁾

Ѣду черезъ мѣсяцъ въ Бретань на недѣлю, куда уѣхалъ Георгъ ⁸⁾ съ женой (скажи Сатину, что мы съ ними очень познакомились).¹ А въ сентябрѣ съ Ник. Петр. ⁹⁾ и съ Георгомъ въ Мад-

¹⁾ Жанъ Батистъ, былъ министромъ торговли и юстиціи при Людовикѣ-Филиппѣ, замѣшанъ въ дѣло о крупной взяткѣ при арендѣ соляныхъ копей и осужденъ на 3 года въ тюрьму.

²⁾ Эмиль, извѣстный публицистъ; сдѣлалъ эпоху въ исторіи газетъ, сильно понизивъ цѣну на нихъ.

³⁾ «Journal des Débats».

⁴⁾ «Сѣверная Пчела».

⁵⁾ «Moniteur Universel» — официальный органъ франц. правительства до 1865 г.

⁶⁾ «La Presse» — газета Э. Жирардена.

⁷⁾ Дальше оборвано.

⁸⁾ Георгъ и Эмма Гервегъ.

⁹⁾ Боткинъ.

ридъ на мѣсяцъ; оттуда, кромѣ Боткина ¹⁾ и Рѣдкина, никому писать не буду... Кастаньеты! «А, А, А, а, а, а!.. Елекламація ²⁾ В. П. ¹⁾... Кланяйся всѣмъ...

Вашу руку, Софія Карловна! ³⁾... Оедѣ... Сашѣ.

Вашу руку, Любовь Оедоровна! ⁴⁾

Кавел. и Гран., чай, не въ Москвѣ?

Будьте здоровы.

Иногда, изрѣдка не мѣшаетъ вспомнить меня, въдѣ, я—хорошій человѣкъ: хорошаго человѣка хорошо и вспомнить.

Отошлите мои №№ «Соврем.», отъ б начиная, къ Панаеву,—это, кажется, проще; я писалъ къ нему.

◆◆ 1. Здѣсь впервые Герценъ упоминаетъ Георга Гервега въ качествѣ своего знакомаго. Этому человѣку суждено было сыграть роковую роль въ жизни Герценовъ, и потому я считаю нужнымъ полнѣе знакомить съ нимъ читателя по мѣрѣ развитія событій, не вдаваясь, однако, въ связанное и полное изложеніе его біографіи.

Гервегъ родился въ одинъ годъ съ Н. А.—ной, 1817. Попавъ по жребію въ солдаты, онъ имѣлъ столкновеніе съ офицеромъ и, во избѣжаніе строгаго наказанія, эмигрировалъ въ Швейцарію. Въ 1841 г. онъ издалъ въ Цюрихѣ первый сборникъ своихъ стихотвореній «Gedichte eines Lebendigen» («Стихотворенія живого»), выдержавшій до 1877 г. десять изданій. Либеральная часть нѣмецкаго общества очень сочувственно приняла эти пѣсни, а критика провозгласила Гервега «королемъ нѣмецкихъ поэтовъ», виднымъ представителемъ «молодой Германіи». Въ 1842 г. Гервегъ совершилъ поѣздку въ Германію, обратившуюся въ сплошной триумфъ. Король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, пожелалъ видѣться съ нимъ и имѣлъ съ поэтомъ продолжительную бесѣду. Это не помѣшало правительству не разрѣшить проектированный Гервегомъ журналъ, вслѣдствіе чего поэтъ написалъ королю довольно рѣзкое письмо, за которое былъ высланъ изъ Пруссіи. Въ это время, въ 1843 г., онъ издалъ второй сборникъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, о которомъ Г. Брандесъ говоритъ: «Здѣсь уже виденъ искренній, страстный характеръ, сочувствіе и несочувствіе вполне опредѣленнымъ предметамъ. Здѣсь меньше иллюзій и больше яснаго пониманія цѣли и средствъ. Здѣсь нѣтъ уже воззваній къ какому-нибудь королю

¹⁾ Василій Петровичъ.

²⁾ Вмѣсто «декламація»—шутка надъ В. П. Боткинымъ, какъ авторомъ «Писемъ объ Испаніи».

³⁾ Жена Корша.

⁴⁾ Крылова, урожд. Коршъ.

стать во главѣ своего народа, нѣтъ гимновъ съ мольбою подарить народу свободу и счастье. Фридрихъ-Вильгельмъ IV успѣлъ за это время убить такую вѣру. Въ стихахъ Гервега чувствуется, что настроеніе измѣнилось: сумерки исчезаютъ и наступаетъ день... Даже, повидимому, враждебное отношеніе къ религіи носить въ первомъ сборникѣ характеръ чистаго деизма. Иное во второмъ сборникѣ. Здѣсь мы находимъ похвальную пѣснь Фейербаху и, такъ называемую, языческую пѣснь, рѣзкая иронія которой превосходитъ всѣ подобныя пѣсни Гейне. Сначала Гервегъ былъ только остроумецъ, потомъ онъ дѣлается язвительнъ. Изъ поэта свободы выработался предвѣстникъ и предтеча наступающей революціи. Если эти звучные и сильные стихи не имѣли болѣе глубокаго вліянія на обыкновенное настроеніе, то причину этого надо искать въ недостаткахъ Гервега, какъ человѣка, что постоянно проскальзывало въ его поэзіи. Въ сборникѣ этихъ стихотвореній ничто не указываетъ на богатство внутренняго содержанія. Если Гервегъ никогда не измѣнялъ своему прошедшему, то никогда не былъ работникомъ въ дѣлѣ свободы» («Рус. Мысль» 1891, III, 73—74).

Въ томъ же 1843 г. Гервегъ женился на Эммѣ Сигмундъ, дочери берлинскаго банкира. Я. М. Невѣровъ рассказываетъ, что въ 1837 г. въ Берлинѣ онъ и Грановскій бывали въ домѣ ея отца. «Мы проводили тамъ обыкновенно вечера въ воскресенье, потому что это былъ назначенный день, и собиралось множество молодежи для танцевъ, въ которыхъ Грановскій также, хотя и не совсѣмъ охотно, принималъ участіе, потому что предпочиталъ бесѣду съ умною и чрезвычайно образованною, хотя и некрасивою, старшею изъ дочерей, Эммою Сигмундъ, хотя младшая была къ нему равнодушна» («Рус. Старина» 1880, IV, 749).

Гервегъ былъ знакомъ съ Бакунинымъ уже въ 1842, и въ январѣ 1843 г. они оба покинули Саксонію, чтобы поселиться опять вмѣстѣ въ Цюрихѣ (М. Bakounine «Oeuvres», II, Paris, 1903). Бакунинъ былъ свидѣтелемъ на его свадьбѣ (Нетлау, I, примѣчаніе 1351). Вскорѣ они стали друзьями, и Бакунинъ защищалъ Гервега отъ обвиненій въ его поэтическомъ тщеславіи, въ безхарактерности, въ изнѣженности и т. п., что видно, напр., изъ письма А. Руге къ Флейшеру отъ 22 ноября 1844 г. (A. Ruge, «Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880», b. II, Berlin, 1886).

Въ описываемое Герценомъ время Гервегъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ они незадолго до этого и познакомились

Бамбергеръ такъ описываетъ его наружность: «ein wunder-schöner Mann ¹⁾), темные, шелковистые, слегка уже сѣдѣющіе волосы,

¹⁾ Удивительно красивый мужчина.

мягкая борода, пылающіе глаза, смуглый цвѣтъ лица, мягкія черты и маленькія нѣжныя руки» (L. Bamberger, «Erinnerungen», Berlin, 1899, 206).

460. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 августа 1847.

Парижъ.

Получилъ твое письмо отъ 8 іюля; благодарю, очень благодарю; ты теперь болѣе, нежели когда-нибудь, знаешь цѣну письмамъ ¹⁾. Насчетъ твоихъ экономическихъ теорій я не стану говорить, потому что я плохо знаю предметъ; въ нихъ мнѣ всего болѣе нравится яркое доказательство твоей живой и реальной природы. Быть своевременнымъ, умѣстнымъ, взять именно ту сторону среды, въ которой возможенъ трудъ, и сдѣлать этотъ трудъ существеннымъ—въ этомъ весь характеръ практическаго человѣка. И съ этой стороны ты совершенно правъ, нападая на Бельтова; ошибка въ томъ, что цѣль не Бельтовъ, а необходимость подобнаго воздѣйствія не на изъ рукъ вонъ сильнаго человѣка, но на прекраснаго и способнаго человѣка. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить біографіи всѣхъ знакомыхъ да и наши нѣсколько. При начальныхъ шагахъ жизни что представлялось на выборъ? доктринерство, всяческій романтизмъ; я сдѣлался отчасти доктринеромъ и, можетъ, былъ бы *sehr ausgezeichnet in meinem Fache* ²⁾, если-бъ не необходимость уѣхать въ провинцію. Тамъ я сдѣлался романтикомъ. Въ дѣйствительную жизнь, въ дѣйствительное спасеніе вышелъ я женитьбой,—да, вѣдь, и ты женился, однако, для тебя это имѣло совсѣмъ иную воспитательную силу. Наконецъ, литературная (практическая и очень) дѣятельность сдѣлалась пока единственной возможной,—дѣло пошло довольно успѣшно, хотя я собственно на нее попалъ 30 лѣтъ. Могло совсѣмъ иначе быть: да и, безъ хвастовства, у насъ довольно много силы, даже своего рода *persévérance* ³⁾ и юркость,—да, прошу не смѣяться надъ этимъ словомъ: юркость—важная помощь въ жизни, да еще способность понимать, страдать и утѣшаться. Но вотъ здѣшній Ех-Гегель ⁴⁾,

¹⁾ Въ серединѣ 1847 г. Огаревъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Старомъ Акшинѣ, Саранскаго у.

²⁾ Очень выдающийся въ своей отрасли.

³⁾ Настойчивость.

⁴⁾ М. А. Бакунинъ.

вотъ тебѣ примѣръ противоположный, а долею и Саз. 1) — sui generis романтикъ, плодovitая безплодность. Къ моей второй характеристикѣ знакомыхъ не прибавлю ни іоты, — она вѣрна. Съ Георгомъ 2) я въ послѣднее время очень познакомился; отчего ты мнѣ никогда не говорилъ о его женѣ? она — замѣчательная женщина. Они уѣхали въ Бретань, куда и мы на недѣлку поѣдемъ, на берегъ моря. 1 Георгъ сдѣлалъ превосходное замѣчаніе на счетъ твоего protegé (котораго я очень уважаю и люблю, насколько такую эгоистически-раздражительную натуру любить можно), что ему отроду въ голову не приходило быть человѣкомъ и чѣмъ-нибудь: онъ только думалъ объ этомъ «чѣмъ-нибудь», а оно-то и не удалось. Я передалъ очень коротко, а это было лучше и полнѣе.

Приѣхалъ сюда Бѣлинскій, въ чахоткѣ; онъ лѣчился сначала въ Зальцбрунѣ, теперь въ Maison de santé 3) въ Пасси. Худъ, слабъ, однако, докторъ подаетъ большую надежду. Парижъ его поразилъ; онъ говоритъ, что въ первый разъ дѣйствительность превзошла ожиданія, но въ Maison de s. ему очень скучно, несмотря на почетное сосѣдство Теста — арестанта изъ министровъ. 2 Вѣроятно, и ты сколько-нибудь слѣдишь за здѣшними сплетнями и дѣлами — Жирарденъ, Кюбьеръ и пр., — только въ «Journ. des Débats» все перевернуто, читай хоть «Presse» или «Allgemeine Zeit.», что ли. Галаховъ уѣхалъ въ Бонаръ, больной, — повредилъ себѣ глупымъ лѣченіемъ холодной водой и уѣхалъ лѣчиться куда-то въ Германію, оттуда онъ прямо домой, т. е. въ Москву. Жена его очень почтенная особа. Я не помню, писалъ ли я тебѣ прошлый разъ или нѣтъ, что у меня живетъ поваръ, который тебя знаетъ — Constantino Gregorio изъ Vagnî di Lucca, гдѣ онъ жилъ у М-me Кене 4); эта встрѣча стоитъ встрѣчи Бѣлинскаго съ Тестомъ.

Ты все хочешь, чтобъ мы тебѣ писали о нашихъ впечатлѣніяхъ и пр., т. е. именно о томъ, о чемъ я не напишу, да между прочимъ все это, — очень легко догадаться, — гораздо легче, нежели о твоихъ впечатлѣніяхъ и о твоёмъ житьѣ-бытьѣ хозяино-помѣщичьемъ. Для того, впрочемъ, чтобъ сколько-нибудь удовлетворить, я пошлю въ «Совр.» письма три или четыре 5). Тамъ, по крайней мѣрѣ, смѣшная сторона впечатлѣній. 3

Московскими я всѣми недоволенъ: есть предѣлъ всему, и если ихъ молчаніе — не просто холодное невниманіе, то, по крайней мѣрѣ,

1) Н. И. Сазоновъ.

2) Гервегъ.

3) Частная лѣчебница.

4) Сестра И. П. Галахова.

5) «Письма изъ Avenue Marigny».

уродство. Распущенность и распущенность (въ которой насъ такъ усердно обвиняли), то есть то самое свойство, которое заставило или, лучше, не остановило Гран. снова сыграть патетическую сцену съ Шевыр. и Хомяк., что, хотя было и въ маѣ мѣсяцѣ, но я теперь только что услышалъ.⁴

Прощай. Изъ послѣдняго письма я вижу, что ты глубже и вѣрнѣе понялъ Ал. Ал.¹⁾ Я жду его и буду радъ, хотя тоже смотрю какъ на... какъ на Бельтова въ своемъ родѣ, сломившагося, и оправдываю вполнѣ, и все же долженъ это неразвитіе принять за фактъ,—за фактъ, который ставитъ навѣки преграду.

Будь здоровъ.

Огаревъ, что бы тебѣ завести переписку и даже выписать къ себѣ на время Астракова²⁾? онъ—отличный агрономъ и, сверхъ того, агрономъ-прогрессистъ. Онъ могъ бы много сдѣлать пользы даже и заводу, ибо механикъ велий. Подумай объ этомъ.⁵

◆◆ 1. 22 августа Бѣлинскій писалъ женѣ: «Герценъ съ Н. А—ной и сыномъ уѣхалъ въ Гавръ; его сыну докторъ предписалъ брать морскія ванны. Марья Ѳедоровна Коршъ осталась одна съ Наташею» (Бѣлинскій «Письма», т. III, 254). Возможно, что между письмомъ къ Огареву и этимъ письмомъ Бѣлинскаго Герцены были и въ Бретани.

2. Въ январѣ 1847 г. Бѣлинскій, устраивая свою заграничную поѣздку, писалъ Боткину: «Поѣздка моя на воды—миѡъ. Некрасовъ не въ состояніи дать мнѣ 300 руб. сер., которые долженъ онъ Герцену. Твои 2.500 слишкомъ неопредѣленны и гадательны, чтобы на ихъ основаніи рѣшить что-нибудь положительно. «Если бы чего недостало,—говоришь ты,—ты напишешь къ Герцену, и онъ, *вѣрно*, пришлетъ еще 1.000». Увы, другъ мой, многіе горькіе опыты въ жизни убѣдили меня, что въ ней ничего нѣтъ *вѣрнаго*. Такъ, напр., возвращаясь изъ поѣздки въ Москву, я былъ *увѣренъ*, основываясь на словѣ Герцена, получить 3.000 асс., а получилъ половину, и это произвело большую сумятицу въ моихъ обстоятельствахъ; скажу тебѣ откровенно: эта жизнь на подаяніяхъ становится мнѣ невыносимою» (Бѣлинскій «Письма», т. III, 162). Изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что Боткинъ потомъ опять просилъ денегъ у Герцена для Бѣлинскаго, и поѣздка послѣдняго въ Силезію была уже фактомъ (стр. 191 и «П. В. Анненковъ и его друзья», 536, 540). Извѣстно, что изъ Зальцбрунна Бѣлинскій послалъ Гоголю

¹⁾ А. А. Тучковъ.

²⁾ Сергѣй Ивановичъ.

свое знаменитое письмо. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Герценъ явился къ нему въ отель. «Бѣлинскій тотчасъ же разсказалъ ему о вызовѣ, полученномъ имъ отъ Гоголя и объ отвѣтѣ, который онъ ему послалъ. Затѣмъ онъ прочелъ ему черновое своего письма. Во все время чтенія уже знакомаго мнѣ письма, — разсказываетъ П. В. Анненковъ, — я былъ въ сосѣдней комнатѣ, куда, улучивъ минуту, Герценъ шмыгнулъ, чтобы сказать мнѣ на ухо: «Это — гениальная вещь да это, кажется, и завѣщаніе его» («Литератур. воспоминанія», 356). Тамъ же находимъ указанія на то, что утомленный Парижемъ, Бѣлинскій нашелъ пріютъ въ семьѣ Герцена, гдѣ Н. А.—на и М. Э. Коршъ «окружили его попеченіемъ и успѣвали разглаживать морщины, наведенныя усталостью отъ зрѣлища мятущихся людей, цѣлей и намѣреній которыхъ угадать нельзя» (стр. 360). Свои теплыя отношенія къ семьѣ Герцена Бѣлинскій неоднократно высказывалъ въ дружеской перепискѣ (см. «Письма», III, 260, 261, 265). Изъ письма Бѣлинскаго отъ 3 августа видно, что 29 іюля онъ вмѣстѣ съ Анненковымъ былъ у Герценовъ, а 30-го они отправились въ Пале-Ройяль (т. III, 248).

3. 19 іюля 1847 В. П. Боткинъ писалъ Анненкову: «былъ здѣсь (Москва—*М. Л.*) на-дняхъ Некрасовъ, и мы приняли съ нимъ разныя мѣры для улучшенія «Современника». Надобно ему непремѣнно поправиться осенью; ежели онъ останется тѣмъ же, что теперь, то очень можетъ статься, что подписка на 1848 годъ уменьшится. Да и вы отъ Герцена вытаскивайте статьи; слухи есть, что онъ нѣчто готовитъ для «Современника» («П. В. Анненковъ и его друзья», 543).

Въ это время «Письма» уже слагались въ мысли Герцена и, дѣлясь съ М. С. Щепкинымъ своими европейскими впечатлѣніями, онъ высказалъ ему вкратцѣ и свои мысли о роли буржуазіи. Письмо это не найдено, но объ его содержаніи можно судить по письму Боткина къ Анненкову отъ 14 мая 1847 г.: «Обнимите за меня Герцена. Я читалъ его письмо къ Щепкину съ большимъ огорченіемъ. Онъ такого вздору наговорилъ! Bourgeois, видите, виноватъ въ томъ, что на театрахъ играютъ гривуазные водевили. Не шутя! Не даромъ вы писали, что Герценъ старается каждый предметъ понять навыворотъ, чтобъ потомъ имѣть удовольствіе поставить его на прежнее мѣсто. Его письмо къ Щепкину, точно, писалъ одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые года три назадъ пріѣзжали въ Парижъ учить французовъ. Ну, да что же дѣлать! Кто жъ, выѣхавъ въ первый разъ въ Европу, не начиналъ свои о ней сужденія глупостями!» («П. В. Анненковъ и его друзья», 540). Спустя два мѣсяца Боткинъ излагаетъ свои мысли подробнѣе, и онъ предста-

вляють для насъ большой интересъ, какъ показатель все больше и больше прояснявшейся разницы въ воззрѣніяхъ Герцена и его друзей. «Вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но, ради Бога, какъ же не защищать ее, когда наши друзья, со словъ социалистовъ, представляютъ эту буржуазію чѣмъ-то въ родѣ гнуснаго, отвратительнаго, губительнаго чудовища, пожирающаго все прекрасное и благородное въ человѣчествѣ? Я понимаю такія гиперболы въ устахъ французскаго работника, но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе, какъ забавными. Тамъ борьба духъ партій заставляетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ, это—понятно, а здѣсь вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто живой, индивидуальной мысли вдругъ встрѣчатъ общія мѣста,—ей Богу, досадно. И вотъ почему не понравилось мнѣ такъ его письмо къ Щепкину. Рѣчь, видите, идетъ о развратномъ влияніи буржуазіи на сцену и о лицемѣрствѣ французскаго общества. Но мнѣ бы хотѣлось условиться, что понимаютъ подъ словомъ «развратъ». Что касается до лицемѣрства, то я думаю, что оно всегда было, есть и будетъ, и только одно какое-нибудь мечтательное первобытное общество не грѣшно въ немъ. Упрекъ въ лицемѣрствѣ не падаетъ только на однихъ благородныхъ фанатиковъ, приносящихъ себя въ жертву своей идеѣ или страсти. Во Франціи это лицемѣрство виднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что треть націи громко смѣется надъ условною общественною моралью. Въ Германіи и Англии несравненно меньше лицемѣрства, но отчего? Вы поймете и безъ моего отвѣта» (тамъ же, 542).

4. Грановскій полемизировалъ съ А. С. Хомяковымъ въ «Отч. Запискахъ» и «Москов. Вѣдомостяхъ» по поводу исторической судьбы бургундовъ, въ которой, по мнѣнію Герцена, былъ недостатокъ рѣзокъ и опредѣлененъ. Къ указанной Герценомъ распушенности, вѣроятно, надо было присоединить и какой-то некрасивый поступокъ Кетчера, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе только изъ письма Огарева къ Грановскому, хранящагося въ Румянц. музеѣ. Огаревъ говоритъ, что «внутренно разошелся съ Кетчеромъ, когда онъ взвелъ нелѣпую клевету на Наташу Герценъ со словъ Селиньки», т. е. Е. А. Селиной.

Въ письмѣ къ П. В. Анненкову отъ 3 апрѣля 1847 г. Боткинъ сообщаетъ о полемикѣ Грановскаго съ Хомяковымъ. «Напечатаніе письма Гранов. въ «От. Зап.» приведетъ въ негодованіе друзей. Если я чему-либо радъ былъ по пріѣздѣ въ Москву, такъ это произведенію *реакціи* между моими москов. друзьями; и я доволенъ тѣмъ, что успѣлъ въ этой *реакціи*; тѣмъ болѣе доволенъ, что я поступалъ добросовѣстно и вслѣдствіе моего чувства, и убѣжденія.

Герценъ, несмотря на свой блестящій и глубокой умъ, въ дѣлахъ житейскихъ—чистый ребенокъ, безпрестанно поддающійся то тому, то другому влиянію. Вы не можете себѣ представить, какъ въ этомъ человѣкѣ слабъ характеръ и сколько лежитъ на немъ московской, буршекозной жизни. Авось, съ этой стороны путешествіе исправитъ его» («Отчетъ И. Публич. Библіотеки за 1889 г.», 77—78).

Изъ письма Боткина къ Анненкову видно, что 24 августа 1847 г. Грановскій получилъ отъ Герцена письмо, въ которомъ послѣдній «послѣ шестимѣсячнаго молчанія, вздумалъ упрекать ихъ, что они къ нему не пишутъ. Мы между тѣмъ вспоминаемъ здѣсь о немъ безпрестанно. Но, вѣдь, романическое время писанія о внутреннихъ явленіяхъ прошло, а здѣсь такъ мало новостей, что, право, и въ годъ полстраницы не наберешь» (тамъ же, 549).

7 сентября Гоголь писалъ изъ Остенде Анненкову: «Въ письмѣ вашемъ вы упоминаете, что въ Парижѣ находится Герценъ. Я слышала о немъ очень много хорошаго. О немъ люди *всѣхъ партій* отзываются, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Это лучшая репутация въ нынѣшнее время. Когда буду въ Москвѣ, познакомлюсь съ нимъ непременно, а куда извѣстите меня, что онъ дѣлаетъ, что его болѣе занимаетъ и что предметомъ его наблюденій» («П. В. Анненковъ и его друзья», 508).

5. По разнымъ поводамъ намъ пришлось бы не разъ останавливаться на выясненіи состоянія Огарева и его отношеній къ своимъ крѣпостнымъ. Для большей ясности этого вопроса, я предпочитаю разбить его на двѣ-три болѣе подробныя замѣтки, изъ которыхъ первая и слѣдуетъ ниже.

Имущество Огарева въ моментъ смерти его отца состояло изъ двухъ частей: одну онъ наслѣдовалъ еще раньше отъ матери, другую — послѣ отца.

Сначала о второй ¹⁾. Она состояла изъ имѣній въ Пензенской губ., въ которыхъ въ общей сложности насчитывалось 1.700 душъ,

¹⁾ Свѣдѣнія эти получены мною изъ внимательнаго подсчета данныхъ «Сенатскихъ объявленій о запрещеніяхъ на недвижимыя имѣнія» за двадцать пять лѣтъ. Есть основаніе думать, что въ разное время, по разнымъ долгovýmъ обязательствамъ, всѣ имѣнія Огарева были подъ запрещеніемъ тотъ или иной срокъ,—въ Пензенскомъ уѣздѣ: Чертково, Смагино, Рудаково, Зубарево; въ Инсарскомъ — Богдановка (въ ней былъ винокуренный заводъ, изъ года въ годъ доставлявшій въ казну вина на 10,000—20,000 руб. сер.), Старое Акшино (въ немъ Огаревы и жили большею частью), Александровка, Каменка и Русское Баймаково. Сообщение Анненкова, что въ Пензенской губ. у Огарева осталось въ 1841 году только 500 душъ, не вѣрно.

что, въ переводѣ на деньги, по тогдашнему, вмѣстѣ съ землею, равнялось не менѣе 400.000 руб. сер.

Послѣ матери Огаревъ наслѣдовалъ громадное имѣніе Верхній-Бѣлоомутъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Въ родѣ Огаревыхъ оно перешло, благодаря женитьбѣ Платона Богдановича на Елизаветѣ Ивановнѣ Баскаковой, отецъ которой наслѣдовалъ В.-Бѣлоомутъ послѣ своего родного брата, Михаила. Послѣдній, будучи камеръ-юнкеромъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикомъ, содѣйствовалъ Екатеринѣ II въ ея политической авантюрѣ, называющейся вступленіемъ на прародительскій престолъ, и за это или, какъ сказано было въ указѣ, «за отмѣнную и всѣмъ вѣрноподаннымъ извѣстную службу, вѣрность и усердіе къ Ея Императорскому Величеству и отечеству», награжденъ былъ вотчиной. При 600 душахъ въ В.-Бѣлоомутѣ состояло 8.127 десятинъ. Въ 1813 году, послѣ рожденія сына, Елизавета Ивановна умерла, и обладателемъ Бѣлоомута сдѣлался новорожденный Огаревъ, надъ которымъ отецъ былъ назначенъ опекуномъ. Въ 1834 г., по достиженіи совершеннолѣтія, Н. П.—чъ офиціально уже вступилъ въ свои права, но фактически не смѣлъ распорядиться ни однимъ рублемъ или десятиной до самой смерти отца. Послѣдній считалъ совершенно естественнымъ держать сына въ своихъ рукахъ и даже послѣ женитьбы его выдавать лишь 4.000 руб. ассигнац. въ годъ.

Послѣ смерти отца Огаревъ совершенно не умѣлъ вести свои дѣла и, несмотря на богатство, часто сидѣлъ безъ денегъ.

Уже въ 1839 г. онъ подумывалъ освободить своихъ крѣпостныхъ и по этому поводу писалъ Марьѣ Львовнѣ, бывшей тогда въ Петербургѣ: «О, Марія, Марія, дорогой ангель, неужели же я долженъ отказаться отъ моихъ плановъ, благородныхъ, гуманныхъ, честныхъ, для того, чтобъ развлекаться всю жизнь» («Рус. Мысль», 1889 г. X, 15). Изъ предшествующей части письма видно, что жена не особенно-то сочувствовала тому виду освобожденія, который уже намѣчался Огаревымъ.

По разсказамъ бывшихъ крѣпостныхъ Огарева и ихъ сыновей, онъ относился къ своимъ рабамъ далеко не такъ, какъ это было принято вообще, почему и заслужилъ прозваніе «барина-человѣколюбца». Николай П.—чъ давалъ имъ заимообразно деньги, покупалъ рекрутскія квитанціи и нанималъ охотниковъ, но и то, и другое дѣлалъ не иначе, какъ по приговору общества, волю котораго ставилъ всегда выше своей. Строго запрещалось крестьянамъ стоять передъ нимъ безъ шапки ¹⁾.

¹⁾ Влазневъ, «Матеріалы для историко-статистическаго очерка бывшихъ государственныхъ дворцовыхъ рыбныхъ ловцовъ сель Бѣлоомутъ

Управлялись крестьяне міромъ, который былъ совершенно свободенъ отъ воздѣйствій не только барина, но и выборныхъ бурмистровъ. Когда однажды Огаревъ узналъ, что одинъ изъ бурмистровъ надѣвалъ провинившимся на шею и одну ногу особыя колодки, онъ возмущенъ и велѣлъ немедленно сжечь эти ужасныя орудія («Рус. Мысль» 1902 г. XI, 116—117).

Какъ уже говорилось, Огаревъ изъ Владиміра, въ мартѣ 1839 г., отправился въ Верхній-Бѣлоомуть. Тамъ онъ созвалъ сходъ и объявилъ, что хочетъ освободить всѣхъ крестьянъ села за сравнительно небольшую сумму, для чего просилъ прислать потомъ въ Москву выборныхъ. Въ Москву и прибыли крестьяне, но не выборные, а исключительно одни богатѣи съ бурмистромъ и предложили Огареву за незначительную часть земли и за свой выкупъ 50,000 руб. сер. Огаревъ категорически отказался отъ предложенія, потому что оно было связано съ отчужденіемъ у общества прекрасной части заливного луга. Вскорѣ прибыли и выборные. Я не стану передавать всѣхъ подробностей переговоровъ. Можно лишь думать, что не всѣ крестьяне сразу понимали желаніе Огарева, не всѣ оцѣнивали его въ одинаковой степени. Вотъ отрывокъ изъ его письма женѣ отъ 5 марта 1840 г.: «Здѣсь полупонятый умными, совсѣмъ не понятый дураками, я только печально могу взглянуть на этотъ бытъ полуобразованныхъ мужиковъ. Тѣ, которые подстригли бороды и надѣли длинные сюртуки, смекаютъ и то и другое и, можетъ быть, видятъ во мнѣ не злонамѣреннаго человѣка; тѣ, которые остались въ сѣрыхъ кафтанахъ, хотя и имѣтъ барина, который спускалъ бы имъ неплатежъ оброка. Вотъ изъ чего состоитъ это знаменитое село, гдѣ я обрѣтаюсь на нѣсколько часовъ» (М. Гершензонъ, «Н. П. Огаревъ и его крѣпостные», «Научное Слово», 1903 г. IV, 88).

Такъ или иначе, 18 октября 1840 г. Огаревымъ и выборными отъ крестьянъ былъ подписанъ предварительный договоръ, согласно которому 1,820 душамъ съ ихъ женами и дѣтьми давалась вѣчная свобода для поступленія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, и въ ихъ собственность отдавалась вся земля (8,127 десятинъ, изъ нихъ 1,470 луговъ, 5,500 лѣсу, строевого и дровяного, остальное подъ усадьбами и неудобной; пахоти не было,—этимъ крестьяне-рыбники не занимались). За это Огаревъ получалъ 142,857 руб. сер. выкупа, платимаго въ теченіе десяти лѣтъ съ 4% въ годъ за остающуюся часть; кромѣ того, крестьяне уплачивали московской сохраннымъ

ной казнѣ по займу Огарева 82,500 руб. сер. и оброчную недоимку Огареву—11,428 руб. сер. Въ іюнѣ 1842 г. договоръ былъ утвержденъ государемъ, но Огаревъ былъ уже за границей. Въ іюлѣ 1843 г. сенатъ опредѣлилъ вытребовать его для явки въ рязанскую гражданскую палату, гдѣ, оказалось, надо было окончательно оформить договоръ. Въ мартѣ 1844 г. министерство разслало объ этомъ циркуляры, но только въ ноябрѣ 1845 г. было получено донесеніе берлинскаго посольства, что Огаревъ недавно взялъ паспортъ на проѣздъ въ Россію. Наконецъ, 30 января 1846 г. въ рязанской палатѣ дѣло было оформлено, причемъ со стороны Огарева повѣреннымъ былъ его бѣлоомутскій же отпущенный крестьянинъ С. И. Шлыгинъ, а со стороны крестьянъ—М. Л. Шваревъ. Одинъ изъ пунктовъ договора гласилъ: «Если же, паче чаянія, въ числѣ крестьянъ окажутся нерадящіе о исполненіи своихъ обязательствъ, тогда сельское управленіе должно просить мѣстное начальство о принятіи законныхъ мѣръ къ побудительности таковыхъ нерадивыхъ, ибо за неустойку или нарушеніе каковаго-либо пункта сего условія, крестьяне, по точной силѣ IX тома 454 ст., снова обращаются въ крѣпостное состояніе, а я, Огаревъ, въ послѣднемъ случаѣ обязанъ возратить имъ, крестьянамъ, полученныя въ число выкупной суммы деньги, кромѣ процентовъ на не оплаченную сумму, такъ какъ таковыя проценты суть по праву мнѣ принадлежащій доходъ».

Этотъ пунктъ былъ тогда обязательнымъ въ подобнаго рода договорахъ, и гражданская палата не могла его не включить.

Каковъ же самый договоръ, легокъ ли онъ былъ для крестьянъ? На этотъ вопросъ въ литературѣ есть разные отвѣты. Занявшійся имъ прежде другихъ г. Семевскій ариѳметически высчиталъ, что крестьяне платили по 130 руб. съ *ревизской* души (на самомъ же дѣлѣ душъ было больше), и пришелъ къ заключенію, на основаніи другихъ примѣровъ, что «даже для рязанской губерніи выкупъ этотъ былъ не изъ самыхъ низкихъ» и что «отъ идеалиста 30-хъ годовъ можно было бы ожидать большей уступчивости крестьянамъ» («Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.», т. II, 227—231). Но изслѣдователь экономическаго быта рязанскихъ крѣпостныхъ, г. Повалишинъ, указалъ почтенному историку на ошибочность такого пріема. Разсчетъ г. Семевского былъ бы совершенно правиленъ, если бы Огаревъ отпустилъ крестьянъ на волю безъ всякаго имущества; тогда, дѣйствительно, 130 руб. исключительно, такъ сказать, за личность нельзя было не признать суммой по тогдашнимъ временамъ вовсе не незначительной. Между тѣмъ, если всю сумму выкупа раздѣлить не на число душъ, а на число

десятинъ, то получается стоимость десятины 29 руб. съ копѣйками, а такъ какъ на душу приходилось по 4^{1/2} десятины, то, слѣдовательно, за землю они и уплачивали всѣ 130 руб., а *личность отпущалась бесплатно*. Что же касается того, стоила ли тогда земля такихъ денегъ, то вопросъ этотъ рѣшенъ безусловно въ пользу Огарева, потому что въ В.-Бѣлоомутѣ луга были лучшими въ губерніи, а лѣсъ былъ настолько хорошъ, что черезъ десять лѣтъ, крестьяне продали изъ 5,500 дес. только пятую часть и получили съ купца Розанова 550,000 руб. серебромъ. Мало этого, сестра Огарева, узнавъ о его условіяхъ съ крестьянами, предлагала ему продать все ей и давала ровно вдвое—по 250 руб. съ души. Если Огаревъ самъ и писалъ женѣ въ апрѣлѣ 1840 г., что онъ «право, ничего не теряетъ», то, разумѣется, дѣлалъ это только для того, чтобы Марья Львовна не противилась такому освобожденію... Мы не знаемъ, на какихъ условіяхъ Огаревъ отпустилъ бы крестьянъ, если бы не былъ женатъ именно на ней ¹⁾.

Потомъ крестьяне сами хорошо поняли всю выгоду договора, и добрыя ихъ отношенія съ бывшимъ бариномъ поддерживались всегда. Вотъ два письма, писанныя Огаревымъ старшинамъ Бѣлоомута. 23 декабря 1847 года:

«Данила Семеновичъ! Деньги 56,673 руб. 81 коп. сер., выданныя мнѣ изъ совѣта при перелогѣ крестьянъ бѣлоомутскихъ въ счетъ слѣдующей мнѣ выкупной суммы, я получилъ, и затѣмъ остается крестьянамъ доплатить мнѣ, за выключеніемъ 5,845 руб. асс., на серебро 13,071 руб. 43 коп.; съ означенной суммы, которую крестьяне мнѣ остаются должны, процентовъ никакихъ я не желаю, а прошу только внести мнѣ въпродолженіе перваго полугодія наступающаго 1848 г. 3,000 руб. сер.; на остальную же сумму расположить платежъ такъ, какъ крестьяне найдутъ для себя удобнымъ, лишь бы деньги были заплачены къ сроку. Искренно желаю, чтобы и съ наступающимъ новымъ годомъ въ с. Бѣлоомутѣ болѣе и болѣе водворялись порядокъ и трудолюбіе и крестьяне дѣйствительно бы умѣли уважать свою свободу и пользоваться ею. Прошу все сіе объявить крестьянамъ».

Второе, 17 марта 1847 г.: «Герасимъ Трофимовичъ! Поздравляю Васъ съ новою должностію и искренно желаю, чтобы управленіе Ваше Бѣлоомутскимъ обществомъ было бы для него также полезно,

¹⁾ Подробности этого вопроса читатель найдетъ въ указанной работѣ г. Семевского, въ книгѣ А. Повалишина «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», Рязань, 1903 г., въ уже цитированной статьѣ г. Влазнева и въ работѣ г. Гершензона въ «Научномъ Словѣ». Въ разсказѣ Анненкова много невѣрнаго.

какъ управленіе вашего предшественника, Данилы Семеновича. Деньги посланнаго Данилою Семеновичемъ въ уплату слѣдующихъ мнѣ денегъ, 1,500 руб. сер., по отъѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, получены въ Акшинѣ моимъ управляющимъ, въ чемъ и прилагаю сіе удостовѣреніе. По бытности моей въ Петербургѣ, если обществу Бѣлоомутскому что нужно, я могу хлопотать, а потому пишите мнѣ, адресуя: въ С.-Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ликишина, въ контору Якова и Компанія, для передачи Ник. Плат. Огареву. Прошу поклониться отъ меня и пожелать всѣхъ благъ крестьянамъ с. Бѣлоомута».

Когда бѣлоомутцы узнали о смерти Николая Платоновича,—кстати сказать, жившаго послѣдніе годы на средства друзей,—они собрались и сдѣлали очень трогательный приговоръ:

«1877 года, іюля 26-го дня. Мы, нижеподписавшіеся Рязанской губ. Зарайскаго уѣзда, Верхне-Бѣлоомутской волости, села Верхняго-Бѣлоомута 1-го общества государственные крестьяне, бывшіе по крѣпостному праву помѣщика Николая Платоновича Огарева, бывъ собраны на сельскій сходъ, на коемъ, между прочимъ, намъ объявлено о смерти бывшаго нашего помѣщика Николая Платоновича Огарева, скончавшагося въ Англіи, въ Гринвичѣ, 31-го мая сего года на 64 году отъ рожденія, принимая во вниманіе всѣ оказанныя имъ нашему обществу неизгладимыя изъ памяти благодѣянія, какъ въ бытность крѣпостного права, такъ и при отпускѣ на волю въ свободные хлѣбопашцы, въ числѣ 1,820 душъ со всѣми угодіями, состоящими при нашемъ селѣ, за соразмѣрную безъ отягощенія насъ сумму, единогласно положили: дабы почтить память нами незабвеннаго, любимаго нашего бывшаго помѣщика, Н. П. О., съ сего года учредить отнынѣ на всѣ времена, въ день смерти его 31-го мая, ежегодно, въ воскресный день, ближайшій къ этому числу, творить о упокоеніи души его и родителей его поминовеніе въ церкви черезъ священнослужителей службою соборной панихиды, и кромѣ того, ежедневно имѣть поминовеніе души его съ родителями; расходъ на это производить изъ общественныхъ суммъ. Приговоръ этотъ записать въ волостную книгу и хранить и исполнять его свято, въ чемъ и подписуемся. Волостной старшина П. Каширинъ. Волостной писарь Ефимъ Второвъ (затѣмъ подпись 76 лицъ)».

«Съ юныхъ лѣтъ я слышалъ,—разсказываетъ г. Влазневъ,—отъ своего отца, не разъ говоренныя моимъ старшимъ братьямъ: «Ребята, на молитвѣ поминайте о здравіи и спасеніи раба божія, боярина Николая. Такихъ отцовъ родныхъ, какъ нашъ баринъ-то, немного на Россіи»...

Наконецъ, уже въ наше время—вотъ какъ еще помнятъ Огарева его крестьяне: «1901 года іюля 22 дня мы, нижеподписавшіеся, Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, Верхне-Бѣлоомутской волости, села Верхняго-Бѣлоомута, государственные крестьяне, бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, собранномъ по распоряженію волостного старшины М. А. Шлыгина для обсужденія дѣлъ общественныхъ надобностей, на который изъ числа насъ всѣхъ 540 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, явилось 160 человекъ, гдѣ симъ приговоромъ постановили: выразить свою искреннѣйшую признательность отъ лица всего Верхне-Бѣлоомутскаго сельскаго общества бывшей нашей помѣщицѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Огаревой, за въ даръ присланный ею 2-го іюня сего года портретъ ея супруга, бывшаго нашего помѣщика Николая Платоновича Огарева, память о которомъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ со дня освобожденія нашего жила, живетъ и вѣчно будетъ жить въ сердцахъ нашихъ семействъ, какъ о другѣ и благодѣтелѣ, щедро наградившемъ наше общество своимъ имуществомъ, которымъ мы, владѣя и пользуясь, живемъ обезпеченно. Въ чемъ составили сей приговоръ и къ оному подписуемся». (Слѣдуетъ 160 подписей, частью за себя, частью—за неграмотныхъ. Подписи завѣрены волостнымъ старшиной, затѣмъ этотъ приговоръ явленъ въ волостномъ правленіи и, наконецъ, утвержденъ земскимъ начальникомъ, Ив. Мельгуновымъ).

24 ноября 1913 г., въ день столѣтія рожденія Огарева, верхне-бѣлоомутцы также не остались пассивными (См. № 271 «Рус. Вѣд.» 1913 г.).

461. Изъ сочиненія доктора Крупова

„О душевныхъ болѣзняхъ вообще о объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности“¹⁾.

Отъ автора.

Много и много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я постоянно посвящаю время, отъ лѣченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на изложеніе *сравнительной психіатріи* съ точки зрѣнія, совершенно новой и мнѣ принадлежащей. Но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи. Нынѣ дѣлаю первый опытъ, побуждаемый предчувствіемъ скорого перехода въ минерально-химическое царство, коего главное неудобство—отсутствіе сознанія. Мнѣ кажется, что на всякомъ лежитъ обязанность узнанное имъ закрѣпить, такъ сказать, внѣ себя добросовѣстнымъ рассказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно исчез-

¹⁾ Предлагаая отрывокъ изъ записокъ почтеннаго и, вѣроятно, очень искуснаго доктора Крупова, мы никакъ не думаемъ, чтобы оригинальное мнѣніе его, явнымъ образомъ превратившееся въ помѣшательство, въ *idée fixe*, могло кого-нибудь оскорбить. Человѣкъ, считающій исторію хроническимъ безуміемъ, считающій всѣхъ людей на земномъ шарѣ (кромѣ себя!) за помѣшанныхъ, простеръ нелѣпость своего мнѣнія до той всеобщности, гдѣ она становится безличною; можно хохотать надъ нимъ, а сердиться нельзя; самое же лучшее—можно и должно ему сказать: *Medice, cura te ipsum*^{o)}.
А. И. Г.

10 февраля 1846.

^{o)} «Врачу, исцѣлися самъ!»

нуть при новыхъ, предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего, химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ.

Читая постоянно журналъ вашъ, я рѣшилъ послать въ него отрывокъ изъ введенія, потому именно, что оно весьма общедоступно; въ ономъ собственно содержится не теорія, а исторія возникновенія оной въ головѣ моей. При семъ позвольте предупредить васъ, что я всего менѣе литераторъ и, проживая нынѣ лѣтъ тридцать въ губернскомъ городѣ, удаленномъ какъ отъ резиденціи, такъ и отъ столицы, отвыкъ отъ краснорѣчиваго изложенія мыслей и не привыкъ къ модному языку. Не должно, однако, терять изъ виду, что цѣль моя вовсе не беллетристическая, а патологическая. Я не плѣнить хочу моими сочиненіями, а быть полезнымъ, сообщая чрезвычайно важную теорію, доселѣ отъ вниманія величайшихъ врачей ускользнувшую, нынѣ же недостойнѣйшимъ изъ учениковъ Иппократа наукообразно развитую и наблюденіями провѣренную.

Сію теорію посвящаю я вамъ, самоотверженные врачи, жертвующіе временемъ вашимъ печальному занятію лѣченія и хожденія за страждущими душевными болѣзнями.

Круповъ.

Medicinae et Chirurgiae Doctor.

Un auteur anglais a dit avec raison, que le déluge universel a peut être autant dérangé le monde moral que le monde physique et que les cervelles humaines conservent encore l'empreinte des chocs qu'elles ont alors reçus ¹⁾.

Я родился въ одномъ помѣщичьемъ селеніи на берегу Оки. Отецъ мой былъ діакономъ. Возлѣ нашего домика жилъ понамарь, человѣкъ хилый, бѣдный и обремененный огромной семьей. Въ числѣ восьми дѣтей, которыми Богъ наградилъ понамаря, былъ одинъ ровесникъ мнѣ; мы съ нимъ вмѣстѣ росли, всякій день вмѣстѣ играли въ огородѣ, на погостѣ или передъ нашимъ домомъ. Я ужасно привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ всѣми лакомствами, которыя мнѣ давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, кашу и передавалъ черезъ плетень. Пріятеля моего

¹⁾ Одинъ англійскій авторъ разумно высказалъ, что всемірный потопъ столь же, быть можетъ, разстроилъ нравственный міръ, сколько и физическій, и что мозгъ человѣческій до сихъ поръ сохраняетъ отпечатки толчковъ, которые онъ тогда получилъ.

всѣ звали «косой Левка»; онъ и дѣйствительно немного косилъ глазами. Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что понамаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ въ Окѣ, какъ рыба, лазалъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ одиноконекъ и въ то же время былъ чрезвычайно не понятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтирь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всѣ возможные средства, чтобъ развить умственныя способности сына: и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ на сутки,—все было тщетно: грамота Левкѣ не давалась, но бѣзжалостное обращеніе онъ понималъ, ожесточился и выносилъ все, что съ нимъ дѣлали, съ какою-то злою сосредоточенностью. Это ему не дешево стоило; онъ исхудалъ, видъ его, выражавшій прежде дѣтскую кротость, совершеннѣйшую беззаботность, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса и отвращенія. Еще года два побился понамарь съ сыномъ, убѣдился, наконецъ, что онъ глупорожденный и предоставилъ ему полную волю. Освобожденный Левка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, молчалъ, сидѣлъ въ углу и иногда бормоталъ про себя разныя слова и вель дружбу только съ двумя существами: со мной и со своей собачонкой. Собачонку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ, когда Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собачонку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ; съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцати меня отправили въ семинарію. Два года я не былъ дома, на третій я пріѣхалъ провести вакаціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано я надѣлъ свой новый затрапезный халатъ и хотѣлъ итти осматривать знакомыя мѣста. Только я вышелъ на дворъ,—у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, бывало, я ему давалъ пироги; онъ бросился ко мнѣ съ такою радостью, что у меня слезы навернулись.

— Сенька,—говорилъ онъ,—я всю ночь ждалъ Сеньку. Груша вчера молвила: «Сенька пріѣхалъ»...—и онъ ласкался ко мнѣ, какъ звѣрекъ, съ какимъ-то подобострастіемъ, смотрѣлъ мнѣ въ глаза и спрашивалъ: «Ты не сердись на меня? Всѣ сердиты на

Левку. Не сердись, Сенька: я плакать буду, не сердись: я тебѣ векшу поймаю.

Я бросился обнимать Левку. Это такъ ново, такъ необыкновенно было для него, что онъ просто зарыдалъ и, схвативши мою руку, цѣловалъ ее; я не могъ отдернуть руку, такъ крѣпко онъ держалъ ее.

— Пойдемъ-ка въ лѣсъ,—сказалъ я ему.

— Пойдемъ далеко, хорошо будетъ, очень хорошо,—отвѣчалъ онъ.

Мы пошли; онъ велъ версты четыре лѣскомъ, поднимавшимся въ гору, и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто; внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двадцать одинъ изъ превосходнѣйшихъ сельскихъ видовъ Великороссіи.

— Здѣсь хорошо,—говорилъ Левка,—здѣсь хорошо.

— Что же хорошо?—спросилъ я его, желая испытать, что онъ скажетъ.

Онъ остановилъ на мнѣ какой-то невѣрный взглядъ, лицо его приняло другое болѣзненное выраженіе, онъ грустно покачалъ головой и сказалъ: «Левка не знаетъ,—такъ, хорошо!»

Мнѣ стало стыдно.—Левка сопровождалъ меня почти на всѣхъ прогулкахъ; его безграничная преданность, его непрерывное вниманіе трогали меня. Привязанность его ко мнѣ была понятна: одинъ я обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ имъ гнушались, стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его; даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія, приговаривая: «юридываго обижать не надо, юридивый—божій человекъ». Онъ обыкновенно ходилъ задомъ села; когда же ему случалось итти улицей, однѣ собаки обходились съ нимъ по-человѣчески: онѣ издали, завидя его, виляли хвостомъ, прыгали на шею, лизали лицо и ласкались до того, что Левка, тронутый до слезъ, садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь крестьянскій мальчишка пускалъ камень на удачу,—въ собакъ ли попадетъ, или въ бѣднаго мальчика; тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ мой отецъ, видя, что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ моей матери скроить ему длинную рубашку и отдать ее сестрамъ сшить. Управитель, услышавши объ этомъ, далъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ, показавши двойное число аршинъ въ расходной книгѣ,—вѣроятно, отъ разсѣянности. При господскомъ домѣ былъ приставленъ одинъ старикъ-лакей; онъ былъ приставленъ не столько по способности смотрѣть за чѣмъ-нибудь, сколько за пьянство. Этотъ лакей,

фельдшеръ и портной, весьма затруднился, когда онъ получилъ отъ управляющаго приказаніе сшить Левкѣ кафтанъ: какъ скроить дурацкій кафтанъ? Сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ, а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство: пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой-то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя, по правдѣ сказать, радоваться было нечему. Доселѣ крестьянскіе мальчишки нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака, тогда гоненія и насмѣшки удвоились. Однѣ женщины были на сторонѣ Левки, подавали ему лепешки, квасу и браги, и говорили иногда пріятливое слово; мудрено ли, впрочемъ, что бабы и дѣвки, пользовавшіяся патріархальнымъ покровомъ мужниной и отцовской власти, сочувствовали безвинно гонимому мальчику? Мнѣ было чрезвычайно жаль Левку, но помочь ему было трудно; унижая его, добрые люди, казалось, росли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже мой отецъ, отъ природы вовсе не злой человѣкъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія, и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой, какъ унижая его и возвышая себя.

— А что, Левка,—говаривалъ онъ ему,—любишь ли ты кого-нибудь больше этого пса смердящаго?

— Люблю,—отвѣчалъ Левка,—Сеньку люблю больше.

— Видишь, губа-то не дура, ну, а еще кого любишь?

— Никого,—простодушно отвѣчалъ Левка.

— Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха; а мать родную меньше любишь развѣ?

— Меньше,—отвѣчалъ Левка.

— А отца твоего?

— Совсѣмъ не люблю.

— О, Господи Боже мой, «чти отца твоего и мать твою», а ты дуракъ что? Безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей, какъ же разумному подобію божію не любить ихъ?

— Какія животныя?

— Ну, какія: лошади... всякія.

— Вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика больше всѣхъ.

И батюшка мой хохоталъ отъ души, прибавляя: «Блаженни нищіе духомъ!»

Я уже тогда оканчивалъ риторикку и потому не трудно понять, отчего мнѣ въ голову пришло написать «Слово о богопро-

тивномъ людей обращеніи съ глупорожденными». Желая расположить мое сочиненіе по всѣмъ квинтилиановскимъ правиламъ съ соблюденіемъ законовъ хріи, я, обдумывая его, пошелъ по дорогѣ; шелъ, шелъ и, не замѣчая того, очутился въ лѣсу; такъ какъ я взошелъ въ него безъ вниманія, то и не удивительно, что потерялъ дорогу, искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу; вдругъ слышу знакомый лай левкиной собаки; я пошелъ въ ту сторону, откуда раздавался онъ, и вскорѣ былъ встрѣченъ Шарикомъ; шагахъ въ пятнадцать отъ него, подъ большимъ деревомъ, спалъ Левка. Я тихо подошелъ къ нему и остановился. Какъ кротко, какъ спокойно спалъ онъ! Онъ былъ дурень собой на первый взглядъ: бѣлые волосы прямо падали съ головы странной формы, онъ былъ блѣденъ, съ бѣлыми рѣсницами и къ тому же съ нѣсколько косившимися глазами. Но никто никогда не далъ бы труда себѣ взглянуть въ его лицо, отталкивающее съ перваго раза. Это странное лицо вовсе не было лишено своей красоты, особенно теперь, когда онъ спалъ; щеки его немного раскраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно. Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, я былъ пораженъ мыслью, которая преслѣдовала всю жизнь: «Съ чего люди, окружающіе его, воображаютъ, что они лучше его? съ чего считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе, никому никогда не сдѣлавшее вреда?» И какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: оттого, что и всѣ остальные—юродивые, только на свой ладъ и сердятся, что Левка глупъ по-своему. Странная мысль эта выгнала изъ головы у меня всѣ хріи и метафоры, я оставилъ спящаго Левку и пошелъ наудачу бродить по лѣсу, съ какой-то внутренней боязнью перевертывая и глядяваясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Левка хуже другихъ? *Тѣмъ*, что онъ не приноситъ никакой пользы? ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они жили и для чего они жили,—гдѣ же польза ихъ существованія? *Наслажденіе жизнью?* да они ею никогда не наслаждались,—по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе Левки. Для нихъ жизнь была тяжелая ноша и скучный обрядъ. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки, это—дѣло не хитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? Да что за бѣда: онъ ни у кого ничего не проситъ, кой-какъ сытъ. Чѣмъ же онъ хуже умниковъ, которые, несмотря на то, что работаютъ денно и ночью, не богаче его? Работа не—наслажденіе какое-нибудь; кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ. Да вотъ чего далеко искать:

одинъ человекъ, дѣлающій пользу, т. е. не вообще пользу, а хоть себѣ,—Федоръ Григорьевичъ, вовсе ничего не дѣлаеть, польза сама дѣлается для него. Чѣмъ Левка сытъ, я не понимаю, но знаю одно, что какъ онъ ни тупъ, но если набереть ягодъ или грибовъ, то его не такъ-то легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть одни неспѣлыя ягоды да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежать... ну, хоть отцу Василию. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома живутъ, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ въ постоянной ссорѣ между собой, которая длится въ родѣ тридцатилѣтней войны... И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на свой особенный салтыкъ, а другіе *повально глупы*; и такъ, какъ картежники не любятъ не играющихъ, а пьяницы—не пьющихъ, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку. Однако, диссертациі я не написалъ; для меня, ученика семинаріи, казалось труднымъ и даже неприличнымъ писать о такихъ предметахъ. Насъ учили все эксордіи, экспозиціи и перорациі,—писать о предметахъ возвышенныхъ.

Вакаціонное время прошло, пора мнѣ было возвращаться. Когда батюшка мой заложилъ пѣгую лошадку въ телѣгу, чтобы отвезти меня, Левка пришелъ опять къ плетню; онъ не совался впередъ, а, прислонившись къ веревѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Мнѣ было очень грустно его оставить; я подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ, онъ на все смотрѣлъ печально. Когда же я сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ ко мнѣ и такъ печально, такъ грустно сказалъ: «Сенька, прощай», а потомъ подалъ мнѣ Шарика и сказалъ: «Возьми, Сенька, Шарика себѣ». Дороже предмета у Левки не было, и онъ отдавалъ его. Я насилу уговорилъ его оставить Шарика у себя: что пусть онъ будетъ мой, но живетъ у него. Мы поѣхали. Левка побѣждалъ лѣсомъ и выбѣжалъ на гору, мимо которой шла дорога; я увидѣлъ его и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ неподвижно на горѣ, опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы моей. Она мѣшала мнѣ вполне предаваться ученію, она не давала мнѣ покоя. Хотя я твердо зналъ ничтожность всего тѣлеснаго и суетность всего физическаго, но мало-по-малу во мнѣ развилось непреодолимое желаніе изучать медицину. Когда я впервые заикнулся объ этомъ отцу моему, онъ вошелъ въ неописанный гнѣвъ. «Ахъ ты, баловень презорный!—кричалъ онъ на меня:—вотъ какъ хвачу за вихры, такъ ты у меня и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ.

Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія!... Думалъ ли я подѣ старость дожить до такого срама!? Вотъ и радость, приносимая сыномъ, отъ плоти моей рожденнымъ! Не одинъ, видно, понамарь посѣщенъ Богомъ,—не даромъ съ дуракомъ валандается,—вѣдь, свой своему поневолѣ братъ. А все ты, малодушная баба, испортила его»,—прибавилъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ. Почему именно матушка была виновата, что я хотѣлъ учиться медицинѣ, этого я не знаю. Господи, думалъ я, да что же я сдѣлалъ такое? мнѣ хочется заниматься медициной, а кто послушаетъ батюшку, право, подумаетъ, что я просился на большую дорогу людей рѣзать. Далъ я мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяць завелъ, было, опять рѣчь; куда ты!—съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, жду особаго случая, а самъ только и занимаюсь латынью. Отецъ-ректоръ славно зналъ латинскій языкъ и полюбилъ меня за мои успѣхи. Я выбралъ минуту добрую да въ ноги ему; онъ такъ кротко и благосклонно сказалъ: «Встань, сынъ мой, встань, что тебѣ надобно? говори просто». Я рассказалъ ему о моемъ желаніи и просилъ замолвить батюшкѣ. Отецъ-ректоръ покачалъ головой и много говорилъ со мною, убѣждая кротко оставить мое намѣреніе, совѣтовалъ болѣе молиться, чтобъ Богъ послалъ силы противостоятъ искушенію, отвлекающему отъ лѣченія духовнаго къ лѣченію плотскому,—о важности сана, которому я посвященъ самымъ рожденіемъ. Потомъ напомнилъ четвертую заповѣдь и далъ прочесть сочиненіе Нила Сорскаго о монашескомъ житіи. Я все исполнилъ въ точности, но не могъ переломить влеченія къ медицинѣ. На вакаціи поѣхалъ я опять домой. Левка еще болѣе одичалъ; онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Меня, однако, онъ принялъ съ прежней безграничной, нечеловѣческой привязанностью; грустно мнѣ было на него смотрѣть, особенно потому, что языкъ у него какъ-то сдѣлался невнятнымъ, сбивчивымъ, и взглядъ сталъ еще страшнѣе. Черезъ годъ мнѣ приходилось окончить курсъ, времени было нечего: батюшка уже готовилъ мнѣ мѣсто. Что было дѣлать? Утопающій за соломинку хватается; слышалъ я отъ дворовыхъ людей, что сынъ нашего помѣщика (они жили это лѣто въ деревнѣ) — добрый баринъ, ласковый; я и подумалъ: если бы онъ черезъ Федора Григорыча попросилъ обо мнѣ моего отца,—можетъ быть, тотъ, видя такое высокое ходатайство, и согласился бы. Почему не сдѣлать опыта? Надѣлъ я свой нанковый сюртукъ, тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейный платокъ и пошелъ въ господскій домъ. На дорогѣ

— Сенька,—кричалъ онъ мнѣ,—въ лѣсъ! Левка гнѣздо на-
шель; птички маленькія, едва пушокъ, матери нѣтъ, грѣтъ надо,
кормить надо.

— Нельзя, братъ, иду, вонъ туда.

— Куда?

— Въ барскій домъ.

— У-у!—сказалъ Левка, поморщившись,—у-у! знаешь дядю
Захара? весной дядю Захара били; Левка смотрѣлъ: дядя Захаръ
здоровый, сильный, а дуракъ стоитъ, его бьютъ,—онъ ничего.
Дядя Захаръ дуракъ сильный, большой. Не ходи, Сенька!

— Нѣтъ, небось, меня никто не прибьетъ.

Онъ долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, потомъ свиснулъ своей со-
бакѣ и побѣжалъ къ лѣсу; но едва я успѣлъ сдѣлать двадцать
шаговъ, Левка нагналъ меня:

— Левка идетъ туда: Сеньку бить будутъ—Левка камнемъ
пустить,—при этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ
индѣичье яйцо.

Но мѣры его были ненужны: люди отказали, говоря, что гос-
пода чай кушаютъ; потомъ я раза три приходилъ,—все недосугъ
молодому барину; послѣ третьяго раза я не пошелъ больше. И чѣмъ
же это молодой баринъ такъ занятъ?.. Вѣчно ходитъ или съ ру-
жьемъ, или такъ, просто безъ всякаго дѣла по полямъ, особенно,
гдѣ крестьянскія дѣвки работаютъ. Неужели онъ не могъ оторваться
на полчаса?

Судьба, наконецъ, показала выходъ, хотя, и очень горестный.
Въ селѣ Порѣчѣ, верстъ восемь отъ насъ, былъ храмовой празд-
никъ; село Порѣчье казенное, торговое, побогаче нашего, праздникъ
у нихъ справлялся отлично. Тамошній священникъ (онъ же и благо-
чинный) пригласилъ насъ всѣхъ. Мы отправились наканунѣ: отецъ
Василій съ попадѣй, батюшка одинъ, причетникъ и я, для того,
чтобы отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный,
фабричные пѣли на клиросѣ. Во время литургіи, на другой
день пріѣхалъ самъ капитанъ-исправникъ съ супругой и двумя за-
сѣдателями. Голова за мѣсяць собиралъ по двадцати пяти копѣекъ
серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать, было
весело, шумно; одинъ я грустилъ; грустилъ я и потому, что намѣ-
ренія мои не удавались, и по непривычкѣ къ многолюдію; вина я
тогда еще въ ротъ не бралъ, въ хороводахъ ходить не умѣлъ, а
пуще всего мнѣ досадно было, что всѣ перемигивались, глядя на
меня и на дочь порѣченскаго священника. Я приглянулся ея отцу,
и онъ предлагалъ, какъ только кончу курсъ, женить на дочери, а
онъ мѣсто уступить и обзаведеніе, самому, де, на отдыхъ пора. А

дочь-то его, несмотря на то, что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была похожа не на человѣка, а на нѣсколько животовъ, неправильно сложенныхъ, такъ что она напоминала образъ и подобіе оладій. Такимъ образомъ, поскучавъ въ Порѣчьи до вечера, я вышелъ на берегъ рѣки; откуда ни возьмись, Левка тутъ: и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ не зная зачѣмъ. Стоитъ лодочка, причаленная къ берегу, и покачивается; давно я не катался,—смерть захотѣлось мнѣ ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужичковъ лежало въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ шляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло (по счастью, въ селѣ Порѣчьи не было слабонервной барыни).

— Позвольте, молъ, православные, лодочку взять прокататься до Раздеришина,—сказаль я имъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, мы, де, вашего батюшку знаемъ, извольте взять.

И двое парней бросились съ величайшей готовностью отвязывать лодку. Я сѣлъ править, а Левка—грестъ, и поѣхали мы по Окѣ-рѣкѣ чудо, какъ весело. Между тѣмъ смерклося, и мѣсяцъ взошелъ; съ одной стороны было такъ свѣтло, а съ другой—черныя тѣни береговъ бѣжали на лодку. Поднимавшаяся роса, какъ дымъ огромнаго пожара, бѣжала на лунномъ свѣтѣ и колебалась по водѣ, будто нехотя отдираясь отъ нея. Пѣсни празднующихъ порѣчанъ раздавались, носимыя вѣтромъ, то тише, то громче. Левка былъ доволенъ, мочилъ безпрестанно свою голову водой и стряхивалъ мокрые волосы, падавшіе въ глаза. «Сенька, хорошо?» говорилъ онъ, спрашивая, и когда я отвѣчалъ ему: «очень, очень хорошо», онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски грестъ, онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ поднималъ оба весла, и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ, и тишина, заступавшая мѣрные удары, клонила къ какому-то полусну. Мы приѣхали поздно ночью. Левка отправился съ лодкой назадъ, а я домой. Только что я легъ спать, слышу—подъѣзжаетъ телѣга къ нашему дому. Матушка (она не ѣздила на праздникъ, ей что-то нездоровилось), матушка послушала да говоритъ: «Это не нашей телѣги скрипъ: стучать,—треба, молъ, вѣрно, какая-нибудь».

— Не вставайте, матушка, я схожу посмотрѣть,—да и вышелъ; отворяю калитку,—порѣченскій голова стоитъ, немножко хмельной.

— Что, Макаръ Лукичъ?

— Да что,—говоритъ,—дѣло-то не ладно, вотъ что.

— Какое дѣло?—спросилъ я, а самъ дрожу всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вѣстимо, насчетъ отца-діакона.

Я бросился къ телѣгѣ, — на ней лежалъ батюшка безъ движенія.

— Что съ нимъ такое?

— А Богъ его вѣдаетъ: все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть прилучилось.

Мы внесли батюшку въ домъ; лицо у него посинѣло, я теръ его руки, вспрыскивалъ водой; мнѣ показалось, что онъ хрипитъ, — я за пьянымъ портнымъ; на этотъ разъ онъ еще былъ довольно трезвъ, схватилъ ланцетъ, бинтъ и побѣжалъ со мною. Раза три просѣкъ руку, кровь не идетъ... Я стоялъ ни живой, ни мертвый; портной вынулъ табакерку, понюхалъ, потомъ началъ грязнымъ платкомъ обтирать инструментъ. — Что? спросилъ я какимъ-то не своимъ голосомъ. — Не нашего ума дѣло-съ. Кондрашка-то сильно хватилъ вашего батюшку, — отвѣчалъ онъ. Матушка упала безъ чувствъ, у меня сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подкашивались.

Послѣ смерти отца матушка не препятствовала, и я выхлопоталъ себѣ, наконецъ, увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ медико-хирургическую академію студентомъ. Читая печатную программу лекцій, я увидѣлъ, что адъюнктъ, если останется время, будетъ читать студентамъ, оканчивающимъ курсъ, *общую психіатрію*. Что такое психіатрія? Товарищи объяснили мнѣ, что это наука о душевныхъ болѣзняхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и, хотя мнѣ еще не приходилось слушать психіатріи, явился на первую лекцію адъюнкта. Но я тогда такъ мало былъ образованъ по медицинской части, что почти ничего не понималъ, хотя и слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что до сихъ поръ помню краснорѣчивое вступленіе адъюнкта. «Психіатрія, — говорилъ онъ, — безспорно, самая трудная часть врачебной науки, самая необъясненная, самая необъяснимая, но зато нравственное вліяніе ея самое благотворное. Ни метафизика, ни философія не могутъ такъ ясно доказать независимость души отъ тѣла, какъ психіатрія. Она учитъ, что всѣ душевныя болѣзни — расстройства тѣлесныя; она учитъ, слѣдовательно, что безъ тѣла, безъ этой скудельной оболочки, духъ былъ бы вѣчно здоровъ» и пр. Я уже въ семинаріи зналъ Вольфову философію, но совершенно ясно изложенія адъюнкта не понималъ, хотя и радовался, что самая медицина служитъ доказательствомъ высокихъ метафизическихъ соображеній.

Когда я порядкомъ изучилъ приготовительныя части, я сталъ мало-по-малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, тщательно записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ я почти всегда въ

домъ умалишенныхъ. И всѣ наблюденія мои вели постоянно къ мысли, поразившей меня при созерцаніи спящаго Левки, то есть, что официальные, патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать—геніальнѣе. Странные поступки безумныхъ, ихъ раздражительную злобу, объяснял я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ непрерывнымъ противорѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ *idée fixe*. Замѣчательно, что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ; внѣ ихъ существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Да, все несчастіе явно безумныхъ—ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные, мстятъ имъ со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ въ клѣтки отклонившихся отъ общаго безумія и поливаютъ ихъ холодной водой. Объясню примѣрами.

.

Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій нѣмецъ въ мірѣ,—безъ сомнѣнія, болѣе поврежденный, чѣмъ половина больныхъ. Больные не любили его оттого, что онъ, самъ стоя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе.

«Я китайскій богдыханъ!», кричалъ ему одинъ больной, привязанный къ толстой веревкѣ, которая по необходимости ограничивала богдыханскую власть его.—«Ну, когда же китайскій императоръ сидитъ на веревкѣ?»—отвѣчалъ добрѣйшій нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ-будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій богдыханъ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь, и долго не могъ потомъ успокоиться. Я, совсѣмъ напротивъ, подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія: «Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца,—говорилъ я ему,—позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи, отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастье освѣжать священную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа»... И больной улыбался и позволялъ съ собою дѣлать все, что я хотѣлъ. Обращаю особенное вниманіе на то, что я для этого больного не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ всегда—на улицѣ, въ гостиной и пр. Надобно замѣтить, что въ

заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старикъ, воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно: однако, главный докторъ слушалъ его до конца и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его, а китайскаго богдыхана дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

Продолжая мои наблюденія, я открылъ, что между собою нерѣдко сумасшедшіе признаютъ другъ друга. Такъ, на примѣръ, въ V палатѣ жили восемь человѣкъ легко помѣшанныхъ въ большой между собою дружбѣ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума на томъ, что онъ, сверхъ своей порціи, имѣетъ призваніе ѣсть по полупорціи у всѣхъ товарищей, основывая (пресмѣшно) свои права на томъ, что его отецъ умеръ отъ объяденія, а дѣдъ опился. Онъ такъ увѣрилъ своихъ товарищей, что ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ѣсть своей порціи, не отдавъ ему лучшей части, не смѣлъ украдкой сѣсть, боясь угрызеній совѣсти. Когда же изрѣдка кто-либо изъ дерзкихъ скептиковъ утаивалъ кусокъ, онъ гордо уличалъ преступнаго, и шесть остальныхъ готовы были оттаскать злодѣя; они называли его воромъ, стяжателемъ, а глава общины до того добродушно вѣрилъ въ свое право, что, не имѣя возможности сѣдаты все набранное, съ величавой важностью награждалъ избранныхъ ихъ же ѣдою. Нельзя же отказать въ esprit d'ordre этимъ безумнымъ, такъ точно, какъ нельзя отказать въ безуміи людямъ, не только считающимъ себя здоровыми (самые бѣшенные собою совершенно довольны), но признаваемымъ за такихъ другими. Для убѣдительнаго доказательства присовокуплю отрывокъ изъ моего журнала, предпославъ оному слѣдующую краткую діагностику безумія. Главные признаки разстройства умственныхъ способностей состоятъ:

а) *Въ неправильно, но и произвольно, сознаниіи окружающихъ предметовъ;* б) *въ болѣзненной упорности, стремящейся сохранить его, хотя бы съ явнымъ вредомъ самому больному, и отсюда —* с) *тупое и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существеннымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ.*

Этого достаточно для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ выводовъ.

Выписка изъ журнала.

Субъектъ 29-й. Мѣщанка Матрена Бучкина. Сложеніе сангвиническое, склонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ.

Субъектъ этотъ находится у меня въ услуженіи въ должности кухарки, а потому я изучалъ его довольно внимательно въ глав-

ныхъ психическихъ и многихъ фізіологическихъ отправленіяхъ. Alienatio mentale¹⁾, не подлежащее никакому сомнѣнію; при хорошихъ врожденныхъ способностяхъ (что доказывается сохранившеюся ловкостью обсчитывать при покупкахъ и утаивать половину провизіи) всѣ умственные отправленія искажены. Какъ женщина, Матрена живетъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, но всѣ ея чувства такъ ниспровергнуты болѣзненнымъ отклоненіемъ дѣятельности мозга отъ нормальнаго отправленія, что они не токмо не человѣческія, но и не животныя.

а) *Чувство любви.* Не видать, чтобы у нея была особенная нѣжность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны, какъ патологическій фактъ. Мужъ ея — сапожникъ и живетъ въ другомъ домѣ, онъ приходитъ къ ней обыкновенно утромъ въ воскресенье. Матрена покупаетъ на послѣднія деньги простого вина и печеть пироги или блины. Часу въ десятомъ мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ ее продолжительно и больно бить; потомъ онъ впадаетъ въ летаргическій сонъ до понедѣльника; проснувшись, отправляется съ страшной головной болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ шесть дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день. Я полагаю, что у Матрены заживо выдѣлалась кожа; это очень любопытно для изученія общихъ покрововъ. Такъ какъ она приходила всякій разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, я совѣтовалъ ей не покупать ему вина, основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моими совѣтами и возражала, что она не безчестная какая-нибудь и не нищая, чтобы своему законному мужу не поднести стакана вина—святъ день до обѣда, что, сверхъ того, она покупаетъ вино на свои деньги, а не на мои, и что если мужъ ее и колотитъ, такъ все же онъ Богомъ данный ей мужъ. Отвѣтъ этотъ, много разъ повторяемый, очень замѣчательнъ; можно добратъся по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга, пораженного болѣзнью; нѣтъ ни одного слова въ ея отвѣтѣ, которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга ей кажется, что она вполне опровергла меня. Но до какой степени и это поверхностно, доказывается тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: «А ты зачѣмъ съ нимъ споришь? ты бы смолчала, вѣдь, онъ твой мужъ и глава?» Тогда больная приходила въ состояніе, близкое маніи, и съ сердцемъ говорила: «онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ, я ему не дура досталась молчать, когда онъ не-

¹⁾ Умопомѣшательство.

сеть всякій вздоръ!..» И тутъ она начинала бранить не только его, но и барыню свою, которая, въ истинно материнскихъ попеченіяхъ о своихъ подданныхъ, сама приняла трудъ избрать ей мужа; выборъ палъ на сапожника не случайно, а потому, что онъ хмелемъ зашибалъ,—такъ барыня думала, что онъ остепенится женившись,—конечно, не ея вина, что она ошиблась; *ergare humanum est!* ¹⁾

б) Отношеніе къ дѣтямъ любопытно до высшей степени и имѣеть двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто механически крѣпкимъ пеленаніемъ, при чемъ сдавливаютъ *ossa parietalia* ²⁾ черепа такъ, чтобы помѣшать мозговому развитію,—это, съ своей стороны, очень дѣйствительно. Потомъ употребляются органическія средства; они состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прозорливости и въ дурномъ обращеніи съ малюткой. Когда организмъ ребенка не изловчился еще претворять всю дрянъ, которая ему давалась отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лѣчила сама и въ медицинскихъ сужденіяхъ своихъ далеко расходилась со всѣми врачами отъ Иппократа до Гуфеланда: или она откачивала его такъ, какъ спасаютъ утопленниковъ (средство совершенно безвредное, если утопленникъ умеръ, и во всякомъ случаѣ способное показать усердіе присутствующихъ), и ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что его дѣйствительно облегчало, или мать начинала,—на извѣстномъ основаніи гомеопатіи клинъ клиномъ выбивать,—кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоравливалъ, мать принималась его бить, толкать, дергать, приговаривая всякія грубости; если же и отъ этого дитя не выздоравливало, мать давала ему или настойки, или маковаго молока и радовалась очевидной пользѣ отъ лѣкарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена на свой манеръ чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дитяти была совершенно въ родѣ любви къ мужу: она покупала на скудныя деньги свои какой-нибудь тафтицы на одѣяльце и потомъ нещадно била ребенка за то, что онъ не нарочно капалъ на него молоко и пр. Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ; къ тому же я впослѣдствіи услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ воспитанія и умеръ.

¹⁾ Заблуждаться есть свойство человѣческое.

²⁾ Теменные кости.

с) *Отношенія гражданскія и общественныя...* Но я полагаю, сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что жизнь этого субъекта проходила въ чаду безумія. А посему снова обращаюсь къ прерванной нити моего жизнеописанія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и есть описаніе развитія моей теоріи...

По окончаніи курса меня отправили лѣкаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною на семъ специальномъ поприщѣ. Я имъ посвятилъ особый отдѣлъ въ большемъ сочиненіи моемъ. Перехожу къ болѣе разнообразному театру. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по распоряженію высшаго начальства, которому, пользуясь симъ случаемъ, свидѣтельствую искреннѣйшую благодарность за начальственное вниманіе, получилъ я мѣсто по гражданскому вѣдомству; тутъ съ большимъ досугомъ предался я сравнительной психіатріи.

Я началъ наблюдать разныхъ жителей города, и въ скоромъ времени не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ они поврежденные. Предоставляю тѣмъ, которые долго трудились надъ какимъ-нибудь открытіемъ, оцѣнить то чувство радости, которымъ исполнилось сердце мое, когда я убѣдился въ этомъ драгоценномъ фактѣ. Городокъ нашъ вообще оригиналенъ: это—губернское правленіе, обросшее разными домами и жителями, собравшимися около присутственныхъ мѣстъ; онъ тѣмъ отличается отъ другихъ городовъ, что онъ возникъ собственно для удовольствія и пользы начальства. Начальство составило сущность, цвѣтъ, корень и плодъ города. Остальные жители,—купцы, мѣщане,—больше находились для порядку, потому что нельзя же быть городу безъ купцовъ и мѣщанъ. И всѣ они получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу, впрочемъ); мастеровые, напр., портные, сапожники, содержатели увеселительныхъ мѣстъ (у насъ шесть трактировъ) шили фраки и сапоги, заводили бильярдъ—все для чиновниковъ; остальные же, не служащіе, въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на бильярдѣ. Въ нашемъ городѣ Малиновѣ, по календарю, считалось около 5.000 жителей; изъ нихъ человѣкъ двадцать были повергнуты въ томительнѣйшую скуку отъ отсутствія всякаго занятія, а 4.900 человѣкъ повергнуты въ томительную дѣятельность отъ отсутствія всякаго отдыха.

Но оставимъ эту всеобщую статистику помѣшательства и перейдемъ къ частнымъ случаямъ. Въ качествѣ врача я былъ часто призываемъ лѣчить тѣло тамъ, гдѣ слѣдовало лѣчить душу; невѣроятно, въ какомъ чадѣ нелѣпостей, въ какомъ рѣзкомъ безуміи находились всѣ мои пациенты обоихъ половъ.

— Пожалуйте сейчасъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ,—Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно.

— Сію минуту ѣду.

Анна Ѳедоровна—лѣтъ тридцати женщина, любившая и любящая многихъ мужчинъ, за исключеніемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Анны Ѳедоровны. У нихъ отъ розовыхъ брачныхъ цѣпей осталась одна, которая обыкновенно бываетъ покрѣпче прочихъ,—ревность,—и ею неутомимо преслѣдовали они другъ друга десятый годъ. Приѣзжаю. Анна Ѳедоровна лежитъ въ постели съ вспухшими глазами: у нея жаръ, у нея боль въ груди; все показываетъ, что было семейное Бородино, дѣло горячее и продолжительное. Люди ходятъ испуганные, мебель въ безпорядкѣ, вдребезги разбитая трубка (явнымъ образомъ не случайно) лежитъ въ углу, и переломленный чубукъ—въ другомъ.

— У васъ, Анна Ѳедоровна, нервы разстроены; я вамъ пропишу немножко лавровишневой воды; на свѣтъ не ставьте,—она портится; такъ—принимайте... сколько вамъ лѣтъ, лѣтъ 20? такъ и капель по 20 или 22.

Больная становится веселѣе и кусаетъ губы.

— Да знаете ли что, Анна Ѳедоровна? вамъ бы надо ѣхать куда-нибудь, ну, хоть въ деревню; жизнь, которую вы ведете, васъ разстроить окончательно.

— Мы ѣдемъ въ маѣ мѣсяцѣ въ деревню съ Никаноромъ Ивановичемъ.

— А! превосходно,—такъ вы останьтесь здѣсь. Это будетъ еще лучше.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вамъ надобенъ покой безусловный, тишина; иначе я не отвѣчаю за то, что, наконецъ, изъ всего этого выйдутъ серьезныя послѣдствія.

— Я — несчастнѣйшая женщина, Семень Ивановичъ: у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И все виноватъ этотъ извергъ... Ахъ, Семень Ивановичъ, спасите меня!

— Извольте. Только мое лѣкарство будетъ не изъ аптеки; вотъ рецептъ: «возьми небольшой чистенькій домикъ,—въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никанора Ивановича, — прибавь мебель,

цвѣты и книги. Жить, какъ сказано, тихо, спокойно». Этотъ ре-цептъ вамъ поможетъ.

— Легко вамъ говорить: вы не знаете, что такое бракъ.

— Не знаю, но догадываюсь: для многихъ бракъ—святое отноше-ние, для другихъ—полюбовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хо-чется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ, не такъ ли?

— О, вы такой вольнодумъ! Какъ я покину мужа, хотъ онъ и извергъ?..

Я вспомнилъ Матрену Бучкину, субъектъ № 29.

— Анна Федоровна, вы меня простите, одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ итти до такой откровенности,—я осмѣлюсь сдѣлать вамъ нескромный вопросъ.

— Что угодно, Семень Иванычъ, вы—другъ дома, вы...

— Любите ли вы сколько-нибудь вашего мужа?

— Ахъ, нѣтъ: я готова это сказать передъ всѣмъ свѣтомъ,—безумная тетушка моя сворганила этотъ несчастный бракъ.

— Ну, а онъ васъ?

— Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной,—съ дочерью нашей сосѣдки, вы знаете—да мнѣ Богъ съ нимъ совсѣмъ, но, вѣдь, денегъ что это ему стоитъ...

— Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, мучите, вы оба богаты, что васъ держитъ вмѣстѣ?

— Да помилуйте, Семень Ивановичъ, за кого же вы меня считаете? моя репутация дороже мнѣ жизни,—что обо мнѣ скажутъ?

— Это другое дѣло, конечно... Ахъ, Боже мой, половина перваго! Что это, какъ время-то? Да-съ, такъ по двадцати по двѣ капли лавровишневой воды,—хотъ три раза до ночи,—а я заѣду какъ-нибудь завтра взглянуть.

Я только въ залу, а ужъ Никаноръ Иванычъ, не бритый, съ искаженнымъ отъ спирту и гнѣва лицомъ, меня ждетъ.

— Семень Иванычъ, Семень Иванычъ, ко мнѣ въ кабинетъ!

— Чрезвычайно радъ, что прикажете?

— Вы честный человѣкъ, я васъ всю жизнь зналъ за чест-наго человѣка, вы благородный человѣкъ,—вы поймете, что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете, ежели скажете истину.

— Сдѣлайте одолженіе. Что вамъ угодно?

— Да какъ вы считаете положеніе жены?

— Оно не опасно; успокойтесь, это пройдетъ; я прописалъ капельки... Только нужно бы душевное спокойствіе, а то, знаете, нервы...

— Да чортъ съ ней! не объ этомъ дѣло: по мнѣ, хотъ се-

годня ногами впередъ да и со двора. Это змѣя, а не женщина, вы ее не знаете: лучшія лѣта жизни отняла у меня... Не объ этомъ рѣчь.

— Я васъ не понимаю.

— Что это, ей Богу, съ вами? Ну, то есть болѣзнь ея подозрительна или нѣтъ?

— Да-съ, вы желаете знать насчетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдничка?

— Наслѣдничка!.. Я ей покажу наслѣдничка! Что это за женщина! Знаете, для меня, ужъ коли женщина въ эту сторону, все кончено;—нѣтъ, не могу! Мнѣ чортъ съ ней совсѣмъ, да вѣдь, законная жена, Семень Ивановъ: она мое имя носить, она мое имя пятнаетъ.

— Я ничего не понимаю. А впрочемъ, знаете, Никаноръ Ивановъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, а еще лучше—въ разныхъ городахъ: для обоихъ было бы покойнѣе.

— Да-съ, такъ ей и позволить, ха, ха, ха! выдумали ловко! Ха, ха, ха, какъ же, позволю! Нѣтъ, вѣдь, я не французъ какой-нибудь! Нѣтъ-съ, вѣдь, я знаю законъ и приличіе! О, если-бы матушка была жива, да она изъ своихъ рукъ ее на столъ бы положила. Я знаю ея продѣлки, мнѣ только бы раскрыть...

— Прощайте, почтеннѣйшій Никаноръ Ивановъ, мнѣ еще къ вашей сосѣдкѣ надобно.

— Что у нея?—спросилъ врасплохъ взятый супругъ и что-то сконфузился.

— Не знаю,—присылали горничную; дочь что-то все нездорова, дѣвка не умѣла рассказать порядкомъ.

— Ахъ, Боже мой, да какъ же это? Я на-дняхъ видѣлъ Полину Игнатьевну.

— Да-съ, бываютъ и быстрыя болѣзни. Прощайте.

— Семень Ивановъ, я давно хотѣлъ,—вы меня извините, вѣдь, ужъ это такъ заведено: чиновникъ живетъ отъ просителей. Я такъ много доволенъ вами. Позвольте вамъ предложить эту золотую табакерку, примите ее въ знакъ искренней дружбы... Только, Семень Ивановъ, я надѣюсь, что, во всякомъ случаѣ, молчаніе ваше... то есть насчетъ чести благородной дѣвушки.

— Есть вещи, на которыя докторъ имѣетъ уши и глаза, но рта не имѣетъ.

Никаноръ Ивановъ обнялъ меня и своими мокрыми губами и потнымъ лицомъ произвелъ довольно непріятное впечатлѣніе на щекѣ.

И кто-нибудь скажетъ, *что это не поврежденные!*

Позвольте еще примѣръ. Рядомъ со мною живетъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ, скряга и прочее. Онъ держитъ домъ назаперти, никого не пускаетъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжаетъ и что дѣлаетъ въ городѣ—понять нельзя; не служить, процессовъ не имѣетъ, деревня въ 50-ти верстахъ, а живетъ въ городѣ. Были, правда, слухи, что одинъ мужикъ, котораго онъ наказалъ, какъ-то дурно посмотрѣлъ на него и сплазилъ: онъ такъ испугался его взгляда, что очень ласково отпустилъ мужика, а самъ на другой день перебрался въ городъ. Главное занятіе его—стяжаніе и накопленіе денегъ, но это дѣлается за кулисами; я вамъ хочу показать его въ торжественныя минуты жизни. Въ гостиницѣ и на почтѣ онъ закупилъ слугъ, чтобы они извѣщали его, когда по городу проѣзжаетъ какой-нибудь сановникъ, то есть ревизующій чиновникъ. Сосѣдъ мой, получивши вѣсть, тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ, разумѣется, съ дороги спалъ, сосѣда не пускали; онъ давалъ на водку, упорствовалъ, дожидался часы цѣлыя, наконецъ, о немъ докладывали. Сановникъ (ибо въ эти минуты и чиновникъ VI класса чувствовалъ себя сановникомъ) разсерженный принималъ просителя, не скрывая ярости и не давая вѣсу и мѣры словамъ своимъ. Проситель послѣ долгихъ околичностей докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ его счастье, счастье его дѣтей и жены, состоитъ въ томъ, чтобы его превосходительство изволило откушать у него завтра или отужинать сегодня; онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не могъ противостоять и давалъ слово сосѣду. Тутъ наставляли поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбныя ряды, онъ покупалъ стерлядь, ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора и ее живую перевозили въ подвижномъ озерѣ къ нему на дворъ; выгружалось старинное серебро, вынималось старинное вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женою, дѣлалъ отеческія исправленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для ободренія), звалъ человѣкъ двадцать гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ, встрѣчалъ въ сѣняхъ сановника, цѣловалъ его въ шовъ, идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здравіе высокаго проѣзжаго. Забудьте, и все это—изъ помѣшательства, совершенно безкорыстно. И что еще важнѣе для психіатріи,—его безуміе всякій разъ переносилось съ обратными признаками (полярно) на гостя. Гость вѣрилъ, что онъ по гробъ одождаетъ хозяина тѣмъ, что прекрасно обѣдалъ.

Когда-нибудь сообщу еще примѣровъ пять-шесть, на первый разъ довольно.

Успокоившись насчетъ жителей нашего города, я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя, историческія творенія и подписался на «Гамбургскій Безпристрастный Корреспондентъ». Отовсюду текли доказательства очевидныя, не подлежащія сомнѣнію моей основной мысли.

Слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже о гамбургской газетѣ: на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ, страждущихъ душевными болѣзнями. Все равно, что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Тита Ливія или Муратори ¹⁾ я бралъ, Тацита или Гиббона,—никакой разницы; всѣ они доказываютъ одно, что исторія—не что иное, какъ связанный рассказъ родового, хроническаго безумія и его медленнаго излѣченія (этотъ рассказъ даетъ по наведенію полное право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше). Истинно, не считаю нужнымъ приводить примѣры—ихъ милліоны. Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ, всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; взгляните, изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего несутъ крайность, что восхваляютъ, что порицаютъ,—и вы ясно убѣдитесь въ несчастной на первый взглядъ истинѣ,—и истинѣ, полной утѣшенія на второй взглядъ,—что все это—слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянешь въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти такъ же очевидно, какъ и въ новомъ. Тамъ отецъ приноситъ дочь на жертву, чтобы былъ попутный вѣтеръ, и нашелся старый дуракъ, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку, и этого бѣшенаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за жреца. Въ другомъ мѣстѣ персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, такъ же мало понимая нелѣпость поступка, какъ и его враги, афиняне, которые цикутой хотѣли лѣчить отъ разума и сознанія (тогда, впрочемъ, не было извѣстно, что солено-кислый баритъ гораздо дѣйствительнѣе). А что это за бѣлая горячка, вслѣдствіе которой императоры гнали христіанство? Развѣ трудно было разсудить, что эти средства палачества, тюремъ, крови, истязаній ничего не могли сдѣлать противъ святыхъ убѣжденій, а удовлетворяли только животной свирѣпости гонителей?

Кто не увидитъ ясные признаки безумія въ среднихъ вѣкахъ,

¹⁾ Людовико-Антоніо, итальянскій археологъ.

тотъ вовсе незнакомъ съ психіатріей. Въ среднихъ вѣкахъ все безумно: если и выходитъ что-нибудь путное, то совершенно противоположно желанію, независимо отъ цѣлей. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средневѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдывали любовь и жили въ ненависти, проповѣдывали миръ и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури,—каждое на свой ладъ; напримѣръ, виланы считали одного человѣка въ латахъ сильнѣе тысячи человѣкъ, вооруженныхъ дубьемъ, а рыцари сошли съ ума на томъ, что они дикіе звѣри, и сами себя содержали по тюремному порядку новыхъ тюремъ въ укрѣпленныхъ сумасшедшихъ домахъ по скаламъ, лѣсамъ и прочее.

Исторія доселѣ остается непонятною отъ ошибочной точки зрѣнія. Историки, будучи большею частію не врачами, не знаютъ, на что обращать вниманіе; они стремятся вездѣ выставить придуманную послѣ разумность и необходимость всѣхъ народовъ и событій; совсѣмъ напротивъ, надобно на исторію взглянуть съ точки зрѣнія патологии, психіатріи, надобно взглянуть на историческія лица съ точки зрѣнія безумія, на событія—съ точки зрѣнія нелѣпости и ненужности. Исторія—горячка, производимая благодѣтельной натурой, посредствомъ которой человѣчество отдѣляется отъ животности; но какъ бы противодѣйствіе ни было полезно, все же она—болѣзнь, все же она—горячка. Впрочемъ, въ нашъ образованный вѣкъ стыдно доказывать простую мысль, что исторія—автобіографія сумасшедшаго. Интересъ лѣтописей и путешествій тотъ же самый, который мы находимъ въ анатомико-патологическомъ кабинетѣ. Кстати о путешествіяхъ. Они не менѣе исторіи принесли мнѣ подтвержденій—и тѣмъ пріятнѣйшихъ, что всѣ описываемыя въ нихъ безумія дѣлались не за тысячу лѣтъ, а совершаются теперь, сейчасъ, въ ту минуту, какъ я пишу, и будутъ совершаться въ ту минуту, какъ вы, любезный читатель, займетесь чтеніемъ моего отрывка. Доказательства и здѣсь—совершеннѣйшая роскошь; разверните Магеллана, разверните Дюмонъ-Дюрвиля, и читайте первое, что раскроется,—будетъ хорошо; вамъ попадетъ или индѣецъ, который во славу Вишну сидитъ двадцать лѣтъ съ поднятой рукой и не утираетъ носа для пріобрѣтенія безконечной потери своего я на томъ свѣтѣ, или женщина, которая, изъ учтивости и приличія, бросается на костеръ, на которомъ жгутъ трупъ мужа. Востокъ—классическая страна безумія, но, впрочемъ, и въ Европѣ очень удовлетворительные симптомы.

Но объ этомъ въ самомъ курсѣ.

Обяснительное прибавленіе отъ автора.

Но не могу положить пера, не сказавъ еще нѣсколько объяснительныхъ и, такъ сказать, предупредительныхъ замѣчаній. Я знаю, что неблагонамѣренность обвинить меня въ желаніи блеснуть новизною, въ гордости и пренебреженіи къ больнымъ за то, что я ихъ не считаю здоровыми. Совѣсть моя чиста! Не гордость и пренебреженіе, а любовь привела меня къ моей теоріи, и, когда я совершенно убѣдился въ истинности ея, весь нравственный бытъ мой перемѣнился: мнѣ стало легко, упованія и надежды расцвѣли, какъ въ молодости. Прежняя нетерпимость, готовность порицанія и осужденія замѣнилась теплымъ чувствомъ состраданія къ больнымъ и вмѣсто желанія отвратительной мести за дѣйствія, явнымъ образомъ сдѣланныя подъ вліяніемъ болѣзни, явилось кроткое снисхожденіе и сильное желаніе помочь больному. (Я даже въ домѣ умалишенныхъ вывелъ наказанія, не желая вступать въ соревнованіе съ безумными, ни побѣждать ихъ въ нелѣпости). Что же касается до предполагаемаго мною обвиненія въ желаніи блеснуть новизною, то я обязанъ замѣтить, что въ разныхъ формахъ мысль медицинская, мною проведенная, являлась многимъ въ голову. Аристотель называлъ Анаксагора *единымъ трезвымъ въ сонмѣ пьяныхъ*. Спиноза видѣлъ безсиліе разума въ человѣкѣ безнравственномъ, видѣлъ болѣзненную необходимость его опьяненія страстями. Бентамъ, англійскій докторъ, изъ котораго я взялъ эпиграфъ, не сомнѣвался въ болѣзни мозга, а искалъ причину оной въ испугѣ и потрясеніи, бывшемъ во время потопа. Бентамъ, наконецъ, прямо сказалъ, что всякій преступникъ прежде всего дурной счетчикъ. Бентамъ совершенно правъ, но онъ одного не понялъ, что преступникъ дѣлаетъ ариѳметическія ошибки, слишкомъ грубыя, и всѣ остальные тоже дурные счетчики, но дѣлаютъ маленькія ошибочки. Мы окружены цѣлой атмосферой, призрачной и одуряющей; всякій человѣкъ, болѣе или менѣе, какъ Матренина дочь (зри выше), съ малыхъ лѣтъ приобщается къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды (нѣмецкіе врачи называютъ эту болѣзнь *der historische Standpunkt*); вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и разсчитаны по этой атмосферѣ, въ томъ родѣ, какъ нелѣпныя формы ихтиозавровъ, мастодонтовъ были разсчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земного шара. Мѣстами воздухъ становится чище, болѣзни душевныя укрощаются. Но не легко перерабатывать въ душѣ человѣческой родовое безуміе; большія усилія надобно употреблять для малѣйшаго шага. Вспомните романтизмъ,—эту духовную золотуху; вспомните торизмъ,—эту застарѣлую подагру нравственнаго міра; вспом-

ните славянофильство—эту іудейскую проказу исключительной національности, и тысячу другихъ.

Предвижу еще одинъ вопросъ. Что же ты, занимавшійся столько лѣтъ исторической психіатріей, открылъ ли какія-нибудь средства лѣченія? Что же плодъ твоихъ трудовъ? Во-первыхъ,— истина, во-вторыхъ,—точка зрѣнія, въ-третьихъ, я далеко не все сказалъ, а намекнулъ, означилъ, слегка указалъ. Средства я нашелъ мало, но средства есть. При дальнѣйшемъ развитіи органической химіи, послѣ хорошихъ разложеній cerebrina, мозгового протеина, послѣ химическаго анализа дѣйствія страстей и прочее, мы найдемъ средства отлично, при благодѣтельной помощи природы, выдѣлывать и поправлять вещество мозга. Мы имѣемъ уже драгоценныя практическія наблюденія касательно возможности химически поправлять и видоизмѣнять духовную сторону, хотя она и совершенно независима. Такъ, напр., прилично употребленное лѣченіе *шампанскимъ* располагаетъ человѣка къ дружбѣ, къ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же *бургонскимъ* точно такимъ же образомъ, то есть отправляя его черезъ желудокъ въ вены и оттуда въ голову,—выходитъ результатъ совсѣмъ иной: человѣкъ дѣлается мраченъ, не общителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію... Для меня тутъ ключъ къ психотерапіи, и вотъ я десятый годъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственныя способности вышеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего ни сдѣлаетъ человѣкъ изъ пламенной любви къ наукѣ!

Докторъ Круповъ.

ПОВѢСТЬ.

О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности.

Сочиненіе доктора Крупова ¹⁾).

Много и много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я постоянно посвящаю время, отъ лѣченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на положеніе *сравнительной психіатріи* съ точки зрѣнія совершенно новой. Но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи. Нынѣ дѣлаю первый опытъ сообщить благосклонной публикѣ часть моихъ наблюденій. Дѣлаю оное, побуждаемый предчувствіемъ скораго перехода въ минерально-химическое царство, коего главное неудобство—отсутствіе сознанія. Полагаю, что на мнѣ лежитъ обязанность узнанное мною закрѣпить, такъ сказать, внѣ себя добросовѣстнымъ разсказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно исчезнуть, при новыхъ, предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ.

Узнавъ случайно о вашемъ сборникѣ, я рѣшился послать въ него отрывокъ изъ введенія, потому именно, что оно весьма общедоступно; въ ономъ собственно содержится не теорія, а исторія возникновенія оной въ головѣ моей. При семъ не излишнимъ считаю предупредить васъ, что я всего менѣе литераторъ и, проживая нынѣ лѣтъ тридцать въ губернскомъ городѣ, удаленномъ какъ отъ резиденціи, такъ и отъ столицы, я отвыкъ отъ краснорѣчиваго изложенія мыслей и не привыкъ къ модному языку. Не должно, однако, терять изъ виду, что цѣль моя вовсе не беллетристическая, а патологическая. Я не плѣнить хочу моими сочиненіями, а быть

¹⁾ Этотъ небольшой отрывокъ былъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1847 года, съ значительными пропусками, сдѣланными цензурой. Мы его печатаемъ теперь въ настоящемъ видѣ.—А. И. Г.

полезнымъ, сообщая чрезвычайно важную теорію, доселѣ отъ вниманія величайшихъ врачей ускользнувшую, нынѣ же недостойнѣйшимъ изъ учениковъ Иппократа наукообразно развитую и наблюденіями провѣренную.

Сію теорію посвящаю я вамъ, самоотверженные врачи, жертвующіе временемъ вашимъ печальному занятію лѣченія и хожденія за страждущими душевными болѣзнями.

S. Croupoff, M. et Ch. Doctor.

I.

Я родился въ одномъ помѣщицьемъ селеніи на берегу Оки. Отецъ мой былъ діакономъ. Возлѣ нашего домика жилъ понамарь, человекъ хилый, бѣдный и обремененный огромной семьей. Въ числѣ восьми дѣтей, которыми Богъ наградилъ понамаря, былъ одинъ ровесникъ мнѣ; мы съ нимъ вмѣстѣ росли, всякій день вмѣстѣ играли въ огородѣ, на погостѣ или передъ нашимъ домомъ. Я ужасно привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ всѣми лакомствами, которыя мнѣ давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, кашу и передавалъ черезъ плетень. Пріятеля моего всѣ звали «косой Левка»; онъ, дѣйствительно, немного косилъ глазами. Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что понамаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ, какъ рыба, лазалъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ одиноконекъ, ничего не боялся, былъ, какъ дома, въ лѣсу, зналъ всѣ дороги и въ то же время былъ чрезвычайно непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтирь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобы развить умственныя способности сына: и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему и запиралъ въ темный чуланъ на сутки,— все было тщетно, грамота Левкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился и выносилъ все, что съ нимъ дѣлали, съ какою-то злою сосредоточенностью. Это ему не дешево стоило: онъ исхудалъ, видъ его, выражавшій прежде дѣтскую кротость и дѣтскую беззаботность, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса и отвра-

щенія. Побился еще года два понамарь съ сыномъ, увидѣлъ, наконецъ, что онъ глупорожденный, и предоставилъ ему полную волю.

Освобожденный Левка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, садился въ уголъ и молчалъ, а иногда бормоталъ про себя разныя неясныя слова и велъ дружбу только съ двумя существами—со мной и съ своей собачонкой. Собачонку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ, когда Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собачонку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ; съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцати меня отправили въ семинарію. Два года я не былъ дома, на третій я пріѣхалъ провести вакаціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано я надѣлъ свой новый затрапезный халатъ и хотѣлъ итти осматривать знакомыя мѣста. Только я вышелъ на дворъ,—у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, бывало, я ему давалъ пироги; онъ бросился ко мнѣ съ такую радостью, что у меня слезы навернулись.

— Сенька, — говорилъ онъ, — я всю ночь ждалъ Сеньку. Груша вчера молвила: «Сенька пріѣхалъ»... и онъ ласкался ко мнѣ, какъ звѣрекъ, съ какимъ-то подобострастіемъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и спрашивалъ: «Ты не сердитъ на меня? Всѣ сердиты на Левку, — не сердись, Сенька: я плакать буду, не сердись: я тебѣ векшу поймалъ.

Я бросился обнимать Левку; это такъ ново, такъ необыкновенно было для него, что онъ просто зарыдалъ и, схвативши мою руку, цѣловалъ ее, я не могъ ее отдернуть, такъ крѣпко онъ держалъ ее.

— Пойдемъ-ка въ лѣсъ, — сказалъ я ему.

— Пойдемъ далеко за буераки, хорошо будетъ, очень хорошо, — отвѣчалъ онъ.

Мы пошли; онъ велъ версты четыре лѣсомъ, поднимавшимся въ гору, и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто; внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двадцать стелился одинъ изъ превосходныхъ сельскихъ видовъ Великороссіи.

— Здѣсь хорошо, — говорилъ Левка, — здѣсь хорошо.

— Что же хорошо? — спросилъ я его, желая испытать. Онъ остановилъ на мнѣ какой-то невѣрный взглядъ, лицо его приняло другое, болѣзненное выраженіе, онъ покачалъ головой и сказалъ: Левка не знаетъ, такъ, хорошо!

Мнѣ стало смерть стыдно. Левка сопровождалъ меня на всѣхъ

прогулкахъ; его безграничная преданность, его непрерывное вниманіе сильно трогали меня. Привязанность его ко мнѣ была понятна: одинъ я обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ имъ гнушались, стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его, даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія, приговаривая: «юродиваго обижать не надо, юродивый—божій человекъ». Онъ обыкновенно ходилъ задами села; когда же ему случалось итти улицей, однѣ собаки обходились съ нимъ по-человѣчески: онѣ издали, завидя его, виляли хвостомъ и бѣжали къ нему навстрѣчу, прыгали на шею, лизали въ лицо и ласкались до того, что Левка, тронутый до слезъ, садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей, занималъ ихъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь крестьянскій мальчикъ пускалъ камень на удачу, въ собакъ ли попадетъ, или въ бѣднаго мальчика; тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ мой отецъ, видя, что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ моей матери скроить ему длинную рубашку и отдать ее сестрамъ сшить. Управитель, услышавши объ этомъ, далъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ. При господскомъ домѣ былъ приставленъ старикъ лакей; онъ былъ приставленъ не столько по способности смотрѣть за чѣмъ-нибудь, сколько за пьянство. Этотъ лакей былъ фельдшеръ и портной; онъ весьма затруднился, когда получилъ отъ управляющаго приказъ сшить Левкѣ кафтанъ: какъ скроить дурацкій кафтанъ? Сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ, а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство: пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой-то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя, по правдѣ сказать, радоваться было нечему. Доселѣ крестьянскіе мальчики нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака,—гоненія и насмѣшки удвоились. Однѣ женщины были на сторонѣ Левки, подавали ему лепешки, квасу и браги, и говорили иногда привѣтливое слово; мудрено ли, впрочемъ, что бабы и дѣвки, задавленныя патріархальнымъ гнетомъ мужниной и отцовской власти, сочувствовали безвинно гонимому мальчику? Мнѣ было чрезвычайно жаль Левку, но помочь ему было трудно; унижая его, казалось, добрые люди росли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже мой отецъ, отъ природы вовсе не злой человекъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія, и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой, какъ унижая его и возвышая себя.

— А что, Левка,—говаривалъ онъ ему,—любишь ли ты кого-нибудь больше этого пса смердящаго?

— Люблю,—отвѣчалъ Левка;—Сеньку люблю больше.

— Видишь, губа-то не дура, ну, а еще кого больше любишь?

— Никого,—простодушно отвѣчалъ Левка.

— Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха! а мать родную меньше любишь развѣ?

— Меньше,—отвѣчалъ Левка.

— А отца твоего?

— Совсѣмъ не люблю.

— О, Господи Боже мой, «чти отца твоего и мать твою», а ты дуракъ что? Безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей, какъ же разумному подобію божію не любить ихъ?

— Какія животныя?

— Ну, какія: лошади, псы всякіе:

Левка качалъ головой:

— Развѣ щенята, а большіе нѣтъ. Они такъ любятъ, кто по нраву придется; вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика.

И батюшка мой хохоталъ отъ души, прибавляя: «Блаженни нищіе духомъ!»

Я тогда уже оканчивалъ риторику и потому не трудно понять, отчего мнѣ въ голову пришло написать «Слово о богопротивномъ людей обращеніи съ глупорожденными». Желая расположить мое сочиненіе по всѣмъ квинтилиановскимъ правиламъ съ соблюденіемъ законовъ хріи, я, обдумывая его, пошелъ по дорогѣ; шелъ, шелъ и, не замѣчая того, очутился въ лѣсу; такъ какъ я взошелъ въ него безъ вниманія, то и не удивительно, что потерялъ дорогу, искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу; вдругъ слышу знакомый лай левкиной собаки; я пошелъ въ ту сторону, откуда онъ раздавался, и вскорѣ былъ встрѣченъ Шарикомъ; шагахъ въ пятнадцати отъ него, подъ большимъ деревомъ, спалъ Левка. Я тихо подошелъ къ нему и остановился. Какъ кротко, какъ спокойно спалъ онъ! Онъ былъ дурень собой на первый взглядъ: бѣлые льняные волосы прямо падали съ головы странной формы, блѣдный лицомъ, съ бѣлыми рѣсницами и нѣсколько косившимися глазами. Но никто никогда не далъ себѣ труда взглянуть въ его лицо; оно вовсе не было лишено своей красоты, особенно теперь, когда онъ спалъ, щеки его немного раскраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно.

Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, я былъ пораженъ мыслью, которая преслѣдовала меня всю жизнь: «Съ чего люди,

окружающіе его, воображаютъ, что они лучше его? отчего считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе, никому никогда не сдѣлавшее вреда?» И какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: оттого, что и всѣ остальные—юродивые, только на свой лады и сердятся, что Левка глупъ по-своему, а не по ихъ.

Странная мысль эта выгнала у меня изъ головы всѣ хриіи и метафоры, я оставилъ спящаго Левку и пошелъ бродить наудачу по лѣсу, съ какой-то внутренней болью перевортывая и вглядываясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Левка хуже другихъ? Тѣмъ, что онъ не приноситъ никакой пользы; ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они жили и для чего они жили, гдѣ же польза ихъ существованія? Наслажденіе жизнью? да они ею никогда не наслаждались,—по крайней мѣрѣ, гораздо меньше Левки. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки, это—дѣло не хитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? Что за бѣда; онъ ни у кого ничего не просить, кой-какъ сытъ. Работа—не наслажденіе, кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ; всѣ остальные на селѣ работаютъ безъ всякой пользы, работаютъ цѣлый день, чтобы съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, а хлѣбъ ѣдятъ для того, чтобы завтра работать, въ твердой увѣренности, что все выработанное не ихъ. Здѣшній помѣщикъ Федоръ Григорьевичъ, одинъ ничего не дѣлаетъ, а пользы получаетъ больше всѣхъ, да и то онъ ее не дѣлаетъ, она какъ-то сама дѣлается ему. Жизнь его, сколько я знаю, проходить въ большей пустотѣ, нежели жизнь Левки, который, чего нѣтъ другого, гуляетъ, а тотъ все сердится.

Чѣмъ Левка сытъ, я не понимаю, но знаю одно, что какъ онъ ни тупъ, но если наберетъ земляники или грибовъ, то его не такъ-то легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть одни неспѣлыя ягоды да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежатъ, ну, хоть отцу Василью. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома живутъ, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ дома въ какомъ-то состояніи постоянной войны между собой и съ понамаремъ. Все такъ, но пустая жизнь его. Да отчего же она пустая? Онъ вжилъ въ природу, онъ понимаетъ ея красоты по-своему,—а для другихъ жизнь—пошлый обрядъ, тупое одно и то же, ни къ чему не ведущее.

И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на

свой особенный салтыкъ, а другіе повально глупы; и такъ, какъ картежники не любятъ неиграющаго, а пьяницы—непьющаго, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку. Однако, диссертациі я не написалъ; для меня, ученика семинаріи, казалось труднымъ и даже неприличнымъ писать о такихъ суетныхъ предметахъ. Насъ учили все писать о предметахъ возвышенныхъ, душу и сердце возносящихъ горѣ. Вакаціонное время прошло, пора мнѣ было возвращаться въ монастырь. Когда батюшка мой заложилъ пѣгую лошадку нашу въ телѣгу, чтобы отвезти меня, Левка пришелъ опять къ плетню; онъ не совался впередъ, а, прислонившись къ веревѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Мнѣ было очень грустно его оставить; я подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ, онъ на все смотрѣлъ печально. Когда же я сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ ко мнѣ и такъ печально, такъ грустно сказалъ: «Сенька, прощай», а потомъ подаль мнѣ Шарика и сказалъ: «Возьми, Сенька, Шарика себѣ». Дороже предмета у Левки не было, и онъ отдавалъ его. Я насилу уговорилъ его оставить Шарика у себя: что пусть онъ будетъ мой, но жить у него. Мы поѣхали. Левка пустился лѣсомъ и выбѣжалъ на гору, мимо которой шла дорога; я увидѣлъ его и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ неподвижно на горѣ, опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы моей. Она мѣшала мнѣ вполне предаваться изученію духовныхъ предметовъ, и я вмѣсто превыспреннихъ созерцаній стремился къ изученію предметовъ земныхъ, несмотря на то, что я зналъ ничтожность всего тѣлеснаго и суетность всего физическаго. Мало-по-малу во мнѣ развилось непреодолимое желаніе изучать медицину. Когда я впервые заикнулся объ этомъ отцу моему, онъ взошелъ въ неописанный гнѣвъ. «Ахъ ты, баловень презорный!—кричалъ онъ на меня:—вотъ какъ схвачу за вихры, такъ ты у меня и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ. Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія, а ты что вздумалъ? Пришлось подъ старость дожить до такого сраму! вотъ и радость, приносимая сыномъ, отъ плоти моей рожденнымъ! Не одинъ, видно, понамарь посѣщенъ Богомъ,—не даромъ съ дуракомъ валандаешься вѣчно, свой своему поневолѣ братъ. А все ты, малоумная баба, испортила его»,—прибавилъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ. Почему именно матушка была виновата, что я хотѣлъ учиться медицинѣ, этого я не знаю. Господи, думалъ я, да что же я сдѣлалъ такое? мнѣ хочется заниматься медициной, а слушаешь батюшку, право, подумаешь, что я просился на большую дорогу людей рѣзать. Даль я мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяцъ

опять завелъ, было, рѣчь; куда ты! — съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, жду особаго случая, а самъ только и занимаюсь латынью. Отецъ-ректоръ славно зналъ латинскій языкъ и полюбилъ меня за мои успѣхи. Я выбралъ минуту добрую да въ ноги ему; онъ такъ кротко и благосклонно сказалъ: «Встань, сынъ мой, встань, что тебѣ надобно? говори просто». Я рассказалъ ему о моемъ желаніи и просилъ замолвить отцу. Отецъ-ректоръ покачалъ головой и велѣлъ мнѣ утромъ и вечеромъ сверхъ обыкновенной читать другую молитву, говорилъ, что это вліяніе нечистой силы, отвлекающей отъ служенія престола къ служенію мірскому, отъ лѣченія духовнаго къ лѣченію плотскому. Потомъ напомнилъ четвертую заповѣдь, далъ прочесть сочиненіе Нила Сорскаго о монашескомъ житіи. Я все исполнилъ въ точности, но не могъ переломить влеченія къ медицинѣ.

На вакаціи поѣхалъ я опять домой. Левка еще болѣе одичалъ; онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Меня, однако, онъ принялъ съ прежней безграничной, нечеловѣческой привязанностью; грустно мнѣ было на него смотрѣть, особенно потому, что у него языкъ какъ-то сдѣлался невнятенѣе, сбивчивѣе, и взглядъ еще болѣе одичалъ. Черезъ годъ мнѣ приходилось окончить курсъ, времени было нечего, батюшка уже готовилъ мнѣ мѣсто. Что было дѣлать? Утопающій за соломинку хватается; слышалъ я отъ дворовыхъ людей, что сынъ нашего помѣщика (они жили это лѣто въ деревнѣ) добрый баринъ, ласковый, я и подумалъ: если бы онъ черезъ Ѳедора Григорьевича попросилъ обо мнѣ моего отца,—можетъ, тотъ, видя такое высокое ходатайство, и согласился бы. Почему не сдѣлать опыта? Надѣлъ я свой нанковый сюртукъ, тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейный платокъ и пошелъ въ господскій домъ. На дорогѣ попался Левка.

— Сенька, — кричалъ онъ мнѣ, — въ лѣсъ! Левка гнѣздо нашелъ; птички маленькія, едва пушекъ, матери нѣтъ, грѣтъ надо, кормить надо.

— Нельзя, братъ, иду за дѣломъ, вонъ туда.

— Куда?

— Въ барскій домъ.

— У-у!—сказалъ Левка, поморщившись:—у-у! весной, весной дядя Захаръ — его били, Левка смотрѣлъ: дядя Захаръ здоровый, сильный, а дуракъ стоитъ, его бьютъ,—а онъ ничего; дядя Захаръ дуракъ, сильный, большой и стоитъ. Не ходи, прибьютъ.

— Небось, дѣло есть.

Онъ долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, потомъ свиснулъ своей со-

бакѣ и побѣжалъ къ лѣсу; но едва я успѣлъ сдѣлать двадцать шаговъ, Левка нагналъ меня:

— Левка идетъ туда: Сеньку бить будутъ — Левка камнемъ пуститъ, — при этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ индѣйче яйцо.

Но мѣры его были ненужны: люди отказали, говоря, что господа чай кушаютъ; потомъ я раза три приходилъ, — все недосугъ молодому барину; послѣ третьяго раза я не пошелъ больше. И чѣмъ же это молодой баринъ такъ занятъ?.. Вѣчно ходить или съ ружьемъ, или такъ, просто безъ всякаго дѣла по полямъ, особенно, гдѣ крестьянскія дѣвки работаютъ. Неужели онъ не могъ оторваться на пять минутъ?

Самъ Богъ показалъ выходъ, хотя, по правдѣ, очень горестный. Въ селѣ Порѣчьѣ, версть восемь отъ насъ, былъ храмовой праздникъ; село Порѣчье казенное, торговое, богаче нашего, праздникъ у нихъ справлялся всегда отлично. Тамошній священникъ (онъ же и благочинный) пригласилъ насъ всѣхъ на праздникъ. Мы отправились наканунѣ, отецъ Василій съ попадьей, батюшка одинъ, причетникъ и я, для того, чтобы отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный, фабричныя пѣли на клиросѣ. Во время литургіи пріѣхалъ самъ капитанъ-исправникъ съ супругой и двумя засѣдателями. Голова за мѣсяцъ собиралъ по двадцати пяти копеекъ серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать, было весело, шумно; одинъ я грустилъ; грустилъ я и потому, что намѣренія мои не удавались, и по непривычкѣ къ многолюдію; вина я тогда еще въ ротъ не бралъ, въ хороводахъ ходить не умѣлъ, а пуще всего мнѣ досадно было, что всѣ перемигивались, глядя на меня и на дочь порѣченскаго священника. Я приглянулся ея отцу, и онъ предлагалъ, какъ меня похиротонисаютъ, женить на дочери, а онъ, де, мѣсто уступить и обзаведеніе, самому, молъ, на отдыхъ пора. А дочь-то его, несмотря на то, что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была сильно поражена избыткомъ плоти, такъ что скорѣе напоминала образъ и подобіе оладій, нежели Господа Бога.

Такимъ образомъ, поскучавъ въ Порѣчьѣ до вечера, я вышелъ на берегъ рѣки; откуда ни возьмись, Левка тутъ: и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ не зная зачѣмъ. Его никто не зналъ и не потчевалъ. Стоитъ лодочка, причаленная къ берегу, и покачивается; давно я не катался, — смерть захотѣлось мнѣ ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужичковъ лежало въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ шляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло (по счастью, въ селѣ Порѣчьѣ не было слабонервной барыни).

«Позвольте, молъ, православные, лодочку взять прокататься до Раздеришина»,—сказалъ я имъ.

— «Съ нашимъ удовольствіемъ, мы, де, вашего батюшку знаемъ. Митюхъ, Митюхъ, отвяжь-ка лодочку-то, извольте взять». И Митюхъ, нѣсколько покачиваясь и безъ нужды ступая въ воду по колѣна, отвязалъ лодку. Я принялся править, а Левка грести; поплыли мы по Окѣ рѣкѣ. Между тѣмъ смеркло, мѣсяцъ взошелъ, съ одной стороны было такъ свѣтло, а съ другой, черныя тѣни береговъ, насупившись, бѣжали на лодку. Поднимавшаяся роса, словно дымъ огромнаго пожара, бѣлѣла на лунномъ свѣтѣ и двигалась по водѣ, будто нехотя отдираясь отъ нея.

Левка былъ доволенъ, мочилъ безпрестанно свою голову водой и стряхивалъ мокрые волосы, падавшіе въ глаза. «Сенька, хорошо?» спрашивалъ онъ, и когда я отвѣчалъ ему: «очень, очень хорошо», онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски грести, онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ поднималъ оба весла, и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ, и тишина, заступавшая мѣрные удары, клонила къ какому-то полусну, а издали слышались пѣсни празднующихъ порѣчанъ, носимыя вѣтромъ то тише, то громче.

Мы приѣхали поздно ночью. Левка отправился съ лодкой назадъ, а я домой. Только что я легъ спать, слышу—подъѣзжаетъ телѣга къ нашему дому. Матушка (она не ѣздила на праздникъ, ей что-то нездоровилось), матушка послушала да говоритъ: «Это не нашей телѣги скрипъ: стучать,—треба, молъ, вѣрно, какая-нибудь».

— Не вставайте, матушка, я схожу посмотрѣть, — да и вышель; отворяю калитку, — порѣченскій голова стоитъ, немножко хмельной.

— Что, Макарь Лукичъ?

— Да что,—говорить,—дѣло-то не ладно, вотъ что.

— Какое дѣло? — спросилъ я, а самъ дрожу всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вѣстимо, насчетъ отца-діакона.

Я бросился къ телѣгѣ,—на ней лежалъ батюшка безъ движенія.

— Что съ нимъ такое?

— А Богъ его вѣдаетъ: все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть прилучилось.

Мы внесли батюшку въ домъ; лицо у него посинѣло, я теръ его руки, вспрыскивалъ водой; мнѣ казалось, что онъ хрипитъ, я уложилъ его на постель и побѣжалъ за пьянымъ портнымъ; на

этотъ разъ онъ еще былъ довольно трезвъ, схватилъ ланцетъ, бинтъ и побѣжалъ со мною. Раза три просѣкъ руку, кровь не идетъ... Я стоялъ ни живой, ни мертвый; портной вынулъ табакерку, понюхалъ, потомъ началъ грязнымъ платкомъ обтирать инструментъ.—Что? спросилъ я какимъ-то не своимъ голосомъ.— Не нашего ума дѣло-съ, экскузе—отвѣчалъ онъ,—а извольте молитву читать. Матушка упала безъ чувствъ, у меня сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подламывались.

II.

Послѣ смерти отца матушка не препятствовала, и я выхлопоталъ себѣ, наконецъ, увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ московскую медико-хирургическую академію студентомъ. Читая печатную программу лекцій, я увидѣлъ, что адъюнктъ ветеринарнаго искусства, если останется время, будетъ читать студентамъ, оканчивающимъ курсъ, *общую психіатрію*, то есть науку о душевныхъ болѣзняхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и, хотя мнѣ еще не приходилось слушать психіатріи, явился на первую лекцію адъюнкта. Но я тогда такъ мало былъ образованъ по медицинской части, что почти ничего не понималъ, хотя слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что до сихъ поръ помню краснорѣчивое вступленіе ветеринарнаго врача. «Психіатрія, — говорилъ онъ, — безспорно, самая трудная часть врачебной науки, самая необъясненная, самая необъяснимая, но зато нравственное вліяніе ея самое благотворное. Ни метафизика, ни философія не могутъ такъ ясно доказать независимость души отъ тѣла, какъ психіатрія. Она учитъ, что всѣ душевныя болѣзни—разстройства тѣлесныя; она учитъ, слѣдственно, что безъ тѣла, безъ сей скудельной оболочки духъ былъ бы вѣчно здоровъ и пр.». Я уже въ семинаріи зналъ Вольфову философію, но совершенно ясно изложенія адъюнкта не понималъ, хотя и радовался, что самая медицина служитъ доказательствомъ высокихъ метафизическихъ соображеній.

Когда я порядкомъ изучилъ приготовительныя части, я сталъ мало-по-малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, тщательно записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ я почти всегда въ домѣ умалишенныхъ. Всѣ наблюденія мои вели постоянно къ мысли, поразившей меня при созерцаніи спавшаго Левки, то есть, что официальные, патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосре-

доточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать—геніальнѣе тѣхъ. Странные поступки безумныхъ, раздражительную ихъ злобу объяснялъ я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердить ихъ и ожесточаетъ непрерывнымъ противорѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ любимой идеи. Замѣчательно, что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ; внѣ ихъ существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другъ. Все несчастье явно безумныхъ — ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные, со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ ихъ въ клѣтки, поливаютъ холодной водой и пр.

Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій человекъ въ мірѣ, но, безъ сомнѣнія, болѣе поврежденный, нежели половина больныхъ его (онъ надѣввалъ, напримѣръ, на себя одинъ шейный и два петличныхъ ордена для того, чтобы пройти по палатамъ безумныхъ; онъ давалъ чувствовать фельдшерамъ, что ему приятно, когда они говорятъ «ваше превосходительство», а чиномъ былъ статскій совѣтникъ, и разныя другія шалости ясно доказывали поражение большихъ полушарій мозга). Больные ненавидѣли его оттого, что онъ, самъ стоя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе. «Я—китайскій императоръ!», кричалъ ему одинъ больной, привязанный къ толстой веревкѣ, которой по необходимости ограничили высочайшую власть его.—«Ну, когда же китайскій императоръ сидитъ на веревкѣ?»—отвѣчалъ добрѣйшій нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій императоръ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь, и долго не могъ потомъ успокоиться. Я, совсѣмъ напротивъ, подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія: «Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца,—говорилъ я ему,—плодородіе земли, позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи, отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастье освѣжать священную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа»...

И больной улыбался и позволялъ съ собою дѣлать все, что я хотѣлъ.

Обращаю особенное вниманіе на то, что я для этого больного не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ всегда—на улицѣ, въ гостиной.

Въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старичокъ, воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно; однако, главный докторъ съ непокрытой головой слушалъ его до конца благоговѣйно и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его, а китайскаго императора дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

Продолжая мои наблюденія, я открылъ, что между собой нерѣдко сумасшедшіе признаютъ другъ друга; эти уже ближе къ обыкновенному гражданскому благоустройству. Такъ, въ V палатѣ жили восемь человѣкъ легко помѣшанныхъ въ большой дружбѣ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума на томъ, что онъ, сверхъ своей порціи, имѣетъ призваніе ѣсть по полпорціи у всѣхъ товарищей, основывая (пресмѣшно) свои права на томъ, что его отецъ умеръ отъ объяденія, а дѣдъ опился. Онъ такъ увѣрилъ своихъ товарищей, что ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ѣсть своей порціи, не отдавъ ему лучшей части, не смѣлъ ее взять украдкой, боясь угрызений совѣсти. Когда же изрѣдка кто-либо изъ дерзкихъ скептиковъ утаивалъ кусокъ, онъ гордо уличалъ преступнаго, и шесть остальныхъ готовы были оттаскать злодѣя; онъ называлъ его воромъ, стяжателемъ, и глава этой общины до того добродушно вѣрилъ въ свое право, что, не имѣя возможности съѣдать все набранное, съ величавой важностью награждалъ избранныхъ ихъ же ѣдою, и награжденный точилъ слезы умиленія, а остальные—слезы зависти.

Нельзя отказать этимъ безумнымъ въ высококомъ политическомъ смыслѣ, такъ точно, какъ нельзя отказать въ безуміи людямъ, не только считающимъ себя здоровыми (самые бѣшеные собою совершенно довольны), но признаваемымъ за такихъ другими. Для убѣдительнаго доказательства присовокуплю отрывокъ изъ моего журнала, предпославъ оному слѣдующую краткую діагностику безумія.

Главные признаки разстройства умственныхъ способностей состоятъ:

a) Въ неправильномъ, но и произвольномъ, сознаниіи окружающихъ предметовъ;

b) Въ болѣзненной упорности, стремящейся сохранить это сознание съ явнымъ даже вредомъ самому больному, и отсюда—

c) Тупое и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существеннымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ.

Этого достаточно для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ выводовъ.

Выписка изъ журнала:

Субъектъ 29. Мѣщанка Матрена Бучкина. Сложеніе сангническое, склонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ.

Субъектъ этотъ находится у меня въ услуженіи въ должности кухарки, а потому я изучалъ его довольно внимательно въ главныхъ психическихъ и многихъ физиологическихъ отправленіяхъ. Alienatio mentale, не подлежащее никакому сомнѣнію; всѣ умственные отправленія поражены, несмотря на хорошія врожденныя способности, что доказывается сохранившеюся ловкостію обсчитывать при покупкахъ и утаивать половину провизіи. Какъ женщина, Матрена живетъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, но всѣ ея чувства такъ ниспровергнуты болѣзненнымъ отклоненіемъ дѣятельности мозга отъ нормальнаго отправленія, что они не только не человѣческія, но и не животныя.

а) *Чувство любви.*

Не видать, чтобы у нея была особенная нѣжность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны, какъ патологическій фактъ. Мужъ ея—сапожникъ, и живетъ въ другомъ домѣ; онъ приходитъ къ ней обыкновенно утромъ въ воскресенье. Матрена покупаетъ на послѣднія деньги простого вина и печетъ пирогъ или блины. Часу въ десятомъ мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ ее продолжительно и больно бить; потомъ онъ впадаетъ въ летаргическій сонъ до понедѣльника, а, проснувшись, отправляется съ страшной головной болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ семь дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день.

Такъ какъ она приходила всякій разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, я совѣтовалъ ей не покупать ему вина, основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моимъ совѣтомъ и возражала, что она не безчестная какая-нибудь и не нищая, чтобы своему законному мужу не поднести стакана вина—святъ день до обѣда, что, сверхъ того, она покупаетъ вино на свои деньги, а не на мои, и что если мужъ ее и колотить, такъ все же онъ Богомъ данный ей мужъ. Отвѣтъ этотъ, много разъ повторяемый, очень замѣчательнъ; можно добратъся по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга, пораженнаго болѣзнью; ни одного слова нѣтъ въ ея отвѣтѣ, которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга ей казалось, что она вполне опровергала меня.

Но до какой степени и это поверхностно,—я доказываю тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: «А ты зачѣмъ съ нимъ споришь? ты бы смолчала, вѣдь, онъ твой мужъ и

глава». Тогда больная приходила въ состояніе близкое маніи и съ сердцемъ говорила: «онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ, я ему не дура досталась молчать, когда онъ несетъ всякій вздоръ». И тутъ она начинала бранить не только его, но и барыню свою, которая, истинно въ материнскихъ попеченіяхъ своихъ о подданныхъ, сама приняла на себя трудъ избрать ей мужа; выборъ палъ на сапожника не случайно, а потому, что онъ крѣпко хмелемъ зашибалъ, такъ барыня думала, что онъ остепенится женившись,—конечно не ея вина, что она ошиблась, *ergare humanum est!*

в) Отношеніе къ дѣтямъ.

Любопытно до высшей степени и имѣетъ двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто механически крѣпкимъ пеленаніемъ, при чемъ сдавливаютъ *ossa parietalia* черепа, чтобы помѣшать мозговому развитію,—это съ своей стороны уже очень дѣйствительно. Потомъ употребляются органическія средства; они состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прожорливости и въ дурномъ обращеніи. Когда организмъ ребенка не изловчился еще претворять всю дрянь, которая ему давалась отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лечила сама, и въ медицинскихъ убѣжденіяхъ своихъ далеко расходилась со всѣми врачами, отъ Иппократа до Бюргавы и отъ Бюргавы до Гуфланда; иногда она откачивала его такъ, какъ спасаютъ утопленниковъ (средство совершенно безвредное, если утопленникъ умеръ, и способное показать усердіе присутствующихъ), ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что его, дѣйствительно, облегчало, или мать начинала на извѣстномъ основаніи Ганеманова ученія клинъ клиномъ вышибать, кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоравливалъ, мать начинала его бить, толкать, дергать, наконецъ, прибѣгала къ послѣднему средству,—давала ему или настойки, или маковаго молока и радовалась очевидной пользѣ отъ лекарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена, на свой манеръ, чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дитяти была совершенно въ родѣ любви къ мужу; она покупала на скудные деньги свои какой-нибудь тафтицы на одѣяльце и потомъ безщадно била ребенка за то, что онъ не нарочно капалъ на него молоко. Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ; къ тому же я впоследствии услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ воспитанія и умеръ.

с и d) Отношенія гражданскія и общественныя; отношенія къ церкви и юсударству...

Но я полагаю, сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что жизнь этого субъекта проходила въ чаду безумія. А посему снова обращаюсь къ прерванной нити моего жизнеописанія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и есть описаніе развитія моей теоріи.

По окончаніи курса меня отправили лекаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною на семь специальномъ поприщѣ безумія, я имъ посвятилъ особый отдѣлъ въ большомъ сочиненіи моемъ ¹⁾. Перехожу къ болѣе разнообразному поприщу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по распоряженію высшаго начальства, которому, пользуясь симъ случаемъ, свидѣтельствую искреннѣйшую благодарность за начальственное вниманіе, получилъ я мѣсто по гражданскому вѣдомству; тутъ съ большимъ досугомъ предался я сравнительной психіатріи. Для занятій и наблюденій я избралъ на первый случай два заведенія: домъ умалишенныхъ и канцелярію врачебной управы.

Добросовѣстно изучая субъекты въ обоихъ заведеніяхъ, я былъ пораженъ сходствомъ чиновниковъ канцеляріи съ больными; разумѣется, наружныя различія тоже бросались въ глаза, но врачъ долженъ итти далѣе: по наружности долгое время кита считали рыбою. Самое важное различіе между писарями и больными состояло въ образѣ поступленія въ заведеніе; первые просились объ опредѣленіи, а вторые были опредѣляемы высшимъ начальствомъ, вслѣдствіе публичнаго испытанія въ губернскомъ правленіи. Но однажды помѣщенные въ канцелярію, писаря тотчасъ подвергались психической эпидеміи, весьма быстро заражавшей все нормально человѣческое и еще быстрѣе развивавшей искаженныя потребности, желанія, стремленія; цѣлые дни работали эти труженики съ усердіемъ, болѣе нежели съ усердіемъ,—съ завистью; штаты тогда были еще невѣроятные, едва эти бѣдняки въ будни досыта наѣдались и въ праздники допьяна напивались, а ни одинъ не хотѣлъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, считая всякую честную работу несоумѣстною съ человѣческимъ достоинствомъ, дозволяющимъ только брать двугривенные за справки. Признаюсь, когда я вполне убѣдился, что чиновничество (я, разумѣется, далѣе XIII класса восходить не смѣю) есть особое специфическое пораженіе мозга, мнѣ опротивѣли всѣ эти журнальныя побасенки, наполненныя насмѣш-

¹⁾ См. Сравнительной психіатріи часть II, глава IV. Марсоманія, отдѣлъ I. Марсоманія мирная и т. д.—А. И. Г.

ками надъ чиновниками. Смѣяться надъ больными показываетъ жесткость сердца.

Вліяніе епидеміи до того сильно, что мнѣ случалось наблюдать ея дѣйствіе на организаціи болѣе крѣпкія и здоровыя, и тутъ-то я увидѣлъ всю силу ея. Какое-то безпокойное чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, овладѣвало вновь поступавшими здоровыми субъектами; имъ становилось замѣтно тягостно быть здоровыми, они такъ страдали тоскою по безумію, что излѣчивались отъ умственныхъ способностей разными спиртными напитками, и я замѣтилъ, что при надлежащемъ и постоянномъ употребленіи ихъ они, дѣйствительно, успѣвали себя поддерживать въ искусственномъ состояніи безумія, которое мало-по-малу становилось естественнымъ.

Отъ чиновниковъ я перешелъ къ прочимъ жителямъ города, и въ скоромъ времени не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ они — поврежденные. Предоставляю тѣмъ, которые долго трудились надъ какимъ-нибудь открытіемъ, оцѣнить то чувство радости, которымъ исполнилось сердце мое, когда я убѣдился въ этомъ драгоцѣнномъ фактѣ.

Городокъ нашъ вообще оригиналенъ: это — губернское правленіе, обросшее разными домами и жителями, собравшимися около присутственныхъ мѣстъ; онъ тѣмъ отличается отъ другихъ городовъ, что онъ возникъ собственно для удовольствія и пользы начальства. Начальство составило сущность, цвѣтъ, корень и плодъ города. Остальные жители, какъ купцы, мѣщане, больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу безъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу, впрочемъ); мастеровые, напр., портные, сапожники, шили для чиновниковъ фраки и сапоги; содержатель трактира имѣлъ для нихъ бильярдъ. Прочіе неслужащіе въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на бильярдѣ.

Въ нашемъ городкѣ считалось 5.000 жителей; изъ нихъ человекъ двѣсти были повергнуты въ томительнѣйшую скуку отъ отсутствія всякаго занятія, а четыре тысячи семьсотъ человекъ повергнуты въ томительную дѣятельность отъ отсутствія всякаго отдыха. Тѣ, которые денно и ночью работали, не вырабатывали ничего, а тѣ, которые ничего не дѣлали, непрерывно вырабатывали и очень много.

Утвердивъ на прочныхъ началахъ общую статистику помѣшательства, перейдемъ снова къ частнымъ случаямъ. Въ качествѣ врача я былъ часто призываемъ лѣчить тѣло, тамъ, гдѣ слѣдовало лѣчить душу; невѣроятно, въ какомъ чадѣ нелѣпостей, въ какомъ рѣзкомъ безуміи находились всѣ мои паціенты обоихъ половъ.

— Пожалуйте сейчасъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно.

— Сію минуту ѣду.

Анна Ѳедоровна—лѣтъ тридцати женщина, любившая и любящая многихъ мужчинъ, за исключеніемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Анны Ѳедоровны. У нихъ отъ розовыхъ цѣпей брачныхъ осталась одна, которая обыкновенно бываетъ крѣпче прочихъ,—ревность,—и ею они неутомимо преслѣдовали другъ друга десятый годъ. Приѣзжаю. Анна Ѳедоровна лежитъ въ постели съ вспухшими глазами: у нея жаръ, у нея боль въ груди; все показываетъ, что было семейное Бородино, дѣло горячее и продолжительное. Люди ходятъ испуганные, мебель въ беспорядкѣ, вдребезги разбитая трубка (явнымъ образомъ не случайно) лежитъ въ углу, и переломленный чубукъ—въ другомъ.

— У васъ, Анна Ѳедоровна, нервы разстроены; я вамъ пропишу немножко лавровишневой воды; на свѣтъ не ставьте,—она портится; такъ—принимайте... сколько-бишь вамъ лѣтъ? капель по 20.

Больная становится веселѣе и кусаетъ губы.

— Да знаете ли что, Анна Ѳедоровна? вамъ бы надо ѣхать куда-нибудь, ну, хоть въ деревню; жизнь, которую вы ведете, васъ разстроить окончательно.

— Мы ѣдемъ въ маѣ мѣсяцѣ съ Никаноръ Ивановичемъ въ деревню.

— А! превосходно,—такъ вы останьтесь здѣсь. Это будетъ еще лучше.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вамъ надобенъ покой безусловный, тишина; иначе я не отвѣчаю за то, что, наконецъ, изъ всего этого выйдутъ серьезныя послѣдствія.

— Я—несчастнѣйшая женщина, Семень Ивановичъ: у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И все виноватъ этотъ извергъ... Ахъ, Семень Ивановичъ, спасите меня!

— Извольте. Только мое лекарство будетъ не изъ аптеки; вотъ рецептъ: «возьми небольшой чистенькій домъ,—въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никанора Ивановича, прибавь мебель, цвѣты и книги. Жить, какъ сказано, тихо, спокойно». Этотъ рецептъ вамъ поможетъ.

— Легко вамъ говорить: вы не знаете, что такое бракъ.

— Не знаю, но догадываюсь: полюбовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ, не такъ ли?

— О, вы такой вольнодумъ! Какъ я покину мужа?

— Анна Федоровна, вы меня простите, одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ итти до такой откровенности,— я осмѣлюсь сдѣлать вамъ вопросъ.

— Что угодно, Семень Ивановичъ, вы—другъ дома, вы...

— Любите ли вы сколько-нибудь вашего мужа?

— Ахъ, нѣтъ: я готова это сказать передъ всѣмъ свѣтомъ,— безумная тетушка моя сварганила этотъ несчастный бракъ.

— Ну, а онъ васъ?

— Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной, вы знаете—мнѣ Богъ съ нимъ совсѣмъ, да, вѣдь, денегъ что это ему стоитъ...

— Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, скучаете, вы оба богаты, что васъ держитъ вмѣстѣ?

— Да помилуйте, Семень Ивановичъ, за кого же вы меня считаете? моя репутація дороже жизни, что обо мнѣ скажутъ?

— Это, конечно. Но, Боже мой, половина перваго! Что это, какъ время-то? Да-съ, такъ по 20 капель лавровишневой воды,—хоть три раза до ночи,—а я заѣду какъ-нибудь завтра взглянуть.

Я только въ залу, а ужъ Никаноръ Ивановичъ, не бритый, съ испорченнымъ отъ спирту и гнѣва лицомъ, меня ждетъ.

— Семень Ивановичъ, Семень Ивановичъ, ко мнѣ въ кабинетъ!

— Чрезвычайно радъ.

— Вы честный человѣкъ, я васъ всю жизнь зналъ за честнаго человѣка, вы благородный человѣкъ,—вы поймете, что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете, ежели скажете истину.

— Сдѣлайте одолженіе. Что вамъ угодно?

— Да какъ вы считаете положеніе жены?

— Оно не опасно; успокойтесь, это пройдетъ; я прописалъ капельки...

— Да чортъ съ ней, не объ этомъ дѣло, по мнѣ, хоть сегодня ногами впередъ да и со двора. Это змѣя, а не женщина, лучшія лѣта жизни отняла у меня... Не объ этомъ рѣчь.

— Я васъ не понимаю.

— Что это, ей Богу, съ вами? Ну, то есть болѣзнь ея подозрительна или нѣтъ?

— Вы желаете знать насчетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдника?

— Наслѣдника!.. Я ей покажу наслѣдника! Что это за женщина! Знаете, для меня ужъ коли женщина въ эту сторону, все

кончено;—нѣтъ, не могу! Законная жена, Семень Ивановичъ: она мое имя носить, она мое имя пятнаетъ.

— Я ничего не понимаю. А впрочемъ, знаете, Никаноръ Ивановичъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, для обоихъ было бы спокойнѣе.

— Да-съ, такъ ей и позволить, ха, ха, ха! выдумали ловко! Ха, ха, ха, какъ же, позволю! Нѣтъ, вѣдь, я не французъ какой-нибудь! Вѣдь, я родился и выросъ въ благочестивой русской дворянской семьѣ. Нѣтъ-съ, вѣдь, я знаю законъ и приличіе! О, если бы матушка была жива, да она изъ своихъ рукъ ее на столъ бы положила. Я знаю ея продѣлки.

— Прощайте, почтеннѣйшій Никаноръ Ивановичъ, мнѣ еще къ вашей сосѣдкѣ надобно.

— Что у нея?—спросилъ врасплохъ взятый супругъ и что-то сконфузился.

— Не знаю, — присылали горничную; дочь что-то все нездорова, дѣвка не умѣла рассказать порядкомъ.

— Ахъ, Боже мой, да какъ же это? Я на-дняхъ видѣлъ Полину Игнатьевну.

— Да-съ, бываютъ быстрыя болѣзни.

— Семень Ивановичъ, я давно хотѣлъ, — вы меня извините, вѣдь, ужъ это такъ заведено: священникъ живетъ отъ алтаря, а чиновникъ отъ просителей, я такъ много доволенъ вами. Позвольте вамъ предложить эту золотую табакерку, примите ее въ знакъ искренней дружбы... Только, Семень Ивановичъ, я надѣюсь, что, во всякомъ случаѣ, молчаніе ваше...

— Есть вещи, на которыя докторъ имѣетъ уши, но рта не имѣетъ.

Никаноръ Ивановичъ обнялъ меня и своими мокрыми губами и потнымъ лицомъ произвелъ довольно непріятное впечатлѣніе на щекѣ.

И кто-нибудь скажетъ, что это не поврежденные! Позвольте еще примѣръ.

Рядомъ со мною живетъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ, скряга. Онъ держитъ домъ назаперти, никого не пускаетъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжаетъ и что дѣлаетъ въ городѣ—понять нельзя; не служитъ, процессовъ не имѣетъ, деревня въ 50-ти верстахъ, а живетъ въ городѣ. Были, правда, слухи, что одинъ мужикъ, котораго онъ наказалъ, какъ-то дурно посмотрѣлъ на него и сглазилъ: онъ такъ испугался его взгляда, что очень ласково отпустилъ мужика, а самъ на другой день перебрался въ городъ. Главное занятіе его — стяжаніе и накопленіе денегъ, но

это дѣлается за кулисами; я вамъ хочу показать его въ торжественныхъ минутахъ жизни. У него въ гостиницѣ и на почтѣ закуплены слуги, чтобы извѣщать его, когда по городу проѣзжаетъ какой-нибудь сановникъ, генераль внутренней стражи, генераль путей сообщенія, ревизующій чиновникъ не ниже V класса.

Сосѣдъ мой, получивши вѣсть, тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ, разумѣется, съ дороги спалъ, сосѣда не пускали; онъ давалъ на водку цѣлковый, синенькую, упорствовалъ, дожидался часы цѣлые, наконецъ, объ немъ докладывали. Генераль (ибо въ эти минуты и чиновникъ V класса чувствовалъ себя не только генераломъ, но генераль-фельдмаршаломъ) принималъ просителя, не скрывая ярости и не воздавая вѣсу и мѣры словамъ и движеніямъ. Проситель послѣ долгихъ околичностей докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ его счастье, счастье его дѣтей и жены, состоитъ въ томъ, чтобы его превосходительство изволило откушать у него завтра или отужинать сегодня; онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не могъ противостоятъ и давалъ ему слово. Тутъ наставляли поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбные ряды, покупалъ стерлядь, ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора и ее живую перевозили въ подвижномъ озерѣ къ нему на дворъ; выгружалось старинное серебро, вынималось старое вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женою, дѣлалъ отеческія исправленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для одобренія), звалъ человѣкъ двадцать гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ, встрѣчалъ въ сѣняхъ генерала, цѣловалъ его въ шовъ, идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здравіе высокаго проѣзжаго. И замѣтите, все это—изъ помѣшательства, все это безкорыстно. И что еще важнѣе для психіатріи, что его безуміе всякій разъ полярно переносилось съ обратными признаками на гостя. Гость вѣрилъ, что онъ по гробъ одождаетъ хозяина тѣмъ, что прекрасно обѣдалъ. Каковы діагностическіе знаки безумія!

Отовсюду текли доказательства очевидныя, неподлежащія сомнѣнію моей основной мысли.

Успокоившись насчетъ жителей нашего города, я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя, историческія творенія и подписался на аугсбургскую «Всеобщую Газету».

Слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже объ аугсбургской газетѣ: на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ

на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ, страждущихъ душевными болѣзнями. Нѣтъ! что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное хроническое сумасшествіе. Тита Ливія я бралъ или Муратори, Тацита или Гиббона, — никакой разницы; всѣ они, равно какъ и нашъ отечественный историкъ Карамзинъ, всѣ доказываютъ одно, что исторія — не что иное, какъ связанный рассказъ родового, хроническаго безумія и его медленнаго излѣченія (этотъ рассказъ даетъ по наведенію полное право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше). Истинно, не считаю нужнымъ приводить примѣры — ихъ миллионы. Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ, всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; взгляните, изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего несутъ крайность, что восхваляютъ, что порицаютъ, — и вы ясно убѣдитесь въ печальной на первый взглядъ истинѣ, — и истинѣ, полной утѣшенія на второй взглядъ, — что все это — слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянешь въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти такъ же очевидно, какъ въ новомъ. Тутъ Курцій бросается въ яму для спасенія города, тамъ отецъ приноситъ дочь на жертву, чтобы былъ попутный вѣтеръ, и нашелъ стараго дурака, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку, и этого бѣшенаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за первосвященника. Здѣсь персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, такъ же мало понимая нелѣпость поступка, какъ его враги авиняне, которые цикуттой хотѣли лѣчить отъ разума и сознанія. А что это за бѣлая горячка была, вслѣдствіе которой императоры гнали христіанство? Развѣ трудно было разсудить, что эти средства палачества, тюремъ, крови, истязаній ничего не могли сдѣлать противъ сильныхъ убѣжденій, а удовлетворяли только животной свирѣпости гонителей?

Какъ только христіанъ домучили, дотравили звѣрями, они сами принялись мучить и гнать другъ друга съ еще болѣшимъ озлобленіемъ, нежели ихъ гнали. Сколько невинныхъ нѣмцевъ и французовъ погибло, такъ, изъ вздору, и помѣшанные судьи ихъ думали, что они исполняли свой долгъ и спокойно спали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ дожаривались еретики.

Кто не видитъ ясные признаки безумія въ среднихъ вѣкахъ, тотъ вовсе незнакомъ съ психіатріей. Въ среднихъ вѣкахъ все безумно: если и выходитъ что-нибудь путное, то совершенно противоположно желанію. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средневѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдывали лю-

бовь и жили въ ненависти, проповѣдывали миръ и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури, — каждое на свой ладъ; на примѣръ, одного человѣка въ латахъ считали сильнѣе тысячи человѣкъ, вооруженныхъ дубьемъ, а рыцари сошли съ ума на томъ, что они дикіе звѣри, и сами себя содержали по целлюлярному порядку новыхъ тюремъ въ укрѣпленныхъ сумасшедшихъ домахъ по скаламъ, лѣсамъ и пр.

Исторія доселѣ остается непонятною отъ ошибочной точки зрѣнія. Историки, будучи большею частью не врачами, не знаютъ, на что обращать вниманіе; они стремятся вездѣ выставить послѣ придуманную разумность и необходимость всѣхъ народовъ и событий; совѣмъ напротивъ, надобно на исторію взглянуть съ точки зрѣнія патологии, надобно взглянуть на историческія лица съ точки зрѣнія безумія, на событія — съ точки зрѣнія нелѣпости и ненужности.

Исторія — горячка, производимая благодѣтельной натурой, посредствомъ которой человѣчество пытается отдѣлываться отъ излишней животности; но какъ бы реакція ни была полезна, все же она — болѣзнь. Впрочемъ, въ нашъ образованный вѣкъ стыдно доказывать простую мысль, что исторія — автобіографія сумасшедшаго.

Интересъ лѣтописей и путешествій тотъ же самый, который мы находимъ въ анатомико-патологическомъ кабинетѣ. Кстати о путешествіяхъ. Они не менѣе исторіи принесли мнѣ подтвержденій — и тѣмъ пріятнѣйшихъ, что всѣ описываемыя въ нихъ безумія дѣлались не за тысячу лѣтъ, а совершаются теперь, сейчасъ, въ ту минуту, какъ я пишу, и будутъ совершаться въ ту минуту, какъ вы, любезный читатель, займетесь чтеніемъ моего отрывка. Доказательства и здѣсь — совершеннѣйшая роскошь; разверните Магелана, разверните Дюмонъ д'Юрвиля и читайте первое, что раскроется, — будетъ хорошо; вамъ или индеецъ попадетъ какой-нибудь, который во славу Вишны сидитъ двадцать лѣтъ съ поднятой рукой и не утираетъ носъ для пріобрѣтенія безконечной радости на томъ свѣтѣ, или женщина, которая, изъ учтивости и приличія, бросается на костеръ, на которомъ жгутъ трупъ мужа. Востокъ — классическая страна безумія, но, впрочемъ, и въ Европѣ очень удовлетворительные симптомы и въ ирландскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ о пауперизмѣ, и во многихъ другихъ. Да, сверхъ того, въ Европѣ остались нѣсколько видоизмѣненными и всѣ азіатскія глупости, собственно перемѣнились только названія.

Здѣсь я останавливаюсь. Я хотѣлъ передать публикѣ на первый случай небольшой отрывокъ. Кто желаетъ болѣе знать по сей части, тотъ пусть купитъ курсъ психіатріи, когда онъ выйдетъ (о

цѣнѣ и условіяхъ подписки своевременно черезъ «Вѣдомости» объявлено будетъ).

Объяснительное прибавленіе отъ автора.

Я не могу положить пера, не сказавъ еще нѣсколько объяснительныхъ и, такъ сказать, предупредительныхъ замѣчаній. Знаю я, что неблагонамѣренность обвинить меня въ желаніи блеснуть новизною, въ гордости и пренебреженіи къ больнымъ за то, что я ихъ не считаю здоровыми. Совѣсть моя чиста! Не гордость и пренебреженіе, а любовь привела меня къ моей теоріи, и, когда я совершенно убѣдился въ истинности ея, весь нравственный бытъ мой перемѣнился: мнѣ стало легко, упованія и надежды расцвѣли, какъ въ молодости. Прежняя нетерпимость, готовность порицанія и осужденія замѣнились теплымъ чувствомъ состраданія къ больнымъ, и вмѣсто желанія отвратительной мести за дѣйствія, явнымъ образомъ сдѣланныя подъ вліяніемъ болѣзни, явилось кроткое снисхожденіе и сильное желаніе помочь больному. (Я даже въ домѣ умалишенныхъ вывелъ наказанія, не желая вступать въ соревнованіе съ безумными, ни побѣждать ихъ въ нелѣпости). Что же касается до предполагаемаго мною обвиненія въ желаніи блеснуть новизною, то я обязанъ замѣтить, что въ разныхъ формахъ мысль медицинская, мною проведенная, являлась многимъ въ голову. Аристотель называлъ Анаксагора единымъ трезвымъ въ сонмѣ пьяныхъ. Спиноза видѣлъ одно безсиліе разума въ человѣкѣ безнравственнымъ, Бентамъ прямо сказалъ, что «всякій преступникъ, прежде всего, дурной счетчикъ», человѣкъ съ здравымъ смысломъ не можетъ дурно считать. Бентамъ правъ; онъ, однако, не понялъ, что если преступникъ дѣлаетъ ариѳметическія ошибки слишкомъ грубыя, то всѣ остальные тоже дурные счетчики, но ошибаются въ мелочахъ или съ общаго согласія. Люди окружены цѣлой атмосферою призрачной и одуряющей; всякій человѣкъ, болѣе или менѣе, какъ Матренина дочь (зри выше), съ малыхъ лѣтъ, при содѣйствіи родителей и семьи, пріобщается мало-по-малу къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды (нѣмецкіе врачи называютъ эту болѣзнь *der historische Standpunkt*); вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и разсчитаны по этой атмосферѣ, въ томъ родѣ, какъ нелѣпыя формы ихтіозавровъ, мастодонтовъ были разсчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земного шара.

Мѣстами воздухъ становится чище, болѣзни душевныя укрощаются. Но не легко перерабатывается въ душѣ человѣческой родовое безуміе; большія усилія надобно употреблять для малѣйшаго

шага. Вспомните романтизмъ, — эту духовную золотуху, одну изъ золотворнѣйшихъ психическихъ эпидемій, поддерживающую организмъ въ непрерывномъ и неестественномъ раздраженіи, поселяющую отвращеніе ко всему дѣйствительному, практическому, и истощающую страстями вымышленными.

Вспомните аристократизмъ, эту застарѣлую подагру нравственнаго міра, іудейскую проказу исключительной національности и пр.

Передвижу еще одинъ вопросъ. Что же ты, занимавшійся столько лѣтъ исторической психіатріей, открылъ ли какія-нибудь средства лѣченія? Что же плодъ твоихъ трудовъ?

Во-первыхъ, — истина, во-вторыхъ, — точка зрѣнія, въ третьихъ, я далеко не все сказалъ, а намекнулъ, означилъ, слегка указалъ только.

Средствъ я нашелъ мало, но средства есть. При дальнѣйшемъ развитіи органической химіи, при благодѣтельной помощи природы можно будетъ выдѣлывать и поправлять вещество мозга.

Мы имѣемъ уже драгоценныя наблюденія касательно возможности химически улучшать и видоизмѣнять духовную сторону, хотя она совершенно независима. Такъ, напр., прилично употребленное леченіе шампанскимъ располагаетъ человѣка къ дружбѣ, къ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же бургонскимъ точно такимъ же образомъ, то есть отправляя его черезъ желудокъ въ вены и оттуда въ голову, — выходитъ результатъ совсѣмъ иной: человѣкъ дѣлается мраченъ, не общителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію... Для меня тутъ ключъ къ психотерапіи, и вотъ я десятый годъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственные способности вышеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего ни сдѣлаетъ человѣкъ изъ пламенной любви къ наукѣ!

Москва, 10 февраля, 1846.

462. ПИСЬМА

изъ

Франціи и Италии.

Можетъ, я не во-время издаю мои старыя письма объ Италии и Франціи.

Я издаю ихъ потому, что у меня много досуга. Русскому нечего теперя здѣсь говорить и нельзя: война пьянитъ, кровь невинныхъ подымается багровымъ туманомъ и не позволяетъ просто смотрѣть. Скрѣпя сердце, приношу я на жертву войнѣ свободную рѣчь, которую купилъ дорогой цѣной изгнанія и потерь.

Мои брошюры, статьи въ журналѣ Прудона, мои письма къ Маццини и къ Мишле были приняты съ живымъ участіемъ радикальною прессой въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Я сдѣлалъ опытъ продолжать ту же рѣчь въ началѣ нынѣшняго года ¹⁾ и заслужилъ вопль негодованія, грязь неблагородныхъ обвиненій и подлыхъ намековъ. Имъ теперя не до правды; до поры, до времени надобно молчать или говорить о другомъ.

Письма эти не имѣютъ прямого отношенія къ настоящимъ событіямъ. Они остались, какъ были писаны (1847—1852); я только выбросилъ нѣкоторыя подробности, скучныя теперя, но не коснулся ни до тона, ни до сущности.

Писавши эти письма подъ шумъ и громъ событій, я часто увлекался, но былъ откровененъ, — за это я ручаюсь, — и потому

¹⁾ «Letters to W. Linton Esq.», въ его журналѣ «The English Republic», въ первыхъ книжкахъ 1854. — А. И. Г.

думаю, что они не будутъ лишены для русскихъ читателей той занимательности, которую имѣли въ Германіи ¹⁾).

Твикнемъ, 9 ноября 1854 г.

Письма эти—врасплохъ остановленные и наскоро закрѣпленные впечатлѣнія времени, не Богъ знаетъ какъ давно прошедшаго, но преданію о которомъ уже «вѣрится съ трудомъ». Можетъ, поэтому они и имѣютъ для меня особую цѣну.

Въ нихъ первая встрѣча съ Европой, веселая сначала... да и какъ же было не веселиться, вырвавшись изъ николаевской Россіи, послѣ двухъ ссылокъ и *одною* полицейскаго надзора. Веселый тонъ писемъ скоро тускнетъ,—начинается зловѣщее раздумье и патологическій разборъ. Пестрыя декораціи конституціонной Франціи не надолго могли скрыть внутреннюю болѣзнь, глубоко разъѣдавшую ее. Чѣмъ пристальнѣе я всматривался, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что Францію можетъ воскресить только коренной экономической переломъ—93 годъ социализма. Но гдѣ силы на него?.. гдѣ люди?.. а пуще всего—гдѣ мозгъ? Съ горькимъ сомнѣніемъ и не рѣшенными вопросами покинулъ я Францію и сразу наткнулся въ Италіи на первые свѣтлые дни ея пробужденія... Я шелъ отъ одной народной побѣды къ другой, я видѣлъ только восторженные лица, ликующіе взоры, и вдругъ—громовый ударъ 24 февраля... Вслѣдъ за нимъ разсыпались троны, цари пускались въ бѣгство, подобравши порфиру и толкая другъ друга по большимъ дорогамъ. Ироническій духъ революціи снова привелъ западнаго человѣка на гору, показалъ ему республику во Франціи, баррикады въ Вѣнѣ, Италію въ Ломбардіи—и снова столкнулъ его въ тюрьму, гдѣ ему за дерзкій сонъ прибавили новый обручъ. Я слышалъ, какъ его заклепывали,—и опять письма мои, отразившія увлеченіе 1848, становятся мрачны, и этотъ разъ мракъ растетъ и растетъ до тѣхъ поръ, пока 2 декабря 1851 года вырываетъ крикъ: «Vive la mort!» ²⁾. Когда послѣдняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно скло-

¹⁾ Четыре первыхъ письма были напечатаны въ «Современникѣ» за 1847 г. подъ заглавіемъ: «Письма изъ *Avenue Marigny*»; разумѣется, что *красный призракъ* цензурныхъ чернилъ постоянно былъ у меня передъ глазами, когда я ихъ писалъ. Слѣдующія *семь* были изданы въ началѣ 1850 г. въ Гамбургѣ Гофманомъ и Кампе («*Briefe aus Italien und Frankreich v. einem Russen*»). Остальные письма не были въ печати. Мнѣ предлагали ихъ помѣстить въ журналъ французскихъ изгнанниковъ въ Англіи, я писалъ даже объ этомъ письмо къ редактору (см. *L'Homme*, 22 февраля 1854), но отложилъ, не желая ничѣмъ вызывать на новую полемику.— А. И. Г.

²⁾ Да здравствуетъ смерть.

нить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій,—я не пришелъ въ отчаяніе, въ груди моей возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью обернулся назадъ.

Такимъ образомъ эти письма вмѣстѣ съ книжкой, изданной мною въ Швейцаріи («Vom andern Ufer»), составляютъ цѣлый циклъ моего путешествія, мою странническую Одиссею. Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели.

Вѣровать теперь въ развитіе Россіи не удивительно: ————— въ Петропавловской крѣпости, да и тамъ подъ спудомъ, а ————— *освобождаетъ крестьянъ*. Я вѣрилъ въ самый темный часъ холодной и непривѣтной ночи, стоя середь падшаго и разваливающагося міра и вслушиваясь въ ужасы, которые дѣлались у насъ. Внутренній голосъ говорилъ все громче и громче, что не все еще для насъ погибло, и я снова повторялъ гетевскій стихъ, который мы такъ часто повторяли юношами: «Nein, es sind keine leere Träume!» ¹⁾).

За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе ею благодарю я мою родину. Увидимся ли, нѣтъ ли, но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы.

Пріемъ этихъ писемъ, напечатанныхъ долею въ «Современникѣ» («Письма изъ Avenue Marigny»), долею въ нѣмецкомъ изданіи («Briefe aus Frankreich und Italien», Hoffmann & Campe) и потомъ по-русски въ нашей типографіи, былъ розень: рядомъ съ горячимъ сочувствіемъ они встрѣтили сильныхъ порицателей. Русскіе возраженія и упреки сводятся на три главные пункта: зачѣмъ я смѣясь говорю объ Европѣ; зачѣмъ я разрушаю вѣру въ нее, зачѣмъ проповѣдую социализмъ, который пугаетъ и до котораго *теперь* въ Россіи дѣла нѣтъ.

На два первыя замѣчанія я уже отвѣчалъ и не одинъ разъ ²⁾, на третье скажу нѣсколько словъ.

Оно меня всего больше поражаетъ своимъ не русскимъ характеромъ; у насъ прежде не было этой хозяйственной расчетливости, этой нравственной гигиены, которая бы боялась истины, потому что до нея не дошелъ чередъ, потому что ее не выгодно говорить. Если

¹⁾ «Нѣтъ, это не пустая мечта».

²⁾ Въ концѣ V «письма», въ письмѣ къ Риберолу ^{o)}, въ «Западныхъ арабескахъ», въ «Новой вариациі на старую тему» (Поляр. Звѣзда).—А. И. I.

^{o)} Шарль, французскій публицистъ, радикаль.

у насъ молчали о многомъ, то это просто отъ того, что запрещали говорить. Намъ не къ лицу эта старческая воздержность, ни эта хитрая дипломатія. Мы проще, мы здоровѣе, больничная разборчивость пищи намъ нейдетъ, мы не адвокаты, не мѣщане,—зачѣмъ же намъ, какъ только опустили немного поводья, самимъ накупаться на мартингалъ и обрывать себя на діету, предписанную худосочнымъ старикамъ?

У насъ, можетъ быть, и образуется теперь слегка либеральная, парная оппозиція,—она даже будетъ не безъ пользы для нравовъ, чтобъ обчистить помѣщичью грязь и кавалерійскую солому, занесенную изъ конюшенъ во всѣ жизненные отношенія. Мы должны пройти въ нашей *школь исторіи* и черезъ этотъ *классъ*, но рядомъ съ другими. Многосторонность наша—великое дѣло, замѣна, выкупъ горькаго, бѣднаго прошедшаго; не будемъ же по Оригену сами себя уродовать, чтобъ не согрѣшить.

Къ тому же вопросъ соціальный совсѣмъ не такъ далекъ отъ насъ, какъ думаютъ,—мы середь него. Освобожденіе крестьянъ съ землею—начало великаго экономическаго переворота, въ который Россія вступаетъ.

Экономическаго или соціальнаго? Это уже рѣшайте сами.

А я пока вамъ расскажу анекдотъ, слышанный мною отъ Н. А. Полевого въ тѣ времена, когда онъ смѣялся въ «Телеграфѣ» и вовсе не плакалъ съ Парашей-Сибирячкой. Какой-то сидѣлецъ, начетчикъ газетъ и патріотъ, будто бы спросилъ разъ его: «Позвольте освѣдомиться, храбрый генераль-маіоръ Кульневъ палъ на полѣ брани или на полѣ чести?». Я не помню, что отвѣчалъ Полевой, но я бы ему очень учтиво сказалъ: «А вамъ что пріятнѣе?»—и утѣшилъ бы его, подтвердивъ его мнѣніе.

Западъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи относительно кореннаго, *экономическаго* переворота, чѣмъ мы. Наша боязнь—подражаніе, чувство заимствованное, лунное и потому не оправданное, не истинное.

Современное государственное состояніе Европы—гавань, до которой она достигла труднымъ плаваніемъ, путемъ сложнымъ, à fug et à mesure¹⁾, забѣгая и отставая. Оно не представляетъ стройно выработанный бытъ, а бытъ, туго сложившійся по возможностямъ; осѣдая, онъ захватилъ въ себя величайшія противорѣчія, историческія привычки и теоретическіе идеалы, обломки античныхъ капителей, церковныхъ утварей, топоры ликторовъ, рыцарскія копья, доски временныхъ балагановъ, клочья царскихъ одеждъ и скрижали законовъ во имя свободы, равенства и братства.

1) Исполдволь и постепенно.

Внизу *средніе вѣка* народныхъ массъ, надъ ними — вольноотпущенные горожане, еще выше — кондотьеры и философы, попы безумія и попы разума, живые представители всѣхъ варварствъ отъ герцога Альбы до Кавеньяка ¹⁾, и всѣхъ цивилизацій отъ Гуго Гроція ²⁾ до Прудона, отъ Лойолы до Бланки ³⁾.

«Святой отецъ прислалъ по *электрическому телеграфу* свое благословеніе новорожденному императорскому принцу, черезъ два часа послѣ разрѣшенія императрицы французовъ».

Въ этой фразѣ изъ газетъ есть что-то безумное. Подумайте объ ней: она объяснить лучше всякихъ комментаріевъ то, что я хочу сказать о Западѣ.

Можетъ, въ будущемъ и наше развитіе спутается, но въ отношеніи къ *идеть ближняго будущаго* мы поставлены свободнѣе Запада,—воспользуйтесь же этимъ. Долгая битва и трудно доставшіяся побѣды связываютъ его, ограничиваютъ его завоеваннымъ; многое ему дорого, несмотря на то, что оно уже не въ пору. Мы ничего не побѣдили, намъ нечего отстаивать и нечего держать пограничныя крѣпости на военную ногу. У насъ все еще такъ шатко, неопредѣленно, насильственно, безъ нашего спроса, не по нашей мѣркѣ..., что мы должны радоваться, если чужая одежда рвется, и мы можемъ искать болѣе удобную, гдѣ бы она ни нашлась и въ чемъ бы ни нашлась. Мы въ нѣкоторыхъ вопросахъ потому дальше Европы, свободнѣе ея, что такъ отстали отъ нея. Чтобъ объяснить это, вотъ вамъ примѣръ. Кто не знаетъ, какой огромный шагъ сдѣлали народы, перейдя въ протестантизмъ, но въ наше время нѣтъ странъ, въ которыхъ бы религіозная нетерпимость больше взошла въ нравы, была бы притѣснительнѣе и неизлѣчимѣе, какъ въ земляхъ протестантскихъ. Было время, когда ихъ теперешняя нравственная неволя была для нихъ освобожденіемъ, когда они за свое право скучать по воскресеньямъ и пѣть псалмы платили головой. Оттого-то религія вкоренена гораздо прочнѣе и глубже въ Англіи, нежели въ Италіи.

Въ Италіи послѣ революціи 1848 года дѣлали опыты противодѣйствовать папѣ какимъ-то протестантизмомъ, но Савонаролы XIX столѣтія проповѣдывали въ пустынѣ. Нѣту настолько вѣры въ папу, чтобъ невѣріе въ него могло двинуть умы, нѣту настолько интереса религіознаго, чтобъ нападеніе на религію обратило вни-

¹⁾ Годфруа, французскій политическій дѣятель и генераль.

²⁾ Голландскій юристъ и дипломатъ XVI вѣка.

³⁾ Луи-Огюсть, французскій социалистъ и революціонеръ, авторъ извѣстнаго лозунга: «Ни Бога, ни хозяина!» (Ni Dieu, ni maître).

маніе массъ. Католицизмъ вымретъ въ Романьѣ ¹⁾ вмѣстѣ съ христіанствомъ, безъ всякаго протестантизма.

Либералы, эти протестанты въ политикѣ, въ свою очередь,—страшнѣйшіе консерваторы; они за перемѣной хартій и конституцій, блѣднѣя, разглядѣли призракъ социализма и перепугались; удивляться нечему: имъ тоже есть что терять, есть чего бояться. Но мы-то совсѣмъ не въ этомъ положеніи, мы относимся ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ гораздо проще и наивнѣе.

Либералы боятся потерять свободу,—у насъ нѣтъ свободы; они боятся правительственнаго вмѣшательства въ дѣла промышленности,—у насъ правительство и такъ мѣшается во все; они боятся утраты личныхъ правъ,—намъ ихъ еще надобно приобрѣтать.

Чрезвычайныя противорѣчія нашей не сложившейся жизни, шаткость всѣхъ юридическихъ и государственныхъ понятій дѣлаетъ, съ одной стороны, возможнымъ самый безграничный деспотизмъ, крѣпостное состояніе, военныя поселенія, съ другой,—обуславливаетъ легкость переворотовъ Петра I, Александра II. Человѣкъ, живущій en garni ²⁾, гораздо легче переѣзжаетъ, нежели тотъ, кто обзавелся домомъ.

Европа идетъ ко дну отъ того, что не можетъ отдѣлаться отъ своего груза,—въ немъ бездна драгоценностей, набранныхъ въ дальнемъ опасномъ плаваніи. У насъ это—искусственный балластъ; за бортъ его,—и на всѣхъ парусахъ въ широкое море!

Мы входимъ въ исторію дѣятельно и полные силъ именно въ то время, когда всѣ политическія партіи поблекли, стали анахронизмомъ, и всѣ указываютъ—однѣ съ упованіемъ, другія съ отчаяніемъ—на приближающуюся тучу экономического переворота. Вотъ и мы, глядя на сосѣдей, перепугались грозы и, какъ они, не находимъ лучше средства, какъ молчать объ опасности.

Я видалъ барынь, которыя во время грозы закрывали ставни, чтобъ не видѣть молніи, но не знаю, насколько это отвращаетъ удары.

¹⁾ И не въ одной Романьѣ. Я жилъ въ Пиемонтѣ въ то время, какъ попы крамольничали противъ закона Сиккарди. Король рѣшился, наконецъ, арестовать архіерея въ Кальяри и выслать его за границу. Народонаселеніе на островѣ отсталое; боялись, что оно вступится за своего пастыря, вслѣдствіе чего министръ и послалъ двѣ-три роты берсальеровъ съ чиновникомъ, которому было поручено арестовать архіерея. Но берсальерамъ пришлось всю дорогу защищать бѣднаго архипастыря отъ народнаго негодованья, отъ его насмѣшекъ, сопровождавшихся иной разъ камнями.—*А. И. Г.*

²⁾ Въ меблированныхъ комнатахъ.

Полноте бояться, успокойтесь: на нашемъ полѣ есть громоотводъ—*общинное владѣніе землю!*

Путней, 1 февраля 1858.

Письма изъ Avenue Marigny.

«Aus der Ferne»¹⁾...

Музыка Шуберта.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Парижъ, ¹/₁₃ мая 1847 г.¹

Кажется, четыре мѣсяца—не Богъ знаетъ что, а сколько верстъ, миль и лье проѣхалъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами на бѣломъ снѣгу Черной-Грязи... Да что версты! Сколько впечатлѣній, станцій, готическихъ соборовъ, свѣженькихъ личикъ, новыхъ мыслей, старыхъ картинъ, дебаркадеровъ, историческихъ воспоминаній, гостиницъ, чувствъ и тринкгельдовъ!²⁾—просто удивляешься, какъ это все можетъ помѣститься въ душѣ. Надобно признаться, для празднаго человѣка нѣтъ лучше жизни, какъ жизнь туриста: занятій тьма, все надобно видѣть, всюду успѣть,—подумаешь, что дѣло дѣлаешь,—бездна заботъ, бездна хлопотъ... Я, наконецъ, до того разлѣнился, до того обжился въ вагонахъ, что, бывало, такъ и тянетъ, и поѣдешь куда-нибудь безъ всякой нужды, въ Брюжъ, въ Остенде, въ Антверпенъ; я даже, какъ Гизо³⁾, побывалъ въ Гентѣ и оттуда, какъ Людовикъ XVIII, прямо попалъ въ Парижъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе для путника, вошедшаго во вкусъ, какъ пріѣздъ въ Парижъ: ему становится неловко и страшно; онъ чувствуетъ, что пріѣхалъ, что ѣхать далѣе нѣкуда, и не бѣжить онъ на другой день съ комиссіонеромъ изъ галлерей въ галлерей, усталый и озабоченный, и не осматриваетъ рѣдкостей, и не лазить на колонны, а скромно идетъ къ Юману заказывать платье... «Dans une semaine, Monsieur, dans une semaine»...⁴⁾ И онъ не удивляется этому отвѣту, пройдутъ не одна и не двѣ недѣли... Очень грустно!...

1) «Изъ дали»...

2) Trinkgeld—деньги «на чай».

3) Франсуа, французскій историкъ и политическій дѣятель, нѣсколько разъ былъ министромъ и премьеромъ при Людовикѣ-Филиппѣ.

4) Черезъ недѣлю, сударь, черезъ недѣлю.

Парижъ—столичный городъ Франціи на Сень... Сдѣлайте одолженіе, не бойтесь: мнѣ хотѣлось только испугать васъ; не стану описывать видѣннаго мною,—я слишкомъ порядочный человѣкъ, слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобы не знать, что Европу всѣ знаютъ, что всякій образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, состоитъ въ подозрѣніи знанія Европы, а если ее не знаетъ, то невѣжливо ему напоминать это. Да и что сказать о предметѣ, битомъ и перебитомъ,—о Европѣ? Съ легкой руки Фонъ-Визина, и особенно съ карамзинскихъ «Писемъ русскаго путешественника», у насъ все рассказали о Европѣ въ замѣчательныхъ и достопримѣчательныхъ письмахъ русскаго офицера, сухопутнаго офицера, морского офицера, оберъ-офицера и унтеръ-офицера; наконецъ, гражданскія *дѣловыя* письма его превосходительства Н. И. Греча и прихода-расходный дневникъ г. Погодина договорили послѣднее слово.² Для того, чтобы описывать путешествія, надобно, по крайней мѣрѣ, съѣздить въ пампы Южной Америки, какъ Гумбольдтъ, или въ Вологодскую губернію, какъ Блазіусъ¹⁾, спуститься осенью по Ніагарскому водопаду или весной проѣхать по костромской дорогѣ. Впрочемъ, судьба путешественниковъ по Европѣ, имѣющихъ слабость писать, скоро улучшится. Теперь уже трудно и почти невозможно видѣть Европу, но черезъ нѣсколько лѣтъ она совсѣмъ изгладится изъ памяти людской,—для этого, собственно, и учреждаются желѣзные дороги. Европа для путешественника превратится въ нѣсколько точекъ, освѣщенныхъ фонарями, въ нѣсколько буфетовъ, украшенныхъ рюмками. Тогда новые Куки и Дюмонъ д'Юрвилі выйдутъ изъ вагоновъ (еслибъ и прежній Дюмонъ д'Юрвилі вышелъ изъ вагона, онъ не сгорѣлъ бы на версальской дорогѣ) и пойдутъ во внутренность Европы и расскажутъ намъ о нравахъ и жизни людей, не на желѣзной дорогѣ живущихъ. Сколько разъ я мечталъ о томъ, когда сдѣлаютъ Минденскую и Кенигсбергскую дорогу,—какъ славно и полезно будетъ путешествовать! Доплелся до Кенигсберга, сѣлъ въ вагонъ,—и не выходи, пожалуй; машина свистнула и пошла постукивать: Берлинъ—4 минуты для наливки воды, Кельнъ—3 минуты для смазки колесъ, Брюссель—5 минутъ для завоеванія бутерброда съ ветчиной, Валансьенъ—4 минуты для того, чтобы доказать французскому правительству, что оно не умѣетъ отыскивать спрятанныхъ сигаръ; Парижъ—15 минутъ для переѣзда въ омнибусъ изъ одного дебаркадера въ другой, Гавръ—3 минуты для перегрузки на пароходъ... а тамъ Нью-Йоркъ и, словомъ, дня че-

¹⁾ Иоганнъ-Генрихъ, нѣмец. натуралистъ, авторъ «Путешествія по Европ. Россіи».

резъ два—въ Ситхѣ, въ Сибири, т. е. опять дома. А, впрочемъ, бѣды большой нѣтъ, если до Рейна ничего не увидишь. Комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна,—это знали давно; двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ римляне поживали себѣ въ Майнцѣ да Кельнѣ, а въ Гановерь и Берлинъ не ѣздили. Въ Германіи нечего смотрѣть. Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ,—и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ съ конца въ конецъ. Вы помните, какъ Василій Ивановичъ съ негодованіемъ возражалъ Ивану Васильичу, что онъ не путешествуетъ, а просто ѣдетъ къ себѣ въ село Мордасы¹⁾. Василій Ивановичъ тутъ, какъ вездѣ, побѣдилъ близорукаго Ивана Васильича: кто же поѣдетъ для путешествія въ село Мордасы? Германія также не годится au jour d'aujourd'hui²⁾ (будущее завѣсою покрыто!) для путешествія: туристу жить въ Германіи значить отклонять ее отъ естественнаго назначенія такъ, какъ—ну я не знаю—такъ, какъ ѣсть, на примѣръ, картину; можетъ, попадается и вкусная, въ которой масло еще свѣжо, все же это натяжка, и кто не предпочтетъ всякій салатъ лучшей картинѣ дюссельдорфской школы, разумѣется, если этотъ салатъ приготовляла не нѣмка!

Не могу не приостановиться здѣсь и не вступить по поводу салата въ нѣкоторыя подробности. Лейбницъ и Гейне, Погодинъ и Шевыревъ, Гете и Гегель и многіе другіе великіе люди попарно и въ разбивку согласны, что германскій умъ, при всей теоретической силѣ, имѣетъ какую-то практическую несостоятельность; что нѣмцы велики въ наукѣ и являются самыми тяжелыми и, что еще хуже, самыми тупыми, и, что всего хуже, самыми смѣшными филистерами. Должна же быть на это какая-нибудь общая причина. Отчего нѣмецъ всегда наклоненъ къ золотухѣ, слезамъ и романтизму, къ платонической любви и мѣщанскому довольству? Отчего нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ только жить въ двухъ средахъ: въ надзвѣздномъ эфирѣ или въ кухонномъ чаду? Отчего нѣмцы умѣютъ слушать Генгстенберга³⁾, Герреса⁴⁾?.. Оттого, и тысячу разъ оттого, что у нихъ фибринъ плохъ, рыхлъ, дряблъ... Тома писали объ этомъ, но истинная причина ускользнула отъ вниманія; она такъ близка, такъ подъ носомъ, что ее и не разглядѣли; толковали о реформаціи, о Тридцатилѣтней войнѣ, о бэфреюнскригѣ⁵⁾, въ

1) Въ «Тарантасѣ» гр. Соллогуба.

2) Въ нынѣшнее время.

3) Эрнстъ-Вильгельмъ, ярый противникъ германскаго раціонализма и апологетъ св. Писанія.

4) Яковъ-Иосифъ, ожесточенный противникъ протестантизма.

5) Befreiungskrieg—Освободительная война.

которомъ мы ихъ освободили отъ французовъ, освободившихъ ихъ, въ свою очередь, кое отъ чего; все это—причины второстепенныя, общая, главная причина одна: нѣмецкая кухня.

Вамъ смѣшно, вы еще настолько идеалисты, что вамъ все нужны причины безтѣлесныя, невещественныя, — а не то, что вареныя и жареныя. Полноте презирать тѣло, полноте шутить съ нимъ! оно мозолью придавить весь вашъ бодрый умъ и на смѣхъ гордому вашему духу докажетъ его зависимость отъ узкаго сапога.

Знаете ли вы, что такое питаніе? какъ оно важно? Грантъ¹⁾ въ началѣ своей сравнительной анатоміи опредѣляетъ животное удобопереносимымъ мѣшкомъ, назначеннымъ для претворенія пищи. Изъ этого вы видите (а еще болѣе изъ того, что человѣкъ безъ ума—все человѣкъ, а безъ желудка не проживетъ двухъ дней), что всѣ органы—роскошь желудка, внѣшнія украшенія его, его орудія. Пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла, питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. Есть онѣ—хорошо, нѣтъ—недурно; устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ ногъ, а вкусна; безъ желудка же никто не живетъ,—даже у растений есть желудокъ, не совсѣмъ на мѣстѣ, т. е. въ землѣ. Вѣрный своему антиромантическому призванію, желудокъ у растений уцѣпился за землю, чтобы растеніе не ушло къ солнцу. Что выработаетъ желудокъ, то и будетъ въ головѣ и сердцѣ.

Теперь позвольте васъ спросить: при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣснопряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ? Еслибъ вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, что за мужественное противодѣйствіе душамъ изъ баварскаго пива почти каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ²⁾ съ надписью *pour la digestion*³⁾. Гдѣ тутъ выработывать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! Тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобъ человѣкъ на ногахъ держался да не совсѣмъ бы отсырѣлъ. Переимѣните нѣмецкую кухню—и вы увидите, что Арминій⁴⁾ не даромъ спасъ въ «Тевтобургской грязи» германскую народность. Такіе перевороты, разумѣется, не дѣлаются ра-

¹⁾ Англійскій анатомъ.

²⁾ Duodenum—двѣнадцатиперстная кишка.

³⁾ Для пищеваренія.

⁴⁾ Вождь херусковъ, разбившій римское войско Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу.

зомъ, но я вѣрю въ прогрессъ, вѣрю въ Германію... Трудно будетъ—это правда. Когда Гегель жилъ въ Парижѣ у Кузена, то писалъ къ Гегельшѣ: «здѣсь обѣдаютъ въ 6 часовъ (это его такъ поразило, какъ если бы французы ушами читали), въ 6 часовъ, говоритъ онъ; я не могъ къ этому привыкнуть и мнѣ готовятъ обѣдъ особо въ два часа»,—что прикажете дѣлать противъ такой упорной натуры? Но—tempora mutantur ¹⁾: Гегель, Гете, все это—послѣдніе могики. А когда совсѣмъ вымретъ старая «юная Германія», вы увидите,—кухня не устоитъ. Разумѣется, еслибъ германская діета ²⁾ занялась діетой Германіи и приказала бы, пока можно, отвезти, ну, хоть въ Техасъ,—благо онъ еще въ модѣ,—всѣхъ нѣмецкихъ кухарокъ и замѣнить ихъ парижскими *содон блю* ³⁾, успѣхъ былъ бы невѣроятный. Шутить нечего этимъ: органическая химія гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи, нежели думаютъ. Собственно вопросъ о пролетаріатѣ—вопросъ кухонный, вопросъ социализма—вопросъ пищеваренія. Понимая такимъ образомъ важность питанія, скажемъ смѣло, скажемъ со всей высоты сильнаго убѣжденія: проклятіе вамъ, густые супы, какъ наша весенняя грязь, прѣсные соусы, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ ⁴⁾! проклятіе пяти тарелочкамъ, на которыхъ подаютъ (между вторымъ и третьимъ блюдомъ!) селедку съ вареньемъ, ветчину съ черносливомъ, колбасы съ апельсинами! проклятіе курамъ, варенымъ съ шафраномъ, дамфнуделямъ, шарлоттамъ, пудингамъ, переложенымъ на нѣмецкіе нравы, картофелю, являющемуся во всѣхъ видахъ! проклятіе, наконецъ, корицѣ, гвоздикъ и лавровому листу, который такъ не присталъ къ челу этихъ москательныхъ кушаній!.. Вы, Мартинъ Лютеръ и филологія, сдѣлали много вреда Германіи.

Не даромъ я сказалъ, что комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна: именно тамъ нѣмецкая кухня приближается къ единой кухнѣ, къ великой кухнѣ. Нѣтъ худа безъ добра; въ печальное время отъ 1793 до 1814 рейнская кухня подвергалась сильному вліянію французскихъ поваровъ, ниспровергнувшихъ во многомъ нравственно-безвкусный и семейно-прѣсный характеръ германскихъ яствъ. Двадцать одинъ годъ—не шутка: много французскихъ блюдъ приняла нѣмецкая кухня на свои рейнскіе очаги и

¹⁾ Времена мѣняются.

²⁾ Каламбуръ: діета (Diète) есть названіе политическихъ собраній, обсуждающихъ общія дѣла нѣсколькихъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ Союзный Сеймъ во Франкфуртѣ (1815—1848) также назывался Франкфуртскою или «германскою діетой». Вообще все мѣсто о нѣмецкой кухнѣ сплетается съ сатирою на общественный и политическій строй Германіи.

³⁾ Искусная повариха.

⁴⁾ Шарлотта, нѣмец. плодовая драматическая писательница.

плиты, и онѣ остались на нихъ вмѣстѣ съ наполеоновскимъ кодексомъ. Я въ Кельнѣ пообѣдалъ первый разъ послѣ Москвы и за это его полюбилъ, — вотъ какъ потребность любви развивается, когда человекъ сытъ... И Рейнъ—славная рѣка! Глядя на нее, забываешь, что она была несчастнымъ поводомъ, конечно, прекрасной по чувствамъ и трогательной по патріотизму, но скучной и нѣсколько насмѣшливой пѣсни:

Sie sollen ihn nicht haben... ¹⁾

Оно, конечно, Рейнъ жаль отдать хоть кому,—посторонніе люди не умѣли никогда пройти, не остановившись передъ нимъ; представители всѣхъ эпохъ европейской жизни приходили на рейнскіе берега и осѣдали на нихъ; слѣды этихъ людей, этихъ эпохъ такъ и наслоились по теченію рѣки. Пройдитесь по одному Кельну,—чего тутъ нѣтъ: несокрушимыя стѣны, тяжелыя романскія церкви, колоссальный образчикъ готическаго собора, домъ тамплиеровъ, мрачныхъ воиновъ-монаховъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ феодализма и централизаціи; коллегіумъ іезуитовъ, мрачныхъ монаховъ-воиновъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ папизма и реформаціи; церкви временъ Возрожденія; присутственныя мѣста, устроенныя во время владычества единой и нераздѣльной республики; новыя фортификаціи, напоминающія наполеоновскую эру, и, наконецъ, лѣса около собора, свидѣтельствующія о теперешней Германіи медленнымъ производствомъ средневѣковой работы современными руками. Вездѣ воспоминанія, вездѣ легенды; взгляните навверхъ: изъ четвертаго этажа выглядываютъ двѣ лошадиныя головы изъ бѣлаго мрамора—тутъ было чудо; взгляните внизъ: вотъ мѣсто, гдѣ Христосъ явился нѣсколько столѣтій тому назадъ молившемуся отроку и взялъ у него яблоко.

Много жилъ этотъ край! Много жила вообще Европа. Десятки столѣтій выглядываютъ изъ-за cadaго обтесаннаго камня, изъ-за cadaго сужденія; за плечами европейца виденъ длинный преемственный рядъ величавыхъ лицъ, въ родѣ процессіи царственныхъ тѣней въ «Макбетѣ». Чего и чего не было на Рейнѣ между тѣмъ временемъ, когда Карлъ Великій на закатѣ своихъ дней сиживалъ на извѣстномъ ахенскомъ стулѣ, и тѣмъ, когда на томъ же стулѣ отдыхала послѣ прогулки женщина съ огненными глазами, смуглая креолка, императрица французовъ? А прежде? А съ тѣхъ поръ? Подчасъ тяготятъ въ Европѣ сѣдые, почернѣлые памятники; они даютъ ей слишкомъ аристократическую фізіономію, оскорбитель-

¹⁾ Вы (враги Германіи) не должны его имѣть.

ную для того, кто не имѣетъ столько блестящихъ предковъ и столько великихъ преданій. Иногда какъ-то не по себѣ нашему брату, скиѳу, среди этихъ наслѣдственныхъ богатствъ и завѣщанныхъ развалинъ; странно положеніе чужого въ семейной залѣ, гдѣ каждый портретъ, каждая вещь дороги потомкамъ, но чужды ему; онъ смотритъ съ любопытствомъ тамъ, гдѣ свои вспоминаютъ съ любовью; ему надобно рассказать то, что тѣ знаютъ съ колыбели.

А съ другой стороны, развѣ родина нашей мысли, нашего образованія не здѣсь? развѣ, привѣнчивая насъ къ Европѣ, Петръ I не упрочилъ намъ права наслѣдія? развѣ мы не взяли ихъ сами, усваивая ея вопросы, ея скорби, ея страданія вмѣстѣ съ ея нажитымъ опытомъ и съ нажитой мудростью? Мы не съ пергаментомъ въ рукѣ являемся доказывать наши права... да мы ихъ и не доказываемъ, потому что они неотъемлемы; завоеванное сознаниемъ законно завоевано,—его не исторгнешь никакимъ безуміемъ. Былое наше бѣдно; мы не хотимъ выдумывать геральдическихъ сказокъ, у насъ меньше своихъ воспоминаній, — что за бѣда, когда воспоминанія Европы, ея былое сдѣлались нашимъ былымъ и нашимъ прошедшимъ. Да, сверхъ того, европеецъ подъ вліяніемъ своего прошедшаго не можетъ отъ него отдѣлаться. Для него современность—крыша многоэтажнаго дома, для насъ да для Сѣверной Америки—высокая терраса, фундаментъ; его чердакъ—нашъ rez de chaussée ¹⁾. Мы съ этого конца начинаемъ. Какъ не вспомнить опять:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit! ²⁾.

И вотъ у меня въ головѣ ни Кельнъ, ни его соборъ, а длинный рядъ избъ да хрустящій снѣгъ... Мы выѣзжали изъ Россіи зимою,—зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу; небольшой почтовый трактъ, по которому мы ѣхали, соединяетъ два шоссе и идетъ частью по Псковской губерніи, частью по Лифляндской; этотъ путь сообщенія бѣденъ; двѣ сосѣдственныя полосы не пришли черезъ него къ одному уровню, и каждая осталась при всѣхъ особенностяхъ, какъ будто между ними тысячи верстъ. Ни по одной дорогѣ нельзя встрѣтить такую рѣзкую перемѣну, какъ переѣзжая отъ

¹⁾ Нижній этажъ, вровень съ улицею.

²⁾ См. стр. 302, т. III.

псковитянъ къ остзейцамъ. Псковскій крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ, кажется, не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію,—путь, который называютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, рассказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ; сомнѣваюсь, слыхалъ ли онъ объ осадѣ Пскова... Событія послѣднихъ полуторыхъ вѣковъ прошли надъ его головою; не возбудивши даже любопытства. Поколѣнія черезъ два-три мужичокъ перестраиваетъ свои бревенчатыя избы, безслѣдно гниющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой плугъ въ руки сына, внука, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю; иногда вспомнятъ его дѣти или внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу; при новой ревизіи его имя исключаютъ изъ числа живыхъ; потомъ и внуки посѣдѣютъ, и, не будь рекрутской повинности, они бы такъ же, какъ предки ихъ, ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи. «А развѣ жизнь *привязанныхъ* къ землѣ крестьянъ во всей Европѣ не такъ же проходила и исчезла, изнуренная работой, безслѣдно и не весело? развѣ они не вырабатывали матеріальныхъ условій для исторической жизни другихъ сословій?» Оно не совсѣмъ такъ, но если и такъ, то не забудемъ, что другія-то сословія жили. Когда вы въ Гентѣ останавливаетесь передъ ратушей, когда смотрите на этотъ *беффруа* ¹⁾, сзывавшій такъ часто своими колоколами гражданъ, вы понимаете, вы чувствуете, что за муниципальная жизнь кипѣла тутъ, и понимаете, что ей были необходимы и этотъ домъ, поражающій величіемъ и поэзіей постройки, и эта башня, и эти соборы, и эти рынки съ фронтонами, и что даже домъ, гдѣ приставали рыбаки, по праву украсился барельефами: такія декораціи шли къ внутреннему содержанію. Таковы рыцарскіе замки,—эти соколиныя гнѣзда на скалахъ и горахъ. Рыцарская жизнь—жизнь вампира внизъ,—была пышна, страстна, благородна вверхъ. Но кому вырабатывалъ жизнь нашъ мужичокъ? гдѣ у насъ память другой жизни? Какъ жили помѣщики до-петровскаго времени? — кто ихъ знаетъ: для этого надобно рыться въ архивахъ, это—вопросъ археологической, антикварскій. Господскіе дома сгнили, какъ избы, и исчезли вмѣстѣ съ памятью строителей; имѣнья переходили изъ рукъ въ руки, дробились, составлялись случайно, не нужно; помѣщики пили, ѣли, спали послѣ обѣда, парились, держали дворню и псарню...

Городская жизнь не восходитъ далѣе Петра, она вовсе — не

¹⁾ Veffroi—сторожевая башня, чаще всего съ колоколомъ для набата.

продолженіе прежней; отъ былого остались только имена. Жизнь современнаго Новгорода, Владиміра, Твери началась съ утвержденія провинцій, съ введенія коллегіальнаго порядка и опредѣленія штата чиновниковъ. Если что-нибудь осталось прежняго, такъ это у купцовъ; они по праву могутъ назваться представителями городской жизни до-петровскихъ временъ, и, пока они сохраняютъ хоть блѣдную тѣнь прежнихъ нравовъ, реформа Петра будетъ оправдана: лучшаго обвинителя старому быту не нужно. Воспоминанія помѣщиковъ, ихъ легенды примыкаютъ къ царствованію Екатерины II, къ великимъ событіямъ 1812 года,—о прежней жизни они ничего не знаютъ; ихъ настоящая жизнь однообразна, скучна, они какъ будто краснѣютъ отъ нея и хранятъ въ памяти и любятъ рассказывать свои поѣздки въ Москву и Петербургъ и военную службу въ молодыхъ лѣтахъ.

Жизнь, которая не оставляетъ прочныхъ слѣдовъ, стирается при всякомъ шагѣ впередъ и упорно пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи. На Востокѣ, напримѣръ, мѣняются только лица, поколѣнія; настоящій бытъ—соеое повтореніе одной и той же темы съ маленькими варіаціями, приносимыми случайностью: урожаемъ, голодомъ, моромъ, падежомъ, характеромъ шаха и его сатраповъ. У такой жизни нѣтъ выжитаго, keine Erlebnisse¹⁾; бытъ азіатскихъ народовъ, можетъ быть, очень занимателенъ, но исторія скучна. Мы имѣли противъ Азіи великій шагъ впередъ: возможность, понявши свое положеніе, отречься отъ него, невозможность влачить скучную жизнь кошихинскихъ временъ,—и кто, гдѣ такъ отрекался, какъ мы? Въ неполнотѣ, въ бѣдности, въ неудовлетворительности прошедшаго и въ темномъ сознаніи силъ, которыхъ некуда было дѣвать,—вотъ, гдѣ надобно искать легкость, съ которой по великой командѣ Петра I: «На европейскую дорогу, маршъ!» Русь пошла своими подвижными частями и такъ рѣзко отдѣлилась въ пятьдесятъ лѣтъ отъ прежняго быта, что ей несравненно было бы труднѣе при Екатеринѣ II возвращаться къ оставленнымъ нравамъ, нежели догонять европейскіе. Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить ихъ, потому что въ нихъ шире, лучше, удобнѣе можетъ развиваться все то, что бродитъ въ умѣ и въ душѣ, что толчется тамъ и требуетъ выхода, обнаруженія. Еслибъ хотѣли хорошенько всматриваться въ событія, то скорѣе могли бы обвинить Русь петровскую въ нашемъ *себѣ на умѣ*, которое готово обречься, переодѣться, но

¹⁾ Ничего пережитого.

выдержать себя и въ этой перемѣнѣ. Развѣ вельможи Екатерины оттого, что они пріобрѣли все изящество, всю утонченность версальскихъ формъ (до чего никогда не могли дойти нѣмецкіе *grands*), не остались по всему русскими барами, со всею удалью національнаго характера, съ его недостатками и съ его разметистостью? Въ нихъ иностраннаго ничего не было, кромѣ выработанной формы, и они овладѣли этой формой *en maître* ¹⁾). Развѣ дѣти ихъ, герои 1812, не были русскіе, вполнѣ русскіе? Кто осмѣлится возражать, тому я пальцемъ покажу черезъ улицу Elysée Bourbon ²⁾, гдѣ жилъ императоръ Александръ. А, вѣдь, все это: и екатерининская эпоха, о которой вспоминали, покачивая головой, дѣды наши, и время Александра, о которомъ вспоминали, покачивая головой, отцы,—принадлежить «къ иностранному періоду», какъ говорятъ наши добрые славянофилы, считающіе все общечеловѣческое иностраннымъ, все образованное чужеземнымъ. Они не понимаютъ, что новая Русь была Русь же; они не понимаютъ, что съ петровскаго разрыва на двѣ Руси начинается наша настоящая исторія; при многомъ скорбномъ этого разъединенія, отсюда—все, что у насъ есть: смѣлое государственное развитіе, выступленіе на сцену Руси, какъ политической личности, и выступленіе личностей въ народѣ; русская мысль пріучается высказываться, является литература, является разномысліе, тревожатъ вопросы, народная поэзія вырастаетъ изъ пѣсенъ Кириши Данилова ³⁾ въ Пушкина... Наконецъ, самое сознание разрыва идетъ изъ той же возбужденности мысли; близость съ Европой ободряетъ, развиваетъ вѣру въ нашу національность, вѣру въ то, что народъ отставшій, за котораго мы отбываемъ теперь историческую тягу и котораго миновали и наша скорбь и наше выработанное благо, что онъ не только выступитъ изъ своего древняго быта, но встрѣтится съ нами, перешагнувши петровскій періодъ. Исторія этого народа въ будущемъ; онъ доказалъ свою способность тѣмъ меньшинствомъ, которое истинно пошло по указаніямъ Петра,—онъ нами это доказалъ!...

И одного часа ѣзды достаточно, чтобъ очутиться совсѣмъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ прошедшаго, въ мірѣ утратъ, воспоминаній, вдовства. Все перемѣняется, какъ декорация въ театрѣ. Мѣста становятся гористы, дорога извилиста, не тѣ виды, не тѣ ландшафты, къ которымъ мы привыкли, съ луговою далью, съ стелющимися полями, съ синей полосой у небосклона, которая прово-

1) Мастерски.

2) Дворецъ Бурбоновъ на «Елисейскихъ поляхъ» въ Парижѣ.

3) Первый собиратель русскихъ былинъ.

жаеть васъ десять верстъ, пока все небо почернѣть... Къ станціонному дому трудно подѣхать отъ крутизны, на которой онъ стоитъ. *Passagierstube* ¹⁾ вымыта, вычищена; столъ покрытъ толстой, но чрезвычайно бѣлой скатертью; въ яркомъ, какъ солдатская пуговица, мѣдномъ шандалѣ стоитъ бѣлая свѣча, на окнахъ тощѣ цвѣты, полъ посыпанъ пескомъ. Чистота и опрятность свидѣтельствуя о длинной цивилизаціи; человѣку надобно долго и много жить, чтобъ любить чистое бѣлье и свѣтлую комнату. Черезъ минуту вошелъ старичокъ-нѣмецъ съ добродушнымъ видомъ, исключительно свойственнымъ нѣмцамъ, въ сѣромъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами; называя меня при каждомъ словѣ то *Herr Baron*, то *Herr Freiherr* ²⁾, то *Hochwohlgeboren* ³⁾, онъ очень учтиво посовѣтовалъ подождать разсвѣта, основываясь на начинающейся мятели и на опасныхъ обвалахъ, возлѣ которыхъ надобно было ѣхать. Я вышелъ въ сѣни; страшный вѣтеръ свистѣлъ между голыми сучьями деревьевъ, изрѣдка, немного и на минуту, выглядывалъ мѣсяцъ и освѣщалъ полуразвалившуюся башню совсѣмъ разваливашагося замка; на крошечныхъ санкахъ бѣлокурый нѣмецъ съ длинными усами и бичемъ въ рукѣ, въ венгеркѣ, опушенной мѣхомъ, съ ружьемъ за плечами, промелькнулъ и исчезъ на узенькой дорогѣ; лошадь его была безъ дуги и звенѣла десяткомъ маленькихъ колокольчиковъ; легавая собака бѣжала за нимъ, обнюхивая мерзлыя кочки. На воротахъ сарая былъ прибитъ орелъ съ развернутыми крыльями. Все это дышало чѣмъ-то средневѣковымъ. Въ Лифляндіи нѣтъ нашихъ деревень, а есть хутора у подножія замковъ; въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, зашибленное, бѣдное средствами, бѣдное способностями и чуждое риттерамъ, разбросавшимъ нѣкогда ихъ лачуги и не позволявшимъ имъ селиться деревнями.

Остзейцы сложились, замкнулись, остались при выработанномъ и впередъ не идутъ. У насъ во всемъ—неопредѣленность, у нихъ—мѣра; мы не установились, мы ищемъ, они остановились, они утратили. Мы внутри смѣемся надъ внѣшними формами и безъ угрызенія совѣсти переступаемъ ихъ, у нихъ форма—прежде всего, выше всего; мы грудью рвемся къ новому, они грудью стоятъ за старое. Мы имѣемъ передъ ними преимущество свѣжихъ силъ и упованій, они имѣютъ преимущество выработанныхъ и прочныхъ правилъ; мы способны, они воспитаны; первоначальный гражданскій катехизисъ,—знакомый, впрочемъ, всякому европейцу,—у насъ *tabula*

¹⁾ Комната для пассажировъ.

²⁾ Господинъ баронъ.

³⁾ Высокоблагородный.

гаса въ этомъ отношеніи. Намъ съ ними скука смертная, потому что мы не можемъ войти въ ихъ мѣстные интересы... У нихъ чело­вѣкъ, проживающій двѣ трети дохода,—могъ; мы называемъ ску­пымъ того, который не проживаетъ вдвое болѣе своего дохода... ¹⁾. Но вспомнимъ, однако, что какъ псковскіе мужики—неполные представители Руси, такъ и Лифляндія—неполная представительница Европы. Лифляндія представляетъ одинъ элементъ европейской жизни, и только одинъ. Европу въ первый разъ встрѣчаетъ русскій путникъ въ Кенигсбергѣ; это—не только памятникъ прошлой жизни, около котораго развивался букетъ огородныхъ овощей, но жилой домъ для современности, здѣсь памятники и воспоминанія идутъ, обнявшись съ юной жизнью. Славный городокъ Кенигсбергъ; онъ оставилъ въ моей памяти самое милое, свѣтлое впечатлѣніе.

Я пріѣхалъ въ Кенигсбергъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многого; выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотреть городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день, солнце свѣтило, съ крышъ капалъ талый снѣгъ, и я вдругъ помолодѣлъ, точно нѣсколько лѣтъ съ костей долой; мнѣ показалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ весело и прямо въ глаза, и я сталъ смотреть весело и прямо въ глаза, потомъ отправилъ за table d'hôte и за бутылкой рассказывалъ, какъ изъ Тильзита скверно везли и какая дорога гадкая. И кельнеръ тутъ, и нѣмцы слушають... Пускай себѣ, мнѣ что за дѣло! зачѣмъ дурно возятъ!.. Развѣ я не могу имѣть своего мнѣнія? Noch eine Flasche ²⁾.

До того заболтался, что не помню, на чемъ мы остановились и къ чему слѣдуетъ теперь возвратиться... Да, къ другому берегу Рейна. Ну, что же по ту сторону Рейна какъ-то привольнѣе, красивѣе, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ было хорошо. Вездѣ скучно, будьте увѣрены. А если вамъ будетъ не скучно гдѣ-нибудь, такъ я васъ поздравляю отъ души: вы полны мудрости, которой недостаетъ во мнѣ и во многихъ другихъ. Странное дѣло, отъ испареній подземныхъ что ли, или отъ вліянія планетъ, но какая-то давящая тоска провожаетъ современнаго чело­вѣка отъ Чукотскаго носа до Финистерре, даже такого чело­вѣка, который всегда смѣется. Эта болѣзнь особенно развилась во время трехъ іюльскихъ дней и трехмѣсячной холеры ³⁾. Разумѣется, разныя скуки въ разныхъ мѣстахъ; но основа, по которой снуетъ челнокъ.

¹⁾ Я изъ этого мѣста сдѣлалъ въ 1853 г. предисловіе къ новому изда­нію: «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».—А. И. Г.

²⁾ Еще бутылку!

³⁾ Ясное доказательство, что «письмо» писалось позже поставленной на немъ даты.

нашей жизни (это выраженіе я счелъ бы самъ натянутымъ, еслибъ не зналъ навѣрное, что оно краденое, именно—у Гете), скучна, тягостна на разные лады. Въ Парижѣ весело-скучно, въ Лондонѣ безопасно-скучно, въ Римѣ величаво-скучно, въ Мадридѣ душная скука, въ Вѣнѣ скука душная. Что тутъ прикажете дѣлать!? Видно, образованный человѣкъ можетъ только не скучать между дикими людьми и ручными звѣрями въ АФрикѣ и въ Jardin des Plantes ¹⁾: тамъ люди похожи на обезьянъ, здѣсь обезьяны похожи на людей. Вотъ время какое пришло.

Дѣйствительно, странное время. Возьмите Парижъ, этотъ городъ городовъ: онъ только и держится Рашелью ²⁾ и Гизо, да и та ѣдетъ на-дняхъ въ Лондонъ, да и тотъ, говорятъ, идетъ на покой.

Кстати, о театрахъ въ Парижѣ, но это будетъ еще болѣе кстати въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Парижъ, $\frac{3 \text{ іюня}}{22 \text{ мая}}$ 1847 г.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о томъ, что въ нашъ вѣкъ скука страшная и что Рашель ѣдетъ въ Лондонъ; нынче я прибавлю къ обвиненію нашего вѣка, во-первыхъ, что Рашель уѣхала, а во-вторыхъ, что не только въ нашъ вѣкъ скучно, но что ни о чемъ, ни о скучномъ, ни о веселомъ, говорить нельзя,—Богъ знаетъ, куда утянетъ. Всѣ понятія перепутались, сплелись, зацѣпили другъ друга, связались круговой порукой безъ всякаго уваженія къ полицейскимъ и схоластическимъ раздѣленіямъ, къ пограничнымъ правиламъ школьно-таможеннаго благоустройства.

Слѣдствія этой запутанности самая плачевныя: все что прежде знали хорошо и ясно, знаютъ скверно и смутно: людскія званія и сословія, звѣриныя признаки и отличія царствъ природы и распредѣленіе искусствъ—все перемѣшали, потеряли предѣлы между животными и растеніями, между обезьянами и людьми.

¹⁾ Извѣстный ботаническій и зоологическій садъ съ музеями въ Парижѣ.

²⁾ Театральное имя Элизы Феликсъ, гениальной драматической актрисы изъ французскихъ евреекъ.

Прежде могло ли это быть? Все было легко. «Есть междучелюстная кость?» Есть — скоть, нѣтъ — человѣкъ. «Есть душа?» Есть — человѣкъ, нѣтъ — скоть. Были признаки нѣсколько щекотливые, но вѣрные въ отношеніи къ прекрасному полу животныхъ и людей. Все ниспровергнули вмѣстѣ съ незабываемыми авторитетами, благочестивымъ послушаніемъ и послушнымъ благочестіемъ! Какое, кажется, дѣло было Гете, поэту и консерватору, найти междучелюстную кость у человѣка, — нашелъ. Другіе ученые, жившіе въ большой близости съ орангъ-утанами и жоко, нашли у нихъ признаки, отрицаемые наукой, и разболтали... Весь этотъ безпорядокъ произошелъ отъ нѣмецкихъ теорій и французскихъ практикъ: онѣ подняли всѣ дрожжи со дна общественнаго быта и со дна сознанія человѣческаго, — все и пошло бродить, и міръ очутился *hors des gonds* ¹⁾). Возьмешь предметъ и не знаешь потомъ, откуда и какъ начать.

Вотъ, на примѣръ, Рашель ѣдетъ въ Лондонъ, — поводъ, по которому захотѣлось сказать нѣсколько словъ о здѣшнихъ театрахъ. Кажется, дѣло простое. Въ прежнее время, не говоря худого слова, я началъ бы съ того, что въ Парижѣ театровъ двадцать три, что Терпсихора цвѣтетъ тамъ-то, но что истинные поклонники Талии тамъ-то, хотя великая жрица Мельпомены увлекаетъ тамъ-то, — и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. А теперь, чтобъ сказать со смысломъ пять словъ о Фредерикѣ Леметрѣ ²⁾ и Левассерѣ ³⁾, мнѣ нужно начать чуть не съ Фредерика Барбароссы и, по крайней мѣрѣ, съ того Левассера, который сидѣлъ въ конвентѣ. Увѣряю васъ, что нельзя понять парижскихъ театровъ, не пустившись въ глубокомысленныя разсужденія à la Сіэйесъ о томъ, *ce que c'est que le tiers état?* ⁴⁾). Вы идете сегодня въ одинъ театръ, — спектакль неудачный (то есть неудачный выборъ пьесы, играютъ здѣсь вездѣ хорошо); вы идете на другой день въ другой театръ, — та же бѣда; то же въ десятый день, въ двадцатый. Только изрѣдка мелькнетъ изящный водевиль, милая шутка или старикъ Корнель со старикомъ Расиномъ величаво пройдутъ, опираясь на молодую Рашель и свидѣтельствуя въ пользу своего времени. Что же это такое? Театры полны, длинные queues тянутся съ пяти часовъ у входа. Ясное дѣло — парижане поглупѣли, потеряли вкусъ и образованіе; заключеніе основательное,

¹⁾ Буквально: соскочилъ съ своихъ петель.

²⁾ Величайшій послѣ Тальмы франц. актеръ.

³⁾ Пьеръ, извѣстный франц. актеръ.

⁴⁾ Знаменитая брошюра «Что такое третье сословіе?», сдѣлавшая эпоху въ исторіи первой французской революціи. Авторъ ея — Эммануиль-Жозефъ Сіэйесъ (Sieyès), аббатъ, депутатъ отъ мелкаго духовенства.

пріятное и которое, я увѣренъ, многимъ очень понравится; остается узнать, такъ ли на самомъ дѣлѣ, остается узнать, весь ли Парижъ выражаютъ театры или какой Парижъ—Парижъ, стоящій за *цензъ*, или Парижъ, стоящій за *цензомъ*: это различіе первой важности ¹⁾).

Какъ вы думаете, что всего болѣе меня удивило въ Парижѣ?—«Ипподромъ? Гизо?»—Нѣтъ!—«Елисейскія поля? депутаты?»—Нѣтъ!—«Тюльери? канканъ?»—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—Работники, *консьержи*, *garçons de café*, швеи, слуги, даже солдаты,—всѣ эти люди толпы до такой степени въ Парижѣ избаловались, что не были бы ни на что похожи, еслибъ, дѣйствительно, не походили на порядочныхъ людей. Здѣсь трудно найти слугу, который бы вѣровалъ въ свое призваніе, слугу безотвѣтнаго и безвыходнаго, для котораго высшая роскошь—сонъ, и высшая нравственность—ваши капризы, слугу, который бы «не разсуждалъ». Если вы желаете имѣть слугу-иностранца, берите нѣмца: нѣмцы—охотники служить; берите, пожалуй, англичанина: англичане привыкли къ службѣ,—давайте имъ денегъ и будете довольны; но французъ не совѣтую брать. Французъ тоже любитъ деньги до лихорадочнаго, судорожнаго стремленія ихъ пріобрѣсти, и онъ совершенно правъ: безъ денегъ въ Парижѣ можно меньше жить, нежели гдѣ-нибудь: безъ денегъ нѣтъ свободнаго человѣка, развѣ въ Австраліи. Пора бы перестать разглагольствовать о корыстолюбіи бѣдныхъ, пора простить, что голоднымъ хочется ѣсть, что бѣднякъ работаетъ изъ-за денегъ, изъ-за «презрѣннаго металла»... Вы не любите денегъ? Однакожъ, сознайтесь немножко, деньги—хорошая вещь; я ихъ очень люблю. Дѣло совсѣмъ не въ ненависти къ деньгамъ, а въ томъ, что порядочный человѣкъ не подчиняетъ всего деньгамъ, что у него въ груди не все продажное. Французъ-слуга будетъ неутомимъ, станетъ работать за троихъ, но онъ не продастъ ни всѣхъ удовольствій своихъ, ни нѣкотораго комфорта въ жизни, ни права разсуждать, ни своего *point d'honneur*; дѣлайте требованія, онъ будетъ исполнять, но не дѣлайте грубости; впрочемъ, здѣсь никто не грубитъ съ прислугой.—«*Madame, voulez vous bien me dire si Mr. N. est à la maison?*» ²⁾—спрашиваетъ гость у жены консьержа ³⁾. «*Voulez vous bien m'annoncer*» ⁴⁾—говоритъ онъ слугѣ въ передней. Портье ⁵⁾

¹⁾ Тогда реакціонеры стояли за высокій избирательный цензъ, внѣ котораго стояло громадное большинство населенія.

²⁾ Сударыня, не будетъ ли вамъ угодно сказать мнѣ, дома ли г. N?

³⁾ Привратникъ; въ небольшихъ домахъ такими «швейцарами» чаще служатъ пожилыя женщины.

⁴⁾ Не угодно ли вамъ доложить обо мнѣ?

⁵⁾ «Швейцаръ».

не потянетъ шнурка по грубому крику «cordon!» ¹⁾),—ему непременно надобно: «s'il vous plait» ²⁾); до полиціи доходили подобныя дѣла, и полиція, вмѣнивъ въ обязанность дворникамъ отпирать цѣлую ночь дверь, присовокупила совѣтъ: шнурокъ требовать учтиво. О, суетные галлы!

Французъ-слуга, милый въ своемъ отсутствіи логики, хочетъ служить, какъ человѣкъ (т. е. въ прямомъ значеніи,—у насъ въ словѣ «человѣкъ» заключается каламбуръ, но я говорю серьезно). Онъ не обманываетъ васъ своею привязанностью, а съ беззаботной откровенностью говоритъ, что онъ служитъ изъ денегъ и что, будь у него другія средства, онъ бы васъ покинулъ завтра; у него до того душа суха и полна эгоизма, что онъ не можетъ продаться съ любовью незнакомому человѣку франковъ за пятьдесятъ въ мѣсяць. Здѣшніе слуги расторопны до невѣроятности и учтивы, какъ маркизы; эта самая учтивость можетъ показаться оскорбительною: ея тонъ ставитъ васъ на одну доску съ ними; они вѣжливы, но не любятъ ни стоять на вытяжкѣ, ни вскочить съ испугомъ, когда вы идете мимо, а вѣдь, это—своего рода грубость. Иногда они бываютъ очень забавны: поваръ, нанимающійся у меня, смотритъ за буфетомъ, подаетъ кушанье, убираетъ комнаты, чиститъ платье,—стало, не лѣнивъ, какъ видите, но по вечерамъ, отъ 8 часовъ и до 10, читаетъ журналы въ ближнемъ café, и это—conditio sine qua non. Поваръ политикъ! Да это умора! Журналы ³⁾ составляютъ необходимость парижанина. Сколько разъ я съ улыбкой смотрѣлъ на оторопѣлый взглядъ иностранца, когда gagçon ⁴⁾, подавши ему блюдо, торопливо хваталъ листъ журнала и садился читать въ той же залѣ.

Слуги, впрочемъ, еще не составляютъ типа парижскаго пролетарія, типа *ouvrier*, работника; въ слуги идетъ бездарнѣйшая, худшая часть населенія. Порядочный работникъ, если не имѣетъ вѣшнихъ формъ слуги, то по развитію и выше и нравственнѣе.

Эта «избалованность»,—или какъ вамъ тамъ угодно назвать,—одно изъ послѣдствій прошлаго переворота; на него мало обращали вниманія, потому что оно вертится около кухни и передней, а оно не лишено важности. Большая часть парижскихъ слугъ—дѣти и внучата солдатъ «великой арміи», дѣти и внучата угомонившихся крикуновъ предмѣстій св. Антонія и Марсо, состарившихся трибу-

¹⁾ Шнурокъ! (шнурокъ, отворяющій наружную дверь).

²⁾ Пожалуйста.

³⁾ Journal—по-французски «газета».

⁴⁾ Офиціантъ, лакей.

новъ des sections ¹⁾). Несмотря на отеческія старанія іезуитовъ и вообще духовныхъ во время реставраціи воспитать юное поколѣніе въ духѣ ложнаго смиренія и глубокаго невѣдѣнія своего прошедшаго, это было невозможно. Напрасно издавали они для школъ книжки, въ которыхъ говорили о фельдмаршалѣ войскъ Людовика XVIII, Буонапарте, и кроткомъ царствованіи Людовика XVII, перенесшаго столицу и дворъ въ Кобленцъ по случаю чуть-ли не передѣлки половъ въ Тюльери. Дѣды, отцы и матери,—матери, всемогущія въ дѣлѣ воспитанія во Франціи: мать величайшая святыня для французца,—совращали постоянно юное поколѣніе съ скромной тропинки, по которой вели его признанные учителя, т. е. les frères ignorantins ²⁾, своими *умѣренными* правилами, почерпнутыми изъ скромнаго «Друга народа» ³⁾, почтеннаго «Отца Дюшена» ⁴⁾ и смиреннаго «Стараго Корделье» ⁵⁾; вмѣсто доказательствъ присовокуплялись рассказы, показывались рубцы, и текли слезы по щекамъ, опустившимся отъ лѣни, бѣдности и утраченныхъ надеждъ. Такіе рассказы, такое воспитаніе должны были сдѣлать новое поколѣніе состарившихся gamins de Paris грубыми, дерзкими, наглыми,—не правда-ли? А вышло совсѣмъ наоборотъ: молодое поколѣніе гуманно, вѣжливо, даже нѣжно, вообще мягко до тѣхъ поръ, пока не затронуто. Что за уваженіе къ женщинѣ, что за милое, трогательное вниманіе къ дѣтямъ! Какъ жаль, что народъ, развившій въ себѣ такія прекрасныя свойства, долженъ погибнуть, а дѣлать нечего,—я это знаю изъ вѣрныхъ рукъ: мнѣ это рассказывали мудрецы «Вшивой Горки» и «Плющихи» ⁶⁾...

Есть бѣдные, маленькіе балы, куда по воскресеньямъ ходятъ за десять су работники, ихъ жены, прачки, служанки; нѣсколько фонарей освѣщаетъ небольшую залу и садикъ; тамъ танцуютъ подъ звуки двухъ-трехъ скрипокъ. Это не знаменитый «Mabille» и не «Rapelagh», не канканной памяти «Хижина» ⁷⁾, гдѣ освѣщеніе, деревья, трава,—все пропитано сладострастіемъ, гдѣ пульсъ бьется какъ-то не по-людски, и гдѣ шалость иногда бы зашла далеко,

¹⁾ Отдѣленія политическихъ клубовъ.

²⁾ «Невѣжественные братцы»—прозвище, которое парижское населеніе дало учителямъ «братскихъ», т. е. низшихъ церковныхъ и іезуитскихъ, учебныхъ заведеній.

³⁾ «Ami du Peuple», газета Марата.

⁴⁾ «Le père Duchesne», газета Гебера.

⁵⁾ «Le Vieux Cordelier», газета Камилла Демулена. Въ этихъ указа-ніяхъ на газеты большая иронія: всѣ онѣ были очень рѣзки и революціонны.

⁶⁾ Т. е. московскіе славянофилы.

⁷⁾ Извѣстные увеселительные сады въ Парижѣ.

еслибъ... не угрызения совѣсти, думаете вы?.. нѣтъ, еслибъ не рука муниципала, готовая ежеминутно схватить за воротъ... Нѣтъ, на этихъ бѣдныхъ балахъ все идетъ благопристойно; поношенные блузы, полинялыя платья изъ холстинки почувствовали, что тутъ канканъ не на мѣстѣ, что онъ оскорбитъ бѣдность, отдастъ ее на позоръ, отниметъ послѣднее уваженіе, и они танцуютъ весело, но скромно, и правительство не поставило муниципала, въ надеждѣ на деликатность учениковъ слесарей и сапожниковъ. Что, смѣшно? Очень смѣшно!

Въ праздникъ на Елисейскихъ поляхъ ребенокъ тянется увидѣть комедію на открытомъ воздухѣ, но какъ же ему видѣть изъ-за толпы?... Не безпокойтесь, какой-нибудь блузникъ посадить его на плечо; устанетъ—передастъ другому, тотъ—третьему, и малютка, переходя съ рукъ на руки, преспокойно досмотритъ удивительное представленіе взятія Константины ¹⁾ съ пальбой и пожаромъ, съ какимъ-то алжирскимъ деємъ, котораго тамбуръ-мажоръ водить на веревкѣ. Дѣти играютъ на тротуарѣ, и сотни прохожихъ обойдутъ ихъ, чтобъ имъ не помѣшать. На-дняхъ мальчикъ лѣтъ девяти несъ по улицѣ Helder мѣшокъ размѣнянной серебряной монеты; мѣшокъ прорвался, и деньги рассыпались; мальчикъ разревѣлся, но въ одну минуту блузники составили около денегъ кругъ, другіе бросились подбирать, подобрали, сосчитали (деньги были всѣ налицо), завернули и отдали мальчику.

Это все—Парижъ, за цензомъ стоящій.

Но не таковъ буржуа, пропріетеръ, лавочникъ, рантие и весь Парижъ, за цензъ стоящій. А этотъ-то Парижъ и выражается театромъ, и въ этомъ онъ дѣлитъ судьбу своего товарища du Palais Bourbon—Камеры ²⁾. Театры держатся тѣми, кто платитъ наибольше; расходы на двадцать три театра страшные; кто же покрываетъ ихъ да еще съ избыткомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ прошедшемъ году продалъ въ пользу «Эпохи» привилегію на театръ за 100,000 франковъ)? Конечно, все это выкупается и окупается не блузниками, не дюжиною способностей, не дюжиною иностранцевъ: богатая буржуазія платитъ за все, и театръ всего болѣе выражаетъ потребности, интересы мѣщанства. А развѣ прежде это было не такъ? Т. е. когда прежде? Нѣкогда театръ былъ аристократиченъ, потомъ безцвѣтенъ и официаленъ, какъ все литературное, до чего касался Наполеонъ. Во время реставраціи онъ сталъ склоняться къ буржуазіи, но буржуазія была тогда національнѣ,—

¹⁾ Городъ въ Алжирѣ.

²⁾ Палаты депутатовъ.

она была зла, остра, умна, считала себя обиженною и не выступала такъ толсто и тупо-горельефно на первый планъ, какъ теперь.

Буржуазія явилась на сценѣ самымъ блестящимъ образомъ въ лицѣ хитраго, увертливаго, шипучаго, какъ шампанское, цырюльника и дворецкаго, словомъ, въ лицѣ Фигаро; а теперь она на сценѣ въ видѣ чувствительнаго фабриканта, покровителя бѣдныхъ и защитника притѣсненныхъ. Во время Бомарше Фигаро былъ *внѣ закона*, въ наше время Фигаро—*законодатель*; тогда онъ былъ бѣденъ, униженъ, стягивалъ понемногу съ барскаго стола и оттого сочувствовалъ голоду, и въ смѣхъ его скрывалось много злобы; теперь его Богъ благословилъ всѣми дарами земными, онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, ненавидитъ голодныхъ и не вѣритъ въ бѣдность, называя ее лѣнью и бродяжничествомъ. У обоихъ Фигаро общее, собственно—одно лакейство, но изъ-подъ ливреи Фигаро-старога виденъ человекъ, а изъ-подъ чернаго фрака Фигаро-новаго проглядываетъ ливрея, и, что хуже всего, онъ ее не можетъ сбросить, какъ его предшественникъ: она приросла къ нему такъ, что ее нельзя снять безъ его кожи. У насъ это сословіе не такъ на виду; въ Германіи оно одно и есть съ прибавкою теологовъ и ученыхъ, но какъ-то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно; здѣсь оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ.

Вспомните всѣхъ Бриколеней, Галюше и др. въ романахъ Ж. Санда, вотъ—буржуа. Впрочемъ, позвольте, справедливость прежде всего: Ж. Сандъ выставляетъ дурную сторону буржуазіи; добрые буржуа читаютъ ея романы со скрежетомъ зубовъ и запрещаютъ ихъ брать въ руки своимъ мѣщаночкамъ... Въ сторону ее! Я рекомендую лучшей источникъ, патентованный, *brevété de par la bourgeoisie* ¹⁾—Скриба ²⁾. Скрибъ—геній, писатель буржуазіи, онъ ее любитъ, онъ любимъ ею, онъ подлачился къ ея понятіямъ и ея вкусамъ такъ, что самъ потерялъ всѣ другіе; Скрибъ—царедворецъ, ласкатель, проповѣдникъ, гаеръ, учитель, шутъ и поэтъ буржуазіи. Буржуа плачутъ въ театрѣ, тронутые собственной добродѣтелью, живописанной Скрибомъ, тронутые конторскимъ героизмомъ и поэзіей прилавка. Они узнаютъ себя и свои идеалы въ скрибовскихъ герояхъ, они улыбаются себѣ въ нихъ, перемигиваются съ ними,—словомъ, признаютъ ихъ столько, сколько отвергаютъ портреты Ж. Сандъ. Ну, если послѣ этого скрибовскіе герои:

¹⁾ Дипломированный буржуазіею.

²⁾ Эженъ, франц. драматургъ, написалъ около 350 пьесъ и либретто-оперъ.

отвратительнѣе, тупѣе, мельче всѣхъ Бриколеней и Галюше вмѣстѣ, то нельзя не сознаться, что для буржуазіи *не на мѣсть* быть *казовымъ* концомъ Франціи, особенно потому, что вездѣ есть толпа пошлыхъ людей, которые далѣе не пойдутъ, которымъ въ глаза бросится сыпь, изъ-за которой не сумѣютъ разглядѣть прекраснаго лица.

Буржуазія не имѣетъ великаго прошедшаго и никакой будущности. Она была минутно хороша, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противоположность, какъ отстаиваніе себя. Ея силъ стало на борьбу и на побѣду, но сладить съ побѣдою она не могла: не такъ воспитана. Дворянство имѣло свою общественную религію; правилами политической экономіи нельзя замѣнить догматы патріотизма, преданія мужества, святыню чести; есть, правда, религія, противоположная феодализму, но буржуа поставленъ между этими двумя религіями. Наслѣдникъ блестящаго дворянства и грубаго плебеизма, буржуа соединилъ въ себѣ самые рѣзкіе недостатки обоихъ, утративъ достоинства ихъ. Онъ богатъ, какъ вельможа, но скупъ, какъ лавочникъ. Французское дворянство погубило величественно и прекрасно; оно, какъ могучій гладіаторъ, видя неминуемую смерть, хотѣло пасть со славою; памятникъ этого героизма—4 августа 1789 г. ¹⁾; что ни толкуй, а въ добровольномъ отреченіи отъ феодальныхъ правъ есть много величественнаго.

Въ то время вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣтаетъ; дворянство лишается правъ,—они усугубляютъ свои; народъ умираетъ съ голоду,—они сыты; республика безъ денегъ, продаетъ земли,—они ихъ скупаютъ; народъ вооружается и идетъ громить враговъ,—они поставляютъ сукна, провіантъ; народъ завоевываетъ всю Европу, по всей Европѣ течетъ рѣками его кровь,—они пользуются континентальной системой. Во время ужасовъ второго террора, *terreur blanche*, какъ говорятъ французы, буржуа дѣлается избирателемъ и депутатомъ, и тутъ, какъ мы сказали, начинается его вторая *lune de miel* ²⁾, лучшее время его жизни послѣ *Jeu de paume* ³⁾. Но осто-

¹⁾ Знаменитое ночное засѣданіе національнаго собранія, въ которомъ депутаты высшихъ сословій отказались отъ своихъ привилегій, и собраніе отмѣнило всѣ сословныя преимущества.

²⁾ Медовый мѣсяцъ.

³⁾ «Игра въ мячъ»—знаменитое засѣданіе 20 іюня 1789 г., когда депутаты третьяго сословія, не допущенные въ зданіе національнаго собранія, помѣстившись въ строеніи, служившемъ королевской семьѣ для игры въ мячъ, и дали клятву не расходиться, пока не выработаютъ конституцію для Франціи.

рожныхъ правилъ своихъ Фигаро не оставилъ: его начали обижать,—онъ подбилъ чернь вступить за себя и ждалъ за угломъ, чѣмъ все это кончится; чернь побѣдила, и Фигаро выгналъ ее въ три шеи съ негодованіемъ и поставилъ національную гвардію съ полиціей у дверей, чтобъ не пускать сволочь. Добыча досталась ему, и Фигаро сталъ аристократомъ—графъ Фигаро-Альмавива, канцлеръ Фигаро, герцогъ Фигаро, пэръ Фигаро. А религіи общественной все нѣтъ; она была, если хотите, у ихъ прадѣдовъ, у непреклонныхъ и настойчивыхъ горожанъ и легистовъ, но она потухла, когда миновала въ ней историческая необходимость. Буржуа это знаютъ очень хорошо; чтобъ помочь горю, они выдумали себѣ нравственность, основанную на ариѳметикѣ, на силѣ денегъ, на любви къ порядку. Одинъ пресмѣшной лавочникъ рассказывалъ, что онъ во время барбесовскаго дѣла, лишь только услышалъ, что что-то есть, взялъ свое ружье и цѣлый день ходилъ возлѣ дома ¹⁾. «Да съ которой же стороны вы были?» спросилъ его одинъ молодой человѣкъ. «О, я не мѣшаюсь въ политику,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ все равно, лишь бы общественный порядокъ былъ сохраненъ; я защищалъ *порядокъ*».

Недаромъ Ж.-П. Рихтеръ смѣется надъ тѣми людьми, которые изъ любви къ порядку десять разъ кладутъ вещь на одно и то же мѣсто, ни разу не давши себѣ отчета, почему эта вещь должна лежать именно на этомъ мѣстѣ. Любовь къ порядку и самосохраненіе много способствовали къ тому, чтобъ буржуазія изъ класса неопредѣленнаго перешла въ замкнутое сословіе, которому границы—электоральный цензъ внизъ и баронъ Ротшильдъ вверхъ. Малѣйшіе изгибы этого сословія изучилъ Скрибъ и на все далъ отвѣтъ. Онъ надругался надъ мечтами юноши, чувствующаго художественное призваніе, и окружилъ его уваженіемъ и счастіемъ, когда онъ сдѣлался честнымъ конторщикомъ; онъ къ землѣ преклонилъ голову бѣднаго и отдалъ его во власть хозяина, котораго воспѣлъ за то, что онъ любитъ, чтобъ работникъ повеселился въ воскресный день. Онъ даже вора умѣлъ поднять за то, что онъ разбогатѣвши даетъ кусокъ хлѣба сыну того, котораго ограбилъ, и такъ это ловко представилъ, что хочется пожурить сына за то, что его отецъ былъ не остороженъ и плохо деньги берегъ. Казалось бы, воровство—страшнѣйшее изъ всѣхъ преступленій въ глазахъ буржуазіи,... но Скрибъ и тутъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: воръ уже негоціантъ,—умнѣе нажиться и хорошо вести свой домъ смываетъ всѣ пятна.

¹⁾ Арманъ, прозванный «Баярдомъ демократіи», крайній радикалъ, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за покушеніе къ поднятію мятежа.

А какъ позорно всякій разъ наказывается у Скриба женщина за капризъ, за минуту увлеченія, даже за шалость! Какъ она всякій разъ одурочена, осмѣяна, и какъ мужъ торжествуетъ, исправляетъ, прощаетъ! Буржуа—деспотъ въ семьѣ: тиранъ дѣтей, тиранъ жены. Не судите о положеніи порядочной женщины по *bal Mabilie*, по амазонкамъ Булонскаго лѣса, по гризеткамъ, играющимъ на бильярдѣ въ Люксембургскомъ саду, по милымъ существамъ, порхающимъ по бульварамъ, по жительницамъ квартала *Notre-Dame de Lorette* ¹⁾ или, лучше, судите по этимъ живымъ, беззаботнымъ, веселымъ, полькирующимъ, смѣющимся образцамъ. Какая потребность веселья, игры, шутки, блеска, наслажденій, жизни во французенкѣ! Но ей надобно проститься со всѣмъ этимъ, идучи къ мэру съ своимъ женихомъ. Для того, чтобъ принимать участіе въ веселостяхъ, ей надобно отказаться быть женой. Въ Парижѣ, какъ нѣкогда въ Авинахъ, а потомъ въ Италіи, почти нѣтъ выбора между двумя крайностями: или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть въ пошлости и безвыходныхъ хлопотахъ. Вы помните, что рѣчь идетъ о буржуазіи; сказанное мною не будетъ вѣрно относительно аристократіи, но, вѣдь, ея почти нѣтъ. Кто наряжается, веселится, танцуетъ?—*La femme entretenue* ²⁾, двусмысленная репутація, актриса, возлюбленная студента... Я не говорю о несчастныхъ «жертвахъ общественнаго темперамента», какъ ихъ назвалъ Прудонъ; тѣ мало наслаждаются,—имъ недосугъ. Вмѣстѣ съ бракомъ французенка средняго состоянія лишается всей этой атмосферы, окружающей женщину любовью, улыбкой, вниманіемъ. Мужъ свозитъ ее въ дребезжащей *ситадинъ* ³⁾ на тощей клячѣ въ *Père Lachaise* ⁴⁾ или, пользуясь дешевизной, отѣдетъ по желѣзной дорогѣ станцію, свозитъ въ Версаль, когда «бьютъ фонтаны», да раза два-три въ театръ,—вотъ ей на годъ и довольно. За эту жизнь современную буржуазію прославили семейно-счастливой, нравственной. Но такой почетной репутаціи мало для буржуазіи,—она имѣетъ сильное поползновеніе аристократничать, хотя терпѣть не можетъ аристократовъ, потому что боится ихъ превосходства въ формахъ, въ легкости рѣчи: слону смерть хочется иной разъ пробѣжать газелью, да гдѣ же научиться? А Скрибъ на что? Скрибъ надѣваетъ на себя ливрею швейцара и отворяетъ двери въ аристократическія залы вре-

¹⁾ Кварталь церкви Лоретской Богоматери въ Парижѣ, отсюда названіе «лоретка», соотвѣтствующее позднѣйшему—«камелія».

²⁾ Женщина на содержаніи.

³⁾ *Citadine*—устарѣлое названіе общественной линейки или кареты.

⁴⁾ Старинное кладбище съ массою зелени, куда въ праздники ѣздили гулять.

мень регентства и Людовика XV; но хитрый царедворецъ умѣлъ вездѣ выказать суетность обитателей этихъ залъ рококо, передъ *вальяжностью* зрителей: вы лучше, говоритъ онъ имъ, этихъ пустыхъ людей,—у нихъ была только манера, се *quelque chose*¹⁾. «Отчего же и намъ не имѣть *quelque chose*?» думаетъ слонъ-газель и весело тащитъ изъ ложи свой животъ и улыбаясь ложится спать.

Страсть къ шуткѣ, къ веселости, къ каламбуру составляетъ одинъ изъ существенныхъ и прекрасныхъ элементовъ французскаго характера,—ей отвѣчаетъ на сценѣ водевиль. Водевиль—такое же народное произведеніе французовъ, какъ трансцендентальный идеализмъ—нѣмцевъ. Но вы знаете пристрастіе людей не совсѣмъ воспитанныхъ ко всему неприличному; для нихъ только сальное остро, все циническое смѣшно. Буржуа, строгій блюститель нравовъ у себя въ домѣ, любитъ отпустить полновѣсную шутку, заставить покраснѣть двусмысленнымъ намекомъ дѣвушку; онъ и дальше идетъ—онъ любитъ и поволочиться и вообще любитъ развратикъ втихомолку,—такой развратикъ, который не можетъ никогда его поставить лицомъ къ лицу съ его обличенной совѣстью въ треугольной шляпѣ, называемой полицейскимъ комиссаромъ; онъ развратенъ включительно до статей кодекса о дурномъ поведеніи гражданъ. На сценѣ все это отразилось, какъ слѣдовало ожидать; водевиль (изъ десяти девять) принялъ въ основу не легкую веселость, не искрающуюся остротами шутку, а сальные намеки. Такъ, какъ въ классическихъ трагедіяхъ, боясь потрясти нервы, убивали за сценой, такъ во многихъ пьесахъ новой школы васъ заставляютъ предполагать за кулисами... убійство, вы думаете?—О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Терпѣть не могу пуританской строгости, люблю подчасъ смотрѣть и на свирѣпый канканъ, и на отчаянную польку, но, воля ваша, есть нѣчто грустное и скорбное въ зрѣлищѣ двадцати залъ, въ которыхъ набились биткомъ люди съ шести часовъ вечера для того, чтобъ до двѣнадцати восхищаться глупыми пьесами, сальными фарсами, и это всякій вечеръ. Пристрастіе къ двусмысленностямъ и непристойностямъ испортило великія сценическія дарованія; художники, увлекаемые громомъ рукоплесканій (на которыя здѣсь очень скупы), такъ избаловались, что они каждому слову, каждому движенію умѣютъ придать нѣчто... нѣчто кантаридное. Сама мадмуазель Дежазе²⁾ далеко не изъята этого недостатка.

¹⁾ Это кое-что.

²⁾ Виргинія, знаменитая комическая и водевильная актриса; пятилѣтнею дѣвочкой дебютировала на сценѣ, а въ «водевиляхъ съ передѣваніемъ» участвовала, когда ей было за 70.

Было время, когда острая и смѣтливая публика умѣла ловко поднять всякій политическій намекъ, всякую смѣлую мысль; это было во время беранжеровскихъ пѣсенъ и памфлетовъ Курье ¹⁾; нынче она охладѣла къ идеямъ, къ «словамъ», нынче все акцій, фонды, дороги ²⁾, да и къ тому же хорошо было фрондировать во время реставраціи, а теперь мы сами стали консерваторами и боимся слишкомъ зацѣплять политику. Зато, что касается до героизма, до высокой отваги, буржуа безпримѣренъ; не даромъ онъ съ себя снялъ историческій мундиръ *той* національной гвардіи, — *первой*. Людовику-Филиппу стало жаль мундиръ, который онъ нашивалъ въ грозную минуту; ему не хотѣлось замѣнить его уродливымъ шако ³⁾ и туникой. Нѣтъ, умоляютъ: «дай шако, да и только!». Король разрѣшилъ имъ носить тунику и шако, а самъ остался попрежнему въ старомъ мундирѣ. Зато посмотрите, когда въ оперѣ поютъ «L'Anglais ne régnera» ⁴⁾: дѣлается вопль, шумъ, трескъ; буржуа, внѣ себя отъ патріотизма, кричитъ: «ne régnera! ne régnera!» и смотритъ съ гордымъ видомъ на какого-нибудь секретаря лорда Норменби ⁵⁾, который, не двигаясь ни однимъ мускуломъ, какъ гибралтарская скала, сидитъ въ ложѣ, въ бѣломъ галстукѣ изъ крашеной стали и съ одной венозной кровью въ лицѣ. Приѣзжій издалека могъ бы подумать, что война между Англійей и Франціей во всемъ разгарѣ, что англійскій флотъ сталъ на якорѣ въ Булонскомъ лѣсу, и что Маэусаиль-Веллингтонъ дерется съ Маэусаиломъ-Сульттомъ ⁶⁾ въ Батиньоляхъ, — а это еще, *entente cordiale* ⁷⁾!

Послѣ этого введенія можно бы поговорить о театрѣ, но отчего же не поговорить о немъ въ слѣдующемъ письмѣ?...

P. S. Перечитывая письмо, мнѣ захотѣлось прибавить еще нѣсколько словъ о прислугѣ. О тягости, несправедливости, взаимномъ стѣсненіи и взаимномъ развратѣ, происходящемъ огъ лакейства,

¹⁾ Поль-Луи, блестящій публицистъ временъ французской реставраціи.

²⁾ До чего можетъ пасть вкусъ публики и даже всякій смыслъ, всего лучше доказываетъ возможность давать гнусности въ родѣ «Chevalier de Maison rouge» А. Дюма ⁰⁾. Я ничего не знаю ни отвратительнѣе, ни скучнѣе, ни безталаннѣе, а идетъ!—А. И. Г.

³⁾ Высокое кепи съ плюмажемъ.

⁴⁾ Англичанинъ не будетъ царить!

⁵⁾ Англійскій посолъ въ Парижѣ.

⁶⁾ Одинъ изъ наполеоновскихъ маршаловъ, служившій и при послѣдующихъ режимахъ.

⁷⁾ «Сердечное согласіе» (дипломатическій терминъ).

⁰⁾ Александръ Дюма-отецъ.

говорять давно, но, не будучи дикимъ или Жанъ-Жакомъ ¹⁾, какъ же обойтись безъ частной прислуги? Въ Парижѣ частная прислуга всякимъ днемъ становится менѣе нужною. Люди ограниченнаго состоянія не имѣютъ своихъ слугъ и живутъ очень удобно. Необходимость дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ, то, о чемъ убѣжденіе краснорѣчиво разглагольствуетъ. Всѣ мы—страшные теоретики, а на приложенія смотримъ свысока; мы носимся на воздушномъ шарѣ по воскресеньямъ, а въ будни наша жизнь течетъ себѣ и утекаетъ по грязной и глинистой почвѣ. Приложеніе вовсе нелегко, оно-то и трудно. Въ теоріи можно понять всякую истину, всякую мысль, а на практикѣ не устроишь свой домашній бытъ. Нравственные перевороты тогда совершаются дѣйствительно, когда они дѣлаются истиной около очага, когда они становятся поведеніемъ, образомъ дѣйствія,—привычкой, если хотите. Вотъ почему я придаю чрезвычайную важность тому, что здѣсь устроилась, осуществилась возможность до нѣкоторой степени обходиться безъ частной прислуги... Но какъ же и чѣмъ замѣняется эта третья рука, этотъ соподчиненный членъ, дѣлающій для васъ все, что вамъ не хочется для себя дѣлать? Я вамъ сейчасъ расскажу.

Парижскія квартиры чрезвычайно удобны, въ какую цѣну ни возьмите—отъ 700 фр. въ мѣсяць до 700 фр. въ годъ. Вездѣ зеркала, занавѣски, мебель, посуда, мраморный каминъ, столовые часы, кровати съ пологомъ, ковры, туалеты; вездѣ завоеваны у самага небольшого пространства всѣ его возможности и на все наброшено это нѣчто, *se fier* ²⁾, придающее маленькимъ комнатамъ свѣтлый, веселый видъ; въ каждой комнатѣ виситъ непремѣнно шнурокъ. До него-то я и добираюсь. Шнурокъ идетъ въ ложу консьержа или портье. Портье и вся семья его вѣчно готовы къ услугамъ постояльцевъ; въ большихъ домахъ у нихъ есть помощники. Портье чиститъ вамъ платье и сапоги, портье натираетъ паркетъ, обтираетъ пыль, моетъ окна, портье ходитъ за табакомъ, за виномъ, за бифштексомъ и котлетами, портье получаетъ ваши письма, въ его ложу бросаютъ ваши журналы, ему отдаютъ визитныя карточки; портье освѣщаетъ лѣстницу въ началѣ вечера и запираетъ наружную дверь, портье отпираетъ ее, въ какое бы время вы ни пришли; у него горитъ свѣча, вы берете свой ключъ, зажигаете ночникъ и идете спокойно, зная, что васъ не ждуть. Какъ портье успѣваетъ? Это трудно сказать, нежели, какъ Пинетти дѣлалъ изъ мыши пятакъ и изъ пятака птицу: я не знаю, какъ; гдѣ онъ спитъ, когда отдыхаетъ,

¹⁾ Руссо.

²⁾ Послѣдняя отдѣлка, лоскъ.

это—тайна; дѣло въ томъ, что онъ съ своей семьей или съ помощникомъ такъ ловко улаживаетъ свою службу, что онъ вездѣ, и притомъ ложа никогда пуста не бываетъ. Но не опасно ли ему отдать ключъ, можно ли положиться на него?—Какъ на каменную стѣну!—Да отчего же это? Причины есть. Во-первыхъ, поприетерь ¹⁾ или общій наемщикъ съ большой осторожностью нанимаетъ портье, а во-вторыхъ, онъ въ средней величины домѣ, въ центрѣ Парижа получить въ годъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ франковъ ²⁾. На него можно положиться, потому что онъ не нищій; само собою разумѣется, онъ имѣетъ свои счета и съ винопродавцемъ и съ мелочнымъ торговцемъ, имѣетъ свой *reventant bon* ³⁾, какъ Тестъ имѣлъ свой. Говорятъ, они—шпіоны; я этому не совсѣмъ вѣрю: старая полицейская уловка—запугивать вездѣ шпіонами. Что онъ будетъ доносить о воровствѣ, убійствѣ, это—его обязанность, болѣе—онъ обязанъ сержанту ⁴⁾ дать о васъ справку. Ну, а если онъ начнетъ подслушивать ваши слова, вамъ до этого дѣла нѣтъ: такіе доносы совершенно бесполезны или, лучше, безвредны,—развѣ могутъ служить для украшенія памяти и сердца полицейскихъ чиновниковъ. Что доносить дворникамъ, гдѣ «National», «Réforme» ⁵⁾ ест., ест. доносятъ и полнѣе, и краснорѣчивѣе? Портье любитъ своихъ постояльцевъ, печется объ ихъ дѣлахъ, оказываетъ всякія любезности имъ. Утромъ, прежде нежели вы проснулись (я предполагаю, что вы нормальный человѣкъ и, слѣдственно, просыпаетесь во-время, т. е. никакъ не ранѣе 8 часовъ), платье ваше готово, вода принесена (особымъ воданосомъ); стоитъ одѣться и итти въ *café*, который въ двухъ шагахъ, читать журналы. Но вы не любите, можетъ быть (такъ, какъ я), рано выходить изъ дому; это отъ васъ зависитъ, только за лѣнь съ васъ надобно взять 20 фр. въ мѣсяцъ лишняго,—и въ назначенный часъ *garçon de café* принесетъ вамъ кофейникъ, и дѣвочка изъ ближняго литературнаго бюро—десятокъ журналовъ. Теперь къ обѣду. Дома готовить кушанье дорого, гораздо дороже, нежели ходить въ лучшей ресторанъ; за три франка вы будете сыты вездѣ, прибавьте франкъ—и васъ жажда томить не будетъ, вамъ дадутъ полбутылки медака (воз-

¹⁾ Домохозяинъ.

²⁾ Полагая въ домѣ средней величины 25 наемщиковъ, мы можемъ считать 5, которые ему платятъ по 15 фр въ мѣсяцъ, 5 по 10, 5 по 5, 5 по 2 ф. 50 с.; сверхъ того, онъ получаетъ что-нибудь отъ проприетера.—А. И. Г.

³⁾ Комиссіонный барышъ, «безгрѣшные доходы».

⁴⁾ Полицейскій.

⁵⁾ Радикальныя газеты, изъ которыхъ узнавалось то, что касалось политической жизни партій и ихъ членовъ.

можно). Прибавьте еще франкъ, — все это принесутъ на домъ. Шутка, 5 франковъ! Ну, а денегъ нѣтъ, такъ ходите за общій столъ и обѣдайте за 2 фр. и даже за 1 фр. 50 сан. съ виномъ. Держать своихъ лошадей нелѣпо; превосходныя voitures de remise ¹⁾, и прекрасныя *ситадины* и кабриолеты къ вашимъ услугамъ; цѣна назначена. Пріѣхали на балъ, въ театръ; мальчикъ отворяетъ карету и кладетъ подъ ноги доску, если грязно, за одинъ су. Шинель ваша или пальто отдается при входѣ за пять су; на что же вамъ лакей? А кто же приведетъ карету? Здѣсь нѣтъ жандармовъ, громко взывающихъ и повторяющихъ вашу фамилію; такой же мальчикъ въ блузѣ за су отыщетъ карету. Когда же крайность въ частной прислугѣ? Среди дня? Вы всегда можете за дѣломъ позвать портъе: каменнаго ли угля принести, затопить ли каминъ, бросить ли письмо въ ящикъ, но, разумѣется, онъ померъ бы со смѣху или разразился ругательствами, еслибъ вы его позвали на пятый этажъ за тѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подаль платокъ изъ другой комнаты. Да, въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отучаетъ отъ дикихъ привычекъ. Женатому горничная также не нужна: жена портъе, его дочь, сестра будетъ и одѣвать, и раздѣвать, и шнуровать, и сплетничать, словомъ, дѣлать все необходимое. Дѣти требуютъ кухарку или повара, за ними нужна нянька, но нѣтъ необходимости ихъ не отдавать въ пансіонъ; для большинства дѣтей, разумѣется, лучше, чтобъ они были въ пансіонахъ, нежели свидѣтелями всего, что дѣлается подъ родительскимъ кровомъ.

Изъ этого вы видите, что безъ частной прислуги обойтись можно... Вообразите теперь спокойствіе такой жизни; она становится мужественнѣе, чище; вообразите удовольствіе, приносимое отсутствіемъ лишняго человѣка, чуждаго, посторонняго намъ, безстрастнаго свидѣтеля всѣхъ вашихъ дѣлъ.

Постскриптумъ мой я бы посвятилъ М. П. Погодину: такъ много въ немъ франковъ и сантимовъ, но, вѣдь, я со стороны дороговизны, я радъ ей, я со стороны: «payez, Messieurs, si vous êtes assez riches» ²⁾, а утопія М. П.—жизнь безсребренная, т. е. не тратящая серебра; онъ ненавидитъ алчность *ближняю* къ деньгамъ, онъ и дальнему Лондону загнулъ: «Марѳа, Марѳа, печешеся о мнозѣ!»

¹⁾ Наемныя кареты.

²⁾ Платите, господа, если вы достаточно богаты.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Парижъ, «Avenue Marigny». Юня 20/8 1847 г.

Если я васъ огорчилъ въ прошломъ письмѣ моими замѣчаніями о парижскихъ театрахъ, то постараюсь нѣсколько утѣшить теперь. На дворѣ идетъ мелкій дождь; мокрый солдатъ въ красныхъ панталонахъ, съ прекислой рожей, прижался къ будочкѣ у стѣны Ellysée Bourbon, и на сердцѣ что-то тяжело,—самыя счастливыя условія для критики доброй, все видящей въ розовомъ свѣтѣ.

Само собою разумѣется, что не все же пошло на парижскихъ сценахъ, какъ васъ увѣряетъ второе письмо; я рѣшительно не согласенъ со вторымъ письмомъ. Въ семьѣ не безъ уroda, говаривалъ часто одинъ добрый чиновникъ, рассказывая, что его племянникъ до того пристрастился къ наукамъ, что вышелъ въ отставку. Вотъ для примѣра хоть бы и «Парижскій ветошникъ» Ф. Піа ¹⁾, котораго даютъ безпрестанно и, все-таки, желающихъ больше, нежели мѣсть въ театрѣ Porte St-Martin ²⁾. Конечно, многіе ходятъ для Фредерика Леметра, но въ пошлой пьесѣ Фредерикъ не могъ бы такъ играть. Онъ безпощаденъ въ роли «ветошника», иначе я не умѣю выразить его игры; онъ вырываетъ изъ груди какой-то стонъ, какой-то упрекъ, похожій на угрызеніе совѣсти.—Королева Викторія спросила Леметра, послѣ нѣсколькихъ сценъ, сыгранныхъ имъ изъ драмы Піа на Виндзорскомъ театрѣ, глубоко тронутая и со слезами на глазахъ: «Неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?»—«Много в. в.,—отвѣчалъ Леметръ со вздохомъ:—это парижскіе ирландцы!»

Пьеса Піа богата хорошими мѣстами, но растянута и преглупо развязана. Пожалуй, я васъ познакомлю съ ней маленькимъ очеркомъ.

Съ перваго явленія пьеса настраиваетъ васъ особенно пріятно. Зимняя ночь. Сбоку Аустерлицкій мостъ, каменная набережная Сены тянется передъ глазами; два фонаря слабо освѣщаютъ берегъ; за рѣкой видны дома, лѣсъ трубъ, который придаетъ Парижу его оригинальный видъ; кое-гдѣ мелькаютъ огоньки. На скамьѣ сидитъ оборванный чловѣкъ; изъ его словъ видно, что онъ совершенно разорился, принялся, было, за промыселъ ветошника, но и это не

¹⁾ Феликсъ, крайній республиканецъ, одинъ изъ редакторовъ «La Réforme», полковникъ національной гвардіи, въ 1849 г. бѣжалъ въ Швейцарію. Драма его «Le chiffonier de Paris» имѣла особенно шумный успѣхъ.

²⁾ Театръ Сэнъ-Мартенскихъ воротъ, специальность—мелодрамы.

идеть. Непривычный къ нищетѣ, онъ рѣшается броситься въ Сену. Но является другой ветошникъ съ своимъ фонаремъ и сильно выпивши (Леметръ); онъ въ нищетѣ, какъ рыба въ водѣ: поетъ пѣсни, покачивается и уговариваетъ своего товарища не бросаться въ воду. «Въ газетахъ будутъ говорить и имя напечатаютъ, съ разными неприятными разсужденіями»; то ли дѣло съ горя придерживаться синяго и горькаго, *trois-six, fil-en-quatre*¹⁾ и ходить въ Paul Niquet²⁾). По несчастію, тотъ не восхищается заведеніемъ Paul Niquet и предпочитаетъ смерть водою смерти спиртомъ. Пьяница сердится и уходитъ, говоря ему, что если ему очень хочется, пусть себѣ топится. Тотъ бы и утопился безъ этой встрѣчи, но, развлеченный ею, онъ подумалъ, подумалъ да и остался. Но что же онъ будетъ дѣлать, съ мрачной злобой, съ отчаяніемъ, съ недостаткомъ мужества? Онъ самъ не знаетъ. Но вотъ идетъ *commis de bureau*³⁾, съ портфелемъ... Чего тутъ думать... хватъ его дубиной по головѣ; тотъ растянулся, бѣднякъ его докончилъ, взялъ деньги и—давай Богъ ноги. Тишина. Фонари такъ же горятъ, трупъ валяется на тротуарѣ; черезъ минуту идетъ, молча, мѣрными шагами рундъ⁴⁾, видитъ мертвое тѣло и останавливается.

Вотъ торжественный входъ, вотъ каннибальскій прологъ, которымъ авторъ вводитъ васъ въ міръ голода и нищеты, роющійся подъ ногами, копающійся надъ головой,—міръ подваловъ и чердаковъ, міръ грустнаго самоотверженія и свирѣпыхъ преступленій. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Сцена представляетъ верхній этажъ, нѣчто въ родѣ чердака; съ одной стороны каморка, въ которой при тоненькой свѣчѣ шьетъ бѣдно одѣтая дѣвушка платье; съ другой,—надъ лѣстницей догадливый пропріетеръ выгадалъ нѣчто въ родѣ палатей, въ родѣ балкона, клѣтки, большого короба,—старикъ ветошникъ спитъ совсѣмъ одѣтый, на койкѣ; это—его комната. Дѣвушкѣ грустно и тяжело, бѣдность ее гнететъ, она сирота... Работа, работа и вѣчная работа изъ-за куска хлѣба, никакой радости, никакого утѣшенія! Она кончила платье—платье пышное, богатое; счастливица какая-то будетъ его носить, поѣдетъ въ немъ въ театръ, въ оперу, а она будетъ шить что-нибудь другое въ той же каморкѣ, въ печальномъ уголку своемъ,—и будто можно такъ жить въ 18 лѣтъ и съ французской кровью въ жилахъ! Марія примѣриваетъ платье, чтобъ узнать, нѣтъ ли складокъ... Дитя, она хитритъ съ собою:

1) Народныя названія разныхъ крѣпкихъ напитковъ.

2) Извѣстный тогда кабачокъ низшаго разбора.

3) Конторщикъ или артельщикъ конторы.

4) *Ronde*—полицейскій обходъ.

ей просто хочется увидѣть на себѣ такой нарядъ; одѣлась,—къ лицу ей платью, и она чуть не плачетъ; вдругъ раздается карнавальная музыка; шумъ, хохотъ, маски идутъ мимо, потомъ шумъ на лѣстницѣ, и нѣсколько швей, одѣтыхъ дебардерами ¹⁾ и гусарами, врываются въ ея комнату. Марія въ прекрасномъ платьѣ... Вотъ чудо, вотъ прелесть! въ оперу, въ оперу!.. Она не хочетъ, то есть она хочетъ, но что-то страшно, она никогда не бывала; тѣ шумятъ, уговариваютъ, шьютъ маску. Да какъ же не ѣхать! онѣ будутъ потомъ ужинать—ихъ звали, будутъ ѣсть «омара и мороженое»,—она ѣдетъ ²⁾. А ветошникъ въ это время встаетъ, зажигаетъ свой фонарь и идетъ кряхтя на работу—подбирать остатки, обглодки жизни, пронесшейся наканунѣ; ночь—его юбилейный день.

Сцена мѣняется,—«знакомыя все лица»: одинъ изъ кабинетовъ Maison d'ог ³⁾, откуда... увы! я такъ часто выходилъ *рано утромъ*, послѣ обѣда, безъ васъ, любезные друзья. Каминъ горитъ, лампы, свѣчи, зеркала—блескъ такой, посѣтителей много; кто воротился изъ оперы еще въ маскарадномъ платьѣ безъ маски, кто сидѣлъ тутъ цѣлый вечеръ; одни заказываютъ ужинъ, спорятъ о блюдахъ, другіе требуютъ вина; какой-то молодой человѣкъ, развалясь съ сигарой на креслѣ, философствуетъ; всѣ ждутъ дебардеровъ; вотъ и онѣ—веселы, живы, кто садится на столъ, кто полькируетъ, кто пьетъ. Ихъ обнимаютъ, ихъ угощаютъ, съ ними любезничаютъ—такъ, какъ вы, *mon caro* ⁴⁾, знаете очень хорошо, и такъ, какъ вы, *mon mia* ⁵⁾, никогда не узнаете. Но наша бѣдная дѣвушка, въ первый разъ попавшаяся въ такую компанію, перепуганная, не знаетъ, что дѣлать; она инстинктомъ поняла оскорбленіе, поняла что-то неловкое, дурное во всемъ этомъ, она взволнована. Сначала ее не замѣчаютъ, потомъ добрались и до нея, начинаютъ преслѣдовать, интриговать, требуютъ, чтобъ она сняла маску; она не снимаетъ,—срываютъ маску; робкая и пугливая, она не знаетъ, что дѣлать. По счастью, философъ съ сигарой защитилъ ее отъ дикихъ выходокъ своихъ товарищей; его поразилъ невинный и страждущій видъ дѣвушки, онъ даже взялся проводить ее до дому. И вотъ опять ея комната на сценѣ. Она еще не возвращалась; какая-то женщина въ салопѣ приходила тайкомъ, пошныряла въ комнатѣ,

¹⁾ Ряженныя въ костюмахъ рабочихъ-грузчиковъ (съ баржей).

²⁾ Живость, ловкость подобнаго рода сценъ на парижскихъ театрахъ превосходитъ всякое описаніе. Вообще добросовѣстность изученія ролей здѣсь доведена до невѣроятности.—А. И. Г.

³⁾ «Золотой домъ»—очень роскошный и весьма дорогой ресторанъ.

⁴⁾ Мой дорогой.

⁵⁾ Дорогая моя.

потомъ ушла. Является и Марія, расплаканная и огорченная; сверхъ всего остального, платье залито, изодрано. Ну, вотъ ей и опера, и этотъ шумъ свѣта, о которомъ она мечтала; раскаяніе, стыдъ и горе,—вотъ что осталось отъ всего. Въ порывахъ негодованія и досады она рѣшается лишить себя жизни,—у ней никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ стараго ветошника, друга-сосѣда, сосѣда-отца. Она пишетъ къ нему записку, кладетъ ее ему на столъ и приготовляетъ все нужное для угара. Но вдругъ раздается крикъ новорожденного... Она смотритъ,—на ея кровати подброшенное дитя. Вы знаете великую физиологическую симпатію между женщиной и ребенкомъ. Марія рѣшается жить, потому что ей некуда дѣтъ ребенка... не покинуть же его безпомощнаго, слабаго такъ. Между тѣмъ и старикъ вскарабкался въ свою клѣтку съ корзинкой всякой дряни, съ костями, которыя перешли отъ барина къ слугѣ, отъ слуги къ собакѣ, отъ собаки достались ветошнику; но на этотъ разъ находка была получше: рѣге Jean нашель десять тысячъ франковъ банковыми ассигнаціями; старикъ мечтаетъ о наградѣ, которую дадутъ ему, когда онъ возвратитъ деньги,—вдругъ ему попадается записка Маріи, онъ бѣжитъ къ ней, и что же?—находитъ ее съ новорожденнымъ. «Такъ вотъ оно что!»—и онъ, какъ громомъ пораженный, падаетъ на стулъ.

Да что у него за отношенія къ Маріи, что онъ на старости лѣтъ влюбленъ въ нее? или что за странная дружба сѣдого старика съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой? Онъ влюбленъ въ нее; онъ любитъ ее, какъ отецъ; онъ любитъ ее, какъ другъ; безпредѣльно-нѣжное чувство его къ Маріи совершенно понятно, особенно понятно во Франціи, всего понятнѣе въ Парижѣ. Бѣдные люди въ Парижѣ иногда впадаютъ въ какую-то одичалость, въ кретинизмъ даже, особенно приходящіе въ Парижъ искать работы,—всѣ эти савояры, оверньяты¹⁾; но это—исключеніе, исключеніе, къ которому принадлежатъ уличныя нищіе. Собственно, парижскіе бѣдняки имѣютъ, сверхъ затаеннаго негодованія, голову, поднятую вверхъ, они психически развиты гораздо болѣе, нежели вы предполагаете въ этихъ организаціяхъ, блѣдныхъ отъ дурнаго воздуха, отъ гнетущей нужды, отъ непрерывныхъ лишеній, отъ зависти... да отъ зависти!... («Ну, ужъ это скверно!» Разумѣется, любезный моралистъ,—что же вы покраснѣли?). Въ душѣ ихъ есть что-то, вѣрно чувствующее, мѣтко понимающее и притомъ безпредѣльно грустное и нѣжное; чистота и нравственность далеко не чужды имъ. Развратъ имѣетъ свои пре-

¹⁾ Уроженцы Савои и Оверни, большею частью угольщики и черно-рабочіе.

дѣлы; опускайтесь по лѣстницѣ общественныхъ положеній,—вы будете съ каждымъ шагомъ находить болѣе и болѣе пороковъ и гадостей, но опуститесь на самое дно, вы найдете столько же добра и нравственности, сколько паденія и преступнаго; развратъ самый гнусный—принадлежность низшаго слоя буржуазіи, а не народа, не работника. Знаете ли, что народъ, что бѣдняки берегутъ свою репутацию, что они рѣдко протянутъ руку прохожему, а если и протянутъ, то не унижаясь, что они не всегда возьмутъ на водку и почти никогда не попросятъ. Это не англичане, не нѣмцы, это—парижане.

Парижскій воздухъ—великое дѣло; онъ во всѣ шесть или семь этажей, въ чердаки и подвалы, въ антресоли и первые этажи, въ трубы и щели дуетъ однимъ и тѣмъ же; буржуазія закрываетъ ставни, конопатитъ дыры отъ него, но бѣднякъ не прячется, и онъ ему навѣваетъ разныя мысли; ветошникъ, найдя минуту покоя, вытаскиваетъ вчерашнюю газету и читаетъ, закусывая черствымъ хлѣбомъ. Масса стремленій, понятій и мыслей, проникнувшая въ низшіе классы и поддерживающая лихорадочное и болѣзненное расположеніе духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница ихъ нравственности; теряя ее, бѣдняки впадаютъ въ страшную жизнь «парижскихъ тайнъ», съ нею—они типы героевъ Ж. Сандъ. Такова Марія, но, вѣдь, и рѣге Jean таковъ, вѣдь, и это—чисто парижскій продуктъ, «грибъ, выросшій на парижскомъ навозѣ»; его колыбель, родина, училище—улица, на которую его выбросили тотчасъ послѣ рожденія; добрые люди не дали умереть съ голоду, и онъ остался въ живыхъ, по насмѣшливой прочности и упорности жизни тамъ, гдѣ жить невозможно. Онъ и росъ кой-какъ на улицѣ,—разумѣется, ремеслу никакому не научили, кому до него дѣло... Выросъ, наконецъ, сдѣлался ветошникомъ, пропи-валъ все вырученное, потомъ бросилъ trois-six и такъ вжился въ свою долю, что и не ропщетъ: ему кажется совершенно въ порядкѣ зажечь ночью фонарь и итти подбирать тряпки и лоскутья. Онъ отроду не видалъ поля, зелени, онъ жилъ, какъ мокрица, на сырыхъ каменныхъ стѣнахъ и ползалъ по ночамъ по узкимъ, темнымъ переулкамъ. Семьи у него не было: онъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть семью; любить ему состояніе не позволяло. Недаромъ, однако же, рѣге Jean лѣтъ шестьдесятъ таскался по улицамъ и смотрѣлъ на это многообразіе движущейся жизни; онъ философъ, онъ мудрецъ, а, главное, онъ—характеръ. Встрѣтившись на томъ же краю бѣдности, на которомъ самъ стоялъ, съ Маріей, онъ тотчасъ понялъ, какого закала эта дѣвушка, и онъ полюбилъ ее всею той любовью и всѣми тѣми любвями, которыхъ не было у него въ

жизни: у него явилась дочь, другъ. Марія—его семья, его отдыхъ, единственное человѣческое утѣшеніе, она его поэзія, его trois-six, его примиреніе съ жизнью,—отвѣтъ на все то, на что обстоятельства не дали отвѣта, а парижскій воздухъ далъ вопросъ. Онъ сталъ ея сторожемъ, ея хранителемъ. Разумѣется, новорожденный поразилъ старика, такъ вполнѣ вѣровавшаго въ ея чистоту, въ ея откровенность. Дѣло объяснилось, но ребенокъ вовлекаетъ опять въ траты; ему надобно молоко,—средствъ нѣтъ; десять тысячъ лежатъ неприкосновенными, о нихъ и думать не смѣютъ. Марія рѣшается просить дочь барона, на которую она работаетъ, чтобы она простила ей и не заставляла бы зарабатывать испорченного платья.

Въ пышной гостиной сидитъ баронъ съ дочерью; онъ что-то не въ мѣру безпокоенъ, она не въ мѣру грустна, а тутъ эта дѣвчонка со вздорными требованіями да еще сама говоритъ, что ей деньги нужны для ребенка. «Какого ребенка?»—Мнѣ подкинули.—«Когда?»—12 февраля. Баронъ, знающій жизнь, начинаетъ журить дѣвушку, безъ обиняковъ говоритъ, что это ея ребенокъ, что онъ ей ничего не дастъ, что онъ не поощряетъ безпорядковъ и распутства, наконецъ, бранить ее, что она смѣла его дочери говорить о такихъ непристойностяхъ. Марія уходитъ, взволнованная и удивленная. Отецъ въ бѣшенствѣ, дочь смущена; дѣло становится ясно: 12 февраля родила она; отецъ, чтобъ спрятать концы въ воду, далъ десять тысячъ франковъ доброй и услужливой повивальной бабкѣ, г-жѣ Потаръ, чтобы она уничтожила, *стюпримировала* ¹⁾ ребенка; у г-жи Потаръ сердце нѣжное, нервы слабы до того, что она не могла подняться до высоты задачи, которою ее почтило довѣріе барона,—она не убила ребенка, а подбросила его бѣдной дѣвушкѣ. Второпяхъ деньги были потеряны (и рѣе Jean ихъ нашелъ). Баронъ дѣлаетъ строжайшій выговоръ г-жѣ Потаръ и даетъ еще 10 тысячъ франковъ, чтобъ радикальнѣе сбыть съ рукъ ребенка... Ребенокъ пропалъ, и пока Марія въ отчаяніи не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, является полиція.—«Марія Дидье, васъ обвиняютъ въ дѣтоубійствѣ».—«Меня?»—спрашиваетъ испуганная дѣвушка.—«Вашего ребенка нашли утопленнымъ въ канавѣ». Дикій крикъ вырывается изъ устъ Маріи въ отвѣтъ на страшную вѣсть и на гнусное обвиненіе. Нервы г-жи Потаръ оказались на этотъ разъ исправнѣе.

Марія любима, любима нѣжно, страстно молодымъ человѣкомъ, который проводилъ ее съ бала; онъ (какъ не премѣнно воображаютъ нужнымъ писатели французскихъ пьесъ)—женихъ бароно-

1) Supprimer—прекратить.

вой дочери. Но что ему до нея со всѣмъ ея богатствомъ? Онъ нашель ту дѣву, о которой мечталъ, онъ узналъ Марію, изучиль ее, онъ хочеть жениться на ней.—Погодите, молодой человѣкъ, ваша невѣста, ваша неземная дѣва въ толпѣ колодниковъ, развратницъ, въ тюрьмѣ; ее судять за дѣтоубійство, ея имя попало уже въ «Gazette des Tribunaux» и разнеслось отъ кафе до дворцовъ, и послужило темой моральныхъ разсужденій для толстыхъ мѣщанокъ и жирныхъ мѣщанокъ.

Ветошникъ не спить. Объявлено въ афишахъ, что 12 февраля потеряны 10 т. фр. билетами ночью въ кварталѣ Saint-Lazare и что нашедшій можетъ явиться къ г-жѣ Потаръ, повивальной бабкѣ, за приличнымъ награжденіемъ. Это не-спроста,—подумалъ père Jean,—надѣлъ на себя лучшее платье, старый фракъ, который ему не впору, купленный гдѣ-нибудь на толкунѣ, панталоны съ заплатами и отправился къ г-жѣ Потаръ. Тутъ вы видите другую сторону бѣдняка: хитрость, умѣнье владѣть собою, непреклонную, неуступчивую волю,—свойства, столько-же необходимыя бѣдняку, какъ казачу на кавказской границѣ: тотъ и другой безпрерывно лицомъ къ лицу съ хитрымъ и злымъ врагомъ. Леметръ въ этой сценѣ удивителенъ. Père Jean успѣлъ выманить у Потаръ доказательство, что ребенокъ родился отъ бароновой дочери. Теперь онъ явится во весь ростъ обвинителемъ. Но знаете-ли, кто баронъ? Баронъ—человѣкъ, совершившій убійство на Аустерлицкой набережной. Онъ богатый и сильный, не соперникъ ветошнику; ветошникъ обмануть (сцена неловкая, трудная для актера и скучная для зрителя) и, мало того—отданъ подъ судъ, какъ находящійся въ сильномъ подозрѣніи убійства: у него нашли портфель съ именемъ убитаго. Все въ порядкѣ, какъ надобно было ожидать, но тутъ нелѣпая сцена въ тюрьмѣ, украденная изъ Шиллеровой пьесы «Коварство и любовь», гдѣ Вурмъ заставляетъ писать Луизу; баронъ уговариваетъ Марію для спасенія молодого человѣка, за котораго онъ хотѣлъ выдать свою дочь, принять на себя преступленіе, обѣщаясь спасти ее послѣ сентенціи; молодой человѣкъ остался вѣренъ, остался убѣжденъ въ ея невинности, непоколебимъ въ своей любви... Вдругъ сознаніе! Марія присуждена къ ссылкѣ. На сценѣ судебное мѣсто; у дверей сидитъ между двумя солдатами ветошникъ,—онъ успѣлъ одичать, что-то похожъ на звѣря. На улицѣ разносчикъ кричить: «Marie Didier, infanticide, avec des détails intéressants... Pour un sou!»¹⁾ Старика начинаютъ допрашивать, но онъ о себѣ и говорить не хочеть: онъ умоляетъ разобрать дѣло Маріи; его

¹⁾ «Марія Дидье, дѣтоубійца, съ интересными подробностями. Одно су!»

не слушаютъ, ему велятъ молчать, онъ плачетъ, онъ рветъ свои волосы; онъ, никогда не становившійся на колѣни, валяется передъ судьями; судья приказываетъ, муниципалу выбросить его за дверь— *la toile, la toile!* ¹⁾ Чего еще?.. Но Пиа прибавилъ мелодраматическую развязку. Пьесу онъ этимъ сгубилъ и растянулъ, Леметру доставилъ еще удивительную сцену съ г-жей Потаръ ²⁾, а публикѣ— примиряющій, услаждающій финалъ въ буржуазномъ духѣ ³⁾.

Если вамъ, однакожь, столько же надоѣло слушать о ветошникѣ, сколько мнѣ говорить, то я не вижу причины, отчего и не кончить, т. е. не начать чего-нибудь другого. Да и что такое *Porte-St-Martin!* пойдите въ *Palais-Royal* ⁴⁾; но... увы! *Palais-Royal* пересталъ быть сердцемъ Парижа съ тѣхъ поръ, какъ изъ него извели (какъ изъ Берлина впоследствии) лучшее население его. Онъ сталъ слишкомъ нравствененъ, слишкомъ добродѣтеленъ. Парижъ переѣхалъ изъ него; Парижъ начинается, по словамъ «Шаривари», съ бульвара *des Capucines* ⁵⁾ и оканчивается *Maison d'or*, т. е. Парижъ—Итальянскій бульваръ. «Есть, прибавляетъ ученый издатель, баснословные слухи о какомъ-то бульварѣ Пуасоньеръ ⁶⁾, но кто же знаетъ о его существованіи? Что же касается до бульвара Бомарше ⁷⁾,—это просто полицейская выдумка, нарочно распущенный слухъ». Но дѣлать нечего, пойдите въ *Palais-Royal* и, именно, въ *Théâtre Français* ⁸⁾.

Сей кубокъ мы минувшимъ днямъ!..

¹⁾ Занавѣсъ, занавѣсъ!

²⁾ Съ какою тщательностью французы ставятъ пьесы, можетъ служить примѣромъ появленіе на одну минуту шпіона къ г-жѣ Потаръ. Онъ является сказать два слова. И что это за верхъ прелести! Разодѣтъ, изукрашенъ цѣпочками, отличнѣйшій боберъ, бакенбарды, тросточка въ рукѣ, а такъ и видишь, что это шпіонъ, въ каждомъ движеніи шпіонъ! И гдѣ они изучили этотъ типъ?—А. И. Г.

³⁾ Я говорилъ объ этомъ Ф. Пиа; онъ совершенно со мной согласенъ, но замѣтилъ, что я не знаю французской публики, что пьеса пала бы безъ утѣшительнаго окончанія, что французы не любятъ выходить изъ театра *avec un sentiment pénible* ⁹⁾. Я думаю, что Ф. Пиа правъ! (1857)—А. И. Г.

⁴⁾ Знаменитое парижское зданіе, построенное сначала для кардинала Ришелье и долго служившее резиденціею Орлеанскихъ принцевъ—братьевъ королей.

⁵⁾ Бульваръ Капуциновъ — начало громаднаго бульвара, второе звено котораго называется Итальянскимъ и отличается самыми дорогими магазинами и ресторанами.

⁶⁾ Очень близкій къ Итальянскому.

⁷⁾ Дальній бульваръ, около площади Бастили.

⁸⁾ «Французскій театръ», принадлежащій государству. Приглашаются

⁹⁾ Съ тяжелымъ чувствомъ.

Théâtre Français познакомилъ меня съ однимъ драматическимъ авторомъ, котораго я не зналъ..... Вы думаете,—съ Гюго, Дюма, Сулье? ¹⁾... Нѣтъ, всѣ эти господа, если не такъ противно пишутъ, какъ Скрибъ, то въ своемъ родѣ скучнѣе и неестественнѣе. У Скриба, по крайней мѣрѣ, жизнь изъ-за прилавка—да и на сцену, а у этихъ все какіе-то сумасшедшіе разныхъ вѣковъ ходятъ расстрепанные по сценѣ, машутъ руками, кричатъ, и всѣ помѣшались на одномъ пунктѣ—на риторикѣ. «Съ кѣмъ же вы познакомились въ Théâtre Français?» Съ Расиномъ. «Неужели вы его прежде не читали?»—спрашиваете вы, краснѣя за меня.—За кого же вы меня принимаете—

A peine nous sortions des portes de Trézène
Il était sur son char... ²⁾.

Я его твердилъ на память лѣтъ девяти, а потомъ читалъ лѣтъ пятнадцати, но это было уже поздно. Имѣвъ счастье завершить начальное образованіе подъ маханье «Московского Телеграфа» и подъ теорію російскаго романтизма, я посматривалъ свысока на чело-вѣка трехъ аристотелевскихъ единствъ, чело-вѣка, говорящаго «Vous» и «Madame» устами гомеровскихъ богатырей. Нѣмецкая эстетика убѣдила меня, что во Франціи искусства никогда не было, что, собственно, искусство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ, словомъ, отъ Франкфурта-на-Одерѣ до Франкфурта-на-Майнѣ. А потому и Расина читалъ я больше для того, чтобъ вполнѣ понять красоту трагедіи Гувальда и Мюльнера ³⁾. Наконецъ, я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью и научился понимать его. Это очень важно, болѣе важно, нежели кажется съ перваго взгляда, это—оправданіе двухъ вѣковъ, т. е. уразумѣніе ихъ вкуса. Расинъ встрѣчается на каждомъ шагу съ 1665 года и до реставраціи; на немъ были воспитаны всѣ эти сильные люди XVIII вѣка. Неужели всѣ они ошибались, Франція ошибалась, міръ ошибался? Людовикъ XVI въ томномъ и мрачномъ заточеніи читалъ ежедневно Расина съ своимъ сыномъ и заставлялъ его твердить на

лишь выдающіеся артисты. Труппа обязана три раза въ недѣлю играть пьесы французскаго классическаго репертуара.

¹⁾ Фредерикъ, французскій романистъ и драматургъ, пользовавшійся тогда большимъ успѣхомъ.

²⁾ Только что мы выходили изъ воротъ Трезены, онъ былъ (уже) на своей колесницѣ...

³⁾ Кристофъ-Эрнстъ Гувальдъ и Амедей-Готфридъ Мюльнеръ—нѣмецкіе драматурги; для образованнаго общества другихъ странъ они остались совершенно безвѣстны.

память... И, дѣйствительно, есть нѣчто поразительно-величавое въ стройной, спокойно развивающейся рѣчи расиновскихъ героевъ; діалогъ часто убиваетъ дѣйствіе, но онъ изященъ, но онъ самъ—дѣйствіе; чтобъ это понять, надобно видѣть Расина на сценѣ французскаго театра: тамъ сохранились преданія стараго времени, преданія о томъ, какъ созданы такія-то роли Тальмой ¹⁾, другія Офреномъ, Жоржъ ²⁾...

Актеры съ нѣкоторой робостью выступаютъ въ расиновскихъ трагедіяхъ, это—ихъ пробный камень; тутъ невозможно ни одно не художественное движеніе, ни одинъ мелодраматическій эффектъ, тутъ нѣтъ надежды ни на группу, ни на декорации, тутъ два-три актера, какъ статуи на пьедесталѣ: все устремлено на нихъ. Сначала дикція ихъ, чрезвычайно благородная и выработанная, можетъ показаться изысканной, но это не совсѣмъ такъ: торжественность эта, величавость, рельефность каждаго стиха идетъ духу расиновскихъ трагедій. Пожалуй, нѣкоторыя позы на парѣнонскихъ барельефахъ можно назвать изысканными именно потому, что ваятели исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы; жизнь, поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ пластическій и музыкальный строй; тутъ движеніе должно быть граціей, слово — стихомъ, чувство—пѣсню. Но вы болѣе любите иной міръ,—міръ, воспроизводящій жизнь во всей ея истинѣ, въ ея глубинѣ, во всѣхъ изгибахъ свѣта и тьмы, словомъ, міръ Шекспира,—любите его, но развѣ это мѣшаетъ вамъ остановиться, надолго остановиться передъ Аполлономъ, передъ Венерой? Что за католическая исключительность! Пониманье Бетховена развѣ отняло у васъ возможность увлекаться полькой, таять отъ наслажденія, когда Тальони, бывало, танцуетъ качучу (ахъ, какъ жаль, что она потолстѣла и состарѣлась, и въ сорокъ пять лѣтъ не нажила истиннаго друга, который бы ее не пускалъ на сцену!)?

Входя въ театръ, когда даютъ Расина, вы должны знать, что съ тѣмъ вмѣстѣ вы входите въ *иной* міръ, имѣющій свои предѣлы, свою ограниченность, но имѣющій и свою силу, свою энергію и высокое изящество въ своихъ предѣлахъ. Какое право имѣете вы судить художественное произведеніе внѣ его собственной почвы, даже внѣ исторической, національной почвы? Вы пришли смотрѣть Расина,—отрѣшитесь же отъ фламандскаго элемента: это—отрасль итальянской школы; берите его такимъ, чтобъ онъ далъ то, что

¹⁾ Франсуа-Жоржъ, премьеръ французскаго театра при Наполеонѣ I.

²⁾ Превосходная актриса на трагическія роли.

онъ хочетъ дать, и онъ дастъ много прекраснаго. Конечно, онъ не удовлетворитъ всему, чего жаждетъ ваша душа, но позвольте же еще разъ спросить: а весь греческій Олимпъ, а всѣ греческіе типы, статуи, герои трагедій удовлетворяютъ васъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я это испыталъ на себѣ. Въ греческихъ статуяхъ вездѣ выражается спокойное наслажденіе, торжество мѣры, торжество равновѣсія, торжество красоты, но съ тѣмъ вмѣстѣ вы видите, что покой достигнутъ потому, что требованіе было бѣдно, потому, что эти олимпійцы удовлетворялись немногимъ. Одно изъ величайшихъ достоинствъ греческаго ваянія — полнѣйшее отрѣшеніе чувственной формы отъ всего чувственнаго: Венера медицейская такъ же мало говоритъ чувственности, какъ Магдалина Мурильо; но зато не ищите въ греческомъ искусствѣ того знойнаго сладострастія, которое пышетъ изъ каменныхъ чертъ египетскихъ барельефовъ,—вспомните эти страстные, отравляющіе, опьяняющіе глаза, особо разсѣченные и суженные къ вискамъ. Съ другой стороны, въ греческомъ искусствѣ нѣтъ и не могло быть элемента, развитаго міромъ христіанскимъ, элемента романтическаго, того сосредоточеннаго въ духѣ, того глубоко-страдальческаго, не удовлетвореннаго, жаждущаго, стремящагося, который вы можете изучить въ комнатахъ Катерины Медичи, гдѣ разставлены испанскія картины. Для грековъ мы сдѣлали почетное исключеніе: мы ихъ судили, какъ грековъ, въ ихъ сферѣ; будемте такъ же судить Расина, Корнеля,—обогатимте себя и ими! Я не стану болѣе говорить о Расинѣ, потому что ни вы, вѣроятно, не расположены слушать о немъ, ни я не чувствую лагарповскаго ¹⁾ призванія понемногу забыть минуты истиннаго наслажденія, доставленныя мнѣ его трагедіями, особенно «Британникомъ». Неронъ выдержанъ, замышленъ, исполненъ удивительно, и что за смѣлая мысль—представить медовый мѣсяцъ тиранства тирана въ зародышѣ, тирана будущаго, слагающагося, и притомъ еще представить его слабохарактернымъ, такъ что становится понятно, что и свирѣпость его, и отсутствіе въ немъ всего человѣческаго частью основано на слабой, дрянной натурѣ его ²⁾. Рашель играла Агриппину. Это—шалость гениальной актрисы, шалость, основанная на глубокомъ знаніи собственной силы,—такая же натяжка, какую Марсъ ³⁾ дѣлала въ послѣдніе годы, играя молоденькихъ дѣвочекъ. Она вы-

¹⁾ Жанъ-Франсуа Лагарпъ, французскій критикъ и поэтъ.

²⁾ Очень жаль, что Бовалэ дурно понялъ роль Нерона: онъ ни на минуту не забываетъ, что Неронъ тиранъ, и ни разу не вспомнитъ, что онъ Неронъ, а еще самъ сочиняетъ трагедіи да вѣдь какія!...—А. И. Г.

³⁾ Знаменитая французская актриса, превосходная въ пьесахъ Мольера.

шла торжествующей, но имѣй фантазію Сведенборга и то не представишь себѣ, чтобы Бовалэ (Неронъ) былъ сыномъ Рашели.

Что же вамъ сказать о ней? Фельетоны всѣхъ газетъ давно все рассказали. Она не хороша собой, не высока ростомъ, худа, истомлена; но куда ей ростъ, на что ей красота, съ этими чертами рѣзкими, выразительными, проникнутыми страстью?! Игра ея удивительна: пока она на сценѣ, что бы ни дѣлалось, вы не можете оторваться отъ нея; это слабое, хрупкое существо подавляетъ васъ; я не могъ бы уважать человѣка, который не находился бы подъ ея вліяніемъ во время представленія. Какъ теперь вижу эти гордо надутыя губы, этотъ сжигающій, быстрый взглядъ, этотъ трепеть страсти и негодованія, который пробѣгаетъ по ея тѣлу! А голосъ,— удивительный голосъ! — онъ умѣетъ приголубить ребенка, шептать слова любви и задушить врага, и исполниться злобы, гнѣва, суровости; голосъ, который походитъ на воркованье горлицы и на крикъ уязвленной львицы. Я на сценѣ ничего не видалъ выше свиданія ея съ Елизаветой въ «Маріи Стюартъ» ¹⁾. Рашель составляетъ средоточіе трагической труппы, она—идеаль, которому подражаетъ старый и малый, мужчины и женщины..... до смѣшного; вся труппа французскаго театра оттопыриваетъ губы, какъ она, всѣ басы и дисканты стараются говорить ея голосомъ. Жоржъ не играетъ больше,—она заводитъ драматическіе вечера, но они еще не начались. Я ее не видалъ.

Разставаясь съ Théâtre Français, какъ же не сказать чего-нибудь о Юдиѣи? ²⁾ А впрочемъ, что сказать, не знаю: игру ея трудно видѣть, потому что все смотришь на ея прекрасные глаза, на ея милое, исполненное граціи лицо. Она не красавица: во Франціи вообще нѣтъ красавицъ, но ея gentillesse ³⁾ совершенно французская, несмотря на то, что имя напоминаетъ «почтеннаго фельд-маршала Олоферна» и невѣжливый поступокъ съ нимъ одной дамы ⁴⁾. Да какая же это исключительно французская красота? Она чрезвы-

¹⁾ Какъ бы я желалъ ее видѣть, когда она, разъярившись на Верона ⁰⁾, сказала ему, что онъ плутъ. «Сударыня»,—отвѣчалъ онъ, какъ самъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ,—«я еще ни разу не слыхалъ, чтобы кто-нибудь меня такъ назвалъ».—«Ну вотъ вамъ и случай услышать въ первый разъ!» возразила Рашель (1854).—А. И. Г.

²⁾ Judith, родственница Рашели, славилась выдающеюся «еврейскою красотою», прекрасная актриса, особенно въ амплуа «энженю» (ingénue).

³⁾ Пріятная, изящная миловидность.

⁴⁾ Намекъ на библейскую Юдиѣю, отрубившую голову Олоферну.

⁰⁾ Пьеръ, продажный франц. журналистъ изъ наполеоновскихъ рептилій.

чайно легко уловима: она состоитъ въ необыкновенно граціозномъ сочетаніи выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, раскрытости, которое для меня увлекательнѣе одной пластической красоты, всепоглощающаго изящества породы, формъ античныхъ статуй, итальянокъ и вообще красавицъ. Быть красавицей—несчастіе, красавица—жертва своей наружности: на нее смотрятъ, какъ на художественное произведеніе, въ ней ничего не ищутъ далѣе наружности. Французская красота чрезвычайно человѣчественна, социальна; она далеко отъ германо-англійской надтѣльности, заставляющей проливать слезы о грѣхахъ міра сего, о слабостяхъ его, толико сладкихъ; она далека и отъ андалузской чувственности, отъ которой сердце замираетъ и захватываетъ духъ. Она не въ одной наружности, не въ одной внутренней жизни, а въ ихъ созвучномъ примиреніи. Такая красота—результатъ жизни, жизни поколѣній, цѣлаго длиннаго ряда вліяній органическихъ, психическихъ и социальныхъ; такая красота воспитывается вѣками, вырабатывается преемственнымъ устройствомъ быта, нравовъ, достается въ наслѣдіе, развивается средою, внутренней работой, дѣятельностью мозга: такая красота—фактъ цивилизаціи и народнаго характера. Изрѣдка встрѣчаешь подобную красоту между польскими и русскими аристократическими дамами, и это, по-моему, высокое свидѣтельство въ пользу славянской крови. Вы не обижайтесь моимъ «изрѣдка»; мы потому *изрѣдка* находимъ такую красоту у насъ, что число женщинъ, призванныхъ къ развитію, гораздо ограниченнѣе. Кто не замѣчалъ, насколько женщины въ нашемъ народѣ хуже мужчинъ? Женщина въ крестьянствѣ слишкомъ задавлена, слишкомъ работница, слишкомъ *безлична*, слишкомъ «баба», чтобъ быть красивой. Какъ только переѣдешь границу, бросается въ глаза некрасивость нѣмецкихъ крестьянъ и улучшение женщинъ, особенно по городамъ; этому много способствуетъ, между прочимъ, умѣнье держаться; самая бѣднѣйшая горничная не выйдетъ на улицу, не пригладивши волосъ и не оправившись; я не видалъ растрепанныхъ головъ, разстегнутыхъ платьевъ, цинизма женской нечистоплотности съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ псковской гостиницей и съ жидовскими станціями въ Ковенской губерніи ¹⁾. Эта любовь къ опрятности показываетъ, какъ ужъ намъ случалось замѣтить, старую цивилизацію и уваженіе къ себѣ, чувство собственнаго достоинства и, слѣдственно, понятіе о личности; я, разумѣется, говорю не объ отвлеченномъ понятіи личности и ея гражданскихъ правахъ, а о томъ инстинктуальномъ понятіи, которое такъ очевидно въ самыхъ низ-

¹⁾ Тогда я еще не былъ въ Англии (1858).—А. И. Г.

шихъ классахъ европейскихъ государствъ, совершенно независимо отъ ихъ политическаго устройства,—въ Испаніи, въ Англіи, въ Италиі и во Франціи.

Но воротимся къ театрамъ; въ томъ же Palais-Royal, гдѣ во французскомъ театрѣ Рашель потрясаетъ сердце, Левассеръ потрясаетъ въ театрѣ Пале-Рояля всю грудь хохотомъ безъ конца, хохотомъ до слезъ, до истерики. Левассеръ—полнѣйшее выраженіе французской веселости, беззаботности, простодушной дерзости, острогаума, шалости, *gaminerie* ¹⁾). Что за быстрота, что за неуловимость, что за богатство средствъ! Левассеръ такъ же принадлежитъ, такъ же необходимъ Парижу, какъ Шеллингъ—Берлину. Все, что вы видѣли съ неудержимымъ смѣхомъ въ картинахъ Гаварни ²⁾, все, что заставляетъ хохотать въ «Шаривари» ³⁾ и «Корсеръ» ⁴⁾—все это перенесено въ дѣйствіе, оживлено Левассеромъ. И въ этомъ отношеніи онъ мнѣ нравится гораздо больше Буффѣ ⁵⁾, больше старика Вернэ ⁶⁾, больше талантливаго Арналя ⁷⁾; тѣ превосходные актеры всякой сцены и этимъ, можетъ быть, выше Левассера, но тѣмъ Левассеръ и лучше ихъ, что онъ актеръ французскій—да и то нѣтъ,—а парижскій, актеръ Пале-Рояля: дерзость, наивность, непристойность, грація, канканъ, фейерверкъ! И какимъ лицомъ судьба наградила этого челоуѣка: худой съ острыми маленькими чертами, за которыми спрятано втрое больше мускуловъ, нежели извѣстно въ анатоміи Бона, и всѣ они двигаются во всѣ четыре стороны; отъ этого онъ дѣлаетъ изъ лица все, что хочетъ, такъ, какъ фокусникъ изъ складной бумаги то сдѣлаетъ сапогъ, то паромъ, то жабо. Рассказывать его игру невозможно, ее надобно видѣть и, мало того, надобно войти во вкусъ, т. е. привыкнуть, чтобъ ловить несущіеся на всѣхъ парахъ *trains de plaisir* ⁸⁾ остротъ и шалости языка, глазъ, голоса, ногъ.

Отъ Рашели мы перешагнули къ Левассеру, отъ слезъ участія—къ смѣху до слезъ; теперь перейдемъ отъ этого веселаго смѣха къ смѣху презрѣнія и негодованія, отъ милыхъ шутокъ и потока каламбуровъ Левассера къ пошлымъ и тяжелымъ фарсамъ,

¹⁾ Мальчишество.

²⁾ Псевдонимъ знаменитаго франц. каррикатуриста Сюльписъ-Гильомъ Шевалье.

³⁾ Лучшій тогда сатирической журналъ съ каррикатурами.

⁴⁾ Сатирической журналъ.

⁵⁾ Мари, франц. актеръ.

⁶⁾ Викторъ, артистъ франц. труппы въ Спб.

⁷⁾ Этіенъ, знаменитый франц. актеръ.

⁸⁾ Специально назначаемые скорые поѣзда для экскурсій и праздничныхъ поѣздокъ.

въ которыхъ актеры старой школы другъ друга ругаютъ, другъ друга надуваютъ, другъ другу даютъ пощечины для общественнаго удовольствія. Тутъ на первомъ планѣ модная комедія «Эмиль Жирарденъ и продажное пѣрство» ¹⁾. Только вспомню, какъ я на бенефисѣ Жирардена сидѣлъ въ трибунѣ съ 12 часовъ до половины седьмого, поддерживая двухъ французовъ, одного англичанина, свою собственную шляпу и бороду сосѣда съ правой стороны, опираясь на почтеннаго посѣтителя, сидѣвшаго передо мною, въ половинѣ іюня ²⁾, градусовъ на пятьдесятъ жары, — такъ и захочется опять выйти на чистый воздухъ... Прощайте.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Парижъ, 15/3 сентября 1847 г.

Мнѣ на роду написано никогда не писать писемъ о томъ, о чемъ предполагаю. Даже «Письма объ изученіи природы» остановились именно тамъ, гдѣ слѣдовало начать о природѣ. Судьба или, какъ любилъ выражаться одинъ древній писатель (Викторъ Гюго), Ананкэ ³⁾! Вы знаете очень хорошо, что можетъ сдѣлать слабый человѣкъ противъ Ананкэ, хотя бы она являлась не съ козой, не съ фанданго, не съ маленькими ножками и огненными глазками цыганки, какъ случилось съ нотрдамскимъ архидіакономъ. У меня было твердое намѣреніе рассказать вамъ о благородномъ турнирѣ, на которомъ рыцарь газеты «Presse» такъ отважно напалъ на Кастора и Полукса министерскихъ лавокъ, о турнирѣ, доставившемъ маленькое разсѣяніе добрымъ буржуа, скучающимъ въ пользу отечества въ Palais Bourbon. Но пока я собирался со славянской медленностью, здѣсь случилось столько турнировъ, кулачныхъ боевъ, травль, чрезвычайныхъ случаевъ и случайныхъ чрезвычайностей, что вспоминать о маленькихъ обвиненіяхъ, взводимыхъ Жирарденомъ на своихъ противниковъ, столько же своевременно, какъ поминать исторію Картуша ⁴⁾, Ваньки-Каина, Стеньки Разина..., хотя сіи послѣдніе съ отвагою и смѣлостью послѣдовательности нѣмецкихъ идеалистовъ дошли до конца того поприща, которое начинается «злоупотребленіемъ вліянія», маленькой тор-

¹⁾ Шутка Герцена, которая объясняется въ IV письмѣ.

²⁾ Снова указаніе на позднѣйшее время, сравнительно съ датой письма.

³⁾ Ανάνκη — заглавіе 4-ой главы VII книги извѣстнаго романа В. Гюго «Соборъ Парижской Богоматери».

⁴⁾ Знаменитый во французскихъ преданіяхъ ловкій и безстрашный предводитель шайки разбойниковъ, въ началѣ XVIII вѣка.

говлей, проектами крошечныхъ законовъ, привилегіями на театры и рудокопни, а оканчивается самими рудокопнями, морскими прогулками на галерахъ, трудолюбивымъ вколачиваніемъ свай въ портовыхъ городахъ, а иногда и воздушными прогулками всѣмъ тѣломъ или отчасти..., смотря по тому, на которой сторонѣ Па-де-Кале случится. Картушъ и театральная привилегія, Жирарденъ и продажное пѣрство,—все это забыто, задвинуто, затерто новыми происшествиями. Никто не говоритъ здѣсь о Жирарденѣ:

а) Послѣ дѣла Теста, въ которомъ такъ справедливо наказали генерала Кюббера за то, что онъ плута не считалъ честнымъ человѣкомъ, и такъ невинно разстрѣляли фуфайку и рубашку бывшего министра;

б) Послѣ ученыхъ изысканій Варнера, который открылъ въ Алжирѣ видимо-невидимо маленькихъ Абдель - Кадеровъ ¹⁾ министерскаго происхожденія, — фауну, составленную на мѣстахъ, онъ привезъ въ Парижъ; всѣ ее видѣли, всѣ убѣдились въ возможности его открытія, кромѣ одного поэта изъ художественной школы Фукье-Тенвиля, патентованнаго изобрѣтателя de la complicité morale. Онъ, какъ поэтъ, презираетъ доказательства, у него сердце вѣщунъ, оно молчитъ—онъ не вѣритъ;

в) Послѣ размолвки Буа-ле-Конта ²⁾ съ швейцарской собакой,—размолвки, доходившей до «дѣзты» ³⁾ вмѣстѣ съ дѣломъ объ іезуитахъ,—собака вполне оправдалась, доказала невинность своихъ намѣреній, чистоту образа мыслей и выиграла процессъ. Вы, вѣрно, помните эту исторію: она была въ то же время, какъ въ Бернѣ намылили такъ жестоко голову тому же Буа-ле-Конту за то, что мѣшается въ семейныя дѣла, заводитъ всякія шашни, якшается съ подозрительными людьми, совѣтуетъ, когда его не спрашиваютъ, и распоряжается съ своей non-intervention ⁴⁾ вездѣ, какъ дома, или еще хуже, точно, куда ни обернешься, все Португалія;

д) Послѣ семейной сцены герцога Пралена ⁵⁾ съ женой, отъ которой герцогъ пріобрѣлъ такую силу, что, искрошивши свою жену, онъ отужиналъ мышьякомъ, приготовленнымъ на опіумѣ, и прожилъ, не хуже Митридата, съ недѣлю, потомъ вспомнилъ, что порядочный человѣкъ долженъ умереть отравившись, и умеръ, какъ

¹⁾ Предводитель кабилловъ, упорно и долгое время успѣшно сражавшійся противъ французскаго завоеванія; потомъ сдѣлался другомъ Франціи.

²⁾ Шарль-Жозефъ-Эдмондъ, графъ, французскій дипломатъ.

³⁾ Союзный сеймъ.

⁴⁾ Non-intervention—невмѣшательство.

⁵⁾ Гр. Теобальдъ Шуазель, женатый на дочери маршала Себастіана и отравившій ее, чтобы воспользоваться ея богатствомъ.

истинный маркизь, изъ учтивости, чтобы не поставить въ неприятную необходимость гг. пэровъ казнить товарища и однокорытника послѣ того, какъ маститый Паке въ нынѣшнемъ году уже сгубилъ двухъ пэровъ-министровъ. Жаль Праленшу! а вѣдь, страшная женщина была! Это обличилось послѣ ея смерти: она всякій день писала мужу письма въ нѣсколько листовъ. Все, вѣдь, это къ нему писалось; ему, бывало, надобно къ *m-elle Luzy*, — вдругъ несуть книгу *in-folio*... Что такое?—Утренняя записочка отъ герцогини...

e, f, g... p, q, r, s, t... y... z...

Послѣ того, какъ исторія Жирардена была напечатана въ «Современникѣ»... Вы думаете, здѣсь не читаютъ «Современника»? Извините,—чрезвычайно, невѣроятно! Въ *café* только и слышишь: «*Le Sovremennik s'il vous plait*...». «*Impossible*, — отвѣчаетъ *garçon*, — *on se l'arrache, la Sovremennik*» ¹⁾ и подаетъ апельсинный гранатъ, какъ слабую и холодную замѣну «Современника»...

А, право, жаль, что время прошло говорить о жирарденовской исторіи: такая милая и забавная исторія! Жирарденъ—баловень горячая голова, Алкивиадъ буржуазіи; онъ далеко оставилъ за собой тяжелаго и плюгаваго Гранье-де-Кассаньяка ²⁾, который нашелъ утѣшительную пристань отъ тревожной жизни въ объятіяхъ дружбы, нѣжной и постоянной, съ Гизо. Жирарденъ, не боясь мефитическаго воздуха, взболталъ послѣ семилѣтняго застоя болото бюрократической грязи, и оно стало бродить съ тѣхъ поръ. Онъ въ этой борьбѣ явился во всемъ блескѣ, онъ въ ней дома, какъ эти бѣлые вѣнчики нимфеи въ болотахъ, которые такъ изящно плаваютъ по поверхности воды и у которыхъ корень глубоко въ илу и глинѣ. Оттого-то обличаемые имъ и перепугались: одинъ осунулся и сдѣлался цвѣтомъ потертыхъ мундировъ, у другого щека стала дрожать независимо отъ его воли; я до сихъ поръ не видалъ ни у одного человѣка такой самобытности щекъ. Чѣмъ ближе стоялъ Жирарденъ къ коммерческимъ домамъ, гдѣ продавались привилегіи, проекты, *leжбонъ д'онеры* ³⁾ и мѣста, тѣмъ съ большимъ душевнымъ волненіемъ слушали обвиняемые негоціанты. У нихъ была одна надежда, что онъ пощадитъ себя, многого не скажетъ, но Жирарденъ ничего не пожалѣлъ. Бывали случаи, что черемись Вятской губерніи до того разсердится на своего врага, что, не зная, чѣмъ донять его, придетъ ночью да и повѣсится у него на дворѣ, уми-

¹⁾ «Современникъ» пожалуйста! — «Невозможно», — отвѣчаетъ офиціантъ,—его вырываютъ другъ у друга изъ рукъ, этотъ «Современникъ».

²⁾ Адольфъ, франц. публицистъ.

³⁾ Единственный во Франціи орденъ—«Почетнаго Легіона».

рая такимъ образомъ съ сладкой надеждой, что месть обезпечена, что слѣдствіе будетъ. Такую вендетту обыкновенно приписываютъ дикости, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ формахъ она встрѣчается не въ совершенно дикихъ обществахъ и даже совершенно не въ дикихъ. Одинъ самоотверженный газетчикъ, чтобы окончательно уличить одного изъ извѣстныхъ писателей нашихъ, воспользовался неосторожной исповѣдью его, чтобы довести до свѣдѣнія читателей, что между нимъ и авторомъ величайшая симпатія; газетчикъ очень хорошо зналъ, что послѣ этого авторъ потеряетъ всякое уваженіе порядочныхъ людей. Таковъ въ своемъ родѣ Жирарденъ: онъ не пощадилъ своей чести, лишь бы посыпать на старости лѣтъ главы семилѣтнихъ министровъ всевозможными обвиненіями. Къ фоблазовскому окончанію поприща Мартенъ-дю-Нора ¹⁾ только и недоставало каталога подкуповъ, продажъ, взятокъ, сдѣлокъ, продѣлокъ etc., оглашенныхъ «Прессой» изъ ея семейныхъ бумагъ.

Камера депутатовъ оправдала министровъ.

Камера пэровъ оправдала Жирардена.

Общественное мнѣніе было удивлено. Журналы требовали слѣдствія, суда. Поэтъ Эберъ ²⁾ имъ лукаво улыбался, грозилъ пальцемъ и увѣрялъ, закрывши глаза, что ничего не видитъ.

Тогда посылалися градъ доносовъ, документовъ, доказательствъ... Я вамъ рассказывалъ какъ-то, что одинъ поврежденный докторъ ³⁾ принималъ журналы за бюллетени сумасшедшихъ домовъ; это былъ человѣкъ отсталый: теперь журналы, по крайней мѣрѣ здѣсь, — бюллетени смиренныхъ домовъ и галерныхъ выходокъ...

О, журналы, журналы!

Какъ спокойно и весело жить гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, напримеръ, куда не проникаетъ всякое утро сѣрая стая журналовъ всѣхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, съ отравляющимъ запахомъ голландской сажки и гнилой бумаги, съ грознымъ *premier-Paris* ⁴⁾ въ началѣ и съ крупными объявленіями въ концѣ; стая влажная, мокрая, какъ будто кровь событій, высосанная ею, не обсохла еще на губахъ, саранча, поѣдающая происшествія прежде, нежели они успѣютъ созрѣть, — ветошники и мародеры, идущіе шагъ за шагомъ по слѣдамъ большой арміи историческаго движенія... Тамъ журналы ясны и прозрачны, какъ вѣчно голубое небо Италіи, они на своихъ чуть не

¹⁾ Николай, политическій дѣятель.

²⁾ Мишель-Пьеръ-Алекси, тогда министръ юстиціи; эпитетъ «поэтъ» Герценъ прибавилъ для шутки.

³⁾ «Круповъ».

⁴⁾ Передовая статья.

розовыхъ листикахъ приносятъ новости успокоительныя, улыбающіяся: вѣсть о прекрасномъ урожаѣ, объ удивительномъ праздникѣ въ такой-то виллѣ у прелестной дукессы ¹⁾, на которой мѣсяць свѣтилъ сверху, а волны Средиземнаго моря плескали сбоку. Хорошо, кого судьба избавила отъ страшныхъ ежедневныхъ доносовъ и обличительныхъ актовъ безумія, низости и разврата; не лучше ли въ миломъ невѣдѣннїи сердца вѣрить въ аркадскіе нравы на землѣ, въ кроткое счастье лацарони, въ праздничную, официальную нравственность и въ людское безкорыстіе? Не лучше ли, когда много прекраснаго въ божьемъ мірѣ, не знать, что въ немъ есть бѣшенныя собаки, крапива, холера, тифъ, поддѣльное шампанское, горькое масло и наслаждаться запахомъ розы и пѣніемъ соловья?

Да какая же обязанность читать журналы? Вотъ, подите,—никакой обязанности нѣтъ, да и выбора нѣтъ; страсть къ новостямъ, это—парижское сирокко, какая-то болѣзнь въ родѣ жапы. Проснешься утромъ, такъ и тянетъ, ну хоть маленькую газетку, ну «Шаривари», пока кофе подаютъ; дотронулся до одной—и пошло, и пошло и перечитаешь десятокъ, а самъ очень хорошо знаешь, что такой мракъ падетъ на душу, такая тоска, что съ горя брошишься въ вагонъ да и уѣдешь на цѣлый день куда-нибудь въ медонскій лѣсъ... Хороши журналы, да каковъ же, однако, и быть, вѣсти о которомъ всякій день наполняютъ горечью и негодованіемъ душу порядочнаго человѣка!

Знаете ли, чтò мнѣ пришло въ голову васъ спросить? Вы такъ и ждете, что я, увлеченный Жирарденомъ и Варнеромъ, спрошу васъ: «что ваши часы краденые или купленные?». Совсѣмъ напротивъ,—я хочу васъ спросить, случалось ли вамъ послѣ долгой разлуки встрѣтить женщину, которую вы любили издали, которая для васъ была недосыгаема, о которой свѣтлое воспоминаніе согрѣвало вашу грудь? Вы ее увидѣли, наконецъ. Она замужемъ, и мужъ ея пошлый, тупой, мелкій, ничтожный негодяй. Какъ уважать жену пошлаго человѣка!—Она лишилась пьедестала, и вмѣсто трепетной и робкой рѣчи уваженія на вашихъ губахъ колкій намекъ и вмѣсто восторженнаго идолопоклонства вамъ хочется за нею поволочиться. Съ кѣмъ этого не случалось? Но случалось ли вамъ потомъ разсмотрѣть въ этой женщинѣ другія, новыя черты, скрываемыя, за-таенныя, но выступающія наружу, какъ обличительный румянецъ? Случалось ли подслушать иныя рѣчи, свидѣтельствующія, что въ душѣ ея ничего не утрачено, что, напротивъ, она окрѣпла въ невзгодѣ, въ перенесенномъ опытѣ, что она возмужала въ сердеч-

¹⁾ Duchessa—герцогиня.

ныхъ утратахъ? Если случалось,—будьте осторожны, не давайте воли поспѣшному суду и оскорбительной насмѣшкѣ, говоря не о женщинѣ, а о цѣломъ народѣ, чтобы не краснѣть потомъ отъ стыда и раскаянія!

Ничего нѣтъ легче въ мірѣ, какъ указать больное мѣсто Франціи, Англій,—преимущественно Франціи. Самъ Парижъ своими журналами и укажетъ, и покажетъ все зло и всю мѣру его съ ожесточеніемъ духа партій, съ ловкостью ихъ острой и ѣдкой полемики, со всѣми средствами гласности. Стало бытъ, достаточно знать грамоту, чтобы безъ особаго труда и умственного напряженія, въ одно утро, проведенное въ *café*, узнать черную и грязную Францію,—отрицать ее было бы величайшая недобросовѣстность или полнѣйшее тупоуміе. Но правъ ли будетъ тотъ, кто удушливый и вонючій воздухъ тѣсныхъ переулковъ приметъ за атмосферу цѣлой націи? Испорченный воздухъ вовсе не есть ея обычная среда, она доказываетъ это своимъ повсемѣстнымъ негодованіемъ, а негодовать по-пусту она не привыкла. Журналисты втянуты въ омутъ дѣлъ; представители борьбы, органы и орудія партій дѣлаютъ свое дѣло. Но много ли путнаго сдѣлаетъ посторонній свидѣтель, который остановится на перечисленіи этой массы зла, безнравственности и обмановъ, на бесплодномъ подтвержденіи, что все это *есть*, на возгласахъ, на проклятiahъ? Надобно дать себѣ нѣсколько труда взглядѣться въ историческое происхожденіе, въ логику событій, въ смыслъ того, что есть. Только въ связи съ прошедшимъ—и притомъ съ прошедшимъ, освѣщеннымъ всѣмъ свѣтомъ современной, возмужалой мысли,—можно уяснить настоящее положеніе Франціи; тогда вы увидите много запутаннаго, много труднаго, много отрицательнаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ увидите, что безнадежнаго, отчаяннаго ничего нѣтъ и что Франція еще изворотится безъ радикальныхъ средствъ землетрясенія, небеснаго огня, потопа, мора, которыми такъ богата искаженная Франція вновь изобрѣтеннаго Востока ¹⁾, говорящаго съ дикой радостью о всемъ дурномъ на Западѣ, воображая, что ненависть къ сосѣду—истинная любовь къ своей семьѣ, что чужое несчастіе—лучшее утѣшеніе въ своемъ горѣ. Я не берусь писать въ этихъ письмахъ цѣлыхъ диссертаций, но скажу нѣсколько намековъ, нѣсколько бѣглыхъ мыслей въ подтвержденіе моихъ словъ.

Настоящимъ положеніемъ Франціи всѣ недовольны, кромѣ записной буржуазіи и ажіотёровъ «во всѣхъ родахъ различныхъ»; чѣмъ недовольны,—знаютъ многіе, чѣмъ поправить и какъ попра-

¹⁾ Славянофилы.

вить—почти никто; всего менѣе—существующіе социалисты и коммунисты, люди какого-то дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ.

Почти въ томъ же положеніи и существующая оппозиція, парламентская и журнальная: она основана или на небольшихъ, паллиативныхъ средствахъ, которыя могутъ принести слабыя улучшения, или на воспоминаніи былого, на стремленіи снова призвать къ жизни идеаль, удаляющійся въ прошедшее. Они не знаютъ истиннаго смысла недуга, они не знаютъ дѣйствительныхъ лѣкарствъ и оттого остаются въ постоянномъ меньшинствѣ; у нихъ истинно только живое чувство негодованія, и въ этомъ они правы, ибо болѣзнь—все болѣзнь, хотя бы она была къ росту; чувствовать присутствіе зла необходимо для того, чтобы отдѣлаться отъ него тому равнодушному, косному квіетисту, котораго не мучитъ настоящее зло изъ-за будущаго блага. Обратимся теперь къ обвиненіямъ.

Обвиненіе, всего чаще повторяемое и совершенно вѣрное, состоитъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени матеріальные интересы овладѣли всѣми сословіями и подавили собой всѣ другіе; что великія идеи, слова, потрясавшія такъ недавно людей и массы, заставлявшія покидать домъ, семью, исчезли и повторяются теперь, какъ призваніе Олимпа и музъ у поэтовъ, какъ слово «верховное существо» у деистовъ: по привычкѣ, изъ учтивости.

Вмѣсто ихъ рычагъ, приводящій все въ движеніе,—деньги, матеріальныя удобства; тамъ, гдѣ были пренія о государственныхъ интересахъ, исключительно занялись одними вопросами политической экономіи. Тотъ, кто не видитъ, что вопросъ о матеріальномъ благосостояніи составляетъ великую половину всѣхъ вопросовъ современности, тотъ вовсе не знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Да, это—важнѣйшій общественный вопросъ нашего вѣка. И бѣда не въ этомъ, а большею частью—въ образѣ разрѣшенія. Какъ же, наконецъ, не поставить на первый планъ тотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ не только насущный хлѣбъ большинства, но и его цивилизація. Нѣтъ образованія при голодѣ: чернь будетъ черню до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ себѣ досуга, необходимаго для развитія. Страны, которыя уже перешли миѳическіе, патріархальные и героическіе возрасты, которыя довольно сложились, довольно приобрѣли, которыя пережили юношескій періодъ абстрактныхъ увлеченій, изучили азбуку гражданственности, естественно обратились къ тому вопросу, отъ котораго зависитъ вся будущность народовъ, но онъ труденъ,—его не рѣшишь громкимъ словомъ, пестрымъ знаменемъ, энергическимъ кликомъ. Это—самый внутренній и самый существенный вопросъ общественнаго

устройства. Вы его встрѣчаете не въ Сѣверной Америкѣ и въ Англии,— во Франціи; въ Америкѣ и Англии онъ сдѣлалъ болѣе практическихъ шаговъ. Все это понятно: жизнь Франціи, во-первыхъ, богаче, полнѣе и поэтому сложнѣе, смутнѣе, запутаннѣе, во-вторыхъ, экспансивнѣе, въ ней все гласно, все громко, все для всѣхъ. Оттого на Францію обращено болѣе вниманія; все худое и хорошее, что дѣлается здѣсь, точно дѣлается на сценѣ, а въ партерѣ сидитъ все человѣчество. Подчасъ кажется, что именно все происходящее здѣсь дѣлается, какъ въ театрѣ—только для публики: ей польза, ей удовольствіе, ей поученіе; актеры играютъ не для себя и возвращаются со сцены къ домашнимъ непріятностямъ и мелочамъ. Въ этомъ—одна изъ лучшихъ національныхъ сторонъ французовъ, но они иногда остаются за это съ пустыми руками.

Гегель говоритъ, что Индія походила на родильницу, которая, произведя на свѣтъ дитя, радовалась имъ и сама для себя ничего больше не хотѣла. Франція хочетъ всего, но ея силы истощились отъ тяжкихъ родовъ,—она не можетъ оправиться. Ею выработанное принято другими на свѣжія плечи,—этого не надобно забывать.

Но воротимся къ экономическому вопросу. Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности¹⁾ и у наслѣдниковъ насилія орудія труда и скопившіяся силы, привести цѣнность труда, обладаніе и обращеніе богатствъ къ разумнымъ началамъ, къ общимъ и современнымъ правиламъ, снять всѣ плотины, мѣшающія обмѣну и движенію, считать все это матеріализмомъ, эгоизмомъ—могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты. По счастью, въ наше время выводятся эти высшія натуры, боявшіяся замараться о практическіе вопросы, бѣгавшія въ міръ мечтаній отъ міра дѣйствительности, хотя я еще своими ушами слышалъ слѣдующее замѣчаніе одного изъ лучшихъ представителей стараго романтизма: «вы полагаете, что съ развитіемъ довольства народъ будетъ лучше? это—ошибка: онъ забудетъ все прекрасное и отдастъ грубымъ желаніямъ. Что можетъ быть чище и независимѣе отъ земныхъ благъ, какъ жизнь поселянина, который бросаетъ все свое достояніе въ землю, смиренно ожидая, чѣмъ его благословитъ судьба? Бѣдность—великая школа для души, она хранитъ ее».

— И образуетъ воровъ,—добавилъ я.

И эту идиллію говорила не пятнадцатилѣтняя дѣвочка, а человекъ лѣтъ въ пятьдесятъ.

¹⁾ Отсюда до точки текстъ данъ по изданію 1858 г., такъ какъ въ «Современникѣ» это мѣсто цензурой скомкано.

Все несчастье прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобъ занять свое мѣсто. Тутъ—одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями, и—что хуже всего,—страшно выговорить: надоѣли. Романтики, которымъ все это смертельно не по сердцу, съ ироніей возражаютъ, что величайшія историческія событія нисколько не зависятъ отъ большей или меньшей степени сытости и матеріальнаго благосостоянія, что крестоносцы не думали о приобрѣтеніяхъ, что голодная и босая армія побѣдила подъ Жемапломъ ¹⁾, Флерюсомъ ²⁾ и проч. Да, оттого-то, между прочимъ, и немного вышло изъ всѣхъ этихъ войнъ и передрагъ. Оттого-то Европа, послѣ трехъ столѣтій правильнаго гражданскаго и всяческаго развитія, дошла только до того, что въ ней лучше, нежели тамъ, гдѣ этого развитія не было, и что она послѣ столькихъ переворотовъ и опустошеній стоитъ при началѣ своего дѣла.

Поэтическіе интересы, увлеченія теперь не поднимутъ народа совершеннолѣтняго. Это—просто результатъ лѣтъ, возраста,—нельзя же всегда быть юношей. Революція—я говорю о настоящей, а не о послѣдней, со всей обстановкой ея отъ страшной *introduzione* до героической симфоніи Наполеона—заключаетъ собою романтическую часть исторіи гражданскихъ обществъ. Финалъ громовой, грозный, достойный завершитель ряда событій, начавшихся съ похода аргонавтовъ и со взятія Трои,—финалъ, начавшійся провозглашеніемъ правъ человѣка и окончившійся провозглашеніемъ маленькаго капрала императоромъ французовъ.

Сколько событій, сколько крови, и послѣ этого разгрома, когда улеглась пыль и разъяснилось небо, вырѣзались, наконецъ, страшныя даниловскія слова, написанныя перстомъ самой буржуазіи: «*Rien, rien, rien!*» ³⁾.

Но вы, однако, не вовсе не довѣряйтесь этому *rien*. Это—негодование, это—ненависть любви, ревность. Результаты не исчезли: они взошли внутрь.

Люди, проливавшіе кровь и потъ, страдавшіе и измученные, приобрѣли право іереміевского плача. Мы не имѣемъ никакого права ни на слезы, ни на увлеченіе: наше дѣло—сторона, и потому мы можемъ иначе оцѣнить совершающееся. Повидимому, Франція всего

¹⁾ Одна изъ первыхъ блестящихъ побѣдъ французскихъ республиканскихъ войскъ надъ австрійцами въ 1792 г.

²⁾ Крупная побѣда республиканцевъ надъ австрійцами въ 1794 г.

³⁾ Ничего, ничего, ничего!

менѣе занята продолженіемъ своего былого; она, дѣйствительно, будто унаслѣдовала только это «ничего» и замѣтивши, ринулась въ другую сторону, ударились въ противоположную крайность, въ матеріализмъ финансовыхъ вопросовъ. Люди мыслящіе первые вдалились въ эти вопросы и увлекли съ собою, какъ всегда бываетъ, пошлую толпу, которая всякій принципъ доводитъ до нелѣпости, до цинизма, особенно такой родственной, такой близкой и соразмѣримый принципъ, какъ матеріальное благосостояніе. Медаль перевернулась.

Прежде слова безъ яснаго пониманія, безъ опредѣленнаго содержанія, но полныя фанатизма, увлеченія, вели людей, основываясь на высокомъ предчувствіи, на глубоко-человѣческой симпатіи, ко всему широкому и благородному, и люди охотно жертвовали имъ матеріальными благами. Теперь увидѣли всю важность этихъ благъ, отвернулись *par dépit* ¹⁾ отъ всего прочаго и прилѣпились къ одному вопросу политической экономіи. Но вопросъ этотъ очень немногіе умѣли поднять въ ту высокую сферу общечеловѣческихъ интересовъ, на которую онъ имѣетъ право и внѣ которой онъ не имѣетъ дѣйствительнаго значенія. Печальное недоразумѣніе состояло въ томъ, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обѣихъ сторонъ жизни. Политическая экономія, именно вслѣдствіе своей исключительности, при всей видимой практичности, явилась отвлеченной наукой богатства и развитія средствъ; она разсматривала людей, какъ производительную живую силу, какъ органическую машину; для нея общество — фабрика, государство — рынокъ, мѣсто сбыта; она, въ качествѣ механика, старалась объ улучшеніи машинъ, объ употребленіи наименьшей силы для наибольшаго результата, о раскрытіи законовъ движенія, богатства. Она шла отъ принятыхъ данныхъ, она брала патологическій фактъ за физиологическій, отправлялась отъ того распредѣленія богатства и орудій, на которомъ захватила общество. До человѣка, собственно, ей не было дѣла; занимаясь имъ по мѣрѣ его производительности, она равно должна была за предѣлами своими оставить того, который не производитъ за недостаткомъ орудій, и того, который имѣетъ мертвый капиталъ. Въ такой формѣ наука о богатствѣ, основанная на правилѣ: «имущему дается», должна была сдѣлать великій успѣхъ въ мѣрѣ торговли, купечества и буржуазіи, но для неимущихъ такая наука не представляла большихъ прелестей. Для нихъ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи былъ неразрывенъ съ критикой тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывалась политическая экономія и которыя явнымъ образомъ были причиною ихъ бѣдности.

¹⁾ Съ досады.

Критика удалась вполнѣ. Нѣсколько сильныхъ умовъ, глубоко сочувствуя съ несчастнымъ положеніемъ бѣдныхъ классовъ, поняли невозможность исторгнуть ихъ изъ жалкаго и грубаго состоянія, не обезпечивъ имъ куска насущнаго хлѣба.

Понявши, они бросились на изученіе экономическихъ вопросовъ. Но какое наставленіе, какое утѣшеніе могли они найти въ холодной наукѣ, которая, по несчастью, совершенно послѣдовательно говорила неимущему: «не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12 часовъ или умирай съ голоду!» прибавляя къ этимъ совѣтамъ поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены жизнью на ея пирь, и безчеловѣчную иронию, что «вольному воля», что «нищій пользуется тѣми же гражданскими правами, какъ Ротшильдъ». Они видѣли, что сытый голодному—не товарищъ и что въ старой наукѣ есть что-то неладное, тупое и оскорбительное,—они ее бросили. Экономическій вопросъ получилъ иные размѣры. Начали съ критики. Критика—сила нашего вѣка, это—наше торжество и наше проклятіе. Политическая экономія была разбита, мѣсто расчищено, но что же было поставить вмѣсто нея? Благородное негодование, *pia desideria* и критика не составляютъ положительнаго ученія, особенно для народа; нѣтъ ничего менѣе симпатизирующаго съ критикой, какъ народъ: онъ требуетъ готоваго, доктрины, вѣрованія; ему нужно знамя, ему нужна опредѣленная межа, къ которой итти. Люди, смѣлые на критику, были слабы на созданіе; всѣ фантастическія утопіи двадцати послѣднихъ годовъ проскользнули мимо ушей народа; у народа есть реальный тактъ, по которому онъ, слушая, бессознательно качаетъ головой и не довѣряетъ отвлеченнымъ утопіямъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выработаны, не близки къ дѣлу, не національны, не полны религіей и поэзіей.

Народы слишкомъ юны, чтобъ увлекаться однѣми экономическими теоріями. Они живутъ еще несравненно болѣе сердцемъ и привычкой, нежели умомъ; изъ-за нищеты, бѣдности, работы такъ же трудно ясно видѣть вещи, какъ изъ-за богатства, пресыщенія и лѣни.

Попытки новой экономической науки, одна за другой, выходили на свѣтъ и разбивались о чугунную крѣпость привычекъ, истинъ и фактическихъ преданій. Онѣ были сами-по-себѣ полны желаніемъ общаго блага, полны любви и вѣры, никогда не достигали до безчеловѣчной плоскости старой науки, но зато держались во всеобщностяхъ, представляли больше стремленіе, нежели достигнутый результатъ. Всего страннѣе, что человѣкъ и въ новую науку вышелъ все же не человѣкомъ, а какимъ-то жалкимъ существомъ, котораго освобождали отъ нищеты или отъ несправедливаго стяжанія

для того, чтобы затерять его въ общинѣ... Понять личность человѣка, понять всю святость, всю ширину дѣйствительныхъ правъ лица—самая трудная задача, и, кромѣ частныхъ и исключеній, она никогда не была разрѣшена никакими прошлыми историческими формами; для нея нужно большое совершеннѣе, до котораго не досталъ человѣкъ.

Старая наука, вовлеченная въ злую полемику, не была въ авантажѣ, новая отличалась на этомъ журнальномъ и литературномъ поприщѣ. Умы, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставили прежнюю политическую экономію: одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ ученій, другіе по убѣжденію въ недостаточности и лжи прежнихъ. Зато пошлая посредственность прильнула къ ней; въ ея рукахъ наука Адама Смита измельчала, выродилась въ торговую смысленность, въ искусство съ наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведеній и обезпечивать имъ наивыгоднѣйшій сбытъ. Наука дала имъ въ руки кистень, который бьетъ обоими концами бѣднаго потребителя, съ одной стороны, уменьшеніемъ платы, съ другой—поднятіемъ цѣны на произведенія. Буржуазія бросилась на экономическіе вопросы, хотя не изъ крайности, но тѣмъ не менѣе они поглотили все ея вниманіе, она пожертвовала имъ всѣми интересами. Въ этомъ, сверхъ нерасчета, была черная неблагодарность, ибо всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли лучшіе плоды свои среднему сословію. А оно, какъ только стало на ту высоту, которую ему приготовила революція 1830 года и обезпечили сентябрьскіе законы, забыло свое прошедшее, забыло даже національную честь и свои права, о которыхъ столько разглагольствовало во время реставраціи. Будущности для буржуазіи, повторяю, нѣтъ. Она теперь уже чувствуетъ въ своей груди начало и тоску смертельной болѣзни, которая непремѣнно сведетъ ее въ могилу и, что всего печальнѣе, польза, которую она приноситъ, останется, но не приобрѣтетъ ей даже спасибо, не заставитъ пролить ни одной слезы на ея могилѣ,—слезы, такъ легко проливаемой по всему умершему. Буржуазія сама отучила отъ любви и симпатіи, она сама проповѣдывала холодъ и бездушіе, — чего же ожидать? Еще во время реставраціи буржуа не все продали внутри души своей,—тогда ихъ еще уважали; но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ интересы ихъ можно размѣнять на звонкую монету, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь превратилась для нихъ въ средство чеканить деньги, народъ возненавидѣлъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ. Въ народѣ бездна раздражительности, susceptibilité¹⁾, онъ оскорбляется теперь продажностью голосовъ, подкупной

¹⁾ Повышенная подозрительность и обидчивость.

администраціей, онъ теперь принялъ вмѣсто политическаго крика: *A bas les voleurs!* ¹⁾ Крикъ этотъ, по справедливости, относится не къ одной администраціи, не она развратила буржуазію, а буржуазія дала изъ среды своей такихъ администраторовъ, а тѣ, воспитанные ею, въ свою очередь, подстрекнули, ободрили ея алчность къ деньгамъ. Не въ самомъ же дѣлѣ нѣсколько бюрократовъ увлекли огромный классъ народа. Что это за сильные люди были бы,— и эта сѣдая пискливая куколка, Тьеръ ²⁾, и этотъ рыцарь печальнаго образа, квакеръ de l'Hotel des Capucines, и... эти неизвѣстности и ничтожности, которыя ихъ окружають,—если мы имъ припишемъ возможность развратить страну. Лица, обвиняемая журналами и общественнымъ мнѣніемъ,—не болѣе, какъ скиръ; скиръ—обнаруженное послѣдствіе худосочія, оттого умные медики и не вырѣзываютъ его, а стараются поправить всѣ жизненные отправления. Зло не только глубже, нежели въ администраціи, но имѣетъ свое историческое оправданіе, свою необходимость.

Буржуазія—казнь за прошлую односторонность. Слѣдомъ за мистицизмомъ и изувѣрствомъ идутъ кощунство и сомнѣніе, слѣдомъ за идеализмомъ—матеріализмъ, за терроромъ—Наполеонъ. *Corsi* и *ricorsi* ³⁾ Вико—*lex talionis* ⁴⁾ исторіи, вознагражденіе въ родѣ тѣхъ нелѣпыхъ наказаній, которыя стремятся сдѣлать преступнику столько же зла, сколько онъ самъ сдѣлалъ. Пренебреженіе экономическими вопросами въ прошлую эпоху и исключительное занятіе политическими вопросами вызвали пренебреженіе къ политикѣ и возвеличили государственную экономію. Аристократы и народъ были юноши, дѣти, поэты; революціонеры были идеалисты. Буржуазія явилась представить прозу жизни, практическую сторону домохозяина, строящаго фабрики вмѣсто храмовъ, замѣняющаго колоссальными работами инженера колоссальныя постройки зодчаго: это своего рода освященіе жизни, реабилитация занятій, работъ. Толковали о самоотверженіи и презирали (по крайней мѣрѣ, на словахъ) матеріальную выгоду,—буржуазія открыто ищетъ пользу и смѣется надъ самоотверженіемъ; приносили людей на жертву идеямъ,—буржуазія принесла идеи на жертву себѣ. Разумѣется, все это нисколько не составляетъ нравственнаго оправданія и буржуазію еще не за что любить за то, что она послѣдо-

¹⁾ Долой воровъ!

²⁾ Адольфъ, министръ еще при Людовикъ-Филиппѣ и первый президентъ третьей французской республики; представитель умѣреннѣйшаго либерализма.

³⁾ Впередъ и назадъ.

⁴⁾ Законъ возмездія.

вательна реакціи своей до нелѣпости и шутовства ¹⁾. Самая же непростительная сторона въ буржуазіи, это—ея полное сознаніе; она очень хорошо знаетъ, что уронила Францію въ глазахъ Европы, въ глазахъ народа, что нѣтъ защиты ей въ продажѣ голосовъ, вотированій... Самые отчаянные консерваторы камеры—какой-нибудь Морни ²⁾ и двѣсти человекъ, которые передъ лицомъ всего Парижа, т. е. всего міра, не постыдились вотировать, что обвиняемые Жирарденомъ оправдались въ то время, какъ Жирарденъ ихъ уличилъ. Всѣ эти господа настолько знаютъ важность законности и справедливости, что не могутъ невольно попасть въ такую грубую ошибку,—имъ просто нуженъ покой, внѣшній порядокъ и министерская поддержка для ихъ коммерческихъ дѣлъ; вотъ откуда эта возможность, вовсе не свойственная французскому характеру. При потерѣ всякихъ убѣжденій, при эластичной готовности поддерживать все существующее,—худое такъ же, какъ хорошее,—и останавливать всякій успѣхъ, они опасны, потому что сильны, въ ихъ рукахъ средства страшныя; единственное сословіе, имѣющее политическія права, сословіе, изъ котораго выбираются законодатели, сословіе, обладающее всѣми богатствами, опирающееся, въ качествѣ охранительной партіи, на правительственныя средства, на національную гвардію, на войско и полицію и на людскую лѣнь, составляющую опору отрицательную, но чрезвычайно важную.

Чему же дивиться, что буржуазія всѣмъ овладѣла, особенно въ такое время, какъ политическій вопросъ сдѣлался труднѣе и неразрѣшимѣе отъ вопросовъ социальныхъ. Буржуа смѣются, когда ихъ упрекаешь; они съ презрительной улыбкой практическихъ дѣльцовъ посматриваютъ на пустыхъ людей, толкующихъ объ убѣжденіяхъ и объ оскорбленномъ чувствѣ справедливости. Пора пе-

¹⁾ «Да какъ же это?—величайшіе люди, художники, таланты, ученые... съ восьмидесятыхъ годовъ почти всѣ принадлежатъ къ буржуазіи?!»—Это ничего не значить; во-первыхъ, въ наше время есть множество людей, не принадлежащихъ ни къ какой кастѣ, ни къ какому сословію,—всего менѣе къ тому, въ которомъ родились; они просто люди; что было въ Пушкинѣ чиновничьяго?—а, вѣдь, онъ былъ титулярный совѣтникъ. Буржуазія—не индійская каста. *Bourgeoisie n'oblige pas* ²⁾,—можно сказать въ противоположность извѣстной пословицѣ; для того, чтобъ быть буржуа, недостаточно родиться, надобно имъ сдѣлаться или, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаться ничѣмъ другимъ; буржуа—тотъ, кто сознаетъ себя такимъ, кто ненавидитъ аристократію въ одну сторону и презираетъ народъ въ другую... — А. И. Г.

²⁾ Герцогъ Шарль-Огюстъ, сторонникъ Людовика-Наполеона.

³⁾ Буржуазія не обязываетъ, противопоставленіе старинному изреченію: «Благородное происхожденіе обязываетъ».

рестать бояться такой улыбки, — пословица не даромъ говорить, что хорошо будетъ хохотать тотъ, кто послѣдній будетъ хохотать; она—не новость, она очень извѣстна въ исторіи, за нею всегда скрывается страхъ, нечистая совѣсть, недостатковъ разумныхъ доводовъ; въ ней выражается собственная несостоятельность, признаніе силы въ томъ, надъ чѣмъ смѣемся, а иногда гораздо проще: она выражаетъ радость ограниченности и посредственности, когда она можетъ бросить грязью во все то, что выше нея. Это—улыбка римскихъ патриціевъ надъ назаряями, римскихъ кардиналовъ надъ протестантами, Наполеона надъ идеологами и тѣхъ чернорабочихъ рода человѣческаго, которые, утопая въ грязной жизни, не сочувствуютъ ни съ какими религіозными вопросами, ничего не знаютъ внѣ ограниченности круга своей ежедневной дѣятельности, вслѣдствіе чего они превосходно знаютъ этотъ ограниченный кругъ и знаніе свое выдаютъ за великую практическую науку и житейскую мудрость, передъ которой всѣ другія науки и мудрости—мыльные пузыри; имъ часто удается своими рутинными замѣтками подавить на нѣкоторое время неопытныхъ юношей, которые, краснѣя, удивляются ихъ основательной положительности и наторѣлому бездушыю. Эту роль знающихъ, совѣтующихъ свысока буржуазія очень любитъ, и именно въ этомъ доктринерскомъ характерѣ всего яснѣе ея различіе съ *roués* ¹⁾ время Людовика XV и регентства. Тѣ были легкомысленные развратники, блудныя дѣти выродившейся аристократіи; у нихъ страсть къ деньгамъ сопровождалась страстью ихъ бросать; это—вивѣры, беззаботные *gamins* до шестидесяти лѣтъ; у нихъ не было никакихъ теорій, они ни о чемъ не думали всю жизнь. Тяжелые *roués* XIX вѣка—люди пресерьезные; они говорятъ такъ основательно, они слушали Росси ²⁾, они читали Мальтуса ³⁾, они—дѣльцы, депутаты, министры, журналисты; у нихъ свои теоріи, свое ученіе, у нихъ продѣлки приведены въ систему; они даже филантропы, хотя не до того, чтобъ замѣнить недостатокъ хлѣба чѣмъ-нибудь болѣе съѣстнымъ, нежели штыки...

...Недавно здѣсь снова разыгралось старое дѣло о дуэли Бовалона ⁴⁾ съ Дюжарье. Дѣло это нечистое; всѣ актеры его, какъ

¹⁾ Изящный развратникъ—прозвище, данное друзьямъ Филиппа Орлеанскаго, когда онъ былъ регентомъ при Людовикѣ XV.

²⁾ Франц. экономистъ.

³⁾ Извѣстный англійскій экономистъ.

⁴⁾ Розмонъ де Бопэнъ, французскій журналистъ, убившій (въ 1845 г.) на дуэли другого журналиста, Дюжарье. Эмиль Жирарденъ возбудилъ въ печати вопросъ о томъ, что эта дуэль была лишь замаскированнымъ убій-

актеры Иліады, большею частью *треки*. Самъ Агамемнонъ—Гранье де Кассаньякъ—замѣшанъ въ немъ. Жирарденъ и А. Дюма, хотя не замѣшаны, но помянуты были въ ассизахъ¹⁾. Когда судили секунданта Эквилье за ложное показаніе, судьи и адвокаты, какъ слѣдуетъ, были въ маскарадныхъ платьяхъ, королевскій прокуроръ, какъ еще болѣе слѣдуетъ, свирѣпствовалъ дурнымъ слогомъ противъ обвиненнаго. Прокуроры здѣсь вообще злобы невѣроятной,—ихъ особо дрессируютъ для этого. Мнѣ часто приходило въ голову, не отдають ли ихъ, какъ Ромула и Рема, *en nourrice*²⁾ въ Jardin des Plantes къ волчицамъ и медвѣдицамъ, но я не успѣлъ справиться. Злоба эта имъ необходима, это—ихъ *point d'honneur*: оправданіе подсудимаго—личная обида прокурору; онъ не умѣлъ, стало, ни доказать вины, ни понять невинности,—а потому для поддержки своей репутаціи прокуроръ нападаетъ безчеловѣчно. Прокуроръ свирѣпствовалъ, наказывая себя тѣлесно въ грудь кулакомъ, поднимая глаза вверхъ и придавая голосу то грустный и заунывный тонъ оторопѣлой невинности, то густой звукъ человѣка правдиваго, но гнѣвнаго, то переходя къ воплю негодованія, къ крику ярости, то опять понижая голосъ и сокращая подъ умоляющую просьбу къ присяжнымъ, чтобы они ему подали, ради имени Христа, обвинительный вердиктъ; къ нимъ онъ обращался безпрестанно, стараясь ихъ раздражить и увѣрить, что преступленіе Эквилье—личная обида имъ. Въ пространной рѣчи своей, однажды только прерванной человѣческой слабостью одного присяжнаго, который попросился у президента отлучиться ненадолго, при чемъ президентъ объявилъ: «Messieurs, la séance est levée»³⁾ и снялъ съ себя шапку съ золотой оторочкой. Присяжный воротился вскорѣ, тогда президентъ объявилъ: «Messieurs, la séance est ouverte»⁴⁾, накрылся, опять снялъ шляпу, и прокуроръ продолжалъ. Въ пространной рѣчи своей прокуроръ краснорѣчиво удивлялся распутной жизни *нынѣшней молодежи*, которая *ужинаетъ у «Провансальскихъ братьевъ»*⁵⁾, *проводитъ ночи за картами, посылаетъ актрисъ, имѣетъ связи съ женщинами, и въ этомъ числѣ есть даже имена молодыхъ*

ствомъ со стороны Бовалона и его секунданта, называвшагося виконтомъ д'Эквилье; ихъ судили, но оправдали. Однако, когда вернулся изъ Америки одинъ изъ свидѣтелей дуэли (Maupard), все дѣло открылось, и Бовалонъ былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги, а Эквилье (оказавшійся тогда просто Венсаномъ и не виконтомъ)—на 10 лѣтъ.

¹⁾ Уголовный судъ съ присяжными.

²⁾ Для кормленія грудью.

³⁾ Господа, засѣданіе закрыто.

⁴⁾ Господа, засѣданіе открыто.

⁵⁾ «Frères-provençaux»—одинъ изъ дорогихъ тогда ресторановъ.

литераторовъ, которые вмѣсто того, чтобъ брать примѣръ съ Вольтера и Руссо, тоже ужинаютъ и играютъ въ карты... Онъ цѣпенѣлъ отъ ужаса, вспоминая эту жизнь, онъ просилъ присяжныхъ посмотрѣть, если только ужасъ и негодованіе, если слезы сожалѣнія и справедливое отвращеніе позволяютъ имъ ближе взглянуть въ эти нравы, вопіющіе и развращенные, взглянуть, куда все это привело... Холодный трупъ одного лежитъ въ землѣ, онъ убитъ на дуэли, другой—убійца его, третій—на скамьѣ обвиненныхъ. О, если бы,—говорилъ онъ,—эти молодые люди проводили свою жизнь... (слѣдуетъ идеалъ жизни, по понятіямъ г. прокурора), тогда бы... (слѣдуетъ награда, по понятіямъ г. прокурора), но вмѣсто этого, сколько ему ни жаль, по состраданію, свойственному всякому отъ женщины рожденному, но онъ увѣренъ, но онъ не смѣетъ сомнѣваться, но его душа не имѣетъ мѣста, которымъ бы онъ дерзнулъ предположить, что присяжные не покажутъ спасительнаго примѣра строгости законовъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что прокуроры здѣсь выписываются изъ женскихъ монастырей? Совсѣмъ нѣтъ: они сами обѣдаютъ и ужинаютъ у «Провансальскихъ братій», играютъ въ карты, имѣютъ интрижки (да еще какія, если вспомнить Мартена дю-Нора, прокурора прокуроровъ), а если не ѣздятъ къ актрисамъ, такъ это потому, что къ непорядочнымъ надобно ѣздить съ деньгами (онѣ здѣсь въ цѣнѣ), а прокуроры скупы, а къ порядочнымъ ихъ не пускаютъ, потому что они скучны.

«Но гдѣ же было общество безъ лицемѣрія? Да, гдѣ? покажите-ка». Что дѣлать! надобно сознаться, правда...

И прежде плакалъ человѣкъ,

И прежде кровь лилась рѣкою...

Да еще надобно сознаться, что женщины коварны... что мужчины, какъ мухи, къ нимъ льнутъ, что нѣтъ правила безъ исключенія, что, пока будутъ люди, будутъ злоупотребленія, а пока будетъ буржуазія, у нея будетъ кодексъ глубокомысленныхъ сентенцій въ китайскомъ вкусѣ...

Все это такъ, но вотъ что меня сбиваетъ. Какъ же это по желѣзнымъ дорогамъ люди никогда прежде не ѣздили, а мы ѣздимъ?

А если задумаемся, въ самомъ дѣлѣ трудно рѣшить, слѣдуетъ ли защищать лицемѣріе, т. е. ложь, или нападать. Вотъ хоть бы сказать о дѣлѣ Эквилье.

Эквилье за ложь и за то, что онъ не подражалъ въ жизни Вольтеру и Руссо, ужиналъ у «провансальцевъ», игралъ ночью въ

карты, имѣлъ связи съ женщинами и ѣздилъ къ актрисамъ, посадили на *десять* лѣтъ въ тюрьму (réclusion, это—хуже простой тюрьмы). А Гранье де Кассаньякъ, солгавшій въ томъ же дѣлѣ, уличенный во лжи да еще въ дополненіе подбивавшій свидѣтелей, — даже не отданъ подъ судъ. Можетъ быть, онъ подражалъ въ жизни Вольтеру и Руссо, ужиналъ въ Rocher de Capcale ¹⁾, игралъ днемъ на бильярдѣ, имѣлъ связи не съ женщинами и только ссорился съ актрисами, можетъ быть... не знаю. Что же, надобно лгать или не надобно? Это какъ вамъ угодно.

...Другъ лжи поѣхалъ въ Италію; климатъ, антики, картины, альты и сопрано—и онъ подъ голубымъ небомъ Италиіи будетъ думать: «какъ хорошо лгать».

Другъ Бовалона, другъ актрисъ въ то же время ѣдетъ въ тюремной каретѣ обдумывать на полномъ досугѣ въ какомъ-нибудь мерзкомъ центральномъ островѣ: «какъ дурно лгать»...

Ну, а какъ вамъ нравится выходка прокурора противъ цѣлаго сословія драматическихъ артистовъ? Я не могъ вамъ передать съ стенографической точностью рѣчь прокурора, но слова подчеркнутыя съ подлиннымъ вѣрны. Что, у васъ нѣтъ сестры, жены, друга на сценѣ? И прекрасно, если нѣтъ, а то, ежели знакомство увеличиваетъ вину, то родство, я думаю, само по себѣ—преступленіе. А какъ кричали буржуа, когда не хотѣли хоронить Тальму? Это другое дѣло; а подобная диффамация нравится имъ,—они ей апплодируютъ грязными руками своими; буржуазія не терпитъ все, что не тонетъ съ нею въ болотѣ посредственности и пошлой жизни; какъ не ненавидѣтъ имъ женщинъ, получающихъ большія деньги, женщинъ, на которыхъ ходятъ смотрѣть съ восторгомъ, женщинъ, о паденіи которыхъ они слышали, блѣднѣя отъ зависти, потому что онѣ падали не въ ихъ объятія,—а тамъ что имъ за дѣло, что благородныя женщины, матери семействъ, великіе таланты—Вардо, Рашель, Линдъ ²⁾, Гризи ³⁾ оскорблены рядомъ съ какой-нибудь развращенной!—Грязные люди, мелкіе люди!

Однако, довольно съ нихъ на этотъ разъ. Я съ ними расстаюсь, посмотрю на нихъ издали, съ аппенинскихъ высотъ и съ итальянскаго берега... есть художественныя произведенія, которыя надобно смотрѣть отступя. Прощайте до слѣдующаго письма.

P. S. Пріѣхала Карлотта Гризи ⁴⁾... Ни слова не скажу о ней: во-первыхъ, боюсь—прокуроръ разсердится, что я въ одномъ письмѣ

¹⁾ «Канкальскій утесъ»—ресторанъ.

²⁾ Дженни, знаменитая шведская пѣвица.

³⁾ Джулія, знаменитая итальянская пѣвица.

⁴⁾ Итальянская танцовщица, двоюродная сестра пѣвицы.

упоминалъ о немъ и о танцовщицѣ; во-вторыхъ... даже говорить объ этой выходящей, гибкой, неуловимой ящерицѣ съ изумрудными глазами опасно, очень опасно, а видѣть—и не приведи Богъ. Вы не видали, ну, вамъ и ничего, а у меня вотъ теперь передъ глазами, какъ живая... вотъ... вотъ... исчезла! Ахъ, зачѣмъ я не Аполлонъ Савромахъ! ¹⁾ ²⁾

◆◆ 1. Въ «Современникѣ» напечатано «¹/₁₂», что не могло быть; нужно: или ¹/₁₃ или $\frac{30 \text{ апрѣля}}{12 \text{ мая}}$; но вѣрнѣе предположить первое, какъ ошибку, менѣе бросившуюся въ глаза корректору «Современника».

2. Изъ вполнѣ разборчивыхъ визъ на заграничномъ паспортѣ Герцена видно, что 14-го августа онъ уѣхалъ изъ Парижа, 16-го былъ въ Тосканѣ, 29-го на пограничномъ съ Франціей итальянскомъ Ponte del Vago, 22 сентября въ Ниццѣ, 24 сентября въ Генуѣ, 25 сентября уѣхалъ изъ нея, 28 сентября въ Cavallegeri, 14 октября вернулся въ Парижъ, а 21-го уѣхалъ изъ него въ Италію, какъ видно изъ письма Бакунина къ Эммѣ Гервегъ изъ Парижа отъ пятницы 22 октября: «Во вторникъ Г. угощалъ насъ прощальнымъ обѣдомъ. Въ среду я провелъ цѣлый день съ Георгомъ и Зольгеромъ. Вчера, наконецъ, провожаемый всѣми нами, Г. въ 4 часа пополудни уѣхалъ въ Италію. Послѣ этого всѣ мы отправились въ таверну А. и тамъ запили наше горе англійскимъ пивомъ. Вечеромъ у Гервега» («Briefe von und an G. Herwegh 1848», Paris-Leipzig-München, 1896). 20 ноября Г. былъ въ Ниццѣ, 24-го въ Генуѣ, 27 въ Чивитавеккіи.

Рейнгольдъ Зольгеръ — прусскій литераторъ и политическій дѣятель. Потомъ занялъ свое мѣсто въ полемикѣ съ Герценомъ, который назвалъ его «самымъ остроумнымъ своимъ противникомъ». Познакомился съ Герценомъ осенью 1847 г. у Гервега, котораго узналъ весной того же года. Время французской революціи прожилъ въ Англии, вернулся въ Германію, эмигрировалъ оттуда въ Швейцарію, потомъ опять въ Англию, гдѣ былъ популяренъ публичными лекціями о государственныхъ системахъ Европы. Весной 1853 г. перѣхалъ въ Америку, гдѣ и умеръ въ 1866 г. Впервые и подробно его біографія написана г. Ю. Каменевымъ (см. «Вѣстн. Европы» 1914, IV).

¹⁾ Аполлонъ убилъ змѣя Писона, обвивавшаго своимъ тѣломъ и душиваго схваченныя имъ жертвы; впрочемъ, Писона считаютъ и дракономъ, а иногда называютъ Дельфиномъ (отъ слова «Дельфы»). Буквально же савромахъ значитъ «ящерицоборець».

1848

463. Письмо къ Е. Ѳ. Коршу, Т. Н. Грановскому и Н. Д. Кавелину.

1848 г. 30 января.
Ромъ.

Коршу и Грановскому, Кавелину—que ¹⁾).

Письма ваши, и особенно твое, Грановскій, какъ-то трягнули меня до такой степени сильно, что я, было, сразу написалъ длинный отвѣтъ, но нашель лучшимъ бросить его въ каминъ. Вѣсть о выходѣ вашемъ изъ университета, о страшномъ толчкѣ, который этотъ выходъ долженъ внести въ ваши финансовыя отношенія, сильный ретроградный шагъ университета, который съ юношества остался для меня святыней и который такъ, было, поднялся въ послѣднее время,—все это меня сильно огорчило и доказало снова и снова ту живую, близкую связь между нами, которая дѣлаетъ равно невозможнымъ ни личное счастье, ни личное несчастье,—все падаетъ на нѣсколько грудей разомъ: близко ли, далеко ли—все равно.¹ Такъ бы, кажется и поскакалъ къ вамъ на всѣ эти передраги. Когда минуется кризисъ,—лишь бы вы не падали съ дрожекъ²⁾, и холера бы не падала на васъ,—а въ будущее я вѣрю! Да, Грановскій, именно такъ надобно итти и въ такомъ расположеніи, какъ ты мнѣ писалъ письмо, противъ ударовъ случайности. Мнѣ смертно понравилось, что ты при этомъ сослался на античный міръ и взялъ изъ него этотъ гордый принципъ личности, носящей свою судьбу въ себѣ. Здѣсь я еще выше оцѣнилъ ту силу, то презрѣніе къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которое наполняетъ грудь человѣка, знающаго, что *omni casu*³⁾ побѣдитъ онъ. Что дѣлать событіямъ противъ человѣка, бросающаго имъ *défi*⁴⁾? Не съ хохотомъ и плачемъ,

¹⁾ И (союзъ).

²⁾ Намекъ на ушибъ Грановскаго въ 1847 г.

³⁾ Во всякомъ случаѣ.

⁴⁾ Вызовъ.

а съ свѣтлымъ челомъ и уваженіемъ къ своей волѣ надобно встрѣчать врага,—въ твоей мысли не токмо нѣтъ пренебреженія къ жизни и отчаянія, но именно дорогая оцѣнка жизни; кто же изъ понимающихъ станетъ свое лучшее благо таскать въ грязи, отдавать на поруганье,—лучше его сжечь. Жду съ нетерпѣніемъ твоего пріѣзда,—я въ апрѣлѣ переѣду во Флоренцію, можетъ, подвинусь и еще поближе; ты тотчасъ напиши,—я черезъ недѣлю по отправкѣ письма явлюсь передъ тобой. Поселись въ Боннѣ: и Рейнъ, и нѣмцы тутъ почище и не-нѣмцы близки. Кабы можно было устроить небольшую прогулку тебѣ въ Италію! Повѣрь, Грановскій, что одна и есть въ Европѣ страна, которая можетъ освѣжить, успокоить, заставить пролить слезу наслажденія, а не негодованія и грусти, это—Италія, и то въ извѣстныхъ предѣлахъ. Ты соскучишься съ нѣмцами: вѣдь, не все же будешь сидѣть надъ книгой; ты взгрустнешься въ Парижѣ; но здѣсь что-нибудь одно: или съ ума сойдешь отъ отчаянія (къ осени-то), или поюнѣешь; я не знаю, отчего у меня въ памяти какими-то свѣтлыми точками, дорогими для меня, остались Генуя, Ливорно, Пиза; отъ Рима я ждалъ больше,—объ немъ вѣ три тысячи лѣтъ такъ накричали,—но Италія не въ одномъ Римѣ, она въ каждомъ городишкѣ на свой ладъ—и, чортъ знаетъ что такое: никакого комфорта, никакихъ образованныхъ удобствъ, грязь, нечистота, а хорошо, удивительно хорошо. Грановскій, вѣдь, мы, братъ, не знали Италіи, мы въ ней столько же ошибались по минусу, сколько во Франціи по плюсу. Мы, все-таки, судили всегда по формѣ, а не по содержанію. Въ «Соврем.» объявлена статья Боткина объ Италіи,—трудно ему будетъ написать ее *удобно!* Формы Италіи были противъ нея, по крайней мѣрѣ, были до 47 года; но знаете ли вы, *какая* муниципальная жизнь внѣдрилась во всѣхъ городахъ? городъ—личность, городъ распоряжается своимъ добромъ, его тѣснятъ, съ нимъ ссорятся (какъ, напр., съ Генуей Пиемонтъ до реформы), но его такъ и принимаютъ за *persona moralis*¹⁾. Франція, во всемъ любящая централизацию, Франція—Парижъ; Италію не уловишь такими простыми опредѣленіями.² А *propos*, крѣпко оттузили вы меня за «Письма изъ Ав. Маг.»,—позвольте рѣчь держать. Во-первыхъ, вы имъ придали важность, которой въ нихъ не было; это—шалость à la «Reisebilder»³⁾ Гейне, это болтовня à la Диккенсова «Италія»³⁾; я не думалъ имъ придать смыслъ «отчета по Европѣ». Вмѣстѣ съ письмомъ я получилъ «Совр.» и

1) Нравственная личность.

2) «Путевыя картины».

3) «Pictures from Italy»—«Картины изъ Италіи».

тамъ три первыя письма; въ третьемъ немного есть искаженій,—остальные почти цѣлы; я ихъ перечиталъ добросовѣстно, имѣя въ виду ваше мнѣніе, и вывелъ, во-первыхъ, что вы правы относительно бѣдности содержанія,—я хотѣлъ потомъ писать о многомъ, но, не издавши, что напечатано, это невозможно; но, во-вторыхъ, я полагаю, что для такого легкаго произведенія достаточно то, что сказано о *domesticité* ¹⁾ и частной прислугѣ, общія мѣста о Россіи въ первомъ и о Франціи въ четвертомъ, чтобъ его простить. Конечно, они имѣютъ нѣкоторую блѣдность, оттого что ограниченный въ одну сторону, я ограничивался самъ въ другую: мнѣ кажется, что Боткинъ нападаетъ по предилекціи ²⁾ къ Франціи, но я не могу согласиться ни съ нимъ, ни съ Анненковымъ, который въ послѣднемъ письмѣ радуется, что французы—милая дѣти ³⁾; это право, похоже, еслибъ мы въ похвалу старику Мюльгаузену ⁴⁾ сказали, что онъ дитя,—Беттина исчерпала пошлость этой роли. А потому-то, что это—безсмысленныя дѣти великихъ отцовъ, я хожу съ непокрытой головой по кладбищу Père Lachaise и не хочу кланяться съ шевальею ⁵⁾ безъ таланта, безъ энергіи, безъ правилъ, называемою французами. Есть у нихъ печальный и заслуживающій состраданія *bas peuple* ⁶⁾, но онъ по образованію не ушелъ еще за предѣлы XVI столѣтія. Остальныхъ можно не токмо *au jour d'aujourd'hui* ⁷⁾ не любить, но презирать: что за пустое сердце, что за слабая голова; живутъ себѣ на двухъ-трехъ нравственныхъ сентенціяхъ и на *profession de foi du Vicaire Savoyard* ⁸⁾, не замѣчая, что послѣ Руссо прошли столѣтія. Вѣдь, нельзя же ни прошедшимъ, ни будущимъ задвигать настоящаго... О, какъ Францію понималъ Наполеонъ и какъ ее понялъ на сію минуту Гизо,—сей сенскій Меттернихъ! Напрасно Б. ⁹⁾ думаетъ, что трудность понимать европейскую жизнь происходитъ отъ конкретной сложности и полноты,—нѣтъ, при простомъ отношеніи къ предмету можно-таки понять, въ чемъ дѣло. Такъ, какъ вообще Европа не можетъ подняться на высоту своей цивилизаціи, и послѣдняя остается отвлеченной идеей

¹⁾ Состояніе домашности.

²⁾ *Prédilection*—предпочтеніе.

³⁾ IX «Парижское письмо» въ «Современникѣ» 1847 г.

⁴⁾ Отецъ жены Грановскаго.

⁵⁾ «Шваль».

⁶⁾ Чернь.

⁷⁾ Сегодняшній день.

⁸⁾ «Исповѣдь савойскаго священника» — одна изъ наиболѣе характерныхъ главъ извѣстнаго «Эмиля» Жанъ-Жака Руссо, въ которой онъ доказываетъ возможность и необходимость естественной религіи.

⁹⁾ В. П. Боткинъ.

и идеаломъ, врядъ ли исполнимымъ (исторія вмѣсто исполненія римскаго идеала исполнила лангобардское королевство и христіанство), такъ Франція ниже своего прошедшаго.

Я написалъ письмо объ Италіи ¹⁾,—ваша требовательность меня остановила. Написалъ еще небольшой разговоръ о современности ²⁾ и подумаю еще, посылать или нѣтъ. Первый отдѣлъ повѣсти я послалъ ³⁾. Читалъ въ кавелинской статьѣ отрывки изъ Самарина статьи ⁴⁾... Хорошъ гусь съ «приниженіемъ» личности и съ самоотверженіемъ при переносѣ на общую личность своихъ правъ! Во-первыхъ, это не ново, ибо такъ Гегель объясняетъ восточный деспотизмъ, а во-вторыхъ, Кавелинъ слишкомъ серьезно возражалъ; его слѣдовало бы истерзать колкостями,—вотъ, Кавелинъ, ты и мало изъигольничался. Вотъ вамъ сплетня. Одинъ русскій рассказывалъ мнѣ, что, проѣзжая по Тульской губ., его везли ямщики Хомякова ⁵⁾ (онъ держитъ почту), которые ему сказывали, что у него для бережи лошадей придуманъ патріархальный способъ: онъ отдаетъ въ солдаты ямщика, у котораго какъ бы то ни было падеть или испортится лошадь... Вотъ они народолюбы, православные славянофилишки... Не могу болѣе писать: подъ окнами страшный крикъ: Lumi! Lumi! ⁶⁾. Корсо покрытъ сплошной массой народа и сотнями факеловъ—это значить, что король неаполитанскій согласился на требованія... Три часа тому назадъ прискакалъ курьеръ изъ Чивитавеккіи... Какъ они проворно изготовляютъ, по милости Чичероваккіо ⁷⁾, дѣтскіе праздники.

31 января.

Сегодня, говорятъ ⁸⁾, ровно годъ нашему отъѣзду; память Черно... ⁹⁾ меня проводитъ до тѣхъ поръ, пока изъ меня сдѣлается

¹⁾ Пятое письмо № 492.

²⁾ «Передъ грозой», № 491.

³⁾ Повѣсть неизвѣстна.³

⁴⁾ Въ № 2 «Москвитянина» статья Ю. Самарина (псевдонимъ *М. З. К.*) «О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ»; на нее отвѣчалъ Кавелинъ въ № 12 «Современника» статьей «Отвѣтъ Москвитянину».

⁵⁾ Алексѣй Степановичъ.

⁶⁾ Иллюминаціо! Иллюминаціо!

⁷⁾ Антонио Брунетти, по народному прозвищу—Чичеруаккіо; римскій простолюдинъ, одинъ изъ героевъ римской республики и главныхъ дѣятелей итальянскаго пробужденія; въ 1849 г. былъ пойманъ австрійцами и разстрѣлянъ ими вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей.

⁸⁾ «Я говорю»—приписала Н. А—на.

⁹⁾ Оторвано съ печатью.

черная грязь ¹⁾). Всѣ эти тройки и сани у меня передъ глазами. Вотъ Михаилъ Семеновичъ ²⁾ въ своей шапкѣ,—что онъ? какъ его бенефисъ? Здравствуйте, Михаилъ Сем.! По вашей части рапортую, что здѣсь театры прескверные, и вы про каждую актрису можете добросовѣстно спѣть: «За Марусю пятака, бо Маруса не така»,—а актеры хуже ихъ, а пѣвцы—хуже самихъ себя; вообще, нынче больше въ театрѣ представляетъ здѣсь публика, нежели актеры. Пьесы даютъ все сантиментальныя—«Прочида» Никколини ³⁾, «Виргинія», Альфіери ⁴⁾, даже въ извѣстной опереткѣ Доницетти «Полковая дочь» умѣли въ концѣ вклеить «viva l'Italia» (на тотъ самый голосъ, который Кавелинъ такъ любилъ, а Огар. такъ игралъ за четвертой или пятой редыркой ⁵⁾). Публика вся поетъ, шляпы летятъ вверхъ, дамы машутъ платками,—«ну, оно и лестно», какъ выражался Языковъ. Отчего никто не пишетъ о Рѣдкинѣ? что онъ и отчего бы ему, кажется, не черкнуть строчки? обнимаю его.

Мельгунова ⁶⁾ надѣюсь скоро увидѣть; поклонитесь двумъ—двумъ Foscari ⁷⁾, думаете вы?—mit nichten ⁸⁾—двумъ Боткинымъ: я Николая Петр. ужасно полюбилъ въ Парижѣ, я любилъ просто смотрѣть на его кроткое выраженіе лица, да и, сверхъ того, скажи Боткину Senio-ру, что онъ имѣетъ передъ нимъ страшный шагъ тѣмъ, что не приглашалъ останавливаться у себя Краевского, не возилъ съ нимъ, не подрывалъ (какъ вы всѣ) «Современ.».—Вы думаете, что не пишете мнѣ, такъ я ничего не знаю? Екскузе ⁹⁾. ⁴

Извѣщаю всѣхъ, что я обучился говорить, хотя и прескверно, по-итальянски. ⁵

Сатина благодарю за письмо. Я какъ услышалъ, что Дифенбахъ умеръ, такъ и подумалъ: кому онъ теперь закажетъ ноги?—Пусть ужъ бережетъ берлинскую пару. А что, Кетчеръ, давно ли ты умеръ?

31-е, въ обѣдъ.—Сейчасъ получилъ 3 № «Соврем.», за которые съ меня содрали 5 скуди 8 паоли, и прочелъ IV «Письмо изъ Avenue Mar.». Конечно, это не Богъ знаетъ что, однако, не

¹⁾ Каламбуръ къ станціи Черной-Грязи.

²⁾ Щепкинъ.

³⁾ Джіовани-Батиста, извѣстный итальянскій поэтъ; въ пьесѣ «Giovanni da Procida» энергично выражена ненависть итальянцевъ къ чужеземному игу.

⁴⁾ Графъ Витторіо, лучшій итальянскій драматургъ-трагикъ.

⁵⁾ Отъ «редереръ»,—одна изъ марокъ шампанскаго.

⁶⁾ Николай Александровичъ, писатель.

⁷⁾ Герценъ здѣсь имѣетъ въ виду оперу «Двое Фоскари».

⁸⁾ Ничуть.

⁹⁾ Excusez—извините!

понимаю, чѣмъ въ васъ возмутило? я печатью доволенъ (кромѣ безсмысленныхъ ошибокъ) и «Письмо съ Via del Corso»¹⁾ отправлю на-дняхъ.

◆◆ 1. Въ 1846 году, какъ уже было сказано, разыгралась драма въ домѣ проф. Н. И. Крылова, очень обострившая отношенія къ нему Кавелина, Корша, Рѣдкина и др. Въ 1848 г. все это было ликвидировано упроченіемъ въ университетѣ Крылова и выходомъ Кавелина и Рѣдкина изъ университета, а Е. Корша — изъ редакціи «Москов. Вѣдомостей», которую онъ сдалъ В. Хлопову.

Въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи я встрѣтилъ «дѣло о бывшихъ профессорахъ московскаго университета Рѣдкинѣ и Кавелинѣ, замѣчаемыхъ въ вольнодумствѣ». Хотя оно началось годомъ позже, въ 1849 г., но имѣетъ ближайшее отношеніе къ указанному Герценомъ факту. Первая бумага, составленная Дубельтомъ 14 іюня 1849 г., именно и говоритъ о томъ, что оба профессора были замѣчены въ вольнодумствѣ; «по сей причинѣ начальство совѣтовало имъ оставить университетъ, что ими и исполнено; но нѣ оба опредѣлены въ министерство внутр. дѣлъ». Въ дѣлѣ имѣется перлюстрированное письмо И. В. Селиванова къ Кавелину, въ которомъ одна фраза найдена компрометирующей Кавелина, а именно: «вы идете упряме всѣхъ насъ по предназначенному пути». Селиванова запросили, что онъ хотѣлъ сказать; онъ объяснилъ, что это означало «преодоленіе со стороны Кавелина трудностей въ жизни». Кромѣ того, о Кавелинѣ имѣлись въ III Отдѣленіи «частныя свѣдѣнія», что, находясь адъюнктъ-профессоромъ въ московскомъ университетѣ, онъ замѣченъ былъ начальствомъ въ либерализмѣ. По приказанію военнаго министра, Дубельтъ лично сообщилъ объ этомъ г. Перовскому. Послѣдній запросилъ обоихъ своихъ новыхъ подчиненныхъ, вѣрно ли сообщеніе III Отдѣленія. Рѣдкинъ отвѣтилъ, что никто никогда не просилъ его уйти изъ университета; выходъ произошелъ исключительно потому, что онъ не хотѣлъ служить съ проф. Крыловымъ, который жестокимъ обхожденіемъ со своей женой принудилъ ее бросить его и «былъ обличенъ во взяткахъ со студентовъ». Кавелинъ отвѣтилъ почти дословно то же.

Перовскій сообщилъ III Отдѣленію, что бывшіе профессора опровергаютъ его свѣдѣнія. Тогда гр. Орловъ запросилъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскаго-Шихматова. Послѣдній 16 марта 1850 г. сообщилъ, что Кавелинъ уволенъ изъ его вѣдом-

¹⁾ Письмо пятое № 492.

ства по случаю назначенія его 5 сентября 1848 г. редакторомъ при временномъ отдѣленіи хозяйственнаго департамента мин. внутр. дѣлъ. Въ 1849 г., по предложенію объ опредѣленіи Кавелина преподавателемъ въ Училище правовѣднїя на кафедре исторіи русскаго права, требуемо было свѣдѣніе о немъ отъ бывшаго попечителя московскаго учебнаго округа, т. сов. Голохвастова, который 14 мая 1849 г. отозвался, что онъ зналъ Кавелина, когда тотъ былъ еще студентомъ, съ хорошей стороны относительно его прилежанія и способностей, равнымъ образомъ и какъ преподавателя дѣятельнаго и усерднаго, но, «судя по образу мыслей и направленія, который выражалъ онъ въ послѣдствіи, какъ въ своихъ сочиненїяхъ, напечатанныхъ большею частью въ петербургскихъ журналахъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ, что извѣстно было ему, г. попечителю, отъ городского начальства, то съ этой стороны онъ не могъ рекомендовать Кавелина въ то время, подъ своею отвѣтственностью, въ наставники молодыхъ людей въ Училище правовѣднїя». Болѣе сего никакихъ о Кавелинѣ свѣдѣній въ виду министерства народнаго просвѣщенія не имѣется.

Послѣдняя, девятая, бумага въ «дѣлѣ» очень коротка: «Въ маѣ 1852 г. князь Варшавскій при отношеніи своемъ за № 551 доставилъ шефу жандармовъ выписку изъ показанія Свержбинскаго о вредномъ вліяніи на студентовъ сужденія профессоръ Рѣдкина и Кавелина (см. подробности въ дѣлѣ 1850 г. подъ № 62). (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1849 г., I экс., № 223 и дѣло архива мин. народнаго просвѣщенія № 130478).

2. Живя въ Италіи съ октября 1847 г., Герценъ наблюдалъ пробужденіе ея, въ сущности, и положившее начало эпохѣ европейскихъ революцій 1848—1849 гг. Онъ зналъ, что въ маѣ 1847 г. въ Тосканскомъ герцогствѣ происходили народныя демонстраціи въ честь папы Пія IX, сдѣлавшаго своимъ подданнымъ кое-какія либеральныя уступки; онъ зналъ, что тосканскій герцогъ Леопольдъ поступилъ точно такъ же, а за нимъ послѣдовалъ и сардинскій Карлъ-Альбертъ. Онъ видѣлъ возбужденіе, создавшееся послѣ стычекъ народа съ арміею въ самомъ началѣ января 1848 г. въ Миланѣ и Падуѣ и революціи 12 января въ Палермо, распространившейся на всю Сицилію. Движеніе перекинулось въ Неаполь, потребовавшей у Фердинанда II конституціи. 29 января король объявилъ неаполитанцамъ, что добровольно дастъ имъ ее по образцу французской... Все это не могло не дѣйствовать на Герцена. Интересующихся подробностями европейскихъ событій, поскольку онъ могли вліять на Герцена, отсылаю къ статьѣ М. М. Ковалевскаго въ VI кн. «В. Европы» 1912 г.

3. О какой повѣсти говорить Герценъ—сказать трудно; во всякомъ случаѣ не о «Сорокъ-воровкѣ», которую тогда посылать было уже поздно, да и она не дѣлилась на отдѣлы. По всей вѣроятности, это—не дошедшая до насъ рукопись, о которой рассказываетъ П. В. Анненковъ. «Увлеченіе потокомъ развернувшейся передъ нимъ жизни отражалось и на планахъ писательской его дѣятельности. Онъ началъ повѣсть изъ французской революціи 89 года съ русскимъ дѣятелемъ посреди нея и не усомнился послать рассказъ въ «Современникъ». Позднѣе Панаевъ говорилъ мнѣ въ Петербургѣ: «Герценъ съ ума сошелъ: посылаетъ намъ картины французской революціи, точно она у насъ—дѣло признанное и позабытое». Повѣсть, разумѣется, не попала въ печать, а явилась за границей, въ особомъ сборникѣ» («Литературныя воспоминанія», 314). Установить, о какомъ сборникѣ говоритъ Анненковъ, мнѣ не удалось.

4. Николай П. Боткинъ былъ въ Парижѣ съ женой; къ лѣту они переѣхали въ Медонъ, гдѣ у нихъ часто гостили Луиза Ивановна съ Колей и М. К. Эрнъ. По словамъ послѣдней, «онъ былъ хорошій человѣкъ, гостеприимный, деликатный. Жена его была гораздо менѣе симпатична; онъ женился на ней изъ благодарности, потому что она гдѣ-то ухаживала за нимъ во время болѣзни. Его часто посылалъ прежде отецъ въ Кяхту по торговымъ дѣламъ; теперь онъ былъ самъ достаточный человѣкъ и могъ жить въ свое удовольствіе. Онъ не имѣлъ никакого постояннаго занятія, велъ безсодержательную жизнь и, сильно скучая, искалъ разныхъ впечатлѣній извнѣ; воротившись въ Россію, онъ разошелся съ женою... Онъ стоилъ лучшей участи; умеръ еще не старымъ и трудно сказать, что ускорило его кончину: неудачная ли женитьба при его любящей натурѣ, или недостатокъ дѣла» («Отрывки изъ воспоминаній», 46).

5. О пребываніи Герценовъ въ Римѣ есть нѣсколько штриховъ въ воспоминаніяхъ М. К. Рейхель. Поваръ Constantino, который отлично зналъ свой Римъ, «сѣлъ на козла экипажа возлѣ кучера и, не спрашивая насъ, куда ѣхать, указалъ кучеру направленіе. ъдемъ по улицамъ, приближаемся къ Капитолію, и вдругъ при поворотѣ открывается намъ *forum romanum*, обыкновенно называемый *campo vaccino*. Впечатлѣніе было *überwältigend* (поражающее—*М. Л.*). «Въ Римѣ мы жили на *Corso*, главной тогда улицѣ, недалеко отъ заставы». «Я училась съ Герценомъ по-итальянски; ему это давалось легко, онъ уже во время своего тюремнаго заключенія въ Крутицахъ занимался этимъ языкомъ». «Почти каждый день ходили или ѣздили смотрѣть что-нибудь: то парки съ большими лавровыми деревьями, то галлерей, то церкви» (стр. 53, 54, 55).

464. Надпись для М. К. Эрнъ.

Alla Madamigella Maria Ern dal mutissimo autore.
Roma 30 Gennaio 1848.

Переводъ.

Дѣвицѣ Маріи Эрнъ отъ наинѣмѣйшаго автора.
Римъ, 30 января 1848.

465. „Сорока-воровка“.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящено Михаилу Семеновичу Щепкину).

Твой домъ, украшенный богато,
Гостямъ-согражданамъ открыть;
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Таліей гостить;
Хозяинъ, ласковый душою,
Склоняеть къ нимъ привѣтный взоръ.
«Украинскій Вѣстникъ» на 1816 г.

— Замѣтили ли вы, — сказала молодой человекъ, остриженный подъ гребенку, продолжая начатый разговоръ о театрѣ, — замѣтили ли вы, что у насъ, хотя и рѣдки хорошіе, актеры, но бываютъ, а хорошихъ актрисъ почти вовсе нѣтъ, и только въ преданіи сохранилось имя Семеновой? не безъ причины же это.

— Причину искать не далеко; вы ее не понимаете только потому, — возразилъ другой, остриженный въ кружокъ, — что вы на все смотрите сквозь западныя очки. Славянская женщина никогда не привыкнетъ выходить на помость сцены и отдаваться глазамъ толпы, возбуждать въ ней тѣ чувства, которыя она приноситъ въ исключительный даръ своему главѣ; ея мѣсто—дома, а не на позорищѣ. Незамужняя — она дочь, дочь покорная, безгласная; заму-

жемъ—она покорная жена. Это естественное положеніе женщины въ семьѣ, если лишаетъ насъ хорошихъ актрисъ, зато прекрасно хранить чистоту нравовъ.

— Отчего же у нѣмцевъ, — замѣтилъ третій, вовсе не стриженный, — семейная жизнь сохранилась, я полагаю, не хуже, нежели у насъ, и это нисколько не мѣшаетъ появленію хорошихъ актрисъ? Да потомъ я и въ главномъ не согласенъ съ вами: не знаю, что дѣлается около очага у западныхъ славянъ, а мы, русскіе, право, перестаемъ быть такими патріархами, какими вы насъ представляете.

— А позвольте спросить, гдѣ вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высшихъ сословій, живущихъ особою жизнью? въ городахъ, которые оставили сельскій бытъ, — одинъ народный у насъ? по большимъ дорогамъ, гдѣ мужикъ сдѣлался торгашемъ, гдѣ ваша индустрія развратила его довольствомъ, развила въ немъ искусственныя потребности? Семья не тутъ сохранилась: хотите ее видѣть, ступайте въ скромныя деревеньки, лежація по проселочнымъ дорогамъ.

— Однако, странное дѣло, большія дороги, города, все то, что хранить и развиваетъ другихъ, вредно для славянъ, такъ, какъ вамъ угодно ихъ представлять; по-вашему, чтобъ сохранить чистоту нравовъ, надобно, чтобъ не было проѣзда, сообщенія, торговли, наконецъ, довольства, — перваго условія развивающейся жизни. Конечно, и Робинзонъ, когда жилъ одинъ на островѣ, былъ примѣрнымъ человѣкомъ, никогда въ карты не игралъ, не шлялся по трактирамъ.

— Все можно представить въ нелѣпомъ видѣ; шутка иногда разсмѣшитъ, но опровергнуть ея ничего нельзя. Есть вещи, которыхъ при всей ловкости западнаго ума вы не поймете, — ну, такъ не поймете, какъ человѣкъ, лишенный уха, не понимаетъ музыки, что ему вовсе не мѣшаетъ быть живописцемъ или чѣмъ угодно. Вы не поймете никогда, что бѣдность, смиренная и трудолюбивая, выше самодовольнаго богатства. Вы не поймете нашего семейнаго, отеческаго распорядка ни въ избѣ, гдѣ отецъ — глава, ни въ цѣломъ селѣ, гдѣ глава общины — отецъ. Вы привыкли къ строгимъ очертаніямъ правъ, къ рамамъ для лицъ, сословій, къ взаимному обузданію и недоувѣрію, — все это необходимо на Западѣ: тамъ все основано на враждѣ, тамъ вся задача государственная, какъ сказалъ вашъ же поэтъ, въ ловкой борьбѣ:

«Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой».

— Этой дорогой, я не думаю, чтобъ мы скоро добрались до рѣшенія вопроса, отчего у насъ рѣдки актрисы,—сказаль начавшій разговоръ.— Если для полноты отвѣта вы хотите *chemin faisant* ¹⁾ разрѣшить всѣ историческіе и политическіе вопросы, то надобно будетъ посвятить на это лѣтъ сорокъ жизни, да и то еще успѣхъ сомнителенъ. Вы, любезный славянинъ, сколько я понимаю, хотите сказать, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что женщина существуетъ не какъ лицо, а какъ членъ семейства, которымъ она поглощается; тутъ много истиннаго. Однако, вы полагаете, что семейство — въ маленькихъ деревенькахъ; ну, а, вѣдь, актрисы берутся не изъ этихъ же деревенекъ, къ которымъ нѣтъ проѣзда.

— Здѣсь позвольте мнѣ отвѣчать вамъ,—замѣтилъ европеецъ (такъ мы будемъ называть нестриженаго).— У насъ вообще и по шоссе, и по проселочнымъ дорогамъ женщина не получила того развязнаго права участія во всемъ, какъ, напр., во Франціи; встрѣчаются исключенія, но всегда неразрывныя съ какимъ-то фанфаронствомъ,—лучшее доказательство, что это исключеніе. Женщина, которая бы вздумала у насъ вести себя наравнѣ съ образованнымъ мужчиной, не свободно бы пользовалась своими правами, а хотѣла бы выказать свое освобожденіе.

— Конечно, такая женщина была бы уродъ; и по счастью,—возразилъ славянинъ,— не у насъ надобно искать *la femme émancipée* ²⁾, да и вообще надобно ли ее гдѣ-нибудь искать,—я не знаю. Вотъ что касается до человѣческихъ правъ, то обратите нѣсколько вниманія на то, что у насъ женщина пользовалась ими въ самой глубокой древности больше, нежели въ Европѣ; ея имѣнье не сливалось съ имѣньемъ мужа, она имѣетъ голосъ на выборахъ, право владѣнія крестьянами.

— Конечно, изъ правъ, которыми пользуются у насъ дамы, не всѣ принадлежать европейской женщинѣ. Но, извините, здѣсь рѣчь вовсе не о писанныхъ правахъ, а именно о правахъ не писанныхъ, объ общественномъ мнѣніи. Что сказали бы мы сами, если бы въ нашу бесѣду, очень тихую и не имѣющую въ себѣ ничего оскорбительнаго, вдругъ явилась одна изъ знакомыхъ дамъ? Я увѣренъ, что и намъ и ей было бы не по себѣ; мы совсѣмъ иначе настраиваемъ себя, если предвидимъ дамское общество: въ этомъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ.

— Какъ вы начитались Жоржа Санда. Мужчина вовсе не долженъ быть съ женщинами на распашку; и зачѣмъ женщина пой-

¹⁾ Мимоходомъ.

²⁾ Эмансипированную женщину.

детъ дѣлить его бесѣду? Мнѣ ужасно нравятся мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы,—въ этомъ есть что-то строгое, не изнѣженное.

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, если-бъ попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русскаго не прибрали, чтобъ ее выразить. Какъ будто мало женщинъ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни; я не говорю уже о матери, которой обязанности и такъ святы, и такъ сложны.

— Охъ, этотъ скромный кругъ! Императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: «дома сидитъ, шерсть прядетъ». Ну, а, знаете, нельзя сказать, чтобъ нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ она въ половину менѣе развита и, браните меня хоть по-чешски, въ половину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознание неразрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, — сказалъ начавшій разговоръ. — Каждый видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованныхъ сословіяхъ женщины несравненно выше своихъ мужей; вотъ и ловите жизнь послѣ этого общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или статскій; онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ: военный—ученіями, статскій—протоколами, выписками, а жены въ это время, если не ударятся исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ. Должно быть, хорошо образованіе,—вставилъ славянинъ,—которое можно почерпнуть изъ Бальзака¹⁾, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика, начинающаго морализировать отъ истощенія силъ.

— Я съ вами, пожалуй, соглашусь, хоть я не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите; и тутъ, удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза: что-бъ онъ ни дѣлалъ, онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками

¹⁾ Онорэ, блестящій франц. беллетристъ, одинъ изъ первыхъ основателей реалистическаго романа.

и съ злодѣйскими добродѣтелями да по дорогѣ—или, вѣрнѣе, потому что это совсѣмъ не по дорогѣ,—коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займется, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно, а чтобъ прогнать страхъ, вы начнете думать. Положимъ, что вопросовъ-то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ, видя это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я удивляюсь, что нѣтъ актрисъ.

— Да что же вамъ еще надо?—возразилъ съ запальчивостью славянинъ.—У насъ нѣтъ актрисъ, потому что занятіе это несовмѣстно съ цѣломудренною скромностью славянской жены: она любитъ молчать.

— Давно бы вы сказали,—прибавилъ европеецъ,—вы больше объяснили, нежели хотѣли. Теперь ясно, отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ представлять такія страсти, которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо для того, чтобъ его выразить не карикатурно. Китайца въ «Opium et Champagne» ¹⁾ ничего не значитъ представить, но есть ли возможность, чтобъ я хорошо сыгралъ индійскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ нечаянно зацѣпился за парію, или боярина XVII столѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества, изъ point d'honneur валяется подъ столомъ, а его оттуда тащатъ за ноги. Если-бъ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ женщина не существовала, какъ лицо, а была бы совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ пастушеской жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ: слѣпая покорность, коварная скрытность, двоедушіе такъ же мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Необразованная семья слишкомъ неразвита, она—семья, а въ драмѣ нужны лица. По счастью, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же опять до той всесторонности, чтобъ глубоко сочувствовать прожитому, выстрадавшему опыту другихъ. Ну, я васъ спрашиваю, какъ сыграетъ русская актриса Дѣву Орлеанскую? Это не въ ея родѣ совсѣмъ. Или: какъ русскій актеръ возсоздастъ эти величавыя и мрачныя, гордыя и самобытныя шекспировскія лица,

¹⁾ «Opiumъ и шампанское», французскій водевиль 40-хъ годовъ.

окужающія его Іоанна, Ричарда, Генриховъ,—лица совершенно англійскія? Они для него такъ же странны, какъ человѣкъ, который бы нюхалъ глазами и ушами пѣлъ бы пѣсни. Фальстафа онъ представитъ скорѣе, потому что въ Фальстафѣ есть черты, которыя мы можемъ видѣть во всякомъ домѣ, во всякомъ уѣздномъ городѣ...

— Но есть же общечеловѣческія страсти?

— И да, и нѣтъ. Отелло былъ ревнивъ по-африкански и задушилъ невинную Дездемону, потомъ зарѣзался, называя себя «собакой». А у меня былъ пріятель, сосѣдъ по имѣнію, тоже преревный: онъ перехватилъ разъ письмо, писанное къ его женѣ и притомъ очень недвусмысленное; въ припадкѣ ярости онъ употребилъ отеческую исправительную мѣру и помирился съ женой. Ревность—одна страсть, но похожа ли она въ бѣшеномъ маврѣ и въ нравоучительномъ пріятелѣ? До нѣкоторой степени можно натянуть себя на пониманіе чуждаго положенія и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Повѣрьте: такъ, какъ поэтъ всюду вносить свою личность,—и чѣмъ вѣрнѣе онъ себѣ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ выше его лиризмъ, тѣмъ сильнѣе онъ потрясаетъ ваше сердце,—тоже съ актеромъ: чему онъ не сочувствуетъ, того онъ не выразитъ или выразитъ учено, холодно. Вы не забывайте: онъ все же себя вводитъ въ лицо, созданное поэтомъ.

— О чемъ это вы такъ горячо проповѣдуете? — спросилъ, входя въ комнату, одинъ извѣстный художникъ.

— Вотъ кстати-то, какъ нельзя, больше! Рѣшайте намъ вопросъ, занимающій насъ; мы единогласно выбираемъ васъ непогрѣшающимъ судіей.

— Много чести. Въ чемъ же дѣло?

— Во-первыхъ, скажите, видали ли вы русскую актрису, которая бы вполнѣ удовлетворила всѣмъ вашимъ требованіямъ на искусство?

— Которая была бы не хуже Марсъ, Рашель?

— Хоть Алланъ и Плесси.

— Видѣлъ, — отвѣчалъ артистъ, — видѣлъ великую русскую актрису; только я ее сужу безъ всякаго сравненія; всѣ названныя вами актрисы хороши, велики, каждая въ своемъ родѣ, но какъ ихъ искусство относится къ той, которую я видѣлъ, не знаю. Знаю, что я видѣлъ великую актрису и что она была русская.

— Въ Москвѣ или Петербургѣ?

— Вотъ задача-то для нашего славянина,—подхватилъ одинъ изъ говорившихъ. — Какъ вы думаете, вѣдь, театр-то болѣе принадлежитъ петербургской эпохѣ, нежели московской. Ну, гдѣ же она была?

— Все-таки, должно быть въ Москвѣ,—рѣшительно возразилъ славянинъ.

— Успокойтесь. Я ее видѣлъ ни тамъ, ни тутъ, а въ одномъ маленькомъ губернскомъ городѣ.

— Вы это, вѣрно, говорите для оригинальности, хотите насъ поразить эффектомъ?

— Можетъ быть. Вы признали меня непогрѣшающимъ судьей,—ваше дѣло вѣрить. Ну, какъ я теперь вамъ докажу, что двадцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ великую актрису, что я тогда рыдалъ отъ «Сороки-воровки» и что все это было въ маленькомъ городкѣ?

— Очень легко. Расскажите намъ какія-нибудь подробности о ней: вѣдь, не съ неба же она свалилась прямо въ «Сороку-воровку» и не улетѣла же вмѣстѣ съ безнравственной птицей.

— Пожалуй. Да только эти воспоминанія не отрадны для меня, какъ-то очень тяжелы. Но извольте: что помню, расскажу. Дайте сигару.

— Вотъ вамъ *casadorès cubrey*,—сказалъ европеецъ, вынимая изъ портфеля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежитъ къ высшей аристократіи табачнаго листа.

— Вы знаете человѣческую слабость: о чемъ бы человѣкъ ни вспоминалъ, онъ начнетъ всегда съ того, что вспомнить самого себя? Такъ и я, грѣшный человѣкъ, попрошу у васъ позволенія начать съ самого себя.

— Отъ души позволяемъ, отъ всей души.

— Не знаю, будутъ ли подробности объ актрисѣ интересны, а объ васъ-то навѣрное:

Parlez nous de vous, notre grand-père,
Parlez nous de vous! ¹⁾—

напѣвалъ европеецъ.

Всѣ успокоились, всѣ немножко подвинулись, какъ обыкновенно бываетъ, когда приготовляются слушать. Передаю здѣсь, насколько могу, рассказъ художника; конечно, записанный, онъ много потеряетъ и потому, что трудно во всей живости передать рѣчь, и потому, что я не все записалъ, боясь перегрузить статейку.

Но вотъ его рассказъ.

¹⁾ Поразкажите намъ о себѣ, дѣдушка, поразкажите намъ о себѣ.

Вы знаете, что я началъ свое артистическое поприще на скромномъ провинціальномъ театрѣ. Дѣла нашего театра поразстроились; я былъ ужъ женатъ: надобно было думать о будущемъ. Въ самое это время распространялись болѣе и болѣе сказочныя повѣствованія о театрѣ князя Скалинскаго въ одномъ губ. городѣ. Любопытство видѣть хорошо устроенный театръ, надежды, а, можетъ быть, и самолюбіе, сильно манили туда. Долго думать было не о чемъ; я предложилъ одному изъ товарищей, который вовсе не предполагалъ ѣхать, отправиться вмѣстѣ въ N, и черезъ недѣлю мы были тамъ. Князь былъ очень богатъ и прожилался на театрѣ. Вы можете изъ этого заключить, что театръ былъ не совсѣмъ дуренъ. Въ князѣ была русская широкая, размашистая натура: страстный любитель искусства, человѣкъ съ огромнымъ вкусомъ, съ тактомъ роскоши, ну, и при этомъ, какъ водится,—непривычка обуздываться и расточительность въ высшей степени. За послѣднее винить его не станемъ,—это у насъ въ крови: я, небогатый художникъ, и онъ, богатый аристократъ, и бѣдный поденщикъ, пропивающій все, что зарабатываетъ, въ кабакѣ, — мы руководствуемся одними правилами экономіи; разница только въ цифрахъ.

— Мы—не расчетливые нѣмцы,—замѣтилъ съ удовольствіемъ славянинъ.

— Въ этомъ нельзя не согласиться,—прибавилъ европеецъ.— Остановливался ли кто изъ насъ мыслью, что у него денегъ мало, напр., когда ему хотѣлось выпить благороднаго вина? За него,—говорить Пушкинъ:

Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните-ль, друзья?

Совсѣмъ напротивъ: чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ больше тратимъ. Вы, вѣрно, не забыли одного изъ нашихъ друзей, который, отдавая назадъ налитый стаканъ плохого шампанскаго, замѣтилъ, что мы еще не такъ богаты, чтобъ пить дурное вино.

— Господа, мы мѣшаемъ разсказу. Итакъ-съ?

— Ничего. Князь слышалъ обо мнѣ прежде. Когда я явился къ нему, онъ былъ въ своей конторѣ и раздавалъ билеты, съ глубокимъ обсуживаніемъ, достоинъ или нѣтъ и какого именно мѣста достоинъ приславшій за билетомъ. «Очень радъ, очень радъ, что вы вздумали, наконецъ, посѣтить нашъ театръ: вы будете нашимъ дорогимъ гостемъ», и бездну любезностей; мнѣ оставалось благодарить и кланяться. Князь говорилъ о театрѣ, какъ человѣкъ, совершенно знающій и сцену, и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны другъ другомъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился

въ театрѣ; не помню, что давали, но увѣряю, что такой пышности намъ рѣдко случалось видѣть: что за декорации, что за костюмы, что за сочетаніе всѣхъ подробностей! Словомъ, все внѣшнее было превосходно, даже выработанность актеровъ; но я остался холоденъ: было что-то натянутое, неестественное въ манерѣ, какъ дворовые люди князя представляли лордовъ и принцессъ. Потомъ я дебютировалъ, былъ принятъ публикой, какъ нельзя лучше; князь осыпалъ меня учтивостями. Приготовляясь ко второму дебюту, я пошелъ въ театръ. Давали «Сороку-воровку»; мнѣ хотѣлось посмотрѣть княжескую труппу въ драмѣ.

Пьеса уже началась, когда я вошелъ; я досадовалъ, что опоздалъ, и разсѣянно, не понимая, что дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщеніе лицъ по чинамъ, на странное сборище фізіономій, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и то же, на провинціальныхъ барынь, пестрыхъ, какъ американскія птицы, и на самого князя, который такъ гордо, такъ озабоченно сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ слабый женскій голосъ: въ немъ выражалось такое страшное, глубокое страданіе... Я устремился глазами на сцену. Служанка откупщика узнала въ старомъ бродягѣ своего отца, бѣглаго солдата... Я почти не слушалъ ея словъ, а слушалъ голосъ. Боже мой!—думалъ я:—откуда взялись такіе звуки въ этой юной груди? они не выдумываются, не приобрѣтаются изъ сольфеджей, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты. Она провожаетъ отца до плетня, она стоитъ передъ нимъ такъ просто, задумчиво; надеждъ мало его спасти, — и когда старикъ уходитъ, вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у нея вырвался неопредѣленный крикъ,—крикъ слабого, беззащитнаго существа, на которое обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я слышу этотъ раздирающій крикъ...

Онъ пріостановился.

— Да, господа,—сказалъ онъ, помолчавши,—это была великая русская актриса!

Вѣроятно, вы знаете сюжетъ «Сороки-воровки», хоть по росиніевской оперѣ. Страшная пьеса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кромѣ отчаянія, если бы не придѣлали мелодрамную развязку. Анету обвиняютъ въ кражѣ; подозрѣніе имѣетъ какъ будто полное право пасть на ея голову, какъ ее не подозрѣвать?—она бѣдна, она служанка. Да и, наконецъ, если обвиненіе окажется несправедливымъ, что за бѣда?—ей скажутъ: «поди, голу-бушка, домой; видишь, какое счастье, что ты невинна!». А до какой степени все это вмѣстѣ должно разбить, уничтожить оскорбленіемъ

нѣжное существо, — этого разсказать не могу; для этого надобно было видѣть игру Анеты, видѣть, какъ она, испуганная, трепещущая и оскорбленная, стояла при допросѣ: ея голосъ и видъ были громкій протестъ,—протестъ, раздирающій душу, обличающій много нелѣпаго на свѣтѣ и въ то же время умяченный какой-то теплой, кроткой женственностью, разливающей свой характеръ нѣжной граціи на всѣ ея движенія, на всѣ слова. Я былъ изумленъ, пораженъ: этого я не ожидалъ; между тѣмъ, пьеса развивалась, обвиненіе шло впередъ,—балыи ¹⁾ хотѣлъ его для наказанія неприступной красавицы; черные люди суда мелькали по сценѣ, толковали такъ глубоко-мысленно, разсуждали такъ здраво, — потомъ осудили невинную Анету, и толпа стражей повела ее въ тюрьму... Да, да, вотъ какъ теперь вижу, балыи говоритъ: «Господа служивые, отведите эту дѣвицу въ земскую тюрьму» — и бѣдная идетъ!... Но она останавливается еще разъ. «Ришаръ», — говоритъ она, — «я невинна, да неужели и ты не вѣришь, что невинна!» И тутъ уже среди стона угнетенной женщины звучитъ вопль негодованія, гордости, той непреклонной гордости, которая развивается на краю униженія, послѣ потери всѣхъ надеждъ, развивается вмѣстѣ съ сознаниемъ своего достоинства и тупой безвыходности положенія. Помните старый анекдотъ, какъ добрый нѣмецъ закричалъ изъ райка людямъ убитаго командора, искавшимъ Донъ-Жуана: «Онъ побѣждалъ направо въ перелокъ!»? Я чуть не сдѣлалъ того же, когда Анету повели солдаты. Потомъ сцена въ тюрьмѣ съ балыи. Развратный старикъ видитъ невинность ея въ кражѣ и предлагаетъ продажей чести купить свободу. Несчастная жертва вырастаетъ, ея слова становятся страшны, и какая-то глубокая иронія лица удваиваетъ оскорбительную силу словъ. Я какъ-то случайно взглянулъ въ продолженіе этой сцены на князя; онъ былъ сильно потрясенъ, вертѣлся, покидалъ лорнетъ, опять бралъ его. Какъ такому знатоку не быть пораженнымъ этой игрой! Онъ, вѣрно, умѣлъ вполне цѣнить такую актрису, подумалъ я. Тихо, съ опущенной головой, со связанными руками шла Анета, окруженная толпою солдатъ, при рѣзкихъ звукахъ барабана и дудки. Ея видъ выражалъ какую-то глубокую думу и изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всю нелѣпость: это дитя, слабое, кроткое, съ свѣтлымъ челомъ невинности, и французскіе солдаты съ тесаками, со штыками, и барабаны; да гдѣ же непріятель? А непріятель-то — это дитя въ серединѣ ихъ, и они побѣдятъ его... Но она останавливается передъ церковью, бросается, молча, на

¹⁾ Въ прежнія времена офицеръ или чиновникъ, завѣдывавшій правосудіемъ отъ имени короля или феодальнаго владѣтеля.

колѣни, поднимаетъ задумчивый взглядъ къ небу,—не укоръ Прометей, не надменность Титана въ этомъ взглядѣ, совсѣмъ нѣтъ, а такъ, простой вопросъ: «за что же это? и неужели это правда?» Ее повели. Я рыдалъ, какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о «Сорокѣ-воровкѣ»; дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ драматическіе писатели, она идетъ до конца: Анету казнили. Въ пресѣ открываютъ, что воровка не она, а сорока,—и вотъ Анету несутъ назадъ въ торжествѣ, но Анета лучше автора поняла смыслъ событія; измученная грудь ея не нашла радостнаго звука; блѣдная, усталая, Анета смотрѣла съ тупымъ удивленіемъ на окружающее ликованіе,—со стороною упованій и надеждъ, кажется, она не была знакома. Сильныя потрясенія, горькій опытъ подрѣзали корень, и цвѣтокъ, еще благоуханный, склонялся, вянулъ; спасти его нельзя было... Какъ мнѣ жаль было эту дѣвушку!...

— Фу, Боже мой,—продолжалъ онъ, обтирая лицо платкомъ:—я такую волю далъ воображенію и воспоминанію, что, кажется, и заврался и расплакался; да, я не могу объ этихъ предметахъ иначе говорить, всякій разъ увлекусь... Ну, занавѣсь опустилась. Какъ дорого бы я далъ, чтобъ ее опять подняли; еще бы разъ взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страданіе. Но ее не вызывали. Не увидѣть Анеты я не могъ; итти къ ней, сжать ей руку, молча, взглядомъ передать ей все, что можетъ передать художникъ другому, поблагодарить ее за святая мгновенія, за глубокое потрясеніе, очищающее душу отъ разнаго хлама,—мнѣ это необходимо было, какъ воздухъ. Я бросился за кулисы... Въ партерѣ меня остановилъ одинъ любитель театра; онъ кричалъ мнѣ, выходя изъ своего ряда: «А, вѣдь, Анета-то не дурна была, какъ вамъ? Очень недурна, немножно манеры тривіальны». Я не возражалъ ему ни слова: его бы не убѣдилъ, а время терять не хотѣлъ. «Куда вы?»—спросилъ меня официантъ, стоявшій при входѣ за кулисы.—Я желаю видѣть Анету; понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку?—«Безъ княжева дозволенья нельзя».—Помилуй, любезный, я самъ—артистъ, третьяго дня игралъ.—«Мнѣ не было приказу васъ пускать».—Пожалуйста,—сказалъ я, выразительно опустивши два пальца въ жилетный карманъ.—«Какіе вы мудреные»,—отвѣчалъ лакей:—что же, мнѣ изъ-за васъ свою спину подставить?» Я больше не настаивалъ и отправился домой, но я былъ близокъ къ отчаянію, я былъ несчастенъ, и это—не фраза, не пустое слово... Неужели изъ васъ никому не случилось отдаваться безотчетно и безцѣльно обаятельному вліанію женщины, вовсе не близкой, долго смотрѣть на нее, долго ее слушать, встрѣчаться взглядомъ, привыкнуть къ ея улыбкѣ и такъ вжиться въ

эту летучую симпатію, что вы потомъ удивляетесь ея силѣ, когда эта женщина исчезаетъ; и вы себя чувствуете какъ-то оставленнымъ, одинокимъ: какая-то горечь наполняетъ душу, и весь вечеръ испорченъ, и вы торопитесь домой, и сердитесь, что у васъ въ передней нагорѣло на свѣчѣ, и что сигара скверно курится,—все оттого, что сыграли романъ въ полтора часа, романъ съ завязкой и развязкой. Если вы это испытали, то поймете, что происходило во мнѣ, молодомъ художникѣ: тоска по Анетѣ привела меня въ лихорадочное состояніе. Я, больной, бросился на кровать, я бредилъ, спалъ и не спалъ, и въ обоихъ случаяхъ образъ несчастной служанки носился передо мною. То она стоитъ, осужденная, такъ просто, удивительно просто; кругомъ сумасшедшіе,—ихъ называютъ судьями,—и мнѣ становилось горько; никто изъ нихъ не можетъ понять, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведутъ со связанными руками на торжественное убіеніе и думаютъ, что дѣлаютъ дѣло. То несутъ ее съ криками радости, ей толкуютъ, говорятъ, что все прошло, что она свободна,—а она устала, у ней нѣтъ силъ обрадоваться, она какъ будто спрашиваетъ: «да что же было?—вѣдь, ничего и не было!». Словомъ, тысячи варіацій на тему «Сороки-воровки» бродили у меня въ головѣ всю ночь.

На другой день утромъ, часовъ въ одиннадцать, я отправился въ домъ князя, съ твердымъ намѣреніемъ лечь костыми или добиться аудіенціи у Анеты. Когда я взошелъ на парадное крыльцо—одинъ отпертый входъ во всѣ дома, домики и флигеля князя,—явился швейцаръ съ своимъ глобусомъ на палкѣ. Начался допросъ: къ кому, за чѣмъ? Я сказалъ. Швейцаръ объявилъ мнѣ, что безъ письменнаго дозволенія отъ князя меня не пропустятъ. «Ну, меценатъ ревнивъ»,—подумалъ я.—«Да какъ же берутъ эти дозволенія?»—Пожалуйте въ контору, тамъ управляющій можетъ доложить его сіятельству. Швейцаръ позвонилъ; вышелъ официантъ и повелъ меня въ контору. Гордо развалясь, передъ конторкой сидѣлъ толстый управляющій, и, несмотря на ранній часъ, онъ уже успѣлъ не только утолить голодь, но даже и жажду. Я объяснилъ ему мою просьбу; вѣроятно, толстый господинъ не очень бы двинулся для меня, но онъ зналъ, что князь хотѣлъ заманить меня въ свою труппу, и, предоставляя себѣ дѣлать мнѣ отказы и неприятели впоследствии, счелъ за нужное теперь уступить моей просьбѣ и самъ отправился къ князю для переговоровъ по такому важному дѣлу. Черезъ минуту онъ возвратился съ вѣстью, что князь билетъ подпишетъ и пришлетъ въ контору. Мнѣ было некуда итти, я сѣлъ въ уголъ. Въ конторѣ царствовала большая дѣятельность. Французъ-декора-

торъ прибѣгалъ крупно браниться съ управляющимъ и ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ совершенно не русскія вещи; онъ былъ растрепанъ, въ засаленомъ сюртукѣ и такъ гордо смотрѣлъ, какъ самъ управляющій, и очень ругался. Потомъ управляющій велѣлъ позвать какого-то Матюшку; привели молодого человѣка съ завязанными руками, босого, въ сѣромъ кафтанѣ изъ очень толстаго сукна. «Пошелъ къ себѣ!—сказалъ ему грубымъ голосомъ управляющій.—Да если въ другой разъ осмѣлишься выкинуть такую штуку,—я тебя не такъ угощу: забыли о Сенькѣ?» Босой человѣкъ поклонился, мрачно посмотрѣлъ на всѣхъ и вышелъ вонъ. «Sacré peuple!»¹⁾),—пробормоталъ декораторъ и вышелъ вонъ, надѣвши середь комнаты шляпу. «Лицо молодого человѣка мнѣ что-то очень знакомо»,—сказалъ я лакею, случившемуся близъ меня.—«Да вы съ нимъ третьяго дня играли».—«Неужели это тотъ, который игралъ лорда?»—«Тотъ самый».—«За что это его такъ скрутили?»—спросилъ я, понизивъ голосъ. Лакей бросилъ косвенный взглядъ на управляющаго и, видя, что онъ щелкаетъ на счетахъ, слѣдственно, совершенно поглощенъ, отвѣчалъ мнѣ полушепотомъ:—«Записочку перехватили къ одной актеркѣ; ну, этого у насъ не долюбиваютъ: его и велѣли на мѣсяцъ посадить въ сибирку».—«Такъ это его тогда приводили на сцену оттуда?»—«Да-съ; имъ туда роли посылаютъ твердить».—«Порядокъ всего дороже»,—отвѣчалъ я, и желаніе итти въ княжескую труппу начало остывать.

Дверь въ контору растворилась съ шумомъ, всѣ вскочили: вошелъ князь. Лакей взглянулъ на меня,—я понялъ: это была просьба о скромности. Князь прямо подошелъ ко мнѣ и, подавая билетъ, замѣтилъ, какъ ему пріятно, что артистка его труппы заслужила такое одобреніе отъ меня,—весьма лестно отзывался о ней, страхъ какъ жалѣлъ, что она слаба здоровьемъ, извинялся, что меня не пустили безъ билета... «Дѣлать нечего, порядокъ въ нашемъ дѣлѣ—половина успѣха; ослабь сколько-нибудь вожжи,—бѣда: артисты—люди безпокойные. Вы знаете, можетъ быть, что французы говорятъ: легче арміей цѣлой управлять, нежели труппой актеровъ. Вы не сердитесь за это»,—прибавилъ онъ, смѣясь,—«вы такъ привыкаете играть разныхъ султановъ, вельможъ, что и за кулисами остаются такія замашки».—«Князь»,—сказалъ я:—«если французы это говорятъ, то потому, что они не знаютъ устройства вашей труппы и ея управленія».—«О, да вы къ тому же и льстецъ большой!»—замѣтилъ князь, грозя пальцемъ, и, благосклонно улыбнувшись, важно отправился въ бюро, а я—къ Анетѣ.

¹⁾ Проклятый народъ!

Пока я достигъ флигеля, гдѣ жила Анета, меня раза три оставляли то лакей въ ливреѣ, то дворникъ съ бородой; билетъ побѣдилъ всѣ препятствія, и я съ бьющимся сердцемъ постучался робко въ указанную дверь. Вышла дѣвочка лѣтъ тринадцати, я назвалъ себя. «Пожалуйте»,—сказала она,—«мы васъ ждемъ». Она привела меня въ довольно опрятную комнатку, вышла въ другую дверь; дверь черезъ минуту отворилась, и женщина, одѣтая вся въ бѣломъ, шла скорыми шагами ко мнѣ. Это была Анета. Она протянула мнѣ обѣ руки и сказала:

— Чѣмъ заслужила я это?.. благодарю васъ!..—сказала тѣмъ голосомъ, который вчера такъ сильно потрясъ меня, и прежде, нежели я успѣлъ что-нибудь отвѣчать, она залилась слезами.—Извините,—шептала она сквозь слезы прерывающимся голосомъ,—Бога ради, извините... это сейчасъ пройдетъ... я такъ обрадовалась... я слабая женщина, простите.

— Успокойтесь, что съ вами? успокойтесь,—говорилъ я ей, и мои слезы капали на жилетъ;—если-бъ я зналъ, что мое посѣщеніе...

— Полноте, какъ вамъ не грѣшно? полноте,—и она снова протянула мнѣ руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза.—Вы не можете понять, сколько добра вы мнѣ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ, это—благодѣяніе... Будьте же снисходительны, подождите минуточку... я немного выпью воды, тогда все пройдетъ,—и она улыбнулась мнѣ такъ хорошо и такъ печально...—Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ художникомъ, съ человѣкомъ, которому я могла бы все сказать, но я не ждала такого человѣка, и вдругъ вы,—я вамъ очень благодарна. Пойдемте въ комнату, здѣсь могутъ насъ подслушать; не думайте, чтобъ я боялась,—нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, но это шпіонство унизительно, грязно... и не для ихъ ушей то, что я вамъ хочу сказать.

Мы вошли въ спальню; она выпила воды и бросилась на стулъ, указывая мнѣ на кресло. Гдѣ были всѣ придуманныя мною похвалы, гдѣ были эти тонкія замѣчанія, которыми я хотѣлъ похвастать?! Я смотрѣлъ на нее сквозь слезы, смотрѣлъ, и грудь моя поднималась. Лицо ея, прекрасное, но уже изнеможенное, было страшное сказаніе: въ каждой чертѣ можно было прочесть ту исповѣдь, которая звучала въ ея голосѣ вчера. Къ этимъ чертамъ, къ этому лицу прибавлять много не было нужды: нѣсколько собственныхъ именъ, нѣсколько случайностей, чиселъ; остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной нѣгой, а какъ-то траурно, безнадежно; огонь, свѣтившійся въ нихъ, кажется, сжигалъ ее. Худое и до невѣроятности истомленное лицо

раскраснѣлось отъ слезъ какъ-то неестественно, чахоточно; она отбросила волосы за ухо и склонила на руку, опертую на столъ, свою голову. Зачѣмъ тутъ не было Кановы или Торвальдсена? вотъ статуя страданія,—страданія внутренняго, глубокаго! Что за благородная, богатая натура,—думалъ я,—которая такъ изящно гибнетъ, такъ страшно и такъ граціозно выражаетъ несчастіе!.. Минутами артистъ побѣждалъ во мнѣ человѣка... Я восхищался ею, какъ художественнымъ произведеніемъ.

Между тѣмъ, она оправилась и говорила:

— Не правда ли, Какая смѣшная встрѣча? Да еще не конецъ; я вамъ хочу рассказать о себѣ: мнѣ надобно высказаться; я, можетъ быть, умру, не увидѣвши въ другой разъ товарища-художника... Вы, можетъ быть, будете смѣяться,—нѣтъ, это я глупо сказала,—смѣяться вы не будете. Вы слишкомъ человѣкъ для этого: скорѣе вы сочтете меня за безумную. Въ самомъ дѣлѣ, что за женщина, которая бросается съ своей откровенностью къ человѣку, котораго не знаетъ? да, вѣдь, я васъ знаю, я видѣла васъ на сценѣ: вы — художникъ.

Я жалъ ея руку и не могъ вымолвить ни слова.

— Исторія моя не длинна,—очень коротка, напротивъ; я не утомлю васъ; послушайте ее хоть за то удовольствіе, которое я вамъ доставила Анетой.

— Да говорите, ради Бога, говорите; я жадно ловлю каждое слово, хотя, скажу вамъ откровенно, я бы могъ вамъ рассказать вашу исторію, не слыхавъ ни отъ васъ, ни отъ кого другого ни слова... Я ее знаю.

— Вотъ потому-то я вамъ и расскажу ее. Я не такъ давно въ здѣшной труппѣ. Прежде я была на другомъ провинціальномъ театрѣ, гораздо меньшемъ, гораздо хуже устроенномъ, но мнѣ тамъ было хорошо, можетъ быть оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, не думая о жизни. Я отдавалась любу къ искусству съ такимъ увлеченіемъ, что на внѣшнее не обращъ вниманія, я болѣе и болѣе вживалась въ мысль, вамъ, вѣроятно, коротко знакомую,—въ мысль, что я имѣю призваніе къ сценическому искусству; мнѣ собственное сознаніе говорило, что я — актриса. Я непрерывно изучала мое искусство, воспитывала тѣ слабыя способности, которыя нашла въ себѣ, и радостно видѣла, какъ трудность за трудностью исчезаетъ. Помѣщикъ нашъ былъ добрый, простой и честный человѣкъ; онъ уважалъ меня, цѣнилъ мои таланты, далъ мнѣ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, въ Парижъ, я видѣла Тальму и Марсъ, я пробыла полгода въ Парижѣ, и—что дѣлать!—я еще была очень молода,

если не лѣтами, то опытомъ, и воротилась на провинціальный театрикъ; мнѣ казалось, что какія-то особенныя узы долга связуютъ меня съ воспитателемъ. Еще бы годъ!.. Мало ли что могло бы быть... Онъ умеръ скоропостижно. Въ мрачной боязни ждали мы шесть недѣль; онѣ прошли; вскрыли бумаги, но въ нихъ ничего не нашлось. Новость эта оглушила насъ; пока мы еще плакали да думали, что дѣлать, наша труппа перешла въ другія руки. Князь насъ хорошо принялъ, хорошо помѣстилъ, какъ вы сами видите, даже положилъ большіе оклады, не стѣсняя себя, впрочемъ, точностью выдачи. Но это былъ ужъ не прежній директоръ, добродушный и снисходительный; онъ съ перваго разу далъ почувствовать всю необъятную разницу между нимъ и его гаерами, назначенными для его удовольствія. Онъ привыкъ къ раболѣпію, онъ протягивалъ свою руку охотникамъ цѣловать; дворецкій и толпа его фаворитовъ старались подражать ему въ обращеніи. Тяжело было на сердцѣ, очень тяжело, но были еще и отрадныя минуты; меня берегли за талантъ, и я умѣла еще такъ предаваться искусству, что забывала окружающее; меня тѣшило—самой смѣшно и стыдно теперъ—прекрасное устройство театра. Все это прошло, даже становится невѣроятнымъ, что было.

Я стала замѣчать, что одинъ изъ любимцевъ князя особенно внимателенъ ко мнѣ; я поняла эту внимательность и вооружилась. Князь не привыкъ къ отказамъ изъ труппы. Я дѣлала видъ, что ничего не понимаю; онъ счелъ за нужное высказывать яснѣе и яснѣе свои намѣренія; наконецъ, онъ подослалъ ко мнѣ своего повѣреннаго съ разными обѣщаніями и условіями. Я прогнала повѣреннаго, и на время преслѣдованія прекратились. Разъ поздно вечеромъ, воротившись съ представленія, я читала вслухъ, одна, читала вновь переведенную съ нѣмецкаго трагедію «Коварство и любовь». Вы знаете, вѣроятно, ее? Въ ней такъ много близкаго душѣ, такъ много негодованія, упрека,—улики въ нелѣпости жизни, которую ведутъ люди; когда читаешь ее, будто вспоминаешь что-нибудь родное, близкое, бывалое. Всѣ лица этой пьесы оставляютъ какое-то тяжелое впечатлѣніе: гофмаршалъ и леди, и старикъ-камердинеръ, у котораго дѣти пошли добровольно въ Америку... и милыя дѣти, Фердинандъ и Луиза. Знаете, Луизу я сыграла бы,—особенно сцену съ Вурмомъ, гдѣ онъ заставляетъ писать письмо;—если бы можно при васъ, да князь не любитъ такихъ пьесъ. Итакъ, я читала «Коварство и любовь» и была совершенно подъ влияніемъ пьесы, увлечена, одушевлена ею; вдругъ кто-то сказалъ: «Прекрасно, прекрасно!» и положилъ мнѣ на раскрытое плечо свою руку. Я съ ужасомъ отскочила къ стѣнѣ: это былъ онъ.

— Что угодно приказать вамъ?—спросила я голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства и негодованія.—Я слабая женщина, вы это сейчасъ видѣли, но увѣряю, я могу быть и сильной женщиной.

(Я и это видѣлъ,—возразилъ я, намекая на нѣкоторыя выраженія въ ея разсказѣ).

— Приказывать нечего,—отвѣчалъ посѣтитель, стараясь придать плѣнительное выраженіе своему лицу.—Можно ли приказывать такимъ глазкамъ?!—они должны приказывать.

Я смотрѣла прямо ему въ глаза. Онъ нѣсколько смутился, онъ ждалъ какого-нибудь отвѣта. Но онъ скоро нашелся, подошелъ ко мнѣ и, сказавши: *Ne faites donc pas la prude*¹⁾),—не дурачься, ну, посмотри же на меня не такъ; другія за счастье поставили бы себѣ... онъ взялъ меня за руку; я ее отдернула.

— Вы,—сказала я,—можете сдѣлать мнѣ много зла, но есть такія блага и у самаго животнаго, которыхъ у него отнять нельзя,—пока оно живо, по крайней мѣрѣ. Идите къ другимъ, осчастливьте ихъ, если вы успѣли воспитать ихъ въ такихъ понятіяхъ.

— *Mais elle est charmante!*²⁾—возразилъ онъ.—Какъ къ ней идетъ этотъ гнѣвъ! Да полно роль играть!

— Что вамъ угодно въ моей комнатѣ въ такое время?—сказала я сухо.

— Ну, пойдѣмъ въ мою,—отвѣчалъ онъ;—я не такъ грубо принимаю гостей, я гораздо добрѣ тебя.

И онъ придалъ своимъ глазамъ видъ сладко-чувствительный. Старикъ этотъ въ эту минуту былъ безмѣрно отвратителенъ: съ дрожащими губами, съ выраженіемъ... съ гадкимъ выраженіемъ.

— Дайте вашу руку, подите сюда.

Онъ, ничего не подозрѣвая, подаль мнѣ руку; я подвела его къ моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его:

— И вы думаете, что я пойду къ этому смѣшному старику, къ этому плѣшивому селадону?—Я расхохоталась.

Старикъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Въ первую минуту онъ, вырвавши свою руку, поднялъ ее и, вѣроятно, ударилъ бы меня въ лицо, если-бъ онъ больше владѣлъ собою. Онъ ограничился грубой бранью и вышелъ вонъ крича:

— Я тебя научу забываться! кому ты смѣешь говорить этимъ языкомъ?! Ты воображаешь, что ты актриса!..

¹⁾ Не разыгрывайте изъ себя стыдливой честности (недотрогу).

²⁾ Но она очаровательна!

Я захлопнула за нимъ дверь и бросила на полъ столовый ножикъ, который безъ всякой мысли схватила, когда мнѣ помѣшали читать, и потомъ спрятала его въ рукавъ на всякій случай.

Что я чувствовала, какъ я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу вамъ рассказывать ряда мелкихъ, оскорбительныхъ неприятностей, который начался для меня съ этого дня. У меня отняли лучшія роли, меня мучили непрерывной игрой въ роляхъ, вовсе чуждыхъ моему таланту; со мною всѣ наши власти начали обращаться грубо, говорили мнѣ *ты*, не давали мнѣ хорошихъ костюмовъ; не хочу потому рассказывать, что это все пойдетъ въ похвалу князю: онъ не такъ бы могъ поступить со мною,—онъ поделкатился, онъ меня уважилъ гоненіями въ то время, какъ онъ могъ наказать меня другими средствами. Да и сказать правду, я думаю, меня не скоро бы они добились только такими мелочами... Я постоянно въ лихорадкѣ, сонъ не освѣжаетъ меня, къ вечеру голова болитъ, а утромъ я, какъ въ ознобѣ. Повѣрите ли, что съ тѣхъ поръ каждую недѣлю мнѣ перешиваютъ костюмы, и я радуюсь этому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, признаюсь вамъ: страшно, страшно и больно. Да развѣ не могло иначе быть?.. Видно, что нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, больная, въ какомъ-то горячечномъ состояніи выхожу я на сцену и меня осыпаютъ рукоплесканіями, не понимая моей игры. Я съ тѣхъ поръ играю одну роль,—зрители не догадались. Талантъ мой тухнетъ, я становлюсь одностороннѣе; есть роли, которыя я играю небрежно, которыя мнѣ сдѣлались невозможны. Итакъ, все кончено—и талантъ и жизнь... прощай, искусство, прощайте, увлеченія на сценѣ! Поживу еще года два съ князевыми словами: ихъ бы вырѣзать на моей могилѣ.

Она умолкла. Я не нашелъ ей ничего сказать въ утѣшеніе. Помолчавши, она продолжала:

— Мѣсяца два тому назадъ былъ бенефисъ. Прошу костюма,—не даютъ. Въ такомъ случаѣ, сказала я режиссеру, я куплю на свои деньги, что надобно, и сошью его себѣ.—Надѣваю шляпку и хочу итти въ лавки.

— Не велѣно никуда пускать безъ спросу; гдѣ у васъ дозволеніе?

Я была раздражена и пошла въ контору. Князь былъ тамъ; подхожу къ нему и прошу позволенія итти въ лавки.

— Странное время тебѣ назначаютъ любовники для свиданья—утромъ!—замѣтилъ князь къ неопisanному удовольствію управляющаго и лакеевъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову; мое поведеніе было не запятанное; оскорбленіе вывело меня изъ себя.

— Такъ это для сбереженія нашей чести запираютъ насъ? Ну, князь, вотъ вамъ моя рука, мое честное слово, что ближе года я докажу вамъ, что мѣры, вами избранныя, недостаточны!

При этомъ я вышла прежде, нежели онъ успѣлъ сказать слово.

Тутъ она остановилась, взволнованная, изнуренная. Я ее просилъ успокоиться, выпить еще воды, держалъ ея холодную и влажную руку въ моей... Она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдругъ она подняла ея, гордую и величественную, и, ясно взглянувъ на меня, сказала:

— Я сдержала слово... Мой романъ не оставилъ мнѣ тѣхъ кроткихъ, сладкихъ воспоминаній счастья, упоеній, какъ у другихъ: въ немъ все лихорадочно, безумно; въ немъ не любовь, а отчаянiе, безвыходность... Я вамъ не расскажу его, потому что собственно нечего рассказывать.

— Князь знаетъ?—спросилъ я.

— Вѣроятно, знаетъ; онъ все знаетъ... Да я бы была въ отчаянiи, если-бъ онъ не зналъ. Я не боюсь его; я умру въ этой комнатѣ, а ужъ проситься не пойду къ нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило: умереть, не выдавши чловѣка... Теперъ вы понимаете, что для меня ваше посѣщенiе...

— Да нельзя ли какъ-нибудь?.. располагайте мною.

— Нѣтъ; вы видите, какъ насъ строго пасутъ.

Бѣдная артистка! думалъ я: что за безумный, что за преступный чловѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавши о судьбѣ твоей! Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобъ сообщить вещь страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ неразвитости, и великiй талантъ, неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ быть, подчасъ и поднималась бы со дна твоей души непонятная грусть, зато она осталась бы непонятной.

— Пора намъ разстаться,—сказала она печально.

— Прощайте, благодарю васъ; какъ бы я желалъ что-нибудь...

Она улыбнулась.

— Вспоминайте иногда, что и во мнѣ...

— Погибла великая русская актриса!..

Я вышелъ, заливаясь слезами.

— Знаешь ли, какая радость?—сказалъ мнѣ товарищъ мой, когда я возвратился домой.—Здѣсь сейчасъ былъ управляющiй князя, удивлялся, что ты не приходилъ еще домой, и велѣлъ тебѣ сказать, что князь желаетъ тебя оставить на слѣдующихъ условiяхъ.

Онъ съ торжествующимъ лицомъ подалъ мнѣ бумагу. Условiя были превосходны.

— А знаешь ли ты новость?—отвѣчалъ я ему.—Идучи домой, я зашелъ къ нашему ямщику и нанялъ ту же тройку, которая насъ сюда привезла. Оставайся, если хочешь, а я черезъ часъ ѣду.

— Да что ты, съ ума сошелъ?

— Не знаю, но я здѣсь не останусь: климатъ нездоровъ для художника. А? Подумай-ка да и поѣдемъ на нашъ старый театръ, съ его декораціями, въ которыхъ мудрено отличить тѣнистую аллею отъ рѣки, въ которыхъ море спокойно, а стѣны волнуются. Поѣдемъ-ка!

— Я бы и готовъ, право, воротиться,—отвѣчалъ товарищъ, беззаботнѣйшій изъ смертныхъ,—да, вѣдь, съ голоду тамъ умремъ.

— А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылѣчить кускомъ хлѣба, а кусокъ хлѣба, слава Богу, съ нашимъ здоровьемъ вырабotaемъ. Болѣзни отъ сытости не такъ скоро лѣчатся.

Товарищъ задумался; я не хотѣлъ его уговаривать. Вдругъ онъ померъ со смѣху:

— Ха, ха, ха! ѣду, братецъ, ѣду! Знаешь ли, что мнѣ въ голову пришло? какъ удивится Василій Петровичъ, когда мы черезъ двѣ недѣли воротимся,—вотъ удивится-то!

Эта мысль о сюрпризѣ совершенно примирила моего пріятеля съ неожиданнымъ путешествіемъ. Однако, онъ спросилъ:

— Ну, а управляющему какой отвѣтъ?

— Тутъ очень затрудняться нечѣмъ: не мы будемъ отвѣчать завтра, если сегодня уѣдемъ; ему скажутъ: вчера отправились обратно. Вотъ и князю сюрпризъ такой же, какъ Василью Петровичу.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо, оттого хорошо, что условія выгодны; пусть онъ знаетъ, что не все на свѣтѣ покупается. Сейчасъ буду укладываться!

И онъ началъ увязывать и складывать небольшія пожитки наши, насвистывая мотивъ изъ «Калифа Багдадскаго».

Вотъ и все. Для полноты прибавлю, что черезъ два часа мы попрыгивали въ кибиткѣ. Мнѣ было скверно, какая-то желчевая злоба наполняла душу; я пробовалъ и на дорогу смотрѣть, и по сторонамъ, и сигары курить,—ничего не помогало. Да и, какъ на смѣхъ, небо было сѣро, вѣтеръ холодень, даль терялась за болотистыми испареніями, всѣ виды, которыми я восхищался, ѣхавши сюда, были угрюмы; оттого ли, что я ихъ видѣлъ въ обратномъ порядкѣ, или отчего другого, только они меня не веселили. Даже роскошные господскіе дома съ парками и оранжереями, такъ гордо красовавшіеся между почернѣвшихъ и полуразвалившихся избъ, казались мнѣ мрачными.

— Что же сдѣлалось потомъ съ Анетой? Видѣли вы ее?

— Нѣтъ; она умерла черезъ два мѣсяца послѣ родовъ.

Художникъ отиралъ слезы, бѣжавшія по щекамъ. Молодые люди молчали; онъ и они представляли прекрасную надгробную группу Анетѣ.

— Все такъ,—сказалъ, вставая, славянинъ,—но зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно?..

26 января 1846.

466. Письмо къ П. В. Анненкову.

5-го марта 1848 года.

Римъ.

Наконецъ-то, старуха проснулась и начала писать. Жду отъ тебя вѣстей; вѣроятно, ни ты, ни Гервегъ никуда не поѣдете; вѣроятно тоже, что къ осени переберусь и я. Революціи мѣняютъ ежедневно видъ Европы и мои планы путешествія;¹ теперь я собираюсь опять въ апрѣлѣ въ Неаполь, оттуда въ Палермо и оттуда въ Марсель, когда будетъ жарко. Новости изъ Парижа здѣсь были приняты френетически; вчера въ театрѣ Apollo были горячія демонстраціи: «Viva la Francia liberata! Viva Parigi! Vivo il nuovo governo francese!»²). Доселѣ Франція была исключена изъ всѣхъ демонстрацій³) — разумѣется, съ предстоящимъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенья.

Твое письмо я нашелъ здѣсь. Я писалъ къ тебѣ изъ Неаполя о потерѣ портфеля; по милости того, что теперь тамъ нѣтъ полиціи, я его отыскалъ: пропалъ только кредитивъ, но Торлонія⁴) увѣрилъ, что никто не займетъ по нему, а потому—это дѣло въ сторону. Скажи Гервегу, что я хорошо знакомъ съ редакторомъ «*Italice*» Spini⁴), но ни онъ, ни другой редакторъ, Pinto⁵), не слы-

¹) Да здравствуетъ освободившаяся Франція! Да здравствуетъ Парижъ! Да здравствуетъ новое французское правительство!

²) Дальше Н. А.—на написала: «Поздравляю, поздравляю!», а Герценъ продолжалъ.

³) Алессандро, арендаторъ налоговъ на соль и табакъ въ Римѣ и Неаполитанскомъ королевствѣ.

⁴) По словамъ Н. А. Огаревой, онъ благоговѣнно относился и искренно любилъ Н. А.—ну Герценъ (письмо къ Е. С. Некрасовой, Румянц. музей).

⁵) Микель-Анджело, общественный и политическій дѣятель, съ 1860 г. лекторъ итальянскаго языка въ СПБ. университетѣ.

живали о кландестинномъ ¹⁾ журналѣ «Ibis» и говорятъ, что, вѣроятно, этотъ журналъ издавался въ Тосканѣ, а не здѣсь.

Теперь къ общимъ дѣламъ.

Я въ Неаполѣ пробылъ 25 дней.² Представь себѣ, что изъ этого рая сдѣлали еще новыя событія! Одинъ вечеръ останется у меня въ памяти. Я пріѣхалъ до конституціи; народъ сомнѣвался, публика была мрачна; приходитъ день, назначенный королемъ,—конституціи нѣтъ; все становится безп койнѣе, вѣсти изъ Сициліи мрачны; въ театрѣ поютъ гимнъ, и все молчитъ. 11-го, въ три часа подписалъ король конституцію, въ пять площадь передъ Francesco di Novlo покрылась народомъ: хотѣли знать подтвержденія. Король явился на балконѣ, и «Viva il re artificionale!» было вопросомъ; онъ снялъ шляпу и поклонился въ поясъ, à la lettre — въ поясъ; тогда какой-то энтузіазмъ охватилъ весь городъ: еще не совсѣмъ смерклося, когда все явилось съ зажженными факелами. Незнакомые люди жали мнѣ руку на улицахъ; обнимались люди съ раскраснѣвшимся лицомъ; другіе, обливаясь слезами, кричали: «Viva la libertà!» ³⁾. Остальные дни были официально торжественны, но энтузіазма не было.

Вообще характеръ неаполитанцевъ какой-то растлѣнный; я сравниваю Неаполь съ куртизанкой, а Римъ—съ матроной; оттого-то въ Римѣ все величественнѣе и скучнѣе. Неаполитанцы до того изъярились, что пѣсно о Masaniello ³⁾ поютъ на голосъ «Jobenti voglio assai» ⁴⁾. Симпатіи къ Сициліи у нихъ нѣтъ, а между тѣмъ это — народъ героевъ, и что за твердость! Руджеро Сеттимо ⁵⁾—государственный человекъ, не поддался Фердинанду ни на одну уловку; какъ временное правительство поставило вопросъ, не уступаетъ ни юты: отдѣльный парламентъ, въ общихъ вопросахъ рѣшать равнымъ числомъ сицилійцевъ и неаполитанцевъ, не держать

¹⁾ Clandestin—тайный («подпольный»).

²⁾ Да здравствуетъ свобода!

³⁾ Мазаниелло, точнѣе,—Томазіо Аниелло,—рыбакъ, вставшій во главѣ возстанія 1647 г. въ Неаполѣ противъ испанскаго намѣстника. Это возстаніе послужило французскому композитору Обѣру (Daniel Aubert) сюжетомъ для извѣстной оперы «Нѣмая изъ Португи», или «Фенелла».

⁴⁾ Много добра тебѣ желаю.

⁵⁾ Уроженецъ Сициліи, политическій дѣятель; руководилъ тогда временнымъ правительствомъ въ Сициліи. 25 марта, когда революція взяла верхъ, онъ торжественно открылъ засѣданія сицилійскаго парламента. Обѣ палаты поднесли ему титулъ президента королевства Сициліи съ правомъ выбрать отвѣтственныхъ министровъ. Потомъ ему былъ поднесенъ титулъ «Отца отечества».

солдатъ неаполитанцевъ на островѣ, вице-короля, совершенно отдѣльное управление.

Минто ¹⁾ въ Неаполѣ и сэръ Паркеръ ²⁾ съ тремя чудовищными линейными кораблями стоитъ передъ носомъ у короля, каждую зорю напоминая о себѣ пушкой. Я видѣлъ въ Неаполѣ «Ромео». А пропос, 5-го февраля были выпущены всѣ арестанты изъ Sant-Elmo и Castel del Oro (политическіе), имъ давали спланидннй ³⁾ обѣдъ въ café Eugora, потомъ водили по Толедо, потомъ въ San-Carlo, гдѣ имъ приготовили мѣста. Remue-ménage ⁴⁾ да и только. Здѣсь въ редакціи «Italice» былъ одинъ неаполитанецъ-refugié, который едва живъ и котораго прежній префектъ хотѣлъ выслать изъ Рима за либерализмъ, но Чичероваккіо пошелъ къ префекту и сказалъ ему, что если онъ вышлетъ его, то онъ, Чичероваккіо, приведетъ его назадъ, а что въ антрактѣ префекта народъ уведетъ вонъ изъ Рима. Тотъ перепугался и оставилъ. Сей господинъ приѣхалъ за день до меня въ Неаполь (à propos, дилижансы объявили, что они даромъ доставляютъ всѣхъ refugiés). Король предложилъ ему тотчасъ мѣсто губернатора въ Калабрії, но онъ сказалъ, что имѣетъ въ виду лучшее—мѣсто депутата въ оппозиціи.

Министерство въ Неаполѣ слабое и вялое, оно же пало. А пропос, здѣсь теперь министромъ полиціи графъ Gaetano Teano, президентъ политическаго клуба Circolo Romano ⁵⁾, молодой человекъ и литераторъ. Вслѣдствіе всего сего, полиціи вовсе нѣтъ. Одушевление здѣсь серьезнѣе. Ждутъ послѣзавтра манифестъ о конституціи; на улицахъ уже кричатъ: «Viva la costituzia che sarà data!», «Viva la costituzia di Pio Nono!» ⁶⁾. Здѣсь даютъ ежедневно балетъ, въ которомъ является австрійскій императоръ на сценѣ, а это—сигналъ крику: «Corragio, Lombardia! Abbasso, Tedeschi!» ⁷⁾—и императора заставляютъ кланяться папской бандіерѣ ⁸⁾ въ землю, при страшныхъ воцифераціяхъ ⁹⁾: «Giù, giù!» ¹⁰⁾. Представь, какъ это больно для моихъ нервовъ, привыкнувшихъ къ порядку.

¹⁾ Лордъ Джорджъ-Элліотъ, графъ Минто—англійскій пэръ и дипломатъ.

²⁾ Адмиралъ англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ.

³⁾ Splendide—роскошно-блестящій.

⁴⁾ Вверхъ дномъ все (въ хозяйствѣ).

⁵⁾ Римскій клубъ.

⁶⁾ Да здравствуетъ конституція, которая будетъ дана! Да здравствуетъ конституція Пія девятаго.

⁷⁾ Мужество, Ломбардія! Долой нѣмцевъ!

⁸⁾ Bandiera—флагъ, знамя.

⁹⁾ Vocifération—воплъ, изступленный крикъ.

¹⁰⁾ Внизъ, внизъ! (ниже).

Итальянцы—славные люди и не такъ отталкиваютъ иностранцевъ, какъ французы 47 года, de l'ancien régime ¹⁾ то есть,—ибо 48-хъ мы не знаемъ. А прогос, Чичероваккіо меня спрашивалъ: сколько дней надобно ѣхать отъ Константинополя до Сибири? Его возили здѣсь въ колесницѣ въ Корсини и Боргезе. Онъ завелъ свой клубъ, болѣе демократическій, нежели Circolo Romano. Я ничего не дѣлаю, въ душѣ какое-то безпокойство и радость съ тоской.

Ты, я думаю, знаешь, что наши москвичи подали въ отставку. Дѣло это хуже, нежели началось; я, наконецъ, узналъ, что Уваровъ ²⁾ сообщилъ графу Строганову бумагу, въ какомъ духѣ желаютъ измѣнить преподаваніе въ московскомъ университетѣ. Графъ Строгановъ ее положилъ подъ сукно и его отставили за это.³⁾ Голохвостовъ публиковалъ сію милую бумагу. О Костромѣ знаю, но объ агентствахъ, кажется, пухъ. Увидимъ реакцію всего бывшаго. 30,000 войскъ нашихъ отправились (говорятъ здѣсь—навѣрное) занимать Галицію, пока австрійцы будутъ заниматься въ Ломбардіи.

Скажи Гервегу, что стыдно ѣздить въ Андалузію теперь: совсѣмъ напротивъ, всего лучше оставаться на мѣстѣ или проѣхать въ Палермо и вмѣстѣ отправиться въ Парижъ. Что-то Пруссія? Даже есть датская конституція, чудеса! Нашъ вѣкъ на половинѣ хочетъ доказать, что и въ немъ не чортъ умъ съѣлъ.

6-го марта.

Вчера огромная демонстрація на улицахъ въ пользу fratellanza ³⁾ съ Франціей. Чудесно устраиваютъ римляне этого рода праздники! Во всемъ величавость, торжественность и сила. Между прочимъ, несли адресъ папѣ, въ которомъ было сказано, что великія событія во Франціи не дозволяютъ медлить ни минуты, что пора объявить свободныя учрежденія, достойныя народа. Говорятъ, завтра, то есть въ первый постный день, объявится.

Итальянцы ужасно близки къ республикѣ, и тосканцы съ римлянами впереди. Здѣсь республика будетъ иная — никакой централизаціи федералистско-муниципальной и демократической. Римъ — нравственный узелъ, но не столица; онъ даже по отсутствію торговли, жизненности, по положенію не можетъ быть столицей; Генуя, Палермо, Болонья, Неаполь, Ливорно и Флоренція — великіе граждане, но у нихъ слишкомъ много мѣстничества: имъ надобно почетнаго старѣйшину, и этотъ старѣйшина—Римъ. Сейчасъ услы-

¹⁾ Старога режима.

²⁾ Министръ народнаго просвѣщенія.

³⁾ Братскій союзъ.

шалъ, что въ Неаполѣ король запертъ во дворцѣ; каждая минута приноситъ что-либо новое.

Напиши скорѣе о себѣ; спроси у Боке, гдѣ его убили; напиши, какъ насчетъ русскихъ, что посольство, какъ паспорта,—все это мнѣ очень нужно.

Пиши: «confiée aux soins de m-r Torlonia» ¹⁾, потому что, если я уѣду, онъ перешлетъ; я полагаю остаться здѣсь не долѣе 1-го апрѣля; смотря по обстоятельствамъ: или въ Питеръ, или къ вамъ ²⁾.⁴

◆◆ 1. Въ теченіе февраля 1848 г. произошла большая пере-
мѣна въ настроеніи всего европейскаго общества. 22—24 февраля
разразилась французская революція, Людовикъ-Филиппъ бѣжалъ изъ
Франціи, королевскій тронъ былъ сожженъ на площади Бастиліи.
Въ Италіи движеніе росло и обѣщало въ скоромъ времени принять
чисто революціонныя формы. Въ Неаполѣ королемъ Фердинандомъ II
была объявлена конституція, 8 февраля то же сдѣлалъ сардинскій
Карль-Альбертъ.

2. Какъ видно изъ заграничнаго паспорта, Герценъ выѣхалъ
изъ Рима 5 февраля и 7-го прибылъ въ Неаполь, 16 февраля былъ
въ Portella, а 19-го вновь вернулся въ Неаполь; 29-го былъ въ
Террачинѣ и Portella.

3. Очень интересныя обстоятельства увольненія гр. С. Г. Стро-
ганова подробно и правильно изложены на стр. 235 — 253, т. IX
«Жизнь и труды М. П. Погодина».

4. 13 апрѣля Герценъ выѣхалъ изъ Рима. 5 іюля онъ былъ
въ Террачинѣ, и эта виза на паспортѣ хронологически уже по-
слѣдняя.

¹⁾ Довѣренное заботамъ г-на Торлонія.

²⁾ Въ Парижъ.

467. Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести.

NOBLESSE OBLIGE! ¹⁾

Западная поговорка.

Il me serait bien difficile de te faire sentir ce que c'est (*le point d'honneur*), car nous n'en avons point précisément l'idée.

Usbeck à Ibben ²⁾.

Часто споры бываютъ поводомъ къ поединку; недавно случилось противоположное: какой-то поединокъ подалъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Одни горячо защищали поединки, другіе предавали ихъ проклятію. «Дерзкое самоуправство»—говорили одни. «Но кто же лучше меня самого управится въ собственномъ дѣлѣ?» отвѣчали другіе.—«Убійство»—говорили одни.—«Война»—отвѣчали другіе. Между этими противоположными воззрѣніями образовалась благоразумная середина, которая находила, что теоретически оправдать дуэль такъ же невозможно, какъ практически избѣжать ея, основываясь на премудромъ правилѣ, что «такъ должно быть» противоположно съ «тѣмъ», что есть на самомъ дѣлѣ». Разумѣется, что всѣ эти споры кончились, какъ всегда, совершеннымъ затемненіемъ вопроса и ожесточенной упорностью cadaго въ своихъ мнѣніяхъ. Главный порицатель дуэлей до того разгорячился, что чуть не вызвалъ рыцарственнаго защитника ихъ.

Возвратившись домой послѣ горячаго пренія и вспоминая на досугѣ все слышанное и говоренное, я увидѣлъ, что вопросъ этотъ несравненно глубже и сложнѣе и что его не разрѣшишь ни панегирикомъ, ни порицаніемъ.

¹⁾ Дворянство обязываетъ.

²⁾ «Мнѣ было бы очень трудно дать тебѣ понять, что такое *чувство чести*, потому что у насъ нѣтъ точнаго понятія объ этомъ. Узбекъ-Иббену. («Персидскія письма» Монтескье).

Новое законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ осудило поединки, поставило ихъ почти рядомъ съ убійствомъ, но поединки не искоренились. Несмотря на запрещенія Густава-Адольфа, дрались подъ висѣлицей; несмотря на мѣры Ришельё, дрались передъ плахой. Судьи, твердые и нелицепріятные во всѣхъ случаяхъ, бываютъ снисходительны къ дуэлистамъ; общественное мнѣніе за нихъ; человѣкъ, защитившій честь свою поединкомъ, уважается. Всѣ мыслящіе люди отказываютъ не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу въ правѣ убійства, и бѣльшая часть утверждаетъ, что дуэль—неизбѣжное зло, единое возможное огражденіе неприкосновенности лица отъ оскорбленія. Такое противорѣчіе законодательства съ общественнымъ мнѣніемъ, практическаго приложенія—съ теоретическимъ понятіемъ, прямо ведетъ къ вопросу: на какомъ основаніи держится поединокъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы?

Много было писано о поединкахъ, начиная съ Брантома ¹⁾, но ихъ разсматривали такъ, какъ наши милые спорщики: съ произвольныхъ точекъ зрѣнія и подъ вліяніемъ незыблемыхъ предразсудковъ или готовыхъ понятій. Бранили поединки на основаніи неприлагаемой, мечтательной морали и вмѣсто обсуживанія дѣла высказывали холодныя риторическія фразы о смиренномъ прощеніи, бранили ихъ на основаніи юридическомъ, которое требуетъ, чтобъ дѣло обиды было рѣшено не обиженнымъ, а судьей; осуждали ихъ съ точки зрѣнія римскаго права, не отстранивъ предварительно феодальнаго понятія о личности, твердо стоящей за свои права. Вопросъ о томъ, почему римское понятіе о государствѣ единственно истинно и почему феодальное понятіе о личности, о ея наследственныхъ, семейныхъ и политическихъ правахъ, развитое средними вѣками, неизмѣнно, не былъ рѣшаемъ даже въ такое время, которое, повидимому, отрекалось отъ всего феодальнаго,—во время переворотовъ,—лучшее доказательство, что человѣкъ остался при своемъ прежнемъ понятіи о себѣ и о государствѣ. Современный человѣкъ думаетъ, что средніе вѣка далеко отъ него, а они въ немъ: онъ тотъ же рыцарь, но переложенный на другіе нравы.

Не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, представить историческую монографію о поединкахъ, я хотѣлъ сколько-нибудь способствовать уясненію вопроса, занимавшаго спорившихъ пріятелей, и съ этой цѣлью написалъ сжатый историческій очеркъ

¹⁾ Пьеръ, франц. придворный, авторъ обширныхъ мемуаровъ, вышедшихъ въ 1665 г.

развитія чести, предоставляя имъ выводить послѣдствія, какія угодно. Я нигдѣ не защищаю дуэли и нигдѣ не браню ея.

Бранить или хвалить какой-нибудь всеобщій историческій фактъ—дѣло совершенно праздное, извиняемое только благороднымъ увлеченіемъ, въ силу котораго вырываются рѣчи негодованія или восторга. Довѣріе къ роду человѣческому требуетъ настолько уваженія къ вѣковымъ явленіямъ, чтобъ, и отрѣшаясь отъ нихъ, не порицать ихъ: въ порицаніи много суетности и легкомыслія; дикіе съ честію хоронятъ умершхъ, а не ругаются надъ трупами. Кто бранится, тотъ не выше бранимаго; бранятся тамъ, гдѣ недостаетъ доказательствъ. И какая цѣль подобныхъ разглагольствованій? Исправленіе нравовъ развѣ? Я думаю, выросшаго человѣка мудрено исправить педагогическими средствами и благороднымъ негодованіемъ, когда онъ плохо исправляется уголовными средствами и негодованіемъ палача. Достигайте, чтобъ онъ понялъ истину: это будетъ вѣрнѣе; итти далѣе, хвалить или порицать—показываетъ неуваженіе къ его смыслу. Сказать, что поединокъ—зло, нелѣпость, преступленіе, легко и справедливо, но недостаточно; неужели же нѣтъ причинъ, почему это *зло*, эта *нелѣпость* сохранилась до сихъ поръ? Если же вмѣсто порицанія и односторонняго сужденія мы разберемъ и внутреннюю сторону предмета, тогда мы узнаемъ общія основанія, на которыхъ опирался поединокъ, и легко, можетъ быть, найдемъ связь его съ другими явленіями, ихъ круговую поруку; такой разборъ можетъ насъ привести, въ свою очередь, какъ бы въ вознагражденіе за то, что мы узнали историческое основаніе факта, отвергаемаго нами,—къ раскрытію неразумности фактовъ, незыблемо признаваемыхъ нами, *et c'est autant de pris sur le diable* ¹⁾),—какъ говорятъ французы. Рѣзкость одностороннихъ сужденій на первую минуту ослѣпляетъ; въ нихъ больше характернаго, опредѣленнаго; но если взглянуть имъ прямо въ глаза, точность ихъ тотчасъ открывается. «Всего рѣзче видятъ одну сторону», сказалъ Аристотель, «тѣ, которые видятъ мало сторонъ».

I.

У человѣка вмѣстѣ съ сознаніемъ развивается потребность *нѣчто свое* спасти изъ вихря случайностей, поставить неприкосновеннымъ и святымъ, почтить себя уваженіемъ его, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь въ длинный рядъ пре-

¹⁾ И это будетъ настолько же отвоевано отъ дьявола.

вращеній чтимаго, мы увидимъ, что основа ему—не что иное, какъ чувство собственнаго достоинства и стремленіе сохранить нравственную самобытность своей личности,—и то и другое сначала въ формахъ дѣтскихъ, потомъ отроческихъ, какъ во всякомъ человѣческомъ развитіи. Сначала это чувство выражается въ семейныхъ отношеніяхъ, въ фанатической привязанности къ роду, племени, обычаю, преданію, къ *своимъ* богамъ въ противоположность сосѣдскимъ. Потомъ оно является свято уважаемымъ *общимъ дѣломъ* (*res publica*); государство, городъ поглощаетъ еще человѣка, но уже онъ силенъ своимъ гражданскимъ значеніемъ. Не удовлетворенный, однакожь, общимъ дѣломъ, человѣкъ ищетъ свое дѣло, обращается внутрь себя, въ груди своей начинаетъ открывать нѣчто твердое и неизблемое, въ себѣ находитъ мѣрило своего достоинства и хладнокровно смотритъ на племя, на городъ, на государство; тогда быстро развивается въ немъ понятіе *чести и собственнаго достоинства*. Но это еще не все. Переносъ въ грудь свою свое чтимое, человѣкъ переноситъ его на истинную почву, но какова эта грудь? Можетъ быть, онъ понимаетъ себя не такимъ, какимъ онъ дѣйствительно есть,—ниже и выше, духовнѣе и животнѣе, затеряннымъ въ общинѣ или одинокимъ въ себѣ самомъ; наконецъ, можетъ быть, его грудь, въ которую онъ переноситъ кивотъ свой, не *его* грудь; можетъ быть, свободный отъ прежнихъ узъ, онъ перевязанъ новыми, а какимъ онъ себя понимаетъ, такъ понимаетъ онъ и свою честь. «Основа чести можетъ быть нравственна и необходима, можетъ быть случайна и бессмысленна», но всегда и вѣчно она есть «отраженіе человѣкомъ своей самобытности» ¹⁾, сообразно тому, какъ онъ ее понимаетъ или, вѣрнѣе, какъ ее понимаетъ его эпоха.

Три великія эпохи жизни человѣчества представляютъ намъ тѣ три разныя пониманія человѣческаго достоинства, до которыхъ мы коснулись. Востокъ представляетъ низшую ступень древняго понятія о личности; она почти затеряна въ племени, въ царствѣ. Греко-римскій міръ съ своими гражданами—высшее его развитіе. Основа человѣческаго достоинства обоими была понята внѣ человѣка. Наконецъ, средніе вѣка обернули вопросъ: существеннымъ сдѣлалась личность, не существеннымъ—*res publica*. Самая эта исключительность указываетъ на необходимую односторонность послѣдствій. Жизнь общественная—такое же естественное опредѣленіе человѣка, какъ достоинство его личности. Безъ сомнѣнія, личность—дѣйствительная вершина историческаго міра: къ ней все

¹⁾ Hegel, «Aesthetik», Т. II.—А. И. Г.

примыкаетъ, ею все живетъ. Всеобщее безъ личности — пустое отвлеченіе, но личность только и имѣетъ полную дѣйствительность по той мѣрѣ, по которой она въ обществѣ. Аристотель превосходно назвалъ человѣка «*зоонъ политиконъ*»¹⁾. Истинное понятіе о личности равно не можетъ опредѣлиться ни въ томъ случаѣ, когда личность будетъ пожертвована государству, какъ въ Римѣ, ни когда государство будетъ пожертвовано личности, какъ въ средніе вѣка. Одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному понятію о лицѣ вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ истинному понятію о чести. Сочетаніе это — труднѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ; передъ нею остановились, пораженные несостоятельностью разрѣшеній, самые смѣлые умы, самые отважные пересоздатели общественнаго порядка, грустно задумались и почти ничего не сказали. Мы не беремся дотрагиваться до нея, но думаемъ, однако, что она не разрѣшена механическими опытами сочетать феодальную личность съ римскимъ понятіемъ государства; это — одно перемиріе, т. е. такое соединеніе враждебныхъ началъ, при которомъ каждый остается при своей непріязни, но, уступая внѣшнимъ обстоятельствамъ, не дерется, а протягиваетъ руку врагу. Конечно, жизнь, несмотря на всѣ ученія о политикѣ и о правѣ, дѣлаетъ свое дѣло, роется кротомъ и вездѣ прорывается къ свѣту, — въ этомъ нѣтъ сомнѣній, иначе мы не дошли бы не только до рѣшеній, но и до положенія вопросовъ, а это дѣло важное; правильно понятый вопросъ — польза-отвѣта. Однако, нельзя не сознаться, что въ самой философіи права, въ самыхъ утопіяхъ разныхъ толковъ господствуютъ одни отжившія или отживающія понятія о государствахъ и о личности. Впрочемъ, намъ не нужно разрѣшенія этой задачи, — цѣль наша ограниченнѣе: мы имѣемъ только въ предметѣ указать круговую поруку поединка съ пониманіемъ правъ личности, отъ восточной непосредственности до щепетильнаго *point d'honneur*'а французскаго дворянина.

II.

Людымъ надобно было все дѣтское довѣріе и всю беззаботность животнаго, всю настойчивость и упорность естественнаго побужденія, чтобы своими разрастающимися семьями обжить землю. Жизнь семьями обусловила возможность всего человѣческаго развитія. Конечно, семьи не оттого не расходились, что была при

¹⁾ Общественное животное.

этомъ какая-нибудь мысль; разумъ еще дремалъ тогда у человѣка, и ему достаточно было той низшей степени разсудка, которая совпадаетъ съ самимъ органическимъ процессомъ, въ силу которой, напримѣръ, новорожденный ищетъ пищу ртомъ въ первый день своего рожденія. Люди жили семьями, руководствуясь тѣмъ же инстинктомъ, которымъ руководствуются животныя породы, скитающіяся стадами, собирающіяся въ рои. Забытый и неизвѣстный трудъ дикаго человѣка былъ тягостенъ; онъ облегчался одною грубостью обреченнаго на этотъ трудъ. Вѣками и вѣками усилій приладилъ человѣкъ къ грозной, беспощадной средѣ и ее приладилъ къ себѣ: казалось, стихіи ежеминутно могутъ мощнымъ безстрастіемъ своимъ, непреодолимой силой уничтожить безслѣдно это слабое существо, и, вѣроятно, не одна тысяча легла, подавленная невнимательной природой, строго исполнявшей законы свои возлѣ нихъ, но это слабое существо имѣло передъ окружавшей его природою большое преимущество, — преимущество хитрости, уловокъ, которыми развитое животное достигаетъ своихъ цѣлей, а среда не имѣла ничего враждебнаго противъ его работы. Тысячи темныхъ и неизвѣстныхъ намъ поколѣній удобрили костями своими землю прежде, нежели сознаніе настолько развилось, что стало помнить свое былое, что это *былое* сдѣлалось достойно памяти, и тутъ, черезъ эти тысячелѣтія, какимъ мы встрѣчаемъ человѣка? Онъ еще не можетъ прийти въ себя, опомниться; онъ побѣдилъ, но съ робостью въ душѣ, но съ сознаніемъ силы природы и своего безсилія; онъ еще съ ужасомъ смотрѣлъ на стихіи, подкладывая имъ злобныя мысли, повергался въ прахъ передъ ихъ грозной и враждебной мощью и просилъ пощады; дикая молитва его была воплемъ страха, въ которомъ еще не звучали титановскія ноты Прометея.

Одинъ оплотъ, одинъ отдыхъ, одна надежда для человѣка была семья, племя,—эта кучка, сросшаяся отъ единства интересовъ и единства опасностей, отстоявшая себя противъ стихій, звѣрей и враговъ, начавшая хранить свое преданіе и свой обычай. Далекій отъ сознанія своей самобытности, человѣкъ поглощался племенемъ, семьею; все чтимое имъ было внѣ его. То были невѣдомыя силы природы, которымъ онъ началъ придавать человѣческія свойства въ уродливыхъ размѣрахъ, и патріархальныя отношенія къ семьѣ, въ которой личность была ничтожна, а родъ—неприкосновененъ, святъ. На этихъ-то началахъ развились колоссальныя азіатскія монархіи. Въ самомъ высшемъ гражданскомъ развитіи своемъ азіатецъ считалъ себя несовершеннolѣтнимъ сыномъ, рабомъ; понятіе раба его не унижало, скорѣе его унизило бы названіе *вольнаго* че-

ловѣка: ему бы показалось, что это слово значить—*бродяга, бездомовникъ*, изгнанный Измаиль, не принятый ни въ какое племя; и что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, одинъ? Но какъ бы то ни было, признавая себя рабомъ, несовершеннolѣтнимъ сыномъ, онъ не могъ развить въ себѣ понятія о человѣческой личности; рабъ—вещь, истинная личность его въ господинѣ, котораго онъ членъ, органъ. Рабу трудно нанести оскорбленіе: онъ или не доросъ до того, чтобы понять его, или перенесъ уже безусловное оскорбленіе утратою всѣхъ человѣческихъ правъ и примиреніемъ съ этой утратой. Однако, могъ-ли восточный человѣкъ оставаться безъ всякаго понятія о чести? Ни подъ какимъ видомъ. Это такъ же невозможно для человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, какъ невозможно бы было себѣ представить дѣйствительное понятіе о достоинствѣ человѣка у азіатца. На Востокѣ не могли развиться поединки въ нашемъ смыслѣ; но тѣмъ страшнѣе и злобнѣе развилась месть, всего чаще не за собственную обиду, а за обиду семьи, обычая; въ Японіи оскорбленный разрѣзываетъ свой животъ,—новое доказательство, что у нихъ не развито ни тѣни истиннаго понятія о безконечномъ достоинствѣ человѣческомъ; японецъ не находитъ въ себѣ средства очищенія, онъ не находитъ того мѣста, которое выше обиды, которое примирится уничтоженіемъ оскорбителя; онъ можетъ смыть обиду только самоубійствомъ. Притомъ азіатцы мелочно раздражительны, у нихъ казуистика чести развилась не хуже средневѣковаго, но все это—одинъ пустой формализмъ, что-то условное; такъ, въ азіатскихъ царствахъ дошли до смѣшного внѣшніе знаки почести, учтивости, т. е. все негодное или, по крайней мѣрѣ, пустое, сопровождающее понятіе о личномъ достоинствѣ безъ истиннаго смысла его ¹⁾.

Личность азіатскихъ властелиновъ ²⁾ была единая человѣческая личность на Востокѣ, и, дѣйствительно, одни они въ Азіи понимали честь и вступались за нее. Высоко поставленную личность ихъ было трудно оскорбить рабами: она обидиться не могла, обида существуетъ собственно между личностями, признающими взаимныя права; цари могли оскорблять другъ друга; въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ царства дрались, опустошались: вотъ поединокъ

¹⁾ Къ подобнымъ явленіямъ принадлежало наше мѣстничество, основанное на патриархальной породистости, а вовсе не на понятіи своего достоинства. Замѣчательно, что съ совершеннѣйшей потерей всѣхъ человѣческихъ понятій о достоинствѣ и о чести въ Восточной имперіи точно также выросъ уродливый, вычурный и смѣшной формализмъ почестей, замѣнившій честь *дѣйствительную*.—А. И. Г.

²⁾ Въ текстѣ: *царей* (проп. цензурой).—А. И. Г.

Востока. Отсутствие сознанія личнаго достоинства, неотрѣшенность отъ физическихъ опредѣленій, несчастія, неразрывныя съ дѣтствомъ, погубили Азію. Взгляните на эти чудовищныя царства, возникающія съ притязаніемъ на покореніе вселенной и удивляющія сперва страшною силой, потомъ страшною слабостью,—они сходятъ съ поприща исторіи, дряхлыя въ юности или остаются въ жалкой дремотѣ: безъ нравственной личности нѣтъ движенія, прочности, развитія. Смутное понятіе чести выражалось у азіатца слѣпой преданностью семьѣ, племени, кастѣ. Помните-ли вы, какъ Ксерксъ подвергался опасности на морѣ, и кормчій объявилъ, что корабль грузенъ; царедворцы не задумались погнубить для спасенія Ксеркса: медленно выходилъ каждый изъ рядовъ, приближался къ царю, склонялся передъ нимъ, потомъ твердыми шагами шелъ къ борту и кидался въ море. Это—восточные Фермопилы; царедворцы поступили совершенно послѣдовательно. Любимецъ Дарія Гистаспа, видя, что онъ хочетъ снять осаду Вавилона, обрубилъ себѣ уши и носъ и въ этомъ жалкомъ видѣ передался вавилонянамъ, прося отмщенія и говоря, что его изуродовалъ Дарій. Вавилоняне сдѣлали его военачальникомъ, и онъ предательски отдалъ ихъ городъ Дарію Гистаспу. Сколько тутъ самоотверженія! Это—восточный Баярдъ.

Понятіе о личности является сознаннымъ въ отношеніи къ государству въ мірѣ греко-римскомъ. Личность неразрывна съ понятіемъ гражданина, она не свободна еще въ отношеніи къ себѣ: восточное поглощеніе всѣхъ личностей одною повторяется и здѣсь, но мѣсто случайнаго лица занимаетъ нравственное, миѣическое лицо города; каждый гражданинъ сознавалъ въ самомъ себѣ долю идеальной, царящей личности города или отечества, и эта доля была неприкосновенная святая святыхъ его души. Патріотизмъ грека и римлянина былъ раздражителенъ и не выносилъ никакой обиды; въ немъ заключался древній *point d'honneur*.Themistocle, сказавшій: «бей, но дай высказать», тѣмъ ярче выражаетъ греческое понятіе о чести, что оно въ этомъ случаѣ прямо противоположно средневѣчному понятію. Но *общее*, чтимое, святое было понято опять подъ опредѣленіемъ непосредственности и внѣшности; личность чело-вѣка и его достоинство поглощались достоинствомъ гражданина, а значеніе гражданина было основано на случайности мѣсторожденія: его права были права монополіи; свободы въ древнемъ мірѣ не было: свободенъ былъ Римъ, Аѣины, а не люди. Граждане древняго міра,—сказалъ, не помню, какой-то историкъ,—потому считали себя свободными, что всѣ участвовали въ правленіи, лишавшемъ ихъ свободы. Уваженіе къ себѣ, какъ къ гражданину, было недостаточно,—оно не помѣшало ни кліентизму, ни обоготворенію цеза-

рей. Римскій гражданинъ, глубоко развращенный невольничествомъ, привычкой считать, сверхъ невольниковъ, всѣхъ иностранцевъ поллюдьми, врагами, варварами, не нашелъ въ душѣ своей никакой нравственной опоры, когда Римъ сталъ падать, да и Римъ, съ своей стороны, не нашелъ опоры въ своихъ гражданахъ. Катонъ и множество другихъ республиканцевъ-консерваторовъ, увидавши, что Римъ падетъ, лишили себя жизни и поступили совершенно послѣдовательно римскому понятію о чести. Что оставалось въ ихъ жизни? Развѣ она имѣла значеніе, независимое отъ Рима, значеніе не національное, человѣческое? Нѣтъ. Правда, Сенека сталъ поговаривать о неотъемлемомъ достоинствѣ человѣка, присутствующемъ ему потому, что онъ человѣкъ, но Сенека родился послѣ смерти республики и въ то время, какъ иной духъ началъ вѣять въ самомъ Римѣ.

Такъ какъ истинныя личности были въ греко-римскомъ мірѣ города, то и поединки могли быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только между городами или республиками: Аѳины и Спарта всю жизнь провели въ дуэляхъ. Между частными людьми въ Римѣ поединка не могло быть потому, что дѣла чести рѣшались цензурой. Государство имѣло право отнять все нравственное значеніе гражданина. Если и случалось что-нибудь въ родѣ поединковъ, то основа ихъ была непремѣнно патріотическая: такова дуэль между Гораціями и Куріаціями. Греческая философія и римская цивилизація приготовили переходъ къ тѣмъ понятіямъ о личности, которая возвѣстилась людямъ Евангеліемъ, и если Аристотель былъ настолько грекъ, что дѣлилъ натуру человѣческую на свободную и рабскую, то Юлій Цезарь былъ настолько человѣкъ новаго міра, что жалѣлъ рабовъ и гладіаторовъ; очень понятно, почему первый примѣръ гуманности представляетъ именно человѣкъ тотъ, который нанесъ смертельный ударъ республикѣ. Неблагопристойныя ругательства Цицерона въ полномъ засѣданіи сената противъ Антонія, котораго онъ обвинялъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ пьяный бѣгалъ безъ всякой одежды по улицамъ, вызвали отвѣтъ одного сенатора, который также обругалъ Цицерона и заключилъ, что если Цицеронъ носить длинную тогу, то это для прикрытія своихъ отвратительныхъ ногъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что уваженіе къ личности мало было развито въ Римѣ, что всего ярче выразилось въ отвратительномъ отношеніи патроната и кліентизма.

III.

Личность христіанина отрѣшается отъ древняго гражданскаго опредѣленія. Спаситель зоветъ мытарей и женщинъ, отворяетъ царство божіе разбойнику, безщадно казненному закономъ гражданскимъ. Слово «невольникъ», «рабъ» становится богохульствомъ, нищета—достоинствомъ, національность теряетъ смыслъ въ отношеніи къ единственной паствѣ, къ единой церкви: любовь къ отечеству уступаетъ первенство любви къ ближнему. Личность христіанина не только освобождалась отъ своего гражданскаго и исключительно національнаго опредѣленія, она стремилась и отъ всего земного; она совлекла съ себя стараго Адама, т. е. всю сторону непосредственную, тѣлесную, земную любовь, земное семейство, земныя страсти, земную мудрость, земное богатство, даже земное тѣло. Но братственная община, о которой говоритъ евангелистъ Лука въ «Дѣянїяхъ», не знавшая права собственности, имѣвшая одну душу и одно сердце, распространяясь, встрѣтилась съ государствомъ. Ничего не могло быть противоположнѣе христіанскимъ началамъ, какъ понятіе о государствѣ, развившееся въ римской имперіи того времени. Діоклетіанъ, первый *восточный царь* римскій, замѣтилъ противорѣчіе азіатско-римскаго понятія о государствѣ съ христіанскимъ, онъ съ свирѣпостью челоуѣка, не понимающаго духъ времени, гналъ огнемъ и мечемъ юную церковь. Но дѣлать было нечего; имъ надобно было помириться. Государство было необходимо для христіанъ: это была доля для кесаря, которую надобно было предоставить кесарю. При такомъ противорѣчїи совѣсти съ гражданскимъ порядкомъ, частнаго съ общимъ, нельзя было развиваться,—можно было остановиться, потерять всякую силу и строеніе и держаться потому только, что еще паденіе не совершилось. Это доказываетъ та часть римской имперіи, которая осталась вѣрною древнему государству и которая разлагалась до XV столѣтїя. Дѣйствительное примиреніе вышло индѣ.

Съ своей стороны, ничего не можетъ быть противоположнѣе не только восточному рабу, теряющемуся въ племена, но и римскому гражданину, поглощенному своимъ государственнымъ значеніемъ, какъ германецъ, боящійся всякой централизаціи и предпочитающій дикую независимость удобствамъ гражданской жизни. Германцы жили кучками, общинами, знаменами или дружинами; они почти не принадлежали землѣ, на которой родились, носили родину съ собой и вездѣ были дома. Когда хаотическое броженіе

переселеній, завоеваній, перваго устройства успокоилось, когда германцы приняли христіанство, когда весь этотъ новый міръ началъ слагаться, принимая въ себя и остатки древней цивилизаціи и новую религію, развивая ими свою собственную сущность,—тогда первымъ полнымъ и органическимъ слѣдствіемъ взаимнаго проникновенія этихъ элементовъ является *рыцарство*. Рыцарствомъ вооруженная ватага кондотьеровъ, наѣздниковъ, необузданныхъ воиновъ поднялась изъ міра грабежей и насилія въ феодальное благоустройство. Ключемъ свода этого готическаго братства, этихъ военныхъ гражданъ, единственныхъ правовѣрныхъ людей того времени, была безпредѣльная самоувѣренность въ достоинствѣ своей личности и личности ближняго, разумѣется, признаннаго равнымъ по феодальнымъ понятіямъ. Это было нѣчто совершенно новое. Не только каждый клочокъ земли захотѣлъ самобытности послѣ того, какъ весь міръ жилъ однимъ Римомъ, но каждый не побѣжденный человѣкъ понималъ себя независимымъ, своевольнымъ. Феодализмъ—апоѳеозъ личности воина, монадологія въ гражданскомъ развитіи; въ немъ нѣтъ дѣйствительнаго центра.

Понятіе о государствѣ, о городѣ, какъ о единомъ дѣйствительномъ, къ которому отнесенъ человѣкъ, пало; человѣкъ, какъ воинъ-защитникъ, какъ рыцарь, началъ понимать себя собственнымъ средоточіемъ; понявши это, онъ долженъ былъ высоко поставить свою честь, свою самобытность, гордую и независимую. Не массы сознали эту мысль о достоинствѣ личности: массы были побѣжденные, массы были отсталые горожане, люди римскихъ понятій, массы были несчастные земледѣльцы, для которыхъ часть сознанія еще не наставалъ; ее поняли доблестнѣйшіе изъ воиновъ, ее поняли духовные. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для исторіи, какъ вносить современные вопросы симпатій и антипатій въ разборъ былыхъ событій; если въ нѣкоторыхъ странахъ позволяютъ людямъ судиться *пэрами*, то какое же право мы имѣемъ судить прошедшее не по его понятіямъ, а по понятіямъ иного времени. Мы привыкли сопрягать съ словомъ «рыцарство» понятіе угнетенія, несправедливости, касты; но съ тѣмъ самымъ словомъ мы въ правѣ сопрягать смыслъ совершенно противоположный. Мы теперь смотримъ на рыцарство, какъ на прошедшій институтъ; его слабыя стороны для насъ раскрыты: насъ оскорбляетъ его гордое чувство безконечнаго достоинства, основанное на безконечномъ униженіи привязаннаго къ землѣ; оно пало отъ своей односторонности, оно наказано; оно до того умерло, наконецъ, что пора ему отдать полную справедливость.

Взгляните на рыцарство, отступивши въ VII, VIII столѣтія,—

и оно представится передовой фалангой человѣчества; оцѣните внутреннюю мысль его о достоинствѣ человѣческой личности, о святой неприкосновенности ея, о строгой чистотѣ, — и вы поймете великое начало, внесенное имъ въ исторію. Оттого мы рыцарей можемъ принять за высшихъ представителей среднихъ вѣковъ, истинные представители эпохи — не арифметическое большинство, не золотая посредственность, а тѣ, которые достигли полного развитія, энергическіе и сильныя дѣятельностью; другіе были въ ребячествѣ или въ дряхлости. *Человѣкъ научился уважать человѣка* въ рыцарѣ; этого мы имъ не забудемъ. Гордое требованіе признанія рыцарскихъ правъ было почвою, на которой выросло сознаніе права и достоинства человѣка вообще. Рыцарь далеко не былъ ниже римскаго гражданина. Римскій гражданинъ имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что онъ *развилъ* свое понятіе, но то, чего домогался рыцарь, было выше того, чего достигнулъ римлянинъ. Сущность гражданина — внѣ его, случайность рожденія опредѣляетъ права его; сущность рыцаря — въ немъ самомъ, и онъ становится рыцаремъ, а не родится. Его право не принадлежитъ его личности, какъ случайной, а принадлежитъ ему по развитіи въ случайной личности ея родового значенія (разумѣется, такъ, какъ оно понималось въ тѣ времена). Никто не былъ признаваемъ христіаниномъ по одному физическому рожденію; никто не родился рыцаремъ; для перваго надобно было духовное рожденіе крещеніемъ, для втораго — искусъ и торжественное признаніе посвященіемъ. Рыцари были единственные свободные люди въ среднихъ вѣкахъ; они составляли между собой братство, разсѣянное по всему католическому міру и сочувствовавшее между собою; ихъ соединяло единство обычаевъ, единство понятій о своемъ достоинствѣ, единство предразсудковъ; каждый рыцарь сознавалъ неприкосновенное величіе своей личности и готовъ былъ доказывать его мечомъ. Но можно ли назвать братствомъ учрежденіе, при которомъ массы были угнетены? А какъ же древнія республики называются республиками, когда въ нихъ одни граждане имѣли права? Низшіе классы въ среднихъ вѣкахъ не только не были признаны высшими, но и собою не были признаны; ихъ признавала одна церковь, и передъ алтаремъ они были равны; человѣкъ признается человѣкомъ настолько, насколько онъ самъ себя признаетъ человѣкомъ. Кровавыя событія временъ Жакеріи выразили иныя потребности со стороны народа и обнаружили иное сознаніе, и рыцари всѣми ужасами и свирѣпостями того времени не могли ничего сдѣлать. Тоже въ городахъ: по мѣрѣ того, какъ коммуны начинали сознавать свои права, рыцари со скрежетомъ зубовъ должны были уступать; сознаніе росло, а рыцарство дрях-

лѣло. Въ 1614 году оно еще протестовало противъ смѣлости средняго состоянія, дерзнувшаго назваться братомъ рыцарства, а въ 1789 году Сіэйесъ издалъ свою брошюру «Du tiers-état» и увѣрялъ, что среднее состояніе—*все*,—мнѣніе, въ которое теперь никто не вѣритъ.

Права личности у рыцарей доказывались и поддерживались оружіемъ; міръ феодальный былъ дикъ и грубъ; кромѣ оружія и матеріальной силы, человѣкъ не находилъ себѣ другого оплота. Рыцарь былъ прежде всего воинъ, побѣдитель; подозрѣніе въ трусости и неумѣннѣ владѣть мечомъ было высшимъ оскорбленіемъ. Рыцарство и тутъ, въ міръ вѣчной войны и рѣзни, внесло свое благотворное вліяніе: свирѣпое и необузданное насиліе облагораживается; враги не бросаются другъ на друга, какъ звѣри, а выходятъ торжественно на поединокъ, благородно, открыто, съ равнымъ оружіемъ. Поединокъ былъ совершенно на мѣстѣ у этого военного братства. Кто судья надъ рыцаремъ, какъ не онъ самъ, какъ не равный ему противникъ? Для горожанина, для простолюдина существуетъ судебное мѣсто, но развѣ рыцарь подсуденъ кому-нибудь въ дѣлѣ чести? и что государство и его законъ за мѣрило, за возмездникъ его оскорбленію? Онъ самъ себѣ достанетъ право копьемъ, мечомъ. Онъ признавалъ *самоуправство* естественнымъ, неотъемлемымъ правомъ. Зачѣмъ онъ, оскорбленный, пойдетъ искать юридической расправы, когда онъ не вѣритъ въ ея возможность возстановить честь; онъ ищетъ собственной опасностью, смертью свой судъ и въ немъ оправданія себя въ чужихъ глазахъ и своихъ: казнь виновнаго согласна съ рѣшеніемъ небеснымъ. Конечно, храбрость и ловкость въ управленіи оружіемъ—самый жалкій критеріумъ истины; хотя, замѣтимъ мимоходомъ, трусость—вѣчный ошейникъ рабства. Въ наше время странно было бы доказывать истину тѣмъ, чтобъ проткнуть копьемъ того, кто вздумаетъ возражать или кто не согласенъ съ нами въ мнѣніи. Самое требованіе признанія моей личности такъ, какъ я *хочу*, несправедливо; но во время рыцарства, когда чувство чести и самобытности было такъ ново и одушевляло грубыя и съ тѣмъ вмѣстѣ полудѣтскія природы, понятно и деспотическое требованіе признанія и готовность оружіемъ дать вѣсь своему требованію. Не надобно забывать, сверхъ того, что тогда человѣкъ дѣтски вѣровалъ, что небо поможетъ правому; сами судьи не находили тогда лучшаго средства къ раскрытію истины, какъ судъ божій, какъ поединокъ. Поединокъ имѣлъ религіозную основу и нравственную. Нравственный принципъ поединка состоитъ въ томъ, что *истина дороже жизни*, что за истину, мною сознанную, я готовъ умереть и не признаю правъ на жизнь

отвергающаго ее. Мало сознавать достоинство своей личности: надобно, сверхъ того, понимать, что съ утратою его бытіе становится ничтожно; надобно быть готовымъ испустить духъ за свою истину,— тогда ее уважать, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ, всегда готовый принести себя въ жертву за свое убѣжденіе, человѣкъ, который не можетъ жить, если до его нравственной основы коснулись оскорбительно, найдеть признаніе.

Гражданинъ древняго міра имѣлъ всю святую святыхъ въ объективномъ понятіи своего отечества, онъ трепеталъ за его честь. Рыцарь, безпрестанно сосредоточенный на самомъ себѣ, при всякомъ событіи думалъ прежде всего о своемъ достоинствѣ; его ни во снѣ, ни на яву не оставляла мысль о его неприкосновенности; ревнивое и раздражительное чувство чести было непрерывно, лихорадочно возбуждено. Жизнь, имѣющая такую основу, должна была принять характеръ угрюмый, восторженный, пренебрегающій суетами и въ то же время страстный, необузданный. Съ одной стороны, католицизмъ освобождалъ человѣка на томъ условіи, чтобъ онъ отрекся отъ всего человѣческаго; съ другой,—рыцарство давало ему копье и ставило его вѣчнымъ стражемъ своей чести. И онъ былъ величественъ этотъ стражъ! Да, этотъ человѣкъ съ поднятымъ челомъ, опертый на копье, величаво и гордо встрѣчающій всякаго, увѣренный въ своей самостоятельности по силѣ, которую ощущаетъ въ груди, ничего не боящійся, потому что презираетъ жизнь, былъ высокъ и полонъ поэзіи. Вся самобытность рыцаря въ немъ самомъ, это—бедуинъ, окруженный степью; онъ едва принадлежитъ какой-нибудь странѣ, онъ—воинъ всего міра католическаго, онъ почти чуждъ патріотизма, — гдѣ его отечество? Это—монада, сознающая себя самобытнымъ средоточіемъ, сознающая все царственное величіе своей личности; онъ безпредѣльно вѣренъ своей присягѣ, его честь—залогъ его вѣрности, его вѣрность—свободный даръ; онъ не можетъ измѣнить, потому что могъ не отдаваться; онъ не понимаетъ восточнаго, хвастливаго самоуниженія. Греки смѣялись надъ невѣжествомъ крестonosцевъ; быть человѣкомъ казалось грубостью для византійцевъ. Не образованные воины эти, покрытые желѣзомъ, готовы были за тѣнь оскорбленія лечь костыми; греки считали это предразсудкомъ,—они, въ случаѣ нужды, подмѣшивали яду, дѣлали доносы... ихъ воспитанія были совершенно разны.

Но какъ ни было сильно развитіе рыцарства, какъ оно ни было ярко и поэтично, оно носило въ себѣ причину быстрой дряхлости,—она очевидна.

Мы упомянули, что христіане первыхъ вѣковъ приняли, какъ неотразимое событіе, римское государство; истиннаго сочувствія

между древнимъ порядкомъ вообще и новой религіей не могло быть. Монастыри показывали разомъ внутреннюю, социальную мысль христіанъ того времени и ихъ отвращеніе отъ языческаго устройства.

Мы видѣли такую же несвойственность германскаго характера съ римскимъ понятіемъ государства. Тацитъ въ свое время уже замѣтилъ, что германцы любятъ жизнь въ разбивку. Шлегель думалъ уколоть германцевъ, говоря: «Der Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie» ¹⁾, и высказалъ невзначай мысль, которой глубины не предвидѣлъ. Рыцарь—германецъ и христіанинъ вмѣстѣ. Онъ осуществилъ этотъ протестъ личности противъ поглощающаго государственнаго единства такъ, какъ другой протестъ, смиренный и безоружный, являлся въ католическомъ монахѣ, отвергавшемъ гражданскія опредѣленія. Мечта Карла Великаго о сильной имперіи не могла осуществиться: папа, рыцарство и монашескіе ордена составляли оппозицію. Церковь признавала одно единство, — единство паствы подъ жезломъ одного пастыря; феодализмъ хотѣлъ жить на каждой точкѣ земли; высасываніе всѣхъ соковъ однимъ городомъ было для него противно, онъ былъ слишкомъ завистливъ, чтобъ помогать централизаціи, у него вездѣ былъ свой центръ,—кто же бы его понудилъ уступить монополію одному городу? Польза, происходящая отъ сосредоточенія, отъ единства управленія, мало согласовалась съ его понятіемъ самобытности каждаго мѣстечка и уваженія ко всѣмъ феодальнымъ обычаямъ его. Эту независимую личность германскую рыцарство выразило энергически. Но во имя чего же былъ этотъ протестъ? во имя чего освобождалась личность рыцаря? Зачѣмъ она такъ ревниво отстаивала себя противъ государства? По странному сочетанію противоположностей, составляющему чуть ли не отличительную черту всего средневѣковаго, рыцарь, человѣкъ, развившій въ себѣ чувство самобытности до высшей степени, оставался нравственнымъ рабомъ; этотъ храбрый и непреклонный воинъ, отважный завоеватель, гордый защитникъ своей личности былъ съ тѣмъ вмѣстѣ трусъ, и если короли и горожане боялись его, то онъ самъ боялся очень многого. Великій шагъ противъ древняго міра былъ тѣмъ сдѣланъ, что чтимое, неприкосновенное, святое поняли внутри своей груди, а не въ городѣ; но для полнаго развитія личности человѣческой недоставало нравственной самобытности: она была совершенно неизвѣстна въ среднихъ вѣкахъ. Тогда все было не свободно; даже *point d'honneur*, хранитель личныхъ правъ, былъ часто самымъ тяжкимъ игомъ; такъ, федерализмъ отстаивалъ само-

¹⁾ Истинное государственное устройство нѣмцевъ есть безгосударственность.

бытность частей государства для того, чтобъ доставить торжество своимъ провинціальнымъ обычаямъ, нерѣдко подавляющимъ личную волю вдвое больше.

Логика событій неумолима. Рыцарь, свободная личность въ отношеніи къ государству и рабъ внутри, развилъ односторонность свою до нелѣпости; онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе Донъ-Кихотомъ; не имѣя дѣйствительнаго критериума чести, онъ весь зависѣлъ отъ обычая, мнѣнія; онъ вмѣсто живого и широкаго понятія человѣческаго достоинства разработалъ жалкую и мелочную казуистику оскорбленій и поединковъ. Рыцарство пало жертвою своей односторонности, оно пало жертвою противорѣчія, только формально примиреннаго въ его умѣ. Но наслѣдіе, имъ завѣщанное, было велико; оно искупаетъ и его односторонность и весь временный вредъ, нанесенный имъ; лучшаго наслѣдія никто не завѣщалъ людямъ, ни Аѳины, ни Римъ, — понятіе о неприкосновенности личности, о ея достоинствѣ, словомъ, о *чести*. Честь скоро сдѣлалась неписанной хартіей германо-романскихъ народовъ. «Возлѣ гражданскаго суда учреждается свой трибуналъ, трибуналъ чести»¹⁾, восполняющій недостатокъ юридической расправы. Съ человѣкомъ, который ставитъ свою честь выше жизни, съ человѣкомъ, идущимъ добровольно на смерть, нечего дѣлать: онъ *неисправимо человекъ*. Уваженіе къ личности, унаслѣдованное отъ рыцарей, мало-по-малу распространившееся по всѣмъ сословіямъ, трепеть за ея чистоту, спасли Европу во время революціоннаго противодѣйствія феодализму со стороны ожившей идеи государства и централизаціи; они помѣшали, по превосходному выраженію Монтескье, «чиновнику сдѣлаться лакеемъ и солдату—палачомъ». Людовикъ XI, Генрихъ VIII и самъ Филиппъ II знали очень хорошо, что сгнетаемость лица простирается до извѣстной степени, что его можно ограбить, убить, запутать въ сѣти, сжечь на *auto-da-fé*, подавить общими мѣрами, но трудно и опасно оскорбить, нанести личную обиду; они знали, что горе дотрогивающемуся до чести; и то же самое вѣрованіе чести сдѣлалось опорой престола европейскихъ монархій. Ея нѣтъ во всѣхъ богдыханствахъ, деспотіяхъ и султанатахъ Востока²⁾.

¹⁾ Montesquieu, «Esprit des lois». — А. И. Г.

²⁾ Придется исключить одинъ Багдадскій халифатъ, во время его цвѣтенія и мавровъ вообще. Это составляетъ исключеніе, какое-то *mezzo-termine* ^{o)} между Востокомъ и Европой. Зачѣмъ Монтескье отдѣлилъ честь отъ добродѣтели? Онѣ расходятся только въ крайностяхъ; напр. добродѣтель, доводящая смиреніе до позволенія бить себя палкой, распадается съ

^{o)} Промежуточное звено.

По мѣрѣ паденія рыцарства и самого католицизма возникаютъ въ Западной Европѣ и укрѣпляются монархіи съ своими горожанами, постоянными войсками, съ своими судами и придворными, съ своей религіей — протестантизмомъ, англиканской и галликанской церквами. Римская идея государства является снова, но уже не какъ *общее дѣло*, а какъ дѣло правительства, какъ общественная польза, какъ поземельная неприкосновенность. Непреклонная, независимая личность феодала приносится на жертву государству; напрасно прячется она въ своихъ замкахъ и лѣсахъ, — новый порядокъ бьетъ ее вездѣ. Понятіе политической государственной самобытности развивается въ этомъ мірѣ... но, на какой-то холодной основѣ мелкаго эгоизма: личность жертвуется не отечеству, не государству, а спокойствію и матеріальнымъ удобствамъ. Настойчивый въ своихъ правахъ горожанинъ, хитрый легистъ не развили въ себѣ того благороднаго и открытаго характера, какъ рыцарь; гордость, съ которой феодалы смотрѣли на нихъ, понятна. Поле брани, привычка къ оружію, къ опасности, удивительно воспитываетъ челоуѣка; онъ привыкаетъ пренебрегать мелочами, къ которымъ привязываетъ осѣдлая и спокойная жизнь; у него складывается какой-то односторонній, но энергическій взглядъ на вещи, и въ то же время — взглядъ наивно-дѣтскій: онъ будетъ грабить, но не будетъ хитрить; онъ будетъ насиловать, но не будетъ подыскиваться; онъ свирѣпо убьетъ, но не изъ-за угла. Совсѣмъ не такъ былъ воспитанъ горожанинъ: онъ былъ умнѣе, дѣльнѣе, ученѣе рыцаря, но онъ былъ рабомъ, привыкъ къ скрытности, къ проискамъ, къ уклончивости; онъ силенъ въ корпораціи и ничтоженъ одинъ; онъ силенъ, опираясь на положительный законъ; опереться на себя ему и въ гову не приходило; словомъ, въ немъ не было той откровенности, которая присуща дѣйствительному сознанію личности. Этой откровенности вообще не было во всемъ переворотѣ противъ феодализма. Онъ сдѣлался исподволь; союзники, соединившіеся противъ феодализма, были заклые враги (Людовикъ XI и чернь). Главнѣйшіе дѣятели его скрывали свои противоборствующие идеи, не только идучи на бой, но и послѣ побѣды (напримѣръ, Ришелье). Наружно они сохраняли старыя формы, наружно они выдавали себя не только

честью такъ, какъ казуистика бретера или d'un raffiné ^{o)} распадается съ добродѣтелью.

Развѣ подъ добродѣтелью Монтезке понимаетъ именно ту цивическую virtus ^{oo)}, которая была основою древнихъ республикъ?—А. И. Г.

^{o)} Челоуѣкъ утонченнаго, изысканнаго до мелочности вкуса.

^{oo)} Добродѣтель, доблесть.

за консерваторовъ, но и за историческую всегдашность, призывали лжесвидѣтельствовать въ свою пользу исторію, обманывали, коварствомъ побѣждали врага и только наружно хранили видъ чести и доблести ¹⁾).

IV ²⁾).

Стремительно развивающійся духъ европейскихъ народовъ быстро *изжилъ* романтико-феодалное содержаніе; онъ выросъ изъ средневѣковыхъ формъ, часть феодальнаго міра наступалъ; онъ дѣлался тѣсенъ для мысли и дѣйствія; переворотъ за переворотомъ громятъ его съ XV столѣтія. Эта способность развитія, эта возможность покидать старое и усваивать новое—одно изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ европейскаго характера; западные народы не коченѣютъ въ объятіяхъ труповъ, хотя бы это были трупы ихъ отцовъ, не вянутъ въ тоскѣ; они съ похоронъ возвращаются полными свѣжихъ силъ, обновляются смертью и, вѣчно-юные между могилъ, облитыхъ горячими слезами, они строятъ изъ ихъ развалинъ новые пріюты жизни. Держаться за однѣ и тѣ же формы, какъ за единственный якорь спасенія,—лучшее доказательство слабости и внутренней бѣдности; скучный Китай можетъ служить примѣромъ. Но, несмотря на эту внутреннюю готовность переходить къ новымъ формамъ, историческіе элементы имѣютъ свои права, хоть и не тѣ, которыя имъ приписываютъ Нибуръ или Савиньи ³⁾, и быть народный не снимается такъ легко, какъ черное бѣлье; *natura*, говорили древніе, *abhorret saltus* ⁴⁾).

Иная жизнь, манившая лучшіе умы того времени, была вовсе не иная, а та же жизнь, нѣсколько исправленная. Не новый міръ водворялся, а старый передѣлывался. Обѣ стороны уступали, дѣлили грѣхъ пополамъ, закоснѣлыя привычки мирились съ неопредѣленными отвлеченіями, но что это за міръ? Грустный протестантъ, одѣтый въ трауръ, какъ бы предвидѣлъ, что въ груди его лежитъ

¹⁾ Людовикъ XIV первый снялъ маску; «l'état c'est moi» сдѣлало бы честь откровенности Тимура или Чингизъ-Хана; глядя на него, и горожанинъ ее снялъ, наконецъ, — въ залѣ Jeu de Paume. Тогда началось второе дѣйствіе великой драмы.—А. И. Г.

²⁾ IV отдѣленіе все не пропущено цензурой и отмѣчено точками.—А. И. Г.

³⁾ Фридрихъ-Карлъ, знаменитый нѣмецкій юристъ.

⁴⁾ Измѣненный Герценомъ латинскій афоризмъ: «Natura non facit saltus» — «Природа не дѣлаетъ скачковъ». У Герцена вышло: «Природа ненавидитъ скачки»; смѣшано съ другимъ изреченіемъ: «Природа ненавидитъ пустоту».

зародышъ страшныхъ столкновений, онъ былъ печалень послѣ побѣды, — очень дурной признакъ. Рѣзкій средневѣковый характеръ стирается съ Вестфальскаго мира, монархическая революція побѣдила, гонимая личность рыцаря прячется: вообще, личности человеческой не видно болѣе на публичной сценѣ, она только не погибла въ кабинетѣ ученаго; наступило время, богатое внутренней работой, работой мысли; мыслящая личность явилась на смѣну военной, вооруженная анализомъ, отрицаніемъ, смѣлостью изслѣдованія. Если вы хотите узнать все величіе этого времени, отвернитесь отъ міра политическаго, т.-е. отъ міра дипломатіи и несправедливыхъ войнъ: въ тиши кабинетовъ, въ мастерской артистовъ жила тогда новая мысль и росла новая мощь. Это—гамлетовскій періодъ исторіи. *Thatenarm und gedankenvoll* ¹⁾, какъ сказалъ Гелдерлинъ о Германіи. Рыцарская личность, утратившая свое феодальное значеніе, едва поддерживалась дворянствомъ: въ дворянствѣ сохранилось, по преданію, по привычкѣ, по внушенію съ молодыхъ лѣтъ, понятіе личной чести, и, несмотря на то, что, увлеченные обстоятельствами, они домогались мѣстъ и придворнаго значенія, отдадимъ имъ справедливость, что въ отношеніи чести они стояли выше горожанъ и готовы были своею кровью искупить оскорбленіе. Горожане долго были довольны неприкосновенностью правъ сословій, общинъ; торговля ихъ была защищена и гражданскія права признаны; ихъ воспитала зависть и униженіе въ хитрыхъ легистовъ. Что же касается до крестьянъ, до неимущихъ,—объ нихъ никто не справлялся, ихъ всѣ забывали, даже революція забыла ихъ при сборѣ національнаго собранія, ихъ, собственно, никто не представлялъ. Народный голось, раздавшійся еще въ реформацію, совершенно умолкъ; изнуренная войнами грудь народа онѣмѣла, да и языкъ, которымъ стали теперь говорить правительства, былъ для него непонятенъ; все дѣлалось для общественной пользы, для общественнаго благосостоянія, для блага народа, а ему все становилось хуже; явились безнравственныя теоріи *du soup d'état*, дипломатическихъ уловокъ; обманъ и ложь были введены въ теорію. Совѣтъ республиканца Маккиавелли былъ исполненъ, иронію его приняли за чистыя деньги.

Политика какого-нибудь Цезаре Борджіа ²⁾ сдѣлалась всеобщей; стремились религію сдѣлать административнымъ средствомъ, постоянныя войска превращались въ полицейскія команды. Это былъ

¹⁾ Скудный дѣлами и полный мыслей.

²⁾ Итальянскій кардиналъ, сынъ папы Александра, извѣстный чудовищной безнравственностью и политическимъ коварствомъ.

золотой вѣкъ искусственной дипломатіи, она рѣшала судьбы народовъ и государствъ... Тамъ, гдѣ-то съѣзжались посвященные въ таинства, писали длинныя бумаги тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ, уступали, пріобрѣтали, оканчивали дѣло и для формы объявляли народу, стрѣляя въ него, если онъ не тотчасъ понималъ пользу и справедливость новыхъ мѣръ. И все это вовсе не сказка, а печальная быль политической исторіи Европы отъ Вестфальскаго мира до конца XVIII столѣтія; читая сказанія о томъ времени, наглазно мѣряемъ, насколько мы подвинулись впередъ въ сто лѣтъ. Читайте исторію великаго царствованія Людовика XIV, а всего лучше—читайте исторію тогдашней Германіи и ея печальнаго настроенія,—и вамъ сдѣлается страшно, и вы съ радостнымъ трепетомъ сердца встрѣтите въ этомъ омутѣ пороковъ, гнусностей, безнравственности, среди слабодушныхъ развратниковъ, окруженныхъ грязными лакеями, строгое и полное энергіи лицо сѣвернаго путешественника и его толстый преображенскій мундиръ, такъ не похожій на изнѣженные кафтаны тѣхъ господъ. Кажется, что онъ идетъ на смѣну дряхлому порядку вещей, что онъ идетъ утѣшить людей вѣстью о свѣжей почвѣ. Но тотъ худо знаетъ характеръ европейца, кто думаетъ, что ему нужно обновленіе извнѣ... на краю гибели онъ всего ближе къ выходу. Людовикъ XIV былъ увѣренъ въ прочности зданія, завѣщаннаго имъ своимъ преемникамъ. Но когда послѣ его смерти потянуло изъ Англіи скептицизмомъ и ея политическими ученіями, поддѣльный мраморъ, изъ котораго строилъ великій король, сталъ быстро вывѣтриваться. Оргіи регентства не мѣшали слышать раскаты приближающагося грома,—раскаты, которые раздавались, какъ на Альпійскихъ горахъ... гдѣ-то подъ ногами. Франклинъ ввелъ въ моду скромный кафтанъ мѣщанина; требованія средняго состоянія во время революціи имѣли цѣлью не одни матеріальныя права и ихъ огражденіе: они требовали почета, какъ сословіе и какъ лицо,—вѣрный признакъ совершеннолѣтія. Другой признакъ, еще болѣе важный, былъ высказанъ громкимъ требованіемъ подвергнуть суду разума весь непосредственный, привычный, обстоятельствомъ сложенный бытъ свой—и отречься отъ всего, что онъ не оправдаетъ. Общественный договоръ и права челоуѣка были двѣ оси, около которыхъ обращались всѣ вопросы того времени. Напрасно историческая школа въ Германіи, 20 лѣтъ спустя послѣ того, какъ мысль о договорѣ потрясла всю Европу, такъ кичилась своимъ открытіемъ, что *contrat social* ¹⁾—абстракція, что государство не устраивается по теоретическому плану, хотя бы онъ и

1) Общественный договоръ.

былъ такъ геометрически правиленъ, какъ пирамида Сіэйеса. Само собою разумѣется, что мысль объ общественномъ договорѣ была отвлеченна, но именно въ то время нужна была такая абстракція; «Abstractionen in der Wirklichkeit gelten machen,—говоритъ Гегель,—heisst die Wirklichkeit zerstören»¹⁾. Историческія школы никогда не умѣютъ вполне понять историческаго смысла логическихъ, отвлеченныхъ понятій, имъ они все сдаютъ какими-то тѣнями иного міра. Между тѣмъ всѣ перевороты начинаются съ идеала, съ мечты, съ утопіи, съ абстракціи. Консерватизмъ называетъ всякій прогрессъ, всякое нововведеніе отвлеченнымъ; онъ правъ: они отвлечены, какъ все наступающее, какъ все юное, но для полноты разумѣнія онъ долженъ назвать отвлеченіемъ и свое охраняемое; несмотря ни на историческія, ни на практическія права его, оно отвлеченно, какъ отходящее, какъ дряхлое. Само собою разумѣется, что не токмо Францію, но даже колонію нельзя устроить чисто a priori,—старая Англія и старая Европа умѣли перебраться и въ Пенсильванію и Колумбію. Жизнь народа—такъ, какъ жизнь человѣка,—имѣетъ періодъ безсознательный, въ которомъ она подлежитъ вліяніямъ роковымъ, органическимъ, принимаемымъ безотчетно, слагающимся изъ обстоятельствъ и вырванныхъ имъ взаимодействій и реакцій; потребность отчета возникаетъ, когда организмъ настолько сложился a posteriori, что его не передѣлаешь a priori,—онъ *есть*, онъ образованъ, у него мозгъ выработался и развился по-своему,—фактъ нравственный и фізіологическій вмѣстѣ. Дѣло холодной разсудительности состояло въ томъ, чтобъ, понявши свою историческую особность, итти впередъ, пользуясь обстоятельствами и стараясь исподволь приводить въ сознательную форму данныя начала. Исторія вообще далека отъ такого благоразумнаго пути. Начало сознанія является страстно, оно—съ тѣмъ вмѣстѣ развѣдающее отрицаніе, злая борьба; религіозная сторона отрицанія состоитъ именно въ вѣрованіи искорененія стараго и водворенія новаго; отсюда источникъ энергіи и вдохновенія, которое охватываетъ огнемъ людей въ эти эпохи. Отрицаніе беретъ всѣ свои силы изъ того, что отрицаетъ, изъ прошедшаго; оно не можетъ ни пощадить его изъ благодарности, ни уничтожить изъ ненависти: оно, какъ огонь, сожигаетъ твердыни существующаго, но само обусловлено именно существованіемъ сожигаемаго, и такъ, какъ въ физическомъ горѣніи сгораемое ничего не утрачиваетъ, такъ и въ дѣлѣ отрицанія прошедшее не утрачивается, несмотря на сильно произнесенное стре-

¹⁾ Придавать дѣйствительное значеніе отвлеченіямъ значитъ уничтожить дѣйствительность.

мленіе до-тла уничтожить его; оно дѣлается инымъ, сознаннымъ, превращается изъ ноши, положенной чужой рукой на плечи, въ свое бремя, которое не тяготитъ, но во всякомъ случаѣ оно остается, какъ основныя черты фізіологіи, какъ національность, сохранять которую столько стараются добрые люди, забывая, что ее утратить при жизни невозможно.

Революція впала во всѣ крайности своей точки зрѣнія, но не отдѣлалась отъ прошедшаго, даже въ теоріи: въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ ея, исполненныхъ пророчествомъ, проникли воспоминанія и былое. Общественный договоръ имѣлъ основою права человѣка,—отношеніе личности къ обществу; ея значеніе дѣлается существеннымъ и главнымъ вопросомъ, но вопросъ рѣшился подъ вліяніемъ прежняго міросозерцанія. Революція признаетъ своей точкой отправленія неприкосновенную святость лица и во всѣхъ случаяхъ ставитъ выше и святѣе лица республику; для блага и спасенія республики, для жертвы большинству она снимаетъ съ человѣка тѣ права, которыя такъ торжественно провозгласила неотъемлемыми. Достоинство человѣка измѣряется его участіемъ въ общемъ дѣлѣ, значеніе его чисто гражданское, въ древнемъ смыслѣ. Революція требовала самоотверженія, себяпожертвованія одной и нераздѣльной республикѣ. Она хотѣла средневѣковаго аскетизма и античной преданности отечеству. Призракъ вѣчнаго города, гнетущаго другіе города, снова возсталъ изъ могилы, разумъ и свободу поставили на упраздненные пьедесталы,—такъ еще мало былъ разумъ и свободенъ человѣкъ. Фанатизмъ этотъ спасъ отечество, но не могъ спасти личности, потому что въ немъ было много идолопоклонства. Понятія о цивизмѣ, объ обязанностяхъ гражданина, о равенствѣ, братствѣ, свободѣ, сдѣлались едиными спасающими догматами отечества, и *salus populi* ¹⁾ замѣнило идеальную заприродность романтизма цивической *заприродностью* (*eine diesseitige Jenseitlichkeit*) ²⁾. Все покорялось новымъ идеаламъ до тѣхъ поръ, пока явилась личность настолько смѣлая, что не приняла внѣшняго опредѣленія, своевольно поставила себя рядомъ съ государствомъ и короновалась императоромъ. Цѣлость государства, его слава, его единство, его величіе, побѣда надъ врагомъ,—все это ставилось выше личности; Наполеонъ поймалъ на словѣ французовъ, и они увидѣли, что всего этого мало, что человѣкъ дѣйствительно успокоится, когда его личность будетъ чтима и признана, когда ей будетъ свободно и широко, когда ее сознаютъ совершеннолѣтней. Въ рево-

¹⁾ Спасеніе народа.

²⁾ Буквально: «Сюсторонняя потусторонность».

люцію такого признанія и быть не могло, революція была борьбою, это—осадное положеніе, война, да и внутри ея совѣсти было сознаніе, что она не рѣшила вопросовъ, которыхъ рѣшеніе предпослало себѣ, какъ программу,—отсюда доля ея тревожнаго озлобленія. За ея односторонность явился Наполеонъ,—лучшее возраженіе со стороны личности противъ поглощающаго государства. Борьба послѣ Наполеона превратилась въ глухой бой оппозиціи, люди жили въ непрерывномъ спорѣ, въ отстаиваніи своихъ правъ, въ раздорѣ и раздраженіи, въ хлопотахъ объ устройствѣ... какъ будто чело-вѣку только и занятій, что учреждаться, какъ будто удовлетвори-тельно всю жизнь строить свой домъ. Байронъ задохнулся въ этомъ мѣрѣ.

Блестящее время оппозиціи, парламентскихъ дебатовъ миновало; современный чело-вѣкъ является какимъ-то усталымъ и безучастнымъ... Его не увѣришь, что все счастье его около семейнаго очага, но не увѣришь и въ томъ, что оно исключительно на форумѣ; у него нѣтъ въ душѣ античной вѣры, что онъ—для Рима; но онъ не смѣетъ сознаться, что Римъ—для него. Благо отечества ему дорого, потому что это его благо, но онъ не можетъ забыть свое нравственное достоинство для родины: ни онъ не уступитъ ни чести, ни истины для нея. Древній гражданинъ протягивалъ руку согражданину, гдѣ бы ни встрѣчалъ его; мы протягиваемъ ее сочувствующему чело-вѣку, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ. Но мы все это дѣлаемъ больше, чѣмъ говоримъ, согласны болѣе, нежели высказываемъ. Робкая совѣсть наша боится признаться, что эгоизмъ и гуманность лишаютъ насъ половины цивическихъ добродѣтелей и дѣлаютъ насъ *вдвое больше людьми*.

Предчувствую, что здѣсь надобно остановиться и пояснить сказанное. Мы это сдѣлаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей статьи.

С. Соколово, сентябрь 1846 года.

468. Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Ѳ. и М. Ѳ. Коршъ.

6 сентября 1848.

Парижъ.

Опять случай писать къ вамъ, и опять я готовъ отказаться отъ него. Ночь, темная ночь вокругъ. Каждый день менѣе и менѣе виденъ выходъ. Что мы видимъ съ утра до ночи, превосходить чело-вѣческое воображеніе. Я иногда съ горькой улыбкой думаю,

что вы завидуете намъ; издали все кажется инымъ, а мы здѣсь à la lettre ¹⁾ гибнемъ отъ скуки, выдумываемъ, натягиваемъ разсѣиваніе,—въ родѣ веселаго общества «Декамерона» во время чумы. Въ 1847 при всей гадости было сносно; тогда былъ, по крайней мѣрѣ, порядокъ,—къ нему можно было примѣниться, и требованія были не тѣ; четыре первые мѣсяца нынѣшняго года сгубили насъ. Мы такъ откровенно были надуты февральской революціей, мы такъ гордо и такъ свободно ходили, поднявши голову, по улицамъ республиканской столицы! И вмѣсто всего этого зависть отъ перваго полицейскаго комиссара, агента, отъ перваго солдата! Безстыдное собраніе вотируетъ конституцію въ *Etat de siège* ²⁾; подлое населеніе готовится къ выборамъ въ то время, когда радикальная партія не смѣетъ назвать своихъ кандидатовъ.¹ Или въ скоромъ времени должна кровь литься рѣками, или на время Франція погибла. Изъ глубоко пострадавшихъ трехъ мѣсяцевъ главные результаты таковы: 1-е, что республика, въ которой остался монархическій принципъ въ нравахъ, въ законахъ, *блаиопристойнѣ* монархіи, а въ сущности нисколько не лучше. Франція любитъ деспотизмъ, насиліе. Ея законодатели выдумали, что *suffrage universe* ³⁾—все, но что однажды избранное всеобщимъ избраніемъ имѣетъ всю силу и всю власть султана. Послѣ іюньскихъ дней, когда собраніе назначило безобразную комиссію ⁴⁾, нашлись люди, спросившіе, какою же судебной властью она будетъ пользоваться и какимъ формамъ подчинена? Сенатъ объявилъ, что она облакается властью собраніемъ, которое, *по самодержавію своему*, имѣетъ право и такъ учредить. Мы, наконецъ, опытомъ и лѣтами совершеннолѣтны; если это не «*l'état c'est moi*», если это не принципъ рабства, деспотизма, то гдѣ же онъ рѣзче высказался? До тѣхъ поръ, пока правительство будетъ итти отъ начала, что *salus populi suprema lex est* ⁵⁾; что лицо ничего не значитъ; что законъ выше лица; что представитель власти выше гражданина; что меньшинство можетъ быть задавлено большинствомъ, если это большинство результатомъ *suffrage universel*,—до тѣхъ поръ оно будетъ воображать, что текстъ закона—догмать, религія, до тѣхъ поръ оно не станетъ на ногу

¹⁾ Буквально.

²⁾ Осадное положеніе.

³⁾ Всеобщая подача голосовъ.

⁴⁾ Слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро, для разслѣдованія причинъ майскаго и іюньскаго возстанія. Въ августѣ она кончила работу и признала во всемъ виновными Ледрю-Роллена, Луи Блана, его комиссію, прессу и клубы.

⁵⁾ Спасеніе народа—высшій законъ.

отрицательнаго храненія, а сдѣляется агрессивнымъ, насильственнымъ, монархическимъ. Всѣ правительства таковы; въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи, и только тамъ, можно найти начало иного отношенія да долею въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Вы знаете, что ни Швейцарія, ни Штаты въ примѣръ не идутъ. Въ остальной Европѣ не токмо въ самомъ дѣлѣ нѣтъ свободы, нѣтъ гуманнаго управления, но нѣтъ даже пониманія, желанія, нѣтъ близкой надежды.—Я все это говорю не съ досады и не съ брызгу. Феодальная и монархическая Европа не скоро переродится. Старая цивилизація избрѣла формы не столько оскорбительныя, какъ, напр., у насъ; долгая привычка къ литературѣ, напримѣръ, къ обсуживанію политическихъ предметовъ давала въ самомъ Римѣ Григорія XVI ¹⁾ и въ Неаполѣ больше воли языку, нежели въ Москвѣ; но это было снисхожденіе: при первой коллизіи чудовище власти является съ цѣпями и топоромъ. Я раскрываю списки депортированныхъ ²⁾ и нахожу отмѣтки: такой-то, 18 лѣтъ—«*roug les opinions, très avancées*» ³⁾, нахожу дѣвушку, 20 лѣтъ, съ отмѣткой «*très exaltée*» ⁴⁾. Что такое? Другіе лыняли при допросахъ, эти сказали свое мнѣніе, ихъ за это депортировали.—Открываю процедуру военно-судныхъ комиссій и нахожу, что одинъ человѣкъ отвѣчалъ имъ съ благородной смѣлостью Ранара,—онъ осужденъ *aux travaux forcés à perpétuité* ⁵⁾; вина его никакъ не больше, какъ людей, осужденныхъ на пять лѣтъ.—Здѣсь возраженіе: выгода въ томъ, что это печатается. Да, Европа привыкла къ этому, ее занимаетъ это, но гдѣ напечатано число разстрѣлянныхъ 26 іюня и перебитыхъ около тюремъ? Прудонъ осмѣлился заикнуться объ этомъ,—много взялъ? Перейдемъ въ парламентъ; тамъ на-дняхъ почтенный лордъ съ негодованіемъ спрашивалъ у министра, правда ли, что Митчель ⁶⁾ имѣетъ комнату и что ему даютъ *книги читать*? Послушайте, господа, слышали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное этому каннибальскому вопросу у насъ? Я не слыхалъ.—Посмотрите, что за роль начинаетъ здѣсь играть Кавеньякъ ⁷⁾: онъ ѣздитъ съ драгунами, со штабомъ, и это нравится; да кому же?

¹⁾ Римскій папа до 1846 г.

²⁾ *Déporté*—сосланный въ опредѣленное мѣсто.

³⁾ За его убѣжденія, очень крайнія.

⁴⁾ Очень экзальтированная.

⁵⁾ На безсрочныя каторжныя работы.

⁶⁾ Джонъ, ирландскій политическій дѣятель; въ своей газетѣ «*United Ireland*» онъ призывалъ къ немедленной революціи и былъ сосланъ на 14 лѣтъ на Вандименову землю.

⁷⁾ Онъ былъ тогда главой исполнительной власти правительства второй французской республики.

толпѣ? а хоть бы и ей: вѣдь, suffrage universel далъ ей въ руки государство... Вотъ и выпутывайтесь тутъ.

2. Сверхъ искаженнаго пониманія всѣхъ отношеній гражданъ къ власти,—пониманія, основаннаго на монархизмѣ, второе зло, уничтожающее Европу и при существованіи котораго можно отложить всякую мысль о прогрессѣ и разумномъ государствѣ, это—*постоянныя войска*. Они убійственны для права, разорительны для финансовъ и не нужны для защиты. Здѣсь изъ мальчишекъ сдѣлали войско (mobile) ¹⁾ въ три недѣли. Во Франціи, въ Пиемонтѣ каждый человѣкъ—солдатъ, когда надобно; Швейцарія доказала торжественно, что она можетъ, въ прошлогодней борьбѣ съ Зондербундомъ ²⁾.—Cogs francs ³⁾ и внутренняя стража,—il popolo armato ⁴⁾, какъ говорятъ итальянцы,—должны замѣнить арміи. Безъ этого нѣтъ шагу впередъ. Если будетъ итальянская война, если французскія войска побѣдятъ австрійцевъ, вотъ тутъ и будетъ карачунъ республикѣ, и мы спокойно вѣдемъ въ имперію, подъ какимъ бы именемъ ни было. Я отъ души желаю, чтобъ французовъ побили,—это ихъ спасетъ, протрезвитъ, это уронитъ военную диктатуру, это ихъ смиритъ. Австрійцамъ все же недолго пировать въ Италіи, у нихъ есть дома du fil à retordre ⁵⁾, и на единодушій кроатовъ и мадьяровъ далеко не уѣдешь. Повторяю, уничтоженіе постоянныхъ войскъ, всей солдатчины, point d'honneur'a военного, казармизма, бонапартизма réchauffé ⁶⁾ должно быть знаменемъ всякаго человѣка, желающаго добра.—Вотъ вамъ еще присказка къ сказкѣ, которую Ан. ⁷⁾ везетъ въ тетради ⁸⁾. Я очень желалъ бы знать ваше мнѣніе о новыхъ статьяхъ моихъ; стоитъ ли игра свѣчъ, продолжать ли писать ихъ для васъ, ибо это пишется не для публики; намеکنите какъ-нибудь. При этомъ я серьезно долженъ предупредить васъ (покажите ему эти строки), чтобъ вы были осторожны, слушая повѣствованія Ан. Онъ сталъ на какую-то странную точку безразличной и маленькой справедливости, которая не допускаетъ до него большую истину. Какое-то резонерство и

¹⁾ «Подвижная гвардія». Какъ постоянное учрежденіе; она была устроена во Франціи лишь въ 1868 г., и уже въ 1871 г. упразднена.

²⁾ Особый союзъ семи наиболѣе консервативныхъ кантоновъ Швейцаріи противъ пересмотра союзной конституціи, потерпѣвшій пораженіе въ ноябрѣ 1847 г. со стороны радикально настроенныхъ кантоновъ.

³⁾ Вольные отряды.

⁴⁾ Вооруженный народъ.

⁵⁾ Достаточно хлопотъ (буквально—нитки сучить).

⁶⁾ Подогрѣтый.

⁷⁾ П. В. Анненковъ.

⁸⁾ Вѣроятно, «Послѣ грозы», № 491.

отыскиваніе объясненій всему изъ началъ необходимыхъ, благоразумныхъ,—такъ, какъ нѣкогда Бѣлинскій строилъ русскую исторію и наши нужныя мѣста превращалъ въ необходимые.—Ан. былъ увлеченъ первымъ временемъ послѣ революціи, онъ еще до сихъ поръ подъ вліяніемъ его. Я думаю, что мы еще при началѣ революціи,—онъ вѣрить, что и это республика. Мнѣ веселѣе было бы видѣть Генриха V или XV, чтобъ опозорить эту республику, чтобъ покончить съ недоразумѣніемъ. Онъ до сихъ поръ защищаетъ пошлую личность Ламартина ¹⁾, а я его ненавижу, ненавижу не какъ злодѣя, а какъ молочную кашу, которая вздумала представлять изъ себя жженку, etc., etc. Полагаюсь на его справедливость, но васъ предупреждаю, потому что для меня *все это не шутка*, а послѣдняя сущность, пульпа мозга, сердца, даже рукъ и ногъ. (Защищаетъ ли Боткинъ буржуазію?). Я иногда начинаю мечтать о томъ, какъ бы куда-нибудь удалиться, хоть въ Кунцово, спокойно, не получать никакихъ газетъ, въ субботу ждать подъ вечеръ васъ, выпить съ вами бутылку-другую, *три во льду*, благословить судьбу, что мы встрѣтились, что между этими иностранцами, которыхъ называютъ людьми, мы не растерялись, окружить себя книгами... ну, и что же дальше?—и умереть потомъ безъ желанія жизни и безъ отвращенія отъ смерти. Не смѣйтесь. Аминь, аминь, глаголю вамъ, если не будетъ со временемъ дѣятельности въ Россіи,—здѣсь нечего ждать, и жизнь наша окончена—«ich habe gelebt und geliebt» ²⁾).

Прилагаю письмо отъ Мар. Льв. Огареву: что онъ, въ Пензѣ или съ вами? Если въ Пензѣ, отошлите; да я желалъ бы, чтобъ вы ему отослали и мои письма (т. е. in folio) о Парижѣ ³⁾; дайте ихъ переписать вѣрному человѣку, заплатите и пошлите съ еще болѣе вѣрнымъ человѣкомъ.² А, впрочемъ, какъ хотите или какъ придется. Архивъ моихъ бумагъ у Мар. Фед. ⁴⁾.—Здравствуйте, М. Ф.? Какъ вы пріѣхали къ Лорамъ и Пенатамъ? Прошлый разъ, какъ мнѣ пришлось писать къ вамъ не въ Берлинъ, а въ Сѣверную Пальмиру, я и спохватился, какъ вы далеки, что и сказать-то ничего нельзя. Какъ вамъ понравилось послѣ Парижа на Трубѣ ⁵⁾?

¹⁾ Альфонсъ, выдающійся французскій поэтъ-лирикъ и политическій дѣятель; въ 1848 г. пользовался огромною популярностью въ средѣ передовой, либеральной буржуазіи, но скоро потерялъ ее вслѣдствіе неудачнаго сближенія съ радикалами; занимался также исторію («Исторія жирондистовъ»).

²⁾ Я жилъ и любилъ.

³⁾ Девятое и десятое письма, № 492.

⁴⁾ Коршъ.

⁵⁾ Въ Москвѣ.

Я очень радъ, что *état de siège* васъ немножко подготовилъ, а то, говорятъ, быстрыя перемѣны температуры нездоровы. У насъ все обстоитъ благополучно; Боке ¹⁾ въ тюрьмѣ, Боке 2-й въ бѣгахъ, Коссидьеръ ²⁾ безъ паспорта отлучился, Луи Бланъ тоже ³⁾. Солдатами запрудили всѣ Елисейскія поля, палатки стоятъ отъ Rond point. Прудонъ сталъ, было, опять издавать журналъ, подъ названіемъ «Le Peuple», Кавеньякъ опять запретилъ.—Герв. ⁴⁾ отъ бѣшенства катается со мной по полу (на коврѣ), пьетъ вино и на другой день проклинаетъ меня, что я его отравилъ, и ѣсть цѣлый день гранить у Тортони ⁵⁾; туда является лоснящійся Саз. ⁶⁾, который увѣряетъ насъ, что его жизнь въ страшной опасности, что онъ подвергался десять разъ депортации; весель, толстѣ и гадокъ до невозможности. Жюль Векуръ все при немъ безсмѣнно. Ко мнѣ онъ почти не ходитъ. Мы до 10 октября остаемся въ *maison Fenzy*.³ А потомъ? А потомъ не знаю, что. Герв., который совершенно и вполнѣ смотритъ на вещи такъ, какъ я, ждетъ зимы и голоду, и, авось, либо развяжется что-нибудь. У правительства денегъ мало. Войско начинаетъ роптать. Герв. уговариваетъ подождать, хотя ни у меня, ни у него нѣтъ вѣры, что будетъ что-нибудь хорошее, но можетъ быть такая месть со стороны уврѣ ⁷⁾, что Парижъ превратится въ Помпею. «Ну оно и лестно», какъ говоритъ Языковъ.—Сейчасъ получилъ записку отъ Боке, Jean Baptiste; онъ здоровъ, спрашиваетъ объ васъ; Барбесъ ⁸⁾ и Собрие ⁹⁾ везутъ въ Консіержери ¹⁰⁾ изъ Венсена ¹¹⁾. На-дняхъ будутъ ихъ судить. Барбесъ отказался отвѣчать на что бы то ни было и позволяетъ инквизиторамъ дѣлать что-угодно.—Прощайте.—«А до Рылска долго письмо не доѣдетъ».

Всѣмъ жму руку, всѣхъ цѣлую.—Прощайте, карѣйшіе. Мар. Оед., пишите пожалуйста,—на другихъ я не надѣюсь,—пишите на

¹⁾ Жанъ-Батистъ, дѣятель революціи 1848 г.

²⁾ Маркъ, французскій революціонеръ, женеvскій уроженецъ.

³⁾ Бѣжалъ въ Лондонъ.

⁴⁾ Г. Гервегъ.

⁵⁾ Извѣстное кафе и кондитерская съ итальянскимъ (твердымъ) мороженымъ.

⁶⁾ Н. И. Сазоновъ.

⁷⁾ Ouvrier—рабочій.

⁸⁾ Арманъ, очень дѣятельный революціонеръ, конспираторъ и бунтовщикъ; большую часть жизни провелъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ.

⁹⁾ Мари-Жозефъ, французскій революціонеръ, авторъ нѣсколькихъ политическихъ памфлетовъ.

¹⁰⁾ Тюрьма въ Парижѣ для важныхъ преступниковъ.

¹¹⁾ Замокъ-тюрьма,—прежде преимущественно для «политическихъ»,—въ городѣ Венсеннѣ, около Парижа.

досугѣ цѣлыя тетради, все, все, а посылайте, не смѣя франкировать, на имя Ротшильда.

Ан. хотѣлъ ѣхать 6, но остался, ибо 8, т. е. 26 августа, именины Наташи, и мы отправляемся, т. е. онъ, Герв. съ женой, Рейхель ¹⁾ и наши, пироваться *за лагерь*, куда бѣ то ни было, мнѣ все равно; одно условіе я поставилъ, чтобъ не было видно палатокъ и фортовъ. А помните, какъ въ Соколовѣ праздновали мы?

Скажите, пожалуйста, Мар. Ѳед., Матрена у васъ или нѣтъ, и какъ вы встрѣтили Ѳедорова Капитолійскаго?—Есть ли у Петра Григорьевича ²⁾ *дѣтѣчки*? Про Юлію Карл. ³⁾ я и не спрашиваю: знаю, что есть много.

◆◆ 1. Ко времени написанія настоящаго письма политическое состояніе Франціи сложилось самымъ, казалось бы, непредвидѣннымъ образомъ. Революція, происшедшая въ три дня, 22—24 февраля, завершилась 27-го числа торжественнымъ провозглашеніемъ республики на площади Бастиліи. Вся страна поспѣшила признать временное правительство, состоявшее изъ Ледрю-Роллена, поэта Ламартина, Луи Блана, рабочаго Альбера и др.; король и его семья спаслись за границу.

Были назначены выборы въ учредительное собраніе путемъ всеобщей подачи голосовъ. Въ теченіе лѣта собраніе выработало уже республиканскую конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ. Рабочіе надѣялись пересоздать государственное устройство на социалистическихъ началахъ; однимъ изъ лозунговъ этого социальнаго движенія было «право на трудъ», провозглашенное Луи Бланомъ и сдѣлавшее его особенно популярнымъ въ рабочемъ классѣ. Подъ его предсѣдательствомъ была образована и специальная коммисія для разработки вопросовъ труда и благосостоянія трудящихся. Она засѣдала въ Люксембургскомъ дворцѣ, названномъ тогда «рабочимъ парламентомъ», что не мѣшало, однако, ей не имѣть никакой власти и даже никакихъ матеріальныхъ средствъ. Одновременно для успокоенія рабочихъ были созданы общественныя работы, названныя «національными мастерскими». Дававшіеся каждому участнику земляныхъ работъ 2 фр. въ день привлекли изъ страны въ Парижъ массу безработныхъ. Настроеніе буржуазіи, бывшей до революціи господиномъ положенія, было отнюдь не со-

¹⁾ Адольфъ, другъ Бакунина, Руге и др., музыкантъ; однофамилецъ новгородскаго Рейхеля; вскорѣ женился на Маріи Каспаровнѣ Эрнъ.

²⁾ Рѣдкинъ.

³⁾ Рейссигъ.

ціалістическое: идея республики не встрѣтила въ ней сочувствія. Ясно, что столкновение этихъ двухъ общественныхъ группъ должно было окончиться поражениемъ одной изъ нихъ. Не надо забывать, что среди сторонниковъ демократической республики были ярые враги социализма; демократія, политическая и социальная, раздѣлилась рѣзко. Крестьяне не были на сторонѣ социализма рабочихъ. Составъ учредительнаго собранія предсказывалъ побѣдителя: въ немъ было довольно значительное консервативное меньшинство, пополнившееся не только изъ сторонниковъ Орлеанскаго дома, но и изъ легитимистовъ и клерикаловъ. Организованная собраніемъ исполнительная власть уже не имѣла въ своихъ рядахъ ни Луи Блана, ни Альбера. Начали стягивать въ Парижъ войска, принимать мѣры противъ національныхъ мастерскихъ, обороняться отъ наплыва рабочихъ въ столицу. 15 мая произошла наиболѣе серьезная демонстрація противъ этихъ распоряженій правительства съ нападеніемъ на національное собраніе, кончившаяся арестомъ вождей, съ одной стороны, и еще большимъ увеличеніемъ парижскаго гарнизона—съ другой... Настроеніе обѣихъ сторонъ обострялось... Правительство стало даже желать скорѣйшаго на себя нападенія, убѣжденное побѣдой 15 мая въ успѣхѣ своихъ мѣръ. Кавеньякъ выработалъ планъ уличной борьбы съ пролетаріатомъ. 22 іюня громадный народный митингъ рѣшилъ на слѣдующій день начать возстаніе противъ правительства, отступившаго отъ февральскихъ обѣщаній. 23 іюня начался уличный бой за баррикадами съ требованіемъ роспуска учредительнаго собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. Въ тотъ же день собраніе объявило себя непрерывнымъ и послѣ ночного засѣданія 24 іюня громаднымъ большинствомъ объявило Парижъ въ осадномъ положеніи, а исполнительную власть вручило Кавеньяку. Буржуазія привѣтствовала этотъ рѣшительный шагъ. Бой шелъ упорно и ожесточенно съ обѣихъ сторонъ. 26 числа побѣда осталась за національной гвардіей, которая въ теченіе нѣсколькихъ дней неистовствовала, не зная предѣла своей мести... Республика и социализмъ потерпѣли поражение. Воцарилась страшная реакція; отъ 12 до 14.000 рабочихъ были сосланы безъ суда во французскія колоніи, а вожди подвергнуты военному суду. Въ сентябрѣ національное собраніе приступило къ обсужденію проекта новой конституціи.

Вотъ весьма краткій очеркъ происходившаго, достаточный, однако, для пониманія написаннаго Герценомъ. Подробности читатель можетъ найти, напр., въ V т. «Исторіи Западной Европы въ новое время» проф. Н. И. Карѣва; не мало расскажетъ ихъ дальше и самъ Герценъ.

2. Въ апрѣлѣ 1848 г. мужъ сестры Огарева, Плаутинъ, и А. Г. Политковскій (потомъ прославившійся миллионной растратой инвалиднаго капитала) подали Дубельту памятную записку, въ которой просили о снятіи съ Огарева полицейскаго надзора. Были запрошены о его поведеніи исполн. обязанности московскаго генералъ-губернатора, кн. А. Г. Щербатовъ, и пензенскій губернаторъ Панчулидзевъ. Отъ обоихъ аттестація была выдана благопріятная. 16 іюня гр. Орловымъ сдѣланъ всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ Николай I положилъ резолюцію «согласенъ». Однако, еще и въ декабрѣ 1848 г. фактически надзоръ не былъ снятъ, о чемъ Политковскій и довелъ до свѣдѣнія Дубельта. Послѣдній рекомендовалъ ему обратиться къ министру вн. дѣлъ, замедлившему исполнить высочайшее повелѣніе (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцелярія, 1 экс. 1834 г., № 239 ч. 8).

8 ноября 1848 г. Н. А.—на писала Н. А. Тучковой: «Новое знакомство у насъ: Marie Ogareff и Воробьевъ. Marie я знала и не знала, теперь начинаю ее узнавать: бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна, и что сдѣлала съ ней жизнь... Я любила ее, и нельзя не любить, но мучительно ее знать. Воробьевъ—теплый, благородный юноша; мы часто выдаемся» (Пасекъ, «Воспоминанія», III, 104).

3. Въ этомъ домѣ (на Елисейскихъ поляхъ) жили и Тучковы: Алексѣй Алексѣевичъ и его дочери, Елена и Наталія. Луиза Ивановна съ Колей и М. К. Эрнъ жили на той же улицѣ, но въ нѣкоторомъ разстояніи. Герцены были ближе къ Arc de triomphe, они—къ Rond-Point. «У Герценовъ мы не часто бывали по вечерамъ,—говоритъ М. К. Эрнъ:—тамъ было много чужого народа, пришельцевъ, спасшихся изъ Германіи» («Отрывки изъ воспоминаній», 61, 63).

4. 14 іюня ст. ст. 1848 г. Грановскій писалъ къ своей женѣ: «Даже адресъ Герцена неизвѣстенъ намъ» («Письма», 278).

469. Письмо къ М. Ө. Коршъ.

Recentissime ¹⁾. 8 сентября 1848.

— Le citoyen Bocquet, ex-adjoint à la mairie du 12-e arrondissement, avait été mis en prévention à la suite des événements de mai; il vient d'être relaxé, faute de preuves, mais il n'en a pas moins fait un long stage de captivité préventive. Le citoyen Bocquet était avec nous le 24 février; sa mise en liberté est une nouvelle heureuse pour tous les amis de la république ²⁾.

(Вырѣзка изъ газеты «La Réforme» du 8 Sept.).

Представте себѣ, Марья Өедоровна, забаву. Третьяго дня были мы вечеромъ у Гервега, оттуда пошли въ Café Caumartin и просидѣли тамъ до полночи. Приѣзжаемъ домой, я отворяю дверь— и вижу Бокэ ³⁾... Я, разумѣется, расхохотался, думая, что онъ бѣжалъ. Совсѣмъ нѣтъ; его велѣли отъ суда и слѣдствія освободить. Маррасть ⁴⁾ просто на просто хотѣлъ его проучить да и проучилъ четырехмѣсячной тюрьмой. Появленіе его было, какъ нельзя болѣе кстати для оживленія именинъ, и мы вчера всѣ отправились въ Бель-вю. Погода была удивительная... *Окончаніе* праздника мы какъ-то дурно помнимъ; я спалъ глубокимъ сномъ и слышалъ еще хохотъ Анненкова и безконечную болтовню Бокэ, который въ Conciergerie научился тянуть не хуже другихъ. Вамъ онъ кланяется.

¹⁾ Недавнѣйшее.

²⁾ Гражданинъ Бокэ, бывшій помощникъ мэра XII округа (городъ Парижъ раздѣленъ на 20 муниципальных округовъ), былъ подвергнутъ предварительному заключенію изъ-за майскихъ событій; нынѣ онъ отпущенъ, вслѣдствіе недостатка уликъ; тѣмъ не менѣе онъ отбылъ долгій срокъ предварительнаго заключенія. Гражданинъ Бокэ былъ съ нами 24 февраля, его освобожденіе—счастливая вѣсть для всѣхъ друзей республики.

³⁾ Жанъ-Батистъ.

⁴⁾ Арманъ, публицистъ; 24 февраля 1848 г. сталъ членомъ временнаго правительства, потомъ съ 6 марта—мэромъ Парижа; съ августа—президентомъ національнаго собранія.

Каково изъ тюрьмы попасть прямо на праздникъ да еще за городомъ. Ну, а знаете, молчать-то ему, должно быть, приходилось не легко!—Онъ, разумѣется, черезъ часъ послѣ выхода изъ тюрьмы взялъ всѣ мѣры, чтобъ снова попасть. «Местъ, местъ!», т. е. выместъ буржуази.—Мнѣ Бокэ уѣзжать запрещаетъ; онъ удерживаетъ меня общаніемъ, что они такъ заткнутъ за поясъ іюньскіе дни, такой зададутъ праздникъ, что отъ бульваровъ слѣда не останется. Шутки въ сторону, — страшныя вещи могутъ быть. А выйдетъ ли прокъ, кромѣ расчистки мѣста?

Старикъ Бернацкій возвратился. Помните его? Между прочимъ, онъ обрадовалъ меня вѣстью, что во «Франкфуртской Газетѣ» напечатана была вся моя передрага съ здѣшной полиціею.

470. Приписка къ Н. А. Тучковой.

(17 октября 1848).

Дайте вашу руку и вы, и вы,—много помнимъ о васъ оттого, что много любимъ. Мы мало пишемъ, оттого что хочется писать очень много. Здѣсь такая скука и тоска, что, я думаю, скоро люди будутъ топиться въ Сенѣ.

471. Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Θ. и М. Θ. Коршъ, Н. X. Кетчеру и Н. М. Сатину.

5 ноября 1848.

Paris.

Здравствуйте, господа друзья,—ну, какъ васъ Богъ милуетъ? А что до насъ касается, мы вчера въ пушку палили на радостяхъ, что собраніе осупоросилось плюгавой конституціей, которая, божіей споспѣшествующей милостью, году не продержится ¹⁾. Теперь мы поджидаемъ 10 декабря,—встрѣчать достойнаго презуса уродливой республики, косога кретина Люя Бонапарта ²⁾. Республика, которую

¹⁾ 4 ноября національное собраніе утвердило проектъ новой конституціи, назначивъ выборы президента республики на 10 декабря.

²⁾ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ.

грудью кормили сифилитической Кавеньякъ и меркуріальный Маррастъ, не имѣть права на иного президента, если она такъ глупа, что не понимаетъ, что президента вовсе не надо. Такъ-то вамъ издали все представляется *couleur rose* ¹⁾ оттого, что у васъ абсолютный срамъ и запустѣніе, а посмотрѣли бы вблизи, какъ дѣла идутъ.

А, въ сущности, они идутъ недурно. Мы присутствуемъ при великой драмѣ; для того, чтобъ ее видѣть, надобно собрать всѣ силы души: у кого нервы слабы, могутъ итти въ поля, въ лѣса. Драма эта не болѣе и не менѣе, какъ разложеніе христіанско-европейскаго міра. О возможности (не добивъ, не разрушивъ этотъ міръ) торжества демократіи и социализма и говорить нечего. Если считать во Франціи 10,000,000 *citoyens actifs* ²⁾, то 1 м. падетъ на 9 ретроградныхъ, состоящихъ изъ буржуа, мелкихъ землевладѣльцевъ, легитимистовъ и орангъ-утановъ. Орангъ-утаны, развившіеся въ людей, составляютъ вообще $\frac{4}{5}$ всей Франціи и $\frac{4^{3/4}}{5}$ всей Европы. *Suffrage universel*,—послѣдняя пошлость формально-политическаго міра,—дала голосъ орангъ-утанамъ, ну, а концерта изъ этого не составишь. Вотъ теперь-то Европа несетъ казнь за аристократію, за развитіе одного меньшинства. Сердце кровью обливается, когда смотришь на людей, душой и тѣломъ отданныхъ демократіи, или на маленькую кучку работниковъ большихъ городовъ, но чувствуешь, что это святое меньшинство работаетъ попусту: изъ вершинъ общества европейскаго и изъ массъ ничего не сдѣлаешь; къ тому же оба конца эти тупы, забиты съ молодыхъ лѣтъ, мозговой протестъ у нихъ подгнилъ, — ну, оно и не беретъ. Я рѣшительно отвергаю всякую возможность выйти изъ современнаго импасса ³⁾ безъ истребленія существующаго. Легко можетъ быть, что демократическая партія (которая страшно усилилась послѣ іюньскихъ дней въ смыслѣ чисто политическомъ, а не социальномъ) одолѣетъ и истолчетъ въ ступѣ весь ретроградный міръ, но для того, чтобъ вышло что-нибудь, надобно истолочь и ихъ самихъ да и выбросить куда-нибудь въ море. Демократы здѣшніе (во главѣ которыхъ теперь Ледрю-Ролленъ) только и годны на то, на что годны солдаты Іеллачича ⁴⁾—сломать, избить до тла ветхое зданіе.—Убѣдитесь вы въ этомъ ради вашего совершеннѣйшаго.

¹⁾ Розовый цвѣтъ.

²⁾ Полноправные (въ избирательныхъ правахъ) граждане.

³⁾ *Impasse*—тупикъ.

⁴⁾ Графъ Іосифъ, банъ тріединого королевства Хорватіи, Славоніи и Далмаціи; въ мартѣ 1848 г., послѣ возстанія хорватовъ, занялъ это положеніе.

«Но если это такъ, то, слѣд., ты сдѣлался славянофилъ?» — Нѣтъ. Не велите казнить, велите правду говорить. Изъ того, что Европа умираетъ, никакъ не слѣдуетъ, что славяне не въ ребячествѣ. А ребячество здоровому и совершеннолѣтнему такъ же не среда, какъ и дряхлость. Европа умирая завѣщаетъ міру грядущему, какъ плодъ своихъ усилій, какъ вершину развитія, социализмъ. Славяне *an sich* ¹⁾ имѣютъ во всей дикости социальныя элементы. Очень можетъ быть, не встрѣтся они теперь съ Европой социальной, и у нихъ коммунальная жизнь исчезла бы такъ, какъ у германскихъ народовъ. Натура славянъ въ развитыхъ экземплярахъ богата силами, какъ не истощенная почва; эти развитые экземпляры — ручательство прекрасныхъ возможностей, но дѣйствительность бѣдна. Гнилой плодъ такъ же нездоровъ, какъ не спѣлый. Наконецъ, временная случайность (элементъ несравненно болѣе важный въ исторіи, нежели думаетъ германская философія) поставила *ex gr.* ²⁾ Россію въ такое положеніе, что она невозможнѣе Европы,—ей надобно переработать и отречься отъ *двухъ* прошедшихъ: отъ до-петровской и послѣ-петровской. — Signori, какъ бѣсится во всемъ этомъ, что исторія—не логика; да, исторія—*Naturgewalt* ³⁾ и эмбриологія, которая нисколько не заботится о нашихъ категоріяхъ. Мы хотимъ (*à la Ketcher*) ⁴⁾ деспотически втѣснить добро, прогрессъ, социализмъ, а крутой фактъ *уже* негоднаго и *еще* негоднаго своенравно повинуется фантазіямъ и призракамъ, какъ старики и дѣти. «Давай Наполеона», кричитъ Франція, и будетъ Наполеонъ и пр., и пр. — Я посылаю вамъ, сверхъ сплетень до 15 мая ⁵⁾, статейку о томъ же предметѣ ⁶⁾. Но въ ней еще не все, я теперь обдумываю посущественнѣе тотъ же вопросъ и пишу статью подъ заглавіемъ «*Vixerunt*» ⁷⁾. Отдайте, прочитавши все это, Мар. Фед. въ архивъ.

Получилъ я «Современникъ», — плохъ. И что это за свиньи редакторы ⁸⁾!—какъ глупо, пошло извѣстили они о смерти Бѣдинскаго.¹ Я полагаю, сблизиться съ «От. Зап.» благопристойнѣе, а еще благопристойнѣе ни съ кѣмъ не имѣтъ литературныхъ дѣлъ, а писать для васъ, какъ я это дѣлаю теперь. Лучше васъ нѣтъ

¹⁾ Въ себѣ.

²⁾ Напримѣръ.

³⁾ Власть природы.

⁴⁾ По-кетчеровски.

⁵⁾ Письмо десятое, № 492, посланное уже раньше.

⁶⁾ «LVII годъ», № 491.

⁷⁾ «Они побѣдили».

⁸⁾ И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ.

людей ни въ Россіи, ни въ Европѣ,—будьте увѣрены; такіе же, можетъ, найдутся и то, вѣдь, сотню развѣ наберешь во всей планидѣ.

Посылаю вамъ, т. е. Гр., Кор., Кет., Сат., портреты Прудона и Распайля ¹⁾ (портр. 8, стало, будетъ Мельгун., Астрак., какъ знаете), разительно похожіе. Спросите у Селиванова ²⁾ его рѣчь, которую онъ при насъ говорилъ на банкетѣ.

Селиванову обязуюсь дать аттестатъ, что велъ себя исправно, на трехцвѣтную не гнулъ и никакого ламартыжничества ³⁾ не чинилъ (все это вмѣстѣ—шпилька Павлу Васильев. ⁴⁾).²

Изъ важныхъ новостей тороплюсь сообщить, что въ «Шаривари» ⁵⁾ написана первая глава исторіи, какъ ее преподають теперь здѣсь:

Кто заложилъ Римъ? — Наполеонъ.

Кто былъ Лютеръ? — Наполеонъ.

Кто создалъ міръ? — Наполеонъ.

Сверхъ того, онъ прибавляетъ, что когда Луя Бон. выставятъ народу на показъ президентомъ, то онъ приготовилъ уже сказать слѣдующую рѣчь: «Rien n'est changé en France, il n'y a *qu'un suisse de plus*» ⁶⁾. Въ дополненіе другая газета рассказываетъ, что инвалиды замѣтили, что онъ вмѣсто «rougquoi» говорятъ «bouguoi» ⁷⁾.

Его вообще всѣ презирають, то есть порядочные люди, какъ Ледрю, Дальтонъ ⁸⁾, Ше ⁹⁾, Прудонъ,... а онъ таки будетъ,—«nous l'aurons, nous l'aurons» ¹⁰⁾, какъ поють мальчишки.

Да похочите же!

Тургеневу сегодня будутъ дѣлать каутеризацію ¹¹⁾. 7 ноября.

¹⁾ Франсуа; 24 февраля 1848 г. во главѣ толпы проникъ въ залу засѣданія временнаго правительства, чтобы принудить его провозгласить республику.

²⁾ Илья Васильевичъ.

³⁾ Отъ фамиліи Ламартина.

⁴⁾ Анненковъ, дѣлавшій именно все это.

⁵⁾ Извѣстный въ то время сатирической журналъ.

⁶⁾ Ничего во Франціи не измѣнилось: лишь однимъ швейцарцемъ стало больше.

⁷⁾ Вмѣсто «пуркуа»—«бургуа» (обычное искаженіе нѣкоторыхъ французскихъ согласныхъ звуковъ нѣмцами и швейцарцами нѣмецкихъ кантоновъ).

⁸⁾ Сынъ престарѣлаго генерала Дальтона.

⁹⁾ Chaix d'Est Ange Гюставъ-Луи, знаменитый адвокатъ.

¹⁰⁾ Мы его будемъ имѣть, мы его будемъ имѣть!

¹¹⁾ Cautérisation—прижиганіе.

8 ноября.

Приготовивши вручить Селиванову письмо, я перечиталъ написанное и мнѣ захотѣлось предупредить возможные недоразумѣнія. Побѣда демократіи и социализма можетъ быть только при экстерминаціи ¹⁾ существующаго міра съ его добромъ и зломъ и его цивилизаціей; революція, которая теперь готовится (я вижу ея характеръ очень вблизи), ничего не имѣетъ похожаго въ предыдущихъ. Это будутъ сентябрьскіе дни ²⁾ въ продолженіе годовъ. Демократія такъ, какъ Иеллачичъ, съ двухъ концовъ начала это страшное дѣло. Старому міру не устоять: демократія *c'est l'armée militante de l'avenir* ³⁾, это—«коррозивное начало» ⁴⁾, о которомъ толковалъ Строгановъ ⁵⁾. Да зачѣмъ она только разлагающая, *dissolvant* ⁶⁾ стараго? вѣроятно, можно объяснить, но не въ томъ дѣло,— дѣло въ томъ, что фактъ таковъ. Массы точно такъ, какъ славяне, не готовы къ гармоническому вступленію во владѣніе плодомъ цивилизаціи, но не готовы массы, съ другой стороны, и терпѣть, особенно въ Германіи, а потому характеръ взрыва будетъ страшный. Въ 93 году терроръ и все прочее сдѣлано мѣщанами и парижанами; вообразите, чтò будетъ, когда весь пролетаріатъ въ Европѣ станетъ на ноги... Здѣсь образовалось теперь колоссальное общество *de la solidarité démocratique* ⁷⁾ (я посылаю ихъ положенія съ Селив.), Бокэ — тамъ дѣйствующее лицо. Могу васъ увѣрить, если Наполеонъ не свернетъ шею этой ассоціаціи, то вы увидите зарево издали. Вообще прибавлю, что послѣ снятія *état de siège*, опять зашевелилось многое; но тѣмъ страшнѣе, что городъ мертвъ. Чортъ знаетъ, что сдѣлалось: парижскія улицы узнать нельзя — сумрачная тишина.

Прощайте. Посылаю нѣсколько №№ «Прессы» ⁸⁾ забавы ради; посмотрите, какъ Э. Жирарденъ валяетъ Кавеньяка и въ усь, и въ рыло. Кавеньякъ—самое гадкое и отвратительное существо: оно вредно Франціи даже невольно. Половина либераловъ (не социалистовъ) будетъ вотировать за Наполеона для того только, чтобъ

¹⁾ Extermination—истребленіе.

²⁾ Дни рѣзни политическихъ заключенныхъ въ парижскихъ тюрьмахъ 2, 3, 4, 5 сентября 1792 г.

³⁾ Демократія, это—боевая армія будущаго.

⁴⁾ Corrosif—разъѣдающій.

⁵⁾ Гр. Сергѣй Григорьевичъ.

⁶⁾ Растворяющій.

⁷⁾ Демократической солидарности.

⁸⁾ «La Presse», газета Э. Жирардена, арестованнаго въ іюнѣ 1848 на 11 дней Кавеньякомъ.

подорвать сильную кандидатуру Кавеньяка. Соціалисты не хотятъ вовсе вотировать, красные—за Ледрю-Роллена: онъ, все-таки, лучшей кандидатъ.

Посылаю портр. Ледрю и еще чьи попадутся: дѣлитесь, какъ знаете.

Ручку, Марья Ѳедоровна, ручку! вы наши отцы-покровители: какъ не вы напишете, такъ кто напишетъ? вѣдь, Евгений-то Ѳедорычъ у насъ грамотей, да знаете—того, куда и то есть; Тимоѳей Николаевичъ тоже тугонекъ на перышко. Пожалуйста, напишите что-нибудь старому шути въ Парижъ, я съ жадностью гіены читаю всѣ подробности.—Въ жизни нашей перемѣны мало; правда, мы переѣхали возлѣ самой Мадлены (cité Vendée, Boulev-Madeleine, 1-re cour; можете и такъ адресовать, можете и по прежнему). Бокэ ѣдетъ на всѣхъ парусахъ на галеры ¹⁾ или въ министры: его выбрали претендентомъ XII электоральнаго ²⁾ округа, знаете—это S. Jacques, S. Marceau ³⁾,—самыя что ни есть эдакія мѣста. Я его просилъ на всякій случай заготовить мнѣ свидѣтельство, что я ужъ разстрѣлянъ. Онъ меня обнадежилъ пресерьезно, что будутъ списки и что онъ, когда нужно, скажетъ... Премилѣйшій! я на немъ изучаю всѣхъ этихъ сильныхъ рѣзателей 93 года. Бокэ сентименталенъ и свирѣпъ; онъ готовъ расплакаться, какъ дѣвочка, и холодно надѣлать звѣрства. Это французская черта. На-дняхъ я чуть съ нимъ не поссорился до драки, увѣряя его, что, когда они одолѣютъ, то еще хуже будетъ и что я тотчасъ уѣду. Тага ⁴⁾ ваша всякій день становится милѣе и милѣе. Герв. и Бокэ—ея поклонники. Когда Бокэ ее носитъ на рукахъ, я Татѣ говорю: «ты помни, что Бокэ тебя носилъ; его портретъ со временемъ будутъ продавать, чтобъ стращать дѣтей»... а она кричитъ: «à bas Cavaignac», и «viva Pio nono!» ⁵⁾—и говоритъ нарѣчіемъ парижской гризетки ³⁾.

Саша вырѣзалъ вамъ изъ сегодняшней «Реформы» свѣдѣнія о Бокэ.

Скажите Мих. Семен. ⁶⁾, сверхъ поклона, что драма, которую пишетъ Тургеневъ,—просто объяденье ⁷⁾.

Отчего Мельгуновъ не пишетъ? ⁴⁾

¹⁾ На каторгу.

²⁾ Electoral—избирательный.

³⁾ Старые кварталы Парижа: Санъ - Жакъ (Св. Якова), Санъ - Марсо (Св. Маркела).

⁴⁾ Дочь Наталія.

⁵⁾ «Долой Кавеньяка!», «да здравствуетъ Пій IX!».

⁶⁾ Щепкинъ.

⁷⁾ «Нахлѣбникъ».

◆◆ 1. Вотъ буквально все, чѣмъ могъ тогда отозваться «Современникъ» на смерть великаго критика:

«Въ Петербургѣ, 26 мая, въ 5 часовъ утра, послѣ продолжительной болѣзни, скончался извѣстный литераторъ, Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, на 39 году отъ рожденія. Литература составляла исключительное его занятіе и была для него единственнымъ средствомъ къ существованію. Плоды его непрерывной осьмнадцатилѣтней дѣятельности весьма многочисленны; безъ сомнѣнія, невозможность прекратить занятія, при упадкѣ силъ, были одною изъ главныхъ причинъ пагубнаго дѣйствія чахотки, которая, при условіяхъ болѣе благоприятныхъ, можетъ быть, и не обнаружила бы столь рѣшительнаго и быстрого вліянія, если взята въ соображеніе лѣта покойнаго» (№ 6, 173).

2. По словамъ Селиванова, онъ былъ свидѣтелемъ парижскихъ событій 17 апрѣля, присутствовалъ во дворѣ національнаго собранія, когда народъ вломился туда 15 мая, шель съ толпою, валившею въ «Hôtel de Ville», распѣвая марсельезу; былъ въ Парижѣ 27 іюня и воротился въ Россію въ декабрѣ 1848 г. Въ своихъ «Запискахъ» Селивановъ говоритъ: «Герценъ могъ заблуждаться, но сравнительно былъ, все-таки, честный человѣкъ» («Рус. Стар.», 1880, VI, 309).

3. Герценъ потому говоритъ «Тата ваша», что все время, отъ выѣзда ихъ за границу и до отъѣзда М. Ѳ. Коршъ въ Россію, Тата была преимущественно на ея попеченіи. По слабости здоровья Н. А—ны, дѣти были раздѣлены для ухода за ними такъ: Саша неразлученъ съ самой Н. А—ной, Коля при Луизѣ Ивановнѣ и М. К. Эрнѣ, а Тата—съ М. Ѳ. Коршъ (Н. Огарева, «Воспоминанія», 45).

4. 12 ноября Н. А—на писала П. В. Анненкову: «Снѣгъ валить клочьями, снѣгъ бѣлый, а внизу грязь, черная грязь, а между верхомъ и низомъ бьютъ барабаны, бьютъ что есть силы, чтобы заглушить горе и радость при появленіи на свѣтъ конституціи. Александръ забѣгалъ домой выпить коньяку и пошелъ опять смотрѣть на праздникъ, на которомъ, кромѣ мундировъ, ничего нѣтъ, что приводитъ иныхъ въ негодованіе, какъ будто оно не логично и какъ будто не хорошо. Что касается до меня, то я, какъ Ной, спасаюсь отъ всѣхъ тревоженій въ моемъ ковчегѣ, то есть дѣти и проч. («П. В. Анненковъ и его друзья», 629—630).

Изъ письма Р. Зольгера къ Гервегу отъ 24 ноября можно заключить, что Сазонова или Герцена ихъ новые друзья ждали въ Германіи («Вѣст. Европы» 1914, IV, 129—130).

472. Письмо къ П. В. Анненкову.

Городъ Лютеція¹⁾. Девятнадцатое столѣтіе, шестыхъ декабрѣй 48 года.

Гнѣвный другъ!
Грозный другъ!
Не писалъ я къ тебѣ
И боюсь писать...

потому именно, что разобралъ меня въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ: отчего мало? отчего немного? отчего нѣтъ новостей? отчего нѣтъ древностей?—а самъ все знаетъ. Я вообще разучился писать и полагаю, что переписка больше нужна для магнетизма, для оживленія физиологической связи лицъ, безъ которой нѣтъ истинной дружбы. Гдѣ ты? Въ Москвѣ или въ Симбирскѣ? гдѣ бы ни былъ, но поздравь себя, что ты на пять тысячъ верстъ удаленъ отъ пошлыхъ выборовъ. Я живу теперь на Магдалиновскомъ бульварѣ; только шагъ за ворота—и толпа бонапартистовъ со стихами и прозой, а возлѣ карикатуры на Луи Бонапарта. Оружія, на которыхъ сражаются кандидаты, презабавныя и дѣлаютъ большую честь деликатности и благородству. Къ концу декабря узнаемъ. Безъ драмъ и драки не обойдется²⁾.

У насъ дома все, какъ слѣдуетъ. Тата, было, круто занемогла, но болѣзнь прервана; впрочемъ, она еще не совсѣмъ здорова³⁾. Иванъ Сергѣевичъ⁴⁾ крѣпко страдаетъ своею вѣчною болѣзнію. Я занимаюсь видимо немного, но внутренно мнѣ все яснѣе и яснѣе становится то литературное воззрѣніе, которое тебѣ не совсѣмъ нравилось, но которое измѣнить невозможно: такъ оно очевидно. Я не знаю, читалъ ли ты статейку «Новый годъ»,—довольно удачная⁵⁾; это—pendant къ «Передъ грозой»; таковая не пишется—«Праздникъ», Philosophie юмора и Desperazio⁶⁾,—съ

1) Древнее названіе Парижа—Lutetia Parisiorum.

2) Выборы происходили 10-го, результатъ обнаругованъ 20-го декабря: избранъ $\frac{5}{7}$ голосовъ Луи Бонапартъ.

3) Объ этой болѣзни въ главѣ «Тифоидная горячка» V ч. «Былого и

дальними свѣтленькими надеждами ¹⁾). Прощай! Опять немного, а ты-то и побѣди да и напиши прегромадно...

Фредерику ²⁾ деньги сполна отданы. Сейчасъ пріѣхалъ Мюллеръ ³⁾ и кланяется.

◆◆ 1. Во время болѣзни дочери Герценъ жилъ на Boulevard des Capucines. «Хорошо меблированная квартира, была слишкомъ между домами и казалась мрачной» (Рейхель, «Отрывки изъ воспоминаній», 63).

2. Это былъ энтузіастъ, другъ Тургенева, Полины Віардо, Жоржъ Сандъ и др. Впослѣдствіи читатель подробнѣе познакомится съ этимъ оригинальнымъ человѣкомъ. Теперь приведу сообщеніе Н. А. Огаревой. Когда въ 1848 г. она съ сестрой и отцомъ поѣхала за границу, Огаревъ писалъ имъ письмо къ Мюллеру-Стрюбингу, «который былъ для русскихъ въ родѣ проводника; предупрежденный письмомъ, онъ встрѣчалъ отрекомендованныхъ ему русскихъ, показывалъ имъ все, что заслуживало вниманія въ Берлинѣ, возилъ ихъ въ Потсдамъ, въ Санъ-Суси и пр. и провожалъ до вагона, который увозилъ ихъ изъ Берлина. Такъ было и съ нами» («Воспоминанія», 43).

473. Письмо къ Н. П. Огареву.

(Декабрь 1848).

Ну, Саго, скажу тебѣ еще въ тысячный разъ объ жизни то, что говорятъ о шапкѣ Мономаха: тяжела жизнь... Нѣтъ, сколько ни имѣй силъ, ихъ не довлѣетъ. За шесть мѣсяцевъ покоя, гдѣ-нибудь въ теплѣ, съ условіями звѣринаго благосостоянія — солнца, моря,—я отдалъ бы шесть лѣтъ жизни.

...Таковъ ли былъ я расцвѣтая,
Скажи, фонтанъ Бахчисарая?

Можетъ, я и уѣду въ Швейцарію; я же здѣсь познакомился съ твоимъ женевскимъ пріятелемъ. Я дѣйствительно, наконецъ,

¹⁾ «Vixerunt!», № 491.

²⁾ Лакей Анненкова.

³⁾ Германъ Мюллеръ-Стрюбингъ, археологъ и знатокъ греческой филологіи. ²

усталь,—усталь особенно въ послѣднее время... Большое счастье, что ты переживаешь теперь вторую юность ¹⁾). ...Ты меня раза два упрекалъ въ томъ, что, стоя близко, я вижу частности, подробности, что я, уткнувши носъ въ кирпичъ, не вижу зданія, или въ этомъ родѣ. Ты могъ прочесть «Передъ грозой» и «Новый годъ»; каждый день приносить мнѣ новыя подтвержденія. Ну, впрочемъ, когда я приѣду, мы наговоримся вдоволь...

474. Письмо къ Е. А. и Н. А. Тучковымъ.

(17 октября 1848).

Вы спрашиваете записочку о книгахъ; ее составить нелегко: вы перешли большую часть книгъ, а потому вамъ придется зады твердить. Тѣмъ не менѣе для полноты, для изученія жизни совѣтую заглянуть въ комедіи Бомарше; я еще рекомендовалъ тогда «Manon Lescaut» ²⁾), романы Ж. Сандъ. Читайте безпрестанно Гете, иногда Шиллера, читайте по выбору Вольтера и Дидро и больше ничего французскаго не читайте. Читайте Шекспира и Байрона, а потомъ, если понравится—переводы съ древнихъ, Edition Nisard ³⁾), напр. Еще вотъ что: займитесь исторіей, да только не читайте ни короткихъ, ни всеобщихъ исторій, а лучше подробную, живую исторію какого-нибудь одного періода, напр., вѣка Григорія VII. Живое изученіе одного періода больше ознакомитъ васъ со всей исторіей, нежели безъ толку сколоченные. Огаревъ можетъ указать такія монографіи. Я очень рекомендую теперь заняться паденіемъ Рима (тутъ есть прекрасная книга «Les Césars» Champagny ⁴⁾), даже Низара «Décadence» ⁵⁾), наконецъ, Гиббонъ. Вамъ не будетъ скучно. А если будетъ, то возьмите тотчасъ что-нибудь по части естественныхъ наукъ: Milne-Edwards'a ⁶⁾ или геологію Лайелля ⁷⁾),—Огар. будетъ объяснять,—потомъ опять за исторію. А propos, для паденія Рима необходимо нѣсколько ознакомиться съ двумя-тремя

¹⁾ Огаревъ любилъ Н. А. Тучкову.

²⁾ «Манонъ Леско», извѣстный романъ аббата Прево.

³⁾ Жанъ-Мари Низаръ, историкъ франц. литературы и филологъ.

⁴⁾ Франсуа-Жозефъ Шампани, франц. писатель.

⁵⁾ «Etudes sur les poètes latins de la décadence».

⁶⁾ Анри, франц. естествоиспытатель, авторъ популярно написанной зоологіи въ 6 томахъ.

⁷⁾ Чарльзъ, знаменитый англійскій геологъ.

св. отцами, напр., Василій Великій, Григорій Богословъ, Августинъ, Оригенъ,—есть французскій переводъ.

Ну, вотъ вамъ на двадцать лѣтъ чтеніе; потомъ, т. е. въ 1868, я напишу другую записочку. Книги, мною назначенныя, серьезны, да, вѣдь, и время серьезное.

1849

475. Приписка къ Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой.

(8 апрѣля 1849).

Пять часовъ,—Георгъ ¹⁾ былъ два раза, она не принимаетъ. Можетъ, послѣ завтра еще что-нибудь.

Mille saluts. ¹

◆◆ 1. Герцены хлопотали у М. Л. Огаревой по дѣлу о разводѣ ея съ мужемъ. Н. А.—на приняла въ этомъ дѣятельное участіе. Приписка Герценомъ сдѣлана къ слѣдующему ея письму: «Вчера хотѣли, было, совсѣмъ отправить письмо, придумали еще отправить къ М. Георга; его не принимаютъ тоже; хочеть опять итти съ запиской,—не жду успѣха; упрямство безумія мудрено побѣдить, я знаю ее. Прощайте. И больно и тяжело за васъ, друзья, — ну, да ужъ поѣдемте жить вмѣстѣ въ Москвѣ. Пишите какъ можно скорѣе теперь для насъ, умоляю васъ» (Румянц. музей).

7 апрѣля Н. А.—на писала: «Вчера получили ваши письма, вчера же вечеромъ говорили съ Вороб.; онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней; сегодня Ал. идетъ къ нему узнать, можно ли надѣяться (Вор. не слишкомъ обнадеживалъ) и могу ли я итти къ ней. Если да—сейчасъ же отправляюсь и въ этомъ случаѣ надежды не теряю, лишь бы пустила меня къ себѣ» (тамъ же).

Еще въ февралѣ Герцены начали свои хлопоты, и 6-го числа

¹⁾ Гервегъ.

Н. А. писала: «Ал. все сдѣлаеть, что только можно, т. е. Ал. и я, но ты знай, Огаревъ, что М. Льв. послѣднее время вела себя невыразимымъ образомъ отвратительно—трезваго часа не было. Ал. ей замѣтилъ это, за что она разсердилась и возненавидѣла его и меня, и перестала къ намъ ходить, и стала насъ поносить. Это—погибшее и немилое созданіе» (тамъ же).

476. Приписка къ Н. П. Огареву.

(9 апрѣля 1849).

Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Мар. Льв. безумная, т. е. не *par maniѣre de dire* ¹⁾, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ; она даже тебя не пощадила,—объ насъ и говорить нечего. Но, что всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется, что Авдот. Яковл. ²⁾ пописываетъ не одни романы... Впрочемъ, Мар. Льв. притомъ такъ лжетъ, что не знаешь, чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступала въ переписку съ тобой, но удастся ли, не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня; я чувствовалъ, что много дурного выйдетъ изъ этого опыта, но сію минуту я не вижу границы, на чемъ она остановится: это — грязная Мессалина *d'un saigefour* ³⁾; она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести etc., etc.

Прощай. Тяжко, грустно. Какой-то чадъ, всѣ дюди свихнулись...

9 апрѣля.

Сок. ⁴⁾ слабъ и безхарактеренъ.

Я тебѣ ставлю въ обязанность тотчасъ отвѣчать; я только твоего отвѣта и буду здѣсь ждать; къ $\frac{1 \text{ мая}}{18 \text{ апр.}}$ я его долженъ получить.

¹⁾ Условно говоря.

²⁾ Панаева, пріятельница М. Л. Огаревой.

³⁾ Мессалина съ перекрестка.

⁴⁾ Сократъ Воробьевъ, жившій съ М. Л. Огаревой.

Я старѣюсь не по днямъ, а по часамъ... Прожить бы съ вами, порадоваться на васъ—и вдали, вдали, въ глуши.¹

◆◆ 1. 10 марта ст. ст. В. П. Боткинъ писалъ Анненкову: «Герценъ еще въ Парижѣ; на-дняхъ писалъ, что онъ намѣренъ будущимъ лѣтомъ воротиться и заняться хозяйствомъ. При свиданіи переговоримъ объ этомъ подробнѣе. Впрочемъ, Марія Каспаровна пишетъ, что, можетъ быть, еще лѣтомъ онъ и не успѣетъ пріѣхать» («П. В. Анненковъ и его друзья», 557).

477. Приписка къ Н. П. Огареву.

10 іюня (1849).

Я думаю, для полного воспитанія моего скептицизма только недоставало этого мора... И еще разъ Франція отличилась. Помнишь холеру въ Москвѣ въ 31 г.? Сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ: временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и пр. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество—ничего, болѣзнь продолжалась два мѣсяца,—вдругъ жары неслыханныя (въ тѣни 30, 32°), и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ,—трупы лежатъ въ домахъ два-три дня.—Мы переѣхали, наконецъ, на нѣсколько дней въ Ville d'Avray.¹ У меня на квартирѣ Ив. Тург. занемогъ холерой, — чуть не умеръ, однако, отходился. Ахъ, братъ Огаревъ, какъ сохнетъ умъ и сердце и какъ жирнѣетъ тѣло отъ всего этого! Мнѣ иногда кажется,—только бы увидѣться съ вами, а тамъ... будто не все равно: все глупо, все безвыходно, все безцѣльно.

Ты воображаешь, что я по вкусу, а не по необходимости всякій разъ обращаюсь къ древнему Риму въ эпоху его разложенія. Нѣтъ, сходство такъ велико, что вмѣсто цѣлыхъ диссертаций стѣбитъ намекнуть на какое-нибудь имя, событіе того времени,—и мысль не только ясна, но конкретна. Такъ теперь мнѣ пришло въ голову поло-

женіе философовъ въ III столѣтіи: у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на водворяемый. Я давно какъ-то писалъ объ нихъ и заключилъ такъ: «Кружокъ ихъ становится тѣснѣе и тѣснѣе—съ язычествомъ у нихъ ничего не было общаго, кромѣ образа жизни, христіанство было недоступно ихъ свѣтской мудрости. Земля исчезала подъ ихъ ногами, и они утѣшались только мыслью, что они правы; участіе къ нимъ было—имъ оставалось гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ и ихъ; они умѣли умирать, не накупаясь на смерть и безъ притязанія спасти міръ или прославиться; они гибли безучастно къ себѣ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ тогу и молча досматривать, что станется съ Римомъ. Одно благо, оставшееся этимъ иностранцамъ своего времени, было утѣшительное сознаніе, что они, понявъ свою истину, остались вѣрными ей, не испугались ея, ибо истина страшна». Спокойная совѣсть и два-три друга, за неимѣніемъ одного, который бы стоилъ троихъ (это—комплиментъ тебѣ), хорошее бургонское (à propos, я изобрѣлъ и ввелъ здѣсь въ употребленіе пить огромное количество Nuits или Поммаръ ¹⁾), отъ холеры, — и очень удачно); вчера у меня Ник. Ив. ²⁾ укралъ бутылку цѣлую, а здѣсь достать нельзя, — я даже разсердился. Кстати, займись его дѣлами; я, вообще, въ послѣднее время гораздо довольнѣе имъ.

Твое письмо въ три строки, разумѣется, давно получено; какъ не стыдно, что ты не написалъ ни строки потомъ о твоёмъ дѣлѣ.

Кстати, напиши и непременно, прислать ли микроскопъ? мы торопили, торопили мастера.

Natalie, дайте вашу руку или, лучше, просто позвольте васъ поцѣловать.

◆◆ 1. Ville d'Avray—одинъ изъ ближайшихъ пунктовъ въ окрестностяхъ Парижа. Тамъ еще раньше жили Луиза Ивановна съ Колей и М. К. Эрнъ. Объ этомъ времени послѣдняя рассказываетъ: «Однажды Рейхель хотѣлъ познакомить Герцена съ «Вол-

¹⁾ Извѣстная красная вина (бургонскія).

²⁾ Сазоновъ.

шебною флейтой» и не только сыграть ему всю оперу изъ партитуры, но даже пѣль и соло и дуэтъ изъ хоровъ; онъ какъ-то умѣлъ подчеркнуть изъ всякихъ частей особенныя красоты и увлекъ Герцена, который, собственно, не былъ очень музыкаленъ». «Пріѣзжали, насколько помню, какіе-то нѣмецкіе делегаты; одинъ изъ нихъ пріѣхалъ къ намъ видѣть Герцена. Намъ показалось, какъ будто за нимъ подсматривали. Герценъ попросилъ меня проводить послѣдняго въ Парижъ, находя, что съ дамою ѣхать менѣе опасно. Такъ и сдѣлали: я свезла нѣмца благополучно въ Парижъ» («Отрывки изъ воспоминаній», 64—65). Пріѣзжавшій былъ, вѣроятно, Карлъ Блиндъ, посланный со Штюрмомъ отъ революціонныхъ правительствъ Бадена и рейнскаго Пфальца въ Парижъ съ порученіемъ выхлопотать офіціальное ихъ признаніе со стороны франц. республики и завязать сношенія съ представителями партій, сочувствовавшихъ германской революціи.

478. Письмо къ А. А. Герцену.¹

20 іюня (1849).

Прощай, Саша; мнѣ очень жаль, что я не простился съ тобой. Учись хорошенько и пріѣзжай потомъ ко мнѣ. Ты ужъ большой, утѣшай мамашу и помни часто обо мнѣ. Цѣлую тебя.

Каппу ¹) поклонись.

Скажи Марьѣ Каспаровнѣ, что я съ ней прощусь при свиданьи въ Женевѣ, да попроси отдать Щепкину ²), когда перепишетъ, двѣ статейки ³).

Прощай.

Поцѣлуй Колю и Тату.

◆◆ 1. 20 декабря 1848 г. Людовикъ-Наполеонъ принесъ установленную присягу и въ рѣчи своей передъ національнымъ собраніемъ далъ обѣщаніе «какъ честный человекъ, исполнить свои обязанности». Учредительное собраніе сохраняло свою власть до 26 мая 1849 г., а 28 мая вступило въ свою роль законодательное собра-

¹) Фридрихъ, историкъ и политическій дѣятель; губернёръ Александра Александровича.²

²) Дмитрій Михайловичъ, старшій сынъ знаменитаго актера, математикъ и писатель.

³) Вѣроятно, «Письмо одиннадцатое» № 492 и «Consolatio» № 491.

ніе. Сильное реакціонное меньшинство учредительнаго собранія въ законодательномъ собраніи стало уже двумя третями. Лѣвая,—«красные», или монтаньяры, какъ ихъ называли по памяти о великой революціи,—включала въ себя политическихъ радикаловъ и социалистовъ.

Демократы все еще надѣялись на успѣхъ. 29 января была народная вспышка, подавленная правительствомъ. 13 іюня въ радикальныхъ газетахъ напечатано было воззваніе, объявившее президента, министровъ и часть законодательнаго собранія внѣ конституціи и приглашавшая національную гвардію, народъ и войско на защиту поправныхъ правъ. Демонстрація состоялась, но была безпощадно подавлена. Вожди ея,—Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Піа, Консидеранъ бѣжали, другіе были разсажены по тюрьмамъ и сосланы. Такъ окончилась послѣдняя вспышка...

Въ демонстраціи участвовали: Герценъ, Сазоновъ, Карлъ Марксъ и др.

Въ письмахъ Ар. Руге есть интересныя строки о Герценѣ, относящіяся къ 6 іюня 1849 г.: «Я познакомился здѣсь (въ Парижѣ—*М. Л.*) съ однимъ русскимъ, Герценомъ, котораго, въ сущности, нужно назвать скорѣе нѣмцемъ, чѣмъ русскимъ, хотя у него такая способность пировать («ein Talent zum schwärmen»), какой я еще никогда не встрѣчалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я его узналъ, нечего и думать ложиться ночью спать. «Теперь революція, и скоро она пройдетъ,—говоритъ онъ; мы не хотимъ итти домой»... И вотъ смотришь — пять, шесть часовъ утра. Я боюсь, что такой образъ жизни протяну не дольше трехъ дней, но онъ не принимаетъ это въ соображеніе и, дѣйствительно, надо потратить много времени, чтобы узнать все, что здѣсь произошло съ 1848 года и чтобы при этомъ дать Герцену случай воспользоваться своимъ неистощимымъ юморомъ» («Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880», в. II, 99).

Послѣ событій 13 іюня Герценъ принужденъ былъ бѣжать въ Женеву.

Обстоятельства сложились такимъ образомъ.

Герценъ еще не зналъ тогда, что III Отдѣленіе Соб. Е. И. В. канцеляріи уже почти годъ вело переписку о немъ.

Началась она, благодаря перлюстрированному письму двоюроднаго брата Герцена, извѣстнаго фотографа С. Л. Левицкаго, къ А. В. Полѣнову отъ 2-го іюня 1848 г. изъ Парижа: «Мнѣ горько,—писаль Левицкій,—но становится еще грустнѣе каждый разъ, когда увижу Александра Герцена, который опять прикатилъ сюда, вѣроятно, привлеченный революціею; гуляетъ и кутитъ съ демокра-

тами. Прошу нікому не гаворыць о Герцень»... Чэрезь нёсколькі дней было перлюстравана другое пісьмо, незвёста кёмъ і кому пісанае, въ котаромъ былі такія строкі: «Этотъ Герцень пользавался здёсь вёсьма худымъ іменемъ по поступкамъ своимъ въ Москвё і во Владимірё; онъ ігрокъ і былъ подъ надзорамъ поліціі»... III Отдёленіе сразу асоцііравало гэты два сообщенія і знало, какаго Герцена оні касаюцца.

Въ «дёлё» подшыта слёдуючая «запіска»: «Надворный совётникъ Александръ Герцень, сынъ жителя Москвы Герцена і воспитанникъ отставнаго гвардіі капітана Яковлева. Болёе свёдённій о происхожденіи Герцена въ III Отдёленіи не імётеца». Эта странная родасловная была, конечно, основана на уже прыведенномъ мноу пісьмё І. А. Яковлева отъ 22 января 1837 г.

23 іюня гр. Орловъ пішетъ міністру іностранныхъ дёлъ гр. Нессельроде:

«Мілостивый Государь, графъ Карлъ Васильевичъ! Частнымъ образомъ получено свёдённіе, что уволенный за границу і находящійся нынё въ Паріжё надворный совётникъ Александръ Герцень вовлекся тамъ въ сообщество демократовъ і, вмёстё съ ними, прёдаеця самой разсёянной жизни. По высочайшему повелённіу, сообщая о семъ Вашему Сіятельству, імёю честь покорнёйше просить Васъ, м. г., прёдпісать нашей миссіи въ Паріжё обратіть вниманіе на поведеніе надворнаго совётника Герцена і удостоіть меня увёдомленіемъ, какае донесеніе Вами получено будеть отъ миссіи какъ о поступкахъ Герцена въ Паріжё, такъ і томъ, когда онъ отпратітся въ возвратный путь въ Россію».

Нессельроде немедленно прёдпісалъ паріжскому послу д. ст. сов. Н. Д. Киселеву слёдїть за Герценомъ і получилъ отъ него увёдомленіе, что нашему посольству въ Паріжё не было нічего ізвёстна о пребываніи Герцена въ столицё Франціі і что онъ ещё не разысканъ.

Пока шлі розыскі, III Отдёленіе імёлъ въ своихъ рукахъ уже новое пісьмо Левицкаго отъ 24 іюня 1849 г. къ его сестрё, С. Л. Полёновой, попавшее опятъ-таки въ перлюстраціу, гдё о Герцень гаворилось: «Вообразіте, что Герцень, вёрно, напраказіль, что его выслали ізъ Франціі. У бёдной Луізы Ивановны поліціа два раза дёлала обыскъ. Сколькo могъ я судїть по одному разу, то я не думаю, что Луіза Ивановна сбережетъ до старості свой капіталъ. У ней, кажется, открытый кредитъ всёмъ коммунистамъ і баррикадистамъ съ цёлой Европы,—она даеця і помогаеця всёмъ, разумётеца, не ізъ політїческихъ видовъ, а просто отъ глупой доброты; у нея голوى немного, а сердце доброе, но

самъ Герценъ ничего не даетъ, а все посылаетъ къ матери. Въ Россію они не хотятъ возвращаться, говорятъ открыто, что между ними и Россією все кончено, и здѣшнее посольство это знаетъ. Луизы Ивановны мнѣ жаль, но Герцена нисколько. Тонъ ихъ общества прескверный».

При этомъ приложена справка, изъ которой видно, что А. В. Полѣновъ, полковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, живетъ и служитъ въ Москвѣ, Полѣнова—его жена.

III Отдѣленіе не желало дремать, подобно министерству иностранныхъ дѣлъ, и немедленно спроектировало всеподданнѣйшій докладъ, къ которому приложило слѣдующую «справку»: «Герценъ извѣстенъ литературными трудами; онъ помѣщалъ повѣсти и разныя статьи въ журналахъ, отдѣльно издана имъ повѣсть «Кто виноватъ?». Въ этихъ сочиненіяхъ замѣчались нѣкоторыя вольныя сужденія, а потому въ 1848 г., когда учреждена была особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ ген.-адъютанта кн. Меншикова, для разсмотрѣнія издаваемыхъ въ Россіи журналовъ и газетъ, было обращено вниманіе и на сочиненія Герцена». 17 іюля Дубельтъ написалъ на докладѣ: «Графъ призналъ не нужнымъ представлять этотъ докладъ Государю Императору».

Только въ іюлѣ 1849 г. Нессельроде отвѣтилъ, наконецъ, Орлову на его отношеніе отъ 23-го іюня 1848 г. Онъ прислалъ ему французскій рапортъ Н. Д. Киселева, который я привожу въ переводѣ.

«Г. Канцлеръ, Ваше Сіятельство уже увѣдомлены моими рапортами за №№ 110 и 114 о столько же довѣрчивыхъ, сколько и доброжелательныхъ намѣреніяхъ префекта полиціи, которыя онъ высказалъ нашему генеральному консулу и затѣмъ мнѣ самому. При свиданіи, которое я имѣлъ съ г. Ребилъю, я сказалъ ему, что, зная, съ какимъ упорствомъ и настойчивостью онъ преслѣдуетъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ генераломъ Шангарнье ¹⁾ (который сказалъ объ этомъ мнѣ самъ) отечественныхъ и иностранныхъ революціонеровъ и анархистовъ, я не задумываюсь просить его сообщить мнѣ, какія мѣры онъ принимаетъ противъ этихъ враговъ порядка и спокойствія цѣлаго свѣта и особенно противъ русскихъ и польскихъ демагоговъ, злые замыслы которыхъ касаются насъ непосредственно. Такъ какъ онъ точно знаетъ,—прибавилъ я,—что красныя всѣхъ странъ протягиваютъ другъ другу руку и что въ

¹⁾ Николай, блестящій боевой генералъ въ Алжирѣ, консерваторъ и противникъ Наполеона III, былъ изгнанъ послѣ государственнаго переворота 1851 г.; въ глубокой старости опять сражался въ 1870 г. противъ пруссаковъ.

собственныхъ интересахъ правительства должны дѣлать то же самое, чтобы съ ними сражаться и дѣйствительно защищать правовой порядокъ, то я надѣюсь, что онъ не откажется прійти ко мнѣ на помощь для открытія или преслѣдованія тѣхъ, которые злоумышляютъ противъ спокойствія въ Россіи, а что я, съ своей стороны, буду считать своимъ долгомъ увѣдомлять его о всѣхъ фактахъ, которые мнѣ будутъ казаться интересными для него, въ виду той же общей и полезной цѣли всѣхъ законныхъ правительствъ.

«Г. Ребильо склонился и на мою просьбу, и на мое предложеніе. Онъ совершенно откровенно согласился со смысломъ моихъ словъ и прибавилъ, что въ настоящее время должно было бы быть обязанностью каждаго государства помогать другъ другу упрочить вездѣ власть и порядокъ въ дѣлахъ и умахъ. Поздравляя себя съ тѣмъ, что я нашелъ въ немъ такія намѣренія, и благодаря его за любезность, съ которою онъ принялъ нашего генеральнаго консула, г. де-Списа, я просилъ у него позволенія направлять къ нему этого послѣдняго всякій разъ, какъ мнѣ нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія или же когда я самъ буду въ состояніи сдѣлать ему интересныя сообщенія. Я мотивировалъ это предложеніе, какъ моими занятіями, не всегда позволяющими мнѣ итти къ нему лично въ его пріемные часы, такъ и довѣріемъ, которое г. де-Спись уже сумѣлъ заслужить со стороны его предшественниковъ и въ особенности г. Делессера ¹⁾), относившагося къ нему весьма благосклонно. Г. Ребильо согласился очень охотно, чтобъ я употребилъ этого посредника, и обѣщалъ мнѣ сообщать все меня интересующее по тѣмъ главнымъ вопросамъ, на которые я ему указалъ.

«На слѣдующій день послѣ этого разговора г. де-Спись отправился къ префекту, который, оказавъ ему отличный пріемъ, прочелъ ему рапортъ, посылаемый имъ министру внутреннихъ дѣлъ объ изгнаніи нѣсколькихъ польскихъ бѣглецовъ. Его просьба мотивирована тѣмъ, что эти чрезвычайно горячіе и экзальтированные иностранцы нарушили долгъ передъ великодушнымъ гостепріимствомъ Франціи участіемъ во всѣхъ смутахъ, демонстраціяхъ и заговорахъ, имѣвшихъ цѣлью безпорядокъ, анархію и сверженіе существующаго образа правленія. Г. Ребильо, считая дальнѣйшее поущеніе опаснымъ для страны и препятствующимъ возвращенію порядка и тишины, проситъ о немедленномъ изгнаніи съ французской территоріи слѣдующихъ польскихъ демократовъ: Станислава Ворцеля, Іосифа Высоцкаго, Іосифа Дыбовскаго, Адама Шидовскаго, Ивана Яновскаго, Іосифа Ордега, Эдмонда Корабевича, Адальберта

¹⁾ Префектъ полиціи до 24 февр. 1848 г.

Дараша, Томаса Малиновскаго, Эдмонда Ковальскаго, Матвѣя Стахевскаго, Виктора Гельтмана, Густава Журавлевича, Феликса Окорскаго, Адольфа Христовскаго, Теофила Янушкевича, Луи Оборскаго, Леопольда Завацкевича, Матвѣя Чеховскаго, Луи Верцинскаго, Юсифа Броневскаго, Генриха Якубовскаго, Александра Будзкаго, Генриха Марціевскаго, Ивана Альціато, Ивана Павловича, Ивана Полонецкаго, Станислава Голембiевскаго и Вячеслава Мазуркевича.

«Всѣ эти бѣглецы состояли въ Польскомъ Демократическомъ Обществѣ. Самые дѣятельные и передовые между ними были: Ворцель, Высоцкій, Ордега, Дарашъ, Малиновскій, Стахевскій, Гельтманъ, Янушкевичъ, Журавлевичъ, Верцинскій, Якубовскій, Альціато и Мазуркевичъ. Эти господа состояли послѣдовательно членами центрального комитета Общества.

«Рапорты императорскаго посольства уже много лѣтъ докладывали о злыхъ умыслахъ этихъ бѣглецовъ. Оно сообщало также о нихъ въ свое время и Гизо, который, однако, хорошенько ими тогда не занимался.

«Я думаю, что должно обратить вниманіе Вашего Сiятельства на то, что Гельтманъ и Альціато произвели въ 1846 г. краковское возстаніе. Г. Ребилю обратилъ вниманіе, что первый изъ нихъ — самый экзальтированный и озлобленный противъ русскихъ полякъ.

«Префектъ просилъ также министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы Браницкій, Холинскій и Юсифъ Потоцкій, уже изгнанные изъ Франціи, были изгнаны съ ея территории и въ томъ случаѣ, если бы опять появились, а также чтобы распространить изгнаніе на Годибскаго и Мицкевича; первые трое субсидировали «La Tribune des Peuples» и принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а двое послѣднихъ были главными редакторами этой зажигательной газеты.

«Онъ просилъ еще, чтобы было воспрещено возвращеніе во Францію Мѣрославскому и Шнайду, которые стояли во главѣ баденскихъ заговорщиковъ.

«Послѣ прочтенія своего рапорта о польскихъ бѣглецахъ и замѣчаній къ нему, г. Ребилю открылъ г. де-Спису, что Таузуенау о которомъ говорится въ моемъ рапортѣ за № 110, былъ отпущенъ на свободу, потому что не было достаточныхъ уликъ для преданія его суду, но что черезъ четыре дня послѣ его освобожденія онъ долженъ былъ покинуть Парижъ и Францію. Этотъ баденскій демагогъ не желалъ возвратиться въ Германію, и ему было разрѣшено ѣхать въ Англію, но, чтобъ быть увѣреннымъ въ такомъ его маршрутѣ, его примѣты были посланы въ Булонь (sur mer) и одновременно сообщены прусскому министру, гр. Гарцифельду.

«Префектъ прибавилъ, что Эвербекъ, также упомянутый въ моемъ чрезвычайномъ рапортѣ, продолжаетъ сидѣть въ заключеніи, и что теперъ переводится найденная у него обширная переписка. Если тамъ обнаружатъ что-нибудь о его сношеніяхъ въ Россіи и Польшѣ, г. Ребилю обѣщаль г. де-Спису сообщить все это мнѣ.

«Къ этому любезному обѣщанію префектъ прибавилъ, что заставитъ открыть мѣстопробываніе надворнаго совѣтника Герцена, который былъ названъ мнѣ, какъ человѣкъ, поддерживающій постоянныя сношенія съ Бакунинымъ и Головинымъ, и сдѣлать у него домашній обыскъ (что очень легко въ настоящее время осаднаго положенія) въ надеждѣ захватить кое-какія бумаги, которыя могли бы быть намъ полезными. Это тотъ самый Герценъ, который въ свое время писалъ въ русскихъ журналахъ и подписывался «Искандеръ».

«Я обязанъ также французской полиціи свѣдѣніями о нѣсколькихъ польскихъ бѣглецахъ, названныхъ въ спискѣ тѣхъ, объ изгнаніи которыхъ онъ проситъ, или которые уже изгнаны; они общали «Le National» и въ настоящую минуту запрещенной «La Réforme» свѣдѣнія изъ ихъ переписки съ Польшею о состояніи страны и умовъ. Связь между поляками и названными газетами не прекращалась, въ особенности при посредничествѣ двухъ бывшихъ министровъ — Бастида и Флокона, которые братаются съ самыми экзальтированными демократами эмиграціи; эти сообщенія были дѣлаемы обѣимъ газетамъ, къ которымъ они продолжаютъ принадлежать.

«Считаю лишнимъ увѣрять Ваше Сіятельство, что буду стараться при помощи усердія и опытности нашего главнаго консула извлечь всю возможную пользу изъ добрыхъ и довѣрчивыхъ отношеній полковника Ребилю, который во всемъ вполнѣ раздѣляетъ твердые и консервативные принципы генерала Шангарнье, съ коимъ онъ въ лучшихъ отношеніяхъ».

При этомъ рапортѣ была приложена французская записка де-Списа о Герценѣ отъ 26 іюня 1849 г.

Привожу и ее полностью.

«Надворный совѣтникъ А. Герценъ былъ названъ посольству, какъ человѣкъ, поддерживающій интимныя отношенія съ самыми передовыми демократами, пріютившій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Бакунина и имѣвшій продолжительныя сношенія съ Головинымъ, Эвербекомъ и Таузенау. Вслѣдствіе Вашего указанія, я отправился къ префекту полиціи. Представивъ ему записку о Герценѣ, въ которой я просилъ его установить за нимъ дѣятельное наблюденіе, чтобы провѣрить, до какой степени были основательны обвиненія противъ этого человѣка, я сказалъ ему въ то же время, что осто-

рожность повелѣвала не дѣлать письменнаго приказанія, если онъ найдетъ причины произвести у Герцена домашній обыскъ, который, вслѣдствіе осаднаго положенія, не представлялъ никакихъ затрудненій и могъ бы привести къ очень полезнымъ для насъ открытіямъ.

«Г. Ребилю взялъ мою записку, немедленно послалъ ее начальнику тайной полиціи, министру внутреннихъ дѣлъ г. Карлье ¹⁾), и общалъ мнѣ сдѣлать все, о чемъ я просилъ.

«Когда я затѣмъ прибылъ въ префектуру, г. Ребилю прочелъ мнѣ очень быстро письмо, которое долженъ былъ мнѣ послать и гдѣ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія:

«1. Когда прибыли въ квартиру Герцена, жившаго у матери, г. Луизы Гаагъ, въ rue Chaillot, № 111, то узнали, что онъ уже нѣсколько дней выѣхалъ въ Женеву, откуда долженъ будетъ выѣхать въ Пруссію ²⁾.

«2. Узнали устно отъ Таузенау (того самаго, который пойманъ и отпущенъ съ приказаніемъ выѣхать въ теченіе 4 дней съ французской территоріи), что онъ вновь часто встрѣчался съ Бакунинымъ, Головинимъ и Эвербекомъ (который до сихъ поръ еще заключенъ) у Герцена и имѣлъ непосредственныя сношенія съ нѣмецкимъ комитетомъ въ Парижѣ.

«3. Герценъ всегда старается, чтобы его считали пруссакомъ.

«Я поблагодарилъ префекта за эти указанія и, такъ какъ онъ

¹⁾ Пьеръ-Шарль, полицейскій чиновникъ, выдавшійся своимъ служебнымъ и ретрограднымъ рвеніемъ еще въ 30-хъ годахъ; съ 10 ноября 1849 года замѣнилъ Ребилю, былъ приверженцемъ Наполеона III.

²⁾ Это невѣрно. Герценъ хорошо зналъ о существованіи соглашенія, опубликованнаго въ торжественномъ манифестѣ 6 февраля 1834 года:

«Желая наивяще укрѣпить связи искренней дружбы и добраго сосѣдства, существующія между Нами, Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ, а равно и между нашими Государствами; пріемля сверхъ того въ уваженіе, что всѣ три союзныя Державы въ равной степени должны пещись о сохраненіи тишины и законнаго порядка въ польскихъ областяхъ, каждой изъ нихъ подвластныхъ, Мы, по соглашенію съ Ихъ Величествами, утвердили нижеслѣдующія постановленія:

«Никто изъ оказавшихъ въ областяхъ одной изъ трехъ державъ, то-есть Россіи, Австріи и Пруссіи, виновнымъ въ государственной измѣнѣ, оскорбленіи Величества, вооруженномъ бунтѣ или же изъ злоумышлявшихъ противъ престола и правительства, не будетъ имѣть ни защиты, ни убѣжища въ областяхъ двухъ другихъ державъ. Всѣ три державы, напротивъ того, обязуются выдавать немедленно всякаго изобличаемаго въ вышеозначенныхъ преступленіяхъ, коль скоро онъ потребованъ будетъ Правительствомъ, которому онъ принадлежить».

очень торопился выйти, то не хотѣлъ дальше задерживать его, но еще разъ попросилъ принять мѣры для открытія сношеній Герцена съ его сообщниками.

«Герценъ, хотя и русскій, и живетъ давно въ Парижѣ, никогда не являлся въ посольство, а былъ въ императорскомъ консульствѣ и визировалъ тамъ слѣдующіе документы:

«Довѣренность отъ 22-го іюля 1848 г. за № 4260 на имя на-дворнаго совѣтника Григорія Ключарева, на продажу дома въ Москвѣ г. Георгію Герцену; довѣренность на имя г. Ключарева Луизы Гаагъ на продажу ея дома въ Москвѣ, засвидѣтельствованную въ генеральномъ консульствѣ 9-го марта 1849 г. за № 4836; довѣренность Герцена г. Ключареву на залогъ въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ имѣнія въ Костромской губерніи, засвидѣтельствованную въ генеральномъ консульствѣ 9-го апрѣля за № 4875, и, наконецъ, довѣренность, засвидѣтельствованную 9-го апрѣля 1849 г., за № 4877, на передачу г. Луизѣ Гаагъ двухъ облигацій на 30.000 руб. сереб. отъ надворнаго совѣтника Дмитрія Голохвостова; эта довѣренность дана Ключареву Гаагъ и Герценомъ.

«Эти довѣренности показываютъ, что Герценъ имѣетъ въ виду реализовать, насколько возможно, свое состояніе въ Россіи и перевести его за границу.

«Г. Ребилъо сказалъ мнѣ, что Герценъ только что купилъ домъ въ Парижѣ, неизвѣстно въ какой части города, и очень тща-тельно скрываетъ это обстоятельство.

«Вотъ описаніе наружности Герцена, которое будетъ полезно сообщить прусскому правительству:

«Герценъ средняго роста, приближается къ 40 годамъ; шатень, съ краснымъ лицомъ; его манера держаться не увѣренна и онъ избѣгаетъ смотрѣть прямо въ глаза; носитьъ бороду, волосы довольно длинные и прилизанные.

«Я напомнилъ по этому поводу г. Ребилъо про бумаги, захва-ченныя у Эвербека, изъ которыхъ онъ обѣщалъ сообщить мнѣ тѣ, которыя будутъ касаться Россіи и Польши. Онъ отвѣтилъ, что онъ еще въ рукахъ переводчиковъ».

Оба приведенные мною документа были немедленно доложены Николаю I. Онъ положилъ характерную для него резолюцію: «очень замѣчательно, этотъ Герценъ тотъ, который былъ мной высланъ, кажется въ Кострому, а Наслѣдникомъ черезъ Жуковскаго выпрошено прощеніе; надо велѣть положить запрещеніе на его имѣніе, а ему немедленно велѣть воротиться».

Немедленно было дано знать министру юстиціи, а министра иностр. дѣлъ III Отдѣленіе просило объявить Герцену такое вы-

сочайшее повелѣніе и увѣдомить ихъ, когда именно и черезъ какой пунктъ нашей границы онъ вернется въ отечество.

8 іюля 1849 г. министръ юстиціи Панинъ предложилъ, во исполненіе высоч. повелѣнія, наложить на имѣніе Герцена запрещеніе. 18 іюля сенатъ предписалъ всѣмъ губернскимъ и бессарабскому областному правленіямъ и палатамъ гражданскаго суда сіе исполнить. Послѣднія отъ себя предписали о томъ же всѣмъ «градскимъ и земскимъ полиціямъ, уѣзднымъ судамъ, магистратамъ и ратушамъ, казеннымъ, судебнымъ и государственныхъ имуществъ палатамъ, удѣльнымъ конторамъ, духовнымъ консисторіямъ, приказамъ общественнаго призрѣнія, строительнымъ комиссіямъ, губернскимъ почтовымъ конторамъ и прочимъ властямъ»... Началась переписка по всей Россіи, обычная всегда при наложеніи подобныхъ запрещеній. По размѣрамъ дѣла № 6 1849 г. одного вятскаго губернскаго правленія—свыше 300 листовъ,—можно судить о томъ громадномъ количествѣ истраченныхъ по всей Россіи времени и бумаги, которое сейчасъ можетъ показаться просто сказкой. И все это для того, чтобы только отъ костромскаго губернскаго правленія получить подтвержденіе уже извѣстнаго факта о нахожденіи въ Чухломскомъ уѣздѣ имѣнія Герцена—дер. Лепехино.

19 августа министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило гр. Орлову, что Герценъ, какъ изгнанный изъ предѣловъ Франціи, выѣхалъ въ Швейцарію, и потому нашему посланнику при швейцарскомъ союзѣ дана уже надлежащая инструкція.

Воспроизвожу еще одну очередную «справку», подшитую къ «дѣлу»:

«Въ депешѣ д. ст. сов. Киселева отъ 6 іюля 1849 г. объяснено, что російскій подданный Александръ Герценъ, въ числѣ многихъ выходцевъ, изгнанъ изъ Франціи; что въ квартирѣ его произведенъ былъ полицейскій обыскъ, подобно тому, какъ это сдѣлано было и у многихъ другихъ демагоговъ, изгнанныхъ изъ Франціи; что Герценъ, по отзыву префекта парижской полиціи, подозрѣваемый въ сношеніи съ анархистами, называетъ себя пруссакомъ и объявляетъ, будто ему не представляется обязанности имѣть какія-либо соотношенія съ рос. посольствомъ. Герценъ отправился изъ Парижа въ Женеву, отсюда долженъ переѣхать въ Пруссію. Находясь въ сношеніи съ Головинымъ и Бакунинымъ, онъ принялъ ихъ въ квартиру своей матери, у которой самъ проживалъ, и состоитъ также въ тѣсномъ сношеніи съ германскимъ комитетомъ въ Парижѣ. (См. отношеніе инженеръ-генерала Дена отъ 16 іюля, № 895 въ 1 части дѣла о замыслахъ польскихъ выходцевъ 1849 года)».

Въ августѣ 1849 г. Н. Д. Киселевъ сообщилъ, что все еще

никакъ не можетъ узнать, гдѣ находится Герценъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 г., I экз., дѣло № 239, ч. 10).

Объ обыскѣ у Луизы Ивановны сообщаетъ также и М. К. Рейхель: «У насъ ничего не могло быть политически опасно; были только бумаги Герцена, которыя онъ оставилъ намъ на сохраненіе. Въ нихъ не было никакихъ заговоровъ, но ихъ содержаніе и рѣзкая, но справедливая критика слишкомъ мало согласовалась съ настоящими событіями. Когда Герценъ еще не рѣшилъ эмигрироваться, бумаги могли быть выданы русскому правительству, что могло сильно повредить ему. Домъ былъ оцѣпленъ, и мы оказались, точно пойманныя птицы въ клѣткѣ. Но какъ быть съ бумагами, чтобъ онѣ не попались? Луиза Ивановна не помнила, въ какомъ онѣ чемоданѣ. Я пошла наверхъ, гдѣ были спальныя комнаты. Къ счастью, я скоро нашла бумаги, привязала ихъ себѣ подъ платье, тотчасъ воротилась внизъ и сѣла на прежнее мѣсто. Позже уже все было опечатано» («Отрывки изъ воспоминаній», 65).

Теперь читателю будетъ ясно письмо Герцена къ десятилѣтнему сыну.

Здѣсь же считаю умѣстнымъ привести разсказъ Г. Раша о томъ, какое денежное участіе Герценъ принималъ въ жизни своихъ заграничныхъ друзей. Онъ познакомился съ Герценомъ въ домѣ Гервега, въ Парижѣ въ 1848 году.

«Его домъ служилъ сборищемъ для изгнанниковъ самыхъ различныхъ національностей; тутъ встрѣчались нѣмцы и итальянцы, поляки и румыны, венгры и сербы; каждый день въ домѣ Герцена накрывались на столъ двадцать приборовъ для эмигрантовъ, которые за неимѣніемъ денегъ за обѣдъ въ ресторанѣ пожелали бы обѣдать у него въ домѣ. Для этого не требовалось никакихъ формальностей, никакого приглашенія, никакой рекомендаціи. Каждое изъ такихъ лицъ въ домѣ Герцена встрѣчало радушный пріемъ.

«Герценъ въ 1848 и 1849 гг. тратилъ много тысячъ на помощь эмигрантамъ. Для того, чтобы получить отъ него денежное пособіе, не требовалось ничего, кромѣ дѣйствительной нужды и одного слова, сказаннаго ему объ этомъ. Герценъ давалъ черезъ меня деньги вѣнскимъ октябрьскимъ эмигрантамъ, которыхъ онъ зналъ только по фамиліямъ, лично же никогда не видалъ,—и всегда вручалъ суммы съ величайшей охотой, но только при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы при передачѣ не называлась его фамилія.

«Многіе изъ изгнанниковъ и совсѣмъ жили на счетъ Герцена. Даже жены двоихъ вѣнскихъ эмигрантовъ въ его домѣ разрѣши-

лись отъ бремени, такъ какъ въ ихъ собственной квартирѣ для этого не хватало ни требуемыхъ удобствъ, ни комфорта... И кто изъ эмигрантовъ, имѣвшихъ въ то время ежедневныя сношенія съ Герценомъ, не помнитъ его кроткой красавицы-жены, которая черезъ нѣсколько лѣтъ умерла?

«Я могъ бы,—прибавляетъ Рашъ,—разсказать объ Александрѣ Герценѣ множество такого рода фактовъ, такого рода чертъ, которые въ одно и то же время служатъ доказательствомъ и его характера, и того нѣжнаго чувства, которое отъ природы было заложено въ его сердцѣ. Вѣнскіе эмигранты,—изъ нихъ многіе имѣли съ нимъ сношенія (Грицнеръ, Александръ Подулякъ,—смѣлый легіонеръ, капитанъ войска Гарибальди; Эрнестъ Гаугъ, Карлъ Таузенау, Россети—румынскій министр),—являются свидѣтелями такого рода отношеній въ домѣ Герцена» (G. Rasch, «Alex. Herten», «Neue Freie Presse», 1870, № 1944).

«Когда красивая жена полковника Кухенбеккера ожидала родовъ, великодушный Герценъ помѣстилъ ее у своей матери, такъ какъ средства полковника были ограничены». «Ежедневнымъ явленіемъ въ домѣ Гервеговъ были Александръ Герценъ и его красивая, кроткая супруга. Герценъ былъ красивая внушительная мужская фигура. Энергичный и страстный въ своихъ выступленіяхъ, любезный въ обхожденіи, щедрый и благородный, человекъ ума, разсудка и энергіи» (G. Rasch, «Aus meiner Festungszeit», 20, 24).

2. По словамъ Л. Бамбергера, Каппъ былъ очень доволенъ мѣстомъ у Герцена и восхищался имъ самимъ. Сына его онъ, по желанію отца, долженъ былъ воспитывать въ направленіи атеистическомъ (L. Bamberger, «Erinnerungen»).

479. Письмо къ женѣ.

22 іюня, 10 часовъ вечера (1849).

Женева.

Другъ мой, въ пять часовъ послѣ обѣда я пріѣхалъ сюда и тотчасъ въ дилижансъ-конторѣ написалъ нѣсколько словъ къ маменькѣ на нашъ адресъ. Теперь еще не могу толкомъ прійти въ себя: безпокойство, волненіе послѣднихъ дней, наконецъ, физическая усталъ. Я отъ Парижа до ЖENEVЫ не отдыхалъ ни минуты: въ семь часовъ пріѣхали мы въ Ліонъ, въ половинѣ седьмого ¹⁾ я уже

¹⁾ Очевидная описка.

сидѣлъ на имперіалѣ женеваго дилижанса. Жаръ былъ убійственный. Какъ бы то ни было, но я здѣсь и первый разъ отроду съ какимъ-то бѣшенствомъ выпилъ бутылку рейнвейна. Фази ¹⁾ меня принялъ превосходно. Что-то вы... настрадались, чай, какъ?.. О, жизнь, жизнь, она мила своей безмозглостью; все шатается: вчера на краю гадостей и мерзостей, сегодня спокойно въ отелѣ... остается право пить и ѣсть. Съ начала дороги эгоизмъ самосохраненія заглушалъ все во мнѣ, потомъ вдругъ все задавленное въ послѣдніе дни вышло наружу — негодованіе, боль, а пуще всего меня досадовало и мучило, что я не простился съ дѣтьми. Саша, вѣрно, грустилъ обо мнѣ. Я еще въ Парижѣ не могъ вспомнить этого, чтобъ слезы не навернулись на глазахъ. Лишь бы мое письмо скорѣе дошло до тебя. Прощай. Прощайте.

23 іюня.

День страшныхъ воспоминаній ²⁾. Я отдохнулъ и напился превосходнаго кофею и все думаю и думаю, что есть ли же на свѣтѣ что-нибудь глупѣе, какъ всѣ наши опыты ловко и надолго устраивать свою жизнь. И деньги, и здоровье, и событія, въ которыхъ живешь,—все это не зависитъ ни отъ нашего, ни отъ чьего ума; настоящее и настоящее — больше ничего. А потому торопитесь-ка сюда. По Швейцаріи поѣздить хорошо; передъ моими окнами такая прелесть — свѣжесть, зелень, вода, — вообще надо попользоваться временемъ; Швейцаріи, очень можетъ быть, вовсе не будетъ. Я думаю, что съ пассомъ будутъ хлопоты; въ случаѣ нужды, поѣзжай сама въ посольство или Бернацкій устроить. Да вотъ еще что весьма важно: надобно получить копію съ крѣпости на домъ, купленный въ Парижѣ ³⁾. А потому пошли за m-g Boucquot ⁴⁾; Rue Boulos, 22—Константинъ ⁵⁾ знаетъ; онъ же долженъ принести за треть отъ наемщика деньги; когда онъ принесетъ ихъ, отдай ему 200 фр. отъ меня и спроси, не нужна ли ему довѣренность; наконецъ, попроси копію съ купчей, — это необходимо.

Ich glaube doch, dass es besser ist schlecht deutsch zu schreiben, als vortrefflich russisch, denn das schlechte Deutsch wird Georg doch übersetzen. Jetzt eben war Herr Djems bei mir, ich habe ihn beinahe so aufgenommen, wie Marat die Charlotte oder Lottchen Corday, es

¹⁾ Джемсъ, президентъ женеваго кантональнаго совѣта.

²⁾ Событія 1848 г. въ Парижѣ.

³⁾ По Амстердамской ул., № 14, нынѣ 16: находится справа отъ большаго вокзала St.-Lazare, улицу эту пересѣкаетъ Rue St.-Lazare.

⁴⁾ Нотариусъ въ Парижѣ.

⁵⁾ Поваръ Герцена.

heisst—ich stieg plastisch aus einem Bade. Er ist ein vortrefflicher Mensch. Nach zwei Minuten kam Herr Aivengo Golovine. Das ist aber doch lächerlich — eine Hegire ohne Islamiten zu sein. Adieu. Morgen schreib'ich wieder. Um 2 muss man die Briefe abgeben ¹⁾).

Приѣзжайте поскорѣе, но только окончивши всѣ дѣла. Марья Каспаровна, я и не простился съ вами, да что дѣлать. Много было пакостей на дорогѣ, но и люди встрѣтились,—объ этомъ когда-нибудь.

Ну, что ты, мой дружокъ, Саша? а, все-таки, лучше бери примѣръ съ отца: хоть иногда и жестко спать, а иди той же дорогой.

Замѣтилъ ли Коля мое отсутствіе?

Не забудьте взять мои рукописи у Георга,—будемъ отсюда ихъ печатать ²⁾). У Ротшильда остались мои Inscriptions de la Banque ³⁾); послѣ полученія процентовъ можно ихъ взять у него потомъ и хранить крѣпко. Всего лучше, ежели вы въ путь пуститесь разомъ,—больше достовѣрности. На счетъ документа для . . . ⁴⁾ будетъ отосланъ.

Пишите, пишите и пишите. Я, было, сегодня утромъ прихворнулъ, да вылѣчился совершенно бифштексомъ. Скажи Георгу, что я начинаю цѣнить рейнвейнъ.

Прощайте.

Головинъ преклоняется и свидѣтельствуесть.

Купи всенепремѣнно отличный сакъ съ чемоданомъ Дм. Мих. ⁵⁾ и заставь его взять.

¹⁾ Писано изъ вниманія къ матери. «Думаю, что все же лучше плохо писать по-нѣмецки, чѣмъ отлично по-русски, потому что съ плохого нѣмецкаго переведеть Георгъ (Гервегъ—*М. Л.*). Только-что былъ у меня Джемсъ (Фази—*М. Л.*); я принялъ его почти такъ, какъ Маратъ—Шарлотту или Лотхенъ—Кордэ, именно—выходя изъ ванны. Прекрасный человекъ. Спусти двѣ минуты пришелъ Айвенго Головинъ ⁰⁾. Это, однако, забавно—геджра безъ мусульманъ. Завтра опять напишу. Къ 2 час. надо сдавать письма».

²⁾ «Съ того берега».

³⁾ Цѣнные бумаги.

⁴⁾ Фамилія не разобрана.

⁵⁾ Щепкинъ.

⁰⁾ Иванъ Гавриловичъ, русскій эмигрантъ, не гнушавшійся и сношеніями съ III Отдѣленіемъ.

480. Письмо къ женѣ.

24 іюня (1849).

Женева.

Вотъ и еще день прошелъ. Богъ знаетъ, что бы я далъ за то, чтобы ты получила скорѣе вѣсть обо мнѣ завтра бы, ко дню рожденія Саши. Что-то съ вами? Иногда мнѣ страшно: вы какъ-то очень одиноки; впрочемъ, я много надѣюсь на дружеское участіе Щепкина.

Скажите . . . ¹⁾, что его пріятель ему пришлетъ рецептъ, о которомъ онъ просилъ.

Когда ты соберешься, узнай, какъ можно вѣрнѣе, насчетъ пасса,—строгости на дорогѣ непомѣрныя. Всего лучше адресоваться въ наше посольство и спросить, какъ сдѣлать. Вспомни, что пассъ на мое имя, слѣдов., можетъ васъ подвергнуть всякимъ мелкимъ неприятностямъ, обыску и т. п. Можешь посовѣтоваться съ Шомбургомъ ²⁾. Они теперь опрашиваютъ даже дѣтей.

Григорій Ив. ³⁾ долженъ прислать деньги; если до отъѣзда вашего ихъ не получите, дай адресъ въ Женеву у Ротшильда и попроси М-г Масе переслать сюда *poste restante*; если же при васъ получатся, то отдай вексель въ общій счетъ мой съ Ротшильдомъ и возьми денегъ, сколько надобно. Если вексель будетъ на имя маменьки, то ей надобно подписать. Французскія *inscriptions* можно оставить у Ротшильда (взявъ, разумѣется, расписку) и просить, чтобы онъ получилъ проценты въ общій счетъ.

Я полагаю, что *Vousquot* можетъ во всемъ быть особенно полезенъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія, я живу здѣсь отлично, *Hôtel des Bergues*. Опять увидѣлъ я большія комнаты, огромныя окна, то есть не мѣщанскія квартиры, къ которымъ мы такъ привыкли въ Парижѣ. Вчера у меня обѣдалъ Головинъ и нашъ общій здѣшній пріятель ⁴⁾, о которомъ я могу сказать одно, что лучшій другъ не могъ бы искреннѣе и душевнѣе насъ принять. Знаетъ ли Герветъ *Assmanshauser's*кое вино?

¹⁾ Фамилія не разобрана.

²⁾ Служившій въ банкирскомъ домѣ Ротшильда.

³⁾ Ключаревъ.

⁴⁾ Джемсъ Фази.

Здѣсь въ hôtel, если остаться надолго, берутъ по 50 фр. съ рыла въ недѣлю, да 5 фр. за комнату, то и можно было бы остаться на семъ основаніи здѣсь.

Цѣлуй, кланяйся и обнимай всѣхъ, кого слѣдуетъ. Еще разъ душевное спасибо Лeko ¹⁾,—я скоро ему пришлю статейку.

Здоровы ли вы? А, все-таки, все скверно и глупо;—для того, чтобъ жить, надобно быть животнымъ.

Къ величайшему удовольствію, я здѣсь встрѣтилъ уже Богаевского ²⁾ черезъ четверть часа послѣ приѣзда.

Маменьку прошу пуще всего беречь векселя, а Марью Каспаровну—играть на клавикордахъ, себя и другихъ веселя.

Ну, что же ты дѣлаешь, Саша? Ловишь ли бабочекъ, ходишь ли гулять съ Фогтомъ ³⁾? Напиши мнѣ что-нибудь, дружокъ, и поцѣлуй Колю и Тату.

Пишите, ради Бога, какъ можно чаще. Да и приѣзжайте, наконецъ, сами лучше сюда. Адресуйте просто на мое имя *poste restante*.

Вотъ тебѣ счетъ здѣшняго житья:

я	50		
ты	50		
двое дѣтей	50		
Элиза ⁴⁾	28		
		178	въ недѣлю, 672
прислуга	30		въ мѣсяцъ
зала	5 фр.		въ день, 150
на водку	20		
			200
			<u>872</u>

Теперь, считая 1,000 за все и 250 на роскоши, т. е. вина и напитки, да 250 на экипажъ и *конфеты* (I), выходитъ 1,500 въ мѣсяцъ, и будемъ въ великомъ отелѣ. Головинъ, который нанялъ здѣсь, мнѣ пресерьезно говорилъ: «удобнѣе невозможно, даже парикмахеръ внизу; если надобно стричься—тотчасъ можно послать». Это оригинальная точка зрѣнія. А *propos*, онъ говоритъ, что если выйдутъ какія-нибудь затрудненія насчетъ пасса, то адресоваться отъ его имени къ M-г le comte de Richemont, Rue Lavoisier, 12;—попроси Гервега съѣздить. Впрочемъ, я уповаю сильно на Бернацкаго.

¹⁾ ?

²⁾ ?

³⁾ Адольфъ, медикъ.¹

⁴⁾ Горничная.

Въ случаѣ нужды, можно адресоваться отъ Головина къ M-me la C-tesse Cossa, Champs Elysées, Rue Beaujou, 1, а коли не нужно, ну, такъ и не надобно.

◆◆ 1. Старикъ - профессоръ Фогтъ, о которомъ читатель узнаетъ еще не мало отъ Герцена, имѣлъ четырехъ сыновей: знаменитаго натуралиста Карла, указаннаго Адольфа и двоихъ юристовъ: Густава и Эмиля.

М. К. Эрнъ говоритъ, что изъ всѣхъ наукъ у Адольфа «было больше всего склонности къ математикѣ, но матеріальныя условія заставили его изучать медицину: онъ рано обзавелся семьей. Не гоняясь ни за славою, ни за накопленіемъ земныхъ благъ, онъ шель своей дорогой, зорко слѣдя за наукой и неустанно работая. Страшный поклонникъ природы, онъ изучилъ ее во всѣхъ направленіяхъ, какъ туристъ, какъ ботаникъ, какъ геологъ, да я и сказать не умѣю всего, что онъ знаетъ» («Отрывки изъ воспоминаній», 68). Въ это время Адольфъ Фогтъ былъ студентомъ въ Парижѣ.

481. Письмо къ женѣ.

29 іюня 1849 г.
Женева.

Ваше вчерашнее письмо совершенно успокоило меня и сняло тяжкое состояніе духа, въ которомъ я былъ въ послѣднее время. Вечеромъ на такихъ радостяхъ я выпилъ съ Ф. ¹⁾ въ *Écu de Genève* ²⁾ двѣ бутылки Кло де Вужо. Впрочемъ, бѣшенная потребность бургонскаго проходитъ совсѣмъ, коньякъ почти совсѣмъ въ отставку, объ холерѣ здѣсь и не говорятъ. Да и какой быть холерѣ въ этомъ садикѣ,—все такъ чисто, такъ свѣтло, озеро синее, небо синее, горы бѣлыя, женщины на улицахъ отворачиваются, мужчины обѣдаютъ въ часъ, аристократы въ 5, въ десять часовъ вечера запираютъ городъ на ключъ, а въ 12 всѣ спятъ. Странное дѣло, иныхъ городовъ, какъ иныхъ людей, не минуешь. Сколько разъ еще въ Россіи мы толковали о Женевѣ, и пришлось-таки въ ней пожить. Оно полезно. Въ Швейцаріи можно на практикѣ посмотрѣть, что такое республика. Нравы здѣсь приготовлены въ тысячу разъ больше къ

¹⁾ Д. Фази.

²⁾ Популярная гостиница-ресторанъ.

свободѣ, нежели во Франціи. Въ первый день я пошелъ къ Ф. ¹⁾; позвонилъ; онъ самъ вышелъ отпереть дверь,—ни передней, ни необходимости ждать доклада. Вечеромъ мы пошли въ кафе пить пиво, и тутъ онъ сказалъ какому-то барину, сидѣвшему въ дыму, насчетъ бумагъ, нужныхъ мнѣ: это былъ главный начальникъ полиціи. Ни галуновъ, ни мундировъ, ни свирѣлыхъ муниципаловъ, ни всего оскорбительнаго, петербургскаго, что такъ дома въ Парижѣ. Швейцарцы горды, съ педантизмомъ; они привыкли быть вѣка цѣлые единственными вольными людьми, оттого во всѣхъ отеляхъ слуги нѣмцы,—швейцарцы берутъ дорого за трудъ. Когда пріѣхалъ Головинъ, носильщикъ, который принесъ его чемоданъ, попросилъ съ него 2 фр. или полтора. Гол. ему сказалъ, что это слишкомъ дорого; носильщикъ преспокойно отвѣтилъ ему: «зачѣмъ же вы сами не снесли? это было бы еще дешевле».

Конечно, будемъ здѣсь ѣздить,—разумѣется, не переступая швейцарской границы. Насчетъ убійственныхъ посѣщеній и пріятелей — видно отъ нихъ нигдѣ не отдѣлаешься,—надобно *subir* ²⁾, а иногда запирають двери на ключъ. Что дѣлать! Гол. живетъ въ одномъ отелѣ со мной, и приходитъ въ день разъ пять совѣтоваться то объ письмѣ къ лорду Стюарту ³⁾, то о письмѣ къ книгопродавцу Франку.

Къ характеристикѣ нашей эпохи принадлежитъ то, что Ф. совѣтовалъ мнѣ не ѣздить въ Шамуни, потому что нельзя отвѣчать за сардинскую полицію. Мы ѣздили въ Фернэ, и я почти ничего не видалъ, потому что очень хорошо разглядѣлъ пикетъ французскихъ жандармовъ. Граница Савойи и Франціи возлѣ самаго города. Я полагаю, что Георгъ на все это улыбается. Однако, Ф. долженъ же знать кое-что; безъ него, я думаю, и здѣсь бы было плоховато. Я часто думаю, если бы въ Россіи на одну іоту было бы лучше, нежели теперъ, то просто слѣдовало бы ѣхать въ Москву. Тамъ тяжело родится будущее, въ Европѣ тяжело околѣваетъ прошедшее.

Ни Фогта, ни Саз. ⁴⁾ еще не видалъ. Найти здѣсь не трудно: все толпится въ нѣсколькихъ отеляхъ и кафе у озера; я живу въ *Hôtel des Bergues*. Получили вы мое первое письмо на имя маменьки и на нашъ адресъ? Мнѣ нужно знать.

Будьте осторожны. Дѣла обдѣлывай съ большимъ вниманіемъ.

¹⁾ Фази.

²⁾ Переносить.

³⁾ Чарльзъ-Вильямъ, ирландецъ, дипломатъ.

⁴⁾ Н. И. Сазоновъ.

Была ли ты у Ротшильда? посылала ли за Буко? что и какъ? пиши всѣ подробности.

Кланяйся всѣмъ. Что Щепкинъ, уѣхалъ или нѣтъ?

За домъ уплачено за май и июнь, расписка должна быть въ бюро. Предупреди его, что ты ѣдешь, и согласитесь поденно, что ли,—сверхъ этого, 200 фр., по уговору. Если явятся сомнительные долги, ты спишись со мной. Я остался долженъ въ Ville d'Avray въ кафе 6, 50 фр.; Гервегу я долженъ за Пушкина, за ботанику Шлейдена ¹⁾ и за анатомическій словарь, который привези. Да у меня оставалась еще его книга объ электричествѣ, которую онъ същеть. Каррикатуры и картинки прошу привезти; если бы можно было группу, не сломавши, доставить сюда, было бы хорошо, а не то отошли ее къ Гервегу. У Константина должна быть записка, что онъ получилъ.

Пишите часто. Можете писать просто на мое имя poste-rest.

Саша, цѣлую тебя, благодарю за твое письмо, оно мнѣ принесло много удовольствія. Пиши опять и приѣзжай самъ, когда придетъ время, смотрѣть на горы. Поцѣлуй Колю и Тату. Поклонись Элизѣ.

482. Письмо къ женѣ.

1 июля 1849.

Женева.

Вчера вечеромъ я встрѣтилъ на улицѣ дилижансъ и говорю Головину: «пойдемте посмотримъ, нѣтъ ли Фогта». Головинъ отвѣчаетъ: «Да вотъ онъ». Я думалъ, что онъ вретъ, но бѣлокурый Фогтъ ²⁾—тутъ, какъ тутъ, а потомъ и Саша. Что его прислала ты—тутъ ничего нѣтъ дурного, но что у Фогта не было пасса, что его чуть не засадили ждать отвѣта изъ Берна въ пограничномъ городѣ — все-таки, вы поступаете, очертя голову. Саша здоровъ, а здѣсь будетъ здоровѣе. Сазоновъ и не думаетъ ѣхать, это большая не деликатность относительно Джемса ³⁾, ибо такія вещи не легки. Далѣе, онъ снова затѣваетъ разные журналы,—я желалъ бы очень знать мнѣніе Гервега. Саз. мнѣ писалъ длинную грамоту. Проситъ тоже денегъ и для себя. Когда Буко принесетъ,

¹⁾ Матіасъ-Якоби, одинъ изъ извѣстныхъ германскихъ ботаниковъ.

²⁾ Адольфъ.

³⁾ Фази.

пожалуй, дай ему франковъ 250 или 300. Скучно — никому ни слова.

Буко довѣренность я написалъ другую. Завтра я отошлю.

Всѣмъ кланяйся, дѣтей расцѣлуй. Саша рассказывалъ всѣ подробности о праздникѣ и о прочемъ.

Ich bitte, Soaschickender und Assmanshauser—verachtender Herr und Freund, sagen Sie ihre Meinung über die Sache, die S. vorschlägt (hat er aber Ihnen nichts gesagt, so sagen Sie ihm auch nichts).

Heute keine Zeit mehr. Hat Herr Lekko seine Bulletin's bekommen? Golovine ist hier Löwe—wey mir! ¹⁾

Когда ты поѣдешь, можешь взять съ собою документы, билеты etc. Наконецъ, къ Т. Ал. ²⁾ я напишу отсюда. Хорошо, если бы вы получили отъ Гр. Ив. ³⁾; впрочемъ, во всякомъ случаѣ увидься передъ отъѣздомъ съ Шомбургомъ и попроси все переслать. Записку отдай Саз.

483. Письмо къ женѣ.

5 июля (1849).

Письмо твое получилъ сейчасъ и сейчасъ нужно отвѣчать, хотя я и не знаю, застанетъ ли оно тебя въ Парижѣ. Отчего же ты пишешь, что я мало пишу, когда я много пишу? Въ путь не совѣтую пускаться, не приведя всего въ ясность насчетъ дѣлъ. Насчетъ пасса—какъ лучше, умные люди посоветуютъ. Саша не пишетъ къ тебѣ, потому что думаетъ тебя завтра или послѣ завтра увидѣть. Полагаю, что комнаты тебѣ будутъ готовы въ Hôtel des Bergues; если же я васъ не встрѣчу, какъ Фогта ⁴⁾ и Каппа, и я не тамъ, то въ Hôtel de l'Écu de Genève, это — два шага. Скажи Гер. ⁵⁾, что Ф. ⁶⁾ его ждетъ, только чтобы онъ не такъ ссорился

¹⁾ Приписка для Гервега: «Прошу, любитель Soaschickender und Assmanshauser (вина), пренебрежительный господинъ и другъ, выскажите свое мнѣніе о дѣлѣ, которое предлагаетъ С., (но если онъ вамъ ничего объ этомъ не говорилъ, то и вы ничего ему не говорите).

«Сегодня нѣтъ больше времени. Получилъ ли г-нъ Лекко свой бюллетень? Головинъ здѣсь левъ (общества)—вей миръ!»

²⁾ Астракова.

³⁾ Ключаревъ.

⁴⁾ Адольфъ.

⁵⁾ Гервегъ.

⁶⁾ Фази.

съ нимъ въ спорахъ. Онъ печалень,—все ломится. Одинъ Саз. въ надеждахъ по горло. Впрочемъ, если нужно, нельзя ли ему дать хоть бы изъ тѣхъ денегъ, которыя у мам. Получила ли ты мое письмо отъ 4-го? я его не самъ снесъ на почту. Прощай. Кланяйся всѣмъ. Собери мои рукописи,—у Гервега два свертка. Какъ ты раздѣлаешься съ хозяиномъ дома? Насчетъ Шомбурга я передъ отъѣздомъ, все-таки, совѣтую увидѣться; попроси его окончательный расчетъ или, по крайней мѣрѣ, скажи Буко,—вѣроятно, довѣренность получена, — чтобы онъ деньги прислалъ съ маменькой. Не мѣняйте много золота: французскія ассигнаціи здѣсь ходятъ съ очень малой потерей. Скажи Саз., что я буду ему писать особо,—можетъ, завтра.

Или поручи Рейхелю получить и купчую, и деньги. Пожалуйста, очень внимательно все. А письма-то отъ Гр. Ив. нѣтъ, и объ этомъ подобаетъ похлопотать.

Покамыстъ квартира въ 4 этажѣ.

484. Письмо къ Т. Н. Грановскому.

21 сентября 1849.
Женева.

Это писано съ цѣлью послать по почтѣ.

Хочу отвѣчать тебѣ на твое письмо $\frac{25 \text{ авг.}}{6 \text{ сент.}}$; Впрочемъ, не для того, чтобъ отвѣчать на него, а чтобъ поговорить съ тобою.¹ Что тутъ говорить: разумѣется, многое больно и грустно въ томъ, что ты пишешь насчетъ Ог. ¹); я думаю, теперь это не такъ. Скажу одно слово: не лицо виновато, а съ одной стороны — фатализмъ среды, а съ другой — натура человѣка вообще. Въ этомъ, братъ, убѣдись разъ навсегда и не тереби личныя отношенія, потому что непременно дойдешь до того, что отпрянешь съ негодованіемъ. Какъ я глубоко съ тобою согласенъ, что если еще эти отношенія снять, то это равняется большому куску мяса изъ груди. Каждая теплая, глубоко симпатическая минута цѣнится мною теперь, какъ великое, послѣднее благо, и я готовъ плакать, даже готовъ быть на минуту довольнымъ. Но оставимъ это; ты останешься, какъ былъ, самый любящій и самый близкій изъ друзей мнѣ и Ог.; онъ тебя называлъ нѣкогда «нашей сестрой», именно по тому элементу нѣжности,

¹) Н. П. Огаревъ.

который сохранился въ тебѣ; не будь же строгъ,—я чрезвычайно перемѣнился въ этомъ отношеніи; сцены и слова 46 года были бы для меня невозможны. Я иногда раскаиваюсь за тогдашнюю нетерпимость. Меня тутъ утѣшаетъ (вотъ тебѣ натура человѣка), что и вы были жестоки. Отчаливай!.. *nel largo oceano!* ¹⁾ — и къ чорту Grübele!

Послѣднее время я сталъ душевно поспокойнѣе. Я многое схоронилъ и примирился съ горемъ. Странная вещь: по мѣрѣ внѣшнихъ утратъ возвращалась снова крѣпость внутри, и въ то время, когда я ждалъ совершенную апатію, когда я съ ужасомъ предвидѣлъ, что, наконецъ, не только будетъ нечего дѣлать, но не объ чемъ думать, внутренняя жизнь стала вдвое нервознѣе, и я во всю мою жизнь не былъ дѣятельнѣе, какъ теперь. У меня натура кошки, живучая: кажется, вотъ сейчасъ—и духъ вонъ, а она царапаетъ. Обстоятельства мало способствовали или, развѣ, непрерывнымъ раздраженіемъ и оскорбленіемъ; въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, наконецъ, находится вынужденнымъ бросить якорь въ собственной груди или перестать жить. Одно благо (сверхъ личныхъ отношеній, о которыхъ мы ужъ говорили) не измѣняетъ, напротивъ, вноситъ въ душу покой и миръ, это — природа. Мы дьявольски развратились вѣчной жизнью въ большихъ городахъ (для меня и Женева кажется невыносимо большимъ городомъ). Я живу здѣсь—и, краснѣя, признаюсь въ этомъ,—только изъ-за отелей: матеріально удобно, и газеты, и вино хорошее, но отъ газетъ я отвыкъ и это считаю великимъ прогрессомъ; то ли дѣло поселиться на годъ гдѣ-нибудь въ деревушкѣ Оберъ-Бернерланда: дома есть, и люди до того далекіе ко всему, что съ ними можно жить близко. Климатъ, правда, зимой здѣсь плохъ; вотъ ужъ истинно, по выраженію Третьяковъ, «Вѣтеръ дуетъ ду». Какъ наладить свои *bises* ²⁾, такъ дней шесть кряду, между горами, какъ изъ коридоровъ,—а я съ заткнутыми ушами, съ поднятымъ воротникомъ морщусь, сержусь и играю прежалкую роль городской мыши. Зато, когда вѣтру нѣтъ, очень хорошо. Хотѣлось бы мнѣ продвинуться еще болѣе на югъ, *ad instar* ³⁾ Василью Петровичу ⁴⁾, но это—*ria desideria*. Надобно, какъ можно больше, стоять въ сторонѣ отъ всѣхъ толкучихъ рынковъ: на нихъ только и услышишь, какъ торгаши ругаются и какъ съ обѣихъ сторонъ сражаются плуты, фразеры и фальшивые монетчики. Я не могу имъ помѣшать, но отойти могу. Человѣкъ, мнѣ кажется,

¹⁾ Въ широкій океанъ!

²⁾ Холодные вѣтеры.

³⁾ Подобно.

⁴⁾ Боткинъ.

имѣтъ совершенно столько же автономіи, какъ цѣлая эпоха, какъ всѣ люди вмѣстѣ. Мнѣ большіе города опротивѣли, потому что въ нихъ несвободенъ, мѣшаютъ всякими дрязгами, лишнія лица, лишнія рѣчи, и все это бесплодно,—жвачка и себяобольщеніе. На сей разъ довольноно.

23 сент. И все, что я писалъ о спокойствіи духа,—вздоръ; прошло два дня—и мнѣ дурно, отвратительно. Вѣчно, безпрестанно, вездѣ видѣтъ одно и то же: *nuovi tormenti e nuovi tormentati* ¹⁾—устаешь, вянешь. Самая важная вещь теперь—умѣть отойти, умѣть глубоко презирать и въ своемъ отдаленіи понять себя, какъ нѣчто автономическое,—ну, попалось же, чортъ возми, выраженьице! право, иногда неясно пишешь совсѣмъ не оттого, что въ головѣ неясно, а такъ, умстенды ²⁾, какъ говорятъ нѣмцы. Объясню вотъ какъ: въ природѣ всякій звѣрь считаетъ себя бариномъ (пока его кто-нибудь не съѣстъ); онъ дома, ему легко съ его особенностью, — что же за обязанность зависѣтъ отъ чего-нибудь другого? — Исландія и Голландія сами по себѣ, а я самъ по себѣ, я самъ—небольшая Исландія, и мы поговоримъ. Шей горшокъ,—самъ большой. А вотъ тебѣ, Гранка, тема на диссертацию. Национальность или группа национальностей представляетъ органическое, самобытное и *ограниченное* существо; ограниченность непремѣнно идетъ изъ самой личности, иначе это была бы *Allgemeinheit* ³⁾, идея, все что угодно, но не замкнутый *Naturproduct* ⁴⁾. Эту ограниченность сломить невозможно: какъ сдѣлать ех. гр., чтобы у оленя, травояднаго,—не измѣняя его до того, что онъ сдѣлается волкъ, а не олень,—были бы мускулы такъ развиты и губы такъ устроены, какъ у льва, напр. Народы—фактъ,—такой фактъ, какъ Альпы, какъ пчелы; имъ тяжело отъ ограниченности, тяжело *тѣми* людьми, которые отрѣшились отъ породы, отъ времени. Ну, они и тяготись себѣ, а рыбы, все-таки, отъ этого летать не станутъ.—Чѣмъ больше, Гр., ты взойдешь въ физиологію исторіи, въ *naturwissenschaftliche Behandlung* ⁵⁾ ея, тѣмъ яснѣе сдѣлается для тебя, что исторія только и отдѣляется отъ природы развитіемъ сознанія, а, впрочемъ, вовсе не . . . ⁶⁾ законамъ филос. исторіи, не имѣетъ цѣли; каждый народъ представляетъ результатъ, *la composité* ⁷⁾ всякой всячины, условій климатоло-

¹⁾ Новыя мученія и новыхъ измучиваемыхъ.

²⁾ *Umstände*—обстоятельства.

³⁾ Всеобщность.

⁴⁾ Продуктъ природы.

⁵⁾ Научное разсмотрѣніе.

⁶⁾ Слово не разобрано.

⁷⁾ Вѣроятно, описка вмѣсто слова *composition* въ смыслѣ «составъ», «соединеніе».

гическихъ и иныхъ, тянется, складывается, выходитъ съ горбомъ, выходитъ съ зобомъ—il faut accepter le fait naturel ¹⁾). Посмотрите, какъ здѣсь бьются теперь исключительные умы, и все по-пустому: глухіе не слышатъ ихъ Бетховена, слѣпые не видятъ ихъ Рафаэлей etc., etc., etc.

Вотъ тебѣ, Петръ Григорьичъ ²⁾, и Гегель!

24 сент. Сейчасъ получилъ письмо отъ Ог.; вотъ кстати-то пришло къ нашей перепискѣ. Я читаю его письмо и въ душѣ отпускаю всѣ прегрѣшенія его. Какая свѣжесть, сила пониманія! сколько реализма въ его поэзіи и сколько поэзіи въ его реализмѣ! Ты правъ въ твоемъ сужденіи; да, саго тію, ты неправъ тѣмъ, что правъ; сверхъ того, какъ же можно сказать, что онъ удовлетворяетъ одной сторонѣ твоего сердца и что, если ты его любишь лично, то не находишь, такъ сказать, общаго элемента? Да развѣ такое пониманіе не общее, не единое, необходимое? Для меня истинно удивительно, какъ онъ такъ юнъ, полонъ душевной дѣятельности; эдакую натуру, видно, не скоро сломаешь. Приложу къ нему письмо, которое ты доставь. Еще слово: знаешь ли ты, отчего ты довольнѣе мною? у меня несравненно ровнѣе характеръ; коли хочешь, во мнѣ больше натуры мула: я упорно иду по своей дорогѣ, меня мало отвлекаетъ, но, вѣдь, это дѣло организациі. Къ тому же семейная жизнь. Взгляни, напр., на послѣдній годъ жизни Байрона. Т. Муръ рассказываетъ объ его венеціанскихъ похожденияхъ, прикрываясь винограднымъ листомъ стыдливости, и посмотри на эти молніи, которыя вырывались изъ этой переполненной натуры. Наконецъ, среда имѣетъ странно много вліянія; здѣсь скорбь иначе давитъ, на иное наводитъ, нежели въ Японіи, etc... скучно стало писать. Да вотъ еще презабавная мысль, которая намъ сейчасъ пришла въ голову и отъ которой мы отъ души расхохотались. Представьте себѣ, что мы проживемъ долго, долго, сохранимъ въ старости энергію мысли, наше пониманіе и увидимъ, что наше грядущее поколѣніе далеко отстало, что молодое поколѣніе будетъ на насъ смотрѣть тупо и бессмысленно,—такъ, какъ аѳинецъ, осиленный Силой ³⁾ (вотъ тебѣ и каламб.), кретиновато почитывалъ Оукидида. Для Запада это возможно. Въ восемьдесятъ лѣтъ быть юношей, надъ которымъ старики въ 18 лѣтъ будутъ ругаться, золотушные, подслѣпые, безъ энергіи и годные только для унаваживанія полей! Какой сюжетъ для драмы или повѣсти. Я пишу только

¹⁾ Нужно принимать естественный фактъ.

²⁾ Рѣдкинъ.

³⁾ Одинъ изъ 70 апостоловъ, епископъ въ Коринѣѣ.

по части естественныхъ наукъ; сдѣлалъ разные успѣхи, такъ что и самъ не надивлюсь, какъ здѣшніе профессора меня считаютъ за дѣльнаго натуралиста, о чемъ при случаѣ пришло документы, т. е. журнальные отзывы,—«ну, оно и будетъ лестно вамъ», какъ говорилъ Мих. Алекс. ¹⁾).

26 сентября.

Vivat!

И вдругъ получаю . . . ²⁾ письмо; говорить, пишете, говорить, письма, говорить, и не бойтесь, говорить, почты, говорить; это почтенно, я ужъ и не знаю, чтѣ писать—очень много набралось матерьялу. Возьму свѣжій листъ, а то сей, исписанный съ паническимъ страхомъ, того недостойнъ.

Прочти письмо . . . ³⁾—это общее всѣмъ друзьямъ: вѣсть и сообщеніе; я не зналъ, какъ послать вамъ брошюрку; посылаю на первый случай 1 экземпляръ; воспользуюсь первымъ случаемъ прислать больше ⁴⁾. Непремѣнно сейчасъ увѣдомъ о полученіи письма. Выписывать брошюрку можно черезъ Гофмана и Кампе изъ Лейпцига.—Цѣлую васъ и обнимаю всѣхъ отъ души.

29-го отправляюсь въ Шамуни, на Монбланъ. Addio.

Мой адресъ до перемѣны сюда, но можете еще лучше писать—на имя маменьки à Zürich (безъ моей фамилии), pour remettre à Madame Natalie . . . ⁵⁾.

Доставъ письмо Огареву—прочти его; *кажется*, можно послать по почтѣ; тутъ же записочка и Natalie,—вложи. Мар. Оед. и Лиз. Богд. не пишу особо, потому что все то же бы написалъ. Жму руку. Увѣдомъ о полученіи письма. ²

◆◆ 1. Указываемое письмо Грановскаго неизвѣстно; лѣтомъ 1849 г. онъ писалъ другое, напечатанное въ его «Письмахъ», стр. 446, гдѣ сообщалъ Герцену: «на-дняхъ распустили слухъ о твоей смерти». «Когда мнѣ сказали объ этомъ, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. Этого не доставало еще, а, впрочемъ, почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь, это не было бы глупѣе остального. Пока хорошо, что ты живъ. Есть о комъ съ любовью подумать. Пово-

¹⁾ Языковъ.

²⁾ Дальше имя такъ зачеркнуто, что разобрать нельзя.

³⁾ То же самое.

⁴⁾ На самомъ дѣлѣ послать ничего не удалось, такъ какъ печатаніе «Съ того берега» затянулось.

⁵⁾ Два слова совершенно зачеркнуты.

домъ къ слухамъ о твоей смерти было твое письмо къ Е. И. (Герцену—*М. Л.*), гдѣ ты говоришь о припадкѣ холеры съ И. Т. (Тургеневъ—*М. Л.*),—вась смѣшали». Въ срединѣ 1849 г. Грановскій писалъ Герцену: «Ты не понялъ, что я писалъ о деньгахъ; дѣло идетъ не лично о комъ-нибудь, а о всѣхъ насъ и о возможности еще дѣйствовать. Всѣ мы держимся на волоскѣ, каждому предстоитъ или отставка, или поѣздка въ Вятку и, можетъ, далѣ. Журналы едва существуютъ. Надобно дать публикѣ книги; онѣ легче проходятъ черезъ цензуру, у насъ читаютъ много, болѣе дѣлать нечего— а читать что? На всѣ эти *éventualités* ¹⁾ нуженъ капиталъ, къ которому мы могли бы прибѣгать и который былъ бы всегда готовъ,— это дѣло общее и личное наше... Потеря этого капитала невозможна, ибо онъ гарантированъ всѣми нами и способомъ употребленія. Пока будутъ лежать въ банковыхъ билетахъ; если случится что важное съ кѣмъ-нибудь, ему будетъ тотчасъ выдано что-нибудь и будутъ средства для литературныхъ изданій. Сверхъ того Фроловъ и я затѣяли всеобщую исторію» («Полярная Звѣзда» V, 217).

2. Курьезно предписаніе пензенскаго губернатора Панчулидзева инсарскому предводителю дворянства А. А. Тучкову отъ 7 ноября 1849 г.: «Инсарскій помѣщикъ, коллежскій регистраторъ Огаревъ, какъ дошло до моего свѣдѣнія, носить длинную бороду. Такъ какъ въ отношеніи неприличія для дворянъ носить бороду послѣдовало высоч. Е. И. В. повелѣніе, изображенное въ предписаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ на имя пензенскаго губ. предводителя дворянства 15 апрѣля с. г. и объявленное всѣмъ гг. уѣзднымъ предводителямъ, то я покорно прошу ваше высокоблагородіе, поставивъ г. Огареву на видъ все неприличіе ношенія бороды, внушить ему содержаніе упомянутаго высоч. повелѣнія и о послѣдствіи меня увѣдомить» («Минув. Годы», 1908, I, 185—186). Н. А. Огарева говоритъ, что Огареву очень не хотѣлось подчиниться этому требованію, и онъ обрилъ только волосы на подбородкѣ («Воспоминанія», 73).

¹⁾ Случайности, возможности.

485. Письмо къ Т. Н. Грановскому, Е. Ө. Коршу и др.

27 сентября 1849.
Женева.

 Aviso ¹⁾: Выпишите «Les confessions d'un révolutionnaire» ²⁾ Прудона.

Я писалъ длинное почтовое посланіе, какъ вдругъ представился случай писать иначе. Случаи эти съ каждымъ днемъ дѣлаются рѣже и потому тороплюсь передать все, что вспомню. Глупый день 13 іюня, въ который парижскій народъ заплатилъ Горѣ ³⁾ за іюньскіе дни 48 года, вы знаете. Тогда Гора не явилась предводительствовать колоссальнымъ возстаніемъ, теперь явилась Гора одна одиухонька и разбѣжалась, не родивши даже мыши. Обстоятельства моего отъѣзда вамъ также извѣстны; я былъ съ Арнольдомъ Руге и Блиндомъ ⁴⁾ у Торэ ⁵⁾. Блинда схватили ⁶⁾, Руге спасся бѣгствомъ. Тюрьмы во Франціи страшны, беззаконіе еще страшнѣе,— я рѣшился обратиться, тѣмъ болѣе, что для меня 13 іюня—день презрительный и глупый. Я сдѣлалъ очень хорошо, ибо на другой день послѣ отъѣзда моей жены явились, au nom de la liber., égal. frat. ⁷⁾, жандармы къ моей матери, захватили все, что было письменнаго, даже ноты Рейхеля по дорогѣ и, ничего не найдя, донесли русскому посольству; чтѣ донесли, вѣдаетъ ихъ душа; я знаю только, что посольство написало мнѣ записку, въ которой требовало моего появленія предъ сладкое лицо Киселева. Я притворился, что записки не получалъ, и живу здѣсь, пока Богъ грѣхамъ терпитъ; реакція начинается и здѣсь бичевать réfugiés ⁸⁾ (я не принадлежу къ нимъ, разумѣется). Куда дѣться, что впередъ — Америка или Англія? Ничего не знаю. Вотъ вамъ повѣствовательная часть моихъ похощеній.

¹⁾ Предупрежденіе.

²⁾ «Исповѣдь революціонера».

³⁾ Монтаньяры, отъ montagne—гора, крайняя лѣвая партія.

⁴⁾ Карль, агитаторъ и нѣмец. писатель, участникъ баденскаго возстанія.

⁵⁾ Теофиль, франц. публицистъ и демократъ; послѣ 2 декабря 1851 эмигрировалъ.

⁶⁾ Былъ посаженъ на два мѣсяца въ крѣпость и затѣмъ высланъ изъ Франціи.

⁷⁾ Во имя свободы, равенства и братства.

⁸⁾ Эмигранты, бѣглецы.

Никогда положеніе не было такъ ясно и такъ рѣзко обозначено, какъ теперь. Политическій міръ издыхаетъ, даже нѣтъ болѣе интереса къ нему: что это за міръ, который вдругъ ждетъ спасенія отъ венгровъ, вдругъ отъ переменъ правительственныхъ лицъ во Франціи, наконецъ, отъ ссоры прусскаго короля съ австрійскимъ имп... Поправиться дѣла не могутъ. Вы никогда съ перваго раза мнѣ не вѣрили, а, между тѣмъ, я вамъ прокричалъ первое «гись! гись!» послѣ 15 мая 1848. Люди, стоявшіе возлѣ, не хотѣли понять *portée* ¹⁾ 15 мая; іюньскіе дни имъ подтвердили. Республика была убита, и, если имя ея осталось, то это единственно, исключительно оттого, что три претендента дѣлятъ силы реакціи и что каждая партія (кромѣ республиканской) твердо уцѣпилась за своего Пьерро ²⁾).

Были минуты страшнаго отчаянія; особенно эти вѣсти о баденскихъ разстрѣливаніяхъ, эта подлая, холодная месть прусскаго кастрата, эти юноши, которые такъ геройски пали, эти несчастные бѣглецы, которымъ надутые и ограниченные швейцарцы бросали кусокъ хлѣба, какъ жиду въ средніе вѣка, какъ собакѣ. Но время, время все перерабатываетъ, и я сталъ спокойнѣе смотрѣть. Со многимъ надобно примириться, дѣлать нечего, и, отдавая слезу побѣжденному, не слѣдуетъ, однако, его пораженіе возводить въ оправданіе. Демократическая сторона, или сторона движенія, была побѣждена, потому что она была недостойна побѣды, а недостойна побѣды, потому что вездѣ дѣлала ошибки, вездѣ боялась быть революціонной до конца, вездѣ бросалась съ яростью на порожній тронъ и царствовала по-своему. Одни римляне дѣлаютъ исключеніе; зато посмотрите, какъ они погибли: это было нашествіе татаръ, силѣ поневолѣ надобно было уступить (хотя *entre nous soit dit*, и Римъ далеко бы не уѣхалъ, еслибъ успѣлъ побѣдить). Пустымъ людямъ, какъ Ледрю-Роллену, Луи Блану, не можетъ удасться революція. Послушайте, господа, я былъ въ соприкосновеніи, знакомъ и теперь знакомъ почти со всѣми громкозвучными репутаціями трехъ революцій, развалины которыхъ теперь проживаютъ въ Швейцаріи. Есть люди прекрасные, болѣе или менѣе умные, это—тѣ, которые наименѣе участвовали въ дѣлѣ или участвовали безъ вѣры. Блиндъ, бывши въ Парижѣ и отправляя величайшаго фанфарона въ мірѣ, Мѣрославскаго ³⁾ въ Баденъ, не вѣрилъ успѣху возстанія въ Пала-

¹⁾ Значеніе.

²⁾ Паяць, «Петрушка».

³⁾ Людовикъ, польскій революціонеръ, участникъ возстаній 1831 и 1863 гг.

тинатѣ и въ герцогствѣ. Торэ, Керсози ¹⁾ et с-піе не вѣрили въ 13 іюня. Ну, дѣлають ли такъ перевороты? Да и потомъ, чего они хотѣли? какіе политическіе перевороты возможны въ теперешнее время? Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, достаточно объявить уничтоженіе пролетаріата, всеобщее воспитаніе, братство и любовь, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло? Я видалъ здѣсь почти всякій день Струве ²⁾, пока его не выслали изъ благородной Швейцаріи. Представьте себѣ безумнаго фанатика среднихъ вѣковъ, аскета, игноранта и ограниченнѣйшаго человѣка; представьте, что онъ проповѣдуетъ уничтоженіе мясной пищи... и... и онъ-то былъ главою баденскаго возстанія вмѣстѣ съ плутомъ Брентано ³⁾ и съ генераломъ, знаменитымъ только пораженіями ⁴⁾.

Грядущая революція должна начать не только съ вѣчнаго вопроса собственности и гражданскаго устройства, а съ нравственности человѣка; въ груди каждаго она должна убить монархическій и христіанскій принципъ; всѣ отношенія людей между собою ложны, всѣ текутъ изъ начала власти, всѣ требуютъ жертвы, всѣ основаны на вымышленныхъ добродѣтеляхъ, обязанностяхъ... Конецъ политическихъ революцій и восхожденіе новаго міросозерцанія—вотъ что мы должны проповѣдывать. Но для этого, *carie mie*, надобно оторваться не на словахъ, не въ минуту негодованья, а спокойно и обдуманно отъ падающаго міра. Міръ оппозиціи, міръ парламентскихъ дракъ, либеральныхъ формъ—тотъ же падающій міръ. Есть различія: напр., въ Швейцаріи гласность не имѣетъ предѣла—печатай, что хочешь; въ Англіи есть ограждающія формы, но если мы поднимемся нѣсколько выше, то разница между Парижемъ, Лондономъ и Петербургомъ исчезнетъ, а остается одинъ фактъ — раздавленное большинство толпою образованной, но не свободной, именно потому, что она связана съ извѣстной формой соціального быта.—Я попробовалъ эту проповѣдь и свободнѣе отъ всѣхъ преданій европейскихъ, нежели они, пользуясь всѣми средствами нашей натуры. Что-жъ изъ этого вышло? Я очутился черезъ нѣсколько дней въ явномъ разногласіи съ самыми радикальными орга-

¹⁾ Жоакимъ Гильяръ-Керсози, капитанъ; въ 1830 году взбунтовалъ свой полкъ и съ нимъ пошелъ на Парижъ; будучи въ отставкѣ, участвовалъ во всѣхъ демонстраціяхъ и заговорахъ съ 1830 г., былъ сосланъ, но въ 1837 амнистированъ; вернулся въ Парижъ въ 1848 г., фигурировалъ 15 мая и 13 іюня 1848; затѣмъ приговоренъ къ ссылкѣ, но скрылся.

²⁾ Густавъ, германскій политическій дѣятель, френологъ, вегетаріанецъ.

³⁾ Лоренцъ, нѣмецкій революціонеръ-республиканецъ; въ 1848 г. игралъ видную роль, наряду съ Геккеромъ, Струве и Блиндомъ.

⁴⁾ Фридрихъ Геккеръ.

нами; замѣтите, что успѣхъ превзошелъ мои ожиданія,—ихъ даже щекотало мое званіе русскаго,—они отдали справедливость «демонической ироніи» etc.; но не только нѣтъ симпатіи истинной, но даже скорѣе враждебное чувство: меня признавали, какъ имѣющаго нѣкоторую силу, но силу разрушающую и негодную. Самъ Маццини,—безъ всякаго сомнѣнія, величайшій политическій человѣкъ изъ всѣхъ существующихъ въ наше время,—человѣкъ съ большими талантами, итальянецъ въ родѣ Прочиды ¹⁾, смѣтливый, бойкій, привычный къ бѣдѣ и успѣху,—морщится, и я съ ужасомъ за него видѣлъ, что въ спорѣ со мной онъ отворачивался отъ нѣкоторыхъ истинъ и, слѣд., касался тѣхъ страшныхъ предѣловъ, за которыми и онъ—ретроградный человѣкъ... Другой примѣръ—Джемсъ Фази, здѣшній президентъ, демократъ, республиканецъ, человѣкъ, который произвелъ здѣсь въ 45 радикальный переворотъ,—дружески встрѣтилъ насъ здѣсь (т. е. меня и Гервега, съ которымъ мы совершенно одного мнѣнія) и черезъ мѣсяць охладѣлъ.—Тутъ не можетъ быть пощады.—Мы говорили, такъ называемымъ, политическимъ республиканцамъ: «вамъ нечего дѣлать, у васъ нѣтъ въ запасѣ ни новой мысли, ни утѣшенія, вы повторяете старое, у васъ нѣтъ иного спасенія, какъ перейти на нашъ берегъ. Никакая слава, никакіе antecedенты не спасутъ васъ, вы погибнете съ реакціонерами». А они сердятся; и между тѣмъ у нихъ замираетъ сердце, они видятъ, что если будущее *не наше*, то и *не ихъ*. А чье же? Тутъ-то вся прелесть, вся забава, что ничье. Если демократія пала оттого, что она недостойна побѣды, то реакція падетъ оттого, что она не сладитъ съ побѣдой. Вся трудность положенія демократіи *перешла* на сторону реакціи. До сихъ поръ она только отстаиваетъ мѣсто, ну, а потомъ что? Даніиловскія слова ²⁾: «Банкротство! Безденежье!» идутъ, какъ «Каменный Гость», и тяжелая ступня слышнѣе и слышнѣе. Можетъ, все разрѣшится во всеобщее варварство, въ которомъ люди повозобновятся, и тогда, лѣтъ черезъ пятьсотъ, все пойдетъ, какъ по маслу,—лѣтъ на пятьсотъ.

Но вы въ правѣ спросить: кто же съ вами на одномъ берегу? Еслибъ и никого не было, бѣды нѣтъ, и истина оттого не перестаетъ быть истиной. Впрочемъ, къ числу *virorum obscurorum* ³⁾ я вамъ могу прибавить одно имя, стоящее сотни,—имя Прудона. Прудонъ, сидя въ тюрьмѣ, дѣлаетъ больше, нежели вся бѣглая Гора; Прудонъ—дѣйствительная глава революціоннаго принципа во Фран-

¹⁾ Джіованни да Прочида, итальянскій медикъ XIII вѣка, главный инициаторъ «Сицилійской вечерни» (массовой рѣзни французовъ).

²⁾ Предостереженія пророка Даніила (Мани, Факель, Фаресь).

³⁾ «Темныхъ людей».

ци; если не убьютъ его въ тюрьмѣ (какъ хотятъ), если онъ не умретъ отъ холеры такъ, какъ умеръ высшій представитель социализма въ Германіи, Готшалкъ ¹⁾, 35 лѣтъ, необычная натура, то вы еще объ немъ услышите. Около него есть кружокъ французъ, не дикихъ и не дураковъ.

Другой замѣчательный человекъ во Франціи, это—Бланки ²⁾, тотъ, который въ тюрьмѣ. На второмъ планѣ слѣдуетъ еще помянуть Пьера Леру ³⁾, Консидерана ⁴⁾, даже Феликса Піа,—людей чистыхъ и преданныхъ.

Въ Германіи разсѣяно много людей, образованныхъ воззрѣніемъ Фейербаха, которые дѣляютъ ту или другую сторону нашихъ убѣжденій; я видѣлся здѣсь всякій день съ Якоби ⁵⁾ изъ Кенигсберга, съ этой античной личностью (онъ отправился предаться Пруссіи!), съ Фребелемъ ⁶⁾,—все это люди почти совершенно новаго міра.¹ Даже есть изъ итальянцевъ (à propos, итальянскіе réfugiés несравненно лучше французъ, — ужъ изъ рукъ вонъ ограниченныхъ, и нѣмцевъ, — изъ рукъ вонъ неотесанныхъ). Наконецъ, сколько намъ неизвѣстныхъ людей: не далѣе, какъ вчера, я получилъ брошюру какого-то Абта объ баденской революціи, премилую.

Никогда не было время лучше для того, чтобъ поднять русскому голосъ. Разговоры мои, переведенные мною и нѣкимъ Каппомъ, исправленные Гервегомъ, имѣли большой успѣхъ; они въ корректурныхъ листахъ ходили изъ рукъ въ руки. Я прибавилъ большое письмо къ Гервегу; все вмѣстѣ, если успѣю, пришлю въ Гамбургъ, и на первый случай *встѣмъ вмѣстѣ* 1 экземпляръ, потомъ найду случай переслать и больше; впрочемъ, вы можете и выписать отъ Hoffmann und Kampe изъ Гамбурга. Заглавіе «Vom andern Ufer» ⁷⁾.—Покажите Петру Яковлевичу ⁸⁾, что написано объ немъ;

¹⁾ Рудольфъ, нѣмецкій писатель; былъ сперва (въ 40—50-хъ годахъ XIX ст.) радикаломъ, затѣмъ сдѣлался германскимъ націоналистомъ.

²⁾ Луи-Огюсть, основатель «Société républicaine centrale», создававшего возстаніе въ Парижѣ въ мартѣ-маѣ 1848 г. 2 апрѣля 1849 г. присужденъ къ 10-лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

³⁾ Извѣстный социалистъ, былъ въ 49 г. сторонникомъ «національныхъ мастерскихъ».

⁴⁾ Викторъ, глава школы фурьеристовъ, членъ національнаго собранія.

⁵⁾ Иоганнъ, прусскій политич. дѣятель, республиканецъ, сказавшій Фридриху-Вильгельму IV знаменитую фразу: «несчастье королей въ томъ, что они не хотятъ слышать правды!»

⁶⁾ Юлій, нѣмец. ученый и публицистъ, радикаль; осенью 1849 г. переселился въ Америку.

⁷⁾ «Съ того берега».

⁸⁾ Чаадаевъ.

онъ скажетъ: «Да, я его формировалъ, мой ставленникъ»,—а, впрочемъ, если найдете, что замѣтить, то передайте какъ-нибудь,—я исправлю во французскомъ переводѣ. — Органовъ у насъ теперь довольно. Я ссудилъ Прудона деньгами для изданія новаго журнала—«La Voix du Peuple» ¹⁾; онъ за это позволяетъ въ иностранной части дѣлать, чтò хочешь. ² Сверхъ прудоновскаго журнала, намъ открыта «Italia del Popolo» Маццини и газета, которая будетъ издаваться въ концѣ года здѣшними радикалами.—Имѣли ли вы возможность слѣдить за Прудономъ хоть по брошюркамъ? Что за сильный голосъ! его война съ дуракомъ Людов.-Напол.,—отъ 29 янв. до мая—просто поэзія гнѣва и презрѣнія. Слѣдили ли вы еще за буржскимъ процессомъ ³⁾? Я думаю, его можете выписать, онъ есть въ особомъ изданіи. Я предлагалъ тогда сдѣлать *édition monstre* ⁴⁾ на франц., нѣмец. и англійскомъ, съ портретами Бланки, Распайля, Барбеса и Собріе и съ надписью: «*Édition de la démocratie universelle*» ⁵⁾, но при этой реакціи нечего было и думать. Вотъ былъ ударъ-то пошлости юриспруденціи и римскому праву! Всякое слово Бланки указывало, что подсудимые — судьи и кодексъ: ну, что Пет. Гр. ⁶⁾ училъ тридцать лѣтъ; пыли отъ всей юридической дряни не останется; знаемъ мы теперь, что такое присяжные и независимый французскій паркетъ ⁶⁾. Когда судили Прудона, я былъ въ ассизахъ. Дайте мнѣ уѣздный судъ и пьянаго секретаря: на тѣхъ есть апелляція, а противъ суда присяжныхъ—нѣтъ. Во Франціи ничего нѣтъ свободнаго и ничего законнаго—насиліе, готовность мятежа и готовность на вареоломеевскую ночь. Вѣрите ли, Парижъ мнѣ до того противенъ и гадокъ, что я безъ ужаса не могу думать, что, можетъ, зиму придется жить тамъ. Франція показывала много разъ примѣръ обновленія, она быстро отряхаетъ грязь, но теперь это труднѣе, времена Людов.-Филиппа были не такъ притѣснительны, вопросы глубже. Паденіе Франціи—*avis* всѣмъ народамъ: пора Франціи отдѣлаться отъ гнета парижскаго и Европѣ — отъ соподчиненія Франціи. И если отъ души можно кричать: «*Delenda*

¹⁾ Газета.

²⁾ Въ городѣ Буржъ (Bourges) происходилъ въ 1849 г. знаменитый политическій процессъ Бланки, Луи Блана, Распайля и др., обвинявшихся въ майскомъ возстаніи 1848 г.

³⁾ Чрезвычайное изданіе.

⁴⁾ Изданіе всемірной демократіи.

⁵⁾ Рѣдкий.

⁶⁾ Судъ. *Parquet* буквально значитъ пространство въ залѣ суда между мѣстомъ для судей и для адвокатовъ.

est Austria, delenda est Prussia!»¹⁾ — то не мѣшаетъ прибавить и Францію. И во всемъ разгромѣ и паденіи сурово и мрачно вырѣзывается, какъ Маттергорнъ въ Валлисѣ²⁾, Россія, каменистое поле будущаго; природа не начинается съ цвѣтущихъ луговъ, а съ гранита. Судьба Россіи колоссальна, но для насъ виноградъ зеленъ; еслибъ доля той гуманности, которая дается долгимъ просвѣщеніемъ, перешла въ нравы нашей русско-нѣмецкой бюрократіи, я воротился бы, но вамъ, я думаю, въ августѣ мѣсяцѣ была доставлена статейка «Addio»³⁾—и вы, стало, знаете, какъ я смотрю на сей вопросъ.³

28 сент. Прощайте, довольно на сей разъ.—Швейцарія имѣетъ удовольствіе видѣть въ своихъ горахъ 12.000 réfugiés, изъ которыхъ 6.000 навѣрное прокармливаются ею. Réfugié — новое званіе теперь, новая каста и превредная для нихъ; это совсѣмъ особая жизнь—совершеннѣйшая праздность и трагическій интересъ. Впрочемъ, человѣкъ пятьдесятъ дѣльныхъ найдется и въ этихъ 12 т. Я шутя предлагалъ издать альманахъ «Les Réfugiés peints par eux-mêmes»⁴⁾ и помѣстить портреты всѣхъ уродовъ, шутовъ, всѣ необычные костюмы и прически; въ главѣ мы бы помѣстили отца Струве и въ концѣ — портретъ Ivan Golovine, который въ Буржѣ на вопросъ: «кто вы?» сказалъ президенту: «citoyen anglais, expatrié de la Russie et auteur français»⁵⁾. Его изъ Парижа прогнали; онъ былъ здѣсь и уѣхалъ въ Брюссель. — Судьбу и исторію Бакунина, вѣрно, вы знаете: онъ, бѣдный, сидитъ еще въ казематѣ Кенигштейнской крѣпости; вѣроятно, его осудятъ «aux travaux forcés à perpétuité»⁶⁾, то есть до тѣхъ поръ, пока саксонскій король его смѣнитъ на каторгѣ. Нѣмцы называли (т. е. реакц.) Бакун. «der Russische Bluthund»⁷⁾. Мы теперь только нашли возможность ему помогать, да и то не знаю, вѣрно ли. Онъ себя велъ геройски.⁴

Да что, въ самомъ дѣлѣ, никто изъ васъ не пріѣдетъ? ѣздить же

¹⁾ «Должна была уничтожена Австрія, должна была уничтожена Пруссія!»—перифраза извѣстнаго изреченія Катона.

²⁾ Высшая гора въ Пеннинскихъ Альпахъ, въ кантонѣ Валлисѣ.

³⁾ «Прощайте», № 491.

⁴⁾ «Изгнанники, описанные ими самими». Тогда имѣлъ громадный успѣхъ сатирической сборникъ «Животныя, описанныя ими самими» съ рисунками Гранвиля.

⁵⁾ «Англійскій гражданинъ, эмигрировавшій изъ Россіи и французскій литераторъ».

⁶⁾ Безсрочныя каторжныя работы.

⁷⁾ Русскій кровопійца.

другіе: стало, достаютъ пассы¹⁾; я на дняхъ встрѣтилъ здѣсь князя Голицына, котораго видалъ у Чаадаева и который все дѣлаетъ гримасу, какъ будто у него запоръ; потомъ разныя дамы ѣздятъ съ докторами, ех. гг., Раевская.

Кабы воля, воля,—приѣхалъ бы на недѣлку въ Москву; индивидуально мнѣ, разумѣется, съ вами лучше, нежели здѣсь. Я въ истинно-дружескихъ отношеніяхъ только съ Гервегомъ и больше ни съ кѣмъ, несмотря на то, что сдѣлался публичной мужчиной²⁾ и знакомъ со всѣми.—Но *dignité humaine oblige*³⁾—и я остаюсь.⁶

Обнимаю васъ всѣхъ дружески: это значитъ гораздо больше, нежели братски.

Что славянофильчики наши? Упился ли, наконецъ, Шевыревъ *le Caligula*⁴⁾ «кровью мадьяровъ и нѣмцевъ»? какъ мужички тульскіе Алексѣя Степаныча⁵⁾?, какъ Богородица-троеручица покровомъ покрываетъ Глинку⁶⁾? читаетъ ли Гос. сочиненія Аксакова⁷⁾?

Я требую, прошу, *ich bitte, rogo*⁸⁾ etc. напишите, какъ только получите письмо, просто о полученіи, ибо я посылаю въ *Гамбургъ*.⁸

◆◆ 1. Изъ писемъ Н. А.—ны видно, что 26 августа у Герценовъ былъ Г. Струве, а вечеромъ они ужинали съ Гервегомъ у Якоби.

2. Въ ХLI главѣ «Былого и думъ» Герценъ разсказалъ о своемъ участіи въ изданіи газеты Прудона. Приведу дополнительныя свѣдѣнія.

1) Въ эпоху страшной реакціи 1848—1855 въ Россіи почти никому не выдавали заграничныхъ паспортовъ.⁵

2) Въ подлой газетѣ «*Journal de Genève*», издаваемой реакками, которая носитъ все, что дѣлается, прибавляютъ къ моему имени: «*un des chefs de l'état-major de la centralisation révolutionnaire*»⁶⁾,—такого присутственнаго мѣста и въ Америкѣ нѣтъ. Посылаю отвѣтъ Фази на это—А. И. Г.

3) Человѣческое достоинство обязываетъ.

4) Калигула.

5) Хомяковъ.

6) Авдотья Павловна.

7) Иванъ Сергѣевичъ, былъ арестованъ въ началѣ 1849 г. и подвергнутъ подробному допросу, на которомъ государь написалъ шефу жандармовъ: «призови, прочти, вразуми и отпусти». ⁷

8) «Прошу»—по-нѣмецки и по-латыни.

9) Одинъ изъ руководителей «главнаго штаба» революціонной централизаціи.

Къ писъму ихъ общаго друга Хоецкаго, писавшаго подъ псевдонимомъ Charles Edmond, адресованному Герцену и излагавшему мысль о необходимости изданія газеты, Прудонъ приписалъ: «Вполнѣ раздѣляю мнѣніе Шарля Эдмона о необходимости безотлагательно приступить къ изданію новой демократической газеты. Законы о печати не должны служить препятствіемъ; задача не въ томъ, чтобы возбудить народъ павосомъ, а въ томъ, чтобы разъяснить самой буржуазіи ея настоящеіе интересы. Главное, надо не допускать демократію до отчаянія, что случится непремѣнно, если ей не объяснятъ изо дня въ день положеніе вещей и смыслъ событій» (подлинникъ въ семьѣ Герцена).

Главный редакторъ «La Voix du Peuple» Альфредъ Даримонъ рассказываетъ, что администраторъ газеты, Урбэнъ Гильомень, познакомился черезъ Хоецкаго «съ однимъ молодымъ русскимъ выдающимся революціонеромъ и въ то же время большимъ писателемъ. Герценъ, который сумѣлъ вырвать свое состояніе изъ когтей - - -, согласился помочь намъ въ средствахъ. Гильомень говоритъ, что онъ никогда не видѣлъ человѣка, который давалъ бы деньги съ большей щедростью и добротой. Казалось, что онъ намъ обязанъ, а не мы ему. Къ Прудону Герценъ чувствовалъ безграничный восторгъ; «только двѣ стоящія книги вышли въ XIX столѣтіи, это— «Сущность христіанства» Фейербаха и «Система экономическихъ противорѣчій и философія нищеты» Прудона»,— говорилъ онъ Гильомену (A. Darimon, «A travers une révolution», 180).

14 августа 1849 г. Прудонъ подписалъ условіе съ Герценомъ, и оно было доставлено послѣднему для подписи на одномъ изъ двухъ экземпляровъ, который долженъ былъ быть возвращенъ Прудону. Такъ какъ въ составленіи этого документа, конечно, принималъ равное участіе и Герценъ, то я приведу его по-французски и по-русски (переводъ былъ напечатанъ и г. Гершензономъ въ IV кн. «Былого» 1907 г.). Подлинникъ хранится въ семьѣ Герцена.

Entre le soussigné M-r Alexandre Herzen, propriétaire demeurant à Paris rue...¹⁾ et M-r P.-J. Proudhon, publiciste et ancien représentant du peuple, demeurant à Paris rue Mazas, 70, actuellement détenu à la Conciergerie, a été déclaré ce qui suit.

Les soussignés ont l'intention de fonder en commun à Paris un journal quotidien sous le titre de «La Voix du Peuple».

Pour réaliser ce projet il a été fait entre eux la convention suivante.

1) Пропускъ.

Art. 1-er. M-r Herzen s'oblige à verser, dans le plus bref délai possible, au trésor, la somme de vingt quatre mille francs exigée par la loi à titre de cautionnement pour la publication du dit journal.

Art. 2-e. Pendant tout le temps que la somme ci-dessus restera dans les caisses du trésor à titre de cautionnement, l'intérêt en sera complété à M-r Herzen par l'administration du journal sur le pied de cinq pour cent par an.

Art. 3-e. M-r Herzen s'engage en outre à ne réclamer son remboursement qu'au bout de cinq ans, à compter de la date des présentes. Il sera néanmoins loisible à M-r Proudhon d'anticiper sur ce terme, en prévenant trois mois d'avance, et l'intérêt cessera d'être exigible à partir du jour du remboursement.

Art. 4-e. La loi sur le cautionnement exigeant que le garant soit propriétaire d'un quart de la somme, il sera fait à M-r Herzen un... ¹⁾ en bonne forme des trois quarts du cautionnement versé au trésor, ou il sera fait mention de son droit pour être exercé par préférence à tout autre.

Art. 5-e. La direction générale de la rédaction du journal «La Voix du Peuple» sera exclusivement confiée à M-r Proudhon.

Art. 6-e. Quant à la rédaction, M-r Herzen se réserve le droit de donner, lorsque bon lui semblera, des articles de politique générale; ces articles devront être insérés sauf le cas où l'inopportunité serait évidente, ou bien encore où l'article serait de nature à donner lieu à une condamnation. Les parties déclarent s'en rapporter à cet égard à l'art. 5.

Art. 7-e. M-r Proudhon s'engage à donner tous ses soins au dit journal et à faire tout ce qui dépendra de lui pour assurer le succès de sa publication.

Art. 8-e. L'entreprise dont il est ici question étant par sa nature une affaire commerciale, donnera lieu à des arrangements avec des tiers qui devront être ultérieurement réglés par un contrat. M-r Proudhon a seul mission d'en stipuler les clauses et les conditions.

Art. 9-e. Toutefois il prend ici et dès à présent l'engagement de n'employer les bénéfices de l'entreprise qu'à la propagation des idées dont le journal sera l'organe ou, s'il y a possibilité et opportunité, à la fondation d'une banque ayant pour but l'organisation et le développement du crédit gratuit.

Art. 10-e. M-r Herzen n'entendant entrer dans l'affaire qu'à titre de simple bailleur de fonds, il lui sera donné dans le plus bref délai possible les garanties stipulées dans l'art. 4.

¹⁾ Слово не разобрано, но по смыслу рѣчь идетъ о свидѣтельствѣ или удостовѣреніи.

Fait et signé double à Paris par M-r Proudhon, le quatorze août mil huit cent quarante neuf.

P.-J. Proudhon.

Переводъ.

Нижеподписавшіеся, Александръ Герценъ, домовладѣлецъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ... ¹⁾, и П.-Ж. Прудонъ, журналистъ и бывший депутатъ, живущій въ Парижѣ, на улицѣ Мазась, 70, а нынѣ находящійся въ заключеніи въ Консьержери, заявляютъ о слѣдующемъ:

Нижеподписавшіеся имѣютъ намѣреніе сообща основать въ Парижѣ ежедневную газету подъ названіемъ «La Voix du Peuple».

Для осуществленія этого плана они заключили между собою слѣдующее соглашеніе.

Ст. 1-ая. Г. Герценъ обязывается въ возможно кратчайшій срокъ внести въ казну 24000 фр., требуемые закономъ въ качествѣ залога за изданіе названной газеты.

Ст. 2-ая. Во все время, пока означенная сумма будетъ оставаться, какъ залогъ, въ государственномъ казначействѣ, администрація газеты уплачиваетъ г. Герцену дополнительный процентъ за нее, въ размѣрѣ 5 годовыхъ.

Ст. 3-ья. Г. Герценъ обязывается, сверхъ того, не требовать возвращенія ему денегъ ранѣе пяти лѣтъ, считая съ нынѣшняго дня. Однако, г. Прудонъ въ правѣ вернуть деньги и раньше этого срока, заявивъ о томъ за три мѣсяца, а начисленіе процентовъ прекращается со дня уплаты капитальной суммы.

Ст. 4-ая. Такъ какъ законъ о газетныхъ залогахъ требуетъ, чтобы поручитель являлся собственникомъ четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будетъ выдано формальное удостовѣреніе о принадлежности ему трехъ четвертей залога, внесеннаго въ казну, и въ удостовѣреніи будетъ указано, что его право подлежитъ удовлетворенію преимущественно передъ всякимъ другимъ.

Ст. 5-ая. Общее завѣдываніе редакціей газеты «La Voix du Peuple» предоставляется исключительно г. Прудону.

Ст. 6-ая. Что касается редакціонной части, то г. Герценъ оставляетъ за собою право доставлять, когда ему угодно, статьи по общей политикѣ; эти статьи должны быть помѣщаемы въ газетѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ неумѣстность будетъ очевидною или когда ихъ напечатаніе можетъ повлечь за собою судебную кару. Въ случаѣ взаимныхъ пререканій, обѣ стороны обязаны руководствоваться ст. 5-ой.

¹⁾ Пропускъ.

Ст. 7-ая. Г. Прудонъ обязывается посвящать всѣ свои заботы названной газетѣ и дѣлать все зависящее отъ него для ея успѣха.

Ст. 8-ая. Такъ какъ предпріятіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является по своей природѣ дѣломъ коммерческимъ, то оно можетъ потребовать соглашеній и сдѣлокъ съ третьими лицами; эти сдѣлки должны быть оформлены спеціальными договорами. Определеніе условій такихъ договоровъ предоставляется исключительно г. Прудону.

Ст. 9-ая. Однако, онъ (г. Прудонъ) теперь же принимаетъ на себя обязательство употреблять доходы отъ предпріятія единственно на распространеніе тѣхъ идей, органомъ которыхъ будетъ газета, или—если то будетъ признано возможнымъ и своевременнымъ,—на учрежденіе банка, предназначеннаго организовать и развивать даровой кредитъ.

Ст. 10-ая. Такъ какъ г. Герценъ намѣренъ участвовать въ данномъ дѣлѣ лишь на правахъ лица, финансирующаго предпріятіе, то ему въ возможно кратчайшій срокъ будутъ даны гарантіи, установленныя ст. 4-ой.

Писано и подписано въ двухъ экземплярахъ въ Парижѣ г. Прудонъ 14 августа 1849 года.

П.-Ж. Прудонъ.

Газета вышла пробнымъ номеромъ 20 сентября 1849 г., а ежедневно начала выходить съ 1 октября; выпустивъ 223 номера, газета прекратилась 14 мая 1850 г., вслѣдствіе правительственныхъ репрессій. Хотя, какъ говоритъ Даримонъ, Герценъ и былъ въ числѣ постоянныхъ редакторовъ, но въ теченіе всего времени изданія газеты онъ большую часть времени провелъ вдали отъ Парижа и, конечно, не могъ сколько-нибудь серьезно вліять на отдѣлъ иностранной политики, въ которую входила и Россія.

3. 31 іюля 1849 г. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Слышалъ я объ одномъ твоёмъ намѣреніи и не хвалю тебя за то, за что тебя многіе хвалятъ будутъ, потому что сдѣлать это было для тебя такъ же естественно, какъ выпить бутылку шампанскаго. Ты славный малый, и я тебя очень люблю» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену», Женева, 88). По всей вѣроятности, Тургеневъ разумѣлъ рѣшеніе Герцена не возвращаться въ Россію.

4. Извѣстно, что и потомъ Герценъ не разъ давалъ Бакунину довольно крупныя суммы. Изъ ближайшихъ къ описываемому времени отмѣчу выдачу 300 фр., сдѣланную отъ имени Луизы Ивановны въ ноябрѣ 1850 г. при посредствѣ неизвѣстнаго лица («Голосъ Минувшаго», 1913, I, 185).

5. Бакунинъ содержался въ саксонской крѣпости съ августа 1849 и до мая 1850 г. О его дѣятельности русское правительство знало давно. Когда уволенный изъ адъютантовъ Ришельевского лицея, кандидатъ московскаго университета Александръ Бакунинъ въ январѣ 1847 г. просилъ выдать ему заграничный паспортъ для лѣченія, шефъ жандармовъ гр. Орловъ запросилъ мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, именно указывая на родство его съ Михаиломъ. Попечители московскаго и одесскаго учебныхъ округовъ донесли министру на его запросъ, что Александръ хорошаго поведенія и вовсе не похожъ на своего брата, а второй еще и добавилъ: «пренебреженіе къ выгодамъ и удобствамъ доходило у него въ Одессѣ до неопрятности въ домашнемъ быту». Паспортъ былъ выданъ (Архивъ мин. нар. просвѣщенія, дѣло № 130442).

6. Въ № 56 «Journal de Genève» 1849 г., отъ 13 іюля сообщалось о приѣздѣ въ Женеву лицъ, извѣстныхъ революціонной пропагандой, какъ Герценъ, Гейнценъ, Гервегъ, Струве и др. Въ томъ же номерѣ сказано вообще о массовомъ наплывѣ въ Швейцарію эмигрантовъ-революціонеровъ изъ разныхъ странъ. Въ №№ 57 и 59 велась полемика съ органомъ Фази, «Revue de Genève», о значеніи такого наплыва и высказывалась боязнь возможности иностранныхъ вмѣшательствъ въ швейцарскія дѣла. Фази обвинялся въ сочувствіи эмигрантамъ и въ желаніи при ихъ помощи произвести переворотъ. Онъ отвѣчалъ на это вообще, безотносительно къ тѣмъ или другимъ именамъ.

L. Vamberger познакомился съ Герценомъ въ Женевѣ, и скоро Герценъ сталъ относиться вполне расположено къ нѣмецкому эмигранту, приговоренному къ смертной казни и вскорѣ уѣхавшему въ Англію. По словамъ Vamberger'a, Герценъ прекрасно владелъ нѣмецкимъ языкомъ, но любилъ больше французскій. Это, однако, не мѣшало ему не довѣрять своему знанію, и онъ при переводѣ своихъ сочиненій на нѣмецкій языкъ всегда пользовался помощью друзей. Въ Женевѣ, въ ресторанѣ Шевро, на улицѣ Ile du Rhône, Герценъ много разъ устраивалъ ужины своему маленькому дружескому кругу. «Бесѣдовать съ Герценомъ, неистощимымъ въ мысли и юморѣ, было просто наслажденіемъ. Выпить онъ могъ много и въ любое время дня. Часто приходилъ ко мнѣ утромъ и спрашивалъ, не хочу ли попробовать съ нимъ новаго полученнаго имъ вина. Противъ такого занятія я ничего не имѣлъ» (L. Vamberger, «Erinnerungen»).

7. Задавая вопросъ о томъ, читаетъ ли государь сочиненія Аксакова, Герценъ не зналъ, что почти въ это время Николай I, въ разговорѣ съ бар. М. А. Корфомъ о Парижѣ, сказалъ: «А прогос, теперь за границу завелись опять два мошенника, которые пишутъ

и интригуютъ противъ насъ: какой-то Сазоновъ и извѣстный Герценъ, который, пока вашъ комитетъ забралъ этихъ господъ въ ежовыя рукавицы, писывалъ и здѣсь подъ псевдонимомъ Искандера; этотъ ужъ былъ разъ у насъ въ рукахъ и сидѣлъ, но, grâce à М-г Жуковскій, употребилъ тутъ въ ходатайство Сашу, и вотъ—благодарность его за помилованіе» («Рус. Старина», 1900, V, 277).

8. Жена Н. М. Щепкина рассказываетъ, что въ декабрѣ 1849 г., живя въ Москвѣ, она имѣла случай не разъ слышать порицанія друзей по адресу Герцена. «Они находили, что Герценъ долженъ былъ работать на родинѣ, несмотря на всѣ препятствія и опасности, которыя могли ожидать его въ будущемъ. «Да, оставаться и работать, хоть подъ ножомъ!»—воскликнулъ одинъ изъ нихъ, очень горячій и еще мало испытавшій тогда юноша, позднѣе извѣстный собиратель русскихъ сказокъ, Ал. Н. Афанасьевъ. Кетчеръ, безгранично привязавшійся къ семьѣ Герценовъ, не могъ примириться съ его «объгствомъ отъ друзей», какъ онъ говорилъ. Это горькое чувство отъ потери друга перешло, къ удивленію всѣхъ, въ крайнее раздраженіе противъ этого самаго друга. Кетчеръ громилъ всю его дѣятельность, не переставая, однако, всюду отыскивать и читать все, что выходило изъ-подъ его пера за границую. Кетчеръ постоянно нападалъ на статьи Герцена, противорѣчилъ всему, что тотъ писалъ, постоянно скрывая свое поклоненіе блестящему таланту своего друга-эмигранта». Грановскій не раздѣлялъ упрековъ за удаленіе за границу и говорилъ: «Что же было ему дѣлать?» («Рус. Вѣдомости» 1898, № 263).

486. LA RUSSIE.

— ● —
A G. H.

I.

Mon cher ami, vous avez désiré voir mes élucubrations russes sur l'histoire des événements contemporains: les voici. Je vous les adresse de bon coeur. Vous n'y trouverez rien de neuf. Ce sont là des sujets, sur lesquels nous nous sommes si souvent et si tristement entretenus qu'il serait difficile d'y rien ajouter. Votre corps, il est vrai, tient encroë à ce monde inerte et décrépît dans lequel vous vivez, mais déjà votre âme l'a quitté pour s'orienter et se recueillir en elle-même. Vous êtes ainsi arrivé au même point que moi qui me suis éloigné d'un monde incomplet, livré encore au sommeil de l'enfance et n'ayant pas conscience de lui-même.

Vous vous sentiez à l'étroit au milieu de ces murs noirâtres, crevassés par le temps et menaçant ruine de toutes parts; j'étouffais, de mon côté, dans cette atmosphère chaude et humide, au milieu de cette vapeur calcaire d'un édifice inachevé: on ne saurait vivre dans un hôpital, ni dans une crèche. Partis de deux extrêmes opposés, nous nous rencontrons au même point. Étrangers dans notre patrie, nous avons trouvé en terrain commun sur une terre étrangère. Ta tâche, il faut l'avouer, a été moins pénible que la vôtre. A moi, fils d'un autre monde, il m'a été facile de m'affranchir d'un passé que je ne connaissais que par ouï-dire et dont je n'avais aucune expérience personnelle.

La position des Russes, à cet égard, est très remarquable. Nous sommes moralement plus libres que les Européens, et ce n'est pas seulement parce que nous sommes affranchis des grandes épreuves à travers lesquelles se développe l'Occident, mais aussi parce que nous

n'avons point de passé qui nous maîtrise. Notre histoire est pauvre, et la première condition de notre vie nouvelle a été de la renier entièrement. Il ne nous est resté de notre passé que la vie nationale, le caractère national, la cristallisation de l'état: tout le reste est élément de l'avenir. Le mot de Goethe sur l'Amérique s'applique fort bien à la Russie:

«Dans ton existence, pleine de sève et de vie, tu n'es troublée ni par d'inutiles souvenirs, ni par de vaines discussions».

Je suis venu, comme étranger, en Europe; vous, vous vous êtes fait étranger. Une fois seulement, et pour quelques instants, nous nous sommes sentis chez nous: c'était au printemps de 1848. Mais combien cher nous avons payé ce rêve quand, au réveil, nous nous sommes trouvés au bord de l'abîme, sur la pente duquel est placée la vieille Europe, aujourd'hui sans force, sans initiative et paralysée de tous ses sens. Nous voyons avec effroi la Russie se préparer à pousser encore plus avant vers leur ruine les états épuisés de l'Occident, semblables à un mendiant aveugle conduit au précipice par la malice d'un enfant.

Nous n'avons point cherché à nous faire illusion. Le chagrin dans l'âme, prêts d'ailleurs à tout événement, nous avons étudié jusqu'au bout cette effroyable situation. Quelques observations fugitives, empruntées à cette série de pensées qui nous occupaient dans ces derniers temps, se mêlaient à nos entretiens, et leur donnaient pour vous un certain charme; elles n'en auront aucun pour d'autres, pour ceux-là surtout qui sont placés avec nous sur le bord du même abîme. L'homme, en général, n'aime par la vérité; mais quand elle contrarie ses désirs, quand elle fait évanouir ses rêves les plus chers, quand il ne peut l'acquiescer qu'au prix de ses espérances et de ses illusions, il se prend alors de haine contre elle, comme si elle en était cause.

Nos amis sont si vains dans leurs espérances, ils acceptent si facilement le fait accompli! Furieux contre la réaction, ils la regardent comme quelque chose d'accidentel et de passager; à leurs yeux, c'est un mal aisément guérissable qui n'a ni sens profond, ni racines étendues. Peu d'entre eux veulent reconnaître que la réaction est puissante parce que la Révolution a été faible. Les démocrates politiques se sont effrayés des démocrates socialistes, et la Révolution s'est brisée en retombant sur elle-même.

Tout espoir d'un développement calme et paisible dans sa marche progressive s'est évanoui, tous les ponts de transition se sont rompus. Ou l'Europe succombera sous les coups terribles du Socialisme, ébranlée, arrachée par lui de ses fondements, comme autrefois Rome succomba sous les efforts du christianisme; ou l'Europe, telle qu'elle est, avec sa

routine au lieu d'idées, avec sa décrépitude au lieu d'énergie, vaincra le Socialisme, et, comme une seconde Byzance, se traînera dans une longue apathie, en cédant à d'autres peuples, à d'autres contrées le progrès, l'avenir, la vie. S'il pouvait y avoir un troisième terme, ce serait le chaos d'une lutte universelle sans victoire d'aucun côté, la confusion d'un soulèvement et d'une effervescence générale qui conduirait au despotisme, à la terreur, à l'extermination.

Rien en cela d'impossible; nous sommes à l'entrée d'une époque de larmes et de souffrances, de hurlements et de grincements de dents, nous avons vu de deux côtés s'en dessiner la caractèrè. Qu'on se rappelle seulement l'insurrection de Juin et de quelle manière elle a été comprimée. Depuis lors, les partis se sont aigris toujours davantage; on ne ménage plus rien, et le Tiers-Etat qui pendant des siècles a dépensé tant de travail et d'efforts pour acquérir quelques droits et quelque liberté est prêt à tout sacrifier de nouveau.

Il voit qu'il ne peut même tenir sur le terrain légitime d'un Pöignac ou d'un Guizot, et revient sciemment aux temps de la Saint-Barthélemy, de la guerre de Trente Ans et de l'Édit de Nantes, derrière lesquels on aperçoit la barbarie, la ruine, de nouvelles agglomérations de peuples et les faibles commencements d'un monde à venir. Le germe historique se développe et croît lentement; il lui a fallu cinq siècles de ténèbres pour organiser quelque peu le monde chrétien, après que déjà cinq siècles avaient passé sur l'agonie du monde romain.

C'est une pénible époque que la nôtre! Tout, autour de nous, se dissout; tout s'agite dans le vague et l'inutilité, les plus noirs pressentiments se réalisent avec une effrayante rapidité. Six mois ne se sont pas écoulés depuis que j'ai écrit mon troisième dialogue. Alors nous nous demandions encore s'il y avait ou non quelque chose à faire; aujourd'hui cette question n'est déjà plus de mise, car nous commençons à douter même de la vie... Le France est devenue l'Autriche de l'Occident, elle s'abîme dans l'opprobre et la fange. Le sabre prussien arrête les dernières palpitations du mouvement allemand; la Hongrie saigne de toutes ses veines sous les coups redoublés de la hache de son bourreau impérial; la Suisse attend une guerre générale; la Rome chrétienne succombe avec la grandeur et la majesté de l'ancienne Rome païenne, en imprimant une flétrissure éternelle au front de ce pays qui naguère était placé si haut dans l'amour des Peuples. Un libre penseur qui refuse de se courber devant la force, n'a plus dans toute l'Europe d'autre refuge que le pont d'un vaisseau faisant voile pour l'Amérique.

Si la France succombe, a dit un de nos amis, il faut alors proclamer toute l'humanité en danger. Et cela est peut-être vrai, si, par

l'humanité, nous entendons seulement l'Europe germano-romaine. Mais pourquoi faudrait-il l'entendre ainsi? Devons-nous donc, comme les romains, nous poignarder à la manière de Caton, parce que Rome succombe et que nous ne voyons rien, ou ne voulons rien voir, hors de Rome; parce que nous tenons pour barbare tout ce qui n'est pas elle? Est-ce donc que tout ce qui est placé en dehors de notre monde est de trop et ne sert absolument à rien?

Le premier Romain, dont le regard observateur perça la nuit des temps, en comprenant que le monde, auquel il appartenait, devait succomber, se sentit l'âme accablée de tristesse, et, par désespoir, ou peut-être parce qu'il était plus haut placé que les autres, il jeta un coup d'œil au delà de l'horizon national, et son regard fatigué s'arrêta sur les barbares. Il écrivit son livre *Des Mœurs des Germains*, et il eut raison, car l'avenir leur appartenait.

Je ne prophétise rien, mais je ne crois pas non plus que les destins de l'humanité et son avenir soient attachés, soient cloués à l'Europe occidentale. Si l'Europe ne parvient pas à se relever par une transformation sociale, d'autres contrées se transformeront; il y en a qui sont déjà prêtes pour ce mouvement, d'autres qui s'y préparent. L'une est connue, je veux dire les États de l'Amérique du Nord; l'autre, pleine de vigueur, mais aussi pleine de sauvagerie, on la connaît peu ou mal.

L'Europe entière, sur tous les tons, dans les parlements et dans les clubs, dans les rues et dans les journaux, a répété le cri du brailard berlinois: «Ils viennent, les Russes! les voilà! les voilà!» Et, en effet, non seulement ils viennent, mais ils sont déjà venus, grâce à la maison de Habsbourg; peut-être vont ils s'avancer encore, grâce à la maison de Hohenzollern.

Personne, cependant, ne sait ce que c'est que ces Russes, ces barbares, ces Cosaques, ce que c'est que ce Peuple, dont l'Europe a pu apprécier la mâle jeunesse dans le combat, dont il est sorti vainqueur. Que veut ce Peuple, qu'apporte-t-il avec lui? Qui en sait quelque chose? César connaissait les Gaulois mieux que l'Europe ne connaît les Russes. Tant que l'Europe occidentale a eu foi en elle-même, tant que l'avenir ne lui est apparu que comme une suite de son développement, elle ne pouvait s'occuper de l'Europe orientale; aujourd'hui les choses ont bien changé.

Cette ignorance superbe ne sied plus à l'Europe; ce ne serait plus aujourd'hui la conscience de la supériorité, mais la ridicule prétention d'un hidalgo castillan qui porte des bottes sans semelles et un manteau troué. Le danger de la situation ne peut se dissimuler. Reprochez aux Russes, tant qu'il vous plaira, d'être esclaves,—à leur tour

ils vous demanderont: «Et vous, vous êtes libres?» Ils peuvent même ajouter que jamais l'Europe ne sera libre que par l'affranchissement de la Russie. C'est pour cela, je crois, qu'il y aurait utilité à connaître un peu ce pays.

Ce que je sais de la Russie, je suis prêt à le communiquer. Il y a déjà longtemps que j'ai conçu la pensée de ce travail, et bientôt, puisqu'on nous a rendu si libéralement le temps de lire et d'écrire, j'accomplirai mon projet. Ce travail me tient d'autant plus au cœur qu'il m'offre le moyen de témoigner à la Russie et à l'Europe ma reconnaissance. On ne devra chercher dans cette œuvre ni une apothéose, ni un anathème. Je dirai la vérité, toute la vérité, autant que je la comprends et la connais, sans réserve, sans but préconçu. Il ne m'importe en rien de quelle manière on dénaturera mes paroles et comment on s'en prévaudra. J'estime trop peu les partis pour mentir en faveur de l'un ou de l'autre.

On ne manque point de livres sur la Russie; la plupart cependant sont des pamphlets politiques, ils n'ont pas été écrits dans l'intention de faire mieux connaître le sujet, ils ont servi à la propagande libérale, soit en Russie, soit en Europe; on voulait effrayer celle-ci et l'instruire, en lui présentant le tableau du despotisme russe. C'est ainsi qu'à Sparte, pour inspirer l'horreur de l'ivrognerie, on montrait en spectacle des ilotes pris de vin.

Contre les pamphlets et les diffamations, le gouvernement russe avait organisé une littérature semi-officielle, chargée de le louer et de mentir en sa faveur. D'un côté, c'est un organe de la République bourgeoise qui, dans son ignorance, mais avec la meilleure intention du monde et par patriotisme, représente les Russes comme un peuple de Calibans, croupissant dans l'ordure et l'ivrognerie, avec de petits fronts aplatis qui ne permettent pas à leurs facultés de se développer, et n'ayant de passions que celles qu'inspirent les fureurs de l'ivresse.

D'un autre côté, un journal allemand payé par la cour d'Autriche, publie des lettres sur la Russie, dans lesquelles on exalte toutes les infâmies de la politique russe et où l'on dépeint le gouvernement russe comme le plus fort et le plus national. Ces exagérations passent en dix autres journaux et servent de base aux jugements que l'on porte ensuite sur ce pays.

À dire vrai, le dix-huitième siècle accordait à la Russie une attention plus profonde et plus sérieuse que ne le fait le dix-neuvième, peut-être parce qu'il redoutait moins cette puissance. Les hommes prenaient alors un intérêt réel à l'étude de ce nouvel état, se montrant tout-à-coup à l'Europe dans la personne d'un tzar charpentier, et venant réclamer une part dans la science et dans la politique européenne.

Pierre 1er, dans son grossier uniforme de sous-officier, avec son énergique sauvagerie, se saisit hardiment de l'administration au détriment d'une aristocratie énervée. Il était si naïvement brutal, si plein d'avenir que les penseurs d'alors se mirent à l'étudier avidement, lui et son Peuple. Ils voulaient s'expliquer, comment cet état s'était développé sans bruit, par des voies tout autres que le reste des états européens; ils voulaient approfondir les éléments dont se composait la puissante organisation de ce peuple.

Des hommes, comme Müller, Schlosser, Ewers, Lévesque, consacrèrent une partie de leur vie à l'étude de l'histoire de la Russie, comme historiens, d'une manière tout aussi scientifique que s'en occupèrent sous le rapport physique Pallas et Gmelin. De leur côté des philosophes et des publicistes considéraient avec curiosité l'histoire contemporaine de ce pays, le phénomène d'un gouvernement qui, despotique et révolutionnaire à la fois, dirigeait son Peuple et n'était pas entraîné par lui.

Ils voyaient que le trône fondé par Pierre 1er, avait peu d'analogie avec les trônes féodaux et traditionnels de l'Europe; les tentatives violentes de Catherine II pour transporter dans la législation russe les principes de Montesquieu et de Beccaria proscrits dans presque toute l'Europe, sa correspondance avec Voltaire, ses rapports avec Diderot confirmaient encore à leurs yeux la réalité de ce phénomène.

Les deux partages de la Pologne furent la première infamie qui souilla la Russie. L'Europe ne comprit pas toute la portée de cet événement, car elle était alors occupée d'autres soins. Elle assistait, le cou tendu et respirant à peine, aux grands événements par lesquels s'annonçait déjà la Révolution française. L'impératrice de Russie se mêla au tourbillon et offrit son secours au monde chancelant. La campagne de Souvorow, en Suisse et en Italie, n'eut absolument aucun sens, elle ne pouvait que soulever l'opinion publique contre la Russie.

L'extravagante époque de ces guerres absurdes que les Français nomment encore aujourd'hui la période de leur gloire, finit avec leur invasion en Russie; ce fut une aberration de génie, comme la campagne d'Égypte. Il plut à Bonaparte de se montrer à la terre debout sur un monceau de cadavres. A la gloire des Pyramides il voulut ajouter la gloire de Moscou et du Kremlin. Cette fois il ne réussit pas: il souleva contre lui tout un Peuple qui saisit résolument les armes, traversa l'Europe derrière lui et prit Paris.

Le sort de cette partie du monde fut pendant quelques mois entre les mains de l'empereur Alexandre, mais il ne sut profiter ni de sa victoire, ni de sa position; il plaça la Russie sous le même drapeau que l'Autriche, comme si entre cet empire pourri et mourant et le

jeune état qui venait d'apparaître dans sa splendeur, il y eût quelque chose de commun, comme si le représentant le plus énergique du monde slave pouvait avoir les mêmes intérêts que l'opresseur le plus ardent des Slaves.

Par cette monstrueuse alliance avec la réaction européenne, la Russie, à peine grandie par ses victoires, fut abaissée aux yeux de tous les hommes pensants. Ils secouèrent tristement la tête en voyant cette contrée qui venait, pour la première fois, de prouver sa force, offrir aussitôt après sa main et son aide à tout ce qui était rétrograde et conservateur, et cela contrairement même à ses propres intérêts.

Il ne manquait que la lutte atroce de la Pologne pour soulever décidément toutes les nations contre la Russie. Lorsque les nobles et malheureux restes de la Révolution polonaise, errant par toute l'Europe, y répandirent le bruit des horribles cruautés des vainqueurs, il s'éleva de toutes parts, dans toutes les langues européennes, un éclatant anathème contre la Russie. La colère des Peuples était juste...

Rougissant de notre faiblesse et de notre impuissance, nous comprenions ce que notre gouvernement venait d'accomplir par nos mains, et nos cœurs saignaient de douleur, et nos yeux s'emplissaient de larmes amères.

Chaque fois que nous rencontrions un Polonais, nous n'avions pas le courage de lever sur lui nos regards. Et cependant je ne sais s'il est juste d'accuser tout un Peuple, s'il est juste de retrancher un Peuple seul de la famille des autres Peuples et de le rendre responsable de ce qu'a fait son gouvernement.

L'Autriche et la Prusse n'y ont-elles pas aidé? La France, dont la fausse amitié a causé à la Pologne autant de mal que la haine déclarée d'autres Peuples, n'a-t-elle donc pas dans le même temps, par tous les moyens, mendié la faveur de la cour de Pétersbourg; l'Allemagne, alors déjà, n'était-elle pas volontairement à l'égard de la Russie dans la situation où se trouvent aujourd'hui forcément la Moldavie et la Valachie; n'était-elle pas alors, comme maintenant, gouvernée par les chargés d'affaires de la Russie et par ce proconsul du tzar qui porte le titre de roi de Prusse?

L'Angleterre seule se maintint noblement sur le pied d'une amicale indépendance, mais l'Angleterre ne fit rien non plus pour les Polonais: elle songeait peut-être à ses propres torts envers l'Irlande. Le gouvernement russe n'en mérite pas moins de haine et de reproches; je prétends seulement faire aussi retomber cette haine sur tous les autres gouvernements, car on ne doit pas les séparer d'un de l'autre: ce ne sont que des variations d'un même thème.

Les derniers événements nous ont beaucoup appris; l'*ordre*, rétabli

en Pologne, et la prise de Varsovie sont rélégués à l'arrière-plan, depuis que l'*ordre* règne à Paris et que Rome est prise, depuis qu'un prince prussien préside chaque jour à de nouvelles fusillades, et que la vieille Autriche, dans le sang jusqu'aux genoux, essaie d'y rajeunir ses membres paralysés.

Le temps est passé d'attirer l'attention sur la Russie et les Cosaques. La prophétie de Napoléon a perdu son sens; peut-être est il possible d'être à la fois républicain et cosaque, mais il y a une chose évidemment impossible, c'est d'être républicain et bonapartiste. Honneur aux jeunes Polonais! eux, les offensés, les dépouillés, eux, à qui le gouvernement russe a ravi la patrie et les biens; ce sont eux qui les premiers, tendaient la main au Peuple russe; ils ont séparé la cause du Peuple de celle de son gouvernement. Si les Polonais ont pu dompter à notre égard leur juste haine, les autres Peuples pourront aussi bien dompter leur panique effroi.

Mais revenons aux écrits sur la Russie. Il n'a paru dans ces dernières années que deux ouvrages importants: le voyage de Custine (1842) et le voyage de Haxthausen (1847) ¹⁾. L'ouvrage de Custine a été dans toutes les mains, il a eu cinq éditions; le livre de Haxthausen, au contraire, est très peu connu, parce qu'il s'applique à un objet spécial. Ces deux écrits sont particulièrement remarquables; non comme opposés entre eux, mais parce qu'ils représentent les deux côtés dont se compose, en effet, la vie russe. Custine et Haxthausen diffèrent dans leurs récits parce qu'ils parlent de choses diverses. Chacun d'eux embrasse une sphère différente, mais il n'y a point entre eux de contradiction. C'est comme si l'un décrivait le climat d'Arkhangel, l'autre—celui d'Odessa: tous deux restent toujours en Russie.

Custine, par la légèreté d'esprit, est tombé dans de grandes méprises; par sa prédilection pour les phrases, il s'est laissé entraîner à d'énormes exagérations d'éloge ou de blâme, mais il est d'ailleurs un bon et fidèle observateur. Il s'abandonne tout d'abord à la première impression et ne rectifie jamais un jugement une fois porté. De là vient que son livre fourmille de contradictions, mais ces contradictions mêmes, loin de cacher la vérité au lecteur attentif, la lui montrent sous plusieurs

¹⁾ Il va sans dire que nous ne parlons pas ici des articles publiés ça et là, dans différents journaux, sur la Russie. A l'exception des ouvrages que nous venons d'indiquer, nous ne connaissons rien qui offre un tout, un ensemble. Il y a sans doute d'excellentes observations dans le «Voyage Zoologique» de Blasius, dans «les Tableaux de la littérature russe» de Kœnig. On peut relever certains passages dans les froides compilations de Schnitzler qui ne sont pas exemptes d'une influence officielle... Mais tout ce qui est mystère, secret, mémoires de diplomates, etc... n'appartient en rien au domaine d'une littérature sérieuse.—Le livre de Haxthausen a paru en allemand et en français.—A. H.

côtés. Légitimiste et jésuite, il vint en Russie avec la plus grande vénération pour les institutions monarchiques, il la quitta, en maudissant - - - - - aussi bien que l'atmosphère empestée qui l'entoure.

Le voyage, comme on voit, profita à Custine.

A son arrivée en Russie, il ne vaut pas mieux lui-même que tous les courtisans, auxquels il lance les traits de sa satire. A moins peut-être qu'on ne lui fasse un titre d'estime de ce qu'il accepta volontairement le rôle que ceux-ci remplissaient comme un devoir?

Je ne crois pas qu'aucun courtisan ait mis autant d'affectation à relever chaque parole, chaque geste de l'impératrice, à parler du cabinet et de la toilette de l'impératrice, de *l'esprit* et de *l'amabilité* de l'impératrice; aucun n'a si souvent répété à l'empereur qu'il était plus grand que son Peuple (Custine alors ne connaissait le Peuple russe que par les cochers de fiacre de Pétersbourg), plus grand que Pierre Ier, que l'Europe ne lui rendait pas justice, qu'il était un grand poète et que ses poésies l'attendrissaient jusqu'aux larmes.

Une fois dans la sphère de la cour, Custine ne la quitte pas; il ne sort pas des antichambres et s'étonne de n'y trouver que des valets; c'est aux gens de cour qu'il s'adresse pour en tirer des informations. Ceux-ci savent qu'il est écrivain, ils craignent son bavardage et le trompent. Custine est indigné; il s'irrite et met le tout sur le compte du Peuple russe. Il va à Moscou, il va à Nijni-Novgorod, mais partout il est à Pétersbourg; partout l'atmosphère de Pétersbourg l'environne et donne aux objets qui passent sous ses yeux une teinte uniforme.

Aux relais seulement, il jette de rapides coups d'œil sur la vie du Peuple; il fait d'excellentes remarques, il prophétise à ce Peuple un avenir colossal, il ne peut assez admirer la beauté et l'agilité du paysan, il dit qu'il se sent beaucoup plus libre à Moscou, que l'air y est moins lourd et que les hommes y vivent plus contents.

Il dit, — et poursuivant sa marche sans se mettre en peine le moins du monde d'accorder ces observations avec celles qui ont précédé, sans s'étonner de rencontrer chez un seul et même Peuple des qualités tout-à-fait opposées, — il ajoute: «La Russie aime l'esclavage jusqu'à la passion». Et ailleurs: «Ce Peuple est si grandiose que, même dans ses vices, il est plein de force et de grâce».

Custine n'a pas seulement négligé la manière de vivre du Peuple russe (dont il se tint toujours éloigné), mais il ne savait rien non plus du monde littéraire et savant, bien plus rapproché de lui; il connaissait le mouvement intellectuel de la Russie tout aussi peu que ses amis de cour qui ne se doutaient pas même, qu'il y eût des livres russes et quelqu'un pour les lire; c'est seulement par hasard et à l'occasion d'un duel qu'il a entendu parler de Pouchkine.

«Poète sans initiative», dit de lui le brave marquis, et, oubliant que ce n'est pas des Français qu'il parle, il ajoute: «Les Russes sont généralement incapables de comprendre nettement quelque chose de profond et de philosophique». Peut-on après cela s'étonner que Custine termine son livre précisément, comme il l'a commencé, en disant que la cour est tout en Russie?

Franchement, il a raison par rapport à ce monde, qu'il avait choisi pour centre de son action, et qu'il nomme lui-même si excellemment le monde des façades. Sans doute, c'est sa faute s'il n'a voulu rien voir derrière ces façades, et l'on aurait quelque droit de lui en faire reproche, car il répète cent fois dans son livre que l'avenir de la Russie est grand, que plus il apprend à connaître ce pays, plus il tremble pour l'Europe; qu'il voit en lui une puissance grandissant dans sa force, qui s'avance en ennemi contre cette partie du monde qui s'affaiblit chaque jour davantage.

Nous serions donc autorisés, en raison même de ces présages, à exiger de lui une étude un peu plus approfondie de ce Peuple; néanmoins nous devons avouer que s'il a négligé les deux tiers de la vie russe, il en a compris très bien le dernier tiers et l'a dépeint de main de maître en beaucoup d'endroits.

Quoiqu'en dise l'autocratie de la cour de Pétersbourg, encore faut-il qu'elle accorde, que le portrait est frappant dans ses traits principaux.

Custine sentait lui-même qu'il n'avait étudié que la Russie gouvernementale, la Russie de Pétersbourg. Il prend comme épigraphe le passage de la Bible: «Tel le prince de la ville, tels sont aussi les citoyens». Mais ces paroles ne conviennent pas à la Russie dans sa période actuelle. Le prophète pouvait le dire des juifs de son temps, comme aujourd'hui chacun peut le dire de l'Angleterre. La Russie ne s'est pas encore formée. La période de Pétersbourg fut une révolution nécessaire en son temps, mais dont la nécessité est déjà moindre aujourd'hui.

II.

Rien ne saurait être plus opposé au brillant et léger marquis de Custine que le flegmatique agronome westphalien, baron de Haxthausen, conservateur, érudit de vieille touche et l'observateur le plus bienveillant du monde. Haxthausen vint en Russie dans un but qui n'y avait amené encore personne avant lui. Il voulait étudier à fond les moeurs des paysans russes. Après s'être occupé longtemps d'économie rurale en Allemagne, il rencontra par hasard quelques débris des institutions

de la commune rurale chez les Slaves; il s'en émerveilla d'autant plus qu'il les trouva entièrement opposées à toutes les autres institutions du même genre.

Cette découverte le frappa tellement qu'il vint en Russie pour y examiner de près les communes rurales. Haxthausen, instruit dès son enfance que toute puissance vient de Dieu, habitué des ses plus jeunes ans à vénérer tous les gouvernements, Haxthausen ayant conservé les idées politiques du temps de Puffendorf et de Hugo Grotius, ne pouvait se défendre d'admirer la cour de Pétersbourg. Il se sentait écrasé par cette puissance qui a six cent mille soldats pour sa défense et neuf mille werstes de terrain pour ses bannis. Étonné et anéanti par la grandeur effrayante de cette autocratie, il quitta heureusement bientôt Pétersbourg, resta quelque temps à Moscou, et s'éclipsa pour toute une année.

Cette année, Haxthausen l'employa à une étude approfondie de la commune rurale en Russie. Le résultat de ses recherches ne fut pas tout-à-fait semblable à celui de Custine. Il dit, en effet, qu'en Russie, la commune rurale est tout. Là, suivant l'opinion du baron, est la clef du passé de la Russie et le germe de son avenir, la monade vivifiante de l'état russe. «Chaque commune rurale, dit-il, est en Russie une petite République, qui se gouverne elle-même pour ses affaires intérieures, qui ne connaît ni propriété, foncière personnelle, ni prolétariat, qui a élevé à l'état de fait accompli depuis longtemps une partie des utopies socialistes; on ne sait pas vivre autrement ici, et l'on n'y a même jamais autrement vécu».

Je partage entièrement l'opinion de Haxthausen, mais je crois qu'en Russie la commune rurale n'est pas tout non plus. Haxthausen a vraiment saisi le principe vivifiant du Peuple russe, mais, dans sa prévention native pour tout ce qui est patriarcal et sans aucun talent de critique, il n'a pas vu, que c'est précisément le côté négatif de la vie communale qui a provoqué la réaction de Pétersbourg. S'il n'y avait pas eu complète absorption de la personnalité dans la commune, cette - - - - - dont parle Custine avec un si juste effroi, n'aurait pu se former.

Il me semble qu'il y a dans la vie russe quelque chose de plus élevé que la commune et de plus fort que le pouvoir; ce quelque chose est difficile à exprimer par des mots, et plus difficile encore à indiquer du doigt. Je parle de cette force intime n'ayant pas entièrement conscience d'elle-même, qui tenait si merveilleusement le Peuple russe sous le joug des hordes mongoles et de la bureaucratie allemande, sous le knout oriental d'un tartare et sous la verge occidentale d'un caporal; je parle de cette force intime, à l'aide de laquelle

s'est conservée la physionomie ouverte et belle, et la vive intelligence du paysan russe, malgré la discipline avilissante du servage, et qui, au commandement impérial de se civiliser, a répondu, après un siècle, par la colossale apparition d'un Pouchkine; je parle de cette force enfin et de cette confiance en soi qui s'agite dans notre poitrine. Cette force, en dehors de tous les accidents extérieurs et malgré eux, a conservé le Peuple russe et protégé cette foi inébranlable qu'il a en lui-même; à quelle fin?.. C'est ce que le temps nous apprendra.

«Communes rurales russes et républiques, villages slaves et institutions sociales». Ces mots, ainsi accouplés, résonnent sans doute d'une manière bizarre aux oreilles des lecteurs de Haxthausen. Beaucoup, j'en suis sûr, demanderont si l'agronome westphalien était dans son bon sens, et pourtant Haxthausen a parfaitement raison: l'organisation sociale des communes rurales en Russie est une vérité tout aussi grande que la puissante organisation slave du système politique. Cela est étrange!.. Mais n'est-il pas encore plus étrange, qu'à côté des frontières européennes, un peuple ait vécu pendant mille ans, qui compte aujourd'hui cinquante millions d'âmes, et qu'au milieu du dix-neuvième siècle sa manière de vivre soit pour l'Europe une nouveauté inouïe?

La commune rurale russe subsiste de temps immémorial, et les formes s'en retrouvent assez semblables chez toutes les tribus slaves. Là, où elle n'existe pas, c'est qu'elle a succombé sous l'influence germanique. Chez les Serbes, les Bulgares et les Monténégrins, elle s'est conservée plus pure encore qu'en Russie. La commune rurale représente pour ainsi dire l'unité sociale, une personne morale, l'état n'a jamais du aller au-delà; elle est le propriétaire, la personne à imposer; elle est responsable pour tous et chacun, et par suite autonome en tout ce qui concerne ses affaires intérieures.

Son principe économique est l'antithèse parfaite de la célèbre proposition de Malthus: elle laisse chacun sans exception prendre place à sa table. La terre appartient à la commune et non à ses membres en particulier; à ceux-ci appartient le droit inviolable d'avoir autant de terre que chaque autre membre en possède au-dedans de la même commune; cette terre lui est donnée, comme possession, sa vie durant; il ne peut et n'a pas besoin non plus de la léguer par héritage. Son fils, aussitôt qu'il a atteint l'âge d'homme, a le droit, même du vivant de son père, de réclamer de la commune une portion de terre. Si le père a beaucoup d'enfants, tant mieux, car ils reçoivent de la commune une portion de terre d'autant plus grande; à la mort de chacun des membres de la famille, la terre revient à la commune.

Il arrive fréquemment, que des vieillards très âgés rendent leur terre et acquièrent par là le droit de ne point payer d'impôts. Un

paysan qui quitte pour quelque temps sa commune, ne perd pas pour cela ses droits sur la terre; ce n'est que par l'exil qu'on peut la lui retirer, et la commune ne peut prendre part à une décision de cette sorte que par un vote unanime; elle n'a cependant recours à ce moyen que dans les cas extrêmes. Enfin, un paysan perd aussi ce droit dans le cas où, sur sa demande, il est affranchi de l'union communale. Il est alors autorisé seulement à prendre avec lui son bien mobilier, rarement lui permet-on de disposer de sa maison ou de la transporter. De cette sorte le prolétariat rural est chose impossible.

Chacun de ceux qui possèdent une terre, c'est-à-dire chaque individu majeur et imposé, a voix dans les intérêts de la commune. Le président et ses adjoints sont choisis dans une assemblée générale. On procède de même pour décider les procès entre les différentes communes, pour partager la terre et répartir les impôts. (Car c'est essentiellement la terre qui paie et non la personne. Le gouvernement compte seulement les têtes; la commune complète le déficit de ses impôts par têtes au moyen d'une répartition particulière, et prend pour unité la travailleur actif, c'est-à-dire le travailleur qui a une terre à son usage).

Le président a une grande autorité sur chaque membre, mais non sur la commune; pour peu que celle-ci soit unie, elle peut très-bien contrebalancer le pouvoir du président, l'obliger même à renoncer à sa place, s'il ne veut pas se plier à leurs vœux. Le cercle de son activité est d'ailleurs entièrement administratif: toutes les questions qui vont au-delà d'une simple police, sont résolues ou d'après les coutumes en vigueur, ou par le conseil des Anciens, ou enfin par l'Assemblée générale. Haxthausen a commis ici une grande erreur en disant que le président administre despotiquement la commune. Il ne peut agir despotiquement que si toute la commune est pour lui.

Cette erreur a conduit Haxthausen à voir dans le président de la commune l'image de l'autorité impériale. L'autorité impériale, résultat de la centralisation moscovite et de la réforme de Pétersbourg, n'a pas de contre-poids, tandis que l'autorité du président, comme avant la période moscovite, dépend de la commune.

Que l'on considère maintenant que chaque russe qui n'est point citadin ou noble, doit appartenir à une commune, et que le nombre des habitants des villes, par rapport à la population des campagnes, est extrêmement restreint. Le plus grand nombre des travailleurs des villes appartient aux communes rurales pauvres, surtout à celles qui ont peu de terre; mais, comme il a été dit, ils ne perdent pas leurs droits dans la commune; ainsi les fabricants doivent nécessairement payer aux travailleurs un peu plus que ne leur rapporterait le travail des champs.

Souvent ces travailleurs se rendent dans les villes pour l'hiver seulement, d'autres y restent pendant des années; ces derniers forment entre eux de grandes associations de travailleurs; c'est une sorte de commune russe mobilisée. Ils vont de ville en ville (tous les métiers sont libres en Russie), et leur nombre s'élève souvent jusqu'à plusieurs centaines, quelque fois même jusqu'à mille; il en est ainsi, par exemple, des charpentiers et des maçons à Pétersbourg et à Moscou et des voituriers sur les grandes routes. Le produit de leur travail est administré par des directeurs choisis et partagé d'après l'avis de tous.

Ajoutez que le tiers des paysans appartient à la noblesse. Les droits du seigneur sont un honteux fléau qui pèse sur une partie du Peuple russe, d'autant plus honteux, qu'ils ne sont en rien autorisés par la loi, et qu'ils résultent uniquement d'un accord immoral avec un gouvernement qui non seulement tolère les abus, mais qui les protège par la puissance de ses baïonnettes. Néanmoins, cette situation, malgré l'insolent arbitraire des propriétaires nobles, n'exerce pas une grande influence sur la commune.

Le seigneur peut réduire ses paysans au minimum de la terre; il peut choisir pour lui le meilleur sol; il peut agrandir ses biens-fonds et, par là, le travail du paysan; il peut augmenter les impôts, mais il ne peut pas refuser au paysan une portion de terre suffisante, et la terre, une fois appartenant à la commune, demeure complètement sous son administration, la même en principe, que celle qui régit les terres libres; le seigneur ne se mêle jamais dans ses affaires; on a vu des seigneurs qui voulaient introduire le système européen du partage parcellaire des terres et la propriété privée.

Ces tentatives provenaient pour la plupart de la noblesse des provinces de la Baltique, mais elles échouèrent toutes et finirent généralement par le massacre des seigneurs ou par l'incendie de leurs châteaux; car tel est le moyen national, auquel le paysan russe a recours pour faire connaître qu'il proteste ¹⁾. Les colons étrangers ont, au contraire, souvent accepté les institutions communales de la Russie.— Il est impossible de briser en Russie la commune rurale, à moins que le gouvernement ne se décide à déporter ou à supplicier quelques millions d'hommes.

L'effroyable histoire de l'introduction des colonies militaires a montré ce que c'est que le paysan russe quand on l'attaque dans sa dernière forteresse. Le libéral Alexandre emporta les villages d'assaut,

¹⁾ Par les documents que publie le ministère de l'intérieur, on voit que généralement chaque année, déjà avant la dernière révolution de 1848,—60 à 70 seigneurs fonciers étaient massacrés par leur paysans. N'est-ce par là une protestation permanente contre l'autorité illégale de ces mêmes seigneurs?—A. H.

l'exaspération des paysans grandit jusqu'à la fureur la plus tragique: ils égorgèrent leurs enfants pour les soustraire aux institutions absurdes qui leur étaient imposées par la baïonnette et la mitraille. Le gouvernement, furieux de cette résistance, poursuivit ces hommes héroïques; il les fit battre de verges jusqu'à la mort, et, malgré toutes ces cruautés et ces horreurs, il ne put rien obtenir. La sanglante insurrection de la Staraja-Roussa en 1831, a montré combien peu ce malheureux Peuple se laisse dompter. Après que le gouvernement eut comprimé la révolte, il lui fallut encore céder à la nécessité, et se contenter du mot, ne pouvant obtenir la chose.

Voilà précisément pourquoi la Révolution opérée par Pierre Ier fut si passivement accueillie par les paysans et rencontra si peu de résistance: c'est qu'elle passait au dessus de leur tête. Le gouvernement ne commence à prendre des mesures générales à l'égard des paysans, que depuis qu'en 1838 il a créé le ministère des domaines de l'Etat. Ce n'est point une mauvaise idée de secouer un peu la commune, car la vie de village, comme tout communisme, absorbait complètement la personnalité.

L'individu habitué à se reposer de tout sur la commune, est perdu dès qu'il en est séparé; il devient faible, il ne trouve en lui ni force, ni ressort; au moindre péril il court bien vite se réfugier sous la protection de cette mère, qui tient ainsi ses enfants dans un état constant de minorité et exige d'eux une obéissance passive. Il y a trop peu de mouvement dans la commune; elle ne reçoit aucune impulsion du dehors qui excite en elle le progrès, point de concurrence, point de lutte intérieure, qui produise la variété et le mouvement; en donnant à l'homme sa part de terrain, elle le dispense de tout souci.

L'organisation communale endormait le Peuple russe, et ce sommeil devenait chaque jour plus profond, jusqu'à ce qu'enfin Pierre Ier éveilla brutalement une partie de la nation. Il provoqua artificiellement une sorte de lutte et d'antagonisme, et ce fut là précisément l'œuvre providentielle de la période de Pétersbourg.

Avec le temps, cet antagonisme est devenu naturel. C'est un bouheur que nous ayons si peu dormi; à peine éveillés, nous nous trouvons en face de l'Europe, et tout d'abord notre manière de vivre naturelle, à demi-sauvage, répond mieux à l'idéal rêvé par l'Europe, que la manière de vivre du monde civilisé germano-romain; ce qui n'est encore pour l'Occident qu'une espérance, vers laquelle tendent ses efforts, est le fait même, par où nous débutons; nous, qui sommes opprimés par l'absolutisme - - - , nous allons à la rencontre du Socialisme comme les anciens Germains, les adorateurs de Thor et d'Odin, marchaient au-devant du christianisme.

On dit que tous les peuples sauvages ont ainsi commencé par une commune analogue, qu'elle exista chez les Germains dans son complet développement, mais que partout elle a dû disparaître avec les commencements de la civilisation. On en conclut que le même sort attend la commune russe; mais je ne vois pas que la Russie doive nécessairement subir toutes les phases du développement européen, je ne vois pas davantage pourquoi la civilisation de l'avenir serait invariablement soumise aux mêmes conditions d'existence que la civilisation du passé.

La commune germaine est tombée en présence de deux idées sociales complètement opposées à la vie communale: la féodalité et le droit romain. Nous, par bonheur, nous nous présentons, avec notre commune, à une époque où la civilisation anti-communale aboutit à l'impossibilité absolue de se dégager, par ses principes, de la contradiction entre le droit individuel et le droit social. Pourquoi la Russie perdrait-elle maintenant sa commune rurale, puisqu'elle a pu la conserver pendant toute la période de son développement politique; puisqu'elle l'a conservée intacte sous le joug pesant de *tzarisme* moscovite, aussi bien que sous l'autocratie à l'européenne - - - - - ?

Il lui est bien plus facile de se détacher d'une administration créée par la force et sans racines aucunes dans le Peuple, que de renoncer à la commune; mais, dit-on, par ce partage continu du sol, la vie communale trouvera sa limite naturelle dans l'accroissement de la population. Quelque grave en apparence que soit cette objection, il suffit, pour l'écarter, de répondre que la Russie possède encore des terres pour tout un siècle et que dans cent ans la brûlante question de possession et de propriété sera résolue d'une façon ou de l'autre. Il y a plus à dire. L'affranchissement des biens nobles, la possibilité de passer d'une province, mal peuplée, dans une autre plus peuplée, offrent aussi de grandes ressources.

Beaucoup, et parmi eux Haxthausen, disent que, par suite de cette instabilité dans la possession, la culture du sol ne prend aucun accroissement; le possesseur temporaire du sol ne considère jamais que le profit qu'il en tire sans y chercher son intérêt, sans y placer son capital; cela peut bien être, mais les amateurs agronomes oublient que l'amélioration de l'agriculture, dans le système occidental de la possession, laisse la plus grande partie de la population sans un morceau de pain, et je ne crois pas que la fortune croissante de quelques fermiers et le progrès de l'agriculture, comme art, puissent être considérés, par l'agriculture elle-même, comme un juste dédommagement de l'horrible situation du prolétariat affamé.

L'esprit de la constitution communale a pénétré de bonne heure

toutes les sphères de la vie populaire en Russie. Chaque ville, à sa manière, représentait une commune; elle avait ses assemblées générales, et sur les questions qui se présentaient, elle prononçait à l'unanimité; la minorité, ou donnait son assentiment à la majorité, ou la combattait sans se soumettre; très souvent elle abandonnait la ville et il y a même des exemples qu'elle fut fréquemment annihilée.

Dans cette minorité inflexible, on peut reconnaître le fier véto des magnats polonais. L'autorité princière, en présence des tribunaux composés de jurés qui décidaient verbalement par une sentence arbitrale, en face du droit de libres assemblées dans les villes, et, d'ailleurs, sans armée permanente, ne pouvait grandir dans sa force; on le comprendra surtout si l'on ne perd pas de vue combien les besoins de la vie sont bornés chez un Peuple livré aux travaux de l'agriculture. La centralisation moscovite mit un terme à cet état de choses; Moscou fut pour la Russie une première Petersbourg. Les grands-ducs de Moscou, déposant ce titre pour prendre celui de tzar de toutes les Russies, tendirent à une toute autre puissance que celle, dont avaient joui leurs prédécesseurs.

L'exemple les entraîna: ils étaient témoins de la puissance des empereurs grecs de Byzance, et de celle des khans mongols de la horde principale de Tamerlan, connue sous le nom de *Horde d'Or*. Et, de fait, l'autorité des tzars a revêtu, dans son développement, le double caractère de ces deux puissances. A chaque pas que firent les tzars moscovites dans la voie du despotisme, l'autorité du Peuple alla s'affaiblissant. La vie s'est resserrée, s'est appauvrie progressivement dans chacune de ses parties; seule, la commune rurale s'est maintenue constamment dans sa modeste sphère.

La fatalité de l'époque qui suivit le règne de Pierre, ne se fit sentir que lorsque les tzars moscovites eurent réalisé leur centralisation, car celle-ci n'était importante que parce qu'elle se composait de diverses parties d'un fédéralisme princier, d'une race unie par les liens du sang, un puissant ensemble; mais elle ne pouvait aller plus loin, car au fond elle ne savait pas précisément pourquoi et dans quel but elle réunissait ces parties éparses. C'est en quoi se révéla tout ce qu'il y avait de misérable dans l'idée intime de la période moscovite: elle ne savait pas elle-même, où la conduirait la centralisation politique.

Tant qu'elle eut à l'extérieur un mobile d'action, comme la lutte avec les Tartares, les Lithuaniens et les Polonais, les forces qu'elle avait en elle trouvèrent à s'occuper et à se répandre, mais lorsque le Peuple, après l'interrègne de 1612, dans lequel il fit preuve d'une merveilleuse énergie, retomba dans son repos, le gouvernement s'ossifia alors dans l'apathie d'un formalisme oriental.

L'état, encore plein de jeunesse et de vigueur, se couvrit, comme une eau dormante, d'une écume verdâtre; le temps des premiers Romanoff fut une vieillesse anticipée et si lourdement assoupie, que le Peuple ne put alors se délasser des secousses précédentes. Dans la Russie des tzars, comme dans le commune rurale, manquait complètement tout ferment, tout levain: il n'y avait ni minorité remuante, ni principe de mouvement. Ce ferment, ce levain, cette individualité rebelle parut, et ce fut sur le trône.

Pierre Ier a fait infiniment de bien et de mal à la Russie, mais le fait, qui lui mérite surtout la reconnaissance des Russes, c'est l'impulsion qu'il a donné à tout le pays, c'est le mouvement qu'il a imprimé à la nation, et qui, depuis lors, ne s'est pas ralenti. Pierre Ier a compris la force secrète de son Peuple, ainsi que l'obstacle qui nuisait au développement de cette force; avec l'énergie d'un révolutionnaire et l'opiniâtreté d'un autocrate, il résolut de briser complètement avec le passé: moeurs, usages, législation, en un mot—avec tout l'ancien organisme politique.

Il est fâcheux que Pierre Ier n'ait eu devant les yeux d'autre idéal que le régime européen. Il ne vit pas que ce qu'il admirait dans la civilisation de l'Europe, n'était en aucune façon attaché aux formes politiques alors subsistantes, mais se soutenait bien plutôt en dépit de ces formes; il ne vit pas que ces formes elles-mêmes ne représentaient rien autre chose que le résultat de deux mondes déjà passés, et qu'elles étaient marquées du sceau de la mort, comme le byzantisme moscovite.

Les formes politiques du dix-septième siècle étaient le dernier mot de la centralisation monarchique, le dernier résultat de la paix de Westphalie. C'était le temps de la diplomatie, de la chancellerie et du régime de caserne, le commencement de ce froid despotisme, dont les allures égoïstes ne purent être ennoblies, même par le génie de Frédéric II, le prototype de tous les caporaux, petits et grands.

Ces formes politiques n'attendaient elles-mêmes pour disparaître que leur Pierre Ier: la Révolution française. Affranchi de traditions, vainqueur de la dernière, Pierre Ier jouissait de la plus grande liberté. Mais son âme manquait de génie et de puissance créatrice: il était subjugué par l'Occident et il en devint le copiste. Haïssant tout ce qui était de l'ancienne Russie, bon et mauvais, il imita tout ce qui était européen, mauvais et bon. La moitié des formes étrangères qu'il transplanta en Russie, était complètement antipathique à l'esprit du Peuple russe.

Sa tâche n'en devint que plus difficile, et cela sans aucun profit. Il aimait par instinct prophétique la Russie de l'avenir; il caressait l'idée

d'une puissante monarchie russe, mais il ne faisait aucun compte du Peuple. Indigné de la stagnation et de l'apathie générales, il voulut renouveler le sang aux veines de la Russie, et pour opérer cette transfusion il prit un sang, déjà vieux et corrompu. Et puis, avec tout le tempérament d'un révolutionnaire, Pierre Ier fut toujours néanmoins un monarque. Il aimait passionément la Hollande et reconstruisait sa chère Amsterdam sur les bords de la Néva, mais il empruntait fort peu de choses aux libres institutions des Pays-Bas. Non seulement il ne restreignit pas la puissance des tzars, mais il l'agrandit encore en lui livrant tous les moyens de l'absolutisme européen et en renversant toutes les barrières qu'avaient élevées jusqu'alors les mœurs et les coutumes

En même temps qu'il se rangeait sous les bannières de la civilisation, Pierre Ier empruntait néanmoins à un passé, qu'il répudiait, le knout et la Sibérie, pour réprimer toute opposition, toute parole courageuse, tout acte de liberté.

Représentez-vous maintenant l'union du *tzarisme* moscovite avec le régime des chancelleries allemandes, avec la procédure inquisitoriale empruntée au code militaire prussien, et vous comprendrez comment - - - - - en Russie a laissé loin derrière elle le despotisme de Rome et de Byzance.

L'agreste Russie se pliant à tout en apparence, n'a réellement rien accepté de cette réforme. Pierre Ier sentait cette résistance passive; il n'aimait pas le paysan russe et n'entendait rien plus à sa manière de vivre. Il a fortifié, avec une légèreté coupable, les droits de la noblesse et resserré encore la chaîne du servage; il a tenté le premier d'organiser ces absurdes institutions; or, les organiser—c'était en même temps les reconnaître et leur donner une base légale. Dès lors, le paysan russe se renferma plus étroitement que jamais au sein de sa commune, et ne s'en écarta qu'en jetant autour de lui des regards défiants et en faisant force signes de croix. Il cessa de comprendre le gouvernement, il vit dans l'officier de police et le juge un ennemi, il vit dans le seigneur terrien une puissance brutale contre laquelle il ne pouvait rien faire.

Il commença dès lors à ne voir dans tout condamné qu'un *malheureux*: seul mot qui désigne tout condamné dans ce pays, où il semble ne plus y avoir que des victimes et des bourreaux; à mentir sous le serment et à nier tout, quand il était interrogé par un homme qui se présentait en uniforme et qui lui semblait le représentant du gouvernement allemand. Cent cinquante ans, loin de le réconcilier avec le nouvel ordre des choses, l'en ont encore éloigné davantage. Que nous autres, nous ayons été élevés dans la réforme de Pierre; que nous

ayons sucé le lait de la civilisation européenne; que la vieillesse de l'Europe nous ait été inoculée, de telle sorte que ses destins soient devenus les nôtres, à la bonne heure! mais il en est tout autrement du paysan russe.

Il a beaucoup supporté, beaucoup souffert, il souffre beaucoup à cette heure, mais il est resté lui-même. Quoique isolé dans sa petite commune, sans liaison avec les siens tous dispersés sur cette immense étendue du pays, il a trouvé dans une résistance passive et dans la force de son caractère, les moyens de se conserver; il a courbé profondément la tête, et le malheur a passé souvent, sans le toucher, au-dessus de lui; voilà pourquoi, malgré sa position, le paysan russe possède tant de force, tant d'agileté, tant d'intelligence et de beauté, qu'à cet égard il a excité l'étonnement de Custine et d'Haxthausen.

III.

Tous les voyageurs rendent justice aux paysans russes, mais ils font grand bruit de leur impudente friponnerie, de leur fanatisme religieux, de leur idolâtrie pour le trône impérial.

Je crois, qu'on peut trouver quelque chose de ces défauts dans le peuple russe, et je me fonde en particulier sur ce que ces défauts sont communs à toutes les nations européennes. Ils tiennent étroitement à notre civilisation, à l'ignorance des masses et à leur pauvreté. Les états européens ressemblent au marbre poli: ils ne brillent qu'à la surface, mais, au fond et dans leur ensemble, ils sont grossiers.

Je comprends qu'on puisse accuser la civilisation, les formes sociales actuelles, tous les Peuples ensemble, mais je trouve qu'il y a inhumanité sans profit à s'attaquer à un Peuple en particulier, et à condamner en lui les vices de tous les autres; c'est d'ailleurs une étroitesse d'esprit qui n'est permise qu'aux juifs, de tenir sa nation pour un Peuple choisi. A cet égard les derniers événements politiques ont dû être pour nous une grande leçon; presque tous les écrivains n'ont-ils pas naguère accusé de ces mêmes défauts les Romains et les Viennois, en y ajoutant même le reproche de lâcheté?

La révolution d'octobre et le triumvirat romain ont réhabilité la réputation de ces villes. Mais ce n'est pas tout. Il est très vrai que le paysan russe, toutes les fois qu'il le peut, trompe le gentilhomme et l'officier public, qui ne s'abstiennent de le tromper à leur tour que parce qu'ils trouvent beaucoup plus simple de le dépouiller. Tromper ses ennemis, en pareil cas, c'est faire preuve d'intelligence. Au contraire, les paysans russes, dans leurs rapports entre eux, se montrent pleins d'honneur et de loyauté. La preuve, c'est que jamais ils ne

dressent entre eux de contrats par écrit. La terre est partagée dans les communes, et l'argent dans les associations de travailleurs. A peine, dans l'espace de dix années et plus, se produit-il à cet égard deux ou trois procès.

Le Peuple russe est religieux parce qu'un Peuple, dans les circonstances politiques actuelles, ne peut pas être sans religion. Une conscience éclairée est une conséquence du progrès; la vérité et la pensée, jusqu'à présent, n'existent que pour le petit nombre. Au Peuple, la religion tient lieu de tout: elle répond à toutes ses questions d'esthétique et de philosophie qui se rencontrent à tous les degrés dans l'âme humaine. La poésie fantastique de la religion sert de délassement aux travaux prosaïques de l'agriculture et de la coupe des foin. Le paysan russe est superstitieux, mais indifférent à l'égard de la religion, qui, d'ailleurs, est pour lui lettre close. Il observe exactement toutes les pratiques extérieures du culte pour en avoir le coeur net; il va le dimanche à la messe, pour ne plus penser six jours à l'église. Les prêtres, il les méprise comme des paresseux, comme des gens avides qui vivent à ses dépens. Dans toutes les obscénités populaires, dans toutes les chansons des rues, le héros, objet de ridicule et de mépris, est toujours le pape et le diacre ou leurs femmes.

Quantité de proverbes témoignent de l'indifférence des Russes en matière de religion: «Tant que le tonnerre ne gronde pas et que l'éclair ne frappe pas, le paysan ne se signe pas». «Fie-toi en Dieu, mais encore plus en toi». Custine raconte que le postillon qui défendait, en plaisantant, son penchant à de petits larcins, disait: «C'est une chose innée dans l'homme, et si le Christ n'a pas volé, c'est qu'il en était empêché par les blessures de ses mains». Tout cela montre que l'on ne rencontre chez ce Peuple ni le fanatisme farouche que nous trouvons en Belgique et à Lucerne, ni cette foi austère, froide et sans espérance, que l'on remarque à Genève et en Angleterre, comme en général chez les Peuples qui ont été longtemps sous l'influence des jésuites et des calvinistes.

Dans le sens propre du mot, les schismatiques, seuls, sont religieux. La raison n'en est pas seulement dans le caractère national, mais dans la religion elle-même. L'Église grecque n'a jamais été extraordinairement propagandiste et expansive; plus fidèle que le catholicisme à la doctrine évangélique, sa vie, par cela-même, s'est répandue moins au dehors; mûrie sur le sol putréfié de Byzance, elle s'est concentrée dans l'intérieur des cellules monastiques, elle s'est occupée surtout de controverse théologique et de questions de théorie; subjuguée par le pouvoir temporel, elle s'est éloignée en Russie, plus encore que dans l'empire byzantin, des intérêts de la politique. A partir

du dixième siècle jusqu'à Pierre Ier on ne connaît qu'un seul prédicateur populaire, et à celui-là, le patriarche lui imposa silence.

Je regarde comme un grand bonheur pour le Peuple russe, Peuple aisément impressionnable et doux de caractère, qu'il n'ait pas été corrompu par le catholicisme. Il a ainsi échappé en même temps à un autre fléau. Le catholicisme, comme certaines affections malignes, ne peut se traiter que par des poisons; il traîne fatalement après lui le protestantisme qui n'affranchit d'un côté les esprits que pour les mieux enchaîner de l'autre. Enfin la Russie, n'appartenant pas à la grande unité de l'Eglise d'Occident, n'a pas besoin non plus de se mêler à l'histoire de l'Europe.

Je n'ai pas trouvé davantage, dans le Peuple russe, qu'il fût bien affectionné - - - - et prêt à se dévouer pour lui. Il est vrai que le paysan russe voit dans - - - - - un protecteur contre ses ennemis immédiats, qu'il le considère comme la plus haute expression de la justice, et qu'il croit à son droit divin, comme y croient plus ou moins tous les Peuples monarchiques de l'Europe. Mais cette vénération ne se manifeste par aucun acte, et son attachement - - - - - n'en ferait ni un vendéen, ni un carliste espagnol; cette vénération ne va pas jusqu'à ce touchant amour qui, naguère encore, ne permettait pas à certain Peuple de parler de princes sans verser des larmes.

Il faut aussi avouer que le Peuple russe s'est refroidi dans son amour - - - - - depuis que, grâce à la bureaucratie européenne, il s'est détourné du gouvernement. Un mouvement dynastique, comme celui qui éclata, par exemple, en faveur du faux Démétrius, est aujourd'hui tout-à-fait impossible. Depuis Pierre Ier, le Peuple n'a pris aucune part à toutes les révolutions de Pétersbourg. Quelques prétendants, une poignée d'intrigants et de gardes prétoriennes ont, de 1725 à 1762, fait passer de main en main le trône impérial. Le Peuple s'est tenu impassible et sans s'inquiéter que - - - - -
 - - - - -
 fussent reconnus par la camarilla, comme empereurs - - - - -
 - - - - -

L'insurrection de Pougatchoff eut un tout autre sens: ce fut la dernière tentative, l'effort suprême du cosaque et du serf pour s'affranchir du cruel joug qui s'appesantissait visiblement sur eux chaque jour davantage. Le nom de Pierre III ne fut rien qu'un prétexte, ce nom seul n'eût pas eu la vertu de soulever quelques provinces. Pour la dernière fois, en 1812, un intérêt politique anima le Peuple russe. Ce Peuple est persuadé qu'il est impossible de le vaincre chez lui; cette pensée est au fond de la conscience de tout paysan russe, c'est là sa religion politique. Lorsqu'il vit l'étranger apparaître en ennemi sur son

territoire, il laissa reposer sa charrue et saisit le fusil. En mourant sur le champ de bataille «pour le blanc tzar et la sainte mère de Dieu», comme il disait, il mourait en réalité pour l'inviolabilité du sol russe.

La classe avec laquelle le Peuple russe se trouve en rapport immédiat, est la noblesse provinciale et le corps des employés qui forment le dernier degré de la Russie civilisée. Les employés, profondément corrompus par l'interdiction de toute publicité, représentent la classe la plus servile en Russie: son sort est complètement à la merci du gouvernement. La noblesse provinciale, de son côté, non moins corrompue par son droit d'exploitation sur les paysans, est cependant plus indépendante et, par suite, un peu moins machine que le corps des employés. Il y a encore un peu de vie dans les assemblées provinciales; la noblesse fait ordinairement opposition aux gouverneurs et à leurs officiers, les moyens ne lui manquent pas pour cela.

Catherine II continua le système de Pierre Ier; elle accrut et fortifia encore les droits de la noblesse; en même temps elle précipita des millions de paysans dans le servage, et paya, avec les communes des paysans, ses nuits de Cléopâtre. La noblesse de chaque province a le droit de tenir ses assemblées particulières, d'élire ses maréchaux et, — ce qui est encore plus important, — les juges dans les deux premières instances, les présidents de ces tribunaux et tous les officiers d'administration et de police des districts.

Il est vrai que les autres classes du Peuple ont part à ces droits, mais la majorité reste à la noblesse, à l'exception des autorités municipales et des bourguemestres qui sont élus par les marchands et les bourgeois de la ville. Le gouvernement envoie dans chaque province un gouverneur, un conseil d'administration et de finances, dans chaque ville un officier de police, et pour chaque tribunal un procureur. La noblesse a le droit de contrôler le gouverneur dans toutes les affaires d'argent; tout gentilhomme peut, dans sa province et sans aucune restriction, être élu juge, président et maréchal. C'est à cela que se réduisent toutes les institutions libres.

Si nous passons de la constitution provinciale à la constitution de l'état, à chaque pas, à mesure que nous remonterons l'échelle hiérarchique, s'effaceront davantage les droits de l'homme et la part des gouvernés au gouvernement. La centralisation de Pétersbourg, comme la cime neigeuse d'une montagne, écrase tout de son poids glacial et uniforme; plus on s'en approche, moins on découvre de traces de vie et d'indépendance. Le sénat, le conseil d'état, les ministres, ne sont rien que des instruments passifs; les plus hauts dignitaires ne sont rien que des scribes, des sbires, en un mot, des bras télégraphiques, au moyen
desquels - - - - -

La noblesse russe, dans la forme qu'elle conserve depuis Pierre Ier, représente plutôt une prime pour des services rendus, qu'une caste existant par elle-même; on perd même la noblesse, d'après la loi, quand, dans une famille, deux générations successives ne sont pas entrées au service de l'état. Les chemins qui conduisent à la noblesse, sont ouverts de tous côtés. Il y a cinq ans qu'on a élevé, à cet égard, quelques difficultés, mais elles appartiennent au nombre de ces mesures qui disparaissent sans conséquence le jour qui suit l'investiture impériale.

Pierre Ier, avec toute sa puissance, n'aurait pu rien exécuter s'il n'avait pas rencontré déjà une foule de mécontents. Ces mécontents lui vinrent en aide; c'est d'eux et de tout ce qui servait le nouveau gouvernement, que s'est formée la Russie européenne. Pierre Ier anoblit cette partie de la nation pour l'opposer à la Russie agreste. Mais outre que cette classe n'a produit aucune aristocratie ayant force et vigueur, elle a encore absorbé en elle l'aristocratie, autrefois puissante, de l'ancienne noblesse, des boyards et des princes ¹⁾. La nouvelle noblesse, se recrutant sans cesse dans toutes les classes, n'acquiert un caractère aristocratique qu'à l'égard du paysan, aussi longtemps qu'il restait paysan, c'est à dire à l'égard de cette portion du Peuple qui se trouvait aussi placée par le gouvernement en dehors de la loi.

Probablement, dans les premiers temps qui suivirent la réforme, tous ces lourds et grossiers boyards, avec leur perruque poudrée et leurs bas de soie, ressemblaient fort à ces élégants d'Otaïti qui se pavanent en uniforme rouge anglais avec des épaulettes, sans culottes, ni chemises. Mais grâce à notre talent d'initiative, la haute noblesse s'est bientôt approprié les manières et la langue des courtisans de Versailles. En adoptant la délicatesse des formes et des mœurs de l'aristocratie européenne, elle ne perdit pas tout-à-fait les siennes propres et, par suite, sa manière de vivre, au temps de Catherine II, offrait un mélange original de sauvage indiscipline et d'éducation de cour, de morgue aristocratique et de soumission semi-orientale. Ces mœurs étaient cependant plutôt originales et anguleuses que caricature; elles n'avaient rien de ce ton banal et sans goût qui a toujours distingué l'aristocratie allemande.

Entre la haute noblesse qui habite presque exclusivement Pétersbourg, et le *prolétariat noble* des employés et des gentilshommes sans propriété, se trouve l'épaisse couche de la moyenne noblesse dont le centre moral est à Moscou. Abstraction faite de la corruption générale de cette classe, il faut avouer que c'est en elle que résident

¹⁾ Le droit d'aînesse est complètement inconnu en Russie. — A. H.

le germe et le centre intellectuel de la prochaine Révolution. La position de la minorité instruite de cet ordre (cette minorité est assez considérable) est fort tragique: elle est séparée du Peuple parce que, depuis quelques générations, ses pères se sont attachés au gouvernement civilisateur, et séparée du gouvernement parce qu'elle s'est civilisée. Le Peuple voit en eux des Allemands, le gouvernement—des Français.

Dans cet ordre si absurdement placé entre la civilisation et le droit de plantateur, entre le joug d'un pouvoir illimité et les droits seigneuriaux qu'il possède sur les paysans; dans cet ordre, où l'on rencontre la plus haute culture scientifique de l'Europe, sans la liberté de la parole, sans autre affaire que le service de l'état, s'agitent une masse de passions et de forces qui, précisément par défaut d'issue, fermentent, grandissent et souvent se font jour en produisant quelque individualité éclatante, pleine d'excentricité.

C'est de cet ordre qu'est provenu tout le mouvement littéraire; c'est de lui qu'est sorti Pouchkine, ce représentant le plus complet de l'ampleur et de la richesse de la nature russe, c'est en lui qu'on a vu naître et grandir, le 26 décembre 1825 ¹⁾, cette *indulgentia plenaria* de toute la caste, son arrêté de compte pour tout un siècle.

Dix ans de travaux forcés, vingt-cinq ans d'exil, n'ont pu rompre et courber ces hommes héroïques qui, avec une poignée de soldats, descendirent sur la place d'Isaac pour y jeter le gant - - - - - et faire entendre publiquement des paroles qui, jusqu'à cette heure et encore aujourd'hui, se transmettent d'âme en âme, au sein de la nouvelle génération.

L'insurrection de 1825 clôt la première époque de la période de Pétersbourg. La question était résolue. La classe instruite, cette classe du Peuple, qui reste conséquente à l'impulsion donnée par Pierre Ier, prouva alors par sa haine active contre le despotisme, qu'elle avait rattrapé ses frères d'Occident. Ils se sont trouvés en complète communauté de sentiment et d'opinions avec Riégo, les gonfalonieri et les carbonari. L'effroi du gouvernement fut d'autant plus grand, qu'il trouva d'un côté tous les éléments de la noblesse et de la hiérarchie militaire impliqués dans l'insurrection, et que, de l'autre, il se souvint qu'aucun lien réel ne l'attachait à l'ancien Peuple, resté russe.

Le 26 décembre a révélé tout ce qu'il y avait d'artificiel, de fragile et de passager dans - - - - - de Pétersbourg. Le succès de la Révolution a tenu à un cheveu... Qu'en serait-il advenu? Il est difficile de le dire: mais quel qu'eût été le résultat, on peut hardiment affirmer, que le Peuple et la noblesse - - - - - le *fait accompli*.

¹⁾ Calendrier grégorien.

C'est là précisément ce que le gouvernement comprit avec terreur. Dans sa défiance de la noblesse, il voulait se rendre national, et ne réussit qu'à se faire l'ennemi de toute civilisation. La veine nationale lui manquait complètement. Le gouvernement se montra, tout d'abord, sombre et défiant; tout un corps de police secrète, organisé à neuf, environna le trône. Le gouvernement renia alors les principes de Pierre Ier développés pendant cent ans. Ce fut une succession de coups, portés à toute liberté, à toute activité intellectuelle; la terreur se déploya chaque jour davantage. On n'osait faire rien imprimer; on n'osait écrire une lettre; on allait jusqu'à craindre d'ouvrir la bouche, non seulement en public, mais même dans sa chambre: tout était muet.

Les gens instruits sentirent alors, de leur côté, que le sol au-dessous d'eux n'était pas celui de la patrie; ils comprirent toute leur faiblesse, et le désespoir les saisit. Cachant au fond de leur âme leurs larmes et leurs douleurs, ils se dispersèrent dans leurs campagnes et sur toutes les grandes routes de l'Europe. Pétersbourg, à l'exemple du gouvernement, prit un tout autre caractère: ce fut une ville en état de siège perpétuel. La société rebroussa chemin à grands pas. Les sentiments aristocratiques de la dignité humaine qui, sous Alexandre, avaient gagné beaucoup de terrain, furent refoulés jusqu'à rendre possible une loi pour les passeports à l'étranger, jusqu'à rendre possible ces mœurs que vous dépeint Custine.

Mais le travail intérieur se continua, d'autant plus énergique dans ses profondeurs, qu'il ne trouvait aucune occasion de se révéler par des faits à la surface. De temps en temps retentissaient des voix qui faisaient tressaillir toutes les fibres du cœur humain: c'était un cri de douleur, un gémissement d'indignation, un chant de désespoir, et à ce cri, à ce gémissement, à ce chant, se mêlait la triste nouvelle du sort encouru par quelqu'audacieux, forcé de chercher l'exil dans les contrées du Caucase ou de la Sibérie. C'est ainsi que, dix ans après le 26 décembre, un penseur a jeté dans le monde quelques feuilles qui, partout où se trouvaient, en Russie, des lecteurs, produisirent une secousse électrique.

Cet écrit était un reproche calme et sans amertume; il ressemblait à un examen sans passion de la situation des Russes, mais c'était le coup d'œil irrité d'un homme profondément offensé dans les plus nobles parties de son être. Sévère et froid, il demande compte à la Russie de toutes les souffrances qu'elle prépare à l'homme pensant, et, après les avoir analysées toutes, il se détourne avec horreur, il maudit la Russie dans son passé, il dédaigne son présent, et ne prophétise que malheur à son avenir. On n'entendait pas de ces vœux-là pendant la brillante époque du libéralisme un peu exotique d'Alexandre,—

elles n'éclatèrent même pas dans les poésies de Pouchkine; pour les arracher d'une poitrine humaine, il a fallu le poids intolérable d'une terreur de dix ans; il nous a fallu voir la ruine de tous nos amis, la «gloire» du siège de Varsovie et la pacification de la Pologne.

Tchaadaïeff avait tort en beaucoup de points, mais sa plainte était légitime et sa voix avait fait entendre une terrible vérité. C'est là ce qui explique son immense retentissement. A cette époque, tout ce qui est de quelque importance en littérature prend un nouveau caractère. C'en est fait de l'imitation des Français et des Allemands, la pensée se concentre et s'envenime; un désespoir plus amer et une plus amère ironie de son propre destin éclate partout, aussi bien dans les vers de Lermontoff que dans le rire moqueur de Gogol, rire, sous lequel, suivant l'expression de l'auteur, se cachent les larmes.

Si les éléments de la vie nouvelle et du mouvement restèrent alors isolés; s'ils n'arrivèrent pas à cette unité qui régnait avant le 26 décembre, c'est avant tout que les questions les plus importantes devinrent beaucoup plus complexes et plus profondes. Tous les hommes sérieux comprirent qu'il ne suffisait plus de se traîner à la remorque de l'Europe, qu'il existe en Russie quelque chose qui lui est propre et particulier, et qu'il faut nécessairement étudier et comprendre dans le passé et dans le présent.

Les uns, dans ce qui est propre à la Russie, ne virent rien d'hostile, ni d'antipathique aux institutions de l'Europe; loin de là, ils prévoyaient le temps, où la Russie, au-delà de la période de Pétersbourg, et l'Europe, au-delà du constitutionnalisme, viendraient à se rencontrer. Les autres, au contraire, rejetant sur le caractère anti-national du gouvernement tout le poids de la situation présente, confondirent dans une même haine tout ce qui tient à l'Occident.

Pétersbourg enseigna à ces hommes à mépriser toute civilisation, tout progrès; ils voulaient retourner aux formes étroites des temps qui avaient précédé Pierre Ier, et dans lesquels la vie russe se trouverait de nouveau à peu près étranglée. Heureusement, le chemin pour revenir à la vieille Russie s'est depuis longtemps couvert d'une épaisse forêt, et ni les slavophiles, ni le gouvernement ne réussirent à la raser.

La lutte des ces parties a, depuis dix ans, donné à la littérature une nouvelle vie; les journaux ont vu s'accroître considérablement le nombre de leurs souscripteurs, et, aux cours d'histoire, les bancs de l'université de Moscou rompaient sous la foule des auditeurs. N'oubliez pas que, dans l'excessive pauvreté d'organes de l'opinion publique, les questions de littérature et de science se sont transformées en une arène pour les partis politiques. Tel était l'état des choses lorsque la Révolution de Février éclata.

Le gouvernement, d'abord étourdi, ne fit rien, mais lorsqu'il vit l'allure humble et soumise de la modeste République, il reprit bientôt ses sens. Le gouvernement russe déclara hautement qu'il se considérait comme le champion du principe monarchique et, présageant la solidarité de la civilisation avec la Révolution (à l'exemple de l'Assemblée Nationale française) il ne cacha pas qu'il était prêt à tout sacrifier pour la cause de l'ordre. Le gouvernement russe, avec plus d'énergie que cette Assemblée, marcha, dans sa cynique hardiesse, à l'anéantissement de la civilisation et du progrès.

Qu'en adviendra-t-il?.. En Russie, peut-être, la ruine de tout élément civilisateur. Épouvantable résultat! Mais la Russie n'en sera pas abîmée pour cela. Il est même fort possible que ce résultat devienne, pour le Peuple, le signal du réveil, et que s'ouvre alors une nouvelle ère pour la justice et les droits du Peuple.

Le gouvernement, en attendant, semble avoir oublié, qu'il est né à Pétersbourg; qu'il est le gouvernement de la Russie civilisée; qu'il est lié, lui aussi, par les gages qu'il a donné à la civilisation européenne, et qu'en dépit de ses airs actuels d'orthodoxie et de nationalité, le paysan russe le regarde toujours comme allemand.

Le sort - - - - - — admirez la sublime ironie! — est lié à la civilisation; en l'anéantissant il se précipite dans un abîme effroyable, et s'il la laisse grandir, il tombe dans un autre abîme. — il est possible, d'ailleurs, que la Russie, par suite d'une oppression intolérable, se décompose en un grand nombre de partis; peut-être aussi se précipitera-t-elle tout simplement en avant, et dans son impatience secouera-t-elle, de dessus son dos vigoureux, les cavaliers maladroits. Tout cela est encore dans l'avenir, et je ne suis pas maître dans l'art de la divination.

Après tout ce que j'ai dit, voilà la question que l'on s'adresse involontairement. Quelle idée, quelle pensée apporte donc ce Peuple dans l'histoire? Jusqu'à présent nous voyons seulement qu'il se présente lui-même, et c'est là, d'ordinaire, la condition de tout ce qui n'a pas encore mûri. Quelle idée apporte un enfant dans la famille? Rien autre chose que la faculté, la disposition, la possibilité d'un développement. Quant à savoir si cette possibilité existe, si les muscles de l'enfant sont vigoureux, si ses facultés y répondent, ce sont là des questions abandonnées à notre examen. Et voilà précisément pourquoi j'insiste aujourd'hui sur la nécessité d'étudier la Russie.

En face de l'Europe, dont les forces se sont épuisées à travers les luttes d'une longue vie, se pose un Peuple, dont l'existence commence à peine, et qui, sous la dure écorce extérieure - - - - -
- - - - - , a grandi et s'est développé, comme les cristaux

croissent sous une géode; l'écorce du tzarisme moscovite est tombée, aussitôt qu'elle est devenue inutile; l'écorce - - - - - adhère encore moins fortement à l'arbre.

Il est vrai que jusqu'à présent le Peuple russe ne s'est en rien occupé de la question de gouvernement, sa foi a été celle d'un enfant, sa soumission toute passive. Il ne s'est réservé qu'un seul fort, resté debout à travers tous les âges: c'est sa commune rurale, et par là il est plus près d'une Révolution sociale que d'une Révolution politique. La Russie naît à la vie comme Peuple, le dernier de tous, encore plein de jeunesse et d'activité, à une époque, où les autres Peuples veulent du repos; il apparaît dans l'orgueil de sa force à une époque, où les autres Peuples se sentent fatigués et sur leur déclin. Son passé a été pauvre, son présent est monstrueux; il est vrai que cela ne constitue encore aucuns droits.

Grand nombre de Peuples ont disparu de la scène de l'histoire, sans avoir vécu dans toute la plénitude de la vie, mais ils n'avaient pas, comme la Russie, des prétentions aussi colossales sur l'avenir. Vous le savez: dans l'histoire on ne peut pas dire *tarde venientibus ossa*: au contraire, les meilleurs fruits leur sont réservés, s'ils sont capables de s'en nourrir. Et c'est ici la grande question.

La force du Peuple russe est avouée de toute l'Europe par la crainte même qu'il lui inspire; il a montré ce dont il est capable dans la période de Pétersbourg; il a beaucoup fait et cela, malgré les chaînes dont ses mains étaient chargées: chose étrange et vraie cependant, comme il est vrai que d'autres peuples, pauvrement doués, ont consumé des siècles entiers sans rien faire, quoique jouissant d'une pleine liberté. La justice n'appartient pas aux qualités éminentes de l'histoire; la justice est trop sage et trop prosaïque, tandis que la vie, dans son développement, est au contraire capricieuse et poétique. Au point de vue de l'histoire, la justice donne à qui n'a pas mérité; le mérite trouve, d'ailleurs, sa récompense dans le service même qu'il a rendu...

Voilà, mon cher ami, tout ce que je voulais vous dire pour cette fois. Je pourrais fort bien terminer ici, mais il me vient à cette heure une pensée bizarre: c'est qu'il se rencontrera quantité de bonnes gens, d'oreille un peu dure, qui verront dans ma lettre un patriotisme exclusif, une préférence pour la Russie, et qui s'écriront là-dessus qu'ils avaient conçu de ce pays une tout autre idée.

Oui, j'aime la Russie.

En général, je regarde comme impossible ou comme inutile d'écrire sur un sujet, pour lequel on ne ressent ni amour, ni haine. Mais mon amour n'est point le sentiment bestial de l'habitude; ce n'est point cet instinct naturel dont on a fait la vertu du patriotisme: j'aime la Russie

parce que je la connais, avec conscience, avec raison. Il y a aussi beaucoup de choses en Russie que je hais sans mesure et avec toute la puissance d'une première haine. Je ne dissimule ni l'un, ni l'autre.

En Europe on ne connaît point du tout la Russie, en Russie on connaît très mal l'Europe. Il fut un temps où, en présence des Monts-Ourals, je me faisais de l'Europe une idée fantastique; je croyais à l'Europe et surtout à la France. Je profitai du premier moment de liberté pour venir à Paris.

C'était encore avant la Révolution de Février. Je considérai les choses d'un peu plus près et je rougis de ma prévention. Maintenant je suis furieux de l'injustice de ces publicistes au cœur étroit qui ne reconnaissent le tzarisme que sous le 59me degré de latitude boréale. Pourquoi ces deux mesures? Injuriez tant qu'il vous plaira, et accablez de reproches l'absolutisme de Pétersbourg et la persévérance de notre résignation; mais injuriez partout et reconnaissez le despotisme sous quelque forme qu'il se présente, s'appelât-il président d'une République, gouvernement provisoire ou Assemblée nationale.

C'est une honte, en l'an 1849, après avoir perdu tout ce qu'on avait espéré, tout ce qu'on avait acquis, à côté des cadavres de ceux qui sont tombés et que l'on a fusillés, à côté de ceux que l'on a enchaînés et déportés, à l'aspect de ces malheureux, chassés de contrée en contrée, à qui on donne l'hospitalité comme au juifs dans le moyen-âge, à qui l'on jette, comme aux chiens, un morceau de pain pour les obliger ensuite à poursuivre leur chemin,—en l'an 1849, dis-je, c'est une honte de s'arrêter au point de vue étroit du constitutionnalisme libéral, de cet amour platonique et stérile pour la politique.

L'illusion d'optique au moyen de laquelle on donnait à l'esclavage l'aspect de la liberté, s'est évanoui; les masques sont tombés, nous savons maintenant au juste, ce que vaut la liberté républicaine de la France et la liberté constitutionnelle de l'Allemagne; nous voyons maintenant (ou, si nous ne le voyons pas, c'est notre faute), que tous les gouvernements subsistants, depuis le plus modeste canton en Suisse jusqu'à l'autocratie de toutes les Russies, ne sont que des variations d'un seul et même thème.

«Il faut sacrifier la liberté à l'ordre, l'individu à la société; donc, plus le gouvernement est fort, mieux cela vaut.»

Encore une fois: s'il est horrible de vivre en Russie, il est tout aussi horrible de vivre en Europe. Pourquoi donc ai-je quitté la Russie? Pour répondre à cette question, je vous traduirai quelques paroles de ma lettre d'adieux à mes amis: «Ne vous y trompez pas! Je n'ai trouvé ici ni joie, ni distraction, ni repos, ni sécurité personnelle; je ne puis même imaginer que personne aujourd'hui puisse trouver en Europe ni

repos, ni joie. La tristesse respire dans chaque mot de mes lettres. La vie ici est très pénible.

«Je ne crois ici à rien qu'au mouvement; je ne plains rien ici que les victimes; je n'aime rien ici que ce que l'on persécute; et je n'estime rien que ce que l'on supplicie, et cependant je reste. Je reste pour souffrir doublement—de notre douleur et de celle que je trouve ici, peut-être pour être abîmé dans la dissolution générale. Je reste, parce que la lutte ici est ouverte, parce qu'ici elle a une voix.

«Malheur à celui qui est vaincu ici! mais il ne succombe pas sans avoir fait entendre sa voix, sans avoir éprouvé sa force dans le combat, et c'est à cause de cette voix, à cause de cette lutte ouverte, à cause de cette publicité que je reste ici».

Voilà ce que j'écrivais le 1er mars 1849. Les choses, depuis lors, ont bien changé. Le privilège de se faire entendre et de combattre publiquement, s'amointrit chaque jour davantage; l'Europe chaque jour davantage devient semblable à Pétersbourg: il y a même des contrées qui ressemblent plus à Pétersbourg que la Russie même. Les Hongrois le savent, eux qui se sont réfugiés, dans le délire de leur désespoir, sous la protection des drapeaux russes...

Et si l'on en vient ici à nous mettre aussi un bâillon sur la bouche, et que l'oppression ne nous permette pas même de maudire à haute voix nos oppresseurs, je m'en irai alors en Amérique. Homme, je sacrifierai tout à la dignité de l'homme et à la liberté de la parole.

Probablement vous viendrez m'y rejoindre?..

Londres, le 25 août 1849.

РОССІЯ.

Г. Г—гу.

I.

Дорогой другъ, Вамъ хотѣлось знать мои сужденія, сужденія русскаго человѣка, о современныхъ событіяхъ. Вотъ они. Посвящаю ихъ вамъ отъ всего сердца. Вы не найдете въ нихъ ничего новаго. Это все тѣ же предметы, о которыхъ мы бесѣдовали такъ часто и съ такой грустью, что трудно было бы прибавить что-нибудь новое. Ваше тѣло, правда, принадлежитъ еще этому міру, косному и дряхлому, въ которомъ вы живете, но душа ваша уже покинула его, чтобы оглядѣться и сосредоточиться въ себѣ. Такимъ образомъ, вы пришли туда же, куда и я, когда удалился изъ міра неполнаго, еще предающагося дѣтскому сну и не обладающаго самосознаніемъ.

Вы чувствовали себя сдавленнымъ между этими почернѣвшими стѣнами, раздѣвленными временемъ и угрожающими со всѣхъ сторонъ обваломъ; я, съ своей стороны, задыхался въ этой теплой и сырой атмосферѣ, въ этихъ известковыхъ испареніяхъ около неоконченнаго зданія: невозможно проводить жизнь ни въ больницѣ, ни въ благотворительномъ пріютѣ. Выйдя изъ двухъ противоположныхъ крайностей, мы встрѣчаемся въ одной точкѣ. Чужіе въ своемъ отечествѣ, мы нашли общую почву въ чужой землѣ. Моя задача, надо признаться, была менѣе тяжелой, чѣмъ ваша. Мнѣ, сыну другого міра, было легко освободиться отъ прошлаго, о которомъ я зналъ только по наслышкѣ, не имѣя въ немъ никакого личнаго опыта.

Положеніе русскихъ въ этомъ смыслѣ весьма замѣчательно. Въ нравственномъ отношеніи мы свободнѣе европейцевъ, и это не только потому, что мы освободились отъ великихъ испытаній, въ

которыхъ развивается Западъ, но и потому, что у насъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго, которое владычествовало бы надъ нами. Наша исторія бѣдна, и первымъ условіемъ нашей новой жизни было полное отреченіе отъ нея. Отъ нашего прошлаго у насъ остались только національный бытъ, національный характеръ, кристаллизація государства, все остальное—элементы будущаго. Слова Гете объ Америкѣ можно примѣнить и къ Россіи: «Тебя въ твоемъ развитіи, полномъ жизненныхъ соковъ, не тревожатъ ни безполезныя воспоминанія, ни напрасныя споры».

Я явился въ Европу въ качествѣ иностранца, вы же,—вы сами обратились въ иностранца. Только разъ, и всего на нѣсколько мгновеній, мы почувствовали себя, какъ будто дома: то было весной 1848 г. Но какъ дорого заплатили мы за свою мечту, когда, очнувшись, мы увидѣли себя на краю бездны, надъ которою очутилась теперь старая Европа безъ силъ, безъ инициативы, съ параличемъ всѣхъ чувствъ. Мы со страхомъ видимъ, какъ Россія готовится подтолкнуть еще ближе къ разрушенію истощенныя государства Запада, похожія на слѣпотаго нищаго, котораго ведетъ къ пропасти проказникъ-мальчикъ.

Мы не старались создавать себѣ иллюзіи. Съ болью въ душѣ, но готовые ко всему, мы до конца изучили это ужасное положеніе. Нѣкоторыя бѣглыя замѣчанія, вышедшія изъ того ряда мыслей, который занималъ насъ послѣднее время, присоединялись къ нашимъ бесѣдамъ и придавали имъ своеобразную прелесть, но въ нихъ не будетъ никакой прелести для другихъ, особенно для тѣхъ, кто стоитъ вмѣстѣ съ нами на краю той же бездны. Человѣкъ, вообще, не любитъ правды; когда же она противорѣчитъ его желаніямъ, когда она уничтожаетъ самую дорогія мечту, когда онъ можетъ постигнуть ее только цѣною своихъ иллюзій и надеждъ, тогда онъ ненавидитъ ее, точно она причина зла.

Наши друзья такъ легкомысленны въ своихъ надеждахъ, они такъ легко принимаютъ совершившіеся факты! Хотя они и яростные враги реакціи, но считаютъ ее чѣмъ-то случайнымъ и временнымъ; съ ихъ точки зрѣнія она—зло, легко поправимое, у котораго нѣтъ ни глубокаго смысла, ни обширныхъ корней. Немногіе изъ нихъ признаютъ, что реакція сильна, потому что революція была слаба. Демократы-политики испугались демократовъ-соціалистовъ, и революція потерпѣла крушеніе, рушилась сама по себѣ.

Погибли всѣ надежды на спокойное и мирное прогрессивное развитіе, разрушены были всѣ мосты переходныхъ соглашеній. Или Европа падетъ подъ ужасными ударами социализма, расшатанная имъ и сброшенная со своего фундамента, какъ нѣкогда палъ Римъ

усиліями христіанства, или она такая, какъ она есть,—со всей своей рутиной, вмѣсто идей, одряхлѣвшая, лишенная энергіи,—все же одолѣетъ социализмъ и, какъ вторая Византія, обратится въ состояние вялости и прозябанія, предоставивъ другимъ народамъ и другимъ странамъ прогрессъ, будущее, жизнь. Будь возможенъ третій исходъ, онъ привелъ бы къ хаосу всемірной войны безъ побѣды съ чѣй-либо стороны, къ всеобщей смутѣ и, въ концѣ концовъ, къ деспотизму, къ террору, къ истребленію.

Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: мы наканунѣ эпохи слезъ и страданій, воя и скрежета зубовъ; мы уже съ двухъ сторонъ видѣли ея обозначившіяся черты. Достаточно вспомнить іюньское возстаніе и средства, которыми оно было подавлено. Съ тѣхъ поръ отношенія партій еще больше обострились; теперь ни съ чѣмъ не церемонятся, ничего не щадятъ, и то самое Третье Словіе, которое затратило нѣсколько вѣковъ усилій, чтобы добиться нѣкоторыхъ правъ и нѣкоторой степени свободы, готово теперь всѣмъ этимъ пожертвовать.

Оно видить, что не можетъ устоять даже на законномъ режимѣ какого-нибудь Полиньяка ¹⁾ или Гизо, и сознательно возвращается къ временамъ варѳоломеевской ночи, Тридцатилѣтней войны и Нантскаго эдикта, за которыми виднѣются варварство, разрушеніе, новыя перераспредѣленія народовъ и нѣкоторые ростки образованія новаго общества. Историческій зародышъ развивается и растетъ медленно: потребовалось пять мрачныхъ вѣковъ, чтобы привести въ нѣкоторый порядокъ христіанскій міръ послѣ того, какъ пять другихъ вѣковъ были уже потрачены на умираніе древне-римскаго міра.

Тяжелое наше время! все кругомъ насъ разлагается, все волнуется въ какой-то неопредѣленности и бесплодности, самыя мрачныя предчувствія осуществляются съ ужасающей быстротой. Еще не прошло шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ свой третій діалогъ ²⁾. Тогда мы еще спрашивали, остается ли для насъ какое-нибудь дѣло; теперь этого вопроса нечего и ставить, потому что мы начали сомнѣваться даже въ жизни... Франція сдѣлалась Австріей Запада—она погрязаетъ въ позорѣ и тинѣ; прусская сабля задерживаетъ послѣднія вспышки нѣмецкаго движенія; Венгрія истекаетъ кровью подъ топоромъ австрійскаго императорскаго па-

¹⁾ Французскій министръ, который своими реакціонными «ордонансами» 29 июля 1830 года вызвалъ въ Парижѣ іюльское возстаніе и низверженіе старшей вѣтви Бурбоновъ во Франціи.

²⁾ «Consolatio», № 491.

лача; Швейцарія ждетъ всеобщей войны; христіанскій Римъ падаетъ съ тѣмъ же величіемъ, какъ и древній языческій Римъ, оставляя вѣчное клеймо на челѣ этой страны, которую еще недавно такъ любили всѣ народы. Человѣкъ свободомыслящій, который отказывается преклониться передъ насиліемъ, не найдетъ во всей Европѣ иного пристанища, какъ на палубѣ корабля, отплывающаго въ Америку.

Если Франція падетъ,—говорилъ одинъ изъ моихъ друзей,—надо объявить все человѣчество въ опасности. И это, можетъ быть, вѣрно, если подъ человѣчествомъ подразумѣвать только германороманскій міръ. Но зачѣмъ такъ это понимать? Подобно римлянамъ, ужъ не заколотся ли намъ кинжаломъ, какъ это сдѣлалъ Катонъ, изъ-за того, что Римъ умираетъ, а мы ничего не видимъ, или не хотимъ видѣть, внѣ Рима, потому что все остальное считаемъ варварскимъ? Развѣ все, что находится внѣ нашего міра,—лишнее и ни на что не годно?

Первый римлянинъ, наблюдательный взглядъ котораго пронизалъ тьму временъ, понялъ, что міръ, къ которому онъ принадлежитъ, долженъ пасть; съ отчаяніемъ,—или, можетъ, потому что стоялъ выше другихъ,—онъ бросилъ взглядъ за предѣлы національнаго горизонта и усталымъ взоромъ остановился на варварахъ. Онъ написалъ свою книгу «*О нравахъ германцевъ*»¹⁾ и былъ правъ, ибо будущее принадлежало имъ.

Я ничего не пророчу, но я также не думаю, что судьбы человѣчества и его будущее пригвождены къ Западной Европѣ. Если Европѣ не удастся подняться путемъ общественнаго преобразованія, то преобразуются другія страны; есть уже такія, которыя готовы къ этому движенію, а другія къ нему готовятъ. Одна извѣстна,—я говорю о Штатахъ Сѣверной Америки; другая полна силъ, но также и дикости,—ее мало или плохо знаютъ.

Вся Европа на всѣ лады, въ парламентахъ и клубахъ, на улицахъ и въ газетахъ, повторяла крикъ берлинскаго Krakehler²⁾: «Русскіе идутъ! вотъ они! вотъ они!». И, въ самомъ дѣлѣ,—они не только идутъ, но уже пришли, благодаря габсбургскому дому, и, можетъ, подвинутся еще дальше, благодаря дому гогенцоллернскому.

Никто, однако, не знаетъ, чтѣ такое эти русскіе, эти варвары, эти казаки,—чтѣ такое народъ, мощную юность котораго Европа могла оцѣнить по борьбѣ³⁾, изъ которой онъ вышелъ побѣ-

¹⁾ Тацитъ.

²⁾ Вѣроятно, берлинскій журналъ или газета.

³⁾ 1812-ый годъ и послѣдующія войны съ Наполеономъ I.

дителемъ. Чего хочетъ этотъ народъ, что несетъ онъ съ собой? Кто о немъ что-нибудь знаетъ? Цезарь лучше зналъ галловъ, чѣмъ Европа—русскихъ. Пока Западная Европа вѣрила въ самое себя, пока будущее представлялось ей лишь продолженіемъ ея развитія, до тѣхъ поръ она могла не заниматься восточной Европой; теперь же положеніе вещей очень измѣнилось.

Это величественное невѣдѣніе не къ лицу теперь Европѣ; теперь это было бы уже не признаніемъ превосходства, а только нелѣпой претензіей какого-нибудь кастильскаго гидальго, у котораго сапоги безъ подметокъ и дырявый плащъ. Опасность положенія не можетъ долѣе оставаться скрытой. Упрекайте сколько угодно русскихъ въ томъ, что они рабы,—а что, если они, въ свою очередь, васъ спросятъ: «А вы? развѣ вы свободны?». Они могутъ даже прибавить, что Европа станетъ свободною только черезъ раскрѣпощеніе Россіи. Вотъ почему, я думаю, было бы полезно немного познакомиться съ этой страной.

Все что знаю о Россіи, я готовъ сообщить. Уже давно у меня возникла мысль о такой работѣ и скоро я исполню свое намѣреніе, такъ какъ намъ столь щедро предоставили досугъ для чтенія и писанія. Эта работа тѣмъ болѣе мнѣ по душѣ, что даетъ средство выразить свою благодарность Россіи и Европѣ. Въ этой работѣ не нужно искать ни апоѳеоза, ни анаѳемы. Я выскажу правду, всю правду, насколько я ее понимаю и знаю, безъ изытаній, безъ предвзятой цѣли. Мнѣ совершенно безразлично, какъ другіе переиначатъ мои слова и какъ ими воспользуются. Я слишкомъ мало имѣю уваженія къ партіямъ, чтобы лгать ради той или другой.

Нѣтъ недостатка въ книгахъ о Россіи, но большая ихъ часть—политическіе памфлеты; они писались не для лучшаго ознакомленія съ этой страной: они служили лишь дѣлу либеральной пропаганды либо въ Россіи, либо въ Европѣ. Цѣль ихъ была пугать Европу и поучать ее картиною русскаго деспотизма. Такимъ же образомъ въ Спартѣ, чтобы внушать ужасъ къ пьянству, выводили пьяныхъ илотовъ на показъ.

Въ противовѣсъ памфлетамъ и позорящимъ разоблаченіямъ русское правительство организовало полуофициальную прессу, которой поручено хвалить его и лгать въ его пользу. Такъ, въ буржуазной республикѣ существуетъ одинъ печатный органъ, который, въ своемъ невѣжествѣ, но при наилучшихъ намѣреніяхъ и изъ чувства патріотизма, представляетъ русскихъ народомъ какихъ-то Калибановъ, коснѣющихъ въ грязи и въ пьянствѣ, съ мелкими, приплюснутыми лбами, мѣшающими развитію умственныхъ способно-

стей, и безъ всякихъ страстей, кромѣ тѣхъ, которыя внушаются яростью винныхъ паровъ.

Съ другой стороны, есть нѣмецкая газета, оплачиваемая австрійскимъ дворомъ, которая печатаетъ письма о Россіи; въ нихъ оправдываютъ и восхваляютъ всѣ гнусности русскаго правительства, изображая его самымъ сильнымъ и самымъ національнымъ. Эти преувеличенія переходятъ затѣмъ въ десяткохъ другихъ газетъ и служатъ основой для сужденій, высказываемыхъ потомъ о Россіи.

Правду сказать, восемнадцатый вѣкъ удѣлялъ Россіи вниманіе, болѣе серьезное и глубокое, чѣмъ это дѣлаетъ девятнадцатый,— можетъ, потому что онъ меньше боялся ея могущества. Тогда у серьезныхъ людей наблюдался дѣйствительный интересъ къ изученію новаго государства, показавшагося внезапно передъ Европой въ лицѣ царя-плотника и потребовавшаго своей доли въ европейской наукѣ и политикѣ.

Петръ I, въ своей грубой унтеръ-офицерской формѣ, со своею энергичною дикостью смѣло воспользовался подчиненною ему администраціею въ ущербъ разслабленной аристократіи. Онъ былъ такъ наивно грубъ, такъ полонъ будущаго, что современные философы съ жадностью бросились изучать его и его народъ. Они хотѣли объяснить себѣ, какимъ образомъ такое государство развилось безъ шума, совсѣмъ иными путями, сравнительно съ европейскими странами; они хотѣли углубиться въ изученіе началъ, изъ которыхъ сложилась могучая организація этого народа.

Такіе люди, какъ Миллеръ ¹⁾, Шлоссеръ ²⁾, Эверсъ ³⁾, Левекъ ⁴⁾, посвятили часть своей жизни изученію исторіи Россіи, какъ историки, съ такими же научными приѣмами, какіе въ области физики примѣняли Палласъ и Гмелинъ. Съ своей стороны, философы и публицисты съ любопытствомъ всматривались въ современную имъ Россію, въ существованіе правительства, которое, являясь одновременно деспотическимъ и революціоннымъ, направляло свой народъ, не будучи имъ увлеченнымъ.

Они видѣли, что престолъ, основанный Петромъ I, представлялъ мало аналогіи съ феодальными и традиціонными тронами Европы. Усилія же Екатерины II принудительно пересадить въ русское законодательство принципы Монтескье и Беккарія, изгнанные почти изъ всей Европы, ея переписка съ Вольтеромъ, ея сношенія съ Дидро,— все это лишь укрѣпляло въ ихъ глазахъ реальность этого факта.

¹⁾ Герардъ-Фридрихъ, историографъ и академикъ.

²⁾ Фридрихъ-Христофоръ, извѣстный историкъ.

³⁾ Иоганнъ-Филиппъ, историкъ-юристъ.

⁴⁾ Пьеръ-Шарль, франц. историкъ.

Два раздѣла Польши были первымъ позоромъ, который запятналъ Россію. Европа не поняла всего значенія этого событія, потому что была тогда отвлечена другими заботами. Она присутствовала, — вытянувъ шею, едва дыша, — при великихъ событіяхъ, которыми проявлялась уже французская революція. Русская императрица вмѣшалась въ этотъ вихрь и предложила заколебавшемуся міру свою помощь. Походъ Суворова въ Швейцарію и Италію не имѣлъ совершенно никакого смысла, — онъ могъ лишь возстановить общественное мнѣніе противъ Россіи.

Сумасбродная эпоха нелѣпыхъ войнъ, которую французы и до сихъ поръ называютъ временемъ своей славы, окончилась вмѣстѣ съ ихъ нашествіемъ въ Россію; это было заблужденіе генія, какъ и египетская кампанія. Бонапарту благоугодно было явить себя міру стоящимъ на грудѣ труповъ. Къ славѣ пирамидъ онъ захотѣлъ присоединить славу Москвы и Кремля. На этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха; онъ поднялъ противъ себя цѣлый народъ, который рѣшительно схватился за оружіе, перешелъ за нимъ слѣдомъ черезъ Европу и взялъ Парижъ.

Судьба этой части свѣта была нѣсколько мѣсяцевъ въ рукахъ императора Александра, но онъ не сумѣлъ воспользоваться ни своей побѣдой, ни своимъ положеніемъ; онъ поставилъ Россію подъ то же знамя, что и Австрію, точно у этой гнилой и умирающей имперіи было что-нибудь общее съ молодымъ государствомъ, которое только что явило себя во всемъ своемъ великолѣпіи, точно самый энергичный представитель славянскаго міра могъ имѣть тѣ же интересы, что и самый ярый угнетатель славянъ.

Этимъ чудовищнымъ союзомъ съ европейской реакціей Россія, лишь только-что возвеличившаяся своими побѣдами, унизилась въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Они печально покачали головами, увидѣвъ, что страна, которая въ первый разъ показала свою силу, предлагаетъ тотчасъ же свою руку и помощь всему тому, что было самага консервативнаго и реакціоннаго, — и это въ протівность своимъ интересамъ.

Недоставало только жестокой борьбы Польши, чтобы возстановить рѣшительно всѣ націи противъ Россіи. Когда благородные и несчастные остатки польской революціи, скитаясь по всей Европѣ, распространили извѣстія объ ужасныхъ жестокостяхъ побѣдителей, со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ раздалась громкая анаеема противъ Россіи. Гнѣвъ народовъ былъ справедливъ...

Краснѣя за нашу слабость и безсиліе, мы понимали, что наше правительство только-что сдѣлало нашими руками, и наши сердца

источали кровь отъ боли, и наши глаза наполнялись горькими слезами.

Каждый разъ, какъ мы встрѣчали поляка, у насъ не было мужества поднять на него глаза. Однако, я не знаю, справедливо ли обвинять цѣлый народъ,—справедливо ли выдѣлять одинъ лишь народъ изъ семьи всѣхъ остальныхъ народовъ,—и считать его одного отвѣтственнымъ за то, чтó совершило его правительство.

Развѣ Австрія и Пруссія не помогали ей въ этомъ? Развѣ Франція, фальшивая дружба которой причинила Польшѣ столько же зла, сколько явная ненависть другихъ народовъ,—не выпрашивала въ то же время всѣми способами благосклонность петербургскаго двора? А Германія—не находилась ли уже тогда добровольно по отношенію къ Россіи въ томъ же положеніи, въ какомъ насильно поставлены теперь Молдавія и Валахія? не управлялась ли она тогда, какъ и теперь, русскими уполномоченными и тѣмъ проконсуломъ царя, который носитъ титулъ короля Пруссіи?

Одна Англія благородно себя держитъ на ногѣ дружественной независимости, но и она ничего не сдѣлала для поляковъ; можетъ, она думала о собственныхъ своихъ несправедливостяхъ передъ Ирландіей? Не менѣе ненависть и упреки заслужило русское правительство; однако, я утверждаю, что эта ненависть должна пасть и на всѣ остальные правительства, потому что не надо ихъ отдѣлять одно отъ другого: это—лишь варіаціи одной и той же темы.

Послѣднія событія насъ многому научили; *порядокъ*, восстановленный въ Польшѣ, и взятіе Варшавы ¹⁾ отодвинулись на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ *порядокъ* царствуетъ въ Парижѣ ²⁾ и Римъ взятъ, съ тѣхъ поръ, какъ прусскій принцъ ежедневно производитъ новые разстрѣлы, и старая Австрія, по колѣно въ крови, старается омолодить въ ней свои парализованные члены.

Прошло уже время, чтобы привлечь вниманіе только на Россію и казаковъ. Пророчество Наполеона потеряло смыслъ; быть можетъ, стало уже возможнымъ быть одновременно и республиканцемъ и казакомъ. Но есть вещь, явно невозможная, это—быть заразъ республиканцемъ и бонапартистомъ. Честь молодымъ полякамъ! Они, обиженные и ограбленные; у которыхъ русское правительство отняло отечество и имущество, они первые протянули руку русскому народу; они отдѣлили дѣло народа отъ дѣла правительства. Если поляки были въ состояніи укротить свою ненависть

¹⁾ Намекъ на историческую фразу: «L'ordre règne à Varsovie», которую французское правительство отвѣтило въ парламентѣ на запросъ оппозиціи о польскомъ возстаніи.

²⁾ Послѣ юньскихъ дней 1848 года.

по отношенію къ русскимъ, то другіе народы также смогутъ обуздать свой паническій ужасъ передъ Россіей.

Но вернемся къ сочиненіямъ о Россіи. За послѣдніе годы появились только двѣ важнаго значенія работы: путешествіе Кюстина (1842) ¹⁾ и Гакстгаузена ²⁾ (1847) ³⁾.

Книга Кюстина перебывала во всѣхъ рукахъ,—она выдержала пять изданій; книга Гакстгаузена, наоборотъ, очень мало извѣстна, потому что посвящена спеціальному предмету. Эти двѣ работы особенно замѣчательны не своей противоположностью, но тѣмъ, что рисуютъ двѣ стороны, изъ которыхъ слагается русская жизнь. Кюстинъ и Гакстгаузенъ рассказываютъ разное, потому что говорятъ о разныхъ вещахъ. Каждый изъ нихъ обращается въ различныхъ сферахъ, но между ними нѣтъ противорѣчія. Все равно, какъ одинъ описывалъ бы климатъ Архангельска, а другой—Одессы: ни одинъ изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ Россіи.

Кюстинъ, по легкомыслію, допустилъ много ошибокъ; изъ любви къ фразамъ онъ впалъ въ огромныя преувеличенія, какъ въ сторону хвалы, такъ и осужденія, но все же онъ хорошій и добросовѣстный наблюдатель. Прежде всего онъ отдается первому впечатлѣнію и никогда не поправляетъ разъ высказаннаго сужденія. Книга его поэтому кишитъ противорѣчіями, но именно эти-то противорѣчія, не скрывая правды отъ внимательнаго читателя, пока-

¹⁾ Marquis de Custine, «La Russie en 1839», Paris, 1843.

²⁾ Baron Aug. V. Haxthausen, «Studien über die inneren Zustände und das Volksleben und ins besondere die ländlichen Einrichtungen Russlands», Hannover, 1847.

³⁾ Само собою разумѣется, что мы не касаемся здѣсь статей о Россіи, которыя печатаются тамъ и сямъ въ разныхъ газетахъ. За исключеніемъ указанныхъ работъ, мы не знаемъ ничего, что представляло бы нѣчто полное и цѣлое. Есть, конечно, прекрасныя замѣчанія въ «Зоологическомъ путешествіи» Блазіуса ⁰⁾, въ «Этюдахъ по русской литературѣ» Кёнига ⁰⁰⁾. Можно похвалить нѣкоторыя мѣста въ хладнокровныхъ компиляціяхъ Шнитцлера ⁰⁰⁰⁾, которыя не лишены официальнаго вліянія... Но всякіе тайны, секреты, воспоминанія дипломатовъ и проч.,—все это совершенно не принадлежитъ къ области серьезной литературы.

Книга Гакстгаузена вышла на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ.—А. И. Г.

⁰⁾ J. H. Blasius und A. Keyserling, «Reise im europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841», Braunschweig, 1844.

⁰⁰⁾ H. König, «Litterarische Bilder aus Russland», Stuttgart, 1837; книга написана съ помощью Н. А. Мельгунова.

⁰⁰⁰⁾ Іоганнъ-Генрихъ, историкъ и журналистъ, написавшій о Россіи нѣсколько сочиненій.

зываютъ ему ее съ разныхъ сторонъ. Будучи самъ легитимистомъ и иезуитомъ, онъ прїѣхалъ въ Россію, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ монархическимъ установленіямъ; уѣзжая же онъ проклинаетъ и - - - - - , и зараженную - - - - - окружающую атмосферу.

Путешествіе, очевидно, принесло пользу Кюстину.

Въ началѣ, по прїѣздѣ въ Россію онъ самъ не стоитъ больше тѣхъ придворныхъ, въ которыхъ мечетъ стрѣлы своей сатиры, если только не вмѣнить ему въ достоинство, что онъ добровольно взялъ на себя роль, которую тѣ исполняли по обязанности.

Я думаю, что ни одинъ придворный не подчеркивалъ въ такомъ приподнятомъ тонѣ каждое слово, каждый жестъ императрицы, не говорилъ такъ много объ ея кабинетѣ и костюмѣ, объ ея *остроуміи* и *любезности*; никто такъ часто не повторялъ императору, что онъ болѣе великъ, чѣмъ его народъ (Кюстинъ зналъ тогда русскій народъ только по петербургскимъ извозчикамъ), болѣе великъ, чѣмъ Петръ I; что Европа не оцѣнила его по справедливости; что онъ — великій поэтъ, и его стихотворенія трогаютъ Кюстина до слезъ.

Попавъ въ придворную среду, Кюстинъ не покидаетъ ее; онъ не выходитъ изъ переднихъ и удивляется, что находитъ въ нихъ только лакеевъ. Онъ обращается къ придворнымъ за свѣдѣніями, но тѣ знаютъ, что онъ писатель, боятся его болтовни, и обманываютъ его. Кюстинъ негодуетъ; онъ сердится и во всемъ обвиняетъ русскій народъ. Онъ ѣдетъ въ Москву, въ Нижній-Новгородъ, но всюду онъ въ Петербургѣ, всюду окружаетъ его петербургская атмосфера, которая окрашиваетъ всѣ видѣнныя имъ вещи въ однообразный цвѣтъ.

Только на почтовыхъ станціяхъ, во время перепряжки лошадей, онъ бросаетъ бѣглые взгляды на народную жизнь; тутъ онъ дѣлаетъ отличныя замѣчанія: онъ предсказываетъ народу колоссальное будущее; онъ не можетъ надивиться красотѣ и проворству крестьянъ; онъ говоритъ, что чувствуетъ себя въ Москвѣ гораздо свободнѣе, что воздухъ тамъ менѣе тяжелый, и люди довольнѣе.

Онъ говоритъ и, —нисколько не заботясь о томъ, чтобы привести въ согласіе свои прежнія замѣчанія съ послѣдними, —нисколько не удивляясь, находя у одного и того же народа противоположныя качества, — прибавляетъ: «Россія страстно любитъ рабство», а въ другомъ мѣстѣ: «Этотъ народъ такъ величавъ, что даже въ порокахъ своихъ полонъ силы и граціи».

Кюстинъ не только пренебрегаетъ образомъ жизни русскаго

народа (онъ отъ этой темы всегда отдалялся), но онъ также ничего не узналъ о литературномъ и ученомъ мірѣ, болѣе близкомъ къ нему; умственное движеніе въ Россіи онъ зналъ почти такъ же мало, какъ его придворные друзья, которые даже не подозрѣвали, что существуютъ русскія книги и что кто-нибудь читаетъ ихъ; даже о Пушкинѣ онъ услышалъ случайно и то лишь по поводу его дуэли.

«Поэтъ безъ инициативы»,—отзывается о немъ бравый маркизъ и, забывъ, что говорить не о французяхъ, прибавляетъ: «Русскіе вообще не способны ясно понимать что-нибудь глубокое и философское». Можно ли послѣ этого удивляться, что Кюстинъ кончаетъ свою книгу совершенно такъ же, какъ началъ: словами о томъ, что въ Россіи царскій дворъ составляетъ все.

Откровенно говоря, онъ совершенно правъ по отношенію къ тому міру, который онъ избралъ центромъ своей дѣятельности и самъ такъ удачно называетъ «міромъ фасадовъ». Онъ виноватъ, конечно, въ томъ, что не захотѣлъ ничего увидѣть позади этихъ фасадовъ, и можно, до нѣкоторой степени, упрекать его за то, потому что онъ много разъ повторяетъ въ своей книгѣ, что будущее Россіи велико, что чѣмъ больше онъ знакомится съ Россіей, тѣмъ сильнѣе дрожитъ за Европу, что видитъ въ ней власть, растущую въ силѣ и надвигающуюся на ту часть свѣта, которая слабѣетъ съ каждымъ днемъ.

Поэтому, мы были бы въ правѣ,—именно вслѣдствіе его предсказаній,—требовать отъ него болѣе глубокаго изученія русскаго народа, но, тѣмъ не менѣе, должны признать, что если онъ пренебрегъ двумя третями русской жизни, то прекрасно понялъ ея послѣднюю треть и мастерски охарактеризовалъ ее во многихъ мѣстахъ.

Что бы ни говорила автократія петербургскаго двора, она должна признать, что портретъ ея, въ главныхъ чертахъ, удивительно похожъ.

Кюстинъ самъ чувствовалъ, что изучилъ только правительственную Россію, Россію петербургскую. Эпиграфомъ къ книгѣ онъ беретъ фразу изъ Библии: «Какоев князь города, таковы и горожане». Но эти слова не подходятъ къ современной Россіи. Пророкъ могъ это сказать о евреяхъ своего времени, какъ теперь каждый можетъ сказать объ Англіи,—Россія еще не оформилась. Петербургскій періодъ былъ въ свое время необходимой революціей, но эта необходимость теперь пошла уже на ущербъ.

II.

Нельзя найти чего-нибудь болѣе противоположнаго блестящему и легковѣсному маркизу де Кюстинъ, чѣмъ флегматичнаго вестфальскаго агронома, барона Гакстгаузена, консерватора, ученаго стараго закала и самаго благосклоннаго наблюдателя. Гакстгаузенъ прїѣхалъ въ Россію съ такою цѣлью, которая еще никого не привлекала. Онъ хотѣлъ досконально изучить нравы русскихъ крестьянъ. Давно занимаясь сельскою экономіей въ Германіи, онъ неожиданно встрѣтилъ нѣкоторые остатки общинныхъ учрежденій у славянъ; они тѣмъ болѣе заинтересовали его, что онъ нашелъ ихъ совершенно противоположными всѣмъ другимъ учрежденіямъ того же рода въ своемъ отечествѣ.

Это открытіе поразило его до такой степени, что онъ прїѣхалъ въ Россію, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать сельскія общины. Наученный съ дѣтства, что всякая власть исходитъ отъ Бога, и привыкшій съ самыхъ юныхъ лѣтъ чтить всякое правительство, Гакстгаузенъ, храня политическія идеи временъ Пуффендорфа ¹⁾ и Гуго Гроція ²⁾, не могъ не восхищаться петербургскимъ дворомъ. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ силой, у которой имѣется шестьсотъ тысячъ солдатъ для защиты и девять тысячъ верстъ для своихъ ссыльныхъ. Удивленный и подавленный страшной величиной этой автократіи, онъ, къ счастью, скоро покинулъ Петербургъ, прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ и затѣмъ скрылся на цѣлый годъ.

Весь этотъ годъ Гакстгаузенъ употребилъ на глубокое изученіе сельской общины въ Россіи. Результатъ его изслѣдованій былъ не совсѣмъ похожъ на выводы Кюстина. Въ самомъ дѣлѣ, по его словамъ, «все» въ Россіи—сельская община. Здѣсь, по мнѣнію барона,—ключъ къ прошлому Россіи и зародышъ ея будущаго, здѣсь—живительная монада русскаго государства. Каждая сельская община въ Россіи, — говоритъ онъ, — представляетъ собой маленькую республику, которая сама управляетъ своими внутренними дѣлами и не знаетъ ни личной земельной собственности, ни пролетаріата и которая возвела на ступень давно совершившагося факта нѣкоторую часть социалистическихъ утопій: здѣсь иначе не умѣютъ жить, да никогда иначе и не жили.

¹⁾ Самуиль, нѣмецкій юристъ XVII вѣка; считается основателемъ теоріи новаго періода государственнаго права.

²⁾ Нидерландскій юристъ и дипломатъ XVI — XVII в., авторъ знаменитой въ свое время книги: «О правѣ войны и мира».

Я совершенно раздѣляю мнѣніе Гакстгаузена, но думаю, что сельская община—еще не «все» въ Россіи. Гакстгаузенъ, дѣйствительно, уловилъ живительный принципъ русскаго народа, но, по своей природной склонности ко всему патріархальному и лишенный всякаго критическаго чутья, онъ не замѣтилъ, что именно отрицательная сторона общинной жизни и вызвала петербургскую реакцію. Если бы въ общинѣ не было полного поглощенія личности, то не могло бы образоваться то самодержавіе, о которомъ Кюстинъ говоритъ съ такимъ - - - - - ужасомъ.

Мнѣ кажется, что въ русской жизни есть нѣчто, болѣе возвышенное, чѣмъ община, и болѣе сильное, чѣмъ власть; это «нѣчто» трудно выразить словами и еще труднѣе указать на него пальцемъ. Я говорю о той внутренней, не вполнѣ сознающей себя, силѣ, которая такъ удивительно поддерживала русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ кнутомъ татарина и западной розгой капрала,—я говорю о той внутренней силѣ, благодаря которой, несмотря на унижительную дисциплину рабства, русскій крестьянинъ сохранилъ открытое красивое лицо и живой умъ, и которая на императорскій приказъ ввести цивилизацію отвѣтила, спустя столѣтіе, колоссальнымъ явленіемъ Пушкина; я говорю, наконецъ, о той силѣ и той вѣрѣ въ себя, которыя волнуютъ нашу грудь. Сила эта, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ случайностей и несмотря на нихъ, сохранила русскій народъ и покровительствовала его непоколебимой вѣрѣ въ себя. Зачѣмъ?.. Это выяснитъ время.

«Русскія сельскія общины и республика, славянскія деревни и соціальныя установленія». Эти слова, такимъ образомъ сопоставленныя, странно звучатъ для читателей Гакстгаузена. Многіе, я увѣренъ, спросятъ, въ своемъ ли умѣ былъ вестфальскій агрономъ?—и, однако, Гакстгаузенъ совершенно правъ: соціальное устройство сельскихъ общинъ въ Россіи есть истина столь же огромная, какъ и могучая славянская организація политической системы. Это странно!.. Но развѣ еще не болѣе странно, что рядомъ съ европейскими границами цѣлыхъ тысячу лѣтъ жилъ народъ, насчитывающій пятьдесятъ милліоновъ душъ, и образъ жизни котораго оказался въ девятнадцатомъ столѣтіи неслыханной новостью для Европы?

Русская сельская община существуетъ съ незапамятныхъ временъ, и схожія формы находятся у всѣхъ славянскихъ народностей. Тамъ, гдѣ ея нѣтъ, она пала подъ германскимъ вліяніемъ. У сербовъ; у болгаръ и у черногорцевъ она сохранилась въ еще болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ Россіи. Сельская община является, такъ сказать, представительницей соціальнаго единства, моральной

личности, и государство не должно было переступать этой границы; община является и собственникомъ земли, и облагаемымъ субъектомъ; она отвѣчаетъ за всѣхъ своихъ членовъ и каждого и потому самодержавна во всемъ, что касается ея внутреннихъ дѣлъ.

Ея экономическій принципъ является совершенной антитезой знаменитому предложенію Мальтуса: она позволяетъ всѣмъ, безъ исключенія, садиться за ея столъ. Земля принадлежитъ общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ въ частности, а они, въ свою очередь, пользуются нерушимымъ правомъ имѣть столько же земли, сколько ея у всякаго другого члена той же общины. Земля дается члену общины въ пожизненное владѣніе; онъ не имѣетъ права, — да и нѣтъ никакой нужды, — передавать ее по наслѣдству. Его сынъ, по достиженіи совершеннолѣтія, получаетъ право, даже при жизни отца, требовать отъ общины свою долю земли. Если у отца много дѣтей — тѣмъ лучше, потому что они получаютъ отъ общины тѣмъ большую долю земли, по смерти же каждого члена семьи его надѣлъ возвращается въ общину.

Часто случается, что дряхлые старики возвращаютъ свою землю и тѣмъ освобождаются отъ платежа налоговъ. Крестьянинъ, временно оставляющій общину, не теряетъ своихъ правъ на землю. Только изгнаніемъ изъ общины можно отнять землю у крестьянина, но для этого требуется единогласное рѣшеніе мірскаго схода, и община прибѣгаетъ къ такой крайности лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Наконецъ, крестьянинъ еще тогда теряетъ свое право на землю, когда онъ, по собственному желанію, выходитъ изъ общины. Въ этомъ случаѣ ему разрѣшается взять съ собой движимое имущество, но рѣдко позволяютъ располагать своимъ домомъ или перенести его. Въ силу этого сельскій пролетаріатъ невозможенъ.

Каждый изъ владѣющихъ землею, т. е. каждый, совершеннолѣтній и платящій подати крестьянинъ, имѣетъ голосъ въ дѣлахъ общины. Староста и его помощники избираются на общемъ собраніи. Такъ же поступаютъ и для того, чтобы рѣшать тяжбы между разными общинами, чтобы дѣлить землю и распредѣлять налоги. (Облагается именно земля, а не лицо; правительство считаетъ только число душъ; если при этомъ оказывается несоотвѣтствіе или дефицитъ, то община дополняетъ особымъ сборомъ и податной единицей беретъ активнаго работника, т. е. работника, который обрабатываетъ свою землю).

Староста имѣетъ большое вліяніе на каждого члена въ отдѣльности, но не на общину; если только послѣдняя хорошо объединена, она можетъ легко противодѣйствовать власти этого пред-

сѣдателя общины и даже лишить его должности, если онъ не захочетъ подчиниться желаніямъ общинниковъ. Кругъ его дѣйствій, впрочемъ, исключительно административный; всѣ вопросы, переходящіе за черту полицейскаго вѣдѣнія, разрѣшаются или согласно установившимся обычаямъ, или сообща съ совѣтомъ стариковъ, или, наконецъ, общимъ собраніемъ. Гакстгаузенъ сдѣлалъ большую ошибку, утверждая, что староста деспотически управляетъ ею. Онъ можетъ дѣйствовать деспотически только тогда, когда вся община за него.

Эта ошибка заставила Гакстгаузена видѣть въ старостѣ образъ императорской власти. Императорская власть, создавшаяся московской централизаціей и петербургской реформой, не имѣетъ противовѣса, тогда какъ власть старосты, какъ въ до-московскій періодъ, зависитъ отъ самой общины.

Нужно еще принять во вниманіе, что всякій русскій, не приписанный къ городу или дворянству, долженъ принадлежать къ общинѣ, число же городскихъ жителей по отношенію къ сельскому населенію весьма ограничено. Большинство городскихъ рабочихъ принадлежитъ къ бѣднымъ сельскимъ общинамъ, особенно къ тѣмъ, у которыхъ мало земли, но, какъ уже было выше указано, оно не теряетъ своихъ правъ въ общинѣ; поэтому фабриканты должны, по необходимости, платить имъ немного больше, чѣмъ дала бы имъ своя сельская работа.

Часто рабочіе приходятъ въ города только на зиму, другіе живутъ въ нихъ по нѣсколько лѣтъ. Послѣдніе образуютъ между собою большіе рабочіе союзы ¹⁾; это—своего рода подвижная русская община. Онѣ переходятъ изъ города въ городъ (въ Россіи всѣ ремесла свободны), и число ихъ членовъ часто доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ, а иногда и тысячъ. Такъ обстоитъ, напри- мѣръ, съ плотниками и каменщиками въ Петербургѣ и въ Москвѣ и съ ямщиками на большихъ дорогахъ. Ихъ заработкомъ завѣдуютъ особо выбранныя лица и распредѣляютъ его, согласно общему желанію всѣхъ членовъ.

Нужно прибавить, что треть русскихъ крестьянъ принадлежитъ дворянамъ. Помѣщичьи права составляютъ позорное бѣдствіе, тяготящее надъ значительною частью русскаго народа; эти права—явленіе тѣмъ болѣе позорное, что они совершенно не узаконены и явились плодомъ безнравственнаго фактическаго соглашенія дворянства съ правительствомъ, которое не только терпитъ обманъ, но и поддерживаетъ его силой своихъ штыковъ. Но это

¹⁾ Артели.

положеніе, несмотря на наглый произволъ помѣщиковъ, не оказываетъ большого вліянія на общину.

Помѣщикъ можетъ дать крестьянамъ лишь минимумъ земли; онъ можетъ выбрать для себя лучшую почву, онъ можетъ увеличивать свое имѣніе и тѣмъ самымъ трудъ крестьянина, можетъ увеличивать оброки, но онъ не можетъ отказать крестьянину въ достаточномъ количествѣ земли, и земля, принадлежащая общинѣ, остается въ полномъ ея вѣдѣніи, совершенно такъ же, какъ и ея свободныя земли. Помѣщикъ никогда не вмѣшивается въ земельныя дѣла общины.

Были помѣщики, желавшіе ввести европейскую систему и подворное владѣніе землею, обративъ надѣлы въ частную собственность. Эти попытки дѣлались, главнымъ образомъ, дворянами прибалтійскихъ губерній, но онѣ не имѣли успѣха и кончались обыкновенно убійствомъ помѣщиковъ или поджогомъ ихъ замковъ, — таково національное средство, къ которому прибѣгаетъ русскій крестьянинъ, чтобы выразить свой протестъ ¹⁾). Наоборотъ, колонисты изъ иностранцевъ часто перенимаютъ русскія общинныя установленія. Въ Россіи невозможно уничтожить сельскую общину, если только правительство не рѣшится на ссылку или казнь цѣлыхъ милліоновъ своихъ подданныхъ.

Страшная исторія введенія военныхъ поселеній показала, что такое русскій крестьянинъ, когда его настигаютъ въ его послѣднемъ укрѣпленіи. Когда либеральный Александръ взялъ штурмомъ деревни, отчаяніе крестьянъ достигло степени трагической ярости: они умерщвляли своихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ нелѣпыхъ учрежденій, введенныхъ штыками и картечью. Правительство, взбѣшенное такимъ сопротивленіемъ, преслѣдовало этихъ героическихъ людей, засѣкало ихъ до смерти и, все же, несмотря на всѣ эти жестокости и ужасы, ничего не добилось. Кровавый бунтъ въ Старой-Руссѣ 1831 г. показалъ, какъ трудно одолѣть русскаго крестьянина. Подавивъ возстаніе, правительство должно было уступить необходимости и удовольствоваться названіемъ ²⁾), за невозможностью добиться полного ихъ фактическаго осуществленія.

¹⁾ Изъ документовъ, опубликованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, видно, что каждый годъ, даже до революціи 1848 года, крестьяне убивали отъ 60 до 70 помѣщиковъ. Развѣ это не постоянный протестъ противъ незаконной власти этихъ помѣщиковъ? ^{o)}—А. И. Г.

²⁾ Военныхъ поселеній.

^{o)} Герценъ не могъ не знать, что на самомъ дѣлѣ эта цифра была значительно больше, но предпочелъ опереться на официальный минимумъ.

Вотъ почему переворотъ, произведенный Петромъ I, былъ такъ равнодушно принятъ крестьянами и встрѣтилъ такъ мало сопротивленія: онъ прошелъ надъ ихъ головами. Правительство начинаетъ принимать общія мѣры по отношенію къ крестьянамъ только съ тѣхъ поръ, какъ въ 1838 г. было образовано министерство государственныхъ имуществъ. Совсе не плохая была идея—немного встряхнуть общину, потому что сельская жизнь, какъ всякій коммунизмъ, совершенно поглощаетъ личность.

Человѣкъ, привыкшій во всемъ опираться на общину, чувствуетъ себя растеряннымъ, когда отдѣлится отъ нея; онъ становится слабымъ, не находитъ въ себѣ ни силы, ни энергіи для противодѣйствія. При малѣйшей опасности онъ спѣшитъ укрыться подъ защиту этой матери, которая держитъ, такимъ образомъ, всѣхъ своихъ дѣтей въ постоянномъ несовершеннѣйшій и требуетъ отъ нихъ пассивной покорности. Слишкомъ мало движенія въ общинѣ; извнѣ она не получаетъ никакихъ толчковъ, которые побуждали бы ее къ развитію. Нѣтъ ни конкуренціи, ни внутренней борьбы, которая вызывала бы разнообразіе и движеніе; давая человѣку его долю земли, она освобождаетъ его отъ всѣхъ заботъ.

Общинное устройство усыпило русскій народъ, и сонъ становился съ каждымъ днемъ все глубже, пока, наконецъ, Петръ I грубо не разбудилъ часть націи. Онъ искусственно вызвалъ нѣчто въ родѣ борьбы и антагонизма; въ этомъ, именно, заключается провиденціальное назначеніе петербургскаго періода.

Съ теченіемъ времени антагонизмъ естественно укоренился. Наше счастье, что мы такъ мало спали; едва очнувшись, мы оказались лицомъ къ лицу съ Европой. И вотъ, нашъ образъ жизни, естественный, полудикій, больше соотвѣтствуетъ идеалу, о которомъ мечтаетъ Европа, чѣмъ укладъ цивилизованнаго германо-романскаго міра; то, что является для Европы только надеждой, къ которой направлены ея усилія, составляетъ фактъ, съ которымъ мы выступаемъ; мы, угнетенные - - - - - абсолютизмомъ, идемъ навстрѣчу социализму, какъ древніе германцы, почитатели Тора и Одина, предшествовали христіанству.

Говорятъ, что всѣ дикіе народы также начали съ подобной общины, что и у германцевъ она достигала полнаго развитія, но всюду должна была исчезнуть при развитіи цивилизаціи. Отсюда заключаютъ, что та же участь ждетъ русскую общину, но я не вижу основанія, чтобы Россія должна была непремѣнно пройти черезъ всѣ фазы европейскаго развитія, и тѣмъ болѣе не понимаю, почему будущая цивилизація должна подчиняться всѣмъ тѣмъ же условіямъ развитія, что и прошлая.

Германская община пала передъ двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмомъ и римскимъ правомъ. Къ счастью, мы, русскіе, являемся со своей общиной въ такую эпоху, когда противоб-общинная цивилизація совершенно не въ состояніи, по своимъ основнымъ началамъ, отдѣлаться отъ противорѣчія между правомъ личнымъ и правомъ социальнымъ. Почему Россія должна теперь потерять свою сельскую общину, если она сохранила ее во все время своего политическаго развитія, если она сберегла ее подъ тяжелымъ игомъ московскаго *царизма*, какъ и подъ европейскимъ самовластьемъ - - -
- - - ?

Россіи гораздо легче отдѣлаться отъ администраціи, созданной насильно и не имѣющей никакихъ корней въ народѣ, чѣмъ отказаться отъ общины, но,—говорять,—постоянный раздѣлъ земли, при непрерывномъ приростѣ населенія, доведетъ общинную жизнь до естественнаго предѣла или конца. Какъ бы ни казалось серьезнымъ такое замѣчаніе, чтобы его уничтожить, достаточно вспомнить, что у Россіи хватить земли еще на цѣлое столѣтіе, а за сто лѣтъ жгучій вопросъ о собственности и владѣніи землею будетъ такъ или иначе разрѣшенъ. Болѣе того: раскрѣпощеніе дворянскихъ помѣстій, возможность переходить изъ одной малонаселенной губерніи въ другую, густо населенную, также представляютъ собою еще большіе ресурсы.

Многіе,—и среди нихъ Гакстаузенъ,—говорять, что, вслѣдствіе неустойчивости земельныхъ надѣловъ, не совершенствуется обработка земли; временный владѣлецъ земли, ища только немедленной выгоды, не заботится о ней и не вкладываетъ въ нее капитала... Весьма можетъ быть, но агрономы-любители забываютъ, что улучшение земледѣлія, при западной системѣ землевладѣнія, оставляетъ бѣольшую часть населенія безъ куска хлѣба, и я не думаю, чтобы сама агрономія считала будущее благополучіе немногихъ фермеровъ и развитіе земледѣлія, какъ искусства, справедливою компенсаціею того ужаснаго положенія, въ которое впадаетъ голодный пролетаріатъ.

Духъ общиннаго строя издавна проникъ во всѣ области русской народной жизни. Города также представляли своего рода общины: въ нихъ городскія дѣла вѣдали городскіе сходы; меньшинство или соглашалось съ большинствомъ, или, не желая подчиняться, сражалось съ нимъ; часто оно совсѣмъ уходило изъ города; бывали примѣры, что оно совершенно уничтожалось.

Въ этомъ непреклонномъ меньшинствѣ можно узнать гордое veto польскихъ магнатовъ. Княжеская власть лишена была возмож-

ности усиливаться въ виду независимости суда, состоявшаго изъ выборныхъ судей, творившихъ правосудіе словесно и по внутреннему убѣжденію, свободныхъ общихъ собраній горожанъ и при отсутствіи постоянного войска; это станетъ въ особенности понятно, если вспомнить, до какой степени ограничены были жизненные потребности народа, преданнаго земледѣлію. Конецъ этому порядку вещей положила московская централизація: Москва была для Россіи первымъ Петербургомъ. Московскіе великіе князья, перемѣнивъ свой титулъ на царя всея Россіи стремились совсѣмъ къ иной власти, чѣмъ та, которой довольствовались ихъ предшественники.

Ихъ увлекалъ примѣръ: они были свидѣтелями могущества греческихъ императоровъ въ Византіи и монгольскихъ хановъ въ главной ордѣ Тамерлана, извѣстной подъ именемъ *Золотой Орды*. И фактически въ своемъ развитіи царская власть переняла характеръ той и другой изъ указанныхъ державъ. Съ каждымъ шагомъ московскихъ царей на пути къ деспотизму власть народа ослабѣвала. Общественная жизнь сжалась, оскудѣла во всѣхъ слояхъ, лишь сельская община удержалась въ своей скромной области.

Роковой характеръ эпохи, послѣдовавшей за царствованіемъ Петра, далъ себя вполнѣ почувствовать лишь тогда, когда московскіе цари осуществили свою централизацію, такъ какъ существенное значеніе московской централизаціи сводилось къ тому, что она объединила могучее цѣлое изъ разныхъ частей прежняго федерализма русскихъ княжествъ, изъ людей одной расы, связанной кровными узами; дальше же она не могла пойти, потому что, въ сущности, не знала точно, почему и съ какой цѣлью объединяла всѣ эти разбросанныя части. Здѣсь вскрылась жалкая сторона главной идеи московскаго періода: онъ самъ не зналъ, куда его приведетъ политическая централизація.

Пока были поводы для внѣшней дѣятельности, какъ борьба съ татарами, литовцами и поляками, внутреннія силы централизаціи находили себѣ примѣненіе и все распространялись; когда же народъ, послѣ междуцарствія 1612 года, во время котораго онъ обнаружилъ удивительную энергію, вернулся къ покою, правительство застыло въ вялости восточнаго формализма.

Государство, еще полное молодости и силы, покрылось, какъ стоячая вода, зеленоватой пѣной; времена первыхъ Романовыхъ были преждевременной старостью, заснувшей столь тяжелымъ сномъ, что народъ не могъ тогда же окрѣпнуть, оправившись отъ недавнихъ потрясеній. Въ царской Россіи, какъ и въ сельской общинѣ, не было совершенно никакого фермента, никакихъ дрожжей: ни безпокойнаго меньшинства, ни двигательнаго начала. Этотъ фер-

ментъ, эти дрожжи, эта мятежная личность явилась, и явилась на тронѣ.

Петръ I сдѣлалъ безконечно много добра и зла Россіи. Но особенной благодарности онъ заслуживаетъ отъ русскихъ за то, что далъ всей странѣ толчокъ, сообщилъ ей движеніе, которое до сихъ поръ еще продолжается, не замедляясь. Петръ I понялъ скрытую силу своего народа такъ же, какъ и препятствіе, которое мѣшало развитію этой силы. Съ энергіей революціонера и упорствомъ самодержца онъ рѣшилъ совершенно порвать съ прошлымъ: съ нравами, обычаями, законами, однимъ словомъ, со всѣмъ древнимъ политическимъ организмомъ.

Достоинно сожалѣнія, что у Петра I не было передъ глазами иного идеала, кромѣ европейскаго режима. Онъ не понялъ, что все, чему онъ дивился въ европейской цивилизаціи, совершенно не связано съ существовавшими тогда политическими формами, но скорѣе, держалось вопреки имъ; онъ не понялъ, что самыя эти формы были не чѣмъ инымъ, какъ только результатомъ двухъ уже прошлыхъ міровъ, и что на нихъ, какъ и на московскомъ византизмѣ, лежала уже печать смерти.

Политическія формы XVII вѣка были послѣднимъ словомъ монархической централизаціи, послѣднимъ результатомъ Вестфальскаго мира. То было время дипломатіи, канцелярій и казарменнаго режима, начало того холоднаго деспотизма, эгоистическія стремленія котораго не могли быть облагорожены даже гениемъ Фридриха II,—этого прототипа всѣхъ капраловъ, маленькихъ и большихъ.

Эти политическія формы сами дожидались, чтобы исчезнуть, своего Петра I—французскую революцію. Освободившись отъ традицій, побѣдитель послѣдней, Петръ I наслаждался полной свободой. Но душѣ его недоставало генія и творческой силы: его покорила Западъ, и онъ сталъ простымъ его подражателемъ. Ненавидя все въ старой Россіи, хорошее и дурное, онъ подражалъ всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранныхъ формъ, пересаженныхъ имъ въ Россію, была совершенно антипатична духу русскаго народа.

Отъ этого задача его стала еще труднѣе, и притомъ все лишнее не принесло никакой пользы. Пророческимъ инстинктомъ онъ возлюбилъ Россію будущаго; его плѣняла идея могучей русской монархіи, но онъ совершенно не считался съ русскимъ народомъ. Возмущенный всеобщимъ застоємъ и вялостью, онъ захотѣлъ обновить кровь въ жилахъ Россіи и, чтобы произвести это, онъ взялъ кровь, уже старую и испорченную. Кромѣ того, несмотря на

свой темпераментъ революціонера, Петръ I не переставаль оставаться монархомъ. Онъ страстно любилъ Голландію и воспроизводилъ свой милый Амстердамъ на берегахъ Невы, но онъ слишкомъ мало заимствовалъ изъ нидерландскихъ свободныхъ учреждений. Петръ не только не ограничилъ царскую власть, но еще усилилъ ее, предоставивъ ей всѣ средства европейскаго абсолютизма и порвавъ всѣ препоны, которыя до того ставились нравами и обычаями.

Ставъ подъ флагомъ цивилизаціи, Петръ I взялъ, однако, у прошлаго, которое было ему столь противно, кнутъ и Сибирь, чтобы подавить всякую оппозицію, всякое смѣлое слово, всякое фактическое проявленіе свободы.

Представьте себѣ теперь союзъ московскаго *царизма* съ режимомъ нѣмецкихъ канцелярій, съ инквизиторской процедурой, заимствованной изъ прусскаго военнаго кодекса, и вы поймете, почему - - - - - въ Россіи оставила далеко позади деспотизмъ Рима и Византіи.

Сельская Россія съ виду всему подчинилась, на самомъ же дѣлѣ ничего не приняла изъ петровскихъ преобразованій. Петръ I чувствовалъ это страдательное сопротивленіе; онъ не любилъ русскаго крестьянина и ничего не понималъ въ его образѣ жизни. Съ преступнымъ легкомысліемъ онъ усилилъ права дворянства и еще крѣпче стянулъ цѣпь крѣпостничества; онъ первый пытался привести въ порядокъ нелѣпныя установленія ¹⁾, но организація въ этомъ случаѣ равнозначительна признанію и законному обоснованію. Съ тѣхъ поръ русскій крестьянинъ ушелъ еще глубже, чѣмъ когда бы то ни было, въ свою общину и, когда приходилось изъ нея уходить, бросалъ кругомъ недовѣрчивые взгляды и многократно сбѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Крестьянинъ пересталъ понимать правительство, въ городскомъ и въ судѣ началъ видѣть своихъ враговъ, а въ помѣщикѣ — грубую силу, противъ которой нельзя ничего подѣлать.

Съ тѣхъ поръ русскій народъ въ каждомъ приговоренномъ сталъ видѣть лишь *несчастнаго* — единственное слово, которымъ называется осужденный преступникъ въ этой странѣ, гдѣ, кажется, есть только жертвы и палачи; онъ сталъ лгать подъ присягою и отнѣкиваться отъ всего, когда его спрашивалъ челоувѣкъ въ мундирѣ, который казался ему представителемъ нѣмецкаго правительства. За протекшія полтора ста лѣтъ крестьянинъ не только не примирился съ новымъ порядкомъ вещей, но еще больше отъ него отда-

¹⁾ Разнородныхъ крѣпостныхъ отношеній, сложившихся фактически или по обычному праву.

лился. Пусть мы, другіе, воспитаны въ петровской реформѣ, пусть мы сосали молоко европейской цивилизаціи, пусть старость Европы такъ привита къ намъ, что ея судьбы сдѣлались нашими,—въ добрый часъ! но съ русскимъ крестьяниномъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе.

Онъ много перенесъ, много выстрадалъ, много страдаетъ и до сихъ поръ, но онъ остался самимъ собой. Хотя онъ и уединился въ свою маленькую общину, безъ связей со своими, разбросанными по всему пространству огромной страны, но, благодаря пассивному сопротивленію и силѣ характера, онъ нашелъ средство сохраниться; ему приходилось низко гнуть голову, и несчастье часто проносилось надъ нимъ, не касаясь его. Вотъ почему, несмотря на свое положеніе, русскій крестьянинъ обладаетъ такимъ запасомъ силы, ловкости, ума и красоты, что возбудилъ въ этомъ отношеніи изумленіе Кюстина и Гакстаузена.

III.

Всѣ путешественники воздаютъ должное русскимъ крестьянамъ, но они много шумятъ объ ихъ безсовѣстномъ плутовствѣ, о религіозномъ фанатизмѣ и идолопоклонствѣ передъ императорскимъ трономъ.

Я согласенъ, что кое-что изъ указанныхъ недостатковъ можно найти въ русскомъ народѣ, и основываюсь особенно на томъ, что такіе недостатки свойственны всѣмъ европейскимъ народамъ. Они находятся въ тѣсной связи съ нашей цивилизаціей, съ невѣжествомъ массъ и ихъ бѣдностью. Европейскія государства похожи на отполированный мраморъ: они блестятъ только на поверхности, а въ глубинѣ и въ цѣломъ они грубы.

Я понимаю, что можно винить цивилизацію, современныя соціальныя формы, обвинять всѣ народы вмѣстѣ, но я нахожу безчеловѣчнымъ,—и притомъ безъ пользы для кого бы то ни было,—нападать на одинъ народъ, въ частности, и осуждать его за пороки всѣхъ остальныхъ; къ тому же, считать лишь свой народъ «избраннымъ», это — просто узкость, которая дозволяется только евреямъ.

Въ этомъ отношеніи послѣднія политическія событія должны были послужить для насъ хорошимъ урокомъ: развѣ разные писатели не обвинили недавно въ тѣхъ же недостаткахъ римлянъ и вѣнцевъ, прибавивъ даже упрекъ въ трусости?

Октябрьская революція и римскій триумvirатъ реабилитировали репутацію этихъ городовъ. Но это еще не все. Совершенно вѣрно,

что русскій крестьянинъ всегда, когда можетъ, обманываетъ дворянина и чиновника, которые не обманываютъ его, въ свою очередь, только потому, что считаютъ гораздо проще — грабить его. При подобныхъ условіяхъ обманывать врага значитъ доказать свой умъ. Въ отношеніяхъ же между собою русскіе крестьяне, наоборотъ, проявляютъ высокую честность и прямотушіе. Это доказывается уже тѣмъ, что при сдѣлкахъ они никогда не заключаютъ письменныхъ условій. Земля дѣлится въ общинахъ, а деньги—въ рабочихъ артеляхъ. За десятокъ лѣтъ еле возникаетъ два-три процесса по нарушеніямъ договоровъ.

Русскій народъ религіозенъ, потому что при современныхъ политическихъ условіяхъ народъ не можетъ оставаться безъ религіи. Просвѣщенное сознание является слѣдствіемъ прогресса; до сихъ поръ истина и мысль существуютъ только для малаго числа людей. Для народа религія замѣняетъ все: она отвѣчаетъ на всѣ эстетическіе и философскіе вопросы, которые встрѣчаются въ человѣческой душѣ на всѣхъ ступеняхъ развитія. Фантастическая поэзія религіи служитъ душевнымъ отдохновеніемъ послѣ прозаическихъ земледѣльческихъ работъ и сѣнокоса. Русскій крестьянинъ суевѣренъ, но безразличенъ въ смыслѣ религіи, которая ему вообще недоступна. Онъ въ точности исполняетъ всѣ обряды, всю внѣшнюю сторону культа, чтобы въ этомъ отношеніи совѣсть была чиста; въ воскресенье онъ идетъ къ обѣднѣ, чтобы остальные шесть дней не думать о церкви: священниковъ своихъ онъ презираетъ, какъ лѣнтяевъ и жадныхъ людей, которые живутъ на его счетъ. Во всѣхъ непристойныхъ народныхъ разсказахъ и уличныхъ пѣсняхъ предметомъ насмѣшки и презрѣнія служатъ всегда попъ и діаконъ или ихъ жены.

Многія пословицы свидѣтельствуютъ о безразличномъ отношеніи русскихъ въ дѣлѣ религіи: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», «надѣйся на Бога, да самъ не плошай». Кюстинъ разсказываетъ, что одинъ ящикъ, защищаясь отъ обвиненій въ склонности къ маленькимъ кражамъ, говорилъ: «Это врождено человѣку, и если Христосъ не кралъ, то только потому, что въ этомъ ему мѣшали раны на рукахъ». Все это показываетъ, что у русскаго народа вовсе нѣтъ ни того бѣшеннаго фанатизма, который мы находимъ въ Бельгіи и Люцернѣ, ни той суровой, холодной и безнадежной вѣры, которая есть въ Женевѣ и въ Англіи и, вообще, у тѣхъ народовъ, которые долго находились подъ вліяніемъ иезуитовъ или кальвинистовъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова религіозны только раскольники. Причина тому—не только въ національномъ характерѣ, но и въ

самой религии. Греческая церковь никогда не стремилась къ особенной пропагандѣ и общительности; оставшись болѣе вѣрной евангельскому учению, чѣмъ католицизмъ, она именно поэтому менѣе распространилась вширь. Созрѣвъ на гнилой почвѣ Византіи, она сосредоточилась въ монастырскихъ кельяхъ и больше всего занималась теоретическими вопросами и богословскими спорами. Покоренная свѣтской властью, она въ Россіи удалилась отъ политическихъ интересовъ еще больше, чѣмъ въ византійской имперіи. Съ X вѣка и до Петра I былъ только одинъ популярный проповѣдникъ, и его патріархъ заставилъ замолчать.

Я считаю большимъ счастьемъ для русскаго народа,—народа, весьма впечатлительнаго и мягкаго по характеру,—что онъ не былъ испорченъ католицизмомъ. Такимъ образомъ, въ то же время онъ избѣжалъ и другого несчастья. Католицизмъ, какъ и нѣкоторыя злокачественныя заболѣванія, можетъ излѣчиваться только ядами. Онъ роковымъ образомъ приводитъ къ протестантизму, который освобождаетъ духъ съ одной лишь стороны только для того, чтобы крѣпче заковать его съ другой. Наконецъ, Россія, не принадлежа къ великой единицѣ Западной Церкви, не обязана поэтому и вмѣшиваться въ исторію Европы.

Далѣе, я вовсе не нахожу, чтобы русскій народъ былъ особенно преданъ - - - - - и готовъ пожертвовать собой - - - - - Правда, русскій крестьянинъ видитъ - - - - - защитника противъ своихъ непосредственныхъ враговъ, считаетъ его олицетвореніемъ справедливости и вѣрить въ его божественное право, какъ болѣе или менѣе вѣрятъ въ него всѣ монархическіе народы Европы. Но почитаніе это не выражается ни въ какихъ дѣйствіяхъ, и его привязанность - - - - - не можетъ обратить его ни въ вандейца, ни въ испанскаго карлиста. Его почитаніе не доходитъ до той трогательной любви, которая недавно еще не давала одному изъ народовъ говорить о принцахъ безъ слезъ.

Надо еще признать, что русскій народъ охладѣлъ въ своей любви - - - - - съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря европейской бюрократіи, онъ отвернулся отъ правительства. Народное династическое движеніе, подобное тому, какое было при Лжедмитріи, теперь совершенно невозможно. Со времени Петра I русскій народъ не принималъ никакого участія во всѣхъ петербургскихъ переворотахъ. Отъ 1725 до 1762 г. нѣсколько претендентовъ, горсть интригановъ и преторіанцевъ, передавали императорскій тронъ изъ рукъ въ руки. Народъ безстрастно молчалъ и не интересовался, кого признала камарилья императоромъ - - - - -

Пугачевскій бунтъ имѣлъ совсѣмъ иной смыслъ: это была послѣдняя попытка, послѣднее усиліе казака и крѣпостного освободиться отъ жестокаго ига, которое давило ихъ съ каждымъ днемъ сильнѣе. Имя Петра III послужило только предлогомъ; одно оно не могло бы поднять нѣсколько губерній. Въ послѣдній разъ политическіе интересы взволновали русскій народъ въ 1812 г. Народъ этотъ убѣжденъ, что у себя дома, онъ непобѣдимъ; эта мысль лежитъ въ глубинѣ сознанія каждаго крестьянина, это—его политическая религія. Когда онъ увидѣлъ иностранца на своей землѣ въ качествѣ непріятели, онъ бросилъ плугъ и схватился за ружье. Умирая на полѣ битвы «за бѣлаго царя и пресвятую Богородицу»,—какъ онъ говорилъ,—онъ умиралъ на самомъ дѣлѣ за неприкосновенность русской территоріи.

Классъ, съ которымъ русскій народъ вступаетъ въ непосредственныя отношенія, это—мѣстное дворянство и чиновники, принадлежащіе къ низшей ступени цивилизованной Россіи. Глубоко развращенный запрещеніемъ какой бы то ни было гласности, чиновничій классъ является самымъ раболѣпнымъ въ Россіи: его судьба въ полной власти правительства. Провинціальное дворянство, не менѣе развращенное своимъ правомъ эксплуатаціи крестьянъ, все же пользуется большею независимостью и потому не представляетъ столь послушнаго орудія, какъ чиновничій классъ. Въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ сохранилось еще немного жизни, и обыкновенно мѣстное дворянство составляетъ оппозицію губернаторамъ и его чиновникамъ; у него есть для этого средства.

Екатерина II продолжала систему Петра I. Она еще сильнѣе увеличила и укрѣпила права дворянства; въ то же время она ввергнула миллионы крестьянъ въ крѣпостное состояніе и крестьянскими общинами оплачивала свои Клеопатровы ночи. Дворянство каждой губерніи имѣетъ право устраивать свои общія собранія, избирать предводителей дворянства и, что еще важнѣе, судей двухъ первыхъ инстанцій, предсѣдателей судовъ этихъ инстанцій, всѣхъ чиновниковъ администраціи, мѣстной и уѣздной полиціи.

Правда, что и другія сословія пользуются подобными правами, но, въ указанныхъ областяхъ, большинство голосовъ принадлежитъ дворянамъ,—только должностныя лица городскихъ управленій и бурмистры избираются купцами и мѣщанами даннаго города. Правительство посылаетъ въ каждую губернію губернатора, административный и финансовый совѣтъ ¹⁾, въ каждый городъ—городничаго

¹⁾ Коллегія губернскаго правленія.

и въ каждый судъ—прокурора. Дворянство имѣетъ право контролировать губернатора во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ; каждый дворянинъ, безъ всякаго ограниченія, можетъ быть выбранъ въ своей губерніи судьей, предсѣдателемъ и предводителемъ. Къ этому сводятся всѣ «свободныя установленія» въ Россіи.

Если мы перейдемъ отъ губернскаго строя къ строю государственному, то съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ подъема по іерархической лѣстницѣ, права человѣка и участіе управляемыхъ въ управленіи будутъ убавляться. Петербургская централизація, какъ снѣговая вершина, давитъ на все своею холодною и однообразною тяжестью: чѣмъ больше приближаешься къ ней, тѣмъ менѣе замѣчаешь слѣды жизни и независимости. Сенатъ, Государственный Совѣтъ, министры, это—лишь пассивныя орудія; самые важные савонники—лишь писцы, сыщики, телеграфные провода, при помощи которыхъ петербургскій

Дворянское званіе, въ томъ видѣ, въ которомъ оно сохраняется съ Петра I, представляетъ собой скорѣе награду за оказанныя услуги, чѣмъ самостоятельную касту; по закону, дворянское званіе даже теряется, если два поколѣнія одной и той же семьи подрядъ не вступятъ на государственную службу. Пути, ведущіе къ русскому дворянству, открыты со всѣхъ сторонъ. Пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ отношеніи были установлены нѣкоторыя препятствія, но они принадлежатъ къ числу тѣхъ мѣръ, которые безслѣдно исчезаютъ на другой день послѣ высочайшаго повелѣнія.

При всей своей энергіи и Петръ I не могъ бы ничего сдѣлать, если бы онъ не засталъ уже цѣлую толпу недовольныхъ. Эти недовольные помогли ему; именно, изъ нихъ и изъ тѣхъ, которые служили новому правительству, образовалась новая, европейская Россія. Эту часть націи Петръ I возвелъ въ дворянское достоинство, чтобы противопоставить ее Россіи сельской. Но этотъ классъ, несмотря на силу и власть, не только не образовалъ никакой аристократіи, но и поглотилъ въ себѣ древнюю, когда-то могучую аристократію, бояръ и князей ¹⁾. Новое дворянство, пополняясь изъ всѣхъ классовъ, достигло аристократическаго характера только по отношенію къ крестьянину, пока онъ оставался крестьяниномъ, т. е. по отношенію къ той части народа, которая была поставлена правительствомъ тоже внѣ закона.

Въ первое время послѣ реформы всѣ эти грузные и грубые

¹⁾ Право первородства совершенно не знакомо Россіи.—А. И. Г.

дворяне, съ ихъ напудренными париками и шелковыми чулками, похожи были, вѣроятно, на тѣхъ франтовъ съ острова Таити, которые наряжаются въ красные англійскіе мундиры съ эполетами, но ходятъ безъ штановъ и рубашки. Однако, благодаря таланту подражанія, высокая знать скоро усвоила манеры и языкъ версальскихъ придворныхъ. Воспринявъ деликатность манеръ и нравовъ европейской аристократіи, она не совсѣмъ утратила свои собственные, свойственныя ей прежде, и потому образъ ея жизни при Екатеринѣ II представлялъ собою оригинальную смѣсь дикой недисциплинированности и придворнаго лоска, аристократической спеси и полу-восточной подчиненности. Тѣмъ не менѣе, нравы эти были скорѣе оригинальны и угловаты, чѣмъ каррикатурны; въ нихъ не наблюдалось той банальности и безвкусія, которыми всегда отличалась аристократія нѣмецкая.

Между высшею знатью, которая обитаетъ почти исключительно въ Петербургѣ, и *дворянскими пролетаріатами* чиновниковъ и безземельныхъ дворянъ лежитъ весьма значительный слой средняго дворянства, нравственнымъ центромъ котораго является Москва. Несмотря на общую нравственную порчу и этого слоя, надо признать, что въ немъ, именно, таятся зародыши и умственный центръ будущей революціи. Положеніе образованнаго меньшинства этого слоя (это меньшинство довольно значительно) весьма трагическое: оно отдѣлилось отъ народа, потому что отцы его въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній прилѣпились къ цивилизирующему Россію правительству, и отдѣлилось отъ правительства, потому что, дѣйствительно, цивилизовалось. Народъ видитъ въ нихъ нѣмцевъ, а правительство—французовъ.

Въ этомъ слоѣ, такъ нелѣпо поставленномъ между цивилизаціей и правомъ плантатора, между ярмомъ неограниченной правительственной власти и господскими правами надъ крестьянами, въ этомъ слоѣ, гдѣ можно встрѣтить самую высокую научную культуру Европы, при отсутствіи свободы слова, безъ иного дѣла, кромѣ государственной службы,—въ этомъ слоѣ волнуются страсти и силы, которыя, не имѣя выхода, бродятъ, растутъ и часто проявляются въ видѣ той или другой ослѣпительной, необычно эксцентричной личности.

Изъ этого, именно, слоя исходитъ все литературное движеніе Россіи, изъ него вышелъ Пушкинъ, этотъ наиболѣе полный представитель широты и богатства русской природы; въ немъ же зародилось и выросло 14-ое декабря 1825 г.,—это отпущеніе грѣховъ цѣлой касты, ея расчетъ за цѣлый вѣкъ.

Десять лѣтъ каторжныхъ работъ и 25 лѣтъ ссылки не могли:

сломить и одолѣть этихъ героическихъ людей, явившихся съ горстью солдатъ на Исаакіевскую площадь, чтобы бросить вызовъ - - - - -
 - - - - - власти и всенародно произнести слова, которыя и до сихъ поръ въ Россіи передаются въ глубокой тайнѣ.

Возстаніе 1825 г. замкнуло собой первую эпоху петербургскаго періода. Вопросъ былъ разрѣшенъ. Образованный классъ,— тотъ классъ, который остался вѣренъ толчку, данному Петромъ I,— доказалъ тогда своей активной ненавистью къ деспотизму, что онъ догналъ своихъ западныхъ братьевъ. Его люди оказались въ полномъ единеніи убѣжденій и чувствъ съ Ріего ¹⁾, гонфалоньерами ²⁾ и карбонаріями. Тѣмъ сильнѣе былъ ужасъ правительства, что оно нашло замѣшанными въ это возстаніе всѣ элементы дворянства и военной іерархіи, а съ другой стороны вспомнило, что нѣтъ никакой реальной связи между нимъ и народомъ, оставшимся русскимъ.

14-ое декабря вскрыло все искусственное, хрупкое и временное въ петербургскомъ - - - - - . Успѣхъ революціи держался на волоскѣ... Что вышло бы даже изъ успѣха ея? Трудно сказать, но, каковъ бы ни былъ результатъ, можно смѣло утверждать, что народъ и дворяне - - - - - бы *совершившійся фактъ*.

Это-то съ ужасомъ и поняло правительство. Вслѣдствіе недо- вѣрія къ дворянству, оно хотѣло сдѣлаться національнымъ и доби- лось лишь того, что поставило себя врагомъ всякой цивилизаціи. Национальный духъ совершенно въ немъ отсутствовалъ. Прежде всего правительство приняло мрачный и недо- вѣрчивый видъ; цѣлый корпусъ вновь учрежденной тайной полиціи окружалъ тронъ. За- тѣмъ правительство отвергло принципы Петра I, которые развивались въ теченіе ста лѣтъ. Послѣдовалъ непрерывный рядъ ударовъ всякой свободѣ, всякой умственной дѣятельности. Терроръ росъ съ каждымъ днемъ. Нельзя было ничего печатать, нельзя было напи- сать письмо; дошло до того, что стали бояться открывать ротъ не только въ обществѣ, но и въ своей комнатѣ. Все онѣмло.

Люди образованные почувствовали тогда, съ своей стороны, что подъ ними,—не родная земля, они поняли всю свою слабость, и ихъ охватило отчаяніе. Скрывая въ глубинѣ души слезы и пе-

¹⁾ Рафаэль, испанскій генераль, казненный Фердинандомъ VII за уча- стіе въ возстаніи, вызванномъ отмѣною конституціи 1812 года. Гимнъ, по- священный ему поэтомъ Санъ-Мигуэлемъ, сталъ потомъ національнымъ гимномъ испанцевъ (музыка Хуэрты). Ему же Пушкинъ посвятилъ извѣст- ное стихотвореніе.

²⁾ Начальники войскъ, а иногда и главы исполнительной власти въ средне-вѣковыхъ итальянскихъ республикахъ.

чаль, они разсѣялись по своимъ имѣніямъ и по всѣмъ большимъ дорогамъ Европы. Петербургъ, по примѣру правительства, принялъ совсѣмъ иной видъ: это былъ городъ, вѣчно находившійся въ осадномъ положеніи. Общество крупными шагами пятилось назадъ. Аристократическія чувства человѣческаго достоинства, значительно укрѣпившіяся при Александрѣ, были опять уничтожены; оказалось возможнымъ ввести законъ о заграничныхъ паспортахъ, явились тѣ нравы, которые описываетъ Кюстинъ.

Но въ глубинѣ продолжалась внутренняя работа и тѣмъ сильнѣе, что ей не представлялось случая проявить себя на поверхности. Время отъ времени раздавались голоса, отъ которыхъ трепетали всѣ фибры человѣческой души: то былъ крикъ скорби или стонъ негодованія, или пѣснь отчаянія, и къ этому крику, стону или пѣснѣ присоединялась горестная вѣсть о судьбѣ какого-нибудь смѣльчака, сосланнаго за нихъ на Кавказъ или въ Сибирь. Такъ, черезъ 10 лѣтъ, 14 декабря ¹⁾, одинъ мыслящій русскій бросилъ въ міръ нѣсколько листовъ, которые, заставили содрогнуться, какъ отъ электрическаго удара, всѣхъ, кто представлялъ собою читающую и мыслящую Россію.

Эта статья была упрекомъ, спокойнымъ и лишеннымъ горечи. Она походила на безстрастное изслѣдованіе положенія русскихъ, но, на самомъ дѣлѣ, чувствовался гнѣвный взглядъ человѣка, глубоко оскорбленнаго въ лучшихъ чувствахъ. Суровый и холодный, онъ предъявляетъ Россіи счетъ за всѣ страданія, которыя она причиняетъ мыслящему человѣку и, разобравъ ихъ, съ ужасомъ отвращивается и прокликаетъ Россію въ ея прошломъ, презираетъ въ настоящемъ и предсказываетъ одни несчастія для будущаго. Такія мысли были не слыханы въ блестящую эпоху либерализма Александра, нѣсколько экзотическаго; онѣ не слышались даже въ поэзіи Пушкина. Нужна была вся невыносимая тяжесть десятилѣтняго террора, чтобы исторгнуть ихъ изъ человѣческой груди: мы должны были видѣть гибель всѣхъ своихъ друзей, славу варшавской осады и усмиреніе Польши.

Чаадаевъ во многомъ былъ неправъ, но жалоба его законна, и голосъ его высказалъ ужасающую правду. Этимъ-то и объясняется громадный отзвукъ его письма по всей Россіи. Къ этому времени все сколько-нибудь значительное въ литературѣ приняло новый характеръ. Уже покончено было съ подражаніемъ французамъ и нѣмцамъ; мысль сосредоточивалась и ожесточалась, прорывалось

¹⁾ Книжка «Телескопа» со статьей Чаадаева вышла въ концѣ сентября 1836 г., подъ статьей же дата: 17 декабря 1829.

отчаяніе, болѣе горькое, и иронія, болѣе ядовитая надъ собственной судьбой— какъ въ стихахъ Лермонтова, такъ и въ смѣхѣ Гоголя, подъ которымъ, по выраженію автора, скрывались слезы.

Правда, элементы новой жизни и движенія оставались обособленными и не пришли къ тому единству, которое наблюдалось передъ 14 декабря, но это зависѣло прежде всего, отъ того, что основные вопросы стали гораздо болѣе сложными и глубокими. Всѣ серьезные люди поняли, что пора перестать тащиться въ хвостѣ Европы, что въ Россіи есть нѣчто особое, ей одной свойственное, и его непременно надо изучить и понять какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Одни не видѣли въ томъ, что свойственно Россіи, ничего враждебнаго или непріятнаго для Европы; болѣе того—они предсказывали, что въ будущемъ Россія, пройдя петербургскій періодъ, согласно встрѣтится съ Европой, когда та пойдетъ дальше конституціонализма. Другіе, наоборотъ, обвиняя во всей тяжести настоящаго положенія анти-національный духъ правительства, слили свою ненависть къ нему въ общую ненависть ко всему, что въ Россіи получено отъ Запада или тяготѣетъ къ нему.

Петербургъ научилъ этихъ людей презирать всякую цивилизацію, всякій прогрессъ; они хотѣли вернуться къ узкимъ формамъ того времени, которое предшествовало Петру I, къ формамъ, въ которыхъ русская жизнь оказалась бы опять наполовину задушенной. Къ счастью, путь, ведущій обратно къ старой Россіи, заросъ густымъ лѣсомъ, и ни славянофиламъ, ни правительству не удастся его срубить.

Борьба этихъ партій вдохнула, въ послѣднія десять лѣтъ, новую жизнь въ русскую литературу; у газетъ значительно увеличилось число подписчиковъ, а въ московскомъ университетѣ, на публичныхъ лекціяхъ по исторіи, ломились скамьи отъ наплыва слушателей. Не слѣдуетъ еще забывать, что, вслѣдствіе чрезвычайно малаго числа органовъ общественнаго мнѣнія, чисто литературные и научные вопросы превратились въ арену для политическихъ партій. Таково было положеніе вещей, когда вспыхнула февральская революція.

Ошеломленное ею русское правительство сначала ничего не предпринимало, но затѣмъ, убѣдившись въ смиреніи и покорности скромной республики, быстро пришло въ себя. Русское правительство громогласно возвѣстило, что считаетъ себя рыцаремъ-защитникомъ монархическаго принципа и, предустановляя солидарность цивилизаціи съ революціею (подобно тому, какъ это сдѣлало французское національное собраніе), оно не скрыло, что

готово на всякія жертвы для идеи *порядка*. Съ большей энергіей, чѣмъ французское собраніе, русское правительство въ своей циничной смѣлости пошло на дѣло уничтоженія цивилизаціи и прогресса.

Что изъ этого выйдетъ?.. Въ Россіи, можетъ, гибель всѣхъ цивилизующихъ элементовъ. Страшный результатъ! Но Россія отъ этого не погибнетъ. Весьма даже возможно, что этотъ результатъ явится сигналомъ пробужденія для народа, и тогда настанетъ новая эра для справедливости и народныхъ правъ.

Русское правительство точно забыло, что оно зародилось въ Петербургѣ, что управляетъ цивилизованной Россіей, что связано залогами, которые дало европейской цивилизаціи, и что, несмотря на принятую имъ теперь личину православія и націонализма, русскій крестьянинъ не перестаетъ считать его нѣмецкимъ.

Судьба - - - - - —подивитесь на эту высочайшую иронию!—связана съ цивилизаціей; уничтожая ее, правительство бросается въ страшную пропасть, если же оно дастъ цивилизаціи широко развиться, то падетъ въ другую бездну. Возможно еще, впрочемъ, что Россія, вслѣдствіе невыносимаго гнета, разложится на большое число партій; быть можетъ, она просто бросится впередъ и, въ своемъ нетерпѣніи, встряхнетъ со своей крѣпкой спины неловкихъ всадниковъ. Все это принадлежитъ будущему, а я не мастеръ въ дѣлѣ предсказыванія.

Послѣ всего, что я сказалъ, самъ собой является вопросъ: какую же идею, какую мысль вносить въ исторію русскій народъ? До сихъ поръ мы видимъ, что онъ представляетъ лишь себя, какъ онъ есть, и это—обычное свойство всего незрѣлаго. Какую идею вносить ребенокъ въ семью? Ничего иного, кромѣ способностей, склонностей, возможности развитія. Что же касается того, осуществится ли эта возможность, крѣпки ли будутъ мышцы ребенка, будутъ ли имъ соотвѣтствовать его способности,—эти вопросы не поддаются нашему изслѣдованію. Вотъ почему я такъ и настаиваю теперь на необходимости изучать Россію.

Передъ лицомъ Европы, силы которой за долгую ея жизнь истощились въ борьбѣ, становится народъ, который только что началъ жить и, подъ внѣшней корою - - - - - , выросъ и окрѣпъ, подобно кристалламъ въ выемкѣ горной породы. Кора московскаго царизма отпала, какъ только оказалась бесполезной; кора же - - - - - еще слабѣе къ нему приросла.

Правда, русскій народъ до сихъ поръ совершенно не задумывался надъ вопросомъ о правительствѣ: вѣра его ребячья, покорность совершенно пассивная. Только одну крѣпость онъ сохранилъ неприкосновенной, это — земельную общину, и этимъ онъ ближе

къ соціальной революціи, чѣмъ къ какой-либо политической. Россія возрождается къ жизни, какъ послѣдній изъ всѣхъ народовъ, полный еще юности и энергіи, въ эпоху, когда другіе народы стремятся на покой. Онъ гордится своей силой, тогда какъ другіе народы чувствуютъ себя усталыми и престарѣлыми. Его прошлое скудно, настоящее—чудовищно; правда, это не устанавливаетъ еще никакихъ правъ.

Много народовъ сошло съ исторической сцены, не поживъ полной жизнью, но у нихъ не было такихъ колоссальныхъ претензій на будущее, какъ у Россіи. Въ знаете, къ исторіи нельзя примѣнить поговорку: *«опоздавшимъ—однѣ лишь кости»*, наоборотъ, имъ остаются лучшіе плоды, если они способны питаться ими. И здѣсь-то очень большой вопросъ.

Сила русскаго народа признается всей Европой уже тѣмъ страхомъ, который внушаетъ Россія. Въ петербургскій періодъ русскій народъ уже показалъ, на что онъ способенъ; онъ уже много сдѣлалъ, и это, несмотря на цѣпи, въ которыя были закованы его руки; фактъ странный, но вѣрный, какъ вѣрно и то, что другіе народы, бѣдно одаренные, потратили цѣлые вѣка и ничего не сдѣлали, несмотря на полную свободу. Справедливость не принадлежитъ къ выдающимся достоинствамъ исторіи. Справедливость слишкомъ мудра и прозаична, тогда какъ жизнь въ своемъ развитіи, наоборотъ, слишкомъ капризна и поэтична. Съ точки зрѣнія исторіи справедливость воздается тому, кто не заслужилъ ея; зато заслуга находитъ награду въ томъ одолженіи, которое она сдѣлала . . .

Вотъ, милый другъ, все, что я хотѣлъ вамъ сказать на этотъ разъ. Я прекрасно могъ бы кончить здѣсь, но сейчасъ мнѣ приходитъ въ голову странная мысль: я думаю, что встрѣтится много добрыхъ людей, немного тугихъ на ухо, которые увидятъ въ моемъ письмѣ исключительный патріотизмъ, предпочтеніе Россіи и прибавятъ, что ихъ представленіе объ этой странѣ совсѣмъ иное.

Да, я люблю Россію.

Вообще, я считаю бесполезнымъ писать о предметѣ, къ которому не чувствуешь ни любви, ни ненависти. Но моя любовь—вовсе не животное чувство привычки, вовсе не природный инстинктъ, изъ котораго сдѣлали добродѣтель патріотизма. Я люблю Россію, потому что знаю ее, люблю сознательно, разсудкомъ. Много есть въ Россіи и такого, что я безмѣрно ненавижу,—всею силой первой ненависти. Я не скрываю ни того, ни другого.

Въ Европѣ совсѣмъ не знаютъ Россіи, въ Россіи очень плохо знаютъ Европу. Было время, когда я, передъ склономъ Уральскихъ

горь, представлялъ себѣ Европу въ фантастическомъ видѣ. Я вѣрилъ въ нее и вѣрилъ особенно въ Францію. И я воспользовался первымъ же временемъ моей свободы, чтобы пріѣхать въ Парижъ.

Это было еще до февральской революціи. Ближе разглядѣвъ вещи, я покраснѣлъ за прежнее мое убѣжденіе. Теперь я взбѣшенъ несправедливостью тѣхъ узкосердыхъ публицистовъ, которые признаютъ существованіе царизма только подъ 59° сѣверной широты. Почему здѣсь двѣ мѣрки?

Упрекайте и ругайте сколько угодно петербургскій абсолютизмъ и нашу русскую безропотную покорность, но ругайте же вездѣ и умѣйте разглядѣть деспотизмъ всюду, въ какой бы формѣ онъ ни являлся: въ видѣ ли президента республики, или ея временнаго правительства, или Національнаго собранія.

Стыдно, вѣдь, въ 1849 году, потерявъ все, на что надѣялись, все, что было приобрѣтено, рядомъ съ трупами тѣхъ, которые пали, которыхъ разстрѣляли, рядомъ съ тѣми, которыхъ заковали въ цѣпи и сослали, при видѣ несчастныхъ, гонимыхъ изъ страны въ страну, которымъ оказываютъ гостепрѣимство, какъ евреямъ въ средніе вѣка, которымъ бросаютъ, какъ собакамъ, кусокъ хлѣба, чтобы заставить ихъ потомъ продолжать путь,—стыдно, говорю я, въ 1849 году останавливаться на узко-либеральномъ конституціонализмѣ, на платонической и бесплодной любви къ политикѣ!

Зрительный обманъ, посредствомъ котораго рабству придавали видъ свободы, исчезъ; маски упали: мы въ точности теперь знаемъ, чего стоитъ республиканская свобода Франціи и конституціонная свобода Германіи; мы теперь видимъ (а если не видимъ, то сами виноваты), что всѣ существующія правительства, начиная съ наиболѣе скромнаго швейцарскаго кантона и кончая автократіею всея Россіи,—лишь варіаціи одной и той же темы.

«Свободу надо приносить въ жертву порядку, личность — обществу; поэтому, чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ лучше.»

Скажу еще разъ: если ужасно жить въ Россіи, то такъ же ужасно жить въ Европѣ. Зачѣмъ же я покинулъ Россію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я переведу вамъ нѣсколько словъ изъ моего прощальнаго письма ¹⁾ къ друзьямъ: «Не ошибитесь! Я не нашелъ здѣсь ни радости, ни развлеченій, ни покоя, ни личной безопасности; я даже не могу себѣ представить, чтобы въ настоящее время кто-нибудь могъ найти въ Европѣ отдыхъ и радость. Каждое слово моихъ писемъ дышитъ грустью. Жизнь здѣсь очень тяжела.

¹⁾ См. «Прощайте», № 491.

«Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ движенія; я никого не жалѣю здѣсь, кромѣ жертвъ; я никого не люблю здѣсь, кромѣ тѣхъ, кого преслѣдуютъ, и никого не уважаю, кромѣ тѣхъ, кого казнятъ, и, однако, я остаюсь. Остаюсь страдать вдвойнѣ — отъ нашего горя и горя, которое я нахожу здѣсь,—погибнуть, можетъ быть, при всеобщемъ разрушеніи... Остаюсь затѣмъ, что борьба здѣсь открытая, что здѣсь она гласная.

«Горе тому, кто здѣсь побѣжденъ!—но онъ не погибаетъ безъ того, чтобы не заставить услышать свой голосъ, безъ того, чтобы не испытать свою силу въ бою, и вотъ изъ-за этого голоса, изъ-за этой открытой борьбы, изъ-за этой гласности я остаюсь».

Вотъ что я писалъ 1 марта 1849 г. Дѣла съ тѣхъ поръ значительно измѣнились. Привилегія быть услышаннымъ и открыто бороться уменьшается съ каждымъ днемъ. Европа съ каждымъ днемъ становится все болѣе похожей на Петербургъ; есть даже страны, которыя болѣе похожи на Петербургъ, чѣмъ сама Россія. Венгерцы это знаютъ—тѣ, которые въ припадкѣ отчаянія, искали покровительства подъ русскими знаменами...

И если и здѣсь дойдетъ до того, что намъ заткнуть ротъ, и гнетъ не позволить намъ даже громко проклинать нашихъ угнетателей, то я уѣду въ Америку. Чувствуя себя человѣкомъ, я пожертвую всѣмъ достоинству человѣка и свободѣ слова.

Вы, вѣроятно, послѣдуете за мной?...

Лондонъ, 25 августа 1849. 1

◆◆ 1. Не только г. Вѣтринскій и анонимъ въ № 1419 «Atheum'a» 1855 г., но и, повидимому, освѣдомленный въ біографіи Герцена W. Wolfsohn утверждаютъ, что онъ былъ въ Лондонѣ въ 1849 г., при чемъ первый изъ нихъ указываетъ даже и цѣль такой поѣздки: «вѣроятно, для переговоровъ о международномъ революціонномъ комитетѣ» (Ч. Вѣтринскій, «Герценъ», 211; W. Wolfsohn, «Al. Herzen»). Можно категорически утверждать, что это невѣрно. Указаніе Лондона подъ нѣкоторыми сочиненіями объясняется очень просто: Герценъ, не зная тогда, до какой степени плохо освѣдомлены русскія заграничныя миссіи о его мѣстопребываніи, маскировалъ Лондономъ автора статей, которыя не могли не обезпокоить дипломатическихъ агентовъ нашего правительства.

Здѣсь же считаю умѣстнымъ привести переводъ письма Маццини, подлинникъ котораго хранится въ семьѣ Герцена, отъ ноября 1849 года.

«Гражданинъ, у меня въ рукахъ переводъ вашего письма къ Гервегу, и я пишу вамъ, чтобы попросить передать продолженіе моему другу Квадріо. Мы его помѣстимъ, оно важно. Я, впрочемъ, не раздѣляю вашей общей точки зрѣнія и вашихъ мыслей объ усталости Европы. Мы не разваливаемся, мы переживаемъ младенчество. Мы вступаемъ теперь въ національную жизнь,—конечно, какъ въ организацію человечества; и мы страдаемъ всей необдуманностью, всѣмъ незнаніемъ средствъ, однимъ словомъ, всѣми недостатками молодого возраста; впрочемъ, лишь будущее разрѣшитъ этотъ вопросъ.

«Спини посылаетъ вамъ, по моему порученію, три акціи для нашего издательскаго общества. Я присоединяю свою благодарность къ благодарности своихъ товарищей за это доказательство братскаго сочувствія.

«Теперь одно дѣло занимаетъ меня, и вы уже знаете его. Это—реорганизація или, лучше сказать, организація партіи. Я знаю отъ Спины, что вы, въ свою очередь, приходите къ тому же. Вспомнимъ же, что всякое большое общество начиналось съ двухъ людей, и сосредоточимъ свои силы около этой цѣли. Надо приготовить массовую войну или партизанскую. Мы, можетъ быть, не придемъ къ цѣли, которую себѣ поставимъ, но всякая работа, сдѣланная нами на этомъ пути, будетъ полезна. Не знаю, читали ли вы мою статью о союзѣ народовъ, которую я написалъ для «L'Italia del Popolo»: въ ней высказаны мои точки зрѣнія на форму организаціи, къ которой надо стремиться. Но такія вещи не дѣлаются сразу. Сейчас, можетъ быть, только Италія владѣетъ нѣкоторой долей организованности. Германія слишкомъ раздроблена, и я не вижу у нея союза, который могъ бы въ нѣкоторомъ смыслѣ резюмировать свою страну на почвѣ широкихъ вопросовъ и быть ея представителемъ при правильныхъ сношеніяхъ съ нами.

«Но въ ожиданіи, пока нѣмцы поймутъ необходимость организовать большой національный союзъ, у насъ есть дѣло: надо, такъ сказать, намѣтить кадры, надо сближать на почвѣ общаго дѣйствія разрозненные элементы, которые когда-нибудь составятъ партію.

«У васъ есть знакомые въ Германіи—начните ихъ объединять. Пусть каждый, являясь представителемъ извѣстной сферы вліянія на элементы второстепенные, приметъ наши общія идеи и либо черезъ васъ, либо инымъ путемъ войдетъ въ сношенія со мной. Есть два способа для осуществленія начертаннаго мною плана: организовывать сразу, когда находишь уже готовые союзы, или начать съ европейскаго союза, чтобы прійти къ интернаціональной организаціи. Будемъ имѣть людей всюду, тогда мы легко организуемъ ихъ тѣмъ

или другимъ способомъ. Оснуемъ «Европу народовъ»: пусть каждый вноситъ туда свою долю помощи. Элементы расположатся потомъ по странамъ, а когда будетъ существовать армія,—появятся и начальники, и вожди.

«Главное—создать сейчасъ общій центръ и объединить около него ради общаго дѣла всѣхъ людей, на которыхъ мы можемъ рассчитывать, вмѣсто того, чтобы давать ихъ силамъ тратиться въ уединеніи.

«Подумайте объ этомъ, и если вы можете помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, напишите два слова. У меня, по опыту, создалась большая вѣра въ постоянную, непрерывную дѣятельность маленькой группы преданныхъ дѣлу людей.

«Братски преданный Вамъ

Иос. Маццини.»

Въ № 90 «Journal de Genève» 1849 г. отъ 9 ноября сообщено, что въ новомъ органѣ, «Alliance des Peuples», въ числѣ сотрудниковъ фигурируетъ и Герценъ, но мнѣ ничего не удалось найти въ подтвержденіе этого сообщенія.

487. Письмо къ А. А. Герцену. ¹

29 декабря 1849.

Парижъ.

Саша, записочку твою получилъ и очень радъ, что ты занимаешься лучше; не объщай много, но старайся по мѣрѣ возможности исправляться. Сегодня рожденіе Гораса ¹⁾; я ему подарилъ обезьяну съ пружиной—вертитъ глазами, головой, губами и играетъ на скрипкѣ. Кстати, тутъ же я купилъ Колѣ ящикъ звѣрей, вырѣзанныхъ изъ картона, и для Таты—Лафонтеновы басни съ лото; ты имъ это Расскажи подробно. Тебѣ еще не сыскалъ ничего, а думаю, что привезу вырѣзанные виды Парижа, а, впрочемъ, если тебѣ лучше что-нибудь другое, то (только укладистое) напиши.

Татѣ—кусь }
Колѣ—данке } и. грусъ ²⁾.

Прощайте.

¹⁾ Сынъ Гервеговъ, жилъ тогда съ матерью въ Парижѣ; у нихъ оставался Герценъ.

²⁾ Kuss—поцѣлуй. Danke—благодарю. Gruss—поклонъ, привѣтствіе.

◆◆ 1. Герценъ долженъ былъ поѣхать снова въ Парижъ, чтобы привести въ ясность денежные дѣла свои и матери. Какъ они сложились, читатель узнаетъ дальше.

488. Письмо къ А. А. Герцену.

31 декабря 1849.

Парижъ.

Саша,

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ, будь здоровъ и умень и поцѣлуй Колю съ Татой.

Папа.

489. Lettre d'un Russe à Mazzini.

En vous remerciant de l'honneur que vous avez fait à ma lettre sur la Russie ¹⁾ et en publiant la traduction dans «L'Italia del Popolo», je vous prie de me permettre d'y ajouter quelques réflexions que me suggèrent les derniers événements. Je vous serais bien reconnaissant de leur donner place dans votre journal.

On parle d'une guerre entre la Russie et la Turquie. Le désir d'une rupture avec la Porte est évident chez l'empereur Nicolas; peu - - - - - il s'est contenté d'un prétexte privé de fondement et - - - - - Il est étonnant qu'un homme de l'habileté de M. Titoff, jadis littérateur libéral de Moscou, n'ait pas trouvé un meilleur prétexte, au moins dans l'intérêt de sa réputation.

Chose étrange! - - - - - après - - - - - de 24 ans, se montre persécuteur aussi implacable qu'aux premiers jours - - - - -
 - - - - - Le monde commençait déjà à oublier les jours néfastes où régnait *l'ordre à Varsovie*; sa réputation devenait meilleure, comparée à la dépravation et à la sanguinaire barbarie des autres gouvernements. Dépassé dans sa férocité par les fusillades de Juin, par le sombre *delirium tremens* d'une de ses voisines qui a élevé un enfant, son fils, à remplir les fonctions de bourreau, - - - - - était relégué au second rang de la tyrannie.

Or, voici qu'il se présente aux yeux du monde, jetant le grand

¹⁾ C'est la lettre publiée dans l'édition hebdomadaire de la *Voix du Peuple*.—A. H.

défi à la Turquie, sous prétexte que la Porte, se souvenant qu'elle n'est ni chrétienne, ni civilisée, refuse de livrer sept à huit cents héros qu'il veut fusiller.

En vérité, l'offense est grave, et entre amis on ne se refuse pas ces petits services!

Cet incident se terminera peut-être sans dégâiner: notre siècle impuissant et décrépît semble quelquefois prendre une énergique résolution, mais retombe aussitôt sans avoir rien fait. Ainsi la Révolution de Février fut suivie d'un mouvement rétrograde qui nous reporte au delà de 1789. — Toutefois, la guerre entre la Porte et la Russie ne peut être que différée.

Bysance est le rêve constant de la Russie, le fanal que, depuis le X-e siècle, elle n'a jamais perdu de vue. Bysance est pour les barbares orientaux la Rome orientale. Le Peuple russe l'appelle *Tzargrad*, la reine des cités, la cité des césars. De là lui vient sa religion: Bysance l'a sauvé du catholicisme et du droit romain; Bysance, succombant sous les coups des Osmanlis, a transmis à la Russie son aigle à deux têtes, l'aigle du double empire, comme dot d'une Paléologue, devenue l'épouse du premier tzar moscovite. Pierre I-er et ses descendants n'ont pu dormir paisiblement; il leur fallait Constantinople. Les lambeaux sanglants de la Livonie, de l'Esthonie, de la Finlande, ceux enfin de la Pologne, ne les ont pas satisfaits. Le but de leurs désirs, leur utopie, leur idéal, c'est Constantinople. Catherine II donna le nom de Constantin à son second fils. L'un des fils de Nicolas, le grand-amiral, se nomme aussi Constantin.

Le moment de faire la guerre n'est pas mal choisi, et peut-être verrons-nous l'aigle à deux têtes détacher son vol des glaces du nord et se reposer sur le croissant qui surmonte les coupes chrétiennes de Sainte-Sophie. Stamboul tombera, Bysance resurgira! Que les destins s'accomplissent!

Que signifie cet instinct, cette tendance éternelle et fatale qui pousse les Slavo-Russes vers Bysance, depuis les Variagues, depuis Oleg et Sviatoslaw qui allèrent clouer l'écusson de la barbarie et du paganisme sur les murailles de la capitale de l'Empire d'Orient, jusqu'à l'empereur Nicolas! Est-ce une inclination naturelle, une loi physiologique, ou, si vous voulez, une fatalité?

Dans l'intérêt - - - - - , je -- conseillerais cependant de ne pas s'aventurer dans cette guerre et d'y penser mûrement avant de l'entreprendre.

Vous croyez peut-être que je voudrais l'en détourner par la crainte que ses troupes ne soient battues? Non, l'armée russe sera victorieuse.

plus rien, elle a perdu toute initiative et ne fait que se maintenir, en réprimant tout mouvement, en s'opposant à tout progrès; son œuvre est toute négative.

La Russie, pleine de vie et de force, recule ou reste immobile. L'absolutisme, voulant absorber tout et craignant tout, entrave la marche - - - - - . C'est un pesant *sabot* attaché aux roues du char, lequel s'enfonce davantage à chaque pas et finira par arrêter la machine, la faire voler en pièces - - - - -

Voyez l'attitude du gouvernement de Pétersbourg depuis le 24 février. Avidé d'agrandissements, ses yeux ne se détournent pas de la Gallicie, du grand duché de Posen et des principautés danubiennes. Son inquiète avidité pèse les chances de s'approprier les Slaves autrichiens; et il n'ose! tant il craint d'inoculer la Révolution à la Russie, et de voir crouler, au premier mouvement, ce pesant et informe édifice - - - - - et de bureaucratie germanique. Pierre Ier a bien trouvé le moyen de sortir de l'ornière de l'antique Russie; mais il n'a pas indiqué à ses successeurs le chemin pour sortir de la ténébreuse période de Pétersbourg.

Le *passé* lie et contraint le gouvernement russe. Le passé, lui, est toujours présent, vivant dans son sang et sa cervelle. Le passé jette l'inquiétude et la terreur dans le cœur et attriste la pensée; il existe comme souvenir et comme remords, et les remords - - - - - revêtent deux formes: la peur et la férocité. Les fautes commises s'expient par des crimes et par l'apothéose du crime. Si un homme de génie, pour être révolutionnaire, s'est fait despote, son neveu écrit sur sa bannière: «*Autocrate*», comme si une forme de gouvernement, surtout l'absolutisme, pouvait être tout pour un Peuple.

Le monde slave ne demande que de s'asseoir en une fédération libre; la Russie est le monde slave organisé, c'est l'*état* slave. C'est à elle qu'appartient donc l'*hégémonie*, mais - - - la repousse. Au lieu d'appeler à lui les Peuples frères de son Peuple, il les dénonce; au lieu de se mettre à la tête du mouvement slave, il prête son bras et son or - - - - - des slaves. Il craint tout mouvement, toute vie; il craint la nationalité, il craint la propagande, il craint l'armée qui ne voudra pas rentrer dans ses foyers et se révoltera... L'armée, qui est vaillante mais non dévouée, qui ne fuit pas devant l'ennemi mais déserte en temps de paix, qui est lasse de mauvais traitements et d'insupportables fatigues, et qui porte, elle, le désespoir d'une existence perdue!

Le soldat russe doit servir quinze et même dix-sept ans, et on veut par-là qu'il cesse d'être homme pour devenir - - - - -
- - - - - Il commence pourtant à comprendre cette monstrueuse ini-

quité; il murmure, et - - - - - contemple avec une triste anxiété l'attitude sombre et sinistre - - - - - , sans savoir comment y porter remède. S'il diminue - - - - - il ne pourra plus contenir le pays; s'il réduit l'exorbitante durée du service, et qu'il jette chaque année dans les campagnes une masse de jeunes gens experts au maniement des armes, - - - - - .

Et toutefois, vous savez que les paysans russes ne manquent pas de terre et possèdent une organisation communale qui rend impossible le prolétariat; pourquoi donc se lèveraient-ils en masse? Parce que - - - - - , au lieu d'être les réformateurs, les civilisateurs, au lieu d'abolir l'humiliante servitude du paysan, l'ont étendue et consacrée; parce qu'eux mêmes ont exercé et exercent encore le droit - - - - - du seigneur sur le paysan; parce qu'ils ont légalisé l'abus, généralisé ces moeurs cruelles, dans le but de captiver - - - - - et de s'appuyer sur quelque chose - - - - - . Ils ont créé - - - - - en la prédestinant à la civilisation et à l'esclavage, et ils en ont eu raison en commençant à la corrompre.

Malheureux paysans russes, qu'a-t-on fait pour vous depuis le commencement du dix-huitième siècle? N'est-ce pas l'amie de Voltaire, Catherine II, la mère de la patrie, qui introduisit la servitude dans la Petite Russie, qui transforma en serfs les cosaques de l'Ukraine?

Les Cosaques, malheureux soldats cultivateurs, sont devenu l'épouvante de l'Europe par une fatalité cruelle ou par un caprice ignorant, tandis que les armées permanentes, qui devraient être l'objet - - - - - nullement imaginaire, restèrent cantonnées dans la Petite Russie pour protéger l'exécution de - - - - - . Catherine II - - - - - les couvents de la Russie centrale pour donner les communes, qui leur appartenaient, comme salaire - - - - - et au milieu de si nobles soins, elle trouvait dans son esprit assez d'aménités; dans ses lettres à Ferney, pour plaisanter sur le compte du barbare cosaque Pougatcheff. Son fils, le maniaque - - - - - récompensait, à la veille du XIXe siècle, - - - - - de ses courtisans, par le don de quelques milliers de paysans esclaves, - - - - - ainsi - - - - - .

Lorsque le gouvernement s'aperçut de toute l'iniquité, ou plutôt de toute - - - - - de cette politique spoliatrice à l'avantage d'une caste, il était trop tard pour y remédier. La noblesse ne voulut pas abandonner sa proie sans conquérir au moins les droits politiques. Détachée du Peuple et mise en opposition avec lui par l'œuvre du gouvernement, traînée dans la voie de la civilisation officielle, la noblesse était le plus ferme soutien - - - - - ; et toutefois elle fut

La première qui se détacha du gouvernement; et si, entre les deux, il y a encore un lien que les unisse, c'est la domination qu'ils exercent, à profit commun, sur le paysan. - - - - - ! Le gouvernement s'en aperçut et s'indigna de l'ingratitude de la noblesse; il avait cru pouvoir jouer avec la civilisation, mais il oubliait que le dernier mot de la civilisation s'appelle *Révolution!*

Alors le gouvernement commença une lutte sourde contre les lois de la noblesse; il les mine en semblant les consolider; il a l'intention d'émanciper les communautés seigneuriales et n'ose pas se mettre à l'œuvre, et il punit, avec une sévérité presque égale à celle, montrée naguère à Céphalonie par les Anglais, tout mouvement populaire vers l'émancipation. Le gouvernement hésite entre la peur d'une Jacquerie et le péril d'une révolution; il recommande l'émancipation à la noblesse (manifeste du 14 avril 1842), et il impose aux paysans l'obéissance muette et passive; il désire l'affranchissement des communautés seigneuriales, et rend esclaves du domaine impérial les communautés affranchies.

Confusion et chaos! Le gouvernement russe, défiant et irrésolu, plus brutal que ferme, entouré - - - - - trompé par ses - - - - -, vendu par ses amis, se trouve dans une voie sans issue. Despotisme limité par la concussion, il désire quelquefois alléger les maux du Peuple, et ne peut y réussir; il voudrait quelquefois arrêter le pillage organisé; mais le pillage est plus fort que le gouvernement. Triste, bileux, endurci, il n'a d'appui solide et immuable que - - - - . Et si, par hasard, - - - - n'était pas aussi *immuable* qu'il le croit?..

La physiologie de l'histoire, la théologie naturelle organique nous enseigne que le plus - - - - - peut durer quand il a encore quelque chose à faire; mais - - - - - est pris de sa fin, quand il ne peut plus rien faire ou ne fait plus rien que le mal; quand tout ce qui est progrès se change en péril pour lui; quand il a peur de tout mouvement. Le mouvement, c'est la vie; le craindre, c'est être à l'agonie. Un semblable - - - - - est absurde; il doit périr.

Quand - - - - - sera revenue dans son antique patrie, - - - - ne reparaitra plus en Russie. La prise de Constantinople serait le commencement d'une nouvelle Russie, d'une fédération slave *démocratique et sociale*.

Salut fraternel.

Londres, 20 novembre 1849.

Переводъ.

Письмо Русскаго къ Маццини.

Благодаря васъ за честь, которую вы оказали моему письму о Россіи ¹⁾, напечатавъ переводъ его въ «*L'Italia del Popolo*», я прошу васъ разрѣшить мнѣ прибавить къ нему нѣсколько мыслей, внушенныхъ мнѣ послѣдними событіями. Буду вамъ очень признателенъ, если вы дадите имъ мѣсто въ своемъ журналѣ.

Говорятъ о войнѣ между Россіей и Турціей. У императора Николая есть, очевидно, желаніе порвать съ Портой. Мало разбираясь - - - - - онъ вполнѣ удовлетворился предлогомъ, неосновательнымъ и - - - - -. Удивительно, что такой ловкій человекъ, какъ г. Титовъ ²⁾,— прежде московскій либеральный литераторъ,—не нашелъ лучшаго предлога, хотя бы въ интересахъ своей репутаціи.

Странная вещь! - - - - -, послѣ 24 лѣтъ - - - - - оказывается такимъ же непреклоннымъ преслѣдователемъ, какъ и въ первые дни - - - - -. Кругомъ стали уже забывать тѣ гнусные дни, когда царилъ *порядокъ въ Варшавѣ*; репутація - - - - - даже улучшилась въ сравненіи съ развращенностью и кровавой дикостью другихъ правительствъ. Юньскіе разстрѣлы и мрачное *delirium tremens* ³⁾ одной его сосѣдки, которая заставила ребенка, своего сына, исполнять обязанности палача, превзошли жестокость - - - - —и - - - - былъ переведенъ во второй рангъ тиранніи.

Но вотъ онъ опять появляется на глазахъ у всего міра, бросаетъ вызовъ Турціи подъ тѣмъ предлогомъ, что Порта, не будучи ни христіанской, ни цивилизованной, отказывается выдать семь—или восемьсотъ героевъ, которыхъ онъ хочетъ разстрѣлять.

Оскорбленіе, дѣйствительно, большое, и друзья обыкновенно не отказываютъ въ такихъ маленькихъ услугахъ!

Этотъ инцидентъ, можетъ, окончится безъ обнаженія оружія. Нашъ безсильный и дряхлый вѣкъ принимаетъ иногда, повидимому, важныя рѣшенія, но сейчасъ же отступаетъ, ничего не сдѣлавъ. Такъ, на примѣръ, за февральской революціей послѣдовало обратное

¹⁾ Это письмо напечатано въ еженедѣльномъ изданіи «*La Voix du Peuple*».—А. И. Г.

²⁾ Владиміръ Павловичъ, русскій константинопольскій посланникъ.

³⁾ Бѣлая горячка.

движеніе, которое увело насъ за 1789 г. Однако, война между Портой и Россіей—вопросъ лишь времени.

Константинополь остается постоянной мечтой Россіи; это — маякъ, котораго она, начиная съ X вѣка, никогда не теряла изъ виду. Для восточныхъ варваровъ Константинополь—восточный Римъ. Русскій народъ называетъ его *Царьградомъ*, царемъ городовъ, городомъ царей. Оттуда пришла его религія. Византія спасла его отъ католицизма и отъ римскаго права; падая подъ ударами османлисовъ, Византія передала Россіи своего двуглаваго орла, орла двойной имперіи, въ качествѣ приданнаго одной изъ Палеологовъ, вышедшей замужъ за перваго московскаго царя. Петръ I и его преемники не могли спокойно спать: они хотѣли добиться Константинополя. Ихъ не удовлетворили кровавые куски Ливоніи, Эстляндіи, Финляндіи и, наконецъ, Польши. Цѣль ихъ стремленій, ихъ утопія, ихъ идеаль — Константинополь. Екатерина II назвала Константиномъ своего втораго сына. Одинъ изъ сыновей Николая, генераль-адмиралъ, тоже названъ Константиномъ.

Моментъ для войны выбранъ недурно, и, можетъ, мы увидимъ, какъ двуглавый орелъ полетитъ въ сторону отъ сѣверныхъ льдовъ и опустится на полумѣсяцъ, который поднимается надъ христіанскими куполами святой Софіи. Стамбулъ падетъ, Византія воскреснетъ. Да свершится судьба!

Что значить этотъ инстинктъ, это вѣчное и роковое стремленіе славянъ къ Византіи, начиная съ варяговъ, съ Олега и Святослава, прибывшихъ къ вратамъ восточной столицы щитъ варварства и язычества, вплоть до императора Николая? Что это: естественная склонность, фізіологическій законъ или, если хотите, нѣчто роковое?

Въ интересахъ - - - - я, все-таки, посовѣтовалъ бы ему не бросаться опрометью въ эту войну, а сначала зрѣло подумать.

Вы думаете, можетъ, что я хотѣлъ бы отклонить его отъ этого, боясь, что войска будутъ побиты? Нѣтъ, русская армія выйдетъ побѣдительницей.

Или вы думаете, что Европа не допуститъ этого? Нѣтъ, Европа все допуститъ.

Я прекрасно понимаю, что такая война надѣляетъ много шума. Полетятъ во всѣ стороны дипломатическія ноты, нѣсколько именитыхъ дипломатовъ отправятся въ командировку; какой-нибудь армейскій корпусъ совершитъ военную прогулку, а другую прогулку, по морю, совершитъ флотъ. Этимъ предлогомъ воспользуются, чтобы добиться голосованія дополнительныхъ кредитовъ. Въ парламентахъ будутъ произноситься великолѣпныя рѣчи, которыя свергнутъ цѣ-

лый рядъ министерствъ. На улицахъ будутъ устраивать сборища. Въ газетахъ будутъ печатать пламенные статьи и воззванія къ народу. Будутъ попытки мирныхъ демонстрацій, которыя дадутъ друзьямъ порядка случай разстрѣливать своихъ враговъ и отправлять ихъ въ ссылку. Затѣмъ министры объявятъ, что русскій императоръ далъ искреннія и вполнѣ удовлетворяющія объясненія, что онъ не намѣревается расширять свое государство, что война съ Турціей направлена только противъ пагубныхъ и разрушительныхъ ученій, что вся цѣль войны—нанести ударъ социализму въ Константинополь, и водворится тишина. Развѣ Европа помѣшала Россіи пожрать Польшу, опустошить Венгрію и *покровительствовать* Молдавіи и Валахіи?

И кто произнесъ бы это *veto*?

Не Франція ли? Франція, какъ лэди Макбетъ, не такъ скоро смоетъ пятна крови съ своихъ братоубійственныхъ рукъ. Франція сама слишкомъ виновна, чтобы дерзнуть поднять голосъ противъ чьей-либо несправедливости.

Но, можетъ, Англія? Она сильна, но съ ней войдутъ въ соглашеніе. Ей дадутъ Египетъ. Можно даже отдать ей Петербургъ, безъ убытка! Въ ожиданіи этого она сожжетъ нѣсколько русскихъ купеческихъ судовъ, заключить торговый договоръ съ огромными для себя выгодами и займетъ на время нѣкоторые острова, которые потомъ забудетъ вернуть.

Не Австрія ли? Но развѣ Австрія существуетъ? Это—историческое воспоминаніе, географическій терминъ, это—трупъ, который еще не успѣли похоронить.

А не сдѣлаетъ ли это случайно берлинскій русскій паша? Но развѣ это правительство можетъ быть чѣмъ инымъ, нежели русскимъ?

И, тѣмъ не менѣе, я не посовѣтовалъ бы - - - - - грѣться на солнцѣ, которое сверкаетъ на островахъ Босфора. Въ Петербургѣ холоднѣе, но спокойнѣе. Если Константинополь будетъ взятъ, сломится желѣзный скипетръ Петра I, стремясь растянуться до Дарданеллъ. Послѣ завоеванія Константинополя - - - - - сдѣлается невозможною, бесполезною, потеряетъ всякое значеніе. - - - - - непрерывно губить себя со времени національнаго пробужденія русскихъ въ 1812 г., со времени проклятаго Священнаго Союза и подъема политическихъ чувствъ въ 1825 г. - - - - - не создаетъ больше ничего: она потеряла всякую инициативу и старается только удержаться, подавляя всякое движеніе, противясь всячески прогрессу. Ея дѣло — чисто отрицательное.

Россія, полная жизни и силъ, пятится назадъ или стоитъ неподвижно. Абсолютизмъ, желая все поглотить и всего боясь, задерживаетъ движеніе - - - - Это тяжелый *тормазъ*, все болѣе и болѣе давящій на колеса и который кончитъ тѣмъ, что остановитъ всю машину или разобьетъ ее и - - - - -

Посмотрите, какъ держитъ себя петербургское правительство съ 24 февраля ¹⁾! Въ жаждѣ земельныхъ приращеній оно не сводитъ глазъ съ Галиціи, съ Познанскаго герцогства и съ Дунайскихъ княжествъ. Въ безпокойной своей жадности оно перебираетъ шансы захвата себѣ австрійскихъ славянъ, да не смѣетъ рѣшиться — слишкомъ силенъ страхъ привить революцію Россіи! и тогда, при первомъ же движеніи, вдругъ рухнетъ громоздкое и неуклюжее зданіе - - - - - и нѣмецкой бюрократіи! Петръ I нашель средство выйти изъ колеи старой Россіи, но не указалъ своимъ преемникамъ дороги, по которой выбраться изъ сумрачнаго петербургскаго періода.

Прошлое связываетъ и стѣсняетъ русское правительство. Прошлое остается всегда настоящимъ, живя въ крови и въ мозгу. Прошлое ввергаетъ въ сердце безпокойство и страхъ и печалитъ думы. Оно продолжаетъ жить, какъ воспоминаніе и какъ угрызения совѣсти, а угрызения совѣсти выражаются - - - - - въ двухъ формахъ: въ страхѣ и въ звѣрской жестокости. Сдѣланныя ошибки искупаются преступленіями и апоѳеозомъ преступленія. Геніальный человѣкъ сдѣлался деспотомъ, чтобы быть революціонеромъ, его же племянникъ ²⁾ пишетъ на своемъ знамени «*автократъ*», какъ будто форма правленія, въ особенности абсолютизма, составляетъ для народа все.

Славянскій міръ хочетъ только одного—свободной федераціи. Россія есть организованный славянскій міръ, это—славянское *государство*. Естественно, что ей должна принадлежать *гегемонія*, но - - - отклоняетъ ее. вмѣсто того, чтобы призвать къ себѣ братьевъ своего народа, онъ выдаетъ ихъ; вмѣсто того, чтобы стать во главѣ славянскаго движенія, онъ даетъ вооруженную помощь и золото - - - - - славянъ. Онъ боится всякаго движенія, всякой жизни. Онъ боится національности, боится пропаганды, боится арміи, какъ бы солдаты не захотѣли вернуться домой и не подняли возстаніе... Армія храбра, но не выказываетъ преданности; она не бѣжитъ отъ непріятели, но дезертируетъ въ мирное время; она утомилась отъ дурного обращенія и невыносимой усталости, она проникнута отчаяніемъ потерянной жизни!

¹⁾ Первый день французской революціи 1848 г.

²⁾ Наполеонъ III приходился племянникомъ Наполеону I.

Русскій солдатъ обязанъ служить 15 и даже 17 лѣтъ; этимъ хотяжь добиться, чтобы онъ пересталъ быть человѣкомъ и сдѣлался - - - - - . Солдатъ, однако, начинаеть понимать эту чудовищную несправедливость; онъ ропщеть, и - - - - - съ тревогой смотритъ на мрачное и зловѣщее настроеніе - - - - - , не зная при этомъ, какъ поправить дѣло. Если уменьшить - - - - - , нельзя будетъ сдерживать страну; если сократить непомѣрный срокъ службы, возвращая каждый годъ въ деревни огромное число молодыхъ людей, умѣющихъ обращаться съ оружіемъ, —

Но вы знаете, что русскіе крестьяне не имѣють недостатка въ землѣ и пользуются общиннымъ строемъ, который дѣлаеть невозможнымъ существованіе пролетаріата, — почему же они возстануть массами! Потому что - - - - - , вмѣсто того, чтобы быть реформаторами, цивилизаторами, вмѣсто того, чтобы уничтожить унижительное закрѣпощеніе крестьянъ, расширили его и освятили; потому что они сами пользовались и пользуются до сихъ поръ - - - - - правомъ помѣщика надъ крестьянами; потому что - - - узаконили злоупотребленія и распространили эти жестокіе нравы съ цѣлью привлечь къ себѣ - - - - - и получить хоть какую-нибудь - - - - - . Они создали - - - - - , предназначая его для цивилизаціи и рабства, и справились съ нимъ, начавъ его возвращать.

Несчастные русскіе крестьяне, что сдѣлано для васъ съ начала XVIII вѣка? Развѣ не Екатерина II, подруга Вольтера и мать отечества, ввела крѣпостное право въ Малороссіи, развѣ не она обратила вольныхъ прежде украинскихъ казаковъ въ крѣпостныхъ?

Казаки, несчастные солдаты-земледѣльцы, стали, по какой-то жестокой волѣ рока или вслѣдствіе невѣжественнаго каприза, пугаломъ для Европы, а постоянныя арміи, которыя должны бы быть предметомъ - - - , отнюдь не мнимаго, расквартированы въ Малороссіи, чтобы охранять исполненіе - - - - - . Екатерина II - - - - - русскіе монастыри, чтобы отдать принадлежавшія имъ общины въ видѣ награды - - - - - . И среди столь благородныхъ заботъ она находила въ себѣ достаточно остроумія, чтобы въ письмахъ своихъ въ Фернэ шутить насчетъ дикаго казака Пугачева. Ея сынъ, - - - - - маньякъ, вознаграждалъ, накануне XIX столѣтія, своихъ придворныхъ за ихъ - - - - - тысячами крѣпостныхъ и - - - - - , такимъ образомъ,

Когда правительство поняло вопіющую несправедливость или,

вѣрнѣе, все - - - - этой хищной политики въ пользу одной лишь касты, стало уже слишкомъ поздно. Дворянство не захотѣло отдать добычу, не завоевавъ себѣ, по крайней мѣрѣ, политическихъ правъ. Оторванное отъ народа и, благодаря правительству, враждебно поставленное къ нему, тащимое по пути официальной цивилизациі, дворянство явилось самой прочной опорой - - - - -
 - - - - - И, все-таки, оно первое отошло отъ правительства. И если есть еще какая-нибудь связь между ними двумя, то это — господство надъ крестьянами, которымъ они пользуются для обоюдной выгоды. - - - - - ! Правительство замѣтило указанное отдаленіе и вознегодовало на неблагодарное дворянство, оно полагало, что возможно играть въ цивилизацию, но забыло, что послѣднее слово цивилизациі называется *революціа!*

Тогда правительство начало вести глухую борьбу противъ законовъ о дворянахъ. Оно ихъ подрываетъ, дѣлая видъ, будто укрѣпляетъ. Оно намѣрено освободить крестьянскія общины, принадлежащія помѣщикамъ, но не осмѣливается взяться за дѣло и всякое движеніе народа къ свободѣ наказываетъ почти съ такой же жестокостью, какую недавно выказали англичане въ Кефалоніи. Правительство колеблется между страхомъ передъ жакеріей и опасностью революціи; оно рекомендуетъ помѣщикамъ освобождать своихъ крестьянъ (манифестъ 2 апрѣля 1842 г.), а на крестьянъ налагаетъ нѣмое и пассивное послушаніе. Оно желаетъ освободить помѣщицкія общины, а освобожденные общины обращаетъ въ рабовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Смѣшеніе и хаосъ! Русское правительство, недовѣрчивое и нерѣшительное, скорѣе грубое, чѣмъ твердое, окруженное - - - - -
 - - - - - , обманываемое его - - - - - , проданное друзьями, очутилось на пути безвыходномъ. Деспотическое ограниченное лихоимствомъ, оно старается иногда облегчить положеніе народа, но ему это не удается; оно хотѣло бы иногда прекратить организованный грабежъ, но этотъ грабежъ сильнѣе его. Печальное, желчное, ожесточенное, оно имѣетъ подъ собой одну лишь прочную, неизмѣнную опору, это — - - - . А вдругъ - - - окажется тоже не столь *неизмѣнной*, какъ правительство полагаетъ?...

Физиологія исторіи и естественная органическая теологія учатъ насъ, что даже самое - - - - - можетъ держаться, пока ему остается еще что-нибудь сдѣлать, но конецъ его близокъ, когда оно не въ состояніи ничего больше сдѣлать или дѣлаетъ только зло, когда всякій прогрессъ обращается для него въ опасность, когда оно боится всякаго общественнаго движенія. Движеніе, это —

жизнь; бояться его значить находиться въ агоніи. Такое - - - -
- - - - - нелѣпо; оно должно погибнуть.

Когда - - - - - вернется на свою родину, - - - уже
больше не появится въ Россіи. Взятіе Константинополя было бы
началомъ новой Россіи, началомъ славянской федераціи—*демократической и соціальной*.

Братскій привѣтъ.

Лондонъ, 20 ноября 1849.

1850

490. Письмо къ А. А. Герцену.

16 января 1850.
Парижъ.

Любезный Саша, можетъ быть, я тебя скоро увижу, если мама тебя возьметъ съ собою. Здѣсь снѣгъ по колѣно,—что же у васъ. Я старѣюсь безъ васъ. Расцѣлуй Колю и Тату. Когда-то я увижу васъ всѣхъ.

Твой папа.

Кланяйся Элизѣ ¹⁾).

¹⁾ Горничная.

491. СЪ ТОГО БЕРЕГА.

Сыну моему Александру.

Любезный Саша!

Я посвящаю тебѣ эту книгу, потому что я ничего не писалъ лучшаго и, вѣроятно, ничего лучше не напишу; потому что я люблю эту книгу, какъ памятникъ борьбы, въ которой я пожертвовалъ многимъ, но не отвагой знанія; потому, наконецъ, что я нисколько не боюсь дать въ твои отроческія руки этотъ, мѣстами дерзкій, протестъ независимой личности противъ міросозерцанія устарѣлаго, рабскаго и полного лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ, принадлежащихъ иному времени и бессмысленно доживающихъ свой вѣкъ между нами, мѣшая однимъ, пугая другихъ.

Я не хочу тебя обманывать: знай истину, какъ я ее знаю; тебѣ *эта* истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства.

... Въ твоей жизни придутъ иные вопросы, иныя столкновенія... въ страданіяхъ, въ трудѣ недостатка не будетъ.

Тебѣ 15 лѣтъ,—и ты уже испыталъ страшные удары.

... Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ,—ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начался.

Мы не строимъ, мы ломаемъ; мы не возвѣщаемъ новаго откровенія, а устраняемъ старую ложь. Современный человѣкъ, печальный Pontifex maximus ¹⁾, ставитъ только мостъ,—иной, неизвѣстный, будущій пройдетъ по немъ... Ты, можетъ, увидишь его... не останься на *этомъ берегу*... Лучше съ революціей погибнуть, нежели спастись въ богадѣльнѣ реакціи.

¹⁾ Высшій жрецъ у римлянъ; онъ велъ лѣтопись своего времени.

Религія революціи, великаго общественнаго пересозданія — одна религія, которую я завѣщаю тебѣ. Она безъ рая, безъ вознагражденій, кромѣ собственнаго сознанія, кромѣ совѣсти... Иди въ свое время проповѣдывать ее къ намъ, *домой*: тамъ любили когда-то мой языкъ и, можетъ, вспомнятъ меня.

Я благословляю тебя на этотъ путь во имя человѣческаго разума, личной свободы и братской любви!

Твой отецъ.

1 января 1855.

Ричмондъ-Гаузъ. Твикнемъ.¹

«Vom andern Ufer» — первая книга, изданная мною на Западѣ; рядъ статей, составляющихъ ее, былъ написанъ по-русски въ 1848 и 49 гг.

Теперь многое не ново въ ней¹⁾. Пять страшныхъ лѣтъ научили кое-чему самыхъ упорныхъ людей, самыхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ *нашего* берега. Въ началѣ 1850 г. книга моя сдѣлала много шума въ Германіи; ее хвалили и бранили съ ожесточеніемъ, и рядомъ съ отзывами, больше нежели лестными, такихъ людей, какъ Юліусъ Фребель, Якоби, Фальмерайеръ²⁾, люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее.

Меня обвиняли въ проповѣдованіи отчаянія, въ незнаніи народа, въ *dépit amoueux*³⁾ противъ революціи, въ *неуваженіи* къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ...

Второе декабря⁴⁾ отвѣтило имъ громче меня.

Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ моимъ, съ Зольгеромъ⁵⁾; онъ укладывался, чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, — въ Европѣ, казалось ему, *дѣлать* нечего. — «Обстоятельства, — замѣтилъ я, — кажется, убѣдили васъ, что я былъ не вовсе неправъ?» — Мнѣ не нужно было столько, — отвѣчала Зольгеръ, добродушно смѣясь, — чтобы догадаться, что я тогда писалъ большой вздоръ.

¹⁾ Я прибавилъ три статьи, напечатанныя въ журналахъ и назначенныя для *второго* изданія, которое нѣмецкая цензура не позволяетъ; эти три статьи: «Эпилогъ», «Omnia mea mecum porto» и «Доносо Кортесъ». Ими замѣнилъ я небольшую статью о Россіи, писанную для иностранцевъ. — А. И. Г.

²⁾ Яковъ-Филиппъ, нѣмец. историкъ и путешественникъ.

³⁾ Выраженіе, близкое къ русской пословицѣ: «Кого люблю, того и бью» (съ досады).

⁴⁾ 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеонъ произвелъ государственный переворотъ.

⁵⁾ Рейнгольдъ. О немъ подробно въ комментаріяхъ.

Несмотря на это милое сознание, общій выводъ суждений, оставшееся впечатлѣніе были скорѣе противъ меня. Не выражаетъ ли это чувство раздражительности близость опасности, страхъ передъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное, окаменѣлое старчество? Но близость опасности—близость надежды!

... Странная судьба русскихъ—видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе и смѣло высказывать свое мнѣніе,—русскихъ, этихъ «нѣмыхъ»,—какъ говорилъ Мишле.

Вотъ что писалъ гораздо прежде меня одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ: «Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмого на десять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, ... всемѣстное распространеніе духа общности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій? ... Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ челоуѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ... Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій челоуѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ... соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностью... Гдѣ теперь сія утѣшительная система? ... Она разрушилась въ своемъ основаніи!.. Осьмой на десять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобъ лечь въ нее съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

«Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать?.. Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости?.. Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя; въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушеній не узнаю тебя!..

«Мизософы торжествуютъ. «Вотъ плоды вашего просвѣщенія», говорятъ они, «вотъ плоды вашихъ наукъ!.. Да погибнетъ же ваша философія! — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, отца, или сына, или друга, повторяетъ: *«да поибнетъ!..»*

«Кровопротіе не можетъ быть вѣчно,—я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечомъ, утомится; сѣра и селитра источатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ, тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ тишина?—Если мертвая, хладная, мрачная?..

«...Паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, ... даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампы угаснутъ,—что будетъ? Я ужасаюсь и чувствую трепетъ въ сердцѣ. Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины,—но что же будетъ съ міромъ?..

«...Я закрываю лицо свое!

«... Ужели родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія и долженъ... снова погрузиться въ варварство и снова мало-по-малу выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи вознесенъ на верхъ горы, собственной тяжестью скатывается внизъ и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится?—...Печальный образъ!

«Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ *вѣроятность* сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ азіатскихъ народовъ и царствъ, но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ... можно думать, что сіи народы были не варвары... Царства разрушались, народы исчезали, изъ праха ихъ... рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и—славились. Можетъ быть, Эоны погрузились въ вѣчность, и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ...

«Египетское просвѣщеніе соединяется съ греческимъ... Римляне учились въ сей великой школѣ...

«Что же послѣдовало за сею блестящею эпохой?—Варварство многихъ вѣковъ...

«Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тьма. Наконецъ, солнце наукъ возсіяло, добрые и... легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегъ!*.. Но вдругъ небо дымится и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ туманахъ! О, потомство! Какая участь ожидаетъ тебя!..

«Иногда несносная грусть тѣснить мое сердце, иногда упадаю на колѣна и простираю руки свои къ Невидимому... Нѣтъ отвѣта!—Голова моя клонится къ сердцу...

«Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи съ днемъ... капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ... Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? На что будетъ жить потомство?..

«Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ!»

Эти выстраданныя строки, огненные и полная слезъ, были писаны въ концѣ девяностыхъ годовъ *Н. М. Карамзинына* ¹⁾.

Введеніемъ къ русской рукописи были нѣсколько словъ, обращенныхъ къ друзьямъ на Руси. Я не считалъ нужнымъ повторять ихъ въ нѣмецкомъ изданіи,—вотъ они.

1) Изъ «Мелодоръ къ Филалету» (1795). Цитата проверена по подлиннику и всѣ многочисленные пропуски означены многоточіями.

данія болѣзненны, жгучи, но *гласны*: борьба открытая, никто не прячется. Горе побѣжденнымъ, но они не побѣждены прежде боя, не лишены языка прежде, чѣмъ вымолвили слово; велико насиліе, но протестъ громокъ; бойцы часто идутъ на галеры, скованные по рукамъ и ногамъ, но съ поднятой головой, съ свободной рѣчью. Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, «го-нимыхъ, но не низлагаемыхъ».

За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ — моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мнѣ стоило рѣшиться... Вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу и рѣшился не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ, обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ, принесъ все на жертву

Человѣческому достоинству,
Свободной рѣчи...

До послѣдствій мнѣ нѣтъ дѣла,—они не въ моей власти, они скорѣе во власти своевольнаго каприза, который забылся до того, что очертилъ произвольнымъ циркулемъ не только наши слова, но и наши шаги. Въ моей власти было не послушаться, я и не послушался.

Повиноваться противно своему убѣжденію, когда есть возможность не повиноваться, — безнравственность. Страдательная покорность становится почти невозможной. Я присутствовалъ при двухъ переворотахъ; я слишкомъ жилъ свободнымъ человѣкомъ, чтобъ снова позволить сковать себя; я испыталъ народныя волненія, я привыкъ къ свободной рѣчи и не могу сдѣлаться вновь крѣпостнымъ, ни даже для того, чтобъ страдать съ вами. Еслибъ еще надо было умѣрить себя для общаго дѣла, можетъ, силы нашлись бы; но гдѣ на сію минуту наше общее дѣло? У васъ дома нѣтъ почвы, на которой можетъ стоять свободный человѣкъ. Можете ли вы послѣ этого звать?.. На борьбу — идемъ! на глухое мученичество на бесплодное молчаніе, на повиновеніе—ни подъ какимъ видомъ! Требуйте отъ меня всего, но не требуйте двоедушія, не заставляйте

меня снова представлять вѣрноподданного, уважьте во мнѣ свободу челоуѣка.

Свобода лица—величайшее дѣло; на ней—и *только на ней*,— можетъ вырасти дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ челоуѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе, какъ въ ближнихъ, какъ въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь — мое право, мой долгъ; это единственный протестъ, который можетъ у насъ сдѣлать личность; эту жертву она должна принести своему челоуѣческому достоинству. Ежели вы назовете мое удаленіе бѣгствомъ и извините меня только вашей любовью, это будетъ значить, что вы еще не совершенно свободны.

Я все знаю, что можно возразить съ точки зрѣнія романтическаго патріотизма и цивической натянутости; но я не могу допустить этихъ старовѣрческихъ воззрѣній: я ихъ пережилъ, я вышелъ изъ нихъ и именно противъ нихъ борюсь. Эти подогрѣтые остатки римскихъ и христіанскихъ воспоминаній мѣшаютъ больше всего водворенію истинныхъ понятій о свободѣ,—понятій здоровыхъ, ясныхъ, возмужалыхъ. По счастью, въ Европѣ нравы и долгое развитіе восполняютъ долею нелѣпыхъ теорій и нелѣпыхъ законы. Люди, живущіе здѣсь, живутъ на почвѣ, удобренной двумя цивилизаціями; путь, пройденный ихъ предками въ продолженіе двухъ съ половиною тысячелѣтій, не былъ напрасенъ, много челоуѣческаго выработалось независимо отъ внѣшняго устройства и офиціального порядка.

Въ самыя худшія времена европейской исторіи мы встрѣчаемъ нѣкоторое уваженіе къ личности, нѣкоторое признаніе независимости, нѣкоторыя права, уступаемыя таланту, гению. Несмотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не послали на поселеніе, Лессинга не сѣкли или не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и къ нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности — одинъ изъ великихъ челоуѣческихъ принциповъ европейской жизни.

Въ Европѣ никогда не считали преступникомъ живущаго за границей и измѣнникомъ переселяющагося въ Америку.

У насъ нѣтъ ничего подобнаго. У насъ лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у насъ всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу; челоуѣкъ пропадалъ въ государствѣ, распускался въ общинѣ. Переворотъ Петра I замѣнилъ устарѣлое помѣщичье управление Русью европейскимъ канцелярскимъ порядкомъ; все, что можно было переписать изъ шведскихъ и нѣмецкихъ законодательствъ, все, что

можно было перенести изъ муниципально-свободной Голландіи въ страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но неписанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктуальное признаніе правъ лица, правъ мысли, истины не могло перейти и не перешло. Рабство у насъ увеличилось съ образованіемъ; государство росло, улучшалось, но лицо не выиграло; напротивъ, чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо. Европейскія формы администраціи и суда, военнаго и гражданскаго устройства развились у насъ въ какой-то чудовищный, безвыходный деспотизмъ.

Еслибъ Россія не была такъ пространна, еслибъ чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ Россіи нельзя бы было жить ни одному человѣку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство.

Избалованность власти, не встрѣчавшей никакого противодѣйствія, доходила нѣсколько разъ до необузданности, не имѣющей ничего себѣ подобнаго ни въ какой исторіи. Вы знаете мѣру ея изъ разсказовъ о поэтѣ своего ремесла, - - - - - . Отнимите капризное, фантастическое - - - - , и вы увидите, что онъ вовсе не оригиналенъ, что принципъ, вдохновлявшій его, одинъ и тотъ же - - - - - , но въ каждомъ губернаторѣ, въ каждомъ квартальномъ, въ каждомъ помѣщикѣ. Опьяненіе самовластья овладѣваетъ всѣми степенями знаменитой іерархіи въ четырнадцать ступеней. Во всѣхъ дѣйствіяхъ власти, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ проглядываетъ нахальное безстыдство, наглое хвастовство своей безотвѣтственностью, оскорбительное сознаніе, что лицо все вынесетъ: тройной наборъ, законъ о заграничныхъ пассахъ, исправительныя розги въ инженерномъ институтѣ,—такъ, какъ Малороссія вынесла крѣпостное состояніе въ XVIII вѣкѣ; такъ, какъ вся Русь, наконецъ, повѣрила, что людей можно продавать и перепродавать, и никогда никто не спросилъ, на какомъ законномъ основаніи все это дѣлается, ни даже тѣ, которыхъ продавали. Власть у насъ увѣреннѣе въ себѣ, свободнѣе, нежели въ Турціи, нежели въ Персіи: ее ничего не останавливаетъ, никакое прошедшее; отъ своего она отказалась, до европейскаго ей дѣла нѣтъ; народность она не уважаетъ, общечеловѣческой образованности не знаетъ, съ настоящимъ она борется. Прежде, по крайней мѣрѣ, правительство стыдилось сосѣдей, училось у нихъ; теперь оно считаетъ себя призваннымъ служить примѣромъ для всѣхъ притѣснителей, теперь оно поучаетъ.

Мы съ вами видѣли самое страшное - - - - -
Мы выросли подъ терроромъ, подъ черными крыльями тайной по-

лиціи въ ея когтяхъ; мы изуродовались подъ безнадежнымъ гнетомъ и уцѣлѣли кой-какъ. Но не мало ли этого? не пора ли развязать себѣ руки и слово для дѣйствія, для примѣра, не пора ли разбудить дремлющее сознание народа? а развѣ можно будить, говоря шопотомъ, дальними намеками, когда крикъ и прямое слово едва слышны? Открытыя, откровенныя дѣйствія необходимы; - - - - такъ сильно потрясло всю молодую Русь, оттого что оно было на - - - - - . Теперь не токмо площадь, но книга, кафедра—все стало невозможно въ Россіи. Остается личный трудъ въ тиши или личный протестъ издали.

Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣтъ колодки, но для того, чтобъ работать. Жить, сложа руки, можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ *нашего* дѣла.

Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею приобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ее не оставитъ, тотъ ее не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь полезнѣе, я здѣсь — безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель.

Все это кажется новымъ и страннымъ только намъ,—въ сущности, тутъ ничего нѣтъ непримѣрнаго. Во всѣхъ странахъ, при началѣ переворота, когда мысль еще слаба, а матеріальная власть не обуздана, люди преданные и дѣятельные отъѣзжали, ихъ свободная рѣчь раздавалась издали, и самое это *издали* придавало словамъ ихъ силу и власть, потому что за словами виднѣлись дѣйствія, жертвы. Мощь ихъ рѣчей росла съ разстояніемъ, какъ сила верженія растетъ въ камнѣ, пущенномъ съ высокой башни. Эмиграція—первый признакъ приближающагося переворота.

Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантию пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу *das vornehme Ignoriren* ¹⁾ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ она испытала мѣщанскую республику и алжирскихъ казаковъ, съ тѣхъ поръ, какъ отъ Дуная до Атлантическаго океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ

1) Надменное игнорированіе.

поръ, какъ тюрьмы, галеры полны гонимыхъ за убѣжденія... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ бою, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; расскажемъ ей объ этомъ мощномъ и не разгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ, который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда; они его только боятся, — надобно имъ знать, чего они боятся.

До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались нѣмца для того, чтобъ рекомендоваться Европѣ. Не стыдно ли?

Успѣю ли я что сдѣлать?.. Не знаю,—надѣюсь!

Итакъ, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то и другое. А тамъ,—кто знаетъ, чего мы не видали въ послѣднее время! Быть можетъ, и не такъ далекъ, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало, въ Москвѣ и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ: «За Русь и святую волю!»

Сердце отказывается вѣрить, что этотъ день не придетъ, замираетъ при мысли вѣчной разлуки. Будто я не увижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ полный юношескихъ мечтаній; эти дома, такъ сроднившіеся съ воспоминаніями, наши русскія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи?.. Не можетъ быть! Ну, а если? Тогда я завѣщаю мой тостъ моимъ дѣтямъ и, умирая на чужбинѣ, сохраню вѣру въ будущность русскаго народа и благословлю его изъ дали моей добровольной ссылки!

Парижъ, 1 марта 1849 г.

I.

Передъ грозой.(РАЗГОВОРЪ НА ПАЛУБЪ).²

Ist's denn so grosses Geheimniss was Gott und
der Mensch und die Welt sei?
Nein, doch niemand hört's gern, da bleibt es
geheim¹).

Goethe.

...Я согласенъ, что въ вашемъ взглядѣ много смѣлости, силы, правды, много юмору даже, но принять его не могу; можетъ, это дѣло организаціи, нервной системы. У васъ не будетъ послѣдovателей, пока вы не научитесь перемѣнять кровь въ жилахъ.

— Быть можетъ, однако, мой взглядъ начинаетъ вамъ нравиться, вы отыскиваете фізіологическія причины, обращаетесь къ природѣ.

— Только навѣрное не для того, чтобъ успокоиться, отдѣлаться отъ страданій, смотрѣть въ безучастномъ созерцаніи съ высоты олимпическаго величія, какъ Гете, на тревоженный міръ и любоваться броженіемъ этого хаоса, безсильно стремящагося устояться.

— Вы становитесь злы, но ко мнѣ это не относится; если я старался уразумѣть жизнь, у меня въ этомъ не было никакой цѣли, мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать, мнѣ хотѣлось заглянуть подальше; все слышанное, читанное не удовлетворяло, не объясняло, а, напротивъ, приводило къ противорѣчіямъ или къ нелѣпостямъ. Я не искалъ для себя ни утѣшенія, ни отчаянія, и это, потому что былъ молодъ; теперь я всякое мимолетное утѣшеніе, всякую минуту радости цѣню очень дорого: ихъ остается все меньше и меньше. Тогда я искалъ только истины, сильнаго пониманья; много ли уразумѣлъ, много ли понялъ, не знаю. Не скажу, чтобъ мой взглядъ былъ особенно утѣшительнъ, но я сталъ покойнѣе, пересталъ сердиться на жизнь за то, что она не даетъ того, чего не можетъ дать, вотъ все, выработанное мною.

¹) Развѣ такая большая тайна, что Богъ и міръ существуютъ?

Нѣтъ, однако никто не любитъ объ этомъ слушать, и потому оно остается тайною.

— Я, съ своей стороны, не хочу перестать ни сердиться, ни страдать; это такое человеческое право, что я и не думаю поступить имъ; мое негодование—мой протестъ; я не хочу мириться.

— Да и не съ кѣмъ. Вы говорите, что вы не хотите перестать страдать; это значить, что вы не хотите принять истины такъ, какъ она откроется вашей собственной мыслию; можетъ, она и не потребуеъ отъ васъ страданій; вы впередъ отрекаетесь отъ логики, вы предоставляете себѣ по выбору принимать и отвергать послѣдствія. Помните того англичанина, который всю жизнь не признавалъ Наполеона императоромъ, что ему не помѣшало два раза короноваться. Въ такомъ упорномъ желаніи оставаться въ разрывѣ съ міромъ—не только непослѣдовательность, но бездна суетности; человѣкъ любитъ эффектъ, роль,—особенно трагическую: страдать хорошо, благородно, предполагаетъ несчастіе. Это еще не все,—сверхъ суетности, тутъ бездна трусости. Не сердитесь за слово; изъ-за боязни узнать истину, многіе предпочитаютъ страданіе разбору; страданіе отвлекаеъ, занимаетъ, утѣшаетъ... да, да, утѣшаетъ; а главное, какъ всякое занятіе, оно мѣшаетъ человѣку углубляться въ себя, въ жизнь. Паскаль говорилъ, что люди играютъ въ карты для того, чтобъ не оставаться съ собой наединѣ. Мы постоянно ищемъ такихъ или другихъ картъ, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дѣло. Наша жизнь—постоянное бѣгство отъ себя; точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобъ не слышать рѣчей, раздающихся внутри: ему грустно,—онъ бѣжитъ разсѣяться; ему нечего дѣлать,—онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ, женится на скорую руку. Тутъ гавань: семейный миръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать, онъ не долженъ быть настолько празденъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается до-пьяна всѣмъ на свѣтѣ—виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями, ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему, все-таки, легче кажутся, нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобъ не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями, мы проходимъ по жизни спросонья и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ. Престранное дѣло: во всемъ, не касающемся внутреннихъ жизненныхъ вопросовъ, люди умны, смѣлы, про-

нищательны; они считаютъ себя, напримѣръ, посторонними природѣ и изучаютъ ее добросовѣстно; тутъ другая метода, другой приѣмъ. Не жалко ли такъ бояться правды, изслѣдованія? Положимъ, что много мечтаній поблекнетъ; будетъ не легче, а тяжеле,—все же нравственнѣе, достойнѣе, мужественнѣе не ребячиться. Еслибъ люди смотрѣли другъ на друга, какъ смотрятъ на природу, смѣясь, сошли бы они съ своихъ пьедесталовъ и курульныхъ креселъ, взглянули бы на жизнь проще, перестали бы выходить изъ себя за то, что жизнь не исполняетъ ихъ гордые приказы и личныя фантазіи. Вы, напримѣръ, ждали отъ жизни совсѣмъ не то, что она вамъ дала; вмѣсто того, чтобъ оцѣнить то, что она вамъ дала, вы негодуете на нее. Это негодованіе, пожалуй, хорошо,—острая закваска, влекущая человѣка впередъ, къ дѣятельности, къ движенію; но, вѣдь, это начало; нельзя же только негодовать, проводить всю жизнь въ оплакиваніи неудачъ, въ борьбѣ и досадѣ. Скажите откровенно: чѣмъ вы искали убѣдиться, что требованія ваши истинны?

— Я ихъ не выдумывалъ, они невольнo родились въ моей груди; чѣмъ больше я размышлялъ о нихъ потомъ, тѣмъ яснѣе раскрывалась мнѣ ихъ справедливость, ихъ разумность,—вотъ мои доказательства. Это вовсе не уродство, не помѣшательство; тысячи другихъ, все наше поколѣніе страдаетъ почти такъ же, больше или меньше, смотря по обстановкѣ, по степени развитія, и тѣмъ больше, чѣмъ больше развитія. Повсюдная скорбь—самая рѣзкая характеристика нашего времени; тяжелая скука налегла на душу современнаго человѣка, сознаніе нравственнаго безсилія его томить, отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было старить его прежде времени. Я на васъ смотрю, какъ на исключеніе, да и, сверхъ того, ваше равнодушіе мнѣ подозрительно: оно сбивается на охладившееся отчаяніе, на равнодушіе человѣка, который потерялъ не только надежду, но и безнадежность; это—неестественный покой. Природа, истинная во всемъ, что дѣлаетъ, какъ вы повторяли нѣсколько разъ, должна быть истинна и въ этомъ явленіи скорби, тягости; всеобщность его даетъ ему нѣкоторое право. Сознай-тесть, что именно съ вашей точки зрѣнія довольно трудно возражать на это.

— На что же непременно возражать; я ничего лучше не прошу, какъ соглашаться съ вами. Тягостное состояніе, о которомъ вы говорите, очевидно и, конечно, имѣетъ право на историческое оправданіе и еще болѣе на то, чтобъ сыскать выходъ изъ него. Странаніе, боль, это—вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность. Миръ, въ которомъ мы живемъ, умираетъ, то есть тѣ формы, въ которыхъ про-

является жизнь: никакія лѣкарства не дѣйствуютъ болѣе на обветшалое тѣло его; чтобъ легко вздохнуть наслѣдникамъ, надобно его похоронить, а люди хотятъ непременно его вылѣчить и задерживаютъ смерть. Вамъ, вѣрно, случалось видѣть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвѣстность, которая распространяется въ домѣ, гдѣ есть умирающій: отчаяніе усиливается надеждой, нервы у всѣхъ натянуты, здоровые больны, дѣла не идутъ. Смерть больного облегчаетъ душу оставшихся; льются слезы, но нѣтъ болѣе убійственного ожиданія, несчастіе передъ глазами, во весь ростъ, безвозвратное, отрѣзавшее всѣ надежды, и жизнь начинаетъ врачевать, примирять, брать новый оборотъ. Мы живемъ во время большой и трудной агоніи, это достаточно объясняетъ нашу тоску. Къ тому же предшествовавшіе вѣка особенно воспитали въ насъ грусть, болѣзненное томленіе. Три столѣтія тому назадъ все простое, здоровое, жизненное было еще подавлено; мысль едва осмѣливалась поднимать свой голосъ, ея положеніе было похоже на положеніе жидовъ въ среднихъ вѣкахъ,—лукавое, по необходимости, рабское, озирающееся. Подъ этими вліяніями сложился нашъ умъ, онъ выросъ, возмужалъ внутри этой нездоровой сферы; отъ католическаго мистицизма онъ естественно перешелъ въ идеализмъ и сохранилъ боязнь всего естественнаго, угрызенія обманутой совѣсти, притязанія на невозможныя блага; онъ остался при разладѣ съ жизнью, при романтической тоскѣ, онъ воспиталъ себя въ страданія и разорванность. Давно ли мы, застрашенные съ дѣтства, перестали отказываться отъ самыхъ невинныхъ побужденій? давно ли мы перестали содрогаться, находя внутри своей души страстные порывы, не взошедшіе въ каталогъ романческаго тарифа? Вы давеча сказали, что мучащія насъ требованія развились естественно; оно и такъ, и нѣтъ,—все естественно: золотуха очень естественно происходитъ отъ дурного питанья, отъ дурного климата, но мы ее все же считаемъ чѣмъ-то чужимъ организму. Воспитаніе поступаетъ съ нами, какъ отецъ Аннибала съ своимъ сыномъ: оно беретъ обѣтъ прежде сознанія, опутываетъ насъ нравственной кабалой, которую мы считаемъ обязательною, по ложной деликатности, по трудности отдѣлаться отъ того, что привито такъ рано, наконецъ, отъ лѣни разобрать, въ чемъ дѣло. Воспитаніе насъ обманываетъ прежде, нежели мы въ состояніи понимать, увѣряетъ въ невозможномъ дѣтей, отрѣзываетъ имъ свободное и прямое отношеніе къ предмету. Подрастая, мы видимъ, что ничто не ладится: ни мысль, ни бытъ; что то, на что насъ учили опираться, гнило, хрупко, а отъ чего предостерегали, какъ отъ яда, цѣлбно; забытые и одураченные, приученные къ авторитету и указкѣ, мы выхо-

димъ съ лѣтами на волю, каждый своими силами добирается до истины, борясь, ошибаясь. Томимые желаніемъ знать, мы подслушиваемъ у дверей, стараемся разглядѣть въ щель; кривя душой, притворяясь, мы считаемъ правду за порокъ и презрѣніе ко лжи— за дерзость. Мудрено ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта,—лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ за то, что невозможное нами пренебрегаеть; возмущаемся противъ естественныхъ условій жизни и покоряемся произвольному вздору. Вся наша цивилизація такова: она выросла въ нравственномъ междоусобіи; вырвавшись изъ школъ и монастырей, она не вышла въ жизнь, а прошла по ней, какъ Фаустъ, чтобъ посмотрѣть, порефлектировать и потомъ удалиться отъ грубой толпы въ гостиныя, въ академію, въ книги. Она совершила весь свой путь съ двумя знаменами въ рукахъ: «романтизмъ для сердца» было написано на одномъ, «идеализмъ для ума»—на другомъ. Вотъ откуда идетъ большая доля неустройства въ нашей жизни. Мы не любимъ простого, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лѣчить заговариваніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своей независимой самобытностью, намъ хочется алхиміи, магіи; а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается дѣйствовать ихъ же средствами.

— Вы, кажется, меня считаете нѣмецкимъ поэтомъ, и то еще прошлой эпохи, которые сердились за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они ѣдятъ, и искали неземныхъ дѣвъ, «киную природу, другого солнца». Мнѣ не хочется ни магіи, ни мистеріи, а просто—выйти изъ того состоянія души, которое вы сейчасъ представили въ десять разъ рѣзче меня; выйти изъ нравственнаго безсилія, изъ жалкой неприлагаемости убѣжденій, изъ хаоса, въ которомъ, наконецъ, мы перестали понимать, кто врагъ и кто другъ; мнѣ противно видѣть, куда ни обернусь, или пытаемыхъ, или пытающихъ. Какое колдовство нужно на то, чтобъ растолковать людямъ, что они сами виноваты въ томъ, что имъ такъ скверно жить,—объяснить имъ, напримѣръ, что не надобно грабить нищаго, что противно объѣдаться возлѣ умирающаго съ голоду, что убійство равно отвратительно ночью на большой дорогѣ, тайкомъ и днемъ, открыто, на площади, при барабанномъ боѣ; что одно говорить, а другое дѣлать—подло... словомъ, всѣ тѣ новыя истины, которыя говорятъ, повторяютъ, печатаютъ со временъ семи греческихъ мудрецовъ, да и тогда, я думаю, онѣ уже были очень стары. Моралисты, попы гремятъ съ каедръ, толкуютъ о нравственности, о грѣхахъ, чи-

таютъ евангеліе, читаютъ Руссо,—никто не возражаетъ, и никто не исполняетъ.

— По совѣсти, жалѣтъ объ этомъ нечего. Всѣ эти ученія и проповѣди по большей части невѣрны, неудобноисполнимы и сбивчивѣе простаго обычнаго быта. Бѣда въ томъ, что мысль забѣгаетъ всегда далеко впередъ, народы не поспѣваютъ за своими учителями; возьмите наше время: нѣсколько человѣкъ коснулось переворота, который совершить не въ силахъ ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоитъ сказать: «брось одръ твой и иди за нами» — все и двинется; они ошиблись, — народъ ихъ такъ же мало зналъ, какъ они его: имъ не повѣрили. Не замѣчая, что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ; спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ, осыпать упреками, — но поздно, слишкомъ далеко, голоса не достаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы живемъ въ мірѣ, выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго явнымъ образомъ не достаетъ силы и поведенія, чтобъ подняться на высоту собственной мысли; намъ жаль старый міръ, мы къ нему привыкли, какъ къ родительскому дому, мы поддерживаемъ его, стараясь его разрушить, и прилагаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя, что первая іота ихъ — его смертный приговоръ. Мы носимъ платье, шитыя не по нашей мѣркѣ, а по мѣркѣ нашихъ прадѣдовъ; мозгъ нашъ образовался подъ вліяніемъ предшествующихъ обстоятельствъ, онъ многого не осиливаетъ, многое видитъ подъ ложнымъ угломъ. Люди съ такимъ трудомъ добились до современнаго быта, онъ имъ кажется такою счастливою пристанью послѣ безумія феодализма и тупого гнета, слѣдовавшаго за нимъ, что они боятся измѣнять его, они отяжелѣли въ его формахъ, обжились въ нихъ, привычка замѣнила привязанность, горизонтъ сжался... размахъ мысли сдѣлался малъ, воля ослабла.

— Прекрасная картина; добавьте, что возлѣ этихъ удовлетворенныхъ, которымъ современный порядокъ по плечу, съ одной стороны бѣдный, неразвитой народъ, одичалый, отсталый, голодный въ безвыходной борьбѣ съ нуждой, въ изнуряющей работѣ, которая не можетъ его пропитать; а съ другой, — мы, неосторожно забѣжавшіе впередъ, землемѣры, вбивающіе вѣхи новаго міра и которые никогда не увидимъ даже выведеннаго фундамента. Отъ всѣхъ упованій, отъ всей жизни, которая прошла между рукъ (да еще какъ прошла!), если что-нибудь осталось, то это — вѣра въ будущее; когда-нибудь, долго послѣ нашей смерти, домъ, для котораго мы расчистили мѣсто, выстроится, и въ немъ будетъ удобно и хорошо... другимъ.

— Впрочемъ, нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану...

...Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольное движеніе головой и посмотрѣлъ съ минуту на море,—совершеннѣйшій штиль продолжался; тяжелая туча едва двигалась надъ головами такъ низко, что дымъ парохода, стелясь, мѣшался съ ней; море было черно, воздухъ не освѣжалъ.

— Вы со мною поступаете,—сказалъ онъ, помолчавъ,—такъ, какъ разбойники съ путешественниками: ограбивши у меня все, вамъ кажется еще мало, вы добираетесь до послѣдняго рублища, которое меня предохраняетъ отъ стужи, до моихъ волосъ; вы заставили меня сомнѣваться во многомъ, у меня оставалось будущее,—вы отнимаете его, вы грабите мои надежды, вы убиваете сны, какъ Макбетъ.

— А я думалъ, что я больше похожъ на хирурга, который вырѣзываетъ дикое мясо.

— Пожалуй, это еще лучше: хирургъ отрѣзываетъ большую часть тѣла, не замѣняя ее здоровой.

— И по дорогѣ спасаетъ человѣка, освобождая его отъ тяжелыхъ узъ застарѣлой болѣзни.

— Знаемъ мы ваше освобожденіе. Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника въ степь, увѣряя его, что онъ свободенъ; вы ломаете Бастилію, но не воздвигаете ничего взамѣнъ острога,—остается одно пустое мѣсто.

— Это было бы чудесно, еслибъ было такъ, какъ вы говорите; худо то, что развалины, мусоръ мѣшаютъ на каждомъ шагу.

— Чему мѣшаютъ? Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, наше призваніе, гдѣ наше знамя? во что мы вѣримъ, во что не вѣримъ?

— Вѣримъ во все, не вѣримъ въ себя; вы ищете найти знамя, а я ищу потерять его; вы хотите указку, а мнѣ кажется, что въ извѣстный возрастъ стыдно читать съ указкой. Вы сейчасъ сказали, что мы вбиваемъ вѣхи новому міру...

— И ихъ вырываетъ изъ земли духъ отрицанія и разбора. Вы несравненно мрачнѣе меня смотрите на міръ и утѣшаете только для того, чтобъ еще ужаснѣе выразить современную тягость. Если и будущее не наше, тогда вся наша цивилизація—ложь, мечта пятнадцатилѣтней дѣвочки, надъ которой она сама смѣется въ двадцать пять лѣтъ; наши труды—вздоръ, наши усилія смѣшны, наши упованія похожи на ожиданія дунайскаго мужика. Впрочемъ, можетъ быть, вы то и хотите сказать, чтобъ мы бросили нашу цивилизацію, отказались отъ нея, воротились бы къ отставшимъ?

— Нѣтъ, отказаться отъ развитія невозможно. Какъ сдѣлать,

чтобъ я не зналъ того, что знаю? Наша цивилизація—лучшій цвѣтъ современной жизни, кто же поступится своимъ развитіемъ? Но какое же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?

— Стало быть, наша мысль привела насъ къ несбыточнымъ надеждамъ, къ нелѣпымъ ожиданіямъ; съ ними, какъ съ послѣднимъ плодомъ нашихъ трудовъ, мы захвачены волнами на кораблѣ, который тонетъ. Будущее не наше, въ настоящемъ намъ нѣтъ дѣла; спастись некуда, мы съ этимъ кораблемъ связаны на животь и на смерть; остается, сложа руки, ждать, пока вода зальетъ, а кому скучно, кто поотважнѣе, тотъ можетъ броситься въ воду.

...Le monde fait naufrage,
Vieux bâtiment, usé par tous les flots,
Il s'engloutit—sauvons-nous à la nage! ¹⁾.

— Я ничего лучше не прошу, но только есть разница между спастись вплавь и топиться. Судьба молодыхъ людей, которыхъ вы напомнили этой пѣсню, страшна; сугубые страдальцы, мученики безъ вѣры, смерть ихъ пусть падетъ на страшную среду, въ которой они жили, пусть обличаетъ ее, позоритъ; но кто же вамъ сказалъ, что нѣтъ другого выхода, другого спасенія изъ этого міра старчества и агоніи, какъ смерть? Вы оскорбляете жизнь. Оставьте міръ, къ которому вы не принадлежите, если вы дѣйствительно чувствуете, что онъ вамъ чуждъ. Его не спасемъ,—спасите себя отъ угрожающихъ развалинъ; спасая себя, вы спасаете будущее. Что вы имѣете общаго съ этимъ міромъ? его цивилизацію? но, вѣдь, она теперь принадлежитъ вамъ, а не ему, онъ произвелъ ее, или, лучше сказать, изъ него произвели ее, онъ не грѣшенъ даже въ пониманіи ея; его образъ жизни? онъ вамъ ненавистенъ, да и, по правдѣ, трудно любить такую нелѣпость. Ваши страданія? онъ и не подозреваетъ; ваши радости ему не знакомы; вы молоды—онъ старъ; посмотрите, какъ онъ осунулся въ своей изношенной, аристократической ливреѣ, особенно послѣ тридцатаго года ²⁾ лицо его подернулось матовой землистостью. Это *facies hyocratica* ³⁾, по которой доктора узнаютъ, что смерть уже занесла косу. Безсильно усиливается онъ иногда еще разъ схватить жизнь, еще разъ овладѣть ею, отдѣлаться отъ болѣзни, насладиться,—не можетъ, и впа-

¹⁾ Вселенная тонетъ; она, какъ ветхій корабль, истертый волнами, поглощается пучиною—давайте спастись вплавь!

²⁾ Французская революція 1830 г.

³⁾ Предсмертное измѣненіе лица (Гиппократово лицо).

даетъ въ тяжкій, горячечный полусонъ. Тутъ толкуютъ о фаланстерахъ, демократіяхъ, социализмѣ; онъ слушаетъ и ничего не понимаетъ, иногда улыбается такимъ рѣчамъ, покачивая головою и вспоминая мечты, которымъ и онъ вѣрилъ когда-то, потомъ вошелъ въ разумъ и давно не вѣритъ... Оттого-то онъ старчески равнодушно смотритъ на коммунистовъ и іезуитовъ, на пасторовъ и яacobинцевъ, на братьевъ Ротшильдовъ и на умирающихъ съ голоду; онъ смотритъ на все, несущееся передъ глазами, сжавши въ кулакъ нѣсколько франковъ, за которые готовъ умереть или сдѣлаться убійцей. Оставьте старика доживать, какъ знаетъ, свой вѣкъ въ богадѣльнѣ,—вы для него ничего не сдѣлаете.

— Оставить—это не такъ легко, не говоря о томъ, что оно противно. Куда бѣжать? Гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая...

— Для старыхъ построекъ изъ новаго кирпича? Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америка—исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе. А христіане въ Римѣ перестали быть римлянами,—этотъ внутренній отъѣздъ полезенъ.

— Мысль сосредоточиться въ себѣ, оторвать пуповину, связующую насъ съ родиной, съ современностью, проповѣдуется давно, но плохо осуществляется; она является у людей послѣ каждой неудачи, послѣ каждой утраченной вѣры, на нее опирались мистики и масоны, философы и иллюминаты; всѣ они указывали на внутренній отъѣздъ, никто не уѣхалъ. Руссо?—и тотъ отворачивался отъ міра; страстно любя его, онъ отрывался отъ него, потому что не могъ быть безъ него. Ученики его продолжали его жизнь въ конвентѣ, боролись, страдали, казнили другихъ, снесли свою голову на плаху, но не ушли ни вонъ изъ Франціи, ни вонъ изъ кипѣвшей дѣятельности.

— Ихъ время нисколько не было похоже на наше. У нихъ впереди была бездна упованій. Руссо и его ученики воображали, что если ихъ идеи братства не осуществляются, то это отъ матеріальныхъ препятствій,—тамъ сковано слово, тутъ дѣйствіе невольно,—и они, совершенно послѣдовательно, шли грудью противъ всего, мѣшавшаго ихъ идеѣ; задача была страшная, гигантская, но они побѣдили. Побѣдивши, они думали: вотъ теперь-то... но теперь-то ихъ повели на гильотину, и это было самое лучшее, что могло съ ними случиться: они умерли съ полной вѣрой, ихъ унесла бурная волна среди битвы, труда, опьяненья; они были увѣрены, что когда возвратится тишина, ихъ идеаль осуществится безъ нихъ, но осуществится. Наконецъ, этотъ штиль пришелъ. Какое счастье, что всѣ эти энтузіасты давно были схоронены! имъ бы пришлось

увидѣть, что дѣло ихъ не подвинулось ни на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камешку Бастилю, чтобъ сдѣлать колодниковъ свободными людьми. Вы сравниваете насъ съ ними, забывая, что мы знаемъ событія пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ ихъ смерти, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахоталось надъ ихъ наукой, мыслью, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 г.—биржевой оборотъ. Свидѣтели всего бывшаго, мы не можемъ имѣть надежды нашихъ предшественниковъ. Глубже изучивши революціонные вопросы, мы требуемъ теперь и больше и шире того, что они требовали, а и ихъ-то требованія остались тою же неприлагаемостью, какъ были. Съ одной стороны, вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхъ; съ другой,—полное безсиліе ея надъ міромъ глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія такъ, какъ она высказывается ему,—потому ли, что она дурно высказывается, или потому, что имѣетъ только теоретическое, книжное значеніе, какъ, на примѣръ, римская философія, не выходившая никогда изъ небольшого круга образованныхъ людей.

— Но кто же, по-вашему, правъ? мысль ли теоретическая, которая точно такъ же развилась и сложилась исторически, но сознательно, или фактъ современнаго міра, отвергающій мысль и представляющій, такъ же, какъ она, необходимый результатъ прошедшаго?

— Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходитъ изъ того, что жизнь имѣетъ свою эмбриогенію, не совпадающую съ діалектикой чистаго разума. Я помянулъ древній міръ,—вотъ вамъ примѣръ: вмѣсто того, чтобъ осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, онъ осуществляетъ римскую республику и политику ихъ завоевателей; вмѣсто утопій Цицерона и Сенеки,—лангобардскія графства и германское право.

— Не пророчите ли вы и нашей цивилизаціи такую же гибель, какъ римской?—утѣшительная мысль и прекрасная перспектива...

— Не прекрасная и не дурная. Отчего васъ удивляетъ мысль, которая до пошлости извѣстна, что все на свѣтѣ преходяще? Впрочемъ, цивилизаціи не гибнутъ, пока родъ человѣческой продолжаетъ жить безъ совершеннаго перерыва: у людей память хороша; развѣ римская цивилизація не жива для насъ? а она точно такъ же, какъ наша, вытянулась далеко за предѣлы окружавшей жизни; именно отъ этого она, съ одной стороны, и расцвѣла такъ пышно, такъ великолѣпно, а съ другой,—не могла фактически осуществиться.

Она принесла свое міру современному, она приносит многое намъ, но ближайшее будущее Рима прозябало на другихъ пажитяхъ: въ катакомбахъ, гдѣ прятались гонимые христіане, въ лѣсахъ, гдѣ кочевали дикіе германцы.

— Какъ же это въ природѣ все такъ цѣлесообразно, а цивилизація, высшее усиліе, вѣнецъ эпохи, выходитъ безцѣльно изъ нея, выпадаетъ изъ дѣйствительности и увядаетъ, наконецъ, оставляя по себѣ неполное воспоминаніе? Между тѣмъ, человѣчество отступаетъ назадъ; бросается въ сторону и начинаетъ сызнова тянуться, чтобъ окончить такимъ же махровымъ цвѣтомъ,—пышнымъ, но лишеннымъ сѣмянъ... Въ вашей философіи исторіи есть что-то возмущающее душу: для чего эти усилія? жизнь народовъ становится праздной игрой, лѣпится, лѣпится по песчинкѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнетъ на землю, и люди ползутъ изъ-подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто да строить хижины изо мха, досокъ и упавшихъ капителей, достигая вѣками, долгимъ трудомъ паденія. Шекспиръ не даромъ сказалъ, что исторія—скучная сказка, рассказанная дуракомъ.

— Это ужъ такой печальный взглядъ у васъ. Вы похожи на тѣхъ монаховъ, которые при встрѣчѣ ничего лучшаго не находятъ сказать другъ другу, какъ мрачное *emento mori*, или на тѣхъ чувствительныхъ людей, которые не могутъ вспомнить безъ слезъ, «что люди рождаются для того, чтобъ умереть». Смотрѣть на конецъ, а не на самое дѣло—величайшая ошибка. На что растенію этотъ яркій, пышный вѣнчикъ, на что этотъ упоительный запахъ, который пройдетъ? совсѣмъ не нужно. Но природа вовсе не такъ скупа и не такъ пренебрегаетъ мимоидущимъ, настоящимъ, она на каждой точкѣ достигаетъ всего, чего можетъ достигнуть, идетъ до нельзя, до запаха, до наслажденія, до мысли... до того, что разомъ касается до предѣловъ развитія и до смерти, которая осаживаетъ, умѣряетъ слишкомъ поэтическую фантазію и необузданное творчество ея. Кто же станетъ негодовать на природу за то, что цвѣты утромъ распускаются, а вечеромъ вянутъ, что она розѣ и лиліи не умѣетъ придавать прочности кремня? И этотъ-то бѣдный прозаическій взглядъ мы хотимъ перенести въ историческій міръ! Кто ограничилъ цивилизацію однимъ прилагаемымъ? гдѣ у нея заборъ? она безконечна, какъ мысль, какъ искусство, она чертитъ идеалы жизни, она мечтаетъ апоѳеозъ своего собственного быта, но на жизни не лежитъ обязанность исполнять ея фантазіи и мысли, тѣмъ болѣе, что это было бы только улучшенное изданіе того же, а жизнь любитъ новое. Цивилизація Рима была гораздо выше и человѣчественнѣе, нежели варварскій порядокъ; но въ его нестрой-

ности были зародыши развитія тѣхъ сторонъ, которыхъ вовсе не было въ римской цивилизаціи, и варварство восторжествовало, несмотря ни на *Corpus juris civilis* ¹⁾, ни на мудрое воззрѣніе римскихъ философовъ. Природа рада достигнутому и домогается высшаго; она не хочетъ обижать существующее; пусть оно живетъ, пока есть силы, пока новое подрастаетъ. Вотъ отчего такъ трудно произведенія природы вытянуть въ прямую линію,—природа ненавидитъ фронтъ, она бросается во всѣ стороны и никогда не идетъ правильнымъ маршемъ впередъ. Дикіе германцы были въ своей непосредственности, *potentialiter* ²⁾, выше образованныхъ римлянъ.

— Я начинаю подозрѣвать, что вы поджидаете нашествіе варваровъ и переселеніе народовъ.

— Я гадать не люблю. Будущаго нѣтъ, его образуетъ совокупность тысячи условій, необходимыхъ и случайныхъ, да воля человѣческая, придающая нежданная драматическія развязки и *cours de théâtre* ³⁾. Исторія импровизируется, рѣдко повторяется; она пользуется всякой нечаянностью, стучится разомъ въ тысячу вѣртъ, которыя отпрутятся... кто знаетъ.

— Можетъ, балтійскія—и тогда Россія хлынетъ на Европу?

— Можетъ быть.

— И вотъ мы, долго мудрствуя, пришли опять къ бѣличьему колесу, опять къ *corsi e ricorsi* ⁴⁾ старика Вико ⁵⁾. Опять возвратились къ Реѣ, непрерывно рождающей въ страшныхъ страданіяхъ дѣтей, которыми закусываетъ Сатурнъ. Рея только стала добросовѣстна и не подмѣниваетъ новорожденныхъ камнями, да и не стоитъ труда: въ числѣ ихъ нѣтъ ни Юпитера, ни Марса... Какая цѣль всего этого? вы обходите этотъ вопросъ, не рѣшая его; стоитъ ли дѣтямъ родиться для того, чтобъ отецъ ихъ съѣлъ, да вообще стоитъ ли игра свѣчъ?

— Какъ не стоитъ! тѣмъ болѣе, что не вы за нихъ платите. Васъ смущаетъ, что не всѣ игры доигрываются, но безъ этого онѣ были бы нестерпимо скучны. Гете давнымъ давно толковалъ, что красота проходитъ, потому что только преходящее и можетъ быть красиво,—это обижаетъ людей. У человѣка есть инстинктивная любовь къ сохраненію всего, что ему нравится; родился,—такъ хочетъ жить во всю вѣчность; влюбился,—такъ хочетъ любить и быть

¹⁾ Сводъ установленій римскаго права.

²⁾ Потенціально.

³⁾ Театральные эффекты.

⁴⁾ Чередующіеся періоды реакціи и прогресса.

⁵⁾ Джіовани-Батисто, итал. философъ XVIII в., давшій первый опытъ построенія философіи исторіи.

любимымъ во всю жизнь, какъ въ первую минуту признанія. Онъ сердится на жизнь, видя, что въ пятьдесятъ лѣтъ нѣтъ той свѣжести чувствъ, той звонкости ихъ, какъ въ двадцать. Но такая неподвижная стоячесть противна духу жизни, она ничего личного, индивидуальнаго не готовитъ въ прокъ, она всякій разъ вся изливается въ настоящую минуту и, надѣляя людей способностью наслажденія, насколько можно, не боится ни жизни, ни наслажденія, не отвѣчаетъ за ихъ продолженіе. Въ этомъ непрерывномъ движеніи всего живого, въ этихъ повсюдныхъ перемѣнахъ природа обновляется, живетъ, ими она вѣчно молода. Оттого каждый историческій мигъ прекрасенъ, полонъ, замкнутъ по-своему, какъ всякій годъ съ весной и лѣтомъ, съ зимой и осенью, съ бурями и хорошей погодой. Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежитъ ему; но людямъ этого мало, имъ хочется, чтобъ и будущее было ихъ.

— Человѣку больно, что онъ и въ будущемъ не видитъ пристани, къ которой стремится. Онъ съ тоскливымъ безпокойствомъ смотритъ передъ собою на безконечный путь и видитъ, что такъ же далекъ отъ цѣли, послѣ всѣхъ усилій, какъ за тысячу лѣтъ, какъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— Васъ все сбиваетъ дурно понятая телеологія. Какая цѣль пѣсни, которую поетъ пѣвица?.. Звуки, звуки, вырывающіеся изъ ея груди, звуки, умирающіе въ ту минуту, какъ раздались. Если вы, кромѣ наслажденія ими, будете искать что-нибудь, выждать иной цѣли, вы дождетесь, когда кантатриса перестанетъ пѣть, и у васъ останется воспоминаніе и раскаяніе, что вмѣсто того, чтобъ слушать, вы ждали чего-то... Васъ сбиваютъ категоріи, которыя дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ: что эта цѣль — программа, что ли, или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязателенъ онъ или нѣтъ? Если да, то—что мы куклы или люди, въ самомъ дѣлѣ, нравственно свободныя существа или колеса въ машинѣ? Для меня легче жизнь, а слѣдственно, и исторію, считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.

— То есть, просто, цѣль природы и исторіи — мы съ вами?..

— Отчасти—да *плюс* настоящее всего существующаго; тутъ все входитъ: и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій и зародыши всего, что будетъ; вдохновеніе артиста и энергія гражданина, и наслажденіе юноши, который въ эту самую минуту пробирается гдѣ-нибудь къ завѣтной бесѣдкѣ, гдѣ его ждетъ подруга, робкая и отдающаяся вся настоящему, не думая ни о будущемъ, ни о цѣли... и веселье

рыбы, которая плещется, вотъ на мѣсячномъ свѣтѣ... и гармонія всей солнечной системы... словомъ, какъ послѣ феодальныхъ титуловъ, я смѣло могу поставить три «и прочая... и прочая...»

— Вы совершенно правы относительно природы, но, мнѣ кажется, вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и спутанности исторіи прошла красная нитка, связующая ее въ одно цѣлое, эта нитка— прогрессъ, или, можетъ быть, вы не принимаете и прогрессъ?

— Прогрессъ— неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это— дѣятельная память и физиологическое усовершеніе людей общественной жизнью.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли?

— Совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и, въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: morituri te salutant ¹⁾, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать... или на то, чтобъ быть несчастными работниками, которые по колѣно въ грязи тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью «прогрессъ въ будущемъ» на флагѣ? Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе со свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль, безконечно далекая,— не цѣль, а, если хотите, уловка; цѣль должна быть ближе, по крайней мѣрѣ — заработанная плата или наслажденіе въ трудѣ. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли, имѣютъ свою полноту, по дорогѣ развиваются новыя требованія, испытанія, новыя средства, однѣ способности усовершенствуются на счетъ другихъ, наконецъ, самое вещество мозга улучшается... что вы улыбаетесь?.. да, да, cerebrinъ улучшается... Какъ все естественное становится вамъ ребромъ, удивляетъ васъ, идеалистовъ, точно какъ нѣкогда рыцари удивлялись, что виланы хотятъ тоже человѣческихъ правъ. Когда Гете былъ въ Италіи, онъ сравнивалъ черепъ древняго быка съ черепомъ нашихъ быковъ и нашель, что у нашего кость тоньше, а вмѣстилище большихъ полушарій мозга пространнѣе; древній быкъ былъ, очевидно, сильнѣе нашего,

¹⁾ Тѣ, которые сейчасъ умрутъ, тебя привѣтствуютъ!

а нашъ развился въ отношеніи къ мозгу въ своемъ мирномъ подчиненіи человѣку. За что же вы считаете человѣка менѣе способнымъ къ развитію, нежели быка? Этотъ родовой ростъ—не цѣль, какъ вы полагаете, а свойство преемственно продолжающагося существованія поколѣній. Цѣль для каждаго поколѣнія — оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе о будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ: у нея сердце баядерки и вакханки.

— И, бѣдная, не можетъ осуществить своего призванія!.. Вакханка на дѣтѣ, баядерка въ траурѣ!.. Въ наше время она, право, скорѣе похожа на кающуюся Магдалину. Или, можетъ, мозгъ выдѣлался въ сторону?

— Вы вмѣсто насмѣшки сказали вещь, которая гораздо дѣльнѣе, нежели вы думаете. Одностороннее развитіе всегда влечетъ за собою *avortement* ¹⁾ другихъ забытыхъ сторонъ. Дѣти, слишкомъ развитыя въ психическомъ отношеніи, дурно растутъ, слабы тѣломъ; вѣками неестественнаго быта мы воспитали себя въ идеализмъ, въ искусственную жизнь и разрушили равновѣсіе. Мы были велики и сильны, даже счастливы въ нашей отчужденности, въ нашемъ теоретическомъ блаженствѣ, а теперь перешли эту степень, и она стала для насъ невыносима; между тѣмъ, разрывъ съ практическими сферами сдѣлался страшный; виноватыхъ въ этомъ нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Природа натянула всѣ мышцы, чтобъ перешагнуть въ человѣкѣ ограниченность звѣря, а онъ такъ перешагнулъ, что одной ногой совсѣмъ вышелъ изъ естественнаго быта, — сдѣлалъ онъ это потому, что онъ свободенъ. Мы столько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ то же время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ. Я готовъ повторить ваши слова, что мозгъ выдѣлался въ сторону отъ идеализма, люди начинаютъ замѣчать это и идутъ теперь въ другую сторону; они вылѣчаты отъ идеализма такъ, какъ вылѣчились отъ другихъ историческихъ болѣзней: отъ рыцарства, отъ католицизма, отъ протестантизма...

— Согласитесь, впрочемъ, что путь развитія болѣзнями и отклоненіями престранный.

— Да, вѣдь, путь и не назначенъ... Природа слегка, самыми общими нормами намекнула свои виды и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельствъ, климата, тысячи столкновеній. Борьба, взаимное дѣйствіе естественныхъ силъ и силъ воли,

¹⁾ Недоношенность, неуспѣхъ.

которой слѣдствія нельзя знать впередъ, придаетъ поглощающій интересъ каждой исторической эпохѣ. Еслибъ человѣчество шло прямо къ какому-нибудь результату, тогда исторіи не было бы, а была бы логика, человѣчество остановилось бы готовымъ въ непосредственномъ statu quo, какъ животныя. Все это, по счастью, невозможно, не нужно и хуже существующаго. Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинктъ, въ человѣкѣ развитіе идетъ далѣе... вырабатывается разумъ и вырабатывается трудно, медленно,—*eiо нѣтъ* ни въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь какъ придется, потому что вовсе нѣтъ libretto. А будь libretto, исторія потеряетъ весь интересъ, сдѣлается ненужна, скучна, смѣшна; горестъ Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ гаерство; великіе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые худо ли, хорошо ли играютъ, непременно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторіи все—импровизація, все—воля, все—*ex tempore*¹⁾, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ; есть условія, святое безпокойство, огонь жизни и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силу, итти вдаль, куда хотятъ, куда только есть дорога, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ гений.

— А если на бѣду не найдется Колумба?

— Кортецъ²⁾ сдѣлаетъ за него. Гениальныя натуры почти всегда находятся, когда ихъ нужно; впрочемъ, въ нихъ нѣтъ необходимости: народы дойдутъ послѣ, дойдутъ иной дорогой, болѣе трудной; гений—роскошь исторіи, ея поэзія, ея *сoup d'état*, ея скачокъ, торжество ея творчества.

— Все это хорошо, но мнѣ кажется, при такой неопредѣленности, распушенности исторія можетъ продолжаться во вѣки вѣковъ или завтра окончится.

— Безъ сомнѣнія. Со скуки люди не умрутъ, если родъ человѣческой очень долго заживется; хотя, вѣроятно, люди и натолкнутся на какіе-нибудь предѣлы, лежащіе въ самой природѣ человѣка, на такія фізіологическія условія, которыхъ нельзя будетъ перейти, оставаясь человѣкомъ; но собственно, недостатка въ дѣлѣ, въ занятяхъ не будетъ: три четверти всего, что мы дѣлаемъ, — повтореніе того, что дѣлали другіе. Изъ этого вы видите, что исторія можетъ продолжаться миллионы лѣтъ. Съ другой стороны, я ничего не имѣю противъ окончанія исторіи завтра. Мало ли что можетъ

1) Тотчасъ, безъ приготовления.

2) Фернандо Кортецъ, завоеватель Мексики.

быть! Энкіева ¹⁾ комета зацѣпитъ земной шаръ; геологическій катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ; какое-нибудь газообразное испареніе сдѣлаетъ на полчаса невозможнымъ дыханіе,—вотъ вамъ и финалъ исторіи.

— Фу, какіе ужасы! вы меня страшаете, какъ маленькихъ дѣтей, но я увѣряю васъ, что этого не будетъ. Стоило бы очень развиваться три тысячи лѣтъ съ пріятной будущностью задохнуться отъ какого-нибудь сѣрноводороднаго испаренія! Какъ же вы не видите, что это нелѣпость?

— Я удивляюсь, какъ это вы до сихъ поръ не привыкнете къ путямъ жизни. Въ природѣ такъ, какъ въ душѣ человѣка: дремлетъ безконечное множество силъ, возможностей; какъ только соберутся условія, нужныя для того, чтобъ ихъ возбудить, онѣ развиваются и будутъ развиваться до нельзя; онѣ готовы собой наполнить міръ, но онѣ могутъ запнуться на полдорогѣ, принять иное направленіе, остановиться, разрушиться. Смерть одного человѣка не меньше нелѣпа, какъ гибель всего рода человѣческаго. Кто намъ обезпечилъ вѣковѣчность планеты? Она такъ же мало устоитъ при какой-нибудь революціи въ солнечной системѣ, какъ геній Сократа устоялъ противъ цукуты,—но, можетъ, ей не подадутъ этой цукуты... можетъ... я съ этого началъ. Въ сущности, для природы это все равно: ея не убудетъ, изъ нея ничего не вынешь, все въ ней, какъ ни мѣняй,—и она съ величайшей любовью, похоронивши родъ человѣческой, начнетъ опять съ уродливыхъ папоротниковъ и съ ящерицъ въ полверсты длиною, вѣроятно, еще съ какими-нибудь усовершеніями, взятыми изъ новой среды и изъ новыхъ условій.

— Ну, для людей это далеко не все равно; я думаю, Александръ Македонскій нисколько не былъ бы радъ, узнавши, что онъ пошелъ на замазку,—какъ говоритъ Гамлетъ.

— Насчетъ Александра Македонскаго я васъ успокою: онъ этого никогда не узнаетъ. Разумѣется, что для человѣка совсѣмъ не все равно жить или не жить; изъ этого ясно одно, что надобно пользоваться жизнью, настоящимъ; не даромъ природа всѣми языками своими непрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое *vivere memento* ²⁾).

— Напрасный трудъ. Мы помнимъ, что мы живемъ, по глухой боли, по досадѣ, которая точитъ сердце, по однообразному бою часовъ... Трудно наслаждаться, пьянить себя, зная, что весь міръ около васъ рушится, и, стало быть, гдѣ-нибудь задавить же и васъ.

¹⁾ Иоганнъ-Францъ Энке, герм. астрономъ, изслѣдовавшій названную его именемъ комету.

²⁾ Помни о жизни.

Да еще это—куда бы ни шло, а то умереть на старости лѣтъ, видя, что ветхія покачнувшіяся стѣны и не думаютъ падать. Я не знаю въ исторіи такого удушливаго времени; была борьба, были страданія и прежде, но была еще какая-нибудь замѣна, можно было погибнуть, по крайней мѣрѣ, съ вѣрой,—намъ не за что умирать и не для чего жить... самое время наслаждаться жизнью!

— А вы думаете, что въ падающемъ Римѣ было легче жить?

— Конечно, его паденіе было столько же очевидно, какъ міръ, шедшій въ замѣну его.

— Очевидно для кого? Неужели вы думаете, что римляне смотрѣли на свое время такъ, какъ мы смотримъ на него? Гибнѣть не могъ отдѣлаться отъ обаянія, которое производитъ древній Римъ на каждую сильную душу. Вспомните, сколько вѣковъ продолжалась его агонія; намъ это время скрадывается по бѣдности событій, по бѣдности въ лицахъ, по томному однообразію! Именно такіе-то періоды нѣмые, сѣрые и страшны для современниковъ; вѣдь, годы въ нихъ имѣли тѣ же триста шестьдесятъ пять дней, вѣдь, и тогда были люди съ душой горячее и блекли, терялись отъ разгрома падающихъ стѣнъ. Какіе звуки скорби вырывались тогда изъ груди человѣческой? ихъ стонъ теперь наводитъ ужасъ на душу!

— Они могли креститься.

— Положеніе христіанъ было тогда тоже очень печальное: они четыре столѣтія прятались по подземельямъ, успѣхъ казался невозможнымъ, жертвы были передъ глазами.

— Но ихъ поддерживала фанатическая вѣра, и она оправдалась.

— Только на другой день послѣ торжества явилась ересь, языческой міръ ворвался въ святую тишину ихъ братства, и христіанинъ со слезами обращался назадъ ко временамъ гоненій и благословлялъ воспоминанія о нихъ, читая мартирологъ.

— Вы, кажется, начинаете меня утѣшать тѣмъ, что всегда было такъ же скверно, какъ теперь.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только напомнить вамъ, что нашему вѣку не принадлежитъ монополія страданій и что вы дешево цѣните прошедшія скорби. Мысль была и прежде нетерпѣлива: ей хочется сейчасъ, ей ненавистно ждать, а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлитъ съ каждымъ шагомъ, потому что ея шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положеніе мыслящихъ... Но, чтобъ опять не отклониться, позвольте мнѣ теперь васъ спросить, отчего вамъ кажется, что міръ, насъ окружающій, такъ проченъ и долготѣнъ?..

Давно тяжелыя и крупныя капли дождя падали на насъ, глухіе раскаты грома становились слышнѣе, молніи ярче; тутъ дождь полился ручьями... Всѣ бросились въ каюту; пароходъ скрипѣлъ; качка была невыносима; разговоръ не продолжался.

Roma, Via del Corso.

31 декабря 1847 г.

II.

Послѣ грозы.

DÉDICATION ¹⁾. ³

Мы съ вами пострадали вмѣстѣ страшные, гнусные іюньскіе дни. Я дарю вамъ первый плачъ, вырвавшійся изъ души моей послѣ нихъ. Да, плачъ, я не стыжусь слезъ! Помните Марсельезу Рашели? Теперь только настало время ее оцѣнить. Весь Парижъ пѣлъ Марсельезу,—слѣпыя нищіе и Гризи ²⁾, мальчишки и солдаты; Марсельеза, какъ сказалъ одинъ журналистъ, сдѣлалась *Pater poster* ³⁾ послѣ 24 февраля. Она теперь только умолкла — ея звукамъ нездорово въ *état de siège* ⁴⁾.—Марсельеза послѣ 24 февраля была кликомъ радости, побѣды, силы, угрозы, кликомъ мощи и торжества...

Но вотъ Рашель спѣла Марсельезу... Ея пѣснь испугала, толпа вышла задавленная. Помните?—Это былъ погребальный звонъ среди ликованій брака, это былъ упрекъ, грозное предвѣщаніе, стонъ отчаянія среди надежды. Марсельеза Рашели звѣла на пиръ крови, мести... тамъ, гдѣ сыпали цвѣты, она бросала можжевелъникъ. Добрые французы говорили: это не свѣтлая Марсельеза 48 года, а мрачная, временъ террора... Они ошиблись: въ 93 году не было такой пѣсни; такая пѣснь могла сложиться въ груди артиста только предъ преступленіемъ іюньскихъ дней, только послѣ обмана 24 февраля.

Вспомните, какъ эта женщина, худая, задумчивая, выходила безъ украшеній, въ бѣлой блузѣ, опирая голову на руку; медленно шла она, смотрѣла мрачно и начинала пѣть въ полголоса... мучительная скорбь этихъ звуковъ доходила до отчаянія. Она звала на

¹⁾ Посвященіе.

²⁾ Джулія, итальянская пѣвица, жена тенора Маріо.

³⁾ «Отче Нашъ».

⁴⁾ Осадное положеніе.

бой, но у нея не было вѣры, пойдетъ ли кто-нибудь... Это—просьба, это—угрызеніе совѣсти. И вдругъ изъ этой слабой груди вырывается вопль, крикъ, полный ярости, опьянѣнья:

Aux armes, citoyens!..

Qu'un sang impur abreuve nos sillons ¹⁾)...—

прибавляетъ она съ жестокосердіемъ палача. Удивленная сама: восторгомъ, которому отдалась, она еще слабѣе, еще безнадежнѣе начинаетъ второй куплетъ... и снова призывъ на бой, на кровь... На мгновеніе женщина беретъ верхъ, она бросается на колѣни, кровавый призывъ дѣлается молитвой, любовь побѣждаетъ, она плачетъ, она прижимаетъ къ груди знамя... *Amour sacré de la patrie!*.. ²⁾ Но уже ей стыдно, она вскочила и бѣжитъ вонъ, махая знаменемъ и съ кликомъ «aux armes, citoyens!..» Толпа ни разу не смѣла ее воротить.

Статья, которую я вамъ дарю,—моя Марсельеза.—Прощайте! Прочтите друзьямъ эти строки. Будьте не несчастны. Прощайте! Я не смѣю ни васъ назвать, ни самъ назваться: тамъ, куда вы ѣдете, и плачь—преступленіе, и слушать его—грѣхъ.

Парижъ 1848. Августа 1.

Pereat! ³⁾

Женщины плачутъ, чтобъ облегчить душу; мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать, — не для того, чтобъ описывать, объяснять кровавыя событія, а просто, чтобъ говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать!.. Въ ушахъ еще *раздаются* выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ; въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности: раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ и нѣсколько капель крови на рукѣ; омнибусы, наполненные трупами, плѣнные со связанными руками, пушки на *place de la Bastille*, лагерь у *Porte St. Denis*, на Елисейскихъ поляхъ и мрачное-ночное «*Sentinelle — prenez garde à vous!*..» ⁴⁾ Какія тутъ описанія! мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра...

¹⁾ Къ оружію, граждане! Пусть нечистая кровь обагрить борозды нашихъ полей!

²⁾ Священная любовь къ отечеству!

³⁾ Да погибнетъ!

⁴⁾ Часовой—берегись!

Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кругомъ, вблизи, вдали выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой, и знать, что возлѣ льется кровь, рѣжутъ, колютъ, что возлѣ умираютъ, — отъ этого можно умереть, сойти съ ума. Я не умеръ, но я состарѣлся, я оправляюсь послѣ юньскихъ дней, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

А торжественно начались они. Двадцать третьяго числа, часа въ четыре передъ обѣдомъ, шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville ¹⁾; лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ; небо было покрыто тучами; шелъ дождикъ... Я остановился на Pont Neuf. Сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ, и середь всего этого раздался мѣрный, протяжный звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія по берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца, ярко выходившими изъ-подъ тучи; барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ; артиллерія тянулась со стороны Карузельской площади.

Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, — будто я съ нимъ прощался. Я страстно любилъ Парижъ въ эту минуту; это была послѣдняя дань великому городу: послѣ юньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

Съ другой стороны рѣки на всѣхъ переулкахъ и улицахъ строились баррикады. Я, какъ теперь, вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни; дѣти, женщины помогали имъ. На одну баррикаду, повидимому оконченную, взошелъ молодой политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально торжественнымъ голосомъ марсельезу; всѣ работавшіе запѣли, и хоръ этой великой пѣсни, раздававшійся изъ-за камней баррикадъ, захватывалъ душу... Набатъ все раздавался... Между тѣмъ, по мосту простучала артиллерія, и генераль Бедо ²⁾ осматривалъ съ моста въ трубу *непріятельскую* позицію...

Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови,

¹⁾ Городская ратуша.

²⁾ Мари-Альфонсъ, сосланъ послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., какъ противникъ Луи-Наполеона.

искупленія за 24 февраля; закромы «Насіоналя»¹⁾ дали имъ исполнителей.

Ну, что вы скажете, любезный князь Радецкій и сіятельнѣйшій графъ Паскевичъ-Эриванскій? Вы не годитесь въ помощники Кавеньяку. Меттернихъ и всѣ члены Третьяго отдѣленія собственной канцеляріи — дѣти кротости, *de bons enfants*²⁾, въ сравненіи съ собраніемъ осерчалыхъ лавочниковъ.

Вечеромъ 26 іюня мы услышали, послѣ побѣды «Насіоналя» надъ Парижемъ, правильные залпы съ небольшими разстановками... Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленые... «Вѣдь, это разстрѣливаютъ», — сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. *Горе тѣмъ, кто прощаетъ такія минуты!*

Послѣ бойни, продолжавшейся четверо сутокъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены, рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ; надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили ходили по бульварамъ, распѣвая «*Mourir pour la patrie*»³⁾, мальчишки 16—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ; на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобъ привѣтствовать побѣдителей. Кавеньякъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга, убившаго десятки французовъ. Буржуазія торжествовала. А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились; стѣны, разбитыя ядрами, обваливались; раскрытая внутренность комнатъ представляла каменные раны; сломанная мебель глѣла; куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... А гдѣ же хозяйка, жильцы? Объ нихъ никто и не думалъ... мѣстами посыпали пескомъ, но кровь, все-таки, выступала... Къ Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженья деревья Елисейскихъ полей; на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла; въ Тюльерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней, и Парижъ сталъ принимать обычный видъ: толпы праздношатающихся снова явились на буль-

¹⁾ «Le National», умѣренно-либеральная газета, основанная Тьеромъ, Минье и др., начала съ эффектнаго протеста противъ «Ордонансовъ» Карла X.

²⁾ Славные ребята.

³⁾ «Умереть за отечество».

варахъ; нарядныя дамы ѣздили въ коляскахъ и кабріолетахъ *смотрѣть* развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя... Одни частые патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни. Тогда только стало уясняться прошедшее... У Байрона есть описаніе ночной битвы. Кровавые подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки: клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ; онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго.

Послѣ такихъ потрясеній живой человѣкъ не остается по старому. Душа его или становится еще религіознѣе, держится съ отчаяннымъ упорствомъ за свои вѣрованія, находитъ въ самой безнадежности утѣшеніе, и человѣкъ вновь зеленѣетъ, обожженный грозой, нося смерть въ груди, — или онъ, мужественно и скрѣпя сердце, отдаетъ послѣднія упованія, становится еще трезвѣе и не удерживаетъ послѣдніе слабые листья, которые уноситъ рѣзкій осенній вѣтеръ.

Что лучше? Мудрено сказать.

Одно ведетъ къ блаженству безумія, другое — къ несчастію знанія.

Выбирайте сами. Одно чрезвычайно прочно, потому что отнимаетъ все; другое ничѣмъ не обезпечено, зато многое даетъ. Я избираю знаніе, и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлу свѣту, — но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованья! Всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума!

Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безпощадный Фукье-Тенвиль ¹⁾ и, главное, есть гильотина. Иногда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимаетъ голову, обживаетъ, и вдругъ какой-нибудь дикій ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача, и тогда начинается свирѣпая расправа, — малѣйшая уступка, пощада, сожалѣніе ведутъ къ прошедшему, оставляютъ цѣпи. Выбора нѣтъ: или казнить и итти впередъ, или миловать и запнуться на полдорогѣ.

Кто не помнитъ своего логическаго романа, кто не помнитъ, какъ въ его душу попала первая мысль сомнѣнія, первая смѣлость

¹⁾ Прокуроръ революціоннаго трибунала въ 1793 г.

изслѣдованія и какъ она захватывала потомъ болѣе и болѣе и до-трогивалась до святѣйшихъ достояній души? Это-то и есть страш-ный судъ разума. Казнить вѣрованія не такъ легко, какъ кажется: трудно разставаться съ мыслями, съ которыми мы выросли, сжи-лись, которыя насъ лелѣяли, утѣшали; пожертвовать ими кажется неблагодарностью. Да, но въ той средѣ, въ которой стоитъ трибу-наль, тамъ нѣтъ благодарности, тамъ неизвѣстно святотатство и, если революція, какъ Сатурнъ, ѣстъ своихъ дѣтей, то отрицаніе, какъ Неронъ, убиваетъ свою мать, чтобъ отдѣлаться отъ прошед-шаго. Люди боятся своей логики и, опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло, стремятся спасти клочки, отрывки стараго. Отказываясь отъ христіанства, берегутъ безсмертіе души, идеализмъ, провидѣніе. Люди, шедшіе вмѣстѣ, тутъ расходятся: одни идутъ направо, дру-гіе налево; одни замираютъ на полдорогѣ, какъ верстовые столбы, показывая, сколько пройдено, другіе бросаютъ послѣднюю ношу прошедшаго и идутъ бодро впередъ. Переходя изъ стараго міра въ новый, ничего нельзя взять съ собою.

Разумъ непощаденъ, какъ конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ; онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ на лавку подсуди-мыхъ самое верховное бытіе,—для добраго короля теологіи настаетъ 21 января. Этотъ процессъ, какъ процессъ Людовика XVI,— проб-ный камень для жирондистовъ; все слабое, половинчатое или бѣжитъ, или лжетъ, не подаетъ голоса, или подаетъ безъ вѣры. Между тѣмъ, люди, произнесшіе приговоръ, думаютъ, что, казнивши ко-роля, нечего больше казнить, что 22 января республика готова и счастлива. Какъ будто достаточно атеизма, чтобъ не имѣть рели-гіи, какъ будто достаточно убить Людовика XVI, чтобъ не было монархіи. Удивительное сходство феноменологіи террора и логики. Терроръ именно начался послѣ казни короля, вслѣдъ за нимъ яви-лись на помостѣ благородные отроки революціи, блестящіе, красно-рѣчивые, слабые. Жаль ихъ, но спасти невозможно и головы ихъ пали, а за ними покатила львиная голова Дантона и голова ба-ловня революціи, Камиля Демулена. — Ну, теперь, теперь, по край-ней мѣрѣ, кончено? Нѣтъ, теперь чередъ неподкупныхъ палачей; они будутъ казнены за то, что вѣрили въ возможность демокра-тіи во Франціи, за то, что казнили во имя равенства, да казнены, какъ Анахарсисъ Клоотсъ, мечтавшій о братствѣ народовъ, за нѣ-сколько дней до наполеоновской эпохи, за нѣсколько лѣтъ до вѣн-скаго конгресса.

Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и

отричанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ, и, если республика присваиваетъ себѣ такія же права, какъ монархія,—презираетъ ее, какъ монархію, нѣтъ,—гораздо больше. - - - - -

- - - - - , а отъ имени «республика» сильнѣе бьется сердце: монархія сама по себѣ религія, у республики нѣтъ мистическихъ отговорокъ, нѣтъ божественнаго права, она съ нами стоитъ на одной почвѣ. Мало ненавидѣть - - - , надобно перестать уважать и фригійскую шапку; мало не признавать преступленіемъ - - - - - - - - - - , надобно признавать преступнымъ *salus populi* ¹⁾). Пора человѣку потребовать къ суду республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданинѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и къ государству. Казней будетъ много; близкимъ, дорогимъ надобно пожертвовать,—мудрено ли жертвовать ненавистнымъ? въ томъ-то и дѣло, чтобъ отдать дорогое, если мы убѣдимся, что оно не истинно. И въ этомъ — наше дѣйствительное дѣло. Мы не призваны собирать плодъ, но призваны быть палачами прошедшаго, казнить, преслѣдовать его, узнавать его во всѣхъ одеждахъ и приносить на жертву будущему. Оно торжествуетъ фактически, погубимъ его въ идеѣ, въ убѣжденіи, во имя человѣческой мысли. Уступокъ дѣлать некому: трехцвѣтное знамя уступокъ слишкомъ замарано,—оно долго не просохнетъ отъ іюньской крови. И кого, въ самомъ дѣлѣ, щадить? Всѣ элементы разрушающіеся вамъ являются во всей жалкой нелѣпости, во всемъ отвратительномъ безуміи своемъ. Что вы уважаете? *Народное* правительство, что ли?—Кого вамъ жаль? Парижъ?

Три мѣсяца люди, избранные всеобщей подачей голосовъ, люди выборные всей земли французской ничего не дѣлали и вдругъ стали во весь ростъ, чтобъ показать міру зрѣлище невиданное—восьмисотъ человѣкъ, дѣйствующихъ, какъ одинъ злодѣй, какъ одинъ извергъ. Кровь лилась рѣками, а они не нашли слова любви, примиренія; все великодушное, человѣческое покрывалось воплемъ мести и негодованія, голось умирающаго Афра ²⁾ не могъ тронуть этого многоголоваго Калигулу, этого Бурбона, размѣненнаго на мѣдные гроши; они прижали къ сердцу національную гвардію, раз-

¹⁾ Спасенье народа. (Начало извѣстнаго римскаго афоризма: «Спасенье народа—высшій законъ!»).

²⁾ Дени-Огюсть, парижскій архиепископъ, смертельно раненый 25 іюня 1848 г. на баррикадахъ, куда явился примирить воевавшихъ.

стрѣливавшую безоружныхъ. Сенаръ благословлялъ Кавеньяка, и Кавеньякъ умильно плакалъ, исполнивъ всѣ злодѣйства, указанная адвокатскимъ пальцемъ представителей. А грозное меньшинство притаилось; *Гора* скрылась за облаками довольная, что ее не разстрѣляли, не сгноили въ подвалахъ; молча смотрѣла она, какъ обираютъ оружіе у гражданъ, какъ декретируютъ депортацію, какъ сажаютъ въ тюрьму людей за все на свѣтѣ, — за то, что они не стрѣляли въ своихъ братій.

Убийство въ эти страшные дни сдѣлалось обязанностью; человекъ, не омочившій себѣ рукъ въ пролетарской крови, становился подозрителенъ для мѣщанъ. По крайней мѣрѣ, большинство имѣло твердость быть злодѣемъ. А эти жалкіе, презрительные друзья народа, риторы, пустыя сердца!.. Одинъ лишь мужественный плачь, одно великое негодование и раздалось, и то внѣ камеры. Мрачное проклятiе старца Ламеннэ¹⁾ останется на головѣ бездушныхъ канибаловъ, и всего ярче выступить на лбу малодушныхъ, которые, произнеся слово «республика», испугались смысла его.

Парижъ! Какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ; кто не любилъ, кто не поклонялся ему? но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены. Въ іюньскіе дни онъ завязалъ великую борьбу, которую ему не развязать. Парижъ состарѣлся, и юношескія мечты ему больше не идутъ; для того, чтобъ оживиться, ему нужны сильныя потрясенія, Варѳоломеевскія ночи, сентябрьскіе дни. Но іюньскіе ужасы не оживили его; откуда же возьметъ дряхлый вампиръ еще крови, крови праведниковъ, той крови, которая 27 іюня отражала огонь площадкѣ, зажженныхъ ликующими мѣщанами. Парижъ любилъ играть въ солдаты; онъ посадилъ императоромъ счастливаго солдата; онъ рукоплескалъ злодѣйствамъ, называемымъ побѣдою; онъ воздвигалъ статуи; онъ мѣщанскую фигуру маленькаго капрала опять поставилъ черезъ пятнадцать лѣтъ на колонну; онъ съ благоговѣніемъ переносилъ прахъ водворителя рабства; онъ и теперь надѣялся найти въ солдатахъ якорь спасенія отъ свободы и равенства; онъ позвалъ дикія орды одичалыхъ африканцевъ противъ братій своихъ, чтобъ не дѣлиться съ ними, и зарѣзалъ ихъ бездушной рукой убійцъ по ремеслу. Пусть же онъ несетъ послѣдствіе своихъ дѣлъ, своихъ ошибокъ... Парижъ разстрѣливалъ безъ суда... Что выйдетъ изъ этой крови?—кто знаетъ, но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣщенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго чело-

¹⁾ Бывшій аббатъ, знаменитый франц. писатель.

вѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему — и это прекрасно, а потому: да здравствуетъ хаосъ и истребленіе!

Vive la mort! ¹⁾

И да водрузится будущее!

Парижъ, 27 іюля 1848 г.

III.

LVII годъ республики, одной и нераздѣльной.

Ce n'est pas le socialisme, c'est la république! ²⁾

(Изъ одной рѣчи, произнесенной въ Шалэ 22 октября 1848 года).

На дняхъ праздновали первое вандеміера пятьдесятъ седьмого года. ⁴ Въ Шалэ на Елисейскихъ поляхъ собрались всѣ аристократы демократической республики, всѣ алые члены собранія. Къ концу обѣда Ледрю-Ролленъ произнесъ блестящую рѣчь. Рѣчь его, наполненная *красныхъ* розъ для республики и колючихъ шиповъ для правительства, имѣла полный успѣхъ и заслуживала его. Когда онъ кончилъ, раздалось громкое «Vive la République démocratique!» ³⁾. Всѣ встали и стройно, торжественно, безъ шляпъ, запѣли марсельезу. Слова Ледрю-Роллена, звуки завѣтной пѣсни освобожденія и бокалы вина, въ свою очередь, одушевили всѣ лица; глаза горѣли, и тѣмъ болѣе горѣли, что не все бродившее въ головѣ являлось на губахъ. Барабанъ лагеря Елисейскихъ полей напоминалъ, что непріятель близко, что осадное положеніе и солдатская диктатура продолжаютъ.

Большая часть гостей были люди въ цвѣтѣ лѣтъ, но уже больше или меньше искусившіе свои силы на политической аренѣ. Шумно, горячо говорили они между собою. Сколько энергіи, отваги, благородства въ характерѣ французовъ, когда они еще не подавили въ себѣ хорошаго начала своей національности или уже вырвались изъ мелкой и грязной среды мѣщанства, которое, какъ тина, покрываетъ зеленью своей всю Францію. Что за мужественное, рѣшительное выраженіе въ лицахъ, что за стремительная готовность подтвердить дѣломъ слово: сейчасъ итти на бой, стать подъ пулю,

¹⁾ Да здравствуетъ смерть!

²⁾ Это — не социализмъ, это — республика!

³⁾ Да здравствуетъ демократическая республика!

казнить, быть казненнымъ! Я долго смотрѣлъ на нихъ, и мало-помалу невыразимая грусть поднялась со дна души и налегла на всѣ мысли; мнѣ стало смертельно жаль эту кучку людей, благородныхъ, преданныхъ, умныхъ, даровитыхъ, чуть ли не лучшей цвѣтъ новаго поколѣнія... Не думайте, что мнѣ стало ихъ жаль потому, что, можетъ быть, они не доживутъ до 1-го брюмера или до 1-го нивоза 57-го года, что, можетъ, черезъ недѣлю они погибнутъ на баррикадахъ, пропадутъ на галерахъ, въ депортации, на гильотинѣ или, по новой модѣ, ихъ, можетъ, перестрѣляютъ со связанными руками, загнавши куда-нибудь въ уголъ Карузельской площади, или подъ внѣшніе форты,—все это очень печально, но я не объ этомъ жалѣлъ, грусть моя была глубже.

Мнѣ было жаль ихъ откровенное заблужденіе, ихъ добросовѣстную вѣру въ несбыточные вещи, ихъ горячее упованіе, столько же чистое и столько же призрачное, какъ рыцарство Донъ-Кихота. Мнѣ было жаль ихъ, какъ врачу бываетъ жаль людей, не подозрѣвающихъ страшнаго недуга въ груди своей. Сколько нравственныхъ страданій готовятъ себѣ эти люди,—они будутъ биться, какъ герои, они будутъ работать всю жизнь и не успѣютъ. Они отдадутъ кровь, силы, жизнь и состарѣвшись увидятъ, что изъ ихъ труда ничего не вышло, что они дѣлали не то, что надобно, и умрутъ съ горькимъ сомнѣніемъ въ человѣкѣ, который не виноватъ; или—еще хуже—впадутъ въ ребячество и будутъ, какъ теперь, ждать всякій день огромной перемѣны, водворенія *ихъ* республики,—принимая предсмертныя муки умирающаго за страданія, предшествующія родамъ. Республика—*такъ, какъ они ее* понимаютъ,—отвлеченная и неудобноисполнимая мысль, плодъ теоретическихъ думъ, апопееозъ существующаго государственнаго порядка, преображеніе *того, что есть*; ихъ республика—последняя мечта, поэтической бредъ стараго міра. Въ этомъ бреду есть и пророчество, относящееся къ жизни за гробомъ, къ жизни будущаго вѣка. Вотъ чего они, люди прошедшаго, несмотря на революціонность свою, связанные со старымъ міромъ на животъ и на смерть, не могутъ понять. Они воображаютъ, что этотъ дряхлый міръ можетъ, какъ Улиссъ, поюнѣть, не замѣчая того, что осуществленіе одной закраины *ихъ* республики мгновенно убьетъ его; они не знаютъ, что нѣтъ круче противорѣчія, какъ между ихъ идеаломъ и существующимъ порядкомъ, что одно должно умереть, чтобъ другому можно было жить. Они не могутъ выйти изъ старыхъ формъ, они ихъ принимаютъ за какія-то вѣчныя границы, и оттого ихъ идеаль носитъ только имя и цвѣтъ будущаго, а въ сущности принадлежитъ міру прошедшему, не отрѣшается отъ него.

Зачѣмъ они не знаютъ этого?

Роковая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что увлеченные благо-родной любовью къ ближнему, къ свободѣ, увлеченные нетерпѣ-ніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей прежде, нежели они сами освободились; они нашли въ себѣ силу порвать желѣзныя грубыя цѣпи, не замѣчая того, что стѣны тюрьмы оста-лись. Они хотятъ, не мѣняя стѣнъ, дать имъ иное назначеніе, какъ будто планъ острога можетъ годиться для свободной жизни.

Ветхій міръ, католико-феодальный, далъ всѣ видоизмѣненія, къ которымъ онъ былъ способенъ, развился во всѣ стороны до высшей степени изящнаго и отвратительнаго, до обличенія всей истины, въ немъ заключенной, и всей лжи; наконецъ, онъ исто-щился. Онъ можетъ еще долго стоять, но обновляться не можетъ; общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шагъ къ осуществленію ея будетъ выходъ изъ него. Выходъ!— тутъ то и остановка! Куда? что тамъ, за его стѣнами? Страхъ беретъ—пустота, ширина, воля... какъ итти, не зная куда; какъ терять, не видя пріобрѣтеній? Еслибъ Колумбъ такъ рассуждалъ, онъ никогда не снялъ бы якоря. Сумасшествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой—вопросъ. Этимъ сумасшествіемъ онъ от-крылъ новый міръ. Конечно, еслибъ народы переѣзжали изъ одного готоваго *hôtel garni* ¹⁾ въ другой, еще лучшей, было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ буду-щемъ хуже, нежели въ океанѣ,—ничего нѣтъ, оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлають обстоятельства и люди.

Если вы довольны старымъ міромъ, старайтесь его сохранить: онъ очень хилъ, и надолго его не станетъ при такихъ толчкахъ, какъ 24 февраля; но если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раз-дорѣ убѣжденій съ жизнью, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ-подъ выбѣленныхъ средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ; отважная дерзость въ иныхъ случаяхъ выше всякой премудрости. Я очень знаю, что это не легко; шутка ли разстаться со всѣмъ, къ чему человѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ росъ и выросъ. Люди, о которыхъ мы говоримъ, готовы на страшныя жертвы, но не на тѣ, которыя отъ нихъ требуетъ новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью? Готовы ли они лишиться всѣхъ плодовъ, выработанныхъ такими усиліями, плодовъ, которыми мы хвастаемся три столѣтія, которые намъ такъ

¹⁾ Меблированныя комнаты.

дороги, *лишиться* всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность образованной дряхлости, необработанную почву, непроходимые лѣса — истощеннымъ полямъ и расчищеннымъ паркамъ, сломать свой наслѣдственный замкъ изъ одного удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится, безъ сомнѣнія, гораздо послѣ насъ? Это вопросъ безумнаго, скажутъ многіе. Его дѣлалъ Христосъ иными словами.

Либералы долго играли, шутили съ идеей революціи и дошутились до 24 февраля. Народный ураганъ поставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ, куда они идутъ и куда ведутъ другихъ; посмотрѣвши на пропасть, открывавшуюся передъ ихъ глазами, они поблѣднѣли; они увидѣли, что не только то падаетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное; они до того перепугались, что одни уцѣпились за падающія стѣны, а другіе остановились каючимися на полдорогѣ и стали клясться всѣмъ проходимымъ, что они этого не хотѣли. Вотъ отчего люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы; вотъ отчего либеральныя имена, звучавшія въ ушахъ нашихъ лѣтъ двадцать, являются ретроградными депутатами, измѣнниками, инквизиторами. Они хотятъ свободы, даже республики въ извѣстномъ кругѣ литературно-образованномъ. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами. Такъ рационалистамъ нравилось объяснять тайны религіи, имъ нравилось раскрывать значеніе и смыслъ мифовъ; они не думали, что изъ этого выйдетъ, не думали, что ихъ изслѣдованія, начинающіяся со страха Господня, окончатся атеизмомъ, что ихъ критика церковныхъ обрядовъ приведетъ къ отрицанію религіи.

Либералы всѣхъ странъ, со времени реставраціи, звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя слезъ несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода неимущаго; они радовались, гоняя до упаду министровъ, отъ которыхъ требовали неудобноисполнимаго, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлеклись, наконецъ, что перешли собственныя желанія. Они опомнились, когда изъ-за полуразрушенныхъ стѣнъ явился — не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ — пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ «несчастный обдѣленный братъ», о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ, наконецъ, гдѣ же *его* доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работ-

ника, взяли приступомъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ *брата* за штыками осаднаго положенія, спасая *цивилизацию и порядокъ*.

Они правы, только они не послѣдовательны. Зачѣмъ же они прежде подламывали монархію? Какъ же они не поняли, что, уничтожая монархическій принципъ, революція не можетъ остановиться на томъ, чтобъ вытолкать за дверь какую-нибудь династію. Они радовались, какъ дѣти, что Людовикъ-Филиппъ не успѣлъ доѣхать до С.-Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось новое правительство, и дѣло пошло своимъ чередомъ въ то время, какъ эта легкость переворота должна имъ была показать несущественность его. Либералы были удовлетворены. Но народъ не былъ удовлетворенъ, но народъ поднялъ теперь свой голосъ: онъ повторялъ ихъ слова, ихъ обѣщанія, а они, какъ Петръ, троекратно отреклись и отъ словъ и отъ обѣщанія, какъ только увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку, и начали убійства. Такъ Лютеръ и Кальвинъ топили *анабаптистовъ*, такъ протестанты отрекались отъ Гегеля, и гегелисты—отъ Фейербаха. Таково положеніе *реформаторовъ* вообще: они собственно наводятъ только понтоны, по которымъ увлеченные ими народы переходятъ съ одного берега на другой. Для нихъ нѣтъ среды лучше, какъ конституціонное сумрачное ни то, ни сѣ. И въ этомъ-то мірѣ словопреній, раздора, непримиримыхъ противорѣчій, не измѣняя его, хотѣли эти суетные люди осуществить свои *ria desideria* ¹⁾ свободы, равенства и братства.

Формы европейской гражданственности, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы, но, какъ все живое, измѣняемы до *нѣкоторой степени*; организмъ можетъ воспитываться, отклоняться отъ назначенія, прилаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особенности, его индивидуальности, то, что составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба, и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль: онѣ не пропадаютъ, пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совѣмъ другихъ отношеній, явленій.

Государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ не совмѣстны по внутреннему своему понятію, ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ, всякое осуществленіе

¹⁾ Благія пожеланія.

этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смертью. Никакая конституція, никакое правительство не въ состояніи дать феодально-монархическимъ государствамъ истинной свободы и равенства, не разрушая до тла все феодальное и монархическое. Европейская жизнь, христіанская и аристократическая, образовала нашу цивилизацію, наши понятія, нашъ бытъ; ей необходима христіанская и аристократическая среда. Среда эта могла развиваться сообразно съ духомъ времени, со степенью образованія, сохраняя свою сущность, въ католическомъ Римѣ, въ кощунствующемъ Парижѣ, въ философствующей Германіи, но далѣе итти нельзя, не переступая границу. Въ разныхъ частяхъ Европы люди могутъ быть посвободнѣе, поравнѣе, нигдѣ не могутъ они быть свободны и равны, пока существуетъ *эта* гражданская форма, пока существуетъ *эта* цивилизація. Это знали всѣ умные консерваторы и оттого поддерживали всѣми силами старое устройство. Неужели вы думаете, что Меттернихъ и Гизо не видѣли несправедливости общественнаго порядка, ихъ окружавшаго? Но они видѣли, что эти несправедливости такъ глубоко вплетены во весь организмъ, что стоитъ коснуться до нихъ,—все зданіе рухнется; понявши это, они стали стражами status quo. А либералы разнуздали демократію да и хотятъ воротиться къ прежнему порядку. Кто же правѣе?

Въ сущности, само собою разумѣется, всѣ неправы—и Гизо, и Меттернихи, и Кавеньяки: всѣ они дѣлали дѣйствительныя злодѣянія изъ-за мнимой цѣли, они тѣснили, губили, лили кровь для того, чтобъ задержать смерть. Ни Меттернихъ съ своимъ умомъ, ни Кавеньякъ съ своими солдатами, ни республиканцы съ своимъ непониманіемъ не могутъ въ самомъ дѣлѣ остановить потокъ, теченіе котораго такъ сильно обозначилось; только вмѣсто облегченія они усыпаютъ людямъ путь толченымъ стекломъ. Идущіе народы пройдутъ хуже, труднѣе, изрѣжутъ себѣ ноги, но, все-таки, пройдутъ; сила соціальныхъ идей велика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ понимать истинный врагъ, врагъ по *праву* существующаго гражданского порядка—пролетарій, работникъ, которому досталась вся горечь этой формы жизни и котораго миновали всѣ ея плоды. Намъ еще жаль старый порядокъ вещей,—кому же и пожалѣть его, какъ не намъ? Онъ только для насъ и былъ хорошъ, мы воспитаны имъ, мы—его любимыя дѣти, мы сознаемся, что ему надобно умереть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну, а массы, задавленные работой, изнуренныя голодомъ, притупленныя невѣжествомъ, онѣ о чемъ будутъ плакать на его похоронахъ?.. Онѣ были эти не приглашенные на пиръ жизни, о которыхъ гово-

рить Мальтусъ, ихъ *подавленность* была необходимымъ условіемъ нашей жизни.

Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія предполагаютъ среду, постоянно расчищаемую *другими*, приготовляемую *другими*; надобенъ *чей-то* трудъ для того, чтобъ намъ доставить досугъ, необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ, ту дѣятельную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ аристократическихъ индивидуальностей.

Кто не знаетъ, какую свѣжесть духу придаетъ беззаботное довольство; бѣдность, вырабатывающаяся до Жильбера ¹⁾,—исключеніе, бѣдность страшно искажаетъ душу человѣка, не меньше богатства. Забота объ однѣхъ матеріальныхъ нуждахъ подавляетъ способности. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ при современной гражданской формѣ? Наша цивилизація — цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сентиментальный человѣкъ; мнѣ кажется, если меньшинству было дѣйствительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни въ прошедшемъ оправдана. Я не жалѣю о двадцати поколѣніяхъ нѣмцевъ, потраченныхъ на то, чтобъ сдѣлать возможнымъ Гете, и радуюсь, что псковскій оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна; точно, какъ извѣстное дерево, она мать и мачеха вмѣстѣ; она ничего не имѣетъ противъ того, что двѣ трети ея произведеній идутъ на питаніе одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могутъ всѣ хорошо жить, пусть живутъ нѣсколько, пусть живетъ одинъ на счетъ другихъ, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только съ этой точки и можно понять аристократію. Аристократія — вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія; каннибалъ, который ѣстъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника, составляютъ только видоизмѣненія одного и того же людоедства. Я, впрочемъ, готовъ защищать и самую грубую антропофагію: если одинъ человѣкъ себя разсматриваетъ, какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть, пусть ѣстъ; они стоятъ того, — одинъ, чтобъ быть людоедомъ, другой, чтобъ быть кушаньемъ.

¹⁾ Николай, французскій поэтъ XVIII вѣка. Нынѣ опровергнуто преданіе о томъ, что онъ умеръ отъ бѣдности.

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ,—міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину, и тогда она ихъ не тѣснитъ; но когда они однажды поняли, что ихъ истина — вздоръ, дѣло кончено: тогда только силою можно заставить дѣлать то, что чело-вѣкъ считаетъ нелѣпымъ. Учредите постные дни безъ вѣры. Ни подъ какимъ видомъ: чело-вѣку сдѣлается такъ же невыносимо ѣсть постное, какъ вѣрующему ѣсть скоромное.

Работникъ не хочетъ больше работать для другого, — вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники не сосчитали своихъ силъ, крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку, тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на выработываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству. Въ идеѣ теперь уже кончена эксплуатація чело-вѣка чело-вѣкомъ, кончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ.

Какъ же этотъ міръ устоитъ противъ соціального переворота? во имя чего будетъ онъ себя отстаивать? — религія его ослабла, — — — — — принципъ потерялъ авторитетъ, онъ поддерживается страхомъ и насиліемъ; демократическій принципъ—ракъ, снѣдающій его изнутри.

Духота, тяжесть, усталъ, отвращеніе отъ жизни распростра-няются вмѣстѣ съ судорожными попытками куда-нибудь выйти. Всѣмъ на свѣтѣ стало дурно жить, это—великій признакъ.

Гдѣ эта тихая, созерцательная, кабинетная жизнь въ сферѣ знанія и искусствъ, въ которой жили германцы? гдѣ этотъ вихрь веселья, остротъ, либерализма, нарядовъ, пѣсенъ, въ которомъ кружился Парижъ? Все это—прошедшее, воспоминаніе. Послѣднее усиліе спасти старый міръ обновленіемъ изъ его собственныхъ началъ не удалось.

Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ: нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли, нѣту силы воли; міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло такъ же, какъ время Рафаэля и Буонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита такъ, какъ блестящая эпоха аристокра-тіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого; кредита нѣтъ, всѣ переби-

ваются съ дня на день, образъ жизни дѣлается менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ, всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ живутъ, какъ лавочники, нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими, никто не беретъ осѣдлости: все на время, наемно, шатко. Это то тяжелое время, которое давило людей въ третьемъ столѣтіи, когда самые пороки древняго Рима утратились, когда императоры стали вялы, легионы мирны. Тоска мучила людей энергическихъ и безпокойныхъ до того, что они толпами бѣжали куда-нибудь въ Фиваидскія степи, кидая на площадь мѣшки золота и разставаясь на вѣкъ и съ родиною, и съ прежними богами. Это время настаетъ для насъ, тоска наша растеть!

Кайтесь, господа, кайтесь! судъ міру вашему пришелъ! Не спасти вамъ его ни осаднымъ положеніемъ, ни республикой, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіемъ полей. Можетъ быть, судьба его не была бы такъ печальна, еслибъ его не защищали съ такимъ усердіемъ и упорствомъ, съ такой безнадежной ограниченностью. Никакое перемиріе не поможетъ теперь во Франціи; враждебныя партіи не могутъ ни объясниться, ни понять друга друга: у нихъ разныя логики, два разума. Когда вопросы станутъ такъ, нѣтъ выхода, кромѣ борьбы: одинъ изъ двухъ долженъ остаться на мѣстѣ: монархія или соціализмъ.

Подумайте, у кого больше шансовъ? Я предлагаю пари за соціализмъ. «Мудрено себѣ представить!»—Мудрено было и христіанству восторжествовать надъ Римомъ. Я часто воображаю, какъ Тацитъ или Плиніи умно разсуждали съ своими пріятелями объ этой нелѣпой сектѣ назареевъ, объ этихъ Пьеръ Леру¹⁾, пришедшихъ изъ Іудеи съ энергической и полубезумной рѣчью, о тогдашнемъ Прудонѣ, явившемся въ самый Римъ проповѣдывать конецъ Рима. Гордо и мощно стояла имперія въ противоположность этимъ бѣднымъ пропагандистамъ, а не устояла, однако.

Или вы не видите новыхъ христіанъ, идущихъ строить, новыхъ варваровъ, идущихъ разрушать?—они готовы; они, какъ лава, тяжело шевелятся подъ землею, внутри горъ. Когда настанетъ ихъ часъ,—Геркуланумъ и Помпея исчезнутъ, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнутъ рядомъ. Это будетъ не судъ, не расправа, а катаклизмъ, переворотъ... Эта лава, эти варвары, этотъ новый міръ, эти назареи, идущіе покончить дряхлое и безсильное и расчистить мѣсто свѣжему и новому, ближе, нежели вы думаете. Вѣдь, это они умираютъ отъ голода, отъ холода, они устали надъ.

¹⁾ Французскій писатель-соціалистъ (сень-симонистъ).

нашей головой и подъ нашими ногами, на чердакахъ и въ подвалахъ въ то время, какъ мы съ вами *au premier* 1),

Шампанскимъ вафли запивая,

толкуемъ о социализмѣ. Я знаю, что это не новость, что оно и прежде было такъ, но прежде они не догадывались, что это *очень-глупо*.

— Но неужели будущая форма жизни вмѣсто прогресса должна водвориться ночью варварства, должна купиться утратами? Не знаю, но думаю, что образованному меньшинству, если оно доживетъ до этого разгрома и не закалится въ свѣжихъ, новыхъ понятіяхъ, жить будетъ хуже. Многіе возмущаются противъ этого, я нахожу это утѣшительнымъ, для меня въ этихъ утратахъ — доказательство, что каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуальность, что каждая — достигнутая цѣль, а не средство; оттого у каждой свое благо, свое хорошее, лично принадлежащее ей и которое съ нею гибнетъ. Что вы думаете, римскіе патриціи много выиграли въ образѣ жизни, перешедши въ христіанство? или аристократы до революціи развѣ не лучше жили, нежели мы съ вами живемъ?

— Все это такъ, но мысль о крутомъ и насильственномъ переворотѣ имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее для многихъ. Люди, видящіе, что переменна необходима, желали бы, чтобъ она сдѣлалась исподволь. Сама природа, — говорятъ они, — по мѣрѣ того, какъ она складывалась и становилась богаче, развитѣе, перестала прибѣгать къ тѣмъ страшнымъ катаклизмамъ, о которыхъ свидѣтельствуется кора земного шара, наполненная костями цѣлыхъ населеній, погибнувшихъ въ ея перевороты; тѣмъ болѣе стройная, покойная метаморфоза свойственна той степени развитія природы, въ которой она достигла сознанія.

— Она достигла его нѣсколькими головами, малымъ числомъ избранныхъ, остальные достигаютъ еще и оттого покорены *Naturgewalt*'амъ, инстинктамъ, темнымъ влеченіямъ, страстямъ. Для того, чтобъ мысль ясная и разумная для васъ была мыслью другого, — недостаточно, чтобъ она была истинна, — для этого нужно, чтобъ его мозгъ былъ развитъ такъ же, какъ вашъ, чтобъ онъ былъ освобожденъ отъ преданія. Какъ вы уговорите работника терпѣть голодъ и нужду, пока исподволь переменится гражданское устройство? Какъ вы убѣдите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которую онъ держится за свои монополіи и права?

1) Въ бель-этажѣ.

Трудно представить себѣ такое самоотверженіе. Что можно было сдѣлать, сдѣлано; развитіе средняго сословія, конституціонный порядокъ дѣль—не что иное, какъ промежуточная форма, связующая міръ феодально-монархическій съ соціально-республиканскимъ. Буржуазія именно представляетъ это полуосвобожденіе, эту дерзкую нападку на прошедшее съ желаніемъ унаслѣдовать его власть. Она работала для себя и была права. Человѣкъ серьезно дѣлаетъ что-нибудь только тогда, когда дѣлаетъ для себя. Не могла же буржуазія себя принимать за уродливое промежуточное звено,—она принимала себя за цѣль, но такъ какъ ея нравственный принципъ былъ меньше и бѣднѣе прошлаго, а развитіе идетъ быстрѣе и быстрѣе, то и нечему дивиться, что міръ буржуазіи истощился такъ скоро и не имѣетъ въ себѣ болѣе возможности обновленія. Наконецъ, подумайте, въ чемъ можетъ быть этотъ переворотъ исподволь,—въ раздробленіи собственности, въ родѣ того, что было сдѣлано въ первую революцію?—Результатъ этого будетъ тотъ, что всѣмъ на свѣтѣ будетъ мерзко; мелкій собственникъ—худшій буржуа изъ всѣхъ; всѣ силы, таящіяся теперь въ многострадальной, но мощной груди пролетарія, изсякнутъ; правда, онъ не будетъ умирать съ голода, да на томъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли или своей коморкой въ рабочихъ казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго переворота. Если это будетъ, тогда главный потокъ исторіи найдетъ себѣ другое русло; онъ не потеряется въ песокъ и глинѣ, какъ Рейнъ, человѣчество не пойдетъ узкимъ и грязнымъ проселкомъ,—ему надобно широкую дорогу. Для того, чтобъ расчистить ее, оно ничего не пожалѣетъ.

Въ природѣ консерватизмъ такъ же силенъ, какъ революціонный элементъ. Природа позволяетъ жить старому и ненужному, пока можно; но она не пожалѣла мамонтовъ и мастодонтовъ для того, чтобъ уладить земной шаръ. Переворотъ, ихъ погубившій, не былъ направленъ *противъ нихъ*; еслибъ они могли какъ-нибудь спастись, они бы уцѣлѣли и потомъ спокойно и мирно выродились бы, окруженные средой имъ несвойственной. Мамонты, которыхъ кости и кожу находятъ въ сибирскихъ льдахъ, вѣроятно, спаслись отъ геологическаго переворота; это Комнены, Палеологи въ феодальномъ мірѣ. Природа ничего на имѣетъ противъ этого, также, какъ исторія. Мы ей подкладываемъ сентиментальную личность и наши страсти, мы забываемъ нашъ метафорическій языкъ и принимаемъ образъ выраженія за самое дѣло. Не замѣчая нелѣпости, мы вносимъ маленькія правила нашего домашняго хозяйства во всемірную экономію, для которой жизнь поколѣній, народовъ, цѣлыхъ планетъ не имѣетъ никакой важности въ отношеніи къ общему

развитію. Въ противоположность намъ, субъективнымъ, любящимъ одно личное, для природы гибель частнаго — исполненіе той же необходимости, той же игры жизни, какъ возникновеніе его; она не жалѣетъ объ немъ, потому, что изъ ея широкихъ объятій ничего не можетъ утратиться, какъ ни измѣняйся.

1 октября 1848 года.
Champs Elysées.

IV.

Vixerunt! ¹⁾

Смертію смерть поправъ.

Заутрепя передъ
Свѣтлымъ Воскресеніемъ.

Двадцатое ²⁾ ноября 1848 года въ Парижѣ погода была ужасная; суровый вѣтеръ съ преждевременнымъ снѣгомъ и инеемъ въ первый разъ послѣ лѣта напоминалъ о приближеніи зимы. Зимы ждуть здѣсь, какъ общественнаго несчастія: неимущіе приготавливаются дрогнуть въ не топленныхъ мансардахъ безъ теплой одежды, безъ достаточной пищи; смертность увеличивается въ эти два мѣсяца изморози, гололедицы и сырости; лихорадки изнуряютъ и лишаютъ силы рабочихъ людей.

Въ этотъ день совсѣмъ не разсвѣтало; мокрый снѣгъ, тая, падалъ непрерывно въ туманномъ воздухѣ, вѣтеръ рвалъ шляпы и съ ожесточеніемъ тормозилъ сотни трехцвѣтныхъ флаговъ, привязанныхъ къ высокимъ шестамъ около площади Согласія. Густыми массами стояли на ней войска и народная стража; въ воротахъ тюльерійскаго сада былъ разбитъ какой-то наметъ съ христіанскимъ крестомъ наверху; отъ сада до обелиска площадь, оцѣпленная солдатами, была пуста. Линейные полки, мобиль ³⁾, уланы, драгуны, артиллерія наполняли всѣ улицы, идущія къ площади. Не знавшему нельзя было догадаться, что тутъ готовилось... Не снова ли - - - - казнь... не объявленіе ли, что отечество въ опасности?.. Нѣтъ, это было 21 января не для короля, а для народа, для революціи... это были похороны 24 февраля.

¹⁾ Они отжили.

²⁾ Описка—двѣнадцатое.

³⁾ Подвижная гвардія—родъ милиціи.

...Часу въ девятомъ утра нестройная кучка пожилыхъ людей стала пробираться черезъ мостъ; печально плелись они, поднявши воротники пальто и выискивая нетвердой ногой, гдѣ посуше ступить. Передъ ними шли двое вожатыхъ. Одинъ, закутанный въ африканскій кабанъ, едва выказывалъ жесткія, суровыя черты средневѣковаго кондотьера; въ его исхудаломъ и болѣзненнымъ лицѣ не примѣшивалось ничего человѣческаго, смягчающаго къ чертамъ хищной птицы; отъ хилой фигуры его вѣяло бѣдой и несчастьемъ. Другой толстый, разодѣтый, съ кудрявыми сѣдыми волосами, шель въ одномъ фракѣ, съ видомъ изученной, оскорбительной небрежности; на его лицѣ, нѣкогда красивомъ, осталось одно выраженіе сладострастно-сознательнаго довольства почетомъ, своимъ мѣстомъ.

Никакое привѣтствіе не встрѣтило ихъ, одни покорныя ружья брякнули на карауль. Въ то же время, съ противоположной стороны, отъ Мадлены, двигалась другая кучка людей, еще болѣе странныхъ, въ средневѣковомъ нарядѣ, въ митрахъ и ризахъ; окруженные кадилъницами, съ четками и молитвенниками, они казались давно умершими и забытыми тѣнями феодальныхъ вѣковъ.

Зачѣмъ шли тѣ и другіе?

Одни шли провозглашать, подъ охраною ста тысячъ штыковъ, *народную волю*,—уложеніе, составленное подъ выстрѣлами, обсужденное въ осадномъ положеніи—во имя *свободы, равенства и братства*; другіе шли благословить этотъ плодъ философіи и революціи

Народъ не пришелъ даже взглянуть на эту пародію. Онъ грустными толпами гулялъ около общаго гроба всѣхъ падшихъ за него братій, около іюньской колонны. Мелкіе лавочники, разносчики, сидѣльцы, дворники близлежащихъ домовъ, трактирные слуги да наша братья, иностранные туристы, составляли кайму за шпалерами войскъ и вооруженныхъ буржуа. Но и эти зрители смотрѣли съ удивленіемъ на чтеніе, котораго слышать было невозможно, на маскарадныя платья судей—красныя, черныя, съ мѣхомъ и безъ мѣха, на снѣгъ, который хлесталъ въ глаза, на боевой порядокъ войскъ, которому придавали что-то грозное выстрѣлы съ эспланады Инвалиднаго дома. Солдаты и пальба неволью напоминали іюньскіе дни, сердце сжималось. Лица у всѣхъ были озабочены, будто всѣ имѣли сознаніе своей неправоты,—одни оттого, что совершаютъ преступленіе, другіе оттого, что участвуютъ въ немъ, допустивъ его. При малѣйшемъ шорохѣ, шумѣ тысячи головъ оборачивались, ожидая вслѣдъ за тѣмъ свистъ пули, крикъ возстанія, мѣрный звукъ набата. Вьюга продолжалась. Войска, промокнушіе до костей, роптали; наконецъ, ударилъ барабанъ, масса шевельнулась, и началась

безконечная дефілея подь бѣдныя звуки «Mourir pour la patrie», которыми замѣнили великую марсельезу.

Около этого времени молодой человѣкъ, съ которымъ мы уже знакомы ¹⁾, продрался сквозь толпу къ человѣку среднихъ лѣтъ и сказала ему съ знаками истинной радости:

— Вотъ неожиданное счастье! я не зналъ, что вы здѣсь.

— Ахъ, здравствуйте!—отвѣчалъ тотъ, дружески протягивая ему обѣ руки.—Давно ли вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Откуда?

— Изъ Италіи.

— Ну, что, плохо?

— Лучше не говорить... скверно.

— То-то, мой милый мечтатель и идеалистъ, — я зналъ, что вы не устоите противъ февральскаго искушенія и приготовите себѣ этимъ много страданій,—страданія всегда достигаютъ уровня надеждъ... Вы все жаловались на застой, на дремоту въ Европѣ. Съ этой стороны, кажется, нельзя ее упрекнуть теперь?

— Не смѣйтесь! Есть обстоятельства, надъ которыми смѣяться не хорошо, какой бы скептицизмъ ни былъ въ душѣ. Слезъ не достаесть подчасъ, время ли трунить? Мнѣ, я признаюсь вамъ, страшно обернуться, страшно вспомнить: году еще нѣтъ, какъ мы съ вами разстались, а точно вѣкъ прошелъ. Видѣть исполняющимися всѣ лучшія упованія, всѣ задушевныя надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія,—и пасть такъ глубоко, такъ низко! все утратить! и не въ бою, не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилья, неумѣнья—это страшно. Мнѣ стыдно встрѣчаться съ какимъ-нибудь легитимистомъ; они смѣются въ глаза, и я чувствую, что они правы. Какая школа—не развитія, а притупленія всѣхъ способностей. Я ужасно радъ, что столкнулся съ вами,—у меня, наконецъ, просто сдѣлалась необходимость васъ видѣть; я съ вами заочно ссорился и мирился, написалъ какъ-то вамъ предлинное письмо и теперь душевно радъ, что изодралъ его,—оно было полно дерзкихъ надеждъ, я думалъ васъ побить ими, а теперь мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы окончательно увѣрили меня, что этотъ міръ гибнетъ, что ему выхода нѣтъ, что ему назначено заглохнуть, порости травой. Теперь вы меня не огорчите, да, впрочемъ, я и не ждалъ облегченія отъ встрѣчи съ вами; отъ вашихъ словъ мнѣ становится всякій разъ тяжеле, а не легче... да я этого-то и хочу... убѣдите меня, и я завтра ѣду въ Марсель и отправляюсь съ первымъ пароходомъ

¹⁾ См. «Передъ грозой».

въ Америку или въ Египетъ, лишь бы вонъ изъ Европы. Я усталъ, я изнемогаю здѣсь, я чувствую болѣзнь въ груди, въ мозгу, я сойду съ ума, если останусь.

— Мало нервныхъ болѣзней упорнѣе идеализма. Я васъ застаю послѣ всѣхъ событій, случившихся въ послѣднее время, такимъ, какъ оставилъ. Вы лучше хотите страдать, нежели понимать. Идеалисты—большіе баловни и большіе трусы; я ужъ извинялся за это выраженіе,—вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости, ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ истиной; вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете, что, помимо вами открытыхъ путей, нѣтъ міру спасенія; вы хотите, чтобъ за вашу преданность міръ плясалъ по вашей дудкѣ, и, какъ только замѣчаете, что у него свой шагъ и свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску.

— Называйте, какъ хотите, трусостью или глупостью, но, дѣйствительно, у меня нѣтъ любопытства видѣть этотъ макабрскій танецъ, у меня нѣтъ пристрастія римлянъ къ страшнымъ зрѣлищамъ, можетъ, оттого, что я не понимаю всѣхъ тонкостей искусства умирать.

— Достоинство любопытства мѣряется достоинствомъ зрѣлица. Публика Колизея состояла изъ той же праздно толпы, которая тѣснилась на ауто-да-фе, на казняхъ, сегодня пришла сюда, чтобъ чѣмъ-нибудь занять внутреннюю пустоту, завтра пойдетъ съ тѣмъ же усердіемъ смотрѣть, какъ будутъ вѣшать кого-нибудь изъ нынѣшнихъ героевъ. Есть другое, болѣе почтенное любопытство,—корни его въ болѣе здоровой почвѣ: оно ведетъ къ знанію, къ изученію, оно мучится объ не открытой части свѣта, подвергается разбѣ, чтобъ узнать ея свойство.

— Словомъ, которое имѣетъ въ виду пользу, но какая же польза смотрѣть на умирающаго, зная, что время помощи прошло? Это—просто поэзія любопытства.

— Для меня это поэтическое любопытство, какъ вы называете его, чрезвычайно человѣчественно; я уважаю Плинія, остающагося досматривать грозное изверженіе Везувія въ своей лодкѣ, забывающаго явную опасность. Удалиться было благоразумнѣе и во всякомъ случаѣ покойнѣе.

— Я понимаю намекъ, но сравненіе ваше не совсѣмъ идетъ. При гибели Помпеи нечего было дѣлать человѣку: смотрѣть или итти прочь зависѣло отъ него. Я хочу уйти не отъ опасности, а оттого, что не могу остаться дольше; подвергаться опасности гораздо легче, чѣмъ кажется издали, но видѣть гибель, сложа руки,

знать, что не принесешь никакой пользы, понимать, чѣмъ можно бы помочь, и не имѣть возможности передать, указать, растолковать; быть празднымъ свидѣтелемъ, какъ люди, пораженные какимъ-то повальнымъ безуміемъ, мечутся, крутятся, губятъ другъ друга, какъ ломится цѣлая цивилизація, цѣлый міръ, вызывая хаосъ и разрушеніе,—это выше силъ человѣка. Съ Везувіемъ нечего дѣлать, но въ мірѣ исторіи человѣкъ дома: тутъ онъ не только зритель, но и дѣятель, тутъ онъ имѣетъ голосъ и, если не можетъ принять участія, онъ долженъ протестовать хоть своимъ отсутствіемъ.

— Человѣкъ, конечно, дома въ исторіи, но изъ вашихъ словъ можно подумать, что онъ гость въ природѣ; какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю, онъ тамъ и тутъ дома, но ни тамъ, ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ оттого не оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него; мы вѣримъ въ ея дѣйствительность, независимую отъ насъ, а въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, не вѣримъ; въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать, что хочетъ. Все это—горькіе слѣды дуализма, отъ котораго такъ долго двоилось у насъ въ глазахъ, и мы колебались между двумя оптическими обманами; дуализмъ утратилъ свою грубость, но и теперь незамѣтно остается въ нашей душѣ. Нашъ языкъ, наши первыя понятія, сдѣлавшіяся естественными отъ привычки, отъ повтореній, мѣшаютъ видѣть истину. Еслибъ мы не знали съ пятилѣтняго возраста, что исторія и природа совершенно разное, намъ было бы легко понимать, что развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества, что это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекія на окраинахъ и чрезвычайно близкія въ серединѣ. Намъ не удивило бы тогда, что доля всего совершающагося въ исторіи покорена физиологіи, темнымъ влеченіямъ. Разумѣется, законы историческаго развитія не противоположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли такъ, какъ ничто въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя строитъ чистый разумъ. Зная это, мы устремились бы на изученіе, на открытіе этихъ физиологическихъ вліяній. Дѣлаемъ ли мы это? Занимался ли кто-нибудь серьезно физиологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой? Никто: ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки.

— Однако, дѣйствовали много; можетъ, потому что намъ такъ же естественно дѣлать исторію, какъ пчелѣ медъ, что это не плодъ размысленій, а внутренняя потребность духа человѣческаго.

— Вы хотите сказать—инстинктъ. Вы правы: онъ вель, онъ и теперъ еще ведетъ массы. Но мы не въ томъ положеніи, мы утратили дикую мѣткость инстинкта, мы настолько рефлектёры, что заглушили въ себѣ естественныя влеченія, которыми исторія пробивается къ дальнѣйшему. Мы вообще городскіе жители, равно лишенные физическаго и нравственнаго такта; земледѣлецъ, морякъ знаютъ впередъ погоду, а мы нѣтъ. У насъ осталось отъ инстинкта одно безпокойное желаніе дѣйствовать, и это прекрасно. Сознательнаго дѣйствія, т. е. такого, которое бы вполнѣ удовлетворяло, не можетъ еще быть,—мы дѣйствуемъ ощупью. Мы все пробуемъ втѣснять свои мысли, свои желанія средѣ, насъ окружающей, и эти опыты, постоянно неудачные, служатъ для нашего воспитанія. Вы досадуете, что народы не исполняютъ мысль дорогую вамъ, ясную для васъ, что они не умѣютъ спастись оружіями, которыя вы имъ даете, и перестать страдать; но почему вы думаете, что народъ именно долженъ исполнять вашу мысль, а не свою, именно въ это время, а не въ другое? увѣрены ли вы, что средство, вами придуманное, не имѣетъ неудобствъ? увѣрены ли вы, что онъ понимаетъ его? увѣрены ли вы, что нѣтъ другого средства, что нѣтъ цѣлей шире?—Вы можете угадать народную мысль,—это будетъ удача, но скорѣй вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованіямъ, между вами вѣка, больше, нежели океаны, которые теперъ переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влеченій, полны страстныхъ порывовъ, у нихъ мысль не разъединилась съ фантазіей, у нихъ она не остается по нашему теоріей, она у нихъ тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе, имъ оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого онѣ иногда обгоняютъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ поневолѣ, покидаютъ середь дороги тѣхъ, которымъ поклонялись вчера, и отстаютъ отъ другихъ, вопреки очевидности; онѣ дѣти, онѣ женщины, онѣ капризны, бурны, непостоянны. Въмѣсто того, чтобъ изучить эту самобытную фізіологію рода человѣческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся критиковать, учить, приходиться въ негодованіе, сердиться; какъ будто народы или природа отвѣчаютъ за что-нибудь, какъ будто имъ есть дѣло, нравится ли намъ или не нравится ихъ жизнь, которая влечетъ ихъ поневолѣ къ неяснымъ цѣлямъ и безотвѣтнымъ дѣйствіямъ! До сихъ поръ это дидактическое, жреческое отношеніе имѣло свое оправданіе, но теперъ оно становится смѣшно и ведетъ насъ къ битой роли разочарованныхъ. Вы обижены тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, васъ возмущаетъ эта свирѣпая, тупая и побѣдоносная реакція; и меня также, но вы, вѣрные романтизму, сердитесь, хотите бѣжать для того

только, чтобъ не видать истины. Я согласенъ, что пора выходить изъ нашей искусственной, условной жизни, но не бѣгствомъ въ Америку. Чтѣ вы тамъ найдете? Сѣверные Штаты— послѣднее опрятное изданіе того же феодально-христіанскаго текста, да еще въ грубомъ англійскомъ переводѣ; годъ тому назадъ отъѣздъ вашъ не имѣлъ бы ничего удивительнаго,—обстоятельства тащились томно, вяло. А какъ же ѣхать въ пуцій разгаръ перелома, когда все въ Европѣ бродитъ, работаетъ, когда падаютъ вѣковыя стѣны, кумиръ валится за кумиромъ, когда въ Вѣнѣ научились строить баррикады...

— Дополните, пожалуйста: въ Парижѣ научились ихъ ломать ядрами; когда вмѣстѣ съ кумирами (которые, впрочемъ, возстановляются на другой день) падаютъ навсегда лучшіе плоды европейской жизни, такъ трудно выработанные, выращенные вѣками. Я вижу судь, я вижу казнь, смерть, но я не вижу ни воскресенія, ни помилованія. Эта часть свѣта кончила свое, силы ея истожились; народы, живущіе въ этой полосѣ, дожили до конца своего призванія, они начинаютъ тупѣть, отставать. Исторія, повидимому, нашла другое русло,—я иду туда; вы мнѣ сами доказывали въ прошломъ году что-то подобное,—помните, на пароходѣ, когда мы плыли изъ Генуи въ Чивитту?

— Помню, это было *передъ грозой*. Только тогда вы возражали мнѣ, а теперь согласились черезъ край. Вы не жизнью, не мыслью дошли до вашего новаго взгляда, оттого вмѣсто спокойнаго характера, онъ имѣетъ у васъ характеръ судорожный; вы дошли до него *rag dépit* ¹⁾, отъ минутнаго отчаянія, которымъ вы наивно и безъ намѣренія прикрыли прежнія надежды. Еслибъ этотъ взглядъ не былъ въ васъ капризомъ будирующаго любовника, а просто трезвымъ знаніемъ того, что дѣлается, вы иначе выражались бы, иначе смотрѣли бы; вы оставили бы личную *gaspine* ²⁾, вы забыли бы себя, тронутые и исполненные ужаса, при видѣ трагической судьбы, совершающейся передъ вашими глазами; но идеалисты скупы на то, чтобъ отдаваться; они такъ же упорно себялюбивы, какъ монахи, которые переносятъ всякія лишенія, не выпуская изъ виду себя, свою личность, награду. Чего вы боитесь оставаться здѣсь? Развѣ вы уходите изъ театра при началѣ пятаго дѣйствія каждой трагедіи, боясь разстроить нервы?... Судьба Эдипа не облегчится тѣмъ, что вы оставите партеръ: онъ все такъ же погибнетъ. Оставаться до послѣдней сцены лучше: иногда зритель, задавленный, сломанный несчастіемъ Гамлета, встрѣтитъ молодого Фортинбраса,

¹⁾ Изъ досады.

²⁾ Злопамятность.

полнаго жизни и надеждъ. Самое зрѣлище смерти торжественно,— въ немъ лежитъ великое поученіе... Туча, висѣвшая надъ Европой, не позволявшая никому свободно дышать, разразилась, молнія за молніей, ударъ за ударомъ, земля трясется, а вы хотите бѣжать оттого, что Радецкій взялъ Миланъ, а Кавеньякъ—Парижъ. Вотъ что значить не признавать объективность исторіи; я ненавижу смиреніе, но въ этихъ случаяхъ смиреніе показываетъ пониманье, тутъ мѣсто покорности передъ исторіей, признанія ея. Сверхъ того, она лучше идетъ, нежели можно было ожидать. За что же вы сердитесь? Мы приготовлялись зачахнуть, увянуть въ нездоровой и утомительной средѣ медленнаго старчества, а у Европы вмѣсто ма-разма открылся тифусъ; она рушится, разваливается, таетъ, забывается... забывается до того, что въ ея борьбахъ обѣ стороны бредятъ и не понимаютъ больше ни себя, ни врага. Пятое дѣйствіе трагедіи началось 24 февраля; грусть, трепетное состояніе духа совершенно естественно, ни одинъ серьезный человѣкъ не глумится при такихъ событіяхъ, но это далеко отъ отчаянія и отъ вашего взгляда. Вы воображаете, что вы отчаиваетесь оттого, что вы революціонеръ, и ошибаетесь: вы отчаиваетесь оттого, что вы консерваторъ.

— Очень благодаренъ: по вашему, я стою на одной доскѣ съ Радецкимъ и Виндишгрецомъ¹⁾.

— Нѣтъ, вы гораздо хуже. Какой же консерваторъ Радецкій? Онъ все ломаетъ, онъ чуть не подорвалъ пороховъ миланскій соборъ. Неужели вы серьезно полагаете, что это консерватизмъ, когда дикіе кроаты берутъ приступомъ австрійскіе города и не оставляютъ тамъ камня на камнѣ? Ни они, ни ихъ генералы не знаютъ, что дѣлаютъ, но только они не *хранятъ*. Вы все судите по знаменамъ: эти за императора—консерваторы, эти за республику—революціонеры. Нынче монархическое начало и консерватизмъ дерутся съ обѣихъ сторонъ. Самый вредный консерватизмъ тотъ, который со стороны республики, тотъ, который проповѣдуете вы.

— Однако, не мѣшало бы сказать, что я стремлюсь сохранить, въ чемъ именно вы находите мой *революціонный* консерватизмъ.

— Скажите, вѣдь, вамъ досадно, что конституція, которую сегодня провозглашаютъ, такъ глупа?

— Разумѣется.

— Васъ сердить, что движеніе въ Германіи ушло сквозь

¹⁾ Кн. Альфредъ, командовавшій войсками, которыя усмиряли возстаніе въ Вѣнѣ, потомъ въ Прагѣ.

франкфуртскую воронку и исчезло, что Карль-Альбертъ не отстаивать независимость Италіи, что Пій IX оказывается какъ-то изъ рукъ вонъ плохъ?

— Что же изъ этого? я не хочу и защищаться.

— Это-то и есть консерватизмъ. Еслибъ ваши желанія исполнились, вышло бы торжественное оправданіе стараго міра. Все было бы оправдано, кромѣ революціи.

— Стало быть, намъ остается радоваться, что австрійцы побѣдили Ломбардію?

— Зачѣмъ же радоваться? Ни радоваться, ни удивляться; Ломбардія не могла освободиться демонстраціями въ Миланѣ и помощи Карла-Альберта.

— Хорошо намъ здѣсь разсуждать объ этомъ *sub specie aeternitatis*...¹⁾ Впрочемъ, я умѣю отдѣлять человѣка отъ его діалектики; я увѣренъ, что вы забыли бы всѣ ваши теоріи передъ грудями труповъ, передъ ограбленными городами, оскорбленными женщинами, передъ дикими солдатами въ бѣлыхъ мундирахъ.

— Вы вмѣсто отвѣта дѣлаете воззваніе къ состраданію, которое всегда удается. Сердце есть у всѣхъ, кромѣ нравственныхъ уродовъ. Судьбой Милана такъ же легко тронуть, какъ судьбою герцогини Ламбалль²⁾,—человѣку естественно сострадать; вы не вѣрите Лукрецію, что нѣтъ больше наслажденія, какъ смотрѣть съ берега на тонущій корабль, это—клевета поэта. Случайныя жертвы, падающія отъ дикой силы, возмущаютъ все нравственное существо наше. Я не видалъ Радецкаго въ Миланѣ, но видѣлъ чуму въ Александріи; я знаю, какъ эти роковые бичи унижаютъ, оскорбляютъ человѣка, но на этомъ плачѣ останавливаться—бѣдно, слабо. Рядомъ съ негодованіемъ въ душѣ является непреоборимое желаніе противодѣйствія, борьбы, изслѣдованія, изысканія средствъ, причинъ. Чувствительностью не разрѣшишь этихъ вопросовъ. Доктора разсуждаютъ о трудно-больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники: они могутъ въ душѣ плакать, принимать участіе, но для борьбы съ болѣзнью надобно пониманіе, а не слезы. Наконецъ, какъ бы врачъ ни любилъ больного, онъ не долженъ теряться, онъ не долженъ удивляться приближенію смерти, неотразимости которой онъ понялъ. Впрочемъ, если вы жалѣете *только* людей, гибнувшихъ при этомъ страшномъ броженіи и разгромѣ, вы правы; къ безчувственности надобно воспитаться; люди, не имѣющіе никакого со-

¹⁾ Съ точки зрѣнія вѣчности.

²⁾ Принцесса Марія, погибшая изъ-за преданности королевѣ Маріи-Антуанеттѣ.

страданія къ ближнему—военачальники, министры, судьи, палачи—всею жизнью своей отучали себя отъ всего человѣческаго; еслибъ имъ не удалось это, они остановились бы на полдорогѣ. Ваша скорбь вполне оправдана, и я не имѣю для васъ утѣшеній—развѣ одни количественныя: вспомните, что все случившееся, отъ возстанія въ Палермо до взятія Вѣны, не стоило Европѣ трети людей, погибнувшихъ подъ Эйлау, напримѣръ. Наши понятія такъ еще сбиты, что мы не умѣемъ считать падшихъ, если они пали въ рядахъ, куда ихъ привела не охота драться, не убѣжденіе, а *гражданская чума*, называемая рекрутствомъ. Павшіе за баррикадами знали, по крайней мѣрѣ, за чтò падаютъ; ну, а тѣ, еслибъ могли слышать, чѣмъ началось рѣчное свиданіе двухъ императоровъ, имъ пришлось бы краснѣть за свою храбрость. «Изъ чего мы съ вами деремся?—спросилъ Наполеонъ,—это одно недоразумѣніе!» «Въ самомъ дѣлѣ, не изъ чего»,—отвѣчалъ Александръ, и они поцѣловались. Десятки тысячъ воиновъ съ удивительной отвагой перебили бездну другихъ и сами легли костями изъ-за *недоразумѣнія*. Какъ бы то ни было, мало ли, много ли погибло людей, повторяю, ихъ жаль, очень жаль. Но мнѣ кажется, что вы печалитесь не объ однихъ людяхъ, вы еще что-то оплакиваете!

— Очень многое. Я оплакиваю революцію 24 февраля, такъ величественно начавшуюся и такъ скромно погибнувшую. Республика была возможна,—я ее видѣлъ, я дышалъ ея воздухомъ; республика была не мечта, а былъ, и что же изъ нея сдѣлалось? Мнѣ ее жаль такъ, какъ жаль Италію, проснувшуюся для того, чтобъ на другой день быть побѣжденной, такъ, какъ жаль Германію, которая встала во весь ростъ для того, чтобъ упасть къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ. Мнѣ жаль, что человѣчество опять отодвинулось на цѣлое поколѣніе, что движеніе опять заморожено, остановлено.

— Что касается до движенія собственно, его не уймешь. Девизъ нашего времени, больше нежели когда-нибудь, *semper in motu*¹⁾... А видите, какъ я былъ правъ, упрекая васъ въ консерватизмѣ: онъ у васъ доходитъ до противорѣчій. Не вы ли мнѣ рассказывали годъ тому назадъ о страшномъ нравственномъ паденіи образованныхъ сословій во Франціи и вдругъ повѣрили, что за ночь изъ нихъ сдѣлались республиканцы, оттого что народъ прогналъ въ три шеи упрямаго старика и на мѣсто упорнаго квакера, окруженнаго мелкими дипломатами, позволилъ сѣсть безхарактерному теофилантропу, окруженному мелкими журналистами.

— Теперь легко быть проницательнымъ.

¹⁾ Вѣчно въ движеніи.

— Тогда было не трудно: 26 февраля опредѣлило весь характеръ 24-го. Всѣ не-консерваторы поняли, что эта республика— игра словъ: Бланки и Прудонъ, Распайль и Пьеръ Леру. Тутъ не даръ пророчества нуженъ, а навывкъ добросовѣстнаго изученія, привычка наблюдать,—вотъ оттого-то я и рекомендую укрѣплять, изощрять умъ естественными науками. Натуралистъ привыкаетъ не вносить, до поры до времени, ничего своего, слѣдить, выжидаетъ; онъ не проронитъ ни одного признака, ни одной переменны, онъ ищетъ истину безкорыстно, не подкладывая ни любви своей, ни своей ненависти. Забудьте, что самый проникательный публицистъ первой революціи былъ коноваль ¹⁾ и что химикъ Распайль 27 февраля печаталъ въ своемъ журналѣ, который сожгли студенты въ *quartier latin* ²⁾, то, что теперь всѣ увидѣли, но чего уже поправить нельзя. Непростительно было ждать что-нибудь отъ политическаго сюрприза 24 февраля, кромѣ броженія; оно и началось съ этого дня, и это—великій результатъ его; отрицать броженія нельзя,— оно влечетъ Францію и всю Европу отъ потрясенія къ потрясенію. Того ли вы хотѣли, того ли ждали? Нѣтъ, вы ждали, что *благоразумная* республика удержится на золотушныхъ ножкахъ ламартиновской елейности, обернутыхъ бюллетенями Ледрю-Роллена. Это было бы всемірное несчастье, такая республика была бы самымъ тяжелымъ тормазомъ, который задержалъ бы всѣ колеса исторіи. Республика временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастье, а какъ нѣчто рациональное, справедливое, съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Слово «республика» имѣло ту нравственную силу, которой нѣтъ больше ни у одного трона; обманывая своимъ именемъ, она ставила подпорки для поддержки падающаго государственнаго устройства. Реакція спасла движеніе, реакція сбросила маски и этимъ спасла революцію. Люди, которые годы остались бы въ опьянѣннн отъ ламартиновскаго лауданума ³⁾, протрезвѣли отъ трехмѣсячнаго осаднаго положенія; они знаютъ теперь, что значить усмирять возмущенія по понятіямъ *этой* республики. Вещи, которыя были понятны для нѣсколькихъ человекъ, сдѣлались доступны всѣмъ: всѣ знаютъ, что не Кавеньякъ виноватъ въ томъ, что дѣлалось, что винить палача глупо, что онъ больше гадокъ, нежели виноватъ.

¹⁾ Жанъ-Поль Маратъ, врачъ и ученый въ области физики и химіи.

²⁾ «Латинскій кварталъ»—часть Парижа за Сеной, въ которой больше всего сосредоточено студентовъ.

³⁾ Усыпительная настойка (опій).

Реакція, не зная, что дѣлаетъ, подрубила ноги послѣднимъ кумирамъ, за которыми, какъ за престоломъ въ алтарѣ, прятался старый порядокъ. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ: пора перестать вѣрить въ какую бы то ни было единую, спасающую - - - . Религія республики была на мѣстѣ въ 93 г., и тогда она была колоссальна, велика, тогда она произвела этотъ величавый рядъ гигантовъ, которыми замыкается длинная эра политическихъ переворотовъ. Формальная республика показала себя послѣ іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несовмѣстность *братства и равенства* съ этими капканами, называемыми ассизами ¹⁾, *свободы* и этихъ боенъ, подъ именемъ военно-судныхъ комиссій; теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей, безъ апелляцій; — въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человекъ постоянного войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой командѣ. Вотъ польза реакціи. Сомнѣнія бродятъ, занимаютъ умы, заставляютъ задумываться; а не легко было дойти до нихъ, особенно французамъ, которые чрезвычайно туги на пониманіе новаго, несмотря на всю остроту свою. То же въ Германіи: Берлину, Вѣнѣ удалось сначала; они, было, обрадовались своимъ діэтамъ, своимъ хартіямъ, о которыхъ скромно вздыхали тридцать пять лѣтъ. Теперь, испытавъ реакцію и зная по опыту, что такое діэты и камеры, они не удовлетворятся никакой хартіей, ни данной, ни взятой: онѣ сдѣлались для нѣмцевъ то, что для человѣка игрушка, о которой онъ мечталъ ребенкомъ. Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система—хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергическую готовность дѣйствовать. вмѣсто того, чтобъ радоваться этому, вы негодуете. Вы негодуете за то, что національное собраніе, составленное изъ реакціонеровъ, облеченное нелѣпой властью, подъ вліяніемъ трусости вотировало нелѣпость; а по-моему, это—великое доказательство, что ни этихъ вселенскихъ соборовъ для законодательства, ни представителей, въ родѣ первосвященниковъ, вовсе не нужно, что умной конституціи теперь вотировать невозможно. Не смѣшно ли писать уложеніе для грядущихъ поколѣній, когда у дряхлаго міра едва есть время на то, чтобъ распоряжаться будущимъ и продиктовать какъ-нибудь духовное завѣщаніе? Вы оттого не рукоплещете всѣмъ этимъ неудачамъ, что вы—консерваторъ,

¹⁾ Уголовный судъ съ присяжными.

что вы, сознательно или нѣтъ, принадлежите къ этому міру. Въ прошломъ году, сердясь, негодуя на него, вы не выходили изъ него; за это онъ обманулъ васъ 24 февраля; вы повѣрили, что онъ можетъ спастись домашними средствами, агитаціей, реформами, что онъ можетъ обновиться, оставаясь при старомъ; вы вѣрили, что онъ *можетъ* исправиться, и теперь вѣрите. Сдѣлайся уличный бунтъ, провозгласи французы Ледрю-Роллена президентомъ,—вы опять взойдете въ восторгъ. Пока вы молоды, это простительно, но оставаться въ этомъ направленіи надолго я не совѣтую: вы сдѣляетесь смѣшны. У васъ натура живая, воспримчивая,—переступите послѣдній заборъ, потрясите послѣднюю пыль съ сапоговъ вашихъ и убѣдитесь, что маленькія революціи, маленькія перемѣны, маленькія республики недостаточны: кругъ дѣйствія ихъ слишкомъ ограниченъ, онѣ теряютъ всякій интересъ. Не надобно имъ поддаваться,—всѣ онѣ заражены консерватизмомъ. Я отдаю имъ справедливость, разумѣется: они имѣютъ свою хорошую сторону; въ Римѣ при Піи IX стало лучше жить, нежели при пьяномъ и зломъ Григоріи XVI; республика 26 февраля въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даетъ болѣе удобную форму для новыхъ идей, нежели монархія, но всѣ эти палліативныя средства столько же вредны, сколько полезны,—они минутнымъ облегченіемъ заставляютъ забыть болѣзнь. А потомъ, какъ взглядишься въ эти улучшенія, какъ посмотришь, съ какимъ кислымъ, недовольнымъ лицомъ дѣлаются онѣ, какъ всякую уступку представляютъ благодарніемъ, даютъ нехотя, оскорбляя,—такъ, право, охота пройдетъ слишкомъ дорого цѣнить ихъ услугу. Я не умѣю выбирать между рабствами такъ, какъ между религіями; у меня вкусъ притупился, я не въ состояніи различать тонкостей; которое рабство хуже, которое лучше, которая религія ближе къ спасенію, которая дальше; что притѣснительнѣе: *честная* республика или *честная* монархія, революціонный консерватизмъ Радецкаго или консервативная революціонность Кавеньяка; что пошлѣе: квакеры или іезуиты; что хуже: розги или краподина ¹⁾). Съ обѣихъ сторонъ рабство: съ одной—хитрое, прикрытое именемъ свободы и, слѣдственно, опасное, съ другой—дикое, животное и, слѣдственно, близкое къ паденію. По счастью, они другъ въ другѣ не узнаютъ родственныхъ чертъ и готовы ежеминутно вступить въ бой; пусть борются, пусть составляютъ коалиціи, пусть грызутъ другъ друга и тащутъ въ могилу. Кто бы изъ нихъ ни восторжествовалъ, ложь или насиліе, на первый случай это—побѣда не для насъ, а, впрочемъ, и

¹⁾ Сграудине — тяжкое наказаніе, практиковавшееся во французской арміи въ Алжирѣ.

не для нихъ; все, что побѣдители успѣютъ, это—ловко попировать денекъ, другой.

— А намъ оставаться попрежнему зрителями, вѣчными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ вердиктъ не исполняется, понятными, въ свидѣтельствѣ которыхъ не нуждаются? Я удивляюсь вамъ и не знаю, долженъ ли завидовать, или нѣтъ. Съ такимъ дѣятельнымъ умомъ у васъ столько—какъ бы это сказать?—столько воздержности.

— Что дѣлать? Я себя не хочу насиловать: искренность и независимость—мои кумиры, мнѣ не хочется стать ни подъ то, ни подъ другое знамя; оба стана такъ хорошо стоятъ на дорогѣ къ кладбищу, что помощь моя имъ не нужна. Такія положенія бывали и прежде. Какое участіе могли принимать христіане въ римскихъ борьбахъ за претендентовъ на императорство? ихъ называли трусами, они улыбались и дѣлали свое дѣло,—молились и проповѣдовали.

— Проповѣдовали, потому что были сильны вѣрою, имѣли единство ученія; гдѣ у насъ Евангеліе, новая жизнь, къ которой мы зовемъ, добрая вѣсть, о которой мы призваны свидѣтельствовать міру?

— Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ; указывайте, что ему нельзя выздороветь, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указывайте, что каждая его побѣда—ему же ударъ; проповѣдуйте *смерть*, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія.

— Ужъ не лучше ли молиться?.. Кому проповѣдовать, когда съ обѣихъ сторонъ падаютъ ряды жертвъ? Это одинъ парижскій архіерей¹⁾ не зналъ, что во время сраженія ни у кого нѣтъ уха. Погодите еще немного; когда борьба кончится, тогда начнемте проповѣдовать о смерти: никто не будетъ мѣшать на обширномъ кладбищѣ, на которомъ лягутъ рядомъ всѣ бойцы; кому же лучше и слушать апоѳеозъ смерти, какъ не мертвымъ? Если дѣла пойдутъ, какъ теперь, зрѣлище будетъ оригинальное: будущее водворяемое погибнетъ вмѣстѣ съ дряхлымъ отходящимъ, недоношенная демократія замретъ, терзая холодную и исхудалую грудь умирающей монархіи.

— Будущее, которое гибнетъ, не—будущее. Демократія—по

¹⁾ Афръ.

преимуществу, настоящее; это—борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды, разившейся въ прошедшемъ, очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣтся, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Демократія не можетъ ничего создать,—это не ея дѣло,—она будетъ нелѣпостью послѣ смерти послѣдняго врага; демократы только *знаютъ* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотятъ; чего они хотятъ, они не знаютъ*.

— За знаніемъ, чего мы не хотимъ, таится предчувствіе, чего хотимъ; на этомъ основана мысль, которая до того часто повторялась, что совѣстно на нее ссылаться: мысль о томъ, что каждое разрушеніе—своего рода созданіе. Человѣкъ не можетъ довольствоваться однимъ разрушеніемъ,—это противно его творческой натурѣ. Для того, чтобъ онъ проповѣдовалъ смерть, ему нужна вѣра въ возрожденіе. Христіанамъ легко было возвѣщать кончину древняго міра: у нихъ похороны совпадали съ крестинами.

— У насъ не одно предчувствіе, но есть и нѣчто побольше; только мы не такъ легко удовлетворяемся, какъ христіане; у нихъ одинъ критеріумъ и былъ—вѣра. Для нихъ, конечно, было большое облегченіе въ незабываемой увѣренности, что церковь восторжествуетъ, что міръ приметъ крещеніе; имъ и въ голову не приходило, что крещеный ребенокъ выйдетъ не совѣмъ по желанію духовныхъ родителей. Христіанство осталось благочестивымъ упованіемъ; теперь, наканунѣ смерти, какъ въ первомъ столѣтіи, оно утѣшается въ небѣ, въ раѣ,—безъ неба оно пропало. Водвореніе мысли о новой жизни несравненно труднѣе въ наше время, у насъ нѣтъ неба, нѣтъ «веси божіей», наша *весь* человѣческая и должна осуществиться на той почвѣ, на которой существуетъ все дѣйствительное, на землѣ. Тутъ нельзя сослаться ни на искушеніе діавола, ни на помощь божію, ни на жизнь за гробомъ. Демократія, впрочемъ, и не идетъ такъ далеко,—она сама еще стоитъ на христіанскомъ берегу, въ ней бездна аскетическаго романтизма, либеральнаго идеализма; въ ней страшная мощь разрушенія, но какъ примется создавать, она теряется въ ученическихъ опытахъ, въ политическихъ этюдахъ. Конечно, разрушеніе создаетъ: оно расчищаетъ мѣсто, и это ужь—созданіе; оно отстраняетъ цѣлый рядъ лжи, и это ужь—истина. Но дѣйствительнаго творчества въ демократіи нѣтъ, и потому-то она—не будущее. Будущее—въ политики, будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій и возьметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдутъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Соціализмъ соответствуетъ назарейскому ученію въ римской имперіи.

— Если припомнить, что вы сейчасъ сказали о христіанствѣ,

и продолжить сравненіе, то будущность человѣчества незавидная: она останется вѣчнымъ упованіемъ.

— И по дорогѣ разовѣтъ блестящій періодъ исторіи подъ своимъ благословеніемъ. Евангеліе не осуществилось,—да это и не нужно было,—а осуществились средніе вѣка, вѣка возстановленія, вѣка революціи, и христіанство проникло во всѣ эти явленія, участвовало во всемъ, указывало, напутствовало. Исполненіе социализма представляетъ также неожиданное сочетаніе отвлеченнаго ученія съ существующими фактами. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва притомъ не остается страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ, какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, инымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ римлянъ и не жившихъ германцевъ, соединяемыхъ одной церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществляютъ такъ, какъ они носятъ въ нашемъ умѣ.

— Какъ и для чего они приходятъ въ голову послѣ этого? Это какая-то иронія.

— А отчего вамъ хочется, чтобъ въ умѣ человѣка все было въ обрѣзъ? что за прозаическое сведеніе всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуюемо прилагаемое. Вспомните старика Лира, который, когда одна изъ дочерей уменьшала его штатъ и увѣряла, что ему про нужду достанетъ, сказалъ ей: «про нужду, можетъ быть, но знаешь ли ты: когда человѣкъ сводится только на то, что ему нужно, онъ дѣлается звѣремъ». Фантазія и мысль человѣка несравненно свободнѣе, нежели полагаютъ; цѣлые міры поэзіи, лиризма, мышленія, независимые до нѣкоторой степени отъ окружающихъ обстоятельствъ, дремлютъ въ душѣ каждаго. Ихъ будить толчокъ, и они просыпаются съ своими видѣніями, рѣшеніями, теоріями; мысль, опираясь на фактическое данное, стремится къ ихъ всеобщимъ нормамъ, старается ускользнуть отъ случайныхъ и временныхъ опредѣленій въ логическія сферы, но отъ нихъ до сферъ практическихъ очень далеко.

— Слушая ваши слова, я думалъ теперь, отчего у васъ такъ много нелицепріятной справедливости, и нашелъ причину: вы не ринуты въ потокъ, вы не вовлечены въ этотъ круговоротъ; посторонній всегда лучше разбираетъ семейныя дѣла, нежели члены семейства. Но если-бъ вы, какъ многіе, какъ Барбесъ, какъ Маццини, работали всю жизнь, потому что внутри вашей души раз-

давался голосъ, который требоваль этой дѣятельности, котораго перекричать не было у васъ возможности, потому что онъ поднимался изъ глубины оскорбленнаго сердца, обливающагося кровью при видѣ притѣсненія, замирающаго при видѣ насилія,—если-бъ этотъ голосъ былъ не только въ умѣ и сознаниі, но въ крови, въ нервахъ, и вы, слѣдуя ему, попали бы въ дѣйствительное столкновение съ властью, долю жизни были бы въ цѣпяхъ, скитались бы изгнанникомъ, и вдругъ для васъ наступила бы заря того дня, который вы ожидали полжизни,—вы бы, какъ Маццини, на итальянскомъ языкѣ, при громѣ рукоплесканій говорили бы въ Миланѣ на площади, открыто слова независимости и братства, не боясь бѣлаго мундира и желтыхъ усовъ. Если-бъ вы, послѣ десятилѣтняго заключенія, какъ Барбесъ, были принесены ликующей толпой на площадь того города, гдѣ вамъ одинъ товарищъ палача читаль приговоръ, а другой его товарищъ васъ миловаль пожизненными цѣпями, и вы бы послѣ всего этого увидѣли осуществленную вашу мысль и слышали бы двухсотъ-тысячную толпу, которая привѣтствуетъ мученика крикомъ: «Vive la République!», и вслѣдъ затѣмъ вамъ пришлось бы увидѣть Радецкаго въ Миланѣ, Кавеньяка въ Парижѣ и опять сдѣлаться скитальцемъ, колодникомъ,—представьте къ тому, что вы не имѣли бы утѣшенія отнести все это на счетъ матеріальной, грубой силы, а, напротивъ, видѣли бы народъ, измѣняющій самому себѣ, видѣли бы тѣ же толпы, избирающія теперь, кому дать въ руки ножъ противъ себя,—вы не стали бы тогда умѣренно и основательно разсуждать, насколько мысль обязательна и гдѣ предѣлы воли. Нѣтъ, вы проклинали бы эти людскія стада, любовь превратилась бы въ ненависть или, хуже, въ презрѣніе. Вы можетъ, пошли бы въ монастырь со всѣмъ атеизмомъ вашимъ.

— Это было бы доказательствомъ, что и я слабъ, подтвержденіемъ того, что всѣ люди слабы, что мысль не только не обязательна для міра, но даже для самого человѣка. Но, простите, я никакъ не могу вамъ позволить свести разговоръ нашъ на личности. Замѣчу одно: да, я—зритель, только это и не роль, и не натура моя, это—мое положеніе; я поняль его, это мое счастье; когда-нибудь поговоримъ обо мнѣ, теперь мнѣ не хочется отвлекаться.—Вы говорите, что я проклиналъ бы народъ; можетъ быть, но это было бы очень глупо. Народы, массы, это—стихіи, океаниды; ихъ путь—путь природы: они, ея ближайшіе преемники, влекутся темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями, упорно хранять то, до чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринутые въ движеніе, они неотразимо увлекаютъ съ собою или давятъ все, что попало, на дорогѣ, хотя бы оно было хорошо. Они идутъ, какъ извѣстный

индійскій кумиръ: всѣ встрѣчные бросаются подъ его колесницу, и первые раздавленные бываютъ усерднѣйшіе поклонники идола. Народы обвинять нелѣпо—они правы, потому что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло, они—факты, какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колосъ. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознannую мысль своего времени, хотя и оно не виновато; вообще юридическая точка зрѣнія не годится нигдѣ, кромѣ въ судѣ, и именно потому всѣ суды въ мѣрѣ никуда не годятся. Понимать и обвинять, это почти такъ же нелѣпо, какъ не понимать и казнить. Виновато ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествующихъ вѣковъ была для него, что у него умъ развитъ на счетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіе этого далеко ушло впередъ отъ одичалаго, неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа? Тутъ не вина,—тутъ трагическая, роковая сторона исторіи; ни богатый не отвѣчаетъ за богатство, найденное имъ въ колыбели, ни бѣдный за бѣдность; они оба оскорблены несправедливостью, фатализмомъ. Если мы и имѣемъ нѣкоторое право требовать, чтобъ страждущій, худой отъ голода и горя, притѣсненный и оскорбляемый народъ отпустилъ намъ наше неправоe стяжаніе, наше превосходство, наше развитіе, потому что мы въ немъ неповинны, потому что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобъ сознательно поправить безсознательный грѣхъ, то откуда возьмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ ¹⁾ для того, чтобъ мы съ вами читали Данта, слушали Бетховена? Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополіею пониманія, это—безобразная, гнусная жестокость. Вспомните, какъ было дѣло: образованное меньшинство, долго наслаждаясь въ своемъ исключительномъ положеніи, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, художественномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ, почувствовало угрызеніе совѣсти: оно вспомнило забытыхъ братій; мысль о несправедливости общественнаго устройства, мысль о равенствѣ, какъ электрическая искра, облетѣла лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли люди несправедливость и книжно хотѣли ее поправить; это позднее раскаяніе меньшинства назвали либерализмомъ. Они, добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія униженія, провозгласили его самодержавнымъ, требовали, чтобъ каждый поселянинъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полусвободнаго и полу-

¹⁾ Извѣстная загадочная личность.

рабскаго законодательства, оставилъ свою работу, т. е. кусокъ хлѣба, и, новый Цинцинать, шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О хлѣбѣ насущномъ либерализмъ серьезно не думалъ: онъ слишкомъ романтикъ, чтобъ печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, нежели его изучить. Онъ налагалъ на него изъ любви не меньше того, что на него налагали другіе изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ аргіогі, построили его по воспоминаніямъ изъ прочтеннаго, одѣли его въ римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ народѣ мало думали; онъ жилъ, работалъ, страдалъ возлѣ, около, и, если его кто-нибудь зналъ, то это его враги—попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому, зато народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи—елей, которымъ мазали чело царей, перешелъ на загорѣлое чело, покрытое морщинами и горькимъ пѣтомъ. Не освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ, и кланяясь ему въ поясъ, старался въ то же время оставить власть себѣ. Народъ поступилъ, какъ одинъ изъ его представителей, Санчо-Панса: онъ отказался отъ мнимаго престола или, лучше сказать, и не садился на него. Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ,—это значитъ, что мы выходимъ на дорогу; будемте указывать ее всѣмъ, но зачѣмъ же, обертываясь назадъ, мы будемъ ругаться? Я не токмо не виню народъ, но не виню и либераловъ; они большею частью любили народъ по-своему, они много жертвовали для своей идеи,—это всегда почтенно,—но они были на ложномъ пути. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ: все, что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни. Честь и слава тѣмъ, которые догадались взять котомку и итти въ горы, плыть за моря, ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ же ихъ славой, ихъ успѣхами задвигать труды ихъ предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, люди журналовъ, книгъ, клубовъ; они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ, а не по деревнѣ, не по рынку. Больше или меньше всѣ мы грѣшны въ этомъ, отсюда недоразумѣнія, обманутыя надежды, досада, наконецъ, отчаяніе. Еслибъ вы были знакомы съ внутренней жизнью Франціи, вы не удивлялись бы, что народъ хочетъ вотировать за Бонапарта; вы знали бы, что народъ французскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ, о республикѣ, но имѣетъ бездну національной гордости; онъ любитъ Бонапартовъ и терпѣть не можетъ Бурбоновъ, не отдавая себѣ пол-

наго отчета, почему. Бурбоны для него напоминаютъ корвею ¹⁾, Бастилю, дворянъ; Бонапарты,—разказы стариковъ, пѣсни Беранже, побѣды и, наконецъ, воспоминанія о томъ, какъ сосѣдъ, такой же крестьянинъ, возвращался генераломъ, полковникомъ, съ почетнымъ легиономъ на груди... и сынъ сосѣда торопится подать голосъ за *племянника*.

— Конечно, такъ. Одно странно, отчего же они забыли деспотизмъ Наполеона, его конскрипціи, тиранство префектовъ, если у нихъ такъ хороша память?

— Это очень просто: для народа деспотизмъ не можетъ составить характеристики имперіи. Для него до сихъ поръ всѣ правительства были деспотизмомъ. Онъ, напримѣръ, узналъ республику, провозглашенную для удовольствія «Реформы», для пользы «Насіоналя», по 45-сантимному налогу, по депортаціямъ, по тому, что бѣднымъ работникамъ не выдаютъ пассовъ въ Парижъ. Народъ вообще плохой филологъ; слово «республика» его не тѣшитъ, ему отъ него не легче. Слова «имперія», «Наполеонъ» его электризуютъ,—далѣе онъ не идетъ.

— Если на все смотрѣть такимъ образомъ, то я самъ начинаю думать, что не только перестанешь сердиться и что-нибудь дѣлать, но перестанешь имѣть даже желаніе что-нибудь дѣлать.

— По-моему, я говорилъ вамъ: понимать, это—ужъ дѣйствовать, осуществлять. Вы думаете, что, когда поймешь окружающее, пройдетъ желаніе дѣйствовать? это значило бы, что вы хотѣли дѣлать не то, что надобно. Ищите въ такомъ случаѣ другой работы: не найдете внѣшней, найдете внутреннюю. Страненъ человекъ, который ничего не дѣлаетъ, имѣя дѣло; но, вѣдь, страненъ и тотъ, который, не имѣя дѣла, дѣлаетъ. Трудъ вовсе не клубокъ на ниткѣ, который даютъ котенку, чтобъ его занимать: онъ опредѣляется не однимъ желаніемъ, но и требованіемъ на него.

— Я никогда не сомнѣвался, что думать всегда можно, и не смѣшивалъ насильственнаго бездѣйствія съ произвольнымъ безмысліемъ. Я предвидѣлъ, впрочемъ, утѣшительный результатъ, къ которому вы придете: оставаться въ разсуждающемъ бездѣйствіи, останавливая умомъ сердце и критикой любовь къ человѣчеству.

— Для того, чтобъ дѣятельно участвовать въ мірѣ, насъ окружающемъ, я повторяю вамъ: мало желанія и любви къ человѣчеству. Все это—какія-то неопредѣленныя, мерцающія понятія. Что такое любить человѣчество? Что такое самое человѣчество? Все

¹⁾ Corvée—барщина при крѣпостномъ (феодальномъ) правѣ или обязательная бесплатная работа для государства.

это сдается мнѣ прежними христіанскими добродѣтелями, подогрѣ-
тыми на философскомъ очагѣ. Народы любятъ соотечественниковъ,—
это понятно, но что такое любовь, которая обнимаетъ все, что
перестало быть обезьяной, отъ эскимоса и готтентота до далай-
ламы и папы,—я не могу въ толкъ взять... что-то слишкомъ ши-
роко. Если это та любовь, которую мы любимъ природу, планеты,
вселенную, то я не думаю, чтобъ она могла быть особенно дѣя-
тельна. Или инстинктъ, или пониманіе среды, въ которой вы живете,
ведутъ васъ къ дѣятельности. Инстинктъ вашъ утраченъ,—утратьте
ваше отвлеченное знаніе и станьте самоотверженно передъ исти-
ной, поймите ее, тогда вы увидите, какая дѣятельность нужна, ка-
кая нѣтъ. Хотите вы политической дѣятельности въ существующемъ
порядкѣ? сдѣлайтесь Маррастомъ, сдѣлайтесь Одилономъ Барро, и
она вамъ будетъ. Вы этого не хотите, вы чувствуете, что всякій
порядочный человѣкъ—совершенно посторонній во всѣхъ полити-
ческихъ вопросахъ, что онъ не можетъ серьезно думать, нуженъ
или не нуженъ президентъ республикѣ? можетъ или нѣтъ собраніе
посылать людей на каторгу безъ суда? должно ли подать голосъ
за Кавеньяка или за Луи Бонапарта?.. Думайте мѣсяць, думайте
годъ, кто изъ нихъ лучше,—вы не рѣшите, оттого что они, какъ
говорятъ дѣти, «оба хуже». Все, что остается дѣлать человѣку,
уважающему себя,—вовсе не вотировать. Посмотрите на другіе во-
просы à l'ordre du jour ¹⁾—все то же: «они посвящены богамъ»,
смерть у нихъ за плечами. Что дѣлаетъ священникъ, призванный
къ умирающему? Онъ не лѣчитъ его, онъ не возражаетъ на его
бредъ, а читаетъ ему отходную. Читайте отходную, читайте смерт-
ный приговоръ, исполненіе котораго идетъ не по днямъ, а по ча-
самъ; убѣдитесь разъ навсегда, что никто изъ осужденныхъ не
уйдетъ отъ казни: ни - - - - - , ни *сво-*
бода мѣщанской республики, да и не жалѣйте ни того, ни другого.
Убѣждайте лучше легкомысленныхъ, поверхностныхъ людей, кото-
рые рукоплещутъ паденію австрійской имперіи и блѣднѣютъ за
судьбу полу-республики, что паденіе ея—такой же великій шагъ
къ освобожденію народовъ и мысли, какъ паденіе Австріи, что ни-
какихъ исключеній не надобно, никакой пощады, что время снис-
хожденія не пришло; скажите словами либераловъ-реакціонеровъ,
что «амнистія—дѣло будущаго», требуйте вмѣсто любви къ чело-
вѣчеству *ненависти* ко всему, что мѣшаетъ развитію, что валяется
на дорогѣ и мѣшаетъ итти впередъ. Пора перевязать всѣхъ вра-
говъ развитія и свободы одной веревкой такъ, какъ *они* перевязы-

¹⁾ На очереди дня (политическаго).

вають колодниковъ, и провести ихъ по улицамъ, чтобъ всѣ видѣли круговую поруку французскаго кодекса и русскаго свода, Кавеньяка и Радецкаго,—это будетъ великое поученіе. Кто теперь, послѣ этихъ грозныхъ, потрясающихъ событій не протрезвится,—никогда не протрезвится и умретъ какимъ-нибудь рыцаремъ Тогенбургомъ либерализма, какъ Лафайетъ. Терроръ казнилъ людей, наша судьба легче: мы призваны казнить учрежденія, разрушать вѣрованія, отнимать надежду на старое, ломать всѣ предрасудки, касаться до всѣхъ прежнихъ святыхъ безъ уступокъ, безъ пощады. Улыбка, привѣтъ одному возникающему, одной зарѣ, и, если мы не въ силахъ подвинуть ея часа, то, по крайней мѣрѣ, можемъ указывать ея близость тѣмъ, которые не видятъ.

— Какъ этотъ старикъ нищій на Вандомской площади, который всякую ночь предлагаетъ проходимъ свой телескопъ, чтобъ посмотреть на дальнія звѣзды?

— Ваше сравненіе очень хорошо; именно показывайте каждому идущему мимо, какъ все ближе и ближе подступаютъ, какъ растутъ и поднимаются волны карающаго потока. Указывайте съ тѣмъ вмѣстѣ и бѣлый парусъ ковчега... тамъ вдали на горизонтѣ. Вотъ вамъ и дѣло. Когда все утонетъ, когда все ненужное растворится и погибнетъ въ соленой водѣ, когда она начнетъ сбывать, и уцѣлѣвшій ковчегъ остановится, тогда будетъ людямъ другое дѣло, много дѣла. Теперь нѣтъ!

Парижъ, 1 декабря 1848 г.

V.

Consolatio ¹⁾.

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein.
Goethe.—(Tasso) ²⁾.

Изъ окрестностей Парижа мнѣ нравится больше другихъ Монморанси. Тамъ ничего не бросается въ глаза: ни особенно бережные парки, какъ въ Сенъ-Клу, ни будуары изъ деревьевъ, какъ въ Трианонѣ, а ѣхать оттуда не хочется. Природа въ Монморанси чрезвычайно проста: она похожа на тѣ женскія лица, которыя не останавливаютъ, не поражаютъ, но привлекаютъ какимъ-то милымъ и

¹⁾ Утѣшеніе.

²⁾ «Человѣкъ не рожденъ для того, чтобы быть свободнымъ». Гете, «Тассо».

довѣрчивымъ выраженіемъ и привлекаютъ тѣмъ сильнѣе, что это дѣлается совершенно незамѣтно для насъ. Въ такой природѣ и въ такихъ лицахъ есть обыкновенно что-то трогательное, успокаивающее, и именно за этотъ покой, за эту каплю воды Лазарю всего больше благодарить душа современнаго человѣка, непрерывно потрясенная, растерзанная, взволнованная. Я нѣсколько разъ находилъ отдыхъ въ Монморанси и за это благодаренъ ему. Тамъ есть большая роца, мѣстоположеніе довольно высокое, и тишина, которой подѣ Парижемъ нигдѣ нѣтъ. Не знаю отчего, но эта роца напоминаетъ мнѣ всегда нашъ русскій лѣсъ... Идешь и думаешь,— вотъ сейчасъ пахнетъ дымкомъ отъ овиновъ, вотъ сейчасъ откроется село... съ другой стороны, должно быть, господская усадьба, дорога туда пошире и идетъ просѣкомъ, и—вѣрите ли?—мнѣ становилось грустно, что черезъ нѣсколько минутъ выходишь на открытое мѣсто и видишь вмѣсто Звенигорода Парижъ, вмѣсто окошечка земскаго или попа—окошечко, въ которое такъ долго и такъ печально смотрѣлъ Жанъ-Жакъ ¹⁾...

Именно къ этому домику шли разъ изъ роци какіе-то, по-видимому, путешественники: дама лѣтъ двадцати пяти, одѣтая вся въ черномъ, и мужчина среднихъ лѣтъ, преждевременно сѣдой. Выраженіе ихъ лицъ было серьезно, даже покойно. Долгая привычка сосредоточиваться и жизнь, обильная мыслью, событіями, даютъ чертамъ особенно благородный покой. Это не природная тишина, а тишина послѣ бурь, послѣ борьбы и побѣды.

— Вотъ домъ Руссо,—сказалъ мужчина, указывая на маленькое строеніе, окна въ три.

Они остановились. Одно окошко было немного пріотворено, занавѣска колебалась отъ вѣтра.

— Это движеніе занавѣски,—замѣтила дама,—наводитъ невольный страхъ: такъ и кажется—вотъ сейчасъ подозрительный и раздраженный старикъ ее отдернетъ и спроситъ насъ, зачѣмъ мы тутъ стоимъ. Кому придетъ въ голову, глядя на мирный домикъ, окруженный зеленью, что онъ былъ прометеевской скалой для великаго человѣка, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей, слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, желалъ имъ больше добра, нежели они сами? Современники не могли ему простить, что онъ высказалъ тайное угрызеніе ихъ собственной совѣсти, и вознаграждали себя искусственнымъ хохотомъ презрѣнія, а онъ оскорблялся; они смотрѣли на поэта братства и свободы, какъ на безумнаго; они боялись признать въ немъ разумъ,—это

¹⁾ Руссо, жившій въ домикѣ на опушкѣ монморансійскаго лѣса.

значило бы признать свою глупость,—а онъ плакалъ объ нихъ. За цѣлую жизнь преданности, страстнаго желанія помочь, любить, быть любимымъ, освободить... находилъ онъ мимолетные привѣты и постоянный холодъ, надменную ограниченность, гоненія, сплетни! Мнительный и нѣжный отъ природы, онъ не могъ стать независимо отъ этихъ мелочей и потухалъ, оставленный всѣми, больной, въ нищетѣ. Въ отвѣтъ на всѣ его стремленія къ симпатіи, къ любви, ему досталась одна Тереза, въ ней сосредоточивалось для него все теплое, вся сторона сердца,—Тереза, которая не могла научиться узнавать, который часъ, существо неразвитое, полное предрасудковъ, которая стягивала жизнь Руссо въ узкую подозрительность, въ мѣщанскіе пересуды и кончила тѣмъ, что разсорила его съ послѣдними друзьями. Сколько горькихъ минутъ провелъ онъ, облокачиваясь на эту оконницу, съ которой кормилъ птицъ. У бѣднаго старика только и оставалось, что природа,—и онъ восхищался ею, закрылъ глаза, усталые отъ жизни, тяжелые отъ слезъ. Говорятъ, что онъ даже ускорилъ минуту покоя... На этотъ разъ Сократъ самъ осудилъ себя на смерть за грѣхъ сознанія, за преступленіе геніальности. Когда взглядишься серьезно во все, что дѣлается, становится противно жить. Все на свѣтѣ гадко и притомъ глупо; люди хлопчутъ, работаютъ, ни минуты не находятъ отдыха, а дѣлаютъ все вздоръ; другіе хотятъ ихъ вразумить, остановить, спасти,—ихъ распинаютъ, гонятъ, и все это въ какомъ-то бреду, не давая себѣ труда понять. Волны поднимаются, торопятся, клубятся безъ цѣли, безъ нужды... тамъ онѣ разбиваются съ бѣшенствомъ объ скалу, тутъ подмываютъ берегъ, мы стоимъ середь водоворота, бѣжать некуда. Я знаю, докторъ, вы не такъ смотрите на жизнь, она васъ не сердитъ, потому что вы въ ней ищете одинъ фізіологическій интересъ и мало требуете отъ нея, вы—большой оптимистъ. Иногда я съ вами соглашаюсь,—вы меня сбиваете съ толку вашей діалектикой; но какъ только сердце принимаетъ участіе, какъ только изъ общихъ сферъ, гдѣ все разрѣшено и успокоено, коснешься живыхъ вопросовъ, взглянешъ на людей, душа возмущается. Подавленное на минуту негодованіе снова просыпается и досадуешь объ одномъ: что нѣтъ достаточно силъ ненавидѣть, презирать людей за ихъ лѣнивое бездушіе, за ихъ нежеланіе стать выше, благороднѣе... еслибъ было можно отвернуться отъ нихъ! и пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, въ своихъ полипникахъ, пусть живутъ нынче, какъ вчера, опираясь на привычки и обряды, бессмысленно принимая на вѣру, что дѣлать и чего не дѣлать... и измѣняя притомъ на каждомъ шагу своей собственной нравственности, своему собственному катехизису!

— Я не думаю, чтобъ вы были справедливы. Развѣ люди виноваты въ вашемъ довѣрїи къ нимъ, въ вашемъ идеальномъ понятїи объ ихъ нравственномъ достоинствѣ?

— Я не понимаю, что вы говорите: я сейчасъ сказала совершенно противоположное. Кажется, это не верхъ довѣрїя, когда говорятъ объ людяхъ, что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ мученическихъ вѣнцовъ для всякаго пророка и бесполезнаго раскаянїя послѣ ихъ смерти; что они готовы броситься, какъ звѣри, на того, кто, замѣняя ихъ совѣсть, *назоветъ* ихъ дѣла; кто снимая на себя ихъ грѣхи, хочетъ разбудить ихъ сознание.

— Да, но вы забываете источникъ вашего негодованїя. Вы сердитесь на людей за многое, чего они не сдѣлали, потому что вы считаете ихъ способными на всѣ эти прекрасныя свойства, къ которымъ вы воспитали себя или къ которымъ васъ воспитали, но они по большей части этого развитїя не имѣли. Я не сержусь, потому что и не жду отъ людей ничего, кромѣ того, что они дѣлаютъ; я не вижу ни повода, ни права требовать отъ нихъ чего-нибудь другого, нежели чтò они могутъ дать, а могутъ они дать то, что дадутъ; требовать больше, обвинять—ошибка, насилїе. Люди только справедливы къ безумнымъ и къ совершеннымъ дуракамъ: ихъ, по крайней мѣрѣ, мы не обвиняемъ за дурное устройство мозга, имъ прощаемъ природныя недостатки; съ остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждемъ отъ всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ примѣрныхъ доблестей, необыкновеннаго пониманїя, — я не знаю; вѣроятно, по привычкѣ все идеализировать, все судить свысока,—такъ, какъ обыкновенно судятъ жизнь по мертвой буквѣ, страсть—по кодексу, лицо—по родовому понятїю. Я иначе смотрю: я привыкъ къ взгляду врача, къ взгляду совершенно противоположному судьѣ. Врачъ живетъ въ природѣ, въ мїрѣ фактовъ и явленїй; онъ не учитъ, онъ учится; онъ не мститъ, а старается облегчить; видя страданїе, видя недостатки, онъ ищетъ причину, связь, онъ ищетъ средствъ въ томъ же мїрѣ фактовъ. Нѣтъ средствъ, онъ грустно пожимаетъ плечами, досадуетъ на свое невѣдѣнїе и не думаетъ о наказанїи, о пени, не порицаетъ. Взглядъ судьи проще,—ему, собственно, взгляда и не надобно,—не даромъ Фемиду представляютъ съ завязанными глазами: она тѣмъ справедливѣе, чѣмъ меньше видитъ жизнь; нашъ братъ, напротивъ, хотѣлъ бы, чтобы пальцы и уши имѣли глаза. Я не оптимистъ и не пессимистъ, я смотрю, вглядываюсь, безъ заготовленной темы, безъ придуманнаго идеала и не тороплюсь съ приговоромъ,—я просто, извините, скромнѣе васъ.

— Не знаю, такъ ли я васъ поняла, но мнѣ кажется, вы нахо-

дите очень естественнымъ, что современники Руссо его мучили маленькими преслѣдованіями, отравили ему жизнь, оклеветали его; вы имъ отпускаете ихъ грѣхи? это очень снисходительно,—не знаю, насколько справедливо и нравственно.

— Для того, чтобъ отпускать грѣхи, надобно прежде обвинять; я этого не дѣлаю. Впрочемъ, пожалуй, я приму ваше выраженіе. Да, я отпускаю имъ зло, ими причиненное,—такъ, какъ вы отпускаете холодной погодѣ, которая на-дняхъ простудила вашу малютку. Можно ли сердиться на событія, которыя независимы ни отъ чьей воли, ни отъ чьего сознанія? Они иногда бываютъ очень тяжелы для насъ, но обвиненіе не поможетъ, только запутаетъ. Когда мы съ вами сидѣли у кровати больной, и горячка такъ развернулась, что я самъ испугался, мнѣ было безконечно горько смотрѣть и на больную и на васъ,—вы такъ много страдали въ эти часы; но вмѣсто того, чтобъ проклинать дурной составъ крови и съ ненавистью смотрѣть на законы органической химіи, я думалъ тогда о другомъ, а именно о томъ, какъ возможность понимать, чувствовать, любить, привязываться необходимо влечетъ за собою противоположную возможность несчастія, страданій, лишеній, нравственныхъ оскорбленій, горечи. Чѣмъ нѣжнѣе развивается внутренняя жизнь, тѣмъ жестче, губительнѣе для нея капризная игра случайности, на которой не лежитъ никакой отвѣтственности за ея удары.

— Я сама не обвиняла болѣзнь. Ваше сравненіе не совсѣмъ идетъ: природа вовсе не имѣетъ сознанія.

— А я думаю, что и на полусознательную массу людей нельзя сердиться; войдите въ ея состояніе борьбы между предчувствіемъ свѣта и привычкой къ темнотѣ. Вы берете за норму береженные, особенно удавшіеся оранжерейные цвѣты, за которыми была бездна ухода, и сердитесь, что полевые не такъ хороши. Не только это несправедливо, но это чрезвычайно жестоко. Еслибъ у большинства людей было сознаніе сколько-нибудь свѣтлѣе, неужели вы думаете, что они могли бы жить въ томъ положеніи, въ которомъ живутъ? Они не только зло дѣлаютъ другимъ, но и себѣ, и это именно ихъ извиняетъ. Ими владѣетъ привычка, они умираютъ отъ жажды возлѣ колодца и не догадываются, что въ немъ вода, потому что ихъ отцы имъ этого не сказали. Люди всегда такіе,—пора, наконецъ, перестать дивиться, негодовать; можно было привыкнуть со временъ Адама. Это—тотъ же романтизмъ, который заставлялъ поэтовъ сердиться за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они чувствуютъ голодъ. Сердитесь, сколько хотите, но міра никакъ не передѣлаете по какой-нибудь программѣ: онъ идетъ своимъ путемъ,

и никто не въ силахъ его сбить съ дороги. Узнавайте этотъ путь— и вы отбросите нравоучительную точку зрѣнія, и вы приобрѣтете силу. Моральная оцѣнка событій и журьба людей принадлежатъ къ самымъ начальнымъ ступенямъ пониманія. Оно лестно самолюбію раздавать монтіоновскія преміи ¹⁾ и читать выговоры, принимая мѣриломъ самого себя, но бесполезно. Есть люди, которые пробовали внести этотъ взглядъ въ самоё природу и сдѣлали разнымъ звѣрямъ прекрасныя или прескверныя репутаціи. Увидали, напримеръ, что заяцъ бѣжитъ отъ неминуемой опасности, и назвали его трусомъ; увидали, что левъ, который въ двадцать разъ больше зайца, не бѣжитъ отъ человѣка, а иногда его съѣдаетъ, стали его считать храбрымъ; увидали, что левъ сытый не ѣстъ, сочли это за величіе духа; а заяцъ столько же трусъ, сколько левъ великодушень, а осель глупъ. Нельзя больше останавливаться на точкѣ зрѣнія Эзоповыхъ басенъ: надобно смотрѣть на міръ природы и на міръ людской проще, покойнѣе, яснѣе. Вы говорите о страданіяхъ Руссо. Онъ былъ несчастливъ, это правда, но и то правда, что страданія всегда сопровождаютъ необыкновенное развитіе,—натура гениальная можетъ иногда не страдать, сосредоточиваясь въ себѣ, довольствуясь собою, наукой, искусствомъ, но въ практическихъ сферахъ никакъ. Дѣло очень простое: такія натуры, входя въ обычныя людскія отношенія, нарушаютъ равновѣсіе; среда окружающая ихъ узка, невыносима; ихъ жмутъ отношенія, рассчитанныя по иному росту, по инымъ плечамъ и необходимыя для тѣхъ плечъ. Все, что давило по мелочи того, другого, все, о чемъ толковали въ разбивку и чему покорялись обыкновенно люди, все это вырастаетъ въ нестерпимую боль въ груди сильнаго человѣка, въ грозный протестъ, въ явную вражду, въ смѣлый вызовъ на бой; отсюда неминуемо столкновеніе съ современниками: толпа видитъ презрѣніе къ тому, что она хранитъ, и бросаетъ въ генія камнями и грязью до тѣхъ поръ, пока пойметъ, что онъ былъ правъ. Виноватъ ли геній, что онъ выше толпы, виновата ли толпа, что она его не понимаетъ?

— И вы находите это состояніе людей, и притомъ большинства людей, нормальнымъ, естественнымъ? По-вашему, это нравственное паденіе, эта глупость такъ и быть должны? Вы шутите!

— Какъ же иначе? Вѣдь, никто не принуждаетъ ихъ такъ поступать, это—ихъ наивная воля. Люди вообще въ практической жизни меньше лгутъ, нежели на словахъ. Лучшее доказательство

¹⁾ Жанъ-Батистъ баронъ де-Монтіонъ, франц. филантропъ XVII и XVIII в., установилъ денежныя преміи за добродѣтель; это учрежденіе широко привилось во Франціи.

ихъ простодушія въ искренней готовности, какъ только поймутъ, что совершили какое-либо преступленіе, раскаяться. Они спохватились, распявши Христа, что скверно сдѣлали, и бросились на колѣни передъ крестомъ. О какомъ нравственномъ паденіи рѣчь, si toutefois ¹⁾ вы не говорите о грѣхопаденіи, я не понимаю. Откуда было падать? Чѣмъ дальше смотришь назадъ, тѣмъ больше встрѣчаешь дикости, непониманія или совершенно иного развитія, которое до насъ почти не касается: какія-нибудь погибшія цивилизаціи, какіе-нибудь китайскіе нравы. Долгая жизнь въ обществѣ вырабатываетъ мозгъ. Выработка это дѣлается трудно, туго; а тутъ, вмѣсто признанія, сердятся на людей за то, что они не похожи ни на идеаль мудреца, выдуманнаго стоиками, ни на идеаль святого, выдуманнаго христіанами. Цѣлыя поколѣнія легли костями, чтобъ обжить какой-нибудь клочекъ земли, вѣка прошли въ борьбѣ, кровь лилась рѣками, поколѣнія мерли въ страданіяхъ, въ тщетныхъ усиліяхъ, въ тяжеломъ трудѣ... едва вырабатывая скудную жизнь, немного покоя—и пять-шесть умовъ, которые понимали заглавныя буквы общественнаго процесса и двигали массы къ совершенію судебъ своихъ. Удивляться надобно, какъ народы при этихъ гнетущихъ условіяхъ дошли до современнаго нравственнаго состоянія, до своей самоотверженной терпѣливости, своей тихой жизни; удивляться надобно, какъ люди такъ мало дѣлаютъ зла, а не упрекать ихъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ не Аристидъ и не Симеонъ-Стопникъ.

— Вы хотите меня увѣрить, докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками.

— Повѣрьте, что людямъ ничего не предназначено.

— Да зачѣмъ же они живутъ?

— Такъ себѣ, родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ, мнѣ кажется, предѣлъ вопросамъ; жизнь — и цѣль, и средство, и причина, и дѣйствіе. Это вѣчное безпокойство дѣятельнаго, напряженнаго вещества, отыскивающаго равновѣсіе для того, чтобы снова потерять его, это непрерывное движеніе, *ultima ratio* ²⁾, далѣе итти некуда. Прежде все искали отгадки въ облакахъ или въ глубинѣ, подымались или спускались, однако, не нашли ничего, оттого что главное, существенное все тутъ, на поверхности. Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное; она всегда готова шагнуть дальше затѣмъ, чтобъ полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ. Мы

¹⁾ Если только.

²⁾ Послѣдняя причина.

часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того же развитія, къ которому мы приучились; мы думаемъ, что цѣль ребенка совершеннолѣтіе, потому что онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, а цѣль ребенка скорѣе — играть, наслаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣль, то цѣль всего живого — смерть.

— Вы забываете другую цѣль, докторъ, которая развивается людьми, но переживаетъ ихъ, передается изъ рода въ родъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, и именно въ этой-то жизни не отдѣльнаго человѣка отъ человѣчества и раскрываются тѣ постоянныя стремленія, къ которымъ человѣкъ идетъ, къ которымъ поднимается и до осуществленія которыхъ когда-нибудь достигнетъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, я даже сказалъ сейчасъ, что мозгъ вырабатывается: сумма идей и ихъ объемъ растетъ въ сознательной жизни, передается изъ рода въ родъ, но что касается до послѣднихъ словъ вашихъ, тутъ позвольте усомниться. Ни стремленіе, ни вѣрность его нисколько еще не обезусловляетъ осуществленіе. Возьмите самое всеобщее, самое постоянное стремленіе во всѣхъ эпохахъ и у всѣхъ народовъ, — стремленіе къ благосостоянію, стремленіе, глубоко лежащее во всемъ чувствующемъ, развитіе простаго инстинкта самосохраненія, врожденное бѣгство отъ того, что причиняетъ боль, и стремленіе къ тому, что доставляетъ удовольствіе, наивное желаніе, чтобъ было лучше, а не было бы хуже; между тѣмъ, работая тысячелѣтія, люди не достигли даже животнаго довольства; пропорціонально, я полагаю, что больше всѣхъ звѣрей и больше всѣхъ животныхъ страдаютъ рабы въ Россіи, гибнутъ съ голоду ирландцы. Отсюда вы можете заключить, легко ли сбудутся другія стремленія, неопредѣленныя и принадлежащія меньшинству.

— Позвольте, стремленіе къ свободѣ, къ независимости стоитъ голода, — оно весьма не слабо и очень опредѣленно.

— Исторія этого не показываетъ. Точно, нѣкоторые слои общества, развившіеся при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, имѣютъ нѣкоторое поползновеніе къ свободѣ — и то весьма не сильное, судя по нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ рабства и по современному гражданскому устройству, наконецъ. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключительныхъ развитіяхъ, для которыхъ неволя тягостна, а о большинствѣ, которое даетъ постоянное *démenti* ¹⁾ этимъ страдальцамъ, что и заставило раздраженнаго Руссо сказать свой знаменитый *ponsens*: «Человѣкъ родится быть свободнымъ — и вездѣ въ цѣпяхъ!».

¹⁾ Опроверженіе.

— Вы повторяете этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди свободнаго человѣка, съ ироніей?

— Я вижу тутъ насиліе исторіи, презрѣніе фактовъ, а это для меня невыносимо: меня оскорбляетъ самоуправство. Къ тому же превредная метода впередъ рѣшать именно то, что составляетъ трудность вопроса; что сказали бы вы человѣку, который, грустно качая головой, замѣтилъ бы вамъ, что «рыбы рождаются для того, чтобы летать,—и вѣчно плаваютъ».

— Я спросила бы, почему онъ думаетъ, что рыбы рождаются для того, чтобы летать?

— Вы становитесь строги; но мой другъ *рыбства* готовъ держать отвѣтъ... Во-первыхъ, онъ вамъ скажетъ, что скелетъ рыбы явнымъ образомъ показываетъ стремленіе развить оконечности въ ноги или крылья; онъ вамъ покажетъ вовсе ненужныя косточки, которыя намекаютъ на скелетъ ноги, крыла; наконецъ, онъ сошлется на летающихъ рыбъ, которыя на дѣлѣ показываютъ, что *рыбство* не токмо стремится летать, но иногда и можетъ. Давши вамъ такой отвѣтъ, онъ будетъ въ правѣ васъ спросить, отчего же вы у Руссо не требуете отчета, почему онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ быть свободенъ, опираясь на то, что онъ постоянно въ цѣпяхъ? Отчего все существующее только и существуетъ такъ, какъ оно *должно* существовать, а человѣкъ напротивъ?

— Вы, докторъ,—преопасный софистъ, и еслибъ я не коротко васъ знала, я считала бы васъ пребезнравственнымъ человѣкомъ. Не знаю, какія лишнія кости у рыбъ, а знаю только, что въ костяхъ у нихъ недостатка нѣтъ; но что у людей есть глубокое стремленіе къ независимости, ко всякой свободѣ, въ этомъ я убѣждена. Они заглушаютъ мелочами жизни внутренній голосъ, и поэтому я на нихъ сержусь. Я утѣшительнѣе нападаю на людей, нежели вы защищаете.

— Я зналъ, что мы съ вами послѣ нѣсколькихъ словъ перемѣнимъ роли или, лучше, что вы обойдете меня и очутитесь съ противоположной стороны. Вы хотите бѣжать съ негодованіемъ отъ людей за то, что они не умѣютъ достигнуть нравственной высоты, независимости, всѣхъ вашихъ идеаловъ, и въ то же время вы на нихъ смотрите, какъ на избалованныхъ дѣтей,—вы увѣрены, что они на-дняхъ поправятся и будутъ умны. Я знаю, что люди то-ропятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ этимъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ, и остаюсь съ ними такъ, какъ остаюсь съ этими деревьями, съ этими животными,—изучаю ихъ, даже люблю. Вы смотрите а priori и, можетъ, логически правы, говоря, что человѣкъ долженъ стремиться къ не-

зависимости. Я смотрю патологически и вижу, что до сихъ поръ рабство — постоянное условіе гражданскаго развитія; стало быть, или оно необходимо, или нѣтъ отъ него такого отвращенія, какъ кажется.

— Отчего мы съ вами, добросовѣстно разсматривая исторію, видимъ совершенно разное?

— Оттого, что говоримъ объ разномъ; вы, говоря объ исторіи и народахъ, говорите о летающихъ рыбахъ, а я о рыбахъ вообще; вы смотрите на міръ идей, отрѣшенный отъ фактовъ, на рядъ дѣятелей, мыслителей, которые представляютъ верхъ сознанія каждой эпохи, на тѣ энергическія минуты, когда вдругъ цѣлыя страны становятся на ноги и разомъ берутъ массу мыслей для того, чтобъ изживать ихъ потомъ цѣлые вѣка въ покоѣ; вы принимаете эти катаклизмы, сопровождающіе ростъ народовъ, эти исключительныя личности за рядовой фактъ, но это только—высшій фактъ, предѣлъ. Развитое меньшинство, которое торжественно несется надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе, до котораго массамъ, кишачимъ внизу, дѣла нѣтъ, даетъ блестящее свидѣтельство, до чего можетъ развиваться человѣческая натура, какое страшное богатство силъ могутъ вызвать исключительныя обстоятельства,—но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ. Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколѣніями, нисколько не даетъ право ждать отъ лошадей вообще тѣхъ же статей. Идеалисты непремѣнно хотятъ поставить на своемъ, во что бы то ни стало. Физическая красота между людьми такъ же исключеніе, какъ особенное уродство. Посмотрите на мѣщанъ, толпящихся въ воскресенье на Елисейскихъ поляхъ или на скачкахъ въ Эпсомѣ, и вы ясно убѣдитесь, что природа людская вовсе не красива.

— Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупымъ ртамъ, жирнымъ лбамъ, дерзко вздернутымъ и глупо висящимъ носамъ.

— Вы знаете это и возмущаетесь... А какъ бы вы стали смѣяться надъ человѣкомъ, который принялъ бы близко къ сердцу, что лошаки не такъ красивы, какъ олени. Для Руссо было невыносимо нелѣпое общественное устройство его времени; кучка людей, стоявшая возлѣ него и развитая до того, что имъ только недоставало гениальной инициативы, чтобъ назвать зло, тяготившее ихъ, откликнулась на его призывъ; эти отщепенцы, раскольники остались вѣрны и составили Гору въ 92 году. Они почти всѣ погибли, работая для французскаго народа, котораго требованія были очень скромны и который безъ сожалѣнія позволилъ ихъ казнить. Я даже не назову это неблагодарностью: не въ самомъ дѣлѣ все,

что дѣлалось, дѣлали они для народа; мы *себя* хотимъ освободить, *намъ* больно видѣть подавленную массу, *насъ* оскорбляетъ ея рабство, *мы* за нее страдаемъ и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благодарить? могла ли толпа, въ самомъ дѣлѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія желать свободы, «Contrat social» ¹⁾, когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ Горы, нѣма къ ней, когда она теперь въ тѣсной рамкѣ самага пошлаго гражданскаго быта здорова, какъ рыба въ водѣ?

— Броженіе всей Европы плохо соединяется съ вашимъ возрѣніемъ.

— Глухое броженіе, волнующее народы, происходитъ отъ голода; нелѣпый общественный порядокъ со всякимъ шагомъ впередъ лишаетъ средствъ большее и большее число людей; ихъ крикъ, ихъ возстаніе неотвратимо. Будь пролетарій побогаче, онъ и не подумалъ бы о коммунизмѣ. Мѣщане сыты, ихъ собственность защищена, они и оставили свои попеченія о свободѣ, о независимости; напротивъ, они хотятъ сильной власти, они улыбаются, когда имъ съ негодованіемъ говорятъ, что такой-то журналъ схваченъ, что того-то ведутъ за мнѣніе въ тюрьму. Все это бѣсить, сердить небольшую кучку эксцентрическихъ людей; другіе равнодушно идутъ мимо, они заняты, они торгуютъ, они—семейные люди. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что мы не въ правѣ требовать полнѣйшей независимости, но только не за что сердиться на народъ, если онъ равнодушень къ нашимъ скорбямъ.

— Оно такъ, нѣ, мнѣ кажется, вы слишкомъ держитесь за ариметику; тутъ не поголовный счетъ важенъ, а нравственная мощь, въ ней *большинство* достоинства ²⁾).

— Что касается до качественного преимущества, я его вполнѣ отдаю сильнымъ личностямъ. Для меня Аристотель представляетъ не только сосредоточенную силу своей эпохи, но еще гораздо больше. Людямъ надобно было двѣ тысячи лѣтъ понимать его на изнанку, чтобъ выразумѣть, наконецъ, смыслъ его словъ. Вы помните, Аристотель называетъ Анаксагора первымъ трезвымъ между пьяными греками, Аристотель былъ послѣдній. Поставьте между ними Сократа— и у васъ полный комплектъ трезвыхъ до Бэкона. Трудно по такимъ исключеніямъ судить о массѣ.

— Наукой всегда занимались очень немногіе; на это отвлеченное поле выходятъ одни строгіе, исключительные умы; если вы

¹⁾ «Общественный договоръ» Ж.-Ж. Руссо.

²⁾ Августинъ употребилъ выраженіе «prioritas dignitatis ^o)—А. И. Г.

^o) Первенство достоинства.

въ массахъ не встрѣтите большой трезвости, то найдете вдохновенное опьянѣніе, въ которомъ бездна сочувствія къ истинѣ. Массы не понимали Сенеки и Цицерона, а каково отозвались на призывъ двѣнадцати апостоловъ?

— Знаете ли, по-моему, сколько ихъ не жаль, а надобно признаться, они сдѣлали совершеннѣйшее *fiasco*.

— Да, только окрестили полвселенной.

— Въ четыре столѣтія борьбы, въ шесть столѣтій совершеннаго варварства—и послѣ этихъ усилій, продолжавшихся тысячу лѣтъ, міръ такъ окрестился, что отъ апостольскаго ученія ничего не осталось; изъ освобождающаго Евангелія сдѣлали притѣсняющее католичество, изъ религіи любви и равенства—церковь крови и войны. Древній міръ, истощивъ всѣ свои жизненныя силы, падалъ, христіанство явилось на его одрѣ врачомъ и утѣшителемъ, но, прилаживаясь къ больному, оно само заразилось и сдѣлалось римское, варварское, какое хотите, только - - - - - . Какова сила родовой жизни, массъ и обстоятельствъ! Люди думаютъ, что достаточно доказать истину, какъ математическую теорему, чтобъ ее приняли; что достаточно самому вѣрить, чтобъ другіе повѣрили. Выходитъ совсѣмъ иное: одни говорятъ одно, а другіе слушаютъ ихъ и понимаютъ другое, оттого что ихъ развитія разныя. Что проповѣдывали первые христіане и что поняла толпа? Толпа поняла все непонятное, все нелѣпое и мистическое; все ясное и простое было ей недоступно; толпа приняла все связующее совѣсть и ничего, освобождающее человѣка. Такъ въ послѣдствіи она поняла революцію только кровавой расправой, гильотиной, мстью; горькая историческая необходимость сдѣлалась торжественнымъ крикомъ; къ слову «братство» приклеили слово «смерть»; «*fraternité ou la mort!*»¹⁾ сдѣлалось какимъ-то «*la bourse ou la vie*»²⁾—террористовъ. Мы столько жили сами, столько видѣли да столько за насъ жили наши предшественники, что, наконецъ, намъ непростительно увлекаться, думать, что достаточно возвѣстить римскому міру Евангеліе, чтобъ сдѣлать изъ него демократическую и социальную республику, какъ это думали *красные* апостолы; или что достаточно въ два столбца напечатать иллюстрированное издание *des droits de l'homme*³⁾, чтобъ человѣкъ сдѣлался свободнымъ.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота выставять одну дурную сторону человѣческой природы?

¹⁾ Братство или смерть!

²⁾ Кошелекъ или жизнь.

³⁾ Правъ человѣка.

— Вы начали разговоръ съ грознаго проклятiя людямъ, а теперь защищаете ихъ. Вы меня сейчасъ обвиняли въ оптимизмъ, я вамъ могу возвратить обвиненiе. У меня никакой нѣтъ системы, никакого интереса, кромѣ истины, и я высказываю ее, какъ она мнѣ кажется. Я не считаю нужнымъ изъ учтивости къ человѣчеству выдумывать на него всякiя добродѣтели и доблести. Я ненавижу фразы, къ которымъ мы привыкли, какъ христiане къ символу вѣры; какъ бы онѣ ни были съ виду нравственны и хороши, онѣ связываютъ мысль, покоряютъ ее. Мы принимаемъ ихъ безъ повѣрки и идемъ дальше, оставляя за собой эти ложные маяки, и сбиваемся съ дороги. Мы до того привыкаемъ къ нимъ, что теряемъ способность въ нихъ сомнѣваться, что совѣстимся касаться до такихъ святыхъ. Думали ли вы когда-нибудь, что значать слова «человѣкъ родится свободнымъ»? Я вамъ ихъ переведу; это значитъ: человѣкъ родится звѣремъ—не больше. Возьмите табунъ дикихъ лошадей,—совершенная свобода и равное участiе въ правахъ, полнѣйшiй коммунизмъ. Зато развитiе невозможно. Рабство—первый шагъ къ цивилизации. Для развитiя надобно, чтобъ однимъ было гораздо лучше, а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ, которымъ лучше, могутъ итти впередъ на счетъ жизни остальныхъ. Природа для развитiя ничего не жалѣетъ. Человѣкъ—звѣрь съ необыкновенно хорошо устроеннымъ мозгомъ: тутъ его мощь. Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни ловкости тигра, ни львиной силы; у него не было ни ихъ удивительныхъ мышцъ, ни такого развитiя внѣшнихъ чувствъ, но въ немъ нашлась бездна хитрости, множество смирныхъ качествъ, которыя, съ естественнымъ побужденiемъ жить стадами, поставили его на начальную ступень общественности. Не забывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться; онъ ищетъ всегда къ чему-нибудь прислониться, за что-нибудь спрятаться, въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря. Онъ росъ въ повиновенiи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди; они были подавлены религiей, которая тѣснила ихъ за ихъ трусость, старѣйшими, которые тѣснили ихъ, основываясь на привычкѣ. Ни одинъ звѣрь, кромѣ породъ, «развращенныхъ человѣкомъ»,—какъ называлъ домашнихъ звѣрей Байронъ,—не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношенiй. Волкъ ѣстъ овцу, потому что голоденъ и потому что она слабѣе его, но рабства отъ нея не требуетъ, овца не покоряется ему: она протестуетъ крикомъ, бѣгомъ; человѣкъ вноситъ въ дико-независимый и самобытный мiръ животныхъ элементъ вѣрноподданничества, элементъ Калибана, на немъ только и было возможно развитiе Проспера; и тутъ опять та же безпощадная экономiя при-

роды, ея разсчитанность средствъ, которая, ежели гдѣ перейдетъ, то навѣрное не дойдетъ гдѣ-нибудь и, вытянувши въ непомѣрную вышину переднія ноги и шею камелеопардала ¹⁾, губить его заднія ноги.

— Докторъ, да вы—страшный аристократъ.

— Я—натуралистъ, и знаете, что еще?.. Я не трусь, я не боюсь ни узнать истину, ни высказывать ее.

— Я не стану вамъ противорѣчить; впрочемъ, въ теоріи всѣ говорятъ правду, насколько ее понимаютъ,—тутъ нѣтъ большого мужества.

— Вы думаете? Какой предразсудокъ!.. Помилуйте, на сто философовъ вы не найдете одного, который былъ бы откровененъ; пусть бы ошибался, несъ бы нелѣпицу, но только съ полной откровенностью. Одни обманываютъ другихъ изъ нравственныхъ цѣлей, другіе самихъ себя—для спокойствія. Много ли вы найдете людей, какъ Спиноза, какъ Юмъ, идущихъ смѣло до всякаго вывода? Всѣ эти великіе освободители ума человѣческаго поступали такъ, какъ Лютеръ и Кальвинъ, и, можетъ, были правы съ практической точки зрѣнія: они освобождали себя и другихъ включительно до какого-нибудь рабства, до символическихъ книгъ, до текста Св. Писанія и находили въ душѣ своей воздержность и умѣренность не итти далѣе. По большей части послѣдователи продолжаютъ строго итти въ путяхъ учителей; въ числѣ ихъ являются люди посмѣлѣй, которые догадываются, что дѣло-то не совсѣмъ такъ, но молчатъ изъ благочестія и лгутъ изъ уваженія къ предмету такъ, какъ лгутъ адвокаты, ежедневно говоря, что не смѣютъ сомнѣваться въ справедливости судей, зная очень хорошо, что они мошенники, и не довѣряя имъ нисколько. Эта учтивость совершенно рабская, но мы къ ней привыкли. Знать истину не легко, но все же легче, нежели высказывать ее, когда она не совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ. Сколько кокетства, сколько риторики, позолоты, околичностей употребляли лучшіе умы, Бэконъ, Гегель, чтобъ не говорить просто, боясь тупого негодованія или пошлаго свиста. Оттого до такой степени трудно понимать науку: надобно отгадывать ложно высказанную истину. Теперь разсудите: у многихъ ли есть досугъ и охота дорабатываться до внутренней мысли и копать въ гумусъ, которымъ наши учителя прикрываютъ свое посильное пониманье, отрывая стразы ²⁾ и крашенныя стекла ихъ науки.

— Это опять приближается къ вашей аристократической мысли, что истина для нѣсколькихъ, а ложь для всѣхъ, что...

¹⁾ Жирафъ.

²⁾ Stras—поддѣльный брилліантъ.

— Позвольте, вы во второй разъ назвали меня аристократомъ; я при этомъ вспоминаю робеспьеровское выраженіе: «l'athéisme est aristocrate» ¹⁾). Если-бъ Робеспьеръ хотѣлъ только сказать, что атеизмъ возможенъ для немногихъ такъ точно, какъ дифференціальное исчисленіе, какъ физика, онъ былъ бы правъ; но онъ, сказавши «атеизмъ аристократичень», заключилъ, что атеизмъ—ложь. Для меня это возмутительно, это—демагогія, это—покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ. Неумолимый логикъ революціи срѣзсался и, превозглашая *демократическую* неправду, народной религіи не возстановилъ, а указалъ предѣлъ своихъ силъ, указалъ между, за которой и онъ не революціонеръ, а указать это во время переворота и движенія значить напомнить, что время лица миновало... И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Fête de l'Être Suprême ²⁾, Робеспьеръ становится мраченъ, задумчивъ, безпокоенъ; его томить тоска, нѣтъ прежней вѣры, нѣтъ того смѣлаго шага, которымъ онъ шелъ впередъ, которымъ ступалъ въ кровь, и кровь его не марала; тогда онъ не зналъ своихъ границъ, будущее было безпредѣльно; теперь онъ увидѣлъ заборъ, онъ почувствовалъ, что ему приходится быть консерваторомъ, и голова атеиста Клоотса, пожертвованная предразсудку, лежала въ ногахъ его, какъ улика: черезъ нее ему нельзя было перешагнуть. Мы старше нашихъ старшихъ братій; не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться ни были, ни логики, не станемъ отказываться отъ послѣдствій: они не въ нашей волѣ; не будемъ выдумывать - - -, если его нѣтъ,—отъ этого его все же не будетъ. Я сказалъ, что истина принадлежитъ меньшинству, развѣ вы этого не знали? отчего вамъ это показалось странно? оттого, что я не прибавилъ къ этому никакой риторической фразы? Помилуйте, да, вѣдь, я не отвѣчаю ни за пользу, ни за вредъ этого факта, я говорю только о его существованіи. Я вижу въ настоящемъ и прошедшемъ знаніе, истину, нравственную силу, стремленіе къ независимости, любовь къ изящному въ небольшой кучкѣ людей, враждебныхъ, не симпатизирующихъ съ большинствомъ, потерянныхъ въ средѣ. Съ другой стороны, я вижу тугое развитіе остальныхъ слоевъ общества, узкія понятія, основанныя на преданіяхъ, ограниченныя потребности, небольшія стремленія къ добру, небольшія поползновенія къ злу.

— Да, сверхъ того, необычайную вѣрность въ стремленіяхъ.

— Вы правы, общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ животныхъ вѣрнень, и знаете отчего? Оттого, что жалкая

¹⁾ Атеизмъ аристократичень.

²⁾ Праздникъ Высшаго Существа.

самобытность отдѣльныхъ личностей стирается въ общемъ, что масса хороша только, какъ безличная, и развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, до которой дорабатывается, съ другой стороны, все свободное, талантливое, сильное.

— Вы правы до тѣхъ поръ, пока будетъ толпа, но замѣтите, что прошедшее и настоящее не даютъ вамъ причины заключать, что въ будущемъ не измѣнятся эти отношенія; все идетъ къ тому, чтобъ разрушить дряхлыя основы общественности. Вы ясно поняли и рѣзко представляете раздоръ, двойство въ жизни, и успокаиваетесь на этомъ; вы, какъ докладчикъ уголовной палаты, свидѣтельствуєте о преступленіи и стараетесь его доказать, предоставляя судъ палатѣ. Другіе идутъ далѣе: они хотятъ его снять; всѣ сильныя натуры меньшинства, о которомъ вы говорите, постоянно стремились наполнить пропасть, ихъ отдѣляющую отъ массъ; имъ было противно думать, что это—неизбѣжный, роковой фактъ; у нихъ въ груди слишкомъ много было любви, чтобъ остаться въ своей исключительной выси. Они лучше хотѣли съ опрометчивостью самоотверженнаго порыва погибнуть въ пропасти, ихъ отдѣляющей отъ народа, нежели прогуливаться по ихъ краямъ, какъ вы. И эта связь ихъ съ массами—не капризь, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознание того, что они сами вышли изъ массъ, что безъ этого хора не было бы и ихъ, что они представляютъ ея стремленія, что они достигли того, до чего она достигаетъ.

— Безъ сомнѣнія, всякій распутившійся талантъ, какъ цвѣтокъ, тысячью нитями связанъ съ растеніемъ и никогда не былъ бы безъ стебля, а, все-таки, онъ не стебель, не листь, а цвѣтокъ, жизнь его, соединенная съ прочими частями, все же иная. Одно холодное утро—и цвѣтокъ гибнетъ, а стебель остается; въ цвѣткѣ, если хотите, цѣль растенія и край его жизни, но все же лепестки вѣнчика—не цѣлое растеніе. Всякая эпоха выплескиваетъ, такъ сказать, дальнѣйшей волной полнѣйшія, лучшія организациі, если только онѣ нашли средства развиться; онѣ не только выходятъ изъ толпы, но и *вышли* изъ нея. Возьмите Гете: онъ представляетъ усиленную, сосредоточенную, очищенную, *сублимированную* ¹⁾ сущность Германіи; онъ изъ нея вышелъ, онъ не былъ бы безъ всей исторіи своего народа, но онъ такъ удалился отъ своихъ соотечественниковъ въ ту сферу, въ которую поднялся, что они не ясно понимали его и что онъ, наконецъ, плохо ихъ понималъ; въ немъ собралось все, волновавшее душу протестантскаго міра, и распахнулось такъ, что онъ носился надъ тогдашнимъ міромъ, какъ духъ божій надъ во-

1) Sublimé—полученное возгонкою паровъ, затѣмъ отвердѣвшихъ.

дами. Внизу—хаосъ, недоразумѣніе, схоластика, домогательство понять; въ немъ—свѣтлое сознаніе и покойная мысль, далеко опередившая современниковъ.

— Гете представляетъ во всемъ блескѣ именно вашу мысль: онъ отчуждается, онъ доволенъ своимъ величіемъ, и въ этомъ отношеніи онъ—исключеніе. Таковъ ли былъ Шиллеръ и Фихте, Руссо и Байронъ и всѣ эти люди, мучившіеся изъ того, чтобъ привести къ одному уровню съ собою массу, толпу? Для меня страданія этихъ людей, безвыходныя, жгучія, провожавшія ихъ иногда до могилы, иногда до плахи или до дома умалишенныхъ, лучше, нежели гетевскій покой.

— Они много страдали, но не думайте, что они были безъ утѣшеній. У нихъ было много любви, но, сверхъ того, было еще больше вѣры. Они вѣрили въ человечество такъ, какъ его придумали, вѣрили въ будущее, упиваясь своимъ отчаяніемъ, и эта вѣра врачевала одушевленіе ихъ.

— Зачѣмъ же въ васъ нѣтъ вѣры?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣланъ давно Байрономъ; онъ отвѣчалъ дамѣ, которая его обращала въ христіанскую вѣру: «Какъ же я сдѣлаю, чтобъ начать вѣрить?». Въ наше время можно или вѣрить, не думая, или думать, не вѣривши. Вамъ кажется, что спокойное, повидимому, сомнѣніе легко; а почему вы знаете, сколько бы человѣкъ иногда готовъ былъ дать въ минуту боли, слабости, изнеможенія за одно вѣрованіе? Откуда его возьмешь? Вы говорите: лучше страдать, и совѣтуете вѣровать, но развѣ религіозные люди страдаютъ въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ расскажу случай, который былъ со мною въ Германіи. Призываютъ меня разъ въ гостиницу къ пріѣзжей дамѣ, у которой занемогли дѣти; я прихожу; дѣти въ страшной скарлатинѣ; медицина нынче настолько сдѣлала успѣховъ, что мы поняли, что мы не знаемъ почти ни одной болѣзни и почти ни одного лѣченія, это—большой шагъ впередъ; вмѣсто знанія у насъ одинъ навѣкъ, наглядка, примѣръ. Вижу я, дѣло очень плохо, прописалъ дѣтямъ, для успокоенія матери, всякія невинныя вещи, далъ разныя приказанія, очень хлопотливая, чтобъ ее занять, а самъ сталъ выжидать, какія силы найдетъ организмъ для противодѣйствія болѣзни. Старшій мальчикъ поприутихъ. «Онъ, кажется, теперь спокойно заснулъ»,—сказала мнѣ мать; я ей показалъ пальцемъ, чтобъ она его не разбудила; ребенокъ отходилъ. Для меня было очевидно, что болѣзнь совершенно одинаково пойдетъ у его сестры; мнѣ казалось, что ее спасти невозможно. Мать, женщина очень нервная, была въ безуміи и безпрерывно молилась; дѣвочка умерла. Первые дни человѣческая на-

тура взяла свое, мать пролежала въ горячкѣ, была сама на краю гроба, но мало-по-малу силы воротились, она стала спокойнѣе, толковала мнѣ все о Сведенборгѣ... Уѣзжая, она взяла меня за руку и сказала съ видомъ торжественнаго спокойствія: «Тяжело мнѣ было... какое страшное испытаніе!.. Но я ихъ хорошо помѣстила: они возвратились чистыми,—ни одной пылинки, ни одного тлетворнаго дыханія не коснулось ихъ... Имъ будетъ хорошо! Я для ихъ блага должна покориться!»

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой чело-вѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сознание, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе.

— Да, это мысль, логика, отвлеченіе, и оттого религія—не грубая религія *des Jenseits* ¹⁾, которая отдаетъ дѣтей въ пансіонъ на томъ свѣтѣ, а религія *des Diesseits* ²⁾, религія науки, всеобщаго, родового, трансцендентальнаго разума, идеализма. Объясните мнѣ, пожалуйста, отчего вѣрять въ Бога смѣшно, а вѣрять въ чело-вѣчество не смѣшно; вѣрять въ царство небесное глупо, а вѣрять въ земныя утопіи умно? Отбросивши положительную религію, мы оста-лись при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земного и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее за гробомъ дала столько силы мученикамъ первыхъ вѣ-ковъ, но, вѣдь, такая же вѣра поддерживала и мучениковъ рево-люціи; тѣ и другіе гордо и весело несли голову на плаху, потому что у нихъ была непреложная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ тор-жество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиб-лись: ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли послѣ нихъ и увидѣли это. Я не отрицаю ни величіе, ни пользу вѣры; это—великое начало движенія, развитія, страсти въ исторіи, но вѣра въ душѣ людской—или частный фактъ, или эпидемія. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустилъ раз-боръ и недовѣрчивое сомнѣніе, кто пыталъ жизнь и, задерживая дыханіе, съ любовью останавливался на всякихъ трупоразъятіяхъ, кто заглянулъ, можетъ быть, больше, нежели нужно, за кулисы; дѣло сдѣлано, повѣрять вновь нельзя. Можно ли, напримѣръ, меня увѣрять, что послѣ смерти духъ чело-вѣка живъ, когда такъ легко понять - - - - - этого раздѣленія тѣла и духа? Можно ли меня увѣрять, что завтра или черезъ годъ водворится социальное брат-ство, когда я вижу, что народы понимаютъ братство, какъ Каинъ и Авель?

¹⁾ «Потусторонности».

²⁾ «Посюсторонности».

— Вамъ, докторъ, остается скромное a parte ¹⁾ въ этой драмѣ: бесплодная критика и праздность до скончанія дней.

— Быть можетъ, очень можетъ быть. Хотя я не называю праздною внутреннюю работу, но тѣмъ не менѣе думаю, что вы вѣрно смотрите на мою судьбу. Помните ли вы римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства? ихъ положеніе имѣеть много сходнаго съ нашимъ: у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ. Увѣренные въ томъ, что они ясно и лучше понимаютъ истину, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обоихъ и слабѣе обоихъ. Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ они ничего не имѣли общаго, кромѣ привычки, образа жизни. Натяжки Юліана Отступника и его реставраціи были такъ же смѣшны, какъ реставрація Людовика XVIII и Карла X; съ другой стороны, христіанская теодицея оскорбляла ихъ свѣтскую мудрость: они не могли принять ея языкъ, земля исчезала подъ ихъ ногами, участіе къ нимъ было, но они умѣли величаво и гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ,—умѣли умирать, не накупаясь на смерть а безъ притязанія спасти себя или міръ; они гибли хладнокровно, безучастно къ себѣ, они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать, что станется съ Римомъ, съ людьми. Одно благо, остававшееся этимъ иностранцамъ своего времени, была спокойная совѣсть, утѣшительное сознаніе, что они не испугались истины, что они, понявъ ее, нашли довольно силы, чтобъ вынести ее, чтобъ остаться вѣрными ей.

— И только?

— Будто этого не довольно? Впрочемъ, нѣтъ, я забылъ, у нихъ было еще одно благо: личныя отношенія, увѣренность въ томъ, что есть люди такъ же понимающіе, сочувствующіе съ ними, увѣренность въ глубокой связи, которая независима ни отъ какого событія; если при этомъ немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климатъ... Чего же больше?

— По несчастію, этого спокойнаго уголка, въ теплѣ и тишинѣ, вы не найдете теперь во всей Европѣ.

— Я поѣду въ Америку.

— Тамъ очень скучно.

— Это правда...

Парижъ, 1 марта 1849 г.

¹⁾ Отдѣльное амплуа (роль).

VI.

Omnia mea mecum porto ¹⁾.

Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes—c'est la mort!
Proudhon («*Voix du Peuple*» ²⁾).

Видимая, старая, официальная Европа не спитъ,—она умираетъ.

Послѣдніе слабые и болѣзненные остатки прежней жизни едва достаточны, чтобы удержать на нѣсколько времени распадающіяся части тѣла, которыя стремятся къ новымъ сочетаніямъ, къ развитію иныхъ формъ.

Повидимому, еще многое стоитъ прочно, дѣла идутъ своимъ чередомъ, судьи судятъ, церкви открыты, биржи кипятъ дѣятельностью, войска маневрируютъ, дворцы блестятъ огнями, но духъ жизни отлетѣлъ, на сердцѣ у всѣхъ неспокойно, смерть за плечами, и, въ сущности, ничего не идетъ. Въ сущности, нѣтъ ни церкви, ни войска, ни правительства, ни суда,—все превратилось въ полицію. Полиція хранитъ, спасаетъ Европу, подъ ея благословеніемъ и кровомъ стоятъ троны и алтари; это—гальваническая струя, которую насильственно поддерживаютъ жизнь, чтобы выиграть настоящую минуту. Но разѣдающій огонь болѣзни не потушень, его вогнали только внутрь, онъ скрытъ. Всѣ эти почернѣлыя стѣны и твердыни, которыя, кажется, своей старостью пріобрѣли всегдашность скаль, не надежны; онѣ похожи на пни, долго остающіеся послѣ порубки лѣса, онѣ хранятъ видъ упорной несокрушимости до тѣхъ поръ, пока не толкнетъ кто-нибудь ногой.

Многіе не видятъ смерти только потому, что они подъ смертью воображаютъ какбе-то уничтоженіе. Смерть не уничтожаетъ составныхъ частей, а развязываетъ ихъ отъ *прежняю* единства, даетъ имъ волю существовать при иныхъ условіяхъ. Разумѣется, цѣлая часть свѣта не можетъ сгнуться съ лица земли; она останется такъ, какъ Римъ остался въ среднихъ вѣкахъ; она разойдется, распустится въ грядущей Европѣ и потеряетъ свой теперешній характеръ, подчиняясь новому и съ тѣмъ вмѣстѣ вліяя на него. Наслѣдство, оставленное отцомъ сыну, въ фізіологическомъ и гражданскомъ смыслѣ продолжаетъ жизнь отца за гробомъ; тѣмъ не менѣе, между ними

¹⁾ Все свое съ собою несу.

²⁾ «Это не Катилина у вашихъ воротъ, это—смерть!»—Прудонъ.

смерть,—такъ, какъ между Римомъ Юлія Цезаря и Римомъ Григорія VII ¹⁾).

Смерть современныхъ формъ гражданственности скорѣе должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящій міръ оставляетъ не наслѣдника, а беременную вдову. Между смертью одного и рожденіемъ другого утечетъ много воды, пройдетъ длинная ночь хаоса и запустѣнія.

Мы не доживемъ до того, до чего дожилъ Симеонъ Богопріимецъ. Какъ ни тяжела эта истина, надобно съ ней примириться, сладить, потому что измѣнить ее невозможно.

Мы довольно долго изучали хилый организмъ Европы, во всѣхъ слояхъ и вездѣ находили вблизи персть смерти, и только изрѣдка вдали слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала, какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Мы были поражены, испуганы. Сложивъ руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что мы видѣли съ февральской революціи?.. Довольно сказать: мы были молоды два года тому назадъ и стары теперь.

Чѣмъ ближе мы подходили къ партіямъ и людямъ, тѣмъ пустыня около насъ дѣлалась больше, тѣмъ больше становились мы одни. Какъ было дѣлать безуміе однихъ, бездушіе другихъ? Тутъ лѣнь, апатія, тамъ ложь и ограниченность; силы, мощи нигдѣ,—развѣ у нѣсколькихъ мучениковъ, умершихъ за людей, не принесся имъ никакой пользы, у нѣсколькихъ страдальцевъ, распинающихся за толпу, готовыхъ отдать кровь, голову и принужденныхъ беречь то и другое, видя хоръ, которому не нужны эти жертвы.

Потерянные безъ дѣла въ этомъ мірѣ, который рушился со всѣхъ сторонъ, оглушенные бессмысленными спорами, ежедневными оскорбленіями, мы предавались горю и отчаянію, намъ хотѣлось одного—сложить гдѣ-нибудь усталую голову, не справляясь о томъ, есть ли сновидѣнія или нѣтъ.

Но жизнь взяла свое, и вмѣсто отчаянія, вмѣсто желанія гибели я теперь хочу жить; я не хочу больше признавать себя въ такой зависимости отъ міра, не хочу оставаться на всю жизнь у изголовья умирающаго вѣчнымъ плакальщикомъ.

¹⁾ Съ другой стороны, между Европой Григорія VII, Мартина Лютера, конвента, Наполеона не смерть, а развитіе, видоизмѣненіе, ростъ; вотъ отчего всѣ попытки античныхъ реакцій (Бранкалеоне ^o), Ріензи) были невозможны, а монархическія реставраціи въ новой Европѣ такъ легки. — А. И. Г.

^o) Дандоло, сенаторъ XIII вѣка, котораго римскій народъ призвалъ противъ сеньёровъ; ему удалось изгнать папу Александра IV.

Неужели въ насъ самихъ совершенно ничего нѣтъ, и мы только и были чѣмъ-нибудь этимъ міромъ, въ немъ, такъ что теперь, когда онъ, попорченный совсѣмъ иными законами, гибнетъ, намъ нѣтъ другого занятія, какъ печально сидѣть на его развалинахъ, другого значенія, какъ служить ему надгробнымъ памятникомъ?

Довольно грустить. Мы отдали міру, что ему принадлежало; мы не скупились, отдавъ ему лучшіе годы наши, полное сердечное участіе; мы страдали больше него его страданіями. Теперь оботремъ слезы и будемъ мужественно смотрѣть на окружающее. Что бы намъ, наконецъ, ни представило оно, перенести можно, *должно*. Худшее пережили, а пережитое несчастіе—несчастіе оконченное. Мы успѣли ознакомиться съ нашимъ положеніемъ, мы ни на что не надѣемся, ничего не ждемъ или, пожалуй, ждемъ всего,—это сводится на одно. Насъ можетъ многое оскорбить, сломать, убить,—удивить *ничего*... или всѣ наши думы и слова были только на губахъ.

Корабль идетъ ко дну. Страшна была минута сомнѣнія, когда рядомъ съ опасностью были надежды; теперь положеніе ясно: корабль не можетъ быть спасенъ, остается гибнуть или спасать себя. Долой съ корабля! на лодки, бревна!—пусть каждый пытается свое счастье, пробуетъ свои силы. Point d'honneur моряковъ намъ не идетъ.

Вонъ изъ душевной комнаты, гдѣ оканчивается длинная бурная жизнь! Выйдемъ на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразной атмосферы, на поле—изъ больничной палаты. Много найдется мастеровъ бальзамировать покойника; еще больше—червей, которые поживутъ на счетъ гнили. Оставимъ имъ трупъ, не потому, что они хуже или лучше насъ, а потому, что они этого хотятъ, а мы не хотимъ; потому что они въ этомъ жуютъ, а мы страдаемъ. Отойдемъ свободно и безкорыстно, зная, что намъ нѣтъ наслѣдства, и не нуждаясь въ немъ.

Въ старые годы вы этотъ гордый разрывъ съ современностью назвали бы *бѣгствомъ*; неизлѣчимые романтики и теперь послѣ всего ряда событій, совершившихся передъ ихъ глазами, назовутъ его такъ.

Но свободный человѣкъ не можетъ бѣжать, потому что онъ зависитъ только отъ своихъ убѣжденій и больше ни отъ чего; онъ имѣетъ право оставаться или итти; вопросъ можетъ быть не о бѣгствѣ, а о томъ, свободенъ ли человѣкъ или нѣтъ?

Сверхъ того, слово «бѣгство» становится невыразимо смѣшно, обращенное къ тѣмъ, которые имѣли несчастіе заглянуть дальше, уйти впередъ больше, нежели надобно другимъ, и не хотятъ воротиться. Они могли бы сказать людямъ à la Cogiolan: «не мы бѣжимъ, а вы отстааете», но то и другое нелѣпо. Мы дѣлаемъ свое,

люди, окружающіе насъ,—свое. Развитіе лица и массъ дѣлается такъ, что они не могутъ взять всей отвѣтственности на себя за послѣдствія. Но извѣстная степень развитія, какъ бы она ни случилась и чѣмъ бы ни была приведена, обязываетъ. Отрекаться отъ своего развитія значитъ отрекаться отъ самихъ себя.

Человѣкъ свободнѣе, нежели обыкновенно думаютъ. Онъ много зависитъ отъ среды, но не настолько, какъ кабалить себя ей. Большая доля нашей судьбы лежитъ въ нашихъ рукахъ,—стоитъ понять ее и не выпускать изъ рукъ. Понявши, люди допускаютъ окружающій міръ насиловать ихъ, увлекать противъ воли; они отрекаются отъ своей самобытности, опираясь во всѣхъ случаяхъ не на себя, а на него, затягивая крѣпче и крѣпче узы, связующія съ нимъ. Они ожидаютъ отъ міра всего добра и зла въ жизни, они надѣются на себя, на послѣднихъ. При такой ребяческой покорности, роковая сила внѣшняго становится непреодолимой; вступить съ нею въ борьбу кажется человѣку безуміемъ. А между тѣмъ грозная мощь эта блѣднѣетъ съ того мгновенія, какъ въ душѣ человѣка вмѣсто самоотверженія и отчаянія, вмѣсто страха и покорности возникаетъ простой вопросъ: «въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ скованъ на жизнь и смерть со средою, что онъ и тогда не имѣетъ возможности отъ нея освободиться, когда дѣйствительно съ нею распался, когда ему ничего не нужно отъ нея, когда онъ равнодушенъ къ ея дарамъ?»

Я не говорю, чтобъ этотъ протестъ во имя независимости и самобытности лица былъ легокъ. Онъ не даромъ вырывается изъ груди человѣка; ему предшествуютъ или долгія личныя испытанія и несчастія, или тѣ тяжелыя эпохи, когда человѣкъ тѣмъ больше расходится съ міромъ, чѣмъ глубже его понимаетъ, когда всѣ узы, связующія его съ внѣшнимъ, превращаются въ цѣпи, когда онъ чувствуетъ себя правымъ въ противоположность событіямъ и массамъ, когда онъ сознаетъ себя соперникомъ, чужимъ, а не членомъ большой семьи, къ которой принадлежитъ.

Внѣ насъ все измѣняется, все зыблется; мы стоимъ на краю пропасти и видимъ, какъ онъ осыпается; сумерки наступаютъ и ни одной путеводной звѣзды не является на небѣ. Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости. Спасая себя такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ,—если оно вообще возможно для людей.

Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобъ спасти міръ, спасти себя, вмѣсто того, чтобъ освободить человѣчество, себя

освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣка.

Зависимость человѣка отъ среды, отъ эпохи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она тѣмъ сильнѣе, что половина узъ укрѣпляется за спиною сознанія; тутъ есть связь фізіологическая, противъ которой рѣдко могутъ бороться воля и умъ; тутъ есть элементъ наслѣдственный, который мы приносимъ съ рожденіемъ такъ же, какъ черты лица, и который составляетъ круговую поруку послѣдняго поколѣнія съ рядомъ предшествующихъ; тутъ есть элементъ морально-фізіологическій,—воспитаніе, прививающее человѣку исторію и современность; наконецъ, элементъ сознательный. Среда, въ которой человѣкъ родился, эпоха, въ которой онъ живетъ, его тянутъ участвовать въ томъ, что дѣлается вокругъ него, продолжать начатое его отцами; ему естественно привязываться къ тому, что его окружаетъ,—онъ не можетъ не отражать въ себѣ, собою своего времени, своей среды.

Но тутъ въ самомъ образѣ отраженія является его самобытность. Противодѣйствіе, возбуждаемое въ человѣкѣ окружающимъ—отвѣтъ его личности на вліяніе среды. Отвѣтъ этотъ можетъ быть полонъ сочувствія, такъ, какъ полонъ противорѣчія. Нравственная независимость человѣка—такая же непреложная истина и дѣйствительность, какъ его зависимость отъ среды, съ тою разницей, что она съ ней въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше сознанія, тѣмъ больше самобытности, чѣмъ меньше сознанія—тѣмъ связь со средою тѣснѣе, тѣмъ больше среда поглощаетъ лицо. Такъ инстинктъ безъ сознанія не достигаетъ истинной независимости, а самобытность является или какъ дикая свобода звѣря, или въ тѣхъ рѣдкихъ судорожныхъ и непослѣдовательныхъ отрицаніяхъ той или другой стороны общественныхъ условій, которыя называютъ преступленіями.

Сознаніе независимости не значитъ еще распаденіе съ средою, самобытность не есть еще вражда съ обществомъ. Среда не всегда относится одинакимъ образомъ къ міру и, слѣдственно, не всегда вызываетъ со стороны лица отпоръ.

Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ *общемъ дѣлѣ*. Дѣйтельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена, тоже довольно рѣдкія, все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно гениальныя, какъ Гете, стоятъ поодаль, а натуры, пошло безцвѣтныя, остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты

были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности,— все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ, собственно, нѣтъ,—жертвами кажутся зрителямъ такіа дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія.

Есть другія времена, и они всего обыкновеннѣе — времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности въ средѣ *продолжаются*, какъ они были поставлены послѣднимъ переворотомъ. Они не настолько натянуты, чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы, чтобъ нельзя было вынести, и, наконецъ, не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главныя шероховатости. Въ такіа эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія, трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ; раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка, но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются незыблемыми, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечіи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи. Люди живутъ въ частныхъ интересахъ, въ семейной жизни, въ ученой, индустриальной дѣятельности, судятъ и рядятъ, воображая, что дѣлаютъ дѣло, усердно работаютъ, чтобъ устроить судьбу дѣтей; дѣти, съ своей стороны, устраиваютъ судьбу своихъ дѣтей, такъ что существующія личности и настоящее какъ будто стираются и признаютъ себя чѣмъ-то переходнымъ. Подобное время продолжается до сихъ поръ въ Китаѣ и отчасти въ Англіи.

Но есть еще и третьяго рода эпохи, очень рѣдкія и самыя скорбныя,—эпохи, въ которыя общественныя формы, переживши себя, медленно и тяжело гибнутъ. Исключительная цивилизація достигаетъ не только высшаго предѣла, но даже выходитъ изъ круга возможностей, данныхъ историческимъ бытомъ такъ, что, повидимому, она принадлежитъ будущему, а въ сущности равно отрѣшена отъ прошедшаго, которое она презираетъ, и отъ будущаго, развивающагося по инымъ законамъ. Вотъ тутъ-то и сталкивается лицо съ обществомъ. Прощедшее является, какъ безумный отпоръ. Насиліе, ложь, свирѣпость, корыстное раболѣпство, ограниченность, потеря всякаго чувства человѣческаго достоинства становятся общимъ правиломъ большинства. Все доблестное былого уже исчезло, дряхлый міръ самъ не вѣрится въ себя и отчаянно защищается, потому что боится, изъ самосохраненія забываетъ своихъ боговъ, попираетъ ногами права, на которыхъ держался, отрекается отъ обра-

зованія и чести, становится звѣремъ, преслѣдуетъ, казнить, и между тѣмъ сила остается въ его рукахъ; ему повинуются не изъ одной трусости, но изъ того, что, съ другой стороны, все шатко, ничего не рѣшено, не готово—и главное, что люди не готовы. Съ другой стороны, незнакомое будущее восходитъ на горизонтъ, покрытомъ тучами,—будущее, смущающее всякую человѣческую логику. Вопросъ римскаго міра разрѣшается христіанствомъ, религіей, съ которой свободный человѣкъ гибнущаго Рима такъ же мало имѣлъ связи, какъ съ политеизмомъ. Человѣчество для того, чтобы двинуться впередъ изъ узкихъ формъ римскаго права, отступило въ германское варварство.

Тѣ изъ римлянъ, которые отъ тягости жизни, гонимые тоской, страхомъ, бросились въ христіанство, спаслись; но развѣ тѣ, которые не меньше страдали, но были тверже характеромъ и умомъ и не хотѣли спастись отъ одной нелѣпости, - - - - - , достойны порицанія? Могли ли они съ Юліаномъ Отступникомъ стать за старыхъ боговъ или съ Константиномъ за новыхъ? Могли ли они участвовать въ современномъ дѣлѣ, видя, куда идетъ духъ времени? Въ такія эпохи свободному человѣку легче одичать въ отчужденіи отъ людей, нежели итти съ ними по одной дорогѣ, ему легче лишить себя жизни, нежели пожертвовать ее.

Неужели человѣкъ менѣе правъ оттого, что съ нимъ никто не согласенъ? да развѣ умъ нуждается другой повѣрки, какъ умомъ? И съ чего же всеобщее безуміе можетъ опровергнуть личное убѣжденіе?

Мудрѣйшіе изъ римлянъ сошли совѣмъ со сцены и превосходно сдѣлали. Они разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величіи скорби, но не пропали для себя,—и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что, собственно, они были побѣдители, они единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были люди, ихъ нельзя было считать поголовно, они не принадлежали къ стаду и не хотѣли лгать, а, не имѣя съ нимъ ничего общаго, отошли.

А что у насъ общаго съ міромъ, насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ, связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка Содомы и Гоморы, они въ томъ же положеніи, какъ мы: они составляютъ протестующее меньшинство, сильное мыслью, слабое дѣйствіемъ. Кромѣ ихъ, у насъ съ современнымъ міромъ не больше дѣятельной связи, какъ съ Китаемъ (я на сію минуту опускаю фізіологическую связь и привычку). Это до того справедливо, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди

произносятся одни и тѣ же слова съ нами, они ихъ понимаютъ разное. Хотите ли вы *свободы* монтаньяровъ, *порядка* законодательнаго собранія, египетскаго устройства работъ коммунистовъ?

Теперь всѣ играютъ съ раскрытыми картами, и самая игра чрезвычайно упростилась,—ошибиться нельзя: на каждомъ клочкѣ Европы та же борьба, тѣ же два стана. Вы ясно вполнѣ чувствуете, противъ котораго вы, но чувствуете ли вы такъ же ясно связь вашу съ другимъ станомъ, какъ отвращеніе и ненависть къ первому?...

Время откровенности пришло: свободные люди не обманываютъ ни себя, ни другихъ, всякая пощада ведетъ къ чему-то ложному, косому.

Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: борьбу *свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества*. Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ жесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи; они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика—для людей, а не лица—для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего. Талантъ Прудона и звѣрство полиціи спасли его отъ клеветы. Уже гнусное обвиненіе въ предательствѣ ходило изъ устъ въ уста демократической черни, когда онъ бросилъ свои знаменитыя статьи въ президента ¹⁾, который не нашелъ лучшаго отвѣта, оглушенный ударомъ, какъ тѣснить колодника, запертаго за мысль и слово. Видя это, толпа примирилась.

И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы: имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться; имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ. Мудрено ли послѣ того, что горсть людей, переселившаяся съ Кабэ ²⁾ въ Америку, едва устроилась во временныхъ шалашахъ, какъ всѣ неудобства европейской государственной жизни обличились въ ихъ средѣ.

¹⁾ Луи-Наполеонъ, ставшій потомъ Наполеономъ III.

²⁾ Этьенъ, франц. писатель, глава коммунистической школы, основатель коммуны въ Техасѣ, потомъ перенесенной въ Иллинойсъ.

При всемъ этомъ *они* современнѣе насъ, полезнѣе насъ, потому что ближе къ дѣлу; они найдутъ больше сочувствія въ массахъ, они нужнѣе. Массы хотятъ остановить руку, нагло вырывающую у нихъ кусокъ хлѣба, заработанный ими, — это ихъ главная потребность. Къ личной свободѣ, къ независимости слова онѣ равнодушны; массы любятъ авторитетъ, ихъ еще ослѣпляетъ оскорбительный блескъ власти, ихъ еще оскорбляетъ челоуѣкъ, стоящій независимо; онѣ подъ равенствомъ понимаютъ равномѣрный гнетъ; боясь монополій и привилегій, онѣ косо смотрятъ на талантъ и не позволяютъ, чтобъ челоуѣкъ не дѣлалъ того же, что они дѣлаютъ. Массы желаютъ социальнаго правительства, которое бы управляло ими для нихъ, а не противъ нихъ, какъ теперешнее. Управляться самимъ имъ и въ голову не приходитъ. Вотъ отчего *освободители* гораздо ближе къ современнымъ переворотамъ, нежели всякій *свободный челоуѣкъ*. Свободный челоуѣкъ можетъ быть вовсе ненужный челоуѣкъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ поступать противъ своихъ убѣжденій.

Но, скажете вы, надобно себя умѣрить. Сомнѣваюсь, чтобъ изъ этого вышло что-нибудь; когда челоуѣкъ и весь отдается дѣлу, онъ не много производитъ; что же онъ сдѣлаетъ, когда намѣренно отниметъ половину своихъ силъ и органовъ? Посадите Прудона министромъ финансовъ, президентомъ, — онъ будетъ Бонапартомъ въ другую сторону. Этотъ находится въ безпрестанномъ колебаніи, нерѣшительности, оттого что онъ помѣшанъ на императорствѣ. Прудонъ будетъ также въ постоянномъ недоумѣніи, потому что существующая республика ему столько же противна, какъ Бонапарту, а республика социальная теперь гораздо менѣе возможна, нежели имперія.

Впрочемъ, тотъ, кто, чувствуя внутреннее несогласіе, хочетъ или можетъ откровенно участвовать въ бою партій; у кого нѣтъ потребности итти своей дорогой, видя, что дорога другихъ идетъ не туда; кто не думаетъ, что лучше заблудиться, совсѣмъ пропасть, нежели уступить свою истину, — тотъ пусть дѣйствуетъ съ другими. Онъ даже сдѣлаетъ очень хорошо, потому что чего нѣтъ другого, а освободители рода челоуѣческаго стащатъ вмѣстѣ съ собою въ пропасть старья формы монархической Европы; я признаю право столько же желающему дѣйствовать, сколько и желающему отстраниться; на то будетъ его воля, и объ этомъ у насъ не идетъ рѣчи.

Я очень радъ, что коснулся этого смутнаго вопроса, этой самой прочной цѣпи изъ всѣхъ, которыми челоуѣкъ скованъ: самой прочной потому, что онъ или не чувствуетъ ея насилія, или, еще:

хуже, признаеть ее безусловно справедливой. Посмотримъ, не пере-
ржавѣла ли и она?

Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ—
продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для
примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Всѣ религіи
основывали нравственность на покорности, т. е. на добровольномъ
рабствѣ, потому онѣ и были всегда вреднѣе политическаго устройства.
Тамъ было насиліе, здѣсь развратъ воли. Покорность значить съ
тѣмъ вмѣстѣ перенесеніе всей самобытности лица на всеобщія, без-

личныя сферы, независимыя отъ него. - - - - -
- - - - - признавало, съ одной стороны, безконечное достоинство лица,
какъ будто для того, чтобъ еще торжественнѣе погубить его передъ
- - - - - . Его воззрѣніе проникло

въ нравы, оно выработалось въ цѣлую систему нравственной не-
воли, въ цѣлую искаженную діалектику, чрезвычайно послѣдова-
тельную себѣ. Міръ, становясь болѣе свѣтскимъ или, лучше ска-
зать, примѣтивъ, наконецъ, что онъ въ сущности такой же свѣтскій,
какъ и былъ, примѣшалъ свои элементы въ христіанское нраво-
ученіе, но основы остались тѣ же. Лицо,—истинная, дѣйствительная
монада общества,—было всегда пожертвовано какому-нибудь общему
понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого
работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали,
уступая свободу лица, объ этомъ никто не спрашивалъ. Всѣ жертво-
вали (по крайней мѣрѣ, на словахъ) самихъ себя и другъ друга.

Не мѣсто здѣсь разбирать, насколько неразвитость народовъ
оправдывала такія мѣры воспитанія. Вѣроятно, онѣ были есте-
ственны и необходимы, мы ихъ встрѣчаемъ вездѣ, но мы можемъ
смѣло сказать, что если онѣ и привели къ великимъ результатамъ,
то навѣрное настолько же замедлили ходъ развитія, искажая умъ
ложнымъ представленіемъ. Я вообще мало вѣрю въ пользу лжи,
особенно когда въ нее не вѣрятъ больше: весь этотъ маккиавел-
лизмъ, вся риторика мнѣ кажется больше аристократическою по-
тѣхою для проповѣдниковъ и нравоучителей.

Общая основа воззрѣнія, на которомъ такъ прочно держится
нравственная неволя человѣка и «приниженіе» его личности, почти
вся въ дуализмѣ, которымъ проникнуты всѣ наши сужденія.

Дуализмъ, это — христіанство, возведенное въ логику, хри-
стіанство, освобожденное отъ преданія, отъ мистицизма. Главный
пріемъ его состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлять на мнимыя проти-
воположности то, что дѣйствительно нераздѣльно,—напр., тѣло и
духъ,—враждебно противопоставлять эти отвлеченія и неестественно
мирить то, что соединено неразрывнымъ единствомъ. - - - - -

-----, примиряемыхъ -----, переведенный на философскій языкъ.

Такъ, какъ Христось, искупая родъ человѣческой, попираетъ плоть, такъ въ дуализмѣ идеализмъ беретъ сторону одной тѣни противъ другой, отдавая монополію духу надъ веществомъ, роду надъ недѣлимымъ, жертвуя такимъ образомъ человѣка государству, государство человѣчеству.

Вообразите теперь весь хаосъ, вносимый въ совѣсть и умъ людей, которые съ дѣтскихъ лѣтъ ничего другого не слышали. Дуализмъ до того искажилъ всѣ простѣйшія понятія, что имъ надобно дѣлать большія усилія, чтобъ усвоить истины ясныя, какъ день. Нашъ языкъ—языкъ дуализма, наше воображеніе не имѣетъ другихъ образовъ, другихъ метафоръ. Полторы тысячи лѣтъ все учившее, проповѣдывавшее, писавшее, дѣйствовавшее было пропитано дуализмомъ, и едва нѣсколько человѣкъ въ концѣ XVIII вѣка стали въ немъ сомнѣваться, но, и сомнѣваясь, продолжали изъ причія, а долею и отъ страха, говорить его языкомъ.

Само собою разумѣется, что вся наша нравственность вышла изъ того же начала. Нравственность эта требовала постоянной жертвы, непрерывнаго подвига, непрерывнаго самоотверженія. Оттого по большей части правила ея и не исполнялись никогда. Жизнь несравненно упорнѣе теорій, она идетъ независимо отъ нихъ и молча побѣждаетъ ихъ. Полнѣе возраженія на принятую мораль не можетъ быть, какъ такое практическое отрицаніе, но люди спокойно живутъ въ этомъ противорѣчii: они привыкли къ нему вѣками. -----, раздвояя человѣка на какой-то идеаль и на какого-то скота, сбило его понятія; не находя выхода изъ борьбы совѣсти съ желаніями, онъ такъ привыкъ къ лицемѣрiю, часто откровенному, что противоположность слова съ дѣломъ его не возмущаетъ. Онъ ссылался на свою слабую, злодѣйскую натуру, и церковь торопилась индульгенціями и ----- давать легкое средство сводить счеты съ испуганной совѣстью, боясь, чтобъ отчаяніе не привело къ другому порядку мыслей, которыхъ не такъ легко уложить ----- и прощеніемъ. Эти ----- такъ укоренились, что пережили самую власть церкви. Натянутыя цивическія добродѣтели замѣнили натянутое ханжество; отсюда—театральное одушевленіе на римскій ладъ и на манеръ ----- и феодальныхъ рыцарей.

Практическая жизнь и тутъ идетъ своимъ чередомъ, нисколько не занимаясь героической моралью.

Но напасть на нее никто не смѣетъ, и она держится, съ одной стороны, на какомъ-то тайномъ соглашеніи пощады и ува-

женія, какъ республика Санъ-Марино, съ другой стороны,—на нашей трусости, безхарактерности, на ложномъ стыдѣ и на нравственной неволѣ нашей. Мы боимся обвиненія въ безнравственности, и это насъ держитъ въ уздѣ. Мы повторяемъ моральныя бредни, слышанныя нами, не придавая имъ никакого смысла, но и не возражая противъ нихъ, такъ, какъ натуралисты *изъ приличія* говорятъ въ предисловіи о - - - и удивляются - - - премудрости. Уваженіе, втѣсняемое намъ страхомъ дикихъ криковъ толпы, превращается до того въ привычку, что мы съ удивленіемъ, съ негодованіемъ смотримъ на дерзость откровеннаго и свободнаго человѣка, который смѣетъ сомнѣваться въ истинѣ этой риторики; это сомнѣніе насъ оскорбляетъ такъ, какъ бывало непочтительный отзывъ о королѣ оскорблялъ подданнаго, — это гордость ливреи, надменность рабовъ.

Такимъ образомъ составила условная нравственность, условный языкъ; имъ мы передаемъ вѣру въ ложныхъ боговъ нашимъ дѣтямъ, обманываемъ ихъ такъ, какъ насъ обманывали родители, и такъ, какъ наши дѣти будутъ обманывать своихъ до тѣхъ поръ, пока переворотъ не покончитъ со всѣмъ этимъ міромъ лжи и притворства.

Я, наконецъ, не могу выносить равнодушно эту вѣчную риторикую патріотическихъ и филантропическихъ разглагольствованій, не имѣющихъ никакого вліянія на жизнь. Много ли найдется людей, готовыхъ пожертвовать жизнью за что бы то ни было? Конечно, не много, но все же больше, нежели тѣхъ, которые имѣютъ мужество сказать, что «Mourir pour la patrie» не есть въ самомъ дѣлѣ верхъ человѣческаго счастья и что гораздо лучше, если и отечество и самъ человѣкъ останутся цѣлы.

Какія мы дѣти, какіе мы еще рабы, и какъ весь центръ тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности — внѣ насъ!

Ложь эта не только вредна, но унизительна; она оскорбляетъ чувство собственнаго достоинства, развращаетъ поведеніе; надобно имѣть силу характера говорить и дѣлать одно и то же; и вотъ почему люди должны признаваться на словахъ въ томъ, въ чемъ признаются ежедневно жизнью. Можетъ, эта чувствительная болтовня и была сколько-нибудь полезна во времена больше дикія такъ, какъ внѣшняя учтивость,—но теперь она обезсиливаетъ, усыпляетъ, сбиваетъ съ толку. Довольно времени позволяли мы безнаказанно декламировать всѣ эти риторическія упражненія, составленныя изъ подогрѣтаго - - - - - , разбавленнаго мутной водой рационализма и паточнымъ растворомъ филантропіи. Пора, нако-

нецъ, разобрать эти сивиллинскія ¹⁾ книги, пора потребовать отчета у нашихъ учителей.

Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма? Что такое эгоизмъ? Что такое *братство*? Что такое индивидуализмъ? И что любовь къ человѣчеству?

Разумѣется, люди—эгоисты, потому что они—лица; какъ же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности. Лишить человѣка этого сознанія значитъ распустить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы—эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противорѣчія въ тѣхъ же правахъ другимъ.

Проповѣдь индивидуализма разбудила вѣкъ тому назадъ людей отъ тяжелаго сна, въ который они были погружены подъ вліяніемъ католическаго мака. Она вела къ свободѣ такъ, какъ смиреніе ведетъ къ покорности. Писанія эгоиста Вольтера больше сдѣлали для освобожденія, нежели писанія любящаго Руссо—для братства.

Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной привычкѣ, не спрашивая, можетъ ли человѣкъ быть человѣкомъ, утративъ живое чувство личности, и не говоря, что за замѣна ему будетъ въ «братствѣ» и въ «любви къ человѣчеству», не объясняя даже, почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ. Мы равно не видимъ причины ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человѣка свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ,—онъ найдетъ, кого любить и съ кѣмъ быть братомъ: на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе.

Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность (братство и любовь)—не добродѣтели и не пороки, это—основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей, или

¹⁾ Собраніе предсказаній о судьбѣ древняго Рима, составленное эритрейскою сивиллою (прорицательницею). При всякомъ крупномъ бѣдствіи, требовавшемъ всенароднаго покаянія, римляне торжественно обращались къ этой книгѣ.

стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность, — и вы получите свирѣпаго орангъ-утана; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, — и изъ него выйдетъ смирное жоко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово «эгоизмъ» не имѣетъ въ себѣ полного содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ, какъ есть любовь грязная, животная, узкая. Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ убивать на словахъ эгоизмъ и подхваливать братство, — оно его не пересилитъ, — а въ томъ, чтобъ сочетать гармонически, свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой.

Какъ существо общежительное, человѣкъ стремится любить, и на это ему вовсе не нужно приказа. Ненавидѣть себя совсѣмъ не нужно. Моралисты считаютъ всякое нравственное дѣйствіе до того противнымъ натурѣ человѣческой, что ставятъ въ великое достоинство всякій добрый поступокъ, и потому-то они братство вмѣняютъ въ обязанность, какъ соблюденіе постовъ, какъ умерщвленіе плоти. Послѣдняя форма религіи рабства основана на раздвоеніи общества и человѣка, на мнимой враждѣ ихъ. До тѣхъ поръ, пока съ одной стороны будетъ - - - - - , а съ другой Люциферъ-Эгоизмъ, будетъ - - - - - , чтобъ ихъ мирить и держать въ уздѣ, будутъ судьи, чтобъ карать, палачи, чтобъ казнить, - - - - - и комиссаръ полиціи, чтобъ сажать въ тѣрьюму.

Гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ навсегда: она *становится* каждымъ періодомъ, почти каждой страной и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть. Мы видѣли, какъ въ иныя эпохи человѣку легко отдаваться средѣ, и какъ въ другія только и можно *сохранить* связь съ разлукой, — отходя, *унося все свое съ собою*. Не въ нашей волѣ измѣнять историческое отношеніе лица къ обществу, да, по несчастію, и не въ волѣ самого общества, но отъ насъ зависитъ быть современными, сообразными нашему развитію, словомъ, *творить* наше поведеніе въ отвѣтъ обстоятельствамъ.

Дѣйствительно, свободный человѣкъ *создаетъ* свою нравственность. Это-то стоики и хотѣли сказать, говоря, что «для мудраго нѣтъ закона». Превосходное поведеніе вчера можетъ быть прескверно сегодня. Незыблемой, вѣчной нравственности такъ же нѣтъ, какъ вѣчныхъ наградъ и наказаній. То, что дѣйствительно незыблемо въ нравственности, сводится на такія всеобщности, что въ нихъ теряется почти все частное, какъ, напр., что всякое дѣйствіе, противное нашимъ убѣжденіямъ, преступно или, какъ ска-

заль Кантъ, что то дѣйствіе безнравственно, которое человѣкъ не можетъ обобщить, возвести въ правило.

Мы въ началѣ статьи совѣтовали не входить въ противорѣчіе съ собою, какъ бы дорого это ни стоило, и перервать сношенія не истинныя, поддерживаемыя (какъ въ «Альфредѣ»¹⁾ Бенжамена Констана) ложнымъ стыдомъ, ненужнымъ самоотверженіемъ.

Таковы ли современные обстоятельства, какъ я ихъ представилъ, или нѣтъ,—это подлежить спору, и, если вы мнѣ докажете противное, я съ благодарностью пожму вашу руку: вы будете мой благодѣтель. Быть можетъ, я увлекся и, мучительно изучая ужасы, дѣлающіеся вокругъ, потерялъ способность видѣть свѣтлое. Я готовъ слушать, я хочу согласиться. Но если обстоятельства таковы, то нѣтъ мѣста спору.

«Итакъ,—скажете вы,—отдаться негодующему бездѣйствію, сдѣлаться чужимъ всему, бесплодно роптать и сердиться, какъ сердятся старики, удалиться со сцены, гдѣ кипитъ и несется жизнь, и доживать свой вѣкъ бесполезнымъ для другихъ и въ тягость себѣ».

Я не совѣтую браниться съ міромъ, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти въ себѣ самой спасеніе даже тогда, когда весь міръ, насъ окружающій, погибъ бы. Я совѣтую взглядѣться, идетъ ли въ самомъ дѣлѣ масса туда, куда мы думаемъ, что она идетъ, и итти съ нею или отъ нея, но зная ея путь; я совѣтую бросить книжныя мнѣнія, которыя намъ привили съ ребячества, представляя людей совсѣмъ иными, нежели они есть. Я хочу прекратить «бесплодный ропотъ и капризное неудовольствіе», хочу примирить съ людьми, убѣдивши, что они не могутъ быть лучше, что вовсе не ихъ вина, что они такіе.

Будетъ ли притомъ такая или другая внѣшняя дѣятельность или никакой не будетъ,—я не знаю, да, въ сущности, это и не важно. Если вы сильнѣе, если въ васъ есть не только что-нибудь годное, но что-нибудь глубоко шевелящее другихъ, оно не пропадетъ,—такова экономія природы. Сила ваша, какъ капля дрожжей, непременно взволнуетъ, заставитъ бродить все, подвергнувшееся ея влиянію; ваши слова, дѣла, мысли займутъ свое мѣсто безъ особенныхъ хлопотъ. Если же у васъ нѣтъ такой силы или есть силы, не дѣйствующія на современнаго человѣка,—и въ этомъ нѣтъ большой бѣды ни для васъ, ни для другихъ. Что мы за вѣчные комедіанты, за публичные мужчины! Мы живемъ не для того, чтобъ занимать другихъ, мы живемъ для себя. Большинство людей, всегда

¹⁾ Описка — «Адольфъ».

практическое, вовсе не печется о недостаткѣ *исторической* дѣятельности.

Вмѣсто того, чтобъ увѣрять народы, что они страстно хотятъ того, что мы хотимъ, лучше было бы подумать, хотятъ ли они на сію минуту чего-нибудь, и, если хотятъ совсѣмъ другое, сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя.

Можетъ, это отрицательное дѣйствіе будетъ началомъ новой жизни. Во всякомъ случаѣ это будетъ добросовѣстный поступокъ.

Парижъ, Hôtel Mirabeau,
3 апрѣля 1850 г.

VII.

Эпилогъ 1849.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer—unerhört.
(Goethe) *Braut v. Corinth*¹⁾.

Проклятiе тебѣ, годъ крови и безумiя, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумiя! Проклятiе тебѣ!

Отъ перваго до послѣдняго дня ты былъ несчастiемъ: ни одной свѣтлой минуты, ни одного покойнаго часа нигдѣ не было въ тебѣ. Отъ возстановленной гильотины въ Парижѣ, отъ буржскаго процесса до кефалонiйскихъ висѣлицъ, поставленныхъ англичанами для дѣтей; отъ пуль, которыми разстрѣливалъ баденцевъ братъ короля прусскаго, отъ Рима, падшаго передъ народомъ, измѣнившимъ челоувѣчеству, до Венгрии, проданной врагу полководцемъ, измѣнившимъ отечеству, — все въ тебѣ преступно, кроваво, гадко, все заклеимлено печатью отверженiя. И это только первая ступень, начало, введенiе, — слѣдующiе годы будутъ и отвратительнѣе, и свирѣпѣе, и пошлѣе...⁵

До какого времени слезъ и отчаянiя мы дожили!.. Голова идетъ кругомъ, грудь ломится; страшно знать, что дѣлается, и страшно

¹⁾ Жертвы падаютъ здѣсь,
Не ягната, не быки,—
Жертвы челоувѣческiя, неслыханныя.

Гете, «Коринская невѣста».

не знать, что еще за неистовство случилось. Лихорадочная злоба подстрекаетъ на ненависть и презрѣніе; униженіе разъѣдаетъ грудь... и хочется бѣжать, уйти... отдохнуть, уничтожиться безслѣдно, безсознательно.

Послѣдняя надежда, которая согрѣвала, поддерживала, — надежда на мечь, на мечь безумную, дикую, ненужную, но которая бы доказала, что въ груди у современнаго человѣка есть сердце, исчезаетъ; душа остается безъ зеленого листа, все облетѣло... и все затихло... мгла и холодъ распространяются... только порой топоръ палача стукнетъ падая, да пуля,—тоже палача,—просвищетъ, отыскивая благородную грудь юноши, разстрѣливаемаго за то, что онъ ввирль въ человѣчество.

И они не будутъ отомщены?..

Развѣ у нихъ не было друга, брата? Развѣ нѣтъ людей, дѣлящихъ ихъ вѣру?.. Все было, только мести не будетъ!

Вмѣсто Марія изъ ихъ праха родилась цѣлая литература застольныхъ рѣчей, демагогическихъ разглагольствованій—мое въ томъ числѣ—и прозаическихъ стиховъ.

Они этого не знаютъ. Какое счастье, что ихъ нѣтъ и что нѣтъ жизни - - - - - . Вѣдь, они вѣрили въ людей, вѣрили, что есть за что умереть, и умерли прекрасно, свято, искупая разслабленное поколѣніе кастратовъ. Мы едва знаемъ ихъ имена. — Убийство Роберта Блума ужаснуло, удивило, потомъ мы обдержались ¹⁾...

Я краснѣю за наше поколѣніе; мы какіе-то бездушные риторы: у насъ кровь холодна, а горячи одни чернилы; у насъ мысль привыкла къ безслѣдному раздраженію, а языкъ—къ страстнымъ словамъ, не имѣющимъ никакого вліянія на дѣло. Мы размышляемъ тамъ, гдѣ надобно разить, обдумываемъ тамъ, гдѣ надобно увлечься, мы отвратительно благоразумны, на все смотримъ свысока, мы все переносимъ, мы занимаемся однимъ *общимъ, идеей, человѣчествомъ*.

«И любимъ мы и ненавидимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви»...

Мы заморили наши души въ отвлеченныхъ и общихъ сферахъ такъ, какъ монахи обезсиливали ее въ мірѣ молитвы и созерцанія. Мы потеряли вкусъ къ дѣйствительности, вышли изъ нея вверхъ такъ, какъ мѣщане вышли внизъ.

¹⁾ Р. Блумъ—нѣмец. политическій дѣятель и писатель. Казнь его послѣ вѣнскаго возстанія возбудила ненависть въ Германіи и покрыла его имя громадной популярностью, такъ какъ членъ парламента не могъ быть казненъ по приказу военнаго суда.

А вы что дѣлали, революціонеры, испугавшіеся революціи? Политическіе шалуны, паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство, вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ, одѣвались шутами съ пистолетами и саблями, цѣломудренно радовались, что заявленные злодѣи, удивляясь, что живы, хвалили ваше милосердіе. Вы ничего не предупредили, ничего не предвидѣли. А тѣ, *лучшіе изъ васъ*, заплатили головой за ваше безуміе. Учитесь теперь у вашихъ враговъ, которые васъ побѣдили, потому что они умнѣе васъ. Посмотрите, боятся ли они реакціи, боятся ли они итти слишкомъ далеко, замарать себѣ кровью руки?! Они по локоть, по горло въ крови. Погодите немного: они васъ всѣхъ переказнятъ,—вы не далеко ушли; да что, переказнятъ,—они васъ пересѣкутъ всѣхъ.

Меня просто ужасаетъ современный человѣкъ. Какая безчувственность и ограниченность, какое отсутствіе страсти, негодованія, какая слабость мысли, какъ скоро стынетъ въ немъ порывъ, какъ рано изношено въ немъ увлеченье, энергія, вѣра въ собственное дѣло! И гдѣ? Чѣмъ? Когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успѣли потерять силы? Они растлились въ школѣ, гдѣ ихъ одурачили; они истаскались въ пивныхъ лавкахъ, въ студентской одичалости; они ослабли отъ маленькаго, грязнаго разврата; родившіеся, вырощенные въ больничномъ воздухѣ, они мало принесли силъ и завяли потомъ, прежде, нежели расцвѣли; они истощились не страстями, а страстными мечтами. И тутъ, какъ всегда, литераторы, идеалисты, теоретики, они мыслью постигли развратъ, они прочитали страсть. Право, иной разъ становится досадно, что человѣкъ не можетъ перечислиться въ другой родъ звѣрей... разумѣтся, быть осломъ, лягушкой, собакой пріятнѣе, честнѣе и благороднѣе, нежели человѣкомъ XIX вѣка.

Винить не кого: это не ихъ, не наша вина, это — несчастіе рожденія тогда, когда цѣлый міръ умираетъ!

Одно утѣшеніе и остается: весьма вѣроятно, что будущія поколѣнія вырождаются еще больше, еще больше обмельютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ; имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны, и наши мысли будутъ непоняты. Народы, какъ царскіе дома, передъ паденіемъ тупѣютъ; ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума,—какъ эти Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедши въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая въ ростѣ, искажившаяся въ чертахъ... и мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ,

безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей.

А тамъ?

А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное не устроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди юныхъ народовъ, и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи.

Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать социальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей...

Вѣчная игра жизни, безжалостная, какъ смерть, неотразимая, какъ рожденіе, *corsi e ricorsi* исторіи, *perpetuum mobile* жизни!

Къ концу XVIII вѣка европейскій Сизифъ докатилъ тяжелый камень свой, составленный изъ развалинъ и осколковъ трехъ разнородныхъ міровъ, до вершины; камень качнулся въ сторону, въ другую, казалось, хотѣлъ установиться,—не тутъ-то было; онъ перекатился и сталъ тихо, незамѣтно склоняться; быть можетъ, онъ запнулся бы за что-нибудь, остановился бы съ помощью такихъ тормазовъ и пороговъ, какъ представительное правленіе, конституціонная монархія, потомъ вывѣтривался бы вѣка цѣлые, принимая всякую перемѣну за совершенствованіе и всякую перестановку за развитіе,—такъ, какъ этотъ европейскій Китай, называемый Англійей, такъ, какъ это допотопное государство, стоящее между допотопныхъ горъ, называемое Швейцаріей. Но для этого надобно было, чтобъ вѣтеръ не вѣялъ, чтобъ не было ни толчка, ни потрясенія, но вѣтеръ повѣялъ, и толчекъ пришелъ. Февральская буря потрясла всю наслѣдственную почву. Буря юнскихъ дней окончательно сдвинула весь римско-феодальный наплывъ, и онъ понесся подъ гору съ усиливающейся быстротою, ломая по дорогѣ все встрѣчное и ломаясь самъ въ осколки... А бѣдный Сизифъ смотритъ и не вѣрится своимъ глазамъ; лицо его осунулось, потъ устали смѣшался съ потомъ ужаса; слезы отчаянія, стыда, безилія, досады остановились на глазахъ; онъ такъ вѣрилъ въ совершенствованіе, въ человѣчество, онъ такъ философски, такъ умно и учено уповалъ на современнаго человѣка. И, все-таки, обманулся.

Французская революція и германская наука—геркулесовскіе

столбы міра европейскаго. За ними по другую сторону открывается океанъ, виднѣется новый свѣтъ, что-то другое, а не исправленное изданіе старой Европы. Они сулили міру освобожденіе отъ церковнаго насилія, отъ гражданскаго рабства, отъ нравственнаго авторитета. Но, провозглашая искренно свободу мысли и свободу жизни, люди переворота не сообразили всю несовмѣстность ея съ католическимъ устройствомъ Европы. Отречься отъ него они еще не могли. Чтобъ итти впередъ, имъ пришлось свернуть свое знамя, измѣнить ему, имъ пришлось дѣлать уступки.

Руссо и Гегель—христіане.

Робеспьеръ и С.-Жюсть—монархисты.

Германская наука—спекулятивная религія; республика конвента—пентархическій абсолютизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церковь. Вмѣсто символа вѣры явились гражданскіе догматы. Собраніе и правительство священнодѣйствовали мистерію народнаго освобожденія. Законодатель сдѣлался жрецомъ, прорицателемъ и возвѣщалъ добродушно и безъ ироніи неизмѣнные, непогрѣшительные приговоры во имя самодержавія народнаго.

Народъ, какъ разумѣется, оставался по-прежнему «міряниномъ», *управляемымъ*; для него ничего не измѣнилось, и онъ присутствовалъ при политическихъ литургіяхъ, такъ же ничего не понимая, какъ при религіозной.

Но страшное имя *Свободы* замѣшалось въ мірѣ привычки, обряда и авторитета. Оно запало въ сердца, оно раздалось въ ухахъ и не могло оставаться страдательнымъ; оно бродило, разъѣдало основы общественнаго зданія,—лиха бѣда была привиться въ одной точкѣ, разложить одну каплю старой крови. Съ этимъ ядомъ въ жилахъ нельзя спасти ветхое тѣло. Сознаніе близкой опасности сильно выразилось послѣ безумной эпохи императорства; всѣ глубокіе умы того времени ждали катаклизмъ, боялись его. Легитимистъ Шатобріанъ и Ламеннэ, тогда еще аббатъ, указывали его. Кровавый террористъ католицизма, де-Местръ, боясь его, подавалъ одну руку палѣ, другую палачу. Гегель подвязывалъ паруса своей философіи, такъ гордо и свободно плившей по морю логики, боясь далеко уплыть отъ береговъ и быть захваченному шкваломъ. Нибуръ, томимый тѣмъ же пророчествомъ, умеръ, увидя 1830 г. и іюльскую революцію. Цѣлая школа образовалась въ Германіи, мечтавшая остановить будущее прошедшимъ, трупомъ отца припереть дверь новожденному.—*Vanitas vanitatum!* ¹⁾

Два исполина пришли, наконецъ, торжественно заключить историческую фазу.

¹⁾ Суета суетъ!

Старческая фигура Гете, не дѣлящая интересовъ, кипящихъ вокругъ, отчужденная отъ среды, стоитъ спокойно, замыкая два прошедшихъ у входа въ нашу эпоху. Онъ тяготитъ надъ современниками и примиряетъ съ былымъ. Старецъ былъ еще живъ, когда явился и исчезъ единственный поэтъ XIX столѣтія ¹⁾. Поэтъ сомнѣнія и негодованія, духовникъ, палачъ и жертва вмѣстѣ, онъ наскоро прочелъ скептическую отходную дряхлому міру и умеръ 37 лѣтъ въ возрождавшейся Греціи, куда бѣжалъ, чтобы только не видѣть «береговъ своей родины».

За нимъ замолкло все. И никто не обратилъ вниманія на бесплодность вѣка, на совершенное отсутствіе творчества. Сначала онъ еще былъ освѣщенъ заревомъ XVIII столѣтія, онъ блисталъ его славой, гордился его людьми. По мѣрѣ, какъ эти звѣзды другого неба заходили, сумерки и мгла падали на все; повсюду безсиліе, посредственность, мелкость и едва замѣтная полоска на востокѣ, намекающая на дальнее утро, передъ наступленіемъ котораго разразится не одна туча.

Явились пророки, наконецъ, возвѣщающіе близкое несчастье и дальнее искупленіе. На нихъ смотрѣли, какъ на юродивыхъ; ихъ новый языкъ возмущалъ, ихъ слова принимались за бредъ. Толпа не хочетъ, чтобы ее будили, она проситъ одного—чтобы ее оставили въ покоѣ съ ея жалкимъ бытомъ, съ ея пошлыми привычками; она хочетъ, какъ Фридрихъ II, умереть, не мѣняя грязнаго бѣлья. Ничто въ мірѣ не могло такъ удовлетворить этому скромному желанію, какъ мѣщанская монархія.

Но разложеніе шло своимъ чередомъ, «подземный кротъ» работалъ неутомимо. Всѣ власти, всѣ учрежденія были раздѣаемы скрытымъ ракомъ; 24 феврала 1848 г. болѣзнь сдѣлалась острой изъ хронической. Французская республика была возвѣщена міру трубою послѣдняго суда. Нemoшь, хилость стараго общественнаго устройства становились очевидны, все стало распускаться, развязываться, все перемѣшалось и именно держится на этой путаницѣ. Революціонеры сдѣлались консерваторами, консерваторы—анархистами; республика убила послѣднія свободныя учрежденія, уцѣлѣвшія при короляхъ; родина Вольтера бросилась въ ханжество. Всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ...

Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ: это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслью, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу пе-

¹⁾ Байронъ.

редъ темной ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются такъ скоро, что ихъ совершеніе такъ неотразимо...

Прощай, отходящій міръ, прощай, Европа!

А мы что сдѣлаемъ изъ себя?

...Послѣднія звенья, связующія два міра, не принадлежащія ни къ тому, ни къ другому; люди, отвязавшіеся отъ рода, разлученные со средою, покинутые на себя; люди не нужные, потому что не можемъ дѣлать ни дряхлости однихъ, ни младенчества другихъ,— намъ нѣтъ мѣста ни за однимъ столомъ. Люди отрицанія для прошедшаго, люди отвлеченныхъ построений въ будущемъ, мы не имѣемъ достоянія ни въ томъ, ни въ другомъ, и въ этомъ равно свидѣтельство нашей силы и ея ненужности.

Итти бы прочь... Своею жизнью начать освобожденіе, протестъ, новый бытъ... Какъ будто мы, въ самомъ дѣлѣ, такъ свободны отъ стараго? Развѣ наши добродѣтели и наши пороки, наши страсти и, главное, наши привычки не принадлежатъ этому міру, съ которымъ мы развелись только въ убѣжденіяхъ?

Что же мы сдѣлаемъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ,—мы, которые не можемъ провести утра, не прочитаемъ пяти журналовъ, мы, у которыхъ только и осталось поэзіи въ боѣ со старымъ міромъ? Сознаемся откровенно, мы—плохіе Робинзоны.

Развѣ ушедшіе въ Америку не снесли съ собою туда старую Англію?

И развѣ вдали мы не будемъ слышать стоны? развѣ можно отвернуться, закрыть глаза, заткнуть уши, преднамѣренно не знать, упорно молчать, т. е. признаться побѣжденнымъ, сдаться? Это невозможно! Наши враги должны знать, что есть независимые люди, которые ни за что не поступятъ свободной рѣчью, пока топоръ не прошелъ между ихъ головой и туловищемъ, пока веревка имъ не стянула шею.

Итакъ, пусть раздастся наше слово!

...А кому говорить?.. о чемъ?—я, право, не знаю, только это сильнѣ меня...

Цюрихъ, 21 декабря 1849 г.

VIII.

Доносо-Кортесъ, маркизь Вальдегамасъ ¹⁾, и Юліанъ, императоръ римскій.

У консерваторовъ есть глаза, только они не видятъ. Больше скептики, нежели апостоль Ѳома, они трогаютъ пальцемъ рану и не вѣрятъ ей.

«Вотъ,—говорятъ они сами,—страшные успѣхи общественной гангрены, вотъ духъ отрицанія, вѣющій разложеніемъ, вотъ демонъ революціи, потрясающій послѣднія основы вѣкового зданія государственнаго... вы видите—міръ нашъ разрушается, гибнетъ, увлекающая съ собой образованіе, учрежденія, все выработанное имъ... смотрите, одна нога его уже въ могилѣ».

И заключаютъ потомъ: «удвоимте же силу правительства войскомъ, возвратимте людей къ вѣрованіямъ, которыхъ у нихъ нѣтъ: дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго міра».

Спасать міръ воспоминаніями, насиліемъ! Міръ спасается «благою вѣстью», а не подогрѣтой религіей; онъ спасается *словомъ*, носящимъ въ себѣ зародышъ новаго міра, а не воскресеніемъ изъ мертвыхъ стараго.

Упрямство, что ли, это съ ихъ стороны, недостатокъ пониманія, или страхъ передъ мрачнымъ будущимъ смущаетъ ихъ до того, что они видятъ только то, что гибнетъ, привязаны только къ прошедшему, опираются только на развалины или на стѣны, готовые рухнуть? Какой хаосъ, какой недостатокъ послѣдовательности въ понятіяхъ современнаго человѣка!

По крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ было какое-нибудь единство, безуміе было эпидемическое, и его мало замѣчали, весь свѣтъ былъ въ заблужденіи, были общія данныя, большей частью нелѣпыя, но принятыя всѣми. Въ наше время совсѣмъ не такъ: предразсудки римскаго міра рядомъ съ предразсудками среднихъ вѣковъ, Евангеліе и политическая экономія, Лойола и Вольтеръ, идеализмъ на словахъ, матеріализмъ на дѣлѣ; отвлеченная риторическая нравственность и поведеніе, прямо противоположное ей. Эта разнородная масса понятій обживаетъ въ нашемъ умѣ безъ порядка. Достигнувъ совершеннolѣтія, мы слишкомъ заняты, слишкомъ лѣнны,

¹⁾ Хуанъ-Франциско-Марія де ла Солудъ-Доносо-Кортесъ, маркизь де Вальдегамасъ, испанскій государственный дѣятель.

а, можетъ, и слишкомъ трусы; чтобъ подвергнуть строгому суду наши нравственныя заповѣди,—такъ дѣло и остается въ сумеркахъ.

Это смѣшеніе понятій нигдѣ не идетъ дальше, какъ во Франціи. Французы вообще лишены философскаго воспитанія; они съ большою проницательностью овладѣваютъ выводами, но овладѣваютъ ими односторонне; ихъ выводы остаются разобщенными, безъ единства ихъ связывающаго, даже безъ приведенія ихъ къ одному уровню; отсюда противорѣчія на каждомъ шагу, отсюда необходимость, говоря съ ними, возвращаться къ давнымъ давно извѣстнымъ началамъ и повторять за новость истины, сказанныя Спинозой или Бэкономъ.

Такъ какъ выводы берутся ими безъ корня, то и нѣтъ ничего положительно пріобрѣтеннаго у нихъ, оконченнаго... ни въ наукѣ, ни въ жизни... оконченнаго въ томъ смыслѣ, въ которомъ окончены четыре правила ариѳметики, нѣкоторыя наукообразныя начала въ Германіи, нѣкоторыя основанія права въ Англіи. Тутъ отчасти причина той легкости перемѣнъ и перехода изъ одной крайности въ другую, которая такъ удивляетъ насъ. Поколѣніе революціонеровъ дѣлается абсолютистами; послѣ ряда революцій снова спрашивается, слѣдуетъ ли признать права человѣка, можно ли судить внѣ законныхъ формъ, должно ли терпѣть свободу книгопечатанія?... Изъ этихъ вопросовъ, возвращающихся послѣ cadaго потрясенія, очевидно, что ничего не обсуждено, не принято въ самомъ дѣлѣ.

Этой путаницѣ въ наукѣ Кузень далъ систематическую организацію подъ именемъ эклектизма (т. е. хорошаго понемножку). Въ жизни она равно дома у радикаловъ и у легитимистовъ, особенно у *умѣренныхъ*, т. е. у людей, не знающихъ, ни чего *они хотятъ*, ни чего *не хотятъ*.

Всѣ роялистскія и католическія газеты въ одинъ голосъ не перестаютъ восторгаться рѣчью Доноса-Кортеса, произнесенной въ Мадридѣ, въ засѣданіи кортесовъ. Рѣчь эта, дѣйствительно, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Доносо-Кортесъ необычайно вѣрно оцѣнилъ страшное положеніе настоящихъ европейскихъ государствъ; онъ понялъ, что они находятся на краю пропасти, накануне неминуемаго рокового катаклизма. Картина, начерченная имъ, страшна своей правдой. Онъ представляетъ Европу, сбившуюся съ толку, безсильную, быстро увлекаемую въ гибель, умирающую отъ неустройства, и съ другой стороны, славянскій міръ, готовый хлынуть на міръ германо-романскій. Онъ говоритъ: «Не думайте, что катастрофа тѣмъ и кончится; славянскія племена въ отношеніи къ западу не то, что были германцы въ отношеніи римлянъ...

Славяне давно уже въ соприкосновеніи съ революціей... Россія среди покоренной и валяющейся въ прахѣ Европы воссетъ всѣми порами ядъ, которымъ она уже упивалась и который ее убьетъ; она разложится тѣмъ же гніеніемъ. Я не знаю, какія врачеванія приготовлены у Бога противъ этого всеобщаго разложенія».

Въ ожиданіи этого божественнаго снадобья, знаете ли, что предлагаетъ нашъ мрачный пророкъ, такъ страшно и мѣтко начертавшій образъ грядущей смерти? Намъ совѣстно повторять. Онъ думаетъ, что, если-бъ Англія возвратилась къ католицизму, то вся Европа могла бы быть спасена папой, монархической властью и войскомъ. Онъ хочетъ отвести грозное будущее, отступая въ невозможное прошедшее.

Намъ что-то подозрительна патологія маркиза Вальдегамасъ.⁶ Или опасность не такъ велика, или средство слабо. Монархическое начало вездѣ возстановлено, войска вездѣ имѣютъ верхъ; церковь, по собственнымъ словамъ Доноса-Кортеса и его друга Монталамбера¹⁾, торжествуетъ, Тьеръ сдѣлался католикомъ — словомъ, трудно желать больше притѣсненій, гоненій, реакцій, а спасеніе не приходитъ. Неужели оттого, что Англія находится въ грѣховномъ отщепленіи?

Всякій день обвиняютъ социалистовъ, что они сильны только въ критикѣ, въ обличеніи зла, въ отрицаніи. Что скажете теперь объ анти-соціальныхъ врагахъ нашихъ?

...Въ довершеніе нелѣпости редакція одного журнала, чрезвычайно *блѣлаю*²⁾, помѣстила въ томъ же номерѣ съ преувеличенными похвалами рѣчи Доносо-Кортеса и отрывки изъ небольшой исторической компиляціи, довольно посредственно сдѣланной, въ которой говорится о первыхъ вѣкахъ христіанства, объ Юліанѣ-Отступникѣ и которая торжественно разрушаетъ разсужденіе нашего маркиза.

Доносо-Кортесъ становится совершенно на ту же почву, на которой стояли тогда римскіе консерваторы. Онъ видѣлъ, какъ тѣ видѣли, разложеніе того общественнаго порядка, который его окружаетъ; его обнимаетъ ужасъ,—и это очень естественно: есть чего испугаться; онъ хочетъ, какъ они хотѣли, во что бы ни стало, спасти его и не находитъ другого средства, какъ останавливая грядущее, отводя его,—какъ будто оно не естественное послѣдствіе уже существующаго.

¹⁾ Шарль, графъ, одинъ изъ наиболѣе блестящихъ защитниковъ либеральнаго католицизма.

²⁾ «Constitutionnel».

Онъ отправляется, какъ римляне, отъ общей данной, совершенно ошибочной, отъ не оправданнаго предположенія, отъ произвольнаго мнѣнія. Онъ увѣренъ, что настоящія формы общественной жизни—такъ, какъ онѣ выработались подъ вліяніемъ римскаго, германскаго, христіанскаго начала,—единственно возможныя. Какъ будто древній міръ и современный востокъ не представляютъ уже, съ своей стороны, жизнь общественную, основанную совсѣмъ на другихъ началахъ,—можетъ, низшихъ, но необычайно прочныхъ.

Доносо-Кортесъ предполагаетъ далѣе, что *образование* не можетъ развиваться иначе, какъ въ современныхъ европейскихъ формахъ. Легко сказать съ Доносо-Кортесомъ, что древній міръ имѣлъ *культуру*, а не *цивилизацию* («le monde ancien a été cultivé et non civilisé»); подобныя тонкости имѣютъ только успѣхъ въ богословскихъ преніяхъ. Римъ и Греція были очень *образованы*, ихъ образование было, такъ же, какъ европейское, образование меньшинства,—ариѳметическое различіе тутъ ничего не значить,—а между тѣмъ въ ихъ жизни не доставало главнѣйшаго элемента—католицизма!

Доносо-Кортесъ, вѣчно обращенный спиною къ будущему, видитъ одно разложеніе, гніеніе и потомъ нашествіе русскихъ, и потомъ варварство. Пораженный этой страшной судьбой, онъ ищетъ средствъ спасенія, точку опоры, что-нибудь твердое, здоровое въ этомъ мірѣ агоніи и ничего не находитъ. Онъ обращается за помощью къ нравственной смерти и къ физической— - - - -

Что же это за общественное устройство, которое надобно спасать такими средствами, и какое бы оно ни было, стоитъ ли оно выкупа этой цѣной?

Мы согласны съ Доносо-Кортесомъ, что Европа въ той формѣ, въ которой она находится теперь, разрушается. Соціалисты съ самаго перваго появленія своего постоянно говорили это, въ этомъ согласны всѣ они. Главное различіе между ними и политическими революціонерами состоитъ въ томъ, что послѣдніе хотятъ переправлять и улучшать существующее, оставаясь на прежней почвѣ, въ то время, какъ соціализмъ отрицаетъ полнѣйшимъ образомъ весь старый порядокъ вещей съ его правомъ и представительствомъ, съ его церковью и судомъ, съ его гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ, — вполне отрицаетъ такъ, какъ христіане первыхъ вѣковъ отрицали міръ римскій.

Такое отрицаніе—не капризъ больного воображенія, не личный вопль человѣка, оскорбленнаго обществомъ, а смертный приговоръ ему, предчувствіе конца, сознаніе болѣзни, влекущей дряхлый міръ къ гибели и къ возрожденію въ иныхъ формахъ. Сове-

менное государственное устройство падеть подъ протестомъ социализма; силы его истощены: что оно могло дать, оно дало; теперь оно поддерживается на счетъ собственной крови и плоти, оно не въ состояніи ни дальше развиваться, ни остановить развитіе; ему нечего ни сказать, ни дѣлать, и оно свело всю дѣятельность на консерватизмъ, на отстаиваніе своего мѣста.

Остановить исполненіе судебъ до нѣкоторой степени возможно: исторія не имѣеть того строгаго, неизмѣннаго предназначенія, о которомъ учать католики и проповѣдуютъ философы, въ формулу ея развитія входитъ много измѣняемыхъ началъ,—во-первыхъ, личная *воля* и *мощь*.

Можно сбить съ пути цѣлое поколѣніе, ослѣпить его, свести съ ума, направить къ ложной цѣли,—Наполеонъ доказалъ это.

Реакція даже и этихъ средствъ не имѣеть; Доносо-Кортесъ ничего не нашель, кромѣ католической церкви и монархической казармы. Такъ какъ *вѣрнуть или не вѣрнуть* не зависитъ отъ произвола... остается насиліе, страхъ, гоненіе, казни.

...Много прощается развитію, прогрессу; но тѣмъ не менѣе, когда терроръ дѣлается во имя успѣха и свободы, — онъ по справедливости возмутилъ всѣ сердца. И этимъ-то средствомъ хочеть воспользоваться реакція для того, чтобъ поддержать тотъ существующій порядокъ, котораго дряхлость и разложеніе засвидѣтельствованы съ такой энергіей нашимъ ораторомъ. Накликаютъ терроръ не для того, чтобъ итти впередъ, а для того, чтобъ итти назадъ; хотя убить ребенка, чтобъ прокормить отходящаго старика, чтобъ возвратитъ ему на минуту утраченныя силы.

Сколько надобно пролить крови, чтобъ возвратиться къ счастливымъ временамъ Нантскаго эдикта и испанской инквизиціи. Мы не думаемъ, чтобъ задержать ходъ человѣчества на минуту было невозможно, но оно невозможно безъ варѳоломеевскихъ ночей. Надобно уничтожить, избить, сослать, бросить въ тюрьму все энергическое нашего поколѣнія, все мыслящее, дѣятельное; надобно народъ еще глубже отодвинуть въ невѣжество, взять все сильное въ немъ въ рекруты; надобно пройти нравственнымъ дѣтоубійствомъ цѣлаго поколѣнія,—и все это для того, чтобъ спасти истощенную общественную форму, которая не удовлетворяетъ *ни васъ, ни насъ*.

Но въ чемъ же состоитъ въ такомъ случаѣ разница между русскимъ варварствомъ и католической цивилизаціей?

Пожертвовать тычячи людей, развитіе цѣлой эпохи какому-то Молоху государственнаго устройства, какъ будто оно—и вся цѣль нашей жизни... Думали ли вы объ этомъ, человѣколюбивые христіане? Жертвовать другими, имѣть за нихъ самоотверженіе слыш-

----- . Все это держится на одной и той же основѣ, на той же краугольной ошибкѣ, которая стоила людямъ столько слезъ и столько крови: все это идетъ отъ презрѣнія земли и временнаго, отъ поклоненія небу и вѣчному, отъ неуваженія лицъ и поклоненія государству, отъ всѣхъ этихъ сентенцій въ родѣ *Salus populi suprema lex* ¹⁾, *pereat mundus et fiat justitia* ²⁾, отъ которыхъ страшно пахнетъ жженымъ тѣломъ, кровью, инквизиціей, пыткой и вообще *торжествомъ порядка*.

Но зачѣмъ же Доносо-Кортесъ забылъ третьяго - - - , третьяго - - - - - падающихъ государствъ—*палача*? Не оттого ли, что палачъ все больше и больше смѣшивается съ - - - - - , благодаря роли, которую его заставляютъ играть?

Всѣ добродѣтели, уважаемая Доносо-Кортесомъ, скромно соединены въ палачѣ и притомъ въ высшей степени: покорность власти, слѣпое исполненіе и самоотверженіе безъ предѣловъ. Ему не нужно ни вѣры - - - - - , ни одушевленія - - - - - . Онъ убиваетъ хладнокровно, разсчитанно, безопасно, какъ законъ, во имя общества, во имя порядка. Онъ вступаетъ въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ и постоянно выходитъ побѣдителемъ, потому что рука его опирается на все государство. Онъ не имѣетъ гордости - - - - - , честолюбія - - - - - , онъ не ждетъ награды ни отъ Бога, ни отъ людей; ему нѣтъ ни славы, ни почета на землѣ, рай ему не обѣщанъ на небѣ; онъ жертвуетъ всѣмъ: именемъ, честью, своимъ достоинствомъ, онъ прячется отъ глазъ людскихъ, и все это для торжественнаго наказанія враговъ общества.

Отдадимъ справедливость человѣку общественной мести и скажемъ, подражая нашему оратору: «палачъ гораздо ближе къ - - - - - , нежели думаютъ».

Палачъ играетъ великую роль всякій разъ, когда надобно распинать «новаго человѣка» или обезглавить старый коронованный призракъ... Мэстръ не забылъ объ немъ, говоря о папѣ.

...И вотъ - - - - - вспомнился мнѣ отрывокъ о гоненіяхъ первыхъ христіанъ. Прочтите его или, еще лучше, возьмите писанія первыхъ отцовъ, Тертуллиана и кого-нибудь изъ римскихъ консерваторовъ. Какое сходство съ современной борьбой,—тѣ же страсти, та же сила съ одной стороны и тотъ же отпоръ—съ другой, даже выраженія тѣ же.

Читая обвиненія христіанъ Цельса или Юліана въ безнравственности, въ безумныхъ утопіяхъ, въ томъ, что они убиваютъ

¹⁾ Спасеніе народа—высшій законъ.

²⁾ Да погибнетъ міръ, но свершится правосудіе.

дѣтей и развращаютъ большихъ, что они разрушаютъ государство, религію и семью,—такъ и кажется, что это premier-Paris «Constitutionnel'я» или «Assemblée nationale», только умнѣ написанный.

Если друзья порядка въ Римѣ не проповѣдывали избіеніе и рѣзню «назареевъ», то это только оттого, что языческой міръ былъ болѣе человѣчественъ, не такъ духовенъ, менѣе нетерпимъ, нежели католическое мѣщанство. Древній Римъ не зналъ сильныхъ средствъ, изобрѣтенныхъ западной церковью, такъ успѣшно употребленныхъ въ избіеніи альбигойцевъ, въ Варооломеевскую ночь, во славу которой до сихъ поръ оставлены фрески въ Ватиканѣ, представляющія богобоязненное очищеніе парижскихъ улицъ отъ гугенотовъ,—тѣхъ самыхъ улицъ, которыя мѣщане годъ тому назадъ такъ усердно очищали отъ социалистовъ. Какъ бы то ни было, духъ одинъ, и разница часто зависитъ отъ обстоятельствъ и личностей. Впрочемъ, эта разница въ нашу пользу: сравнивая донесенія Бошара ¹⁾ съ донесеніемъ Плинія Младшаго, великодушіе цезаря Траяна, имѣвшаго отвращеніе отъ доносовъ на христіанъ, и неумытность цезаря Кавеньяка, который не раздѣлялъ этого предразсудка относительно социалистовъ, мы видимъ что умирающій порядокъ дѣлалъ до того уже плохъ, что онъ не можетъ найти себѣ такихъ защитниковъ, какъ Траянъ, ни такихъ секретарей слѣдственной комиссіи, какъ Плиній.

Общія полицейскія мѣры были тоже сходны. Христіанскіе клубы закрывались солдатами, какъ только доходили до свѣдѣнія властей; христіанъ осуждали, не слушая ихъ оправданій; придирались къ нимъ за мелочи, за наружные знаки, отказывая въ правѣ изложить свое ученіе. Это возмущало Тертуллиана, какъ теперь всѣхъ насъ, и вотъ причина его апологетическихъ писемъ къ римскому сенату. Христіанъ отдають на сѣденіе дикимъ звѣрямъ, замѣнявшимъ въ Римѣ полицейскихъ солдатъ. Пропаганда усиливается; унижительныя наказанія не унижаютъ,—напротивъ, осужденные становятся героями, какъ буржскіе «каторжные» ²⁾.

Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ, величайшій защитникъ порядка, религіи и государства, Діоклетіанъ, рѣшилъ нанести страшный ударъ мятежному ученію: онъ мечомъ и огнемъ пошелъ на христіанъ.

Чѣмъ же все это кончилось? Что сдѣлали консерваторы съ своей цивилизаціей (или культурой?), съ своими легіонами, съ своимъ законодательствомъ, ликторами, палачами, дикими звѣрями, убійствами и прочими ужасами?

¹⁾ Александръ, адвокатъ; въ 1848 г. былъ избранъ монархистами въ національное собраніе.

²⁾ Бланки, Распайль, Барбесъ и пр.,—процессъ 15 мая 1848.—А. И. Г.

Они только дали доказательство, до какой степени можетъ дойти свирѣпость и звѣрство консерватизма, что за страшное орудіе солдатъ, слѣпо повинующійся судѣ, который изъ него дѣлаетъ палача, и съ тѣмъ вмѣстѣ доказали еще яснѣе всю несостоятельность этихъ средствъ противъ *слова*, когда пришло его время.

Замѣтимъ даже, что иной разъ древній міръ былъ правъ противъ христіанства, которое подрывало его - - - - - .
- - - - - . Можетъ, и наши консерваторы иногда правы въ своихъ нападкахъ на отдѣльныя соціальныя ученія... но къ чему имъ послужила ихъ правота? Время Рима проходило, время Евангелія наступало!

И всѣ эти ужасы, кровопролитія, мясничества, гоненія привели къ извѣстному крику отчаянія умнѣйшаго изъ реакціонеровъ, Юліана Отступника, къ крику: *Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!*¹⁾

◆◆ 1. По разсказу М. Мейзенбургъ, 31 декабря 1854 г. у Герцена была устроена елка. Праздникъ былъ международный: были русскіе, поляки, нѣмцы, французы, итальянцы, англичане, и всѣ представлены видными людьми. Въ полночь Герценъ подарилъ своему сыну русской экземпляръ «Съ того берега», прочитавъ ему вслухъ свое посвященіе. «Юноша со слезами бросился въ объятія отца. Мы всѣ были растроганы... Ночь была прозрачная и звѣздная... Мы вышли въ паркъ, такъ какъ наше приподнятое настроеніе смѣнилось веселостью, молодежь веселилась и играла при лунномъ свѣтѣ, а серьезные люди прохаживались, разговаривая между собою. Мы пробыли вмѣстѣ три дня. Герценъ все время былъ въ прекрасномъ расположеніи духа; какъ любезный хозяинъ, онъ былъ неподра-

1) Рѣчь Доноса-Кортеса, испанскаго посланника сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Парижѣ, была напечатана въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ на счетъ знаменитаго своей ничтожностью и истраченными на вздоръ суммами общества улицы Пуатье^{о)}. Я тогда былъ на время въ Парижѣ и въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ журналомъ Прудона. Редакторы предложили мнѣ написать отвѣтъ; Прудонъ былъ доволенъ имъ; зато «Patrie» разгнѣвалась и вечеромъ, повторивъ сказанное «о третьемъ защитникѣ общества», спрашивала прокурора *республики*, будетъ ли онъ преслѣдовать статью, въ которой ставятъ солдата на одну доску съ палачомъ, а палача называютъ *палачомъ* (bourgeau), а не исполнителемъ верховныхъ судебъ (exécuteur des hautes oeuvres) и пр. Доносъ полицейскаго журнала имѣлъ свое дѣйствіе: черезъ день не оставалось въ редакціи ни одного нумера отъ *сорока тысячъ*—обыкновеннаго тиража «Voix du Peuple»—А. И. Г.

о) «Главный штабъ» воинствующихъ роялистовъ.

жаемъ. Всѣ были въ восхищеніи отъ его дома, утверждая, что никогда не приходилось встрѣчать такого чарующаго гостепріимства. Одна изъ дамъ, которую я провожала на вокзалъ, сказала мнѣ съ истиннымъ восторгомъ: «Герценъ, это — что-то божественное!» (*Mémoires d'une idéaliste*, II, 54—57).

2. Въ XXIX гл. «Былого и думъ» Герценъ говоритъ, что однимъ изъ разговоровъ его съ И. П. Галаховымъ начинается «Съ того берега». Нѣтъ сомнѣнія, что это именно и есть глава «Передъ грозой». Въ главѣ «Vixerunt!» снова выступаетъ тотъ же собесѣдникъ, но былъ ли подобный разговоръ съ Галаховымъ, сказать утвердительно нельзя: послѣдній разъ друзья видѣлись осенью 1847 г., значитъ, могла быть только письменная бесѣда.

3. Это посвященіе обращено къ тѣмъ, съ кѣмъ Герценъ пережилъ въ Парижѣ іюньскіе дни 1848 г. и кого съ болью проводилъ въ Россію: къ А. А., Е. А. и Н. А. Тучковымъ, М. Θ. Коршъ и П. В. Анненкову ¹⁾. Въ одинъ и тотъ же день всѣ они вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ и И. В. Селивановымъ слушали пѣніе Рашель, о которомъ Тургеневъ упомянулъ въ «Человѣкѣ въ сѣрыхъ очкахъ».

4. Для не знающихъ республиканскій календарь въ Франціи полезна справка о немъ. Въ 1793 г. было постановлено измѣнить прежнее лѣтосчисленіе и началомъ года считать 22 сентября; годъ былъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней, вмѣсто недѣли введена декада (10 дней). Названія мѣсяцевъ: осеннихъ—вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ; зимнихъ—нивозъ, плювіозъ, вантозъ; весеннихъ—жерминаль, флореаль, преріаль и лѣтнихъ—мессидоръ, термидоръ, и фрюктидоръ. Новый календарь существовалъ до 1 января 1806 г., когда Наполеономъ былъ отмѣненъ. Республиканцы и позже его не оставили. Новая эра считалась съ 22 сентября 1792 года; поэтому указывается Герценомъ 57-я годовщина приходилась на 22 сентября 1848 г. Указанная Герценомъ дата «октябрь»—описка: слѣдуетъ читать «сентябрь».

5. На островѣ Кефалонія въ 1848 и 1849 гг. произошло возстаніе туземцевъ противъ Англии, и послѣдняя для подавленія ихъ примѣняла самые ужасные приемы, включительно до массоваго вѣшанія, даже дѣтей.

Великій герцогъ баденскій Леопольдъ приказалъ разстрѣлять до 30 человѣкъ, организовавшихъ возстаніе 1849 года.

Въ апрѣлѣ 1849 т. въ Чивиттавеккии высадился небольшой отрядъ французовъ, заявившій, что пришелъ спасти страну отъ

¹⁾ Г. Вѣтринскій ошибается, думая, что—и Тургеневу («Чась», 1908, № 88): послѣдній оставался тогда въ Европѣ.

австрійцевъ и неаполитанцевъ. Римскіе республиканцы не желали воспользоваться помощью, шедшею отъ Луи-Наполеона, но въ концѣ концовъ, послѣ упорнаго сопротивленія, французы взяли Римъ и возстановили власть папы Пія ІХ.

Венгрія была приведена къ покорности Габсбургамъ кн. Паскевичемъ въ августѣ 1849 г.

6. Незадолго до этого у Доносо-Кортеса умеръ братъ, и это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ впалъ въ самый крайній католицизмъ, совершенно отказавшись отъ всѣхъ своихъ либеральныхъ взглядовъ.

Бібліографическій коментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ = Н. А.—на; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = Спб. изд.; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг. = Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколъ» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»).

№ 452. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, находящейся въ дѣлѣ департамента герольдіи Прав. сената 1847 г., за № 136/2. Подлинникъ не найденъ.

453. Напечатано въ «Рус. Словѣ» 1912 г. 25 марта въ видѣ фотографіи съ автографа; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Надпись сдѣлана на «Кто виноватъ?», Спб. 1847 г.

454. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у Л. Э. Бухгейма. Надпись сдѣлана на «Кто виноватъ?», Спб. 1847 г.

455. Напечатано въ «Отчетѣ И. Публичной бібліотеки за 1890 г.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же бібліотекѣ.

456. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, снятой А. Н. Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ П. В. Анненкова. Подлинникъ не найденъ.

457. Напечатано неполно и съ цензурными исключеніями, указанными самимъ Герценомъ, въ III кн. «Современника» 1847 г., цензурная дата 1 марта, подпись «Искандеръ»; полностью—въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ 1862, гдѣ включено въ серію «Капризовъ и раздумья», потомъ въ сборникѣ «Раздумье», Москва 1870, въ VIII т. Жен. изд. и неполно въ IV т. Спб. изд. «Статья вторая» неизвѣстна.

Бѣлинскій одобрительно отмѣтилъ эту статью въ своемъ «Взглядѣ на русскую литературу 1847 года».

Г. Ивановъ-Разумникъ находитъ, что «рядъ смѣлыхъ вопросовъ показываетъ, какъ далеко отъ своего времени ушелъ Герценъ въ пониманіи этиче-

скихъ проблемъ: отрицаніе, противоположеніе эгоизма и альтруизма, не сопровождающееся притомъ моралью утилитаризма (какъ это было у публицистовъ шестидесятыхъ годовъ) переноситъ насъ къ этическому индивидуализму религіозно-философскаго теченія начала XX-го вѣка... Остается только констатировать всю силу этическаго индивидуализма Герцена, приходящаго такимъ путемъ и къ индивидуализму соціологическому. Лицо для общества, иначе будетъ эгоизмъ, своеволие,—таковъ былъ обычный аргументъ славянофильства, также базировавшагося на этическомъ индивидуализмѣ; Герценъ, исходя изъ этого же основанія, доказалъ всю необоснованность ходячихъ нападокъ на эгоизмъ, противопоставляемыхъ альтруизму, «общинному началу» и т. п., какъ это дѣлали славянофилы. Онъ первый указалъ вѣрный путь отъ этическаго индивидуализма къ соціологическому и перебросилъ въ этомъ мѣстѣ мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ; онъ показалъ, что словами «своеволие, эгоизмъ» и тому подобными жупелами запугать никого нельзя» («Исторія рус. обществ. мысли», I, 374—375).

Анонимный доноситель на русскую литературу и цензуру 1848 г. цитировалъ и эту статью Герцена («Минув. Годы» 1913, IV, 209, 210).

458. Напечатано въ №№ 57 и 58 отъ 11 и 12 марта «Московского Городскаго Листка» 1847 г., подпись «Искандеръ», въ т. III «Былого и думъ», Лондонъ, 1862, гдѣ впервые появилось предисловіе, потомъ—въ VIII т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд.; свѣрено по газетѣ и лондонскому изданію, гдѣ исправлено нѣсколько опечатокъ.

В. П. Боткинъ писалъ П. В. Анненкову 20 марта 1847 г.: «Пріятели наши всѣ здравствуютъ; только съ отъѣздомъ Герцена кружокъ нашъ какъ-то осиротѣлъ. Кстати, когда увидите его, скажите ему, что Аксаковъ вопіетъ Богу и людямъ на статью его «Станція Едрово», называетъ ее дурнымъ поступкомъ и особенно сердится на то, какъ Герценъ отдалъ ее въ печать, не прочтя ему» («П. В. Анненковъ и его друзья», 534).

Для лучшаго пониманія вещи, надо имѣть въ виду, что Едрово—станція посрединѣ пути между двумя столицами, знаменитая тѣмъ, что Радищевъ помѣстилъ подъ ея именемъ идиллію своей Анюты.

Эта статья еще разъ показала, какого фельетониста лишилась русская журналистика. Въ апрѣлѣ Бѣлинскій писалъ Боткину, что очень недоволенъ московскимъ фельетономъ въ «Современникѣ», присылаемымъ Н. А. Мельгуновымъ, который, въ свою очередь, былъ недоволенъ редакціонной оцѣнкой его работы. «Николай Александровичъ спрашиваетъ насъ, почему мы «смѣсь» цѣнимъ меньше «наукъ». Тутъ дѣло не въ «смѣси», а въ достоинствѣ статей. Еслибъ Герценъ взялся писать московскій фельетонъ, но потребовалъ бы 100 руб. сер. съ листа,—дорого, тяжело для редакціи было бы это, а согласиться ей слѣдовало бы» («Письма», III, 204).

459. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

460. Напечатано неисправно въ VII кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г., стр. 194; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

461. Напечатано въ IX кн. «Современника» 1847 г., въ «Прерванныхъ разсказахъ», 1854 и 2-мъ изданіи 1857 г., въ сборникѣ «Раздумье», Москва,

1870, въ III т. Жен. изд. и въ I т. Спб. изд. Печатаемая въ «Прерванныхъ разсказахъ», Герценъ сдѣлалъ слѣдующую выноски: «Этотъ небольшой отрывокъ былъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1847 года съ значительными пропусками, сдѣланными цензурой. Мы его печатаемъ теперь въ настоящемъ видѣ». Сличеніе обоихъ текстовъ никоимъ образомъ не даетъ, однако, права на такое примѣчаніе и на предпочтеніе второй редакціи первоначальной. Правда, въ «Современникѣ» есть нѣсколько пропусковъ, но въ неизмѣримо большемъ числѣ случаевъ первоначальный текстъ является исправленнымъ и улучшеннымъ сравнительно со вторымъ. Можно предполагать, что второй текстъ, датированный Герценомъ 10 февраля 1846 г., былъ первоначальнымъ, черновымъ, а напечатанный въ сентябрѣ 1847 г. — вторымъ, окончательнымъ, что позднѣе вспомнилъ и самъ Герценъ, переведшій именно его въ №№ 4, 5 и 6 «Kolokol'a» 1868 г. Вещь эта подвергалась неоднократнымъ поправкамъ и, конечно, для насъ интересны оба текста, а потому я и привожу рядомъ два варианта, цѣликомъ, такъ какъ при массѣ мелкихъ разночтеній указаніе на нихъ было бы очень затруднительно для справокъ и изученія.

Первоначально цензура «Крупова» произведена въ октябрѣ 1846 г. (см. письмо отъ 9 октября 1846 г.), и тогда самъ Герценъ призналъ выпуски небольшими. Почему же онъ не печаталъ эту вещь тогда же, съ начала 1847 г.? Очевидно, потому, что нашелъ нужнымъ лучше ее отдѣлать и, можетъ быть, продолжалъ эту работу даже за границей.

Первая глава, озаглавленная «Левка», была включена въ книгу «Для чтенія», изд. Лихачевой и Сувориной, Спб., 1871 г.

Когда «Круповъ» былъ готовъ, Герценъ отправилъ его Бѣлинскому для его альманаха. 20 марта 1846 г. Бѣлинскій пишетъ ему: «Записки доктора Крупова» — превосходная вещь. Больше пока ничего не скажу. При свиданіи мнѣ много будетъ говорить съ тобою о твоёмъ талантѣ. Твой талантъ — вещь не шуточная, и если ты будешь писать меньше тома въ годъ, то будешь стоить быть повѣреннымъ за пальцы» (Бѣлинскій, «Письма», т. III, 104). Позже, послѣ напечатанія, Бѣлинскій такъ оцѣнилъ эту вещь: «Онъ (Искандеръ — М. Л.) — философъ по преимуществу, а между тѣмъ немножко и поэтъ и воспользовался этимъ, чтобы изложить свои понятія о жизни притчами. Это всего лучше доказывается его превосходнымъ рассказомъ «Изъ сочиненія доктора Крупова». Въ немъ авторъ ни одною чертою, ни однимъ словомъ не вышелъ изъ сферы своего таланта и оттого здѣсь его талантъ въ большей опредѣленности, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ. Мысль его та же, но она приняла здѣсь исключительно тонъ ироніи, для однихъ очень веселый и забавный, для другихъ грустный и мучительный, и только въ воображеніи косога Левки, — фигуры, которая бы сдѣлала честь любому художнику, — авторъ говоритъ серьезно. По мысли и по исполненію это рѣшительно лучшее произведеніе прошлаго года, хотя оно и не произвело на публику особеннаго впечатлѣнія. Но публика права въ этомъ случаѣ: въ романѣ «Кто виноватъ?» и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ писателей онашла больше ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ, а между тѣмъ въ послѣднемъ

произведеніи тотъ же духъ, то же содержаніе, что и въ первомъ. Вообще упрекнуть автора въ односторонности значило бы вовсе не понять его. Онъ можетъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его задушевной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной наблюдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительности. Натура воспримчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ памяти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко понять, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи, это скорѣе мастерски отдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные матеріалы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь, мы сказали, что авторъ больше философъ и только немножко поэтъ» («Взглядъ на русскую литературу 1847 года»).

Прочтя «Крупова» Грановскій писалъ Герцену: «Опять романтизмъ», скажешь ты, можетъ быть, прочитаешь это письмо. Пусть будетъ по твоему, Герценъ. Я остаюсь неизлѣчимымъ романтикомъ. Сегодня у меня потребность говорить съ тобой. Ночь такъ хороша; Лиза до двухъ часовъ мнѣ играла Моцарта, душа настроена теперь, какъ давно не было. И потомъ твой Круповъ. Я его слышалъ отъ тебя прежде, но онъ мало произвелъ на меня впечатлѣнія, не знаю, почему. Въ «Современникѣ» онъ напечатанъ съ большими выпусками ¹⁾, а я не могу его начитать. Знаешь ли, что это—просто гениальная вещь. Давно я не испытывалъ такого наслажденія, какое онъ мнѣ далъ. Такъ шутилъ Вольтеръ во время оно; и сколько теплоты и поэзіи; мнѣ отъ него повѣяло тобою, днями, проведенными въ Покровскомъ, въ деревянномъ домѣ. Круповъ снялъ у меня съ души что-то ее сжимавшее, отъ чего ей было неловко съ тобою. Мнѣ кажется, что я опять слышу твой смѣхъ, что я опять вижу тебя во всей красотѣ и молодости твоей природы. Зачѣмъ же было надѣвать на себя какую-то буржуазную маску, которую ты такъ гонишь во Франціи. Я не отвѣчалъ на большую часть твоихъ писемъ, потому что они производили на меня нехорошее дѣйствіе. Въ нихъ какой-то затаенный упрекъ, неприязненная аггіе репсѣе, которая ежеминутно пробивается наружу. Тоже чувствовалъ, кажется, и К. (Коршъ—*М. Л.*), хотя мы не говорили съ нимъ объ этомъ. Твои прежнія насмѣшки надъ близкими тебѣ не были обидны, потому что въ нихъ была добродушная острота, но иронія твоихъ писемъ оскорбляетъ самолюбіе и болѣе живое и благородное чувство. Не лучше ли было прямо написать къ намъ, пожалуй, жесткое письмо, если ты не былъ нами доволенъ, но ты разсыпалъ свои намеки въ письмѣ къ Т. А. (Астракова—*М. Л.*) и т. д., это было нехорошо. Послѣдніе дни твои во многомъ могли доказать тебѣ, что соколовскіе споры не оставили слѣдовъ, и сколько любви и преданности оставилъ ты за собою. К. умѣетъ шутить и острить, когда его дѣти больны, но онъ плакалъ, провожая тебя. Неужели ты не оцѣнилъ этихъ недешевыхъ слезъ? Къ чему же повторять смѣшныя обвиненія въ отсутствіи дѣятельной любви, въ апатіи и пр. Мы не писали къ тебѣ, но развѣ твои письма изъ Парижа вызывали къ отвѣту? Что мнѣ за охота спорить съ тобой о настоящемъ значеніи

¹⁾ Такого текста, гдѣ эти «большіе» выпуски были бы цѣлы, никто не знаетъ; Грановскій сказалъ по памяти и ошибся.

bourgeoisie? я говорю объ этомъ довольно съ каеэдры. Я человекъ до крайности личный, т. е. дорожу своими личными отношеніями, а эти отношенія къ тебѣ были нележки въ послѣднее время. Дай же руки, carissime! Да здравствуютъ записки д-ра Крупова, онѣ были для меня и художественнымъ произведеніемъ и письмомъ отъ тебя. Изъ нихъ я опять услышалъ твой голосъ, увидѣлъ твое лицо. Жду съ нетерпѣніемъ писемъ изъ Avenue Marigny и отъ тебя также. Н. А.—нѣ пожди отъ меня крѣпко объ руки. Когда же увижу васъ, друзья мои? Покамѣстъ будьте счастливы, прощайте. А Круповъ дивно хорошъ!» («Грановскій», II, 445—446).

«Шутка у Герцена вышла страшная,—говоритъ Страховъ: изъ простой насмѣшки надъ людскими слабостями и предрасудками она переходитъ въ скорбную, въ отчаянную думу о бѣдствіяхъ и страданіяхъ людей, и подъ конецъ кажется, что мысль о хроническомъ и повальномъ умопомѣшательствѣ гораздо легче и отраднѣе, чѣмъ представленіе, что люди всѣ свои безумства и злодѣяства дѣлаютъ въ полномъ разумѣ и съ неповрежденнымъ сердцемъ. Фигура дурачка Левки—едва ли не лучшее лицо, созданное Герценомъ» («Борьба съ Западомъ», I, 35—36).

Чуйко, отведші «Крупову» наибольшее мѣсто находить, что онъ «производитъ чрезвычайно освѣжающее впечатлѣніе не только остроуміемъ основной идеи и деталей, но и новымъ сатирическимъ пріемомъ, который былъ употребленъ авторомъ» («Наблюдатель» 1890, XI, 137).

По мнѣнію Алексѣя Веселовскаго, «Круповъ»—второй послѣ гоголевской повѣсти («Записки сумасшедшаго»—*М. Л.*) крупный фактъ въ исторіи русской литературной психопатологіи, не входитъ ни въ одинъ изъ ходячихъ типовъ очерка душевной ненормальности; онъ остался до сихъ поръ тѣмъ одиночнымъ явленіемъ, тѣмъ удивительнымъ самородкомъ, какимъ былъ въ концѣ сороковыхъ годовъ среди освященнаго традиціей обихода словесности». «Къ апофеозу торжествующей мысли приходитъ облеченная въ психіатрической нарядъ сатира Герцена, одна изъ наиболѣе глубокихъ по замыслу во всей русской литературѣ» («Вѣстн. Европы» 1908, III, 326, 328).

Рейнгольдъ находить, что не безъ вліянія на первые опыты Герцена остались сочиненія кн. В. Ѳ. Одоевскаго,—на его «Письма объ изученіи природы», «Диллентатизмъ» и особенно на «Доктора Крупова» («Geschichte der russischen Litteratur» etc., 588). Это мнѣніе высказывалось одновременно Скабичевскимъ (Сочиненія, I, 344) и потомъ повторялось бѣгло другими, но никѣмъ не было развито. Научный изслѣдователь литературной дѣятельности кн. Одоевскаго, П. Н. Сакулинъ, отнесся къ такимъ указаніямъ съ заслуженною ими бѣглостью, хотя мимоходомъ и высказалъ, что «болѣе обоснованнымъ можно признать сближеніе «Записокъ доктора Крупова» съ мыслями «Русскихъ ночей» о безуміи, сдѣланное Скабичевскимъ» («Князь В. Ѳ. Одоевскій», т. I, ч. 2, 430).

462. Напечатано въ X и XI кн. «Современника» 1847 г. съ подписью подъ I—III письмами: «И», подъ IV: «И—ръ»; затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи «Письма изъ Франціи и Италіи», Лондонъ, 1854 г., повторенномъ Трюбнеромъ въ 1858 г., Лондонъ, въ сборникѣ «Раздумье», Москва, 1871 г., въ из-

дани дѣтей автора «Lettres de France et d'Italie», Genève, 1871 г., въ IV т. Жен. изд. и въ V т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ, текстъ данъ по «Современнику» съ сохраненіемъ позднѣйшихъ примѣчаній Герцена и съ нѣкоторыми немногими мѣстами, приведенными не по «Современнику», гдѣ ихъ очень исказила цензура. Въ Спб. изд. текстъ данъ позднѣйшій, сокращенный. Между тѣмъ такая вещь особенно интересна сейчасъ не столько тѣмъ, что сказано (потомъ эти мысли Герценъ повторялъ не одинъ разъ), а тѣмъ, какъ сказано, и потому она должна быть дана именно такъ, какъ вылилась изъ-подъ пера непосредственно послѣ первыхъ острыхъ ощущеній и переживаній. Въ изданіи 1854 г. Герценъ, по его собственнымъ словамъ, «выбросилъ нѣкоторыя подробности, скучныя теперь, но не коснулся ни до тона, ни до сущности». Эти-то подробности и представляютъ громадный интересъ, особенно при параллельномъ знакомствѣ съ вариантами, приведенными ниже.

Писались эти письма въ іюлѣ—сентябрѣ и только для большей иллюзіи «писемъ» датированы не согласно съ фактическимъ ихъ сочиненіемъ.

Эти четыре письма, включенныя потомъ въ «Письма изъ Франціи и Италіи», имѣютъ самостоятельное значеніе и задуманы и исполнены были гораздо раньше пятого и слѣдующихъ, а потому, по-моему, ихъ надо привести отдѣльно, на своемъ хронологическомъ мѣстѣ.

Варианты приведены ниже.

Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ Боткинъ въ маѣ и іюлѣ на отношеніе Герцена къ буржуазіи. Вотъ что онъ пишетъ Анненкову въ октябрѣ:

«Я прочелъ въ 10 № «Современника» три письма Герцена изъ Avenue Marigny и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе состричь; разумѣется, не вездѣ, но кое-гдѣ острота не вяжется сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по моему мнѣнію, это все-таки *первое наглядное* впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir ¹⁾—и, вполне признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я, все-таки, остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Герцена, который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Повторяю, я прочелъ его «письма» съ наслажденіемъ: это такъ увлекательно, такъ игриво, это—арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокой мыслью, сердечный порывъ съ летучей остротой! Что мнѣ за дѣло, что я обо многомъ думаю совершенно иначе! Всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по-своему, а Герценъ смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется, Герценъ не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ восхищается, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Что же за этимъ у него

¹⁾ Я не придираюсь къ его манерѣ смотрѣть на вещи.

оастается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Герценъ думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнить положеніе буржуазіи? Я не думаю. Я не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣ всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сильный прозаизмъ, но въ настоящемъ случаѣ для меня важень фактъ. Я скептикъ; видя въ спорящихъ сторонахъ въ каждой столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя въ качествѣ угнетеннаго, классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія! *Cet air de matador* ¹⁾, съ которымъ Герценъ все рѣшаетъ во Франціи—очень миль, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ, именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но вѣдь рѣшеніе Герцена ровно ничего не уясняетъ: оно только скользитъ по вещамъ. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что невозможно поднять ни одинъ, не поднявши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ. Легко было Герцену смѣяться надо мною по поводу лицемѣрія французскаго общества и приводить, какъ доказательство этого лицемѣрія, слова прокурора и президента въ процессѣ д'Эквилье. Эти слова для меня не новость, я ихъ самъ слыхалъ. Но, вѣдь, эти прокуроры и президенты суть представители и блюстители такъ называемой общественной нравственности, а эта нравственность все еще построена на *извѣстныхъ* догмахъ. Скажите: выработало ли общественное сознаніе *другую* нравственность? Я думаю, еще нѣтъ; она вырабатывается, она существуетъ въ инстинктахъ, даже, пожалуй, уже и выработалась, но еще въ рѣдкихъ, отдѣльныхъ личностяхъ и далеко не вошла еще въ общее сознаніе... Это письмо уже не застанетъ Герцена въ Парижѣ; перешлите ему въ Ниццу извѣстіе о несчастіи, случившемся съ Грановскимъ (вывалился изъ экипажа и сломалъ подглазную кость—*М. Л.*) и мой сердечный поклонъ и мое искреннее моленіе, чтобы онъ бросилъ свою славянскую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и возражалъ бы на нихъ безъ досады на человѣка, имѣющаго несчастіе не соглашаться съ нимъ. И человѣкъ, написавшій своего геніальнаго «Крупова», не имѣетъ терпимости къ противнымъ мнѣніямъ! Впрочемъ, эта терпимость пріобрѣтается не легко, а доказательство—что только англійская и французская цивилизаціи выработали ее. Въ нашей тихой жизни мы безпрестанно вспоминаемъ о васъ; письмо Герцена, которое Грановскій получилъ больной въ постели, принесло ему самое живое, искреннее удовольствіе, а онъ упрекаетъ, что его забыли!» («П. В. Анненковъ и его друзья», 550—553).

7 ноября Грановскій писалъ Фролову: «Письма изъ Avenue Marigny мнѣ не нравятся, хотя очень умны мѣстами. Въ нихъ слишкомъ много *фривольтнаго* русскаго верхоглядства. Такъ пишутъ французы объ Россіи. 4-го письма еще не читалъ» («Грановскій», II, 424).

Изъ туманныхъ, но при навѣкѣ читать между строкъ — ясныхъ словъ Анненкова видно, что друзья не одобряли осужденія Европы при господствѣ въ Россіи николаевскаго режима, боясь, что публикой это будетъ понято, какъ косвенное восхваленіе русскаго государственнаго строя (стр. 313, «Ли-

¹⁾ Этотъ видъ матадора.

тературныя воспоминанія»). Эта точка зрѣнія была въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ и гораздо позже, но Герценъ шелъ дальше и исходилъ изъ другого: если стремятся къ новому укладу, то пусть подумаютъ, чтобы не попасть въ положеніе имперской Франціи.

Бѣлинскій зналъ объ отношеніи друзей къ «Письмамъ» Герцена и очень подробно остановился на немъ въ громадномъ письмѣ къ Боткину (декабрь 1847 г.), изъ котораго я приведу относящееся ближе къ самому Герцену.

«Теперь о «письмахъ» Герцена. Впечатлѣніе, которое они произвели на Корша, Грановскаго, тебя и другихъ москвичей, доказываетъ мнѣ только отсутствіе у васъ, москвичей, той терпимости, которую вы считаете главною вашею добродѣтелью. Въ твоёмъ отзывѣ, я, дѣйствительно, вижу еще что-то похожее на терпимость: ты хоть не сердись на письма, за то, что они думаютъ не по-твоему, а по-своему, не краснѣешь, какъ Коршъ, и не называешь ерническимъ тономъ того, что надо по настоящему называть шуткою, острою, отсутствіемъ педантизма и семинаризма. Ты, по-моему, неправъ только въ томъ отношеніи, что не хотѣлъ признать ничего хорошаго во взглядѣ и мнѣніи, противоположномъ твоимъ. Эти письма, особенно послѣднее, писались при мнѣ, на моихъ глазахъ, вслѣдствіе тѣхъ ежедневныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ краснѣли и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не безъ замѣшательства. Если и есть въ письмахъ Герцена преувеличеніе—Боже мой—что-жъ за преступленіе—и гдѣ совершенство? Гдѣ абсолютная истина? Считать же взглядъ Герцена неоспоримо ошибочнымъ, даже не стоящимъ возраженія—не знаю, господа, можетъ быть, вы и правы, но я что-то слишкомъ глупъ, чтобы понять васъ въ вашей мудрости. Я не говорю, что взглядъ Герцена безошибочно вѣренъ, обнялъ всѣ стороны предмета, я допускаю, что вопросъ о bourgeoisie—еще вопросъ, и никто пока не рѣшилъ его окончательно, да и никто не рѣшитъ—рѣшить его исторія, этотъ высшій судъ надъ людьми. Но я знаю, что владычество капиталистовъ покрыло современную Францію вѣчнымъ позоромъ, напомнило времена регентства, управленіе Дюбуа, продававшего Францію Англии, и породило оргію промышленности. Все въ немъ мелко, ничтожно, противорѣчиво; нѣтъ чувства національной чести, національной гордости. Взгляни на литературу—что это такое? Все, въ чемъ блещутъ искры жизни и таланта, все это принадлежитъ къ оппозиціи—не къ паршивой парламентской оппозиціи, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партіи, а къ той оппозиціи, для которой bourgeoisie—сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи. Много глупостей въ ея анаемахъ на bourgeoisie, — но зато только въ этихъ анаемахъ и проявляется и жизнь, и талантъ. Посмотри, что дѣлается на театрахъ парижскихъ. Умная, тщательная постановка, прекрасная игра актеровъ, грація и острота французскаго ума прикрываютъ тутъ пустоту, ничтожность, пошлость. Искусство напоминаетъ о себѣ только Рашелью и Расиномъ; а не то, напомнить его иногда своими «Ветошниками», при помощи Леметра, какой-нибудь Феликсъ Пиа, человѣкъ вовсе безъ таланта, но достигающій таланта силою (à force) ненависти къ буржуазии. Герценъ не говорилъ, что прокуроры французскіе—

шуты и дураки, но только распространился о поступкѣ одного прокурора (при процессѣ Бовалонова секунданта), поступкѣ, достойномъ шута, дурака, да еще и подлеца вдобавокъ. Этотъ фактъ имъ не выдуманъ—онъ во всѣхъ журналахъ французскихъ. Кстати, о французскихъ журналахъ, изъ извѣстій которыхъ будто бы Герценъ сшиваетъ свои письма: это упрекъ до того смѣшной, что серьезно и отвѣчать на него не стоитъ. Да развѣ можно сказать о Франціи какой-нибудь фактъ, о которомъ бы уже не было говорено во французскихъ журналахъ? Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ отразился этотъ фактъ въ личности автора, какъ изложенъ имъ. Касательно послѣдняго пункта Герценъ и въ своихъ письмахъ остается, какъ и во всемъ, что ни писалъ онъ, человѣкомъ съ талантомъ, и читать его письма—наслажденіе даже и для тѣхъ, кто замѣчаетъ въ нихъ преувеличеніе, или не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ во взглядѣ.

«...Я согласенъ, что одною буржуази нельзя объяснить à fond ¹⁾ и окончательно гнуснаго позорнаго положенія современной Франціи, что это вопросъ страшно сложный, запутанный, и прежде всего и больше всего—историческій, а потомъ уже, какой хочешь—нравственный, философскій и т. д. Я понимаю, что буржуази—явленіе не случайное, а вызванное исторією, что она явилась не вчера, словно грибокъ выросла, и что, наконецъ, она имѣла свое великое прошедшее, свою блестящую исторію, оказала человѣчеству величайшія услуги. Я даже согласился съ Анненковымъ, что слово bourgeoisie не совсѣмъ опредѣленно, по его многовѣстности и эластической растяжимости. Буржуа и огромные капиталисты, управляющіе такъ блистательно судьбами современной Франціи, и всякіе другіе капиталисты и собственники, мало имѣющіе вліяніе на ходъ дѣлъ и мало правъ, и, наконецъ, люди, вовсе ничего не имѣющіе, т. е. стоящіе за цензомъ. Кто же не буржуа? Развѣ оувриег, орошающій собственнымъ потомъ чужое поле. Всѣ теперешніе враги буржуази и защитники народа такъ же не принадлежать къ народу, и такъ же принадлежать къ буржуази, какъ и Робеспьеръ и Сенъ-Жюсть. Вотъ съ точки зрѣнія этой неопредѣленности и сбивчивости въ словѣ буржуази письма Герцена sont attaquables ²⁾. Это ему тогда же замѣтилъ Сазоновъ, сторону котораго принялъ Анненковъ противъ Мишеля (Бакунинъ—М. Л.) (этого нѣмца, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ, и умереть имъ, ибо отказаться отъ философіи еще не значитъ перемѣнить свою натуру), и Герценъ согласился съ ними противъ него. Но если въ письмахъ есть такой недостатокъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они дурны» (Бѣлинскій, «Письма», III, 325—328).

Печатно Бѣлинскій оцѣнилъ новое произведеніе своего друга такъ: «Письма изъ «Avenue Maigny» были встрѣчены нѣкоторыми читателями почти съ неудовольствіемъ, хотя въ большинствѣ нашли только одобреніе. Дѣйствительно, авторъ невольно впалъ въ ошибочность при сужденіи о состояніи современной Франціи тѣмъ, что слишкомъ тѣсно понялъ значеніе слова «bourgeoisie». Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ только богатыхъ

¹⁾ Исчерпывающимъ образомъ—«до дна».

²⁾ Даютъ поводъ къ нападенію.

капиталистовъ и исключилъ изъ нея самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословія... Несмотря на это, въ письмахъ изъ «Avenue Marigny» такъ много живого, увлекательнаго, интереснаго, умнаго и вѣрнаго, что нельзя не читать ихъ съ удовольствіемъ, даже во многомъ не соглашаясь съ авторомъ» («Взглядъ на русскую литературу 1847 года»).

Г. Ивановъ-Разумникъ по этому поводу говоритъ: «Ненависть Герцена къ буржуазіи сказалась слишкомъ рѣзко, чтобъ ее могъ оставить безъ отвѣта Бѣлинскій, какъ разъ въ это время возлагавшій всѣ свои надежды на западно-европейскую буржуазію. «Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль», говорилъ въ это время Бѣлинскій (письмо къ Анненкову 15 февраля 1848 г.). Возраженіе Бѣлинскаго во «Взглядѣ» бьетъ совершенно мимо цѣли: во-первыхъ, потому, что Герценъ именно и говоритъ обо всей массѣ крупныхъ и мелкихъ буржуа, а во-вторыхъ, потому, что Герценъ не только не понимаетъ «слишкомъ тѣсно» слово «bourgeoisie», а какъ разъ напротивъ—раздвигаетъ рамки этого термина и вмѣщаетъ въ него все *этическое мѣщанство*. Терминъ «мѣщанство» употребляется Герценомъ въ двухъ смыслахъ: въ узкомъ, сословномъ и классовомъ, и въ широкомъ, внѣклассовомъ и внѣсословномъ; первое значеніе является только частнымъ случаемъ второго. Самый терминъ «мѣщанство» впервые введенъ именно Герценомъ; *Герценъ первый далъ понятію «мѣщанства» внѣсословное и внѣклассовое этическое значеніе*. Буржуазія для него только центръ мѣщанства, но мѣщанство шире, ибо оно имѣетъ не сословный смыслъ и отнюдь не является переводомъ и замѣной термина «bourgeoisie», смыслъ котораго зиждется на социально-экономической почвѣ. Буржуазія—это прежде всего третье *сословіе*; далѣе, это общественный *классъ*, объединенный понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ» («Исторія рус. общественной мысли», I, 376—377).

Шевыревъ и изъ этого сочиненія Герцена создалъ почву для борьбы за русскій языкъ: въ № 2 «Москвитянина» 1848 г. онъ напечаталъ «Продолженіе словаря различныхъ измовъ», давъ ему специальное названіе: «*Еще Искандеризмы*. Письма изъ «Avenue Marigny».

177. ...Сколько свѣженькихъ *личикъ* (стр. 114).

178. ...Всякій образованный человекъ по крайней мѣрѣ *состоитъ въ подозрѣніи знанія Европы* (стр. 115).

179. *Германію* надобно читать, обдумывать, играть на фортепіаныхъ—и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ *съ конца на конецъ* (вмѣсто изъ конца въ конецъ) (стр. 116).

180. Туристу жить въ Германіи значить *отклонять ее отъ естественнаго назначенія*,—такъ, какъ,—ну я не знаю,—такъ, какъ *гость, на примѣръ, картину; можетъ, попадется и вкусная*, въ которой масло еще свѣжо—все же это натяжка, и кто не предпочтетъ всякій салатъ лучшей картинѣ дюссельдорфской школы—разумѣется, если этотъ салатъ приготавлила не нѣмка (стр. 116).

181. Отчего нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ только жить *въ двухъ средахъ?* (стр. 116).

182. У нихъ (у нѣмцевъ) фибринъ плохъ, рыхлѣ, дряблѣ (стр. 116).

183. Толковали о реформаціи, о тридцатилѣтней войнѣ, о *бесфреюнскришъ*, въ которомъ мы ихъ освободили отъ французовъ (стр. 116—117).

184. Вѣрный своему антиромантическому призванію, желудокъ у растений уцѣпился за землю, чтобъ растеніе не ушло къ солнцу (стр. 117).

185. ...Что можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣсно-пряномучнисто-сладко-травяной массы (стр. 117).

186. Рейнская кухня подвергалась сильному вліянію французскихъ поваровъ, ниспровергнувшихъ во многомъ *нравственно-безвкусный и семейно-прѣсный* характеръ германскихъ *яствъ* (стр. 118).

187. ...Представители всѣхъ эпохъ европейской жизни приходили на рейнскіе берега и *осѣдали* на нихъ; *слѣды* этихъ людей, этихъ эпохъ такъ и *наслоились по теченію рѣки* (стр. 119).

188. ...лѣса около собора, свидѣтельствующіе о теперешней Германіи *медленнѣмъ производствомъ средневѣковой работы современными руками* (стр. 119).

189. Подъ-часъ *тяютятъ* въ Европѣ сѣдые, почернѣлые памятники (стр. 119).

190. Развѣ, *привѣтчивая* насъ къ Европѣ, Петръ I не упрочилъ намъ права наслѣдія? (стр. 120).

191. Рыцарская жизнь—жизнь вампира внизъ, была пышна, страстна, благородна вверхъ (стр. 121).

192. Развѣ вельможи Екатерины... не остались по всему русскими бабрами, со всею удалью національнаго характера, съ его недостатками и съ его разметистостью *) (стр. 123).

193. Наконецъ, самое сознаніе разрыва идетъ изъ той же *возбужденности* мысли, близость съ Европой ободряетъ, развиваетъ вѣру въ нашу національность, вѣру въ то, что народъ отставшій, *за котораю* (вм. за который) мы *отбываемъ теперь историческую тягу* и *каждою* миновали и наша скорбь и наше выработанное благо (стр. 123).

194. Чистота и опрятность свидѣлствуютъ о *длинной* цивилизаціи... (стр. 124).

195. ...Въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, *зашибленное*, бѣдное средствами, бѣдное способностями и *чуждое ритерамъ*... (стр. 124).

196. Французъ-слуга, милый *въ своемъ отсутствіи логики*... (стр. 129).

197. Это не знаменитый *Mabile*, не *Kanelagh*, не *канканной памяти* «хижина»... (стр. 130).

198. Она (буржуази)... *не выступала* такъ *толсто* и *тупо-юсельебно* на первый планъ, какъ теперъ (стр. 132).

199. ...Для буржуази *не на мѣстѣ быть казовымъ* концомъ Франціи (стр. 133).

200. Хитрый царедворецъ умѣетъ вездѣ выказать суетность обитателей этихъ залъ рококо передъ *вальяжностью* зрителей (стр. 136).

*) Это слово, изобрѣтенное г. Искандеромъ, въ этомъ самомъ падежѣ, можно употреблять вмѣсто зубочистки. — С. П. Ш.

201. Отчего же и намъ не имѣть *quelque chose?* *думаетъ слонъ-газель* и весело тащить изъ ложи свой животъ и улыбаясь ложится спать (стр. 136).

202. Художники... каждому движенію умѣютъ придать нѣчто... нѣчто кантаридное (стр. 136).

203. ...Авторъ вводитъ васъ въ *міръ* голода и нищеты, *роющійся подв ногами, копошащійся надъ головою...* (стр. 142).

204. Собственно парижскіе бѣдняки имѣютъ, сверхъ затаеннаго негодованія, голову, поднятую вверхъ (стр. 145).

205. ...Вжился въ свою долю (вм. сжился со своей долей) (стр. 145).

206. Онъ полюбилъ ее всею той любовью и *всѣми тѣми любвями*, которыхъ не было у него въ жизни (стр. 145).

207. Она (Марія) его поэзія, его *trois six*, его примиреніе съ жизнью— отвѣтъ на все то, на чтó обстоятельства не дали отвѣта, а парижскій *воздухъ далъ вопросъ* (стр. 146).

208. Имѣвъ счастье *завершить* начальное *образование подв маханье* «Московского Телеграфа» и *подв теорію* Россійскаго романтизма, я... (стр. 149).

209. Она чрезвычайно *легко уловима*; она *состоитъ въ* необыкновенно-граціозномъ сочетаніи выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, *раскрытости, которое* для меня увлекательнѣ одной пластической красоты, *всеплощающую изящества природы* (стр. 152—153).

210. Французская красота чрезвычайно человѣчественна, социальна, она далека отъ германо-англійской *надтѣльности*, заставляющей проливать слезы о грѣхахъ міра сего... (стр. 153).

(Современникъ № XI).

211. Я до сихъ поръ не видалъ ни у одного человѣка такой самобытности щекъ.

212. Слова безъ ячнаго пониманья...

213. Лица, обвиняемая журналами и общественнымъ мнѣніемъ, не болѣе какъ скирь, скирь—обнаруженное послѣдствіе худосочья.

214. Буржуа тотъ, кто сознаетъ себя такимъ, кто *ненавидитъ* аристократію *въ одну сторону* и *презираетъ* народъ *въ другую* (стр. 168).

215. ...Юношей, которые краснѣя удивляются ихъ основательной положительности и *наторьлому бездушью* (стр. 169).

216. Это—*виверы*, беззаботные *gatins* до шестидесяти лѣтъ (стр. 169).

Лингвистику Шевырева привѣтствовалъ Булгаринъ въ своей «Журнальной всякой всячинѣ»:

«У одного г. Искандера (псевдонимъ), котораго Современникъ провозгласилъ *первымъ* русскимъ писателемъ (у «Отч. Записокъ» и «Современника» бездна *первыхъ* и *знаменитыхъ*. Счастливы!), насчитано 216 нелѣпостей, безграмотностей, выражений, чуждыхъ духу и грамматикѣ русскаго языка. Гордись «Современникъ!» Въ нѣдрахъ твоихъ новый Колумбъ, новый Кадмъ, Новый Вольтеръ!» («Сѣв. Пчела» 1848 № 36).

Въ изданіяхъ 1854 и 1858 гг.

- Стр. 114—12 св. Не было «свѣженькихъ личикъ».
- » » —13 св. Не было «историческихъ воспоминаній, «гостиниць, чувствъ, и трингельдовъ».
- » » —18—22 св. Вмѣсто «Я, наконецъ, въ Парижъ»: «Зато».
- » 115— 1 св. Не было «Сдѣлайте одолженіе, не бойтесь».
- » » —10 св. Не было «и достопримѣчательныхъ».
- » » —14 св. Вмѣсто «Г.»: «М. П.».
- » » —12 сн. Не было «Минденскую и».
- » » — 3 сн. } Вмѣсто «дня черезъ два»: «не успѣешь опомниться и
- » 116— 1 св. } опять».
- » » —21 сн. Не было «многіе».
- » 117— 1 св. Не было «освободившихъ ихъ, въ свою очередь, кое отъ чего».
- » » —20 св. Вмѣсто «т. е. въ землѣ»: «но есть же».
- » » —22 св. Не было «Что выработаетъ желудокъ, то и будетъ въ головѣ и сердцѣ».
- » 118— 4 св. Не было «въ 6 часовъ, говоритъ онъ».
- » » —14 сн. Послѣ «единой»: «и нераздѣльной».
- » » —14 сн. Не было «къ великой кухнѣ».
- » 119—10 сн. Послѣ «каждаго»: «ограниченнаго».
- » » — 3 сн. Не было «Подчасъ тяготятъ въ Европѣ».
- » » — 3 сн. Не было «они».
- » » — 2 сн. Вмѣсто «ей»: «Европѣ».
- » 120—12 сн. Не было «зимою».
- » 121—14 сн. Вмѣсто «домъ»: «амбаръ».
- » » — 7 сн. Не было «археологическій».
- » 123—10 св. Вмѣсто «все это: и»: «вся эта».
- » » —13 св. Не было «наши добрые».
- » » —20 св. Послѣ выступленія: «русскихъ».
- » » —15 сн. Не было «выработанное».
- » 124— 9 св. Не было «=нѣмецъ».
- » » — 4 сн. Вмѣсто «знакомый, впрочемъ»: «знакомъ имъ, какъ».
- » 125—10 св. Не было «около котораго развивался букетъ огородныхъ овощей».
- » » —12 св. Не было «Кенигсбергъ».
- » » —19 сн. Послѣ «Flache»: «Kellner»
- » » —16 сн. Не было «что же».
- » 126—10—15 св. Не было.
-
- » » —19 сн. Не было «22 мая».
- » » —17 сн. Не было «и что Рашель ѣдетъ въ Лондонъ».
- » » —16 сн. Не было «во-первыхъ, что Рашель уѣхала, а во-вторыхъ».
- » » —15 сн. Вмѣсто «Въ нашъ вѣкъ»: «въ немъ».

- Стр. 126— 7 сн. Не было «и распредѣленіе искусствъ».
- » » — 6 сн. Вмѣсто «потеряла»: «потеряны».
- » » — 6 сн. Не было «между животными и растеніями, между обезьянами и людьми».
- » 127— 8 св. Послѣ «человѣка»: «а».
- » » —16 св. Вмѣсто «Вотъ, напримѣръ, Рашель ѣдетъ въ Лондонъ,— поводъ, по которому захотѣлось»: «Мнѣ захотѣлось, напримѣръ».
- » » —18 сн. Не было «Увѣряю васъ, что».
- » » — 9 сн. Вмѣсто «Что же это такое?»: «Между тѣмъ».
- » » — 8 сн. Вмѣсто «queues»: «хвосты».
- » » — 8 сн. Вмѣсто «Ясное дѣло»: «Стало».
- » 128— 5 св. Вмѣсто «Какъ вы думаете»: «Знаете ли».
- » » — 7 св. Не было «Тюльери? канканъ?—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!»
- » » — 7 св. Не было «консьержи, garçons de café».
- » » — 8 св. Послѣ «швеи»: «даже».
- » » — 8 св. Не было «даже солдаты».
- » » —20 св. Послѣ «денегъ»: «вообще».
- » » —10—8 сн. Не было «Madame въ передней».
- » 129—19 сн. Не было «Поваръ политикъ! Да это умора!»
- » » —17 сн. Вмѣсто «иностранца»: «новопріѣзжаго помѣщика».
- » » —13 сн. Вмѣсто «типа»: «ихъ типъ это».
- » » —10 сн. Вмѣсто «Это назвать»: «Избалованность», о которой мы говорили».
- » » — 7 сн. Послѣ «слугъ»: «и работниковъ».
- » 130— 3 св. Не было «ложнаго».
- » » — 9 св. Не было «мать для француза».
- » » —15—17 св. Не было «показывались рассказы».
- » » —21 св. Не было «милое».
- » » —22—25 св. Не было «Какъ жаль Плющихи».
- » 131— 8 св. Не было «Что, смѣшно? Очень смѣшно!»
- » » —13 св. Послѣ «его»: «себѣ».
- » » —10 сн. Не было «и окупается способностей».
- » » — 4 сн. Вмѣсто «до чего касался Наполеонъ»: «во время Наполеона».
- » 133— 3—6 св. Не было «особенно лица».
- » » —18 св. Послѣ «лавочникъ»: «Онъ вольноотпущенный».
- » 134— 4 св. Вмѣсто «негодованіемъ»: «площади».
- » 135— 5 св. Вмѣсто «Mabille»: «de l'Orége».
- » » — 7 св. Не было «по милымъ бульварамъ».
- » » —21 сн. Вмѣсто «возлюбленная»: «любовница».
- » » —19 сн. Не было «этой».
- » » —10 сн. Не было «въ легкости рѣчи».
- » 136— 6 св. Послѣ «спать»: «Онъ же, вѣдь, лучше».
- » » —19 св. Вмѣсто «комиссаромъ»: «служителемъ».
- » » —16 сн. Послѣ «кулисами»: «не».
- » » —16 сн. Не было «вы думаете?—О».
- » » —15 сн. Вмѣсто «нѣтъ»: «противоположное».

- Стр. 136— 5 сн. Вмѣсто «Сама не изъята»: «Ни Дежазе, ни Левасеръ не изъяты».
- » 137— 4 св. Не было «нынче все акціи, фонды, дороги».
- » » —11—13 св. Вмѣсто «ему Король»: «онъ».
- » » —13 св. Вмѣсто «имъ»: «другимъ», вмѣсто «шако»: «кепи».
- » » —14 св. Вмѣсто «Зато посмотрите»: «Надобно видѣть, что дѣлается».
- » » —15 св. Не было «дѣлается».
- » » —11—8 сн. Не было примѣчанія.
- » 138—21 сн. Вмѣсто «отъ 700»: «отъ 1000», вмѣсто «до 700»: «до 500».
- » 139— 7 св. Вмѣсто «средней величины»: «большомъ».
- » » —12 св. Вмѣсто «Тестъ имѣлъ»: «министры имѣютъ».
- » » —12—22 св. Не было «Говорятъ имъ».
- » » — 7—5 сн. Не было примѣчанія.
- » 140— 5 св. Вмѣсто «прекрасные»: «прескромные».
- » » —12 св. Не было «Среди дня?»
- » » —13 св. Не было «каменнаго ли угля принести».
-
- » 141— 2 св. Не было «Avenue Marigny». «8».
- » » —13—12 сн. Не было «Пьеса очеркомъ».
- » 142—20 св. Не было «торжественный входъ, вотъ».
- » 143— 7 св. Не было «тѣ ѣхать!»
- » » —13 св. Не было «знакомыя все лица».
- » » —14 св. Не было «откуда друзья».
- » » — 6—4 сн. Примѣчанія не было.
- » 144— 5 сн. Послѣ «покраснѣли?»: «надобно умѣть довольствоваться голодомъ, ходя мимо Шеве».
- » 147— 1—3 св. Не было «Но что ее».
- » » — 3 сн. Вмѣсто «Pour un sou!»: «cinq centimes! Un sou!».
- » 148—2-го примѣчанія не было.
- » 149— 2—9 св. Не было «Вы думаете Théâtre Français?»
- » » —12 сн. Послѣ «ошибался?»: «Робеспьеръ возилъ свою Элеонору въ Théâtre Français и дома читалъ ей Британика, наскоро подписавши дюжины три приговоровъ».
- » 150—20 сн. Не было «Но».
- » » —18 сн. Послѣ «Шекспира»: «Рембрандта».
- » » —17 сн. Не было «надолго остановиться».
- » » —14—11 сн. Вмѣсто «полькой на сцену»: «Севильскимъ цырульникомъ».
- » 151—12 св. Вмѣсто «Магдалина Мурильо»: «Мадона Рафаэля».
- » » —12 св. Не было «не ищите».
- » » —13 св. Послѣ «искусствѣ»: «нѣтъ».
- » » —13—16 св. Вмѣсто «пышетъ . . . къ вискамъ»: «мы находимъ, на примѣръ, въ страстныхъ глазахъ, особо разсѣченныхъ и суженныхъ къ вискамъ, египетскихъ изваяній».
- » 151— 8 сн. } Не было «Я не стану Рашели».
- » 152— 2 св. }

- Стр. 151— 4—2 сн. Не было примѣчанія 2-го.
- » 152— 3 св. Вмѣсто «ней»: «самой Рашели».
- » » —14 св. Не было «и исполниться злобы, гнѣва, суровости».
- » » —16 св. Вмѣсто «Я на Мари Стюартъ»: «Она можетъ сдѣлаться страшна, свирѣпа... до «эхиднаго выраженія».
- » » —21—27 св. Вмѣсто «Жоржъ не граціи лицо»: «Сестра ея Judith очень мила».
- » 153— 4 св. Вмѣсто «статуй»: «формъ».
- » » —11 св. Послѣ «она»: «также».
- » » —22 св. Не было «моимъ изрѣдка».
- » 154—13 св. Не было «и Корсерѣ».
- » 155— 2 св. Не было «другъ другу даютъ пощечины».
- » » — 4 св. Вмѣсто «только»: «какъ».
- » » — 8 св. Послѣ «мною»: «и все это».
- » » —10 св. Вмѣсто «Прощайте»: «Ну, и выйдемте!».
- » » —12 св. Не было «З».
- » » —13—21 св. Вмѣсто «Мнѣ на роду намѣреніе»: «Пока я собирался со славянской медлительностью».
- » » —21 св. Вмѣсто «благородномъ»: «парламентскомъ».
- » » —22 св. Вмѣсто «газеты Presse»: «*прессы*».
- » » —23—33 св. Вмѣсто «о турнирѣ вліянія»: «и тѣмъ доставимъ небольшое разсвѣяніе добрымъ мѣщанамъ, скучающимъ въ пользу отечества въ Palais Bourbon, произошло столько турнировъ, кулачныхъ боевъ, взаимныхъ обвиненій, травль и судебныхъ разспросовъ, чрезвычайныхъ случаевъ и случайныхъ чрезвычайностей, что стыдно поминать мягкія обвиненія въ «злоупотребленіи» вліянія въ коммерціи пѣрствомъ. Новые герои съ неустрашимой послѣдовательностью нѣмецкихъ философовъ и итальянскихъ бандитовъ дошли до конца того поприща, которое начинается».
- » 156— 4 св. Вмѣсто «прогулками»: «salto mortale».
- » » — 5 св. Вмѣсто «на которой сторонѣ»: «по которую сторону».
- » » — 6 св. } Вмѣсто «Картушъ О, журналы, журналы!»: «Итакъ,
- » 158—16 сн. } оставимте дѣло Жирардена! Оно же окончилось очень хорошо и къ общему удовольствію; камера депутатовъ оправдала министровъ, камера пѣровъ оправдала Жирардена. Ясное дѣло, обѣ стороны были правы»...
- » » —10 сн. Не было «высосанная ею».
- » » — 7 сн. Вмѣсто «Тамъ»: «Въ Неаполѣ», не было «и прозрачны».
- » 159— 3 св. Вмѣсто «въ»: «на», вмѣсто «прелестной»: «такой-то».
- » » — 4—6 св. Не было «Хорошо разврата».
- » » — 8 св. Не было «праздничную».
- » » — 9 св. Вмѣсто «Не лучше ли»: «Зачѣмъ».
- » » —10 св. Вмѣсто «не»: «зачѣмъ».
- » » —11 св. Вмѣсто «крапива соловья»: «злые люди, тифоидныя горячки, горькое масло и поддѣльное шампанское».

Стр. 159—13 св. } Вмѣсто «Да какая же моихъ словъ»: «Все
 » 160— 4 сн. } журналы виноваты! Зачѣмъ всякій вздоръ доводитъ до
 общаго свѣдѣнія.

Я вамъ разсказывалъ, какъ одинъ поврежденный докторъ принималъ журналы за бюллетени сумасшедшихъ домовъ; это былъ человѣкъ отсталый, — теперь журналы — бюллетени смиренныхъ домовъ и галеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція ни въ какое время не падала такъ глубоко въ нравственномъ отношеніи, какъ теперь. Она больна. Это чувствуютъ всѣ: Гизо и Прудонъ, префектъ полиціи и Викторъ Консидеранъ».

» 160— 3 сн. } Вмѣсто «и ажіотеровъ какого-то»: «да и та
 » 161— 2 св. } боится впередъ заглядывать. Чѣмъ недовольны, знаютъ
 многіе, чѣмъ поправить и какъ—почти никто, ни даже социалисты,
 люди».

» » — 4—8 св. Вмѣсто «Почти Они»: «Ни журнальная, ни парла-
 ментская оппозиція».

» » — 9 св. Вмѣсто «они не знаютъ»: «ни»; не было «и».

» » —10 св. Послѣ «оттого»: «-то она и».

» » —11 св. Вмѣсто «нихъ»: «нея».

» » —11 св. Вмѣсто «они»: «она».

» » —12—13 св. Вмѣсто «ибо присутствіе»: «сознаніе».

» » —13 св. Послѣ «чтобы»: «рано или поздно».

» » —13—15 св. Не было «тому обвиненіямъ».

» » —18 св. Не было «овладѣли всѣми сословіями».

» » —18 св. Не было «великія».

» » —20 св. Послѣ «заставлявшія»: «ихъ».

» » —20 св. Вмѣсто «исчезли»: «для того, чтобы взять оружіе и итти
 на защиту своей святыни и на низверженіе враждебныхъ кумировъ,
 потеряли свою магнетическую силу».

» » —21 св. Вмѣсто «верховное существо»: «Богъ».

» » —22 св. Не было «по привычкѣ, изъ учтивости».

» » —23 св. Вмѣсто «ихъ»: «благородныхъ» идей и «возвышенныхъ»
 цѣлей».

» » —23 св. Не было «матеріальныя удобства».

» » —24 св. Не было «государственныхъ вопросами».

» » —17—13 сн. Вмѣсто «Тотъ, кто разрѣшенія»: «Въ самомъ
 дѣлѣ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи на первомъ планѣ.
 Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего».

» » —12 сн. Вмѣсто «поставить на первый планъ тотъ вопросъ»: «при-
 знать важность вопроса».

» » — 9 сн. Вмѣсто «досуга, необходимаго для развитія»: «пищу и до-
 сугъ».

» » — 5 сн. Вмѣсто «изучили»: «прошли».

» » — 4 сн. Вмѣсто «обратились»: «должны были обратиться».

» » — 4 сн. Послѣ «тому»: «существенному».

- Стр. 161— 3 сн. Вмѣсто «онъ»: «вопросъ этотъ».
- » » — 1 сн. Вмѣсто «и самый»: «самый глубокой, самый жизненный».
- » » — 1 сн. Послѣ «существенной»: «и по преимуществу практической»
- » 162— 1 св. Вмѣсто «Сѣверной Америкѣ и въ Англи,—во Франціи; въ»
«одной Франціи; въ Сѣверной».
- » » — 3—8 св. Вмѣсто «Все это чловѣчественно»: «во Франціи онъ, какъ и все другое, получилъ всемірную гласность. Жизнь Франціи шумнѣе, сообщительнѣе англійской, въ ней все дѣлается громко, все для всѣхъ».
- » » — 9 св. Не было «ей польза».
- » » —14—16 св. Вмѣсто «Гегель хотѣла»: «Гегель сравниваетъ Индію съ родильницей, которая, произведя на свѣтъ прекраснаго ребенка, ничего больше для себя не хочетъ».
- » » —16 св. Послѣ «Франціи»: «напротивъ».
- » » —17 св. Послѣ «тяжкихъ»: «и частыхъ».
- » » —17 св. Вмѣсто «можетъ забывать»: «въ силахъ носить своихъ дѣтей».
- » » —13 сн. Вмѣсто «міра дѣйствительности»: «дѣйствительнаго міра».
- » » —13 сн. Вмѣсто «слѣдующее замѣчаніе»: «отъ».
- » » —12 сн. Не было «стараго».
- » » —10 сн. Вмѣсто «все прекрасное»: «религію».
- » » — 4 сн. Не было «И».
- » » — 3 сн. Вмѣсто «въ»: «подъ».
- » 163— 5 св. Не было «страшно выговорить».
- » » — 5 св. Вмѣсто «которымъ съ ироніей»: «гордо улыбаясь».
- » » —10 св. Вмѣсто «подъ и проч.»: «Италію».
- » » —12 св. Не было «Оттого-то» «правильно».
- » » —14 св. Вмѣсто «и что»: «;».
- » » —15 св. Послѣ «стоитъ»: «еще теперь».
- » » —17—19 св. Вмѣсто «Поэтическіе юношей»: «Поэтическими интересами, увлеченіями врядъ поднимете ли теперь взрослые народы, Англию или Сѣверную Америку. Это—слѣдствіе лѣтъ; нельзя на всю жизнь быть юношей, бретеромъ, горячей головой».
- » » —21 св. Вмѣсто «Наполеона»: «оканчивающейся стономъ подѣ Ватерлоо».
- » » —22 св. Послѣ «обществъ»: «въ Европѣ».
- » » —22—26 св. Не было «Финаль французовъ».
- » » —15—12 сн. Вмѣсто «сколько крови буржуазіи»: «крови, великаго было въ этомъ финалѣ, какой разгромъ, какая перемѣна предѣловъ, условій жизни, обычаевъ, вѣрованій—и что же вышло выстроилось, осталось, кромѣ легенды и пѣсней? Сама буржуазія на дняхъ произнесла въ своемъ дворцѣ страшныя дантовскія слова».
- » » —11—5 сн. } Вмѣсто «Но вы финансовыхъ вопросовъ»: «Франція, замѣтивъ эту пустоту, ринулась въ другую сторону, ударила въ противоположную крайность,—экономическіе вопросы убили всѣ остальные».
- » 164— 4 св. }

- Стр. 164— 4—8 св. Вмѣсто «вдались благосостояніе»: «отдались имъ и, какъ всегда бываетъ, увлекли съ собою людей ограниченныхъ, которые всякую истину доводятъ до нелѣпости, до цинизма, особенно такое близкое душѣ и соизмѣримое ученіе, какъ ученіе о развитіи матеріальнаго благосостоянія».
- » » —10 св. Не было «но».
- » » —12 св. Не было «благородному».
- » » —12 св. Вмѣсто «имъ»: «идеямъ и общимъ принципамъ».
- » » —13 св. Вмѣсто «благами»: «дѣлами, жизнью».
- » » —13 св. Послѣ «Теперь»: «послѣ безплодныхъ жертвъ, послѣ долгихъ несчастій, люди».
- » » —13 св. Послѣ «увидѣли»: «всю».
- » » —14 св. Вмѣсто «отвернулись этотъ очень»: «и предались одному экономическому вопросу. Разумѣется».
- » » —16 св. Послѣ «поднять»: «его»; послѣ «высокую»: «и общую»; не было «общечеловѣческихъ интересовъ».
- » » —17 св. Вмѣсто «онъ значенія»: «его значеніе односторонне и бѣдно».
- » » —17 сн. Не было «объ улучшеніи машинъ».
- » » —16 сн. Послѣ «для»: «полученія».
- » » —15 сн. Вмѣсто «движенія»: «увеличенія».
- » » —14 сн. Вмѣсто «патологическій»: «*политическій*»; вмѣсто «За фیزیологическій» («*эمبرіогенический*, если хотите) современнаго общественнаго устройства—за нормальный».
- » » —12 сн. Вмѣсто «общество»: «государства».
- » » —11 сн. Вмѣсто «занимаясь»: «она занималась».
- » » —11—8 сн. Вмѣсто «она мертвый»: «равно оставляя безъ вниманія того, который не производитъ за недостаткомъ орудій, и того, который лѣниво тратитъ».
- » » — 7 сн. Вмѣсто «должна была сдѣлать великій»: «могла имѣть».
- » » — 6 сн. Не было «и буржуазіи».
- » » — 5 сн. Послѣ «нихъ»: «напротивъ».
- » 165— 1 св. Не было «Критика удалась вполнѣ»; послѣ «нѣсколько» «энергическихъ»; послѣ «сильныхъ»: «юныхъ».
- » » — 2 св. Вмѣсто «бѣдныхъ классовъ»: «пролетаріевъ».
- » » — 5 св. Вмѣсто «Понявши вопросовъ»: «Они обратились тоже къ политической экономіи».
- » » — 6 св. Послѣ «Но»: «какой отвѣтъ»; не было «какое утѣшеніе».
- » » — 7 св. Не было «холодной»; вмѣсто «которая говорила»: «послѣдовательно говорившей».
- » » — 9 св. Послѣ «12»: «—14»; послѣ «часовъ»: «въ сутки»; вмѣсто «умирай»: «ты умрешь»; вмѣсто «прибавляя къ этимъ совѣтамъ» «Къ этимъ совѣтамъ человѣколюбивая наука прибавляла».
- » » —11 св. Вмѣсто «жизнью на ея пиръ»: «природой на пиръ жизни» вмѣсто «безчеловѣчную»: «злую».

Стр. 165—13—16 св. Вмѣсто «что въ критики»: «бросила старую безжалостную науку».

» » —17 св. Вмѣсто «наше проклятіе»: «нашъ предѣлъ»; послѣ «политическая экономія»: «въ ея ограниченно-доктринерской и мѣщанской формѣ».

» » —18—28 св. Вмѣсто «Благородное поэзіей»: «Все то, что ставила она, казалось, было неуклюже. Видя это, критика свирѣпѣла еще больше.

Но критика и сомнѣніе не народны. Народъ требуетъ готоваго ученія, вѣрованія, ему нужна догматика, опредѣленная межа. Люди, сильные на критику, были слабы на созданіе; народъ слушалъ ихъ, но качалъ головой и чего-то все доискивался.

Во всѣхъ новыхъ утопіяхъ было много развѣдающаго ума и мало творческой фантазіи.

» » —14 сн. Вмѣсто «юны»: «поэты и дѣти»; вмѣсто «однѣми»: «отвлеченными мыслями и чисто».

» » —12 сн. Передъ «изъ-за»: «сверхъ того»; вмѣсто «бѣдности»: «и тяжелой».

» » —11 сн. Вмѣсто «пресыщенія и лѣни»: «и лѣниваго пресыщенія».

» » — 9 сн. Вмѣсто «новой экономической науки»: «новаго хозяйственнаго устройства».

» » — 8 сн. Вмѣсто «истинъ и фактическихъ»: «предразсудковъ, фактическихъ стародавностей, фантастическихъ».

» » — 6 сн. } Вмѣсто «никогда не достигали Аполлонъ Са-
» 173— 6 св. } вромахъ!»:

«полны нравственности и преданности, но не знали, какъ навести мосты изъ всеобщности въ дѣйствительную жизнь, изъ стремленія въ приложеніе.

И не странно ли, что человѣкъ, освобожденный новой наукой отъ нищеты и отъ несправедливаго стяженія — все же не дѣлался свободнымъ человѣкомъ, а какъ-то затерялся въ общинѣ? Хоть это лучше, нежели человѣкъ-машина, человѣкъ-снарядъ, но все же оно тѣсно, неудовлетворительно. Понять всю ширину и дѣйствительность, понять всю святость правъ личности и не разрушить, не раздробить на атомы общество — самая трудная социальная задача. Ее разрѣшить, вѣроятно, сама исторія для будущаго, въ прошедшемъ она никогда не была разрѣшена.

Новое ученіе продолжало борьбу со старымъ не въ народныхъ движеніяхъ, не переворотами, но въ мірѣ литературно-образованномъ. Старая наука, вовлеченная въ злую полемику, не была въ авантажѣ. Умы свѣжіе, дѣятельные, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставляли ее, одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ ученій, другіе, видя недостаточность прежнихъ.

Старая наука вскорѣ увидѣла опасность.

У нея было много поклонниковъ, она была государственная, официальная, мѣщанская наука. Жадная и скупая посредственность ухватилась за прежнюю политическую экономію. Не глубокая сама по себѣ, наука Мальтуса и Сэя измельчала, выродилась въ торговую смысленность, въ искус-

ство съ наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведений и обеспечивать имъ наивыгоднѣйшій сбытъ. Наука дала имъ въ руки кистень, который бьетъ обоими концами бѣднаго потребителя: въ одну сторону уменьшеніемъ платы, въ другую поднятіемъ цѣнъ на произведенія.

Во время реставраціи, когда соціальныя идеи были чистой мечтой, далекой какъ Атлантида Моруса, буржуазія либеральничала съ своей политической экономіей, да и какъ ей было не либеральничать? Всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли плоды только среднему состоянію.

Іюльская революція испугала ее республикой. Она тотчасъ нашла своего мѣщанина-короля. Но когда проповѣди улицы Менильмонтанъ стали комментироваться ліонскими и парижскими работниками, когда страшная хоругвь съ надписью: *Vivre en travaillant ou mourir en combattant!*—мрачно прогулялась по площадямъ, когда все это вмѣстѣ грозило испортить хозяйство и спутать прихода-расходныя книги, буржуазія разомъ отеклась отъ всего либеральнаго, кромѣ кукольной комедіи представительной камеры, представлявшей опять ее же самоѣ. Переимѣну эту въ поведеніи буржуазія сдѣлала съ наглостью, она прямо и открыто стала за монополію, за премію, которую она вырываетъ изъ рукъ работника капиталомъ.

Эксплоатація пролетарія была приведена въ систему, окружена всею правительственной силой; нажива дѣлалась страстью, религіей; жизнь сведена на средство чеканить монету, государство, судъ, войско — на средство беречь собственность.

За римскимъ распутствомъ шло монашеское христіанство, за мистицизмомъ и изуверствомъ — кошунство и скептицизмъ, за идеализмомъ — матеріализмъ, за терроромъ — Наполеонъ, за *безсребренной* Горой, за мечтательной Жирондой — алчная, стяжающая буржуазія; это *lex talionis* исторіи наказаніе за прошлую односторонность. Пренебреженіе къ экономическимъ вопросамъ въ прошлую эпоху и исключительное занятіе политическими вызвало пренебреженіе къ политикѣ и поглотило государственной экономію всѣ остальные интересы.

Революціонеры первой революціи — идеалисты-художники. Мѣщане съ самаго появленія представляютъ прозу жизни, домохозяина больше, нежели гражданина,—домохозяина, занимающагося частными дѣлами, строящаго фабрики, а не церкви. Либералы-идеалисты толковали о самоотверженіи и презирали на словахъ, а иногда и на самомъ дѣлѣ пользу; они любили «славу» и не занимались рентой. Буржуазія исключительно занимается рентой, смѣется надъ самоотверженіемъ и хлопочетъ только о пользѣ. Тѣ приносили выгоду на жертву идеямъ, буржуазія принесла идеи на жертву годамъ. Тѣ лили кровь за права, буржуазія теряетъ права, но бережетъ кровь. Она эгоистически труслива и можетъ подняться до геройства, только защищая собственность, ростъ, барышъ.

Между тѣмъ со дна океана народной жизни поднимался тихо, но мощно тотъ же экономическій вопросъ, но *обратно* поставленный, та же замѣна революціоннаго идеализма вопросомъ о хлѣбѣ, но со стороны немущаго.

Борьба была очевидна, неминуема; характеръ ея можно предсказать.

Голодный человекъ свирѣпъ, но и мѣщанинъ, защищающій собственность, свирѣпъ. Надежда у буржуазіи одна—невѣжество массъ. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страданіе образуютъ быстрѣе, нежели думаютъ. Можетъ, массы долго не поймутъ, чѣмъ помочь своей бѣдѣ, но онѣ поймутъ, чѣмъ вырвать изъ рукъ несправедливыя права, не для того, чтобъ воспользоваться, а чтобъ разбить ихъ, не для того, чтобъ обогатиться, а чтобъ пустить другихъ по міру.

Знало ли дворянство близость своихъ судебъ, когда Сіэйсъ спрашивалъ: «Что такое среднее состояніе?» А развѣ мы не слышимъ со всѣхъ сторонъ вопросъ: «что такое работникъ?»... и угрюмый отвѣтъ: «ничего?»

Вѣдь и онъ можетъ повѣрить, какъ нѣкогда повѣрила буржуазія, что она «все».

Дворянство имѣло, по крайней мѣрѣ, 4 августа, буржуазія не будетъ его имѣть, — и это очень жаль. Пока какой-нибудь элементъ общественный еще живъ, какъ бы онъ ни былъ близокъ къ смерти, и какъ бы смерть его ни была неотвратима, онъ многое можетъ сдѣлать для того, чтобы кончина его была честна, менѣе насильственна, и наоборотъ.

Буржуазія не поступитъ ни одной изъ своихъ монополій и привилегій. У нея одна религія—собственность со всѣми ея римско-феодальными послѣдствіями. Тутъ фанатизмъ и корысть вмѣстѣ, тутъ ограниченность и эгоизмъ, тутъ алчность и семейная любовь вмѣстѣ.

Улыбка пренебреженія—не новость въ исторіи; за нею скрываются не только глупая самонадѣянность и ограниченность, но и страхъ, нечистая совѣсть, недостатокъ разумныхъ доводовъ, собственная несостоятельность и даже признаніе силы въ томъ, надъ чѣмъ смѣемся. Это улыбка римскихъ патриціевъ надъ назаряями, римскихъ кардиналовъ надъ протестантами, Наполеона надъ идеологами, это улыбка дворянъ, когда буржуазія требовала себѣ тѣхъ правъ, которыя отказываетъ теперь народу.

Грубый смѣхъ высокомерной посредственности принадлежитъ, наконецъ, всѣмъ мелкоробочимъ рода человеческого. Уткнувши носъ въ счетную книгу, прозябаютъ тысячи людей, не зная, что дѣлается внѣ ихъ дома, ни съ чѣмъ не сочувствуя и машинально продолжая ежедневныя занятія. Разумѣется, они превосходно знаютъ все, входящее въ тѣсный кругъ ихъ, и знаніе свое выдаютъ за великую практическую мудрость и житейскую науку, передъ которой всѣ другія науки и мудрости—мыльные пузыри. Имъ часто удается своими рутинными замѣтками подавлять на время неопытныхъ юношей, которые, краснѣя, удивляются ихъ основательной положительности и наторѣлому бездушію.

Роль этихъ гоуэс, улыбающихся при словѣ общихъ интересовъ, религіозныхъ вопросовъ, пренебрегающихъ мыслями и страстями, чрезвычайно любить буржуазія. Это ея поэзія, ея ненужность, а съ тѣмъ вмѣстѣ ея близость къ паденію.

Тяжелый и доктринерскій характеръ, который буржуазія вноситъ въ свою практическую гоетіе, всего яснѣе показываетъ различіе ея съ гоуэс времянъ регентства и Людовика XV. Тѣ были легкомысленные развратники, блудныя дѣти отжившей аристократіи, распутная, избалованная дворня боль-

шого барина; у нихъ страсть къ деньгамъ и философское равнодушіе къ средствамъ ихъ приобрѣтать сопровождалась страстью ихъ бросать; они были вивёры, беззаботные gamins въ шестьдесятъ лѣтъ, у нихъ не было никакихъ теорій, они ни объ чемъ не думали всю жизнь, но за малѣйшую обиду дрались. Тяжелые *roués* XIX вѣка пресерьезные; говорятъ такъ основательно, слушали Росси, читали Мальтуса, дѣльцы, депутаты, министры, журналисты; у нихъ свои теоріи и ученія, у нихъ продѣлки приведены въ систему, они денегъ не бросаютъ и не дерутся за всякую обиду, они либералы и ссылаются часто на *glorieuse révolution du 30 Juillet*, они даже филантропы, хотя не до того, чтобъ вотировать хлѣбъ вмѣсто экзекуціи, когда люди впадаютъ въ ярость отъ голода ¹⁾. Они, сверхъ того, строгихъ нравовъ, толкуютъ о семейныхъ добродѣтеляхъ и объ обязанностяхъ честнаго человѣка, у нихъ есть цѣлая воскресная, театральная мораль, въ родѣ той, которую риторически проповѣдуютъ предсѣдатели коррекціональной полиціи и многоглаголивые королевскіе прокуроры.

Оппозиція Людовику XVIII и Карлу X спасала буржуазію отъ того односторонне-ограниченнаго *plі*, которое она приняла теперь. Она покрывала неправое стяжаніе борьбой за права.

Народъ сначала не замѣчалъ, какая монополія въ рукахъ буржуазіи, видя въ ней защитника этихъ мнимыхъ, а въ сущности бесполезныхъ для него правъ; но страсть, съ которой буржуазія предавалась стяжанію и ажіотажу, пренебреженіе ко всѣмъ другимъ вопросамъ, ожесточеніе ея противъ неимущихъ, — не могли не раскрыть глаза народу, особенно когда за него принялись такіе офталмисты, какъ Сень-Симонъ, Фурье, Прудонъ и пр.

Борьба началась; кто побѣдитъ, не трудно предсказать; рано или поздно *per fas et nefas побѣдитъ* новое начало. Таковъ путь исторіи. Вопросъ тутъ не въ правѣ, не въ справедливости, а въ силѣ и въ современности.

Дворянство имѣло не меньше правъ на свое исключительное положеніе въ государствѣ, нежели буржуазія, но оно не удержалось ни мечемъ, ни родословіемъ, ни королевской опорой; королевство стащило его съ собой на *Place de la Révolution*, и оно принуждено было спастись бѣгствомъ.

Гдѣ же буржуазія найдетъ силу, съ своимъ *crédit et débit*, съ своей биржей и банкомъ, съ своимъ политическимъ атеизмомъ въ одну сторону, и религіей монополіи въ другую сторону? Короли царствовали во имя Божье, дворяне защищали государство во имя короля. Мѣщане обогащаются въ *свое* имя, берутъ себѣ барыши, заставляя короля защищать свои капиталы—дѣтьми стариковъ, которыхъ ограбили и разорили.

Письмо мое становится чудовищно. Прощайте, иду смотрѣть окончаніе процесса, за которымъ я слѣдилъ съ самаго начала.

Входя въ французскій судъ, вы отступаете вѣка на два, на три. Судьи, адвокаты, прокуроръ въ маскарадныхъ платьяхъ напоминаютъ средніе вѣка, другіе нравы, чуждые намъ такъ, какъ условно-тяжелый языкъ ихъ протоколовъ и напыщенное, холодно-взбитое краснорѣчіе.

¹⁾ Въ самое то время казнили четырехъ работниковъ въ Бюенсѣ. — А. И. Г.

Прокуроръ витійствуетъ противъ обвиненныхъ съ яростнымъ, суровымъ ожесточеніемъ. Правъ ли, виноватъ ли подсудимый, онъ считаетъ личной обидой, несчастіемъ, безчестіемъ, если его не приговорятъ къ чему-нибудь. Онъ тронуть, онъ плачетъ, если успѣетъ вымолить наибольшее наказаніе. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту злобу, съ которой прокуроръ преслѣдуетъ свою жертву и толкаетъ ее подъ ножъ гильотины, точно будто ихъ особо воспитываютъ, какъ бульдоговъ, или отдаютъ, какъ Ромула и Рема, en pougice въ Jardin des Plantes волчихамъ.

И все-то это—притворство и промыселъ!»

463. Напечатано въ небольшомъ извлеченіи въ статьѣ г. Иванова-Разумника, на стр. 193—195 IV кн. «Современника» 1912 г.; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго, вѣроятно, отъ Корша; подлинникъ не найденъ.

464. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, полученнымъ мною отъ М. К. Рейхель и переданнымъ въ Академію Наукъ; надпись сдѣлана на оттискѣ I—III «Писемъ изъ Avenue Maigny», заключенномъ въ чистую безъ печати обертку.

465. Напечатано во II кн. «Современника» 1848 года, цензурная дата 31 января, съ подписью «Искандеръ», потомъ въ сборникѣ «На нѣсколько часовъ», вып. II, Спб. 1867, съ подписью * * *, въ сборникѣ «Раздумье», М. 1870 г., въ III т. Жен. изд. и I т. Спб. изд.; черновая рукопись воспроизведена въ IV кн. «Рус. Старины» 1889 г.; переводъ—въ «Oeuvres de A. Herzen. Récits et nouvelles», Paris. 1870 г. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Современнику»; въ Жен. и Спб. изд. есть нѣсколько небрежныхъ пропусковъ, но тамъ же и три-четыре небольшихъ отступленія отъ текста, которыя, однако, въ виду общей небрежности обоихъ этихъ изданій, я не рѣшаюсь повторить, предпочитая избрать текстъ, сданный Герценомъ въ оба указанные сборника при своей жизни. Это произведеніе, какъ мы уже видѣли, было написано въ 1846 году, послано въ альманахъ Бѣлинскаго, но появилось въ свѣтъ только въ «Современникѣ». Бѣлинскій писалъ Герцену, еще не получивъ повѣсти: «увѣренъ, что это граціозно-остроумная и, по твоему обыкновенію, дьявольски умная вещь; но послѣ «Кто виноватъ?» во всякой твоей повѣсти не такой пробы ты всегда будешь безъ вины виноватъ. Если бы я не цѣнилъ въ тебѣ человѣка такъ же много или еще и больше, нежели писателя, я, какъ Потемкинъ Фонвизину послѣ представленія «Бригадира», сказалъ бы тебѣ: «Уми, Герценъ!», но Потемкинъ ошибся: Фонвизинъ не умеръ и потому написалъ «Недоросля». Я не хочу ошибаться и вѣрю, что послѣ «Кто виноватъ?» ты напишешь такую вещь, которая заставитъ всѣхъ сказать о тебѣ: «Правъ, собака! Давно бы ему приняться за повѣсти!» Вотъ тебѣ и комплиментъ и посильный каламбуръ» («Письма», III, 99). Прочтя повѣсть, Бѣлинскій писалъ Герцену въ февралѣ 1846 г.: «Твоя «Сорока-воровка» отзывается анекдотомъ, но рассказана мастерски и производитъ глубокое впечатлѣніе. Разговоръ—прелесть, умно чертовски. Одного боюсь: всю запретятъ. Буду хлопотать, хотя въ душѣ и мало надежды» (тамъ же, 102).

Читатель помнитъ, что этотъ «анекдотъ» рассказанъ былъ Герцену М. С. Щепкинымъ, которому и посвящено произведеніе.

Когда оно появилось въ свѣтъ, Бѣлинскій писалъ: «Сорока-воровка» напечатана и прошла съ небольшими измѣненіями—несмотря на нихъ, мысль ярко выказывается. «Сорока-воровка» имѣла большой успѣхъ» («Письма», III, 338).

Въ I кн. «Современника» 1849 г. о «Сорокѣ-воровкѣ» было сказано: «Г. Григоровичъ и авторъ романа «Кто виноватъ?» напечатали въ прошломъ году по одному легкому очерку, въ которыхъ особенно проявились качества и родъ мастерства, свойственныя этимъ писателямъ, столь противоположнымъ другъ другу по таланту... Авторъ, уже извѣстный своимъ романомъ «Кто виноватъ?», составляетъ совершенную противоположность по манерѣ съ г. Григоровичемъ. Онъ не слѣдитъ, какъ тотъ, безъ усталости за своимъ героемъ и даже не всегда остается ему вѣрнымъ до конца, какъ это случилось въ отношеніи Бельтова, одного изъ главныхъ лицъ въ его романѣ. Единственная цѣль его, единственная забота, видимо оковывающая все вниманіе его, состоитъ въ невозможномъ болѣе яркомъ выраженіи основной идеи разсказа. Послѣдній эскизъ его («Сорока-воровка») легко могъ бы служить подтвержденіемъ всему, что нами сказано объ условіяхъ беллетристики и ея значеніи. Какъ осторожно обойдено въ немъ все рѣзкое и угловатое, на чемъ непремѣнно споткнулся бы писатель менѣе опытный; съ какимъ уваженіемъ къ эстетическому чувству читателя разсказано происшествіе, которое подъ другимъ перомъ легко могло бы оскорбить его! Если во всемъ этомъ нѣтъ чистаго художества, то есть художическая, такъ сказать, изворотливость, всего лучше доказывающая всегдашнее присутствіе мысли, безпрестанно отыскивающей для себя необходимый истокъ» (стр. 21).

Преступность «Сороки-воровки» привлекла къ себѣ вниманіе анонимнаго доносчика, включившаго и ее въ рубрику вредныхъ сочиненій Герцена (стр. 212, кн. IV «Голоса Минувшаго» 1913 г.).

466. Напечатано небрежно на стр. 625 книги «П. В. Анненковъ и его друзья»; подлинникъ не найденъ; очевидныя ошибки исправлены.

467. Напечатано неполно въ IV кн. «Современника» 1848 г. съ подписью «Искандеръ», полно—въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862 г.; затѣмъ въ сборникѣ «Раздумье», М., 1870 г., въ VIII т. Жен. изд. и неисправно въ IV т. Спб. изд.; свѣрено по лондонскому изданію; подлинникъ не найденъ.

Статья написана въ концѣ 1843 г. (см. № 370) и предназначалась въ какой-то сборникъ; въ 1845 г. предполагалось послать ее Краевскому (см. № 433), но напечатана позднѣе и притомъ съ такой датой, которая ясно указываетъ на существенныя передѣлки, давшія автору поводъ датировать ее уже сентябремъ 1846 г. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и передъ напечатаніемъ ее въ 1848 г. статья вновь подверглась измѣненіямъ, которыя и чувствуются въ строкахъ о мѣщанствѣ. Анонимный доноситель включилъ и ее въ число характерныхъ для «Современника» и автора («Голосъ Минувшаго» 1913, IV, 212).

Г. Ивановъ-Разумникъ отмѣчаетъ въ этой статьѣ ясно выразившійся социологическій индивидуализмъ («Исторія рус. обществ. мысли», I, 372—373).

467 bis. Напечатано въ т. I «Рус. пропилеевъ» М. О. Гершензона; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приписка къ письму Н. А—ны.

468. Напечатано неполно въ ст. г. Иванова-Разумника «Три письма Герцена», «Современникъ» 1912, IV; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Г. Ивановъ-Разумникъ указываетъ, что въ этомъ письмѣ, «наряду съ рядомъ ошибочныхъ суждений мы находимъ рядъ гениальныхъ прозрѣній, ясно показывающихъ, что если Герценъ и ошибался въ оцѣнкѣ соціального потрясенія 1848 г., то его политическую сторону онъ понималъ какъ никто. Онъ предугадалъ итальянскую войну, предугадалъ побѣду французовъ надъ австрійцами и предугадалъ, что въ побѣдѣ этой «тутъ-то и карачунъ республикъ, и мы спокойно вѣдемъ въ имперію, подъ какимъ бы именемъ ни было...» Герценъ предугадалъ Луи Бонапарта и укрѣпленіе его имперіи побѣдой надъ австрійцами; онъ предугадалъ, что только пораженіе французовъ «уронитъ военную диктатуру», что и случилось двадцать два года спустя (1870 г.).»

469. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

470. Напечатано небрежно въ III т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 104; и исправно въ I т. «Рус. пропилеевъ» М. О. Гершензона; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приписка къ письму Н. А.—ны.

471. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

472. Напечатано въ книгѣ: «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 631; подлинникъ не найденъ.

473. Напечатано въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; дата устанавливается по настроенію Герцена и указанію на сочиненія, упомянутыя въ № 472.

474. Напечатано небрежно въ III т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 89. Это чуть ли не единственное изъ напечатанныхъ ею письмо, подлинникъ котораго цѣлъ и хранится въ Рум. музеѣ, и по нему можно убѣдиться, какъ обращалась Пассекъ съ имѣвшимися у нея матеріалами. Послѣ подсчета оказывается, что въ этомъ небольшомъ и очень ясно написанномъ письмѣ она сдѣлала: 8 буквенныхъ ошибокъ, 6 ошибокъ въ словахъ, 43 слова пропустила и вмѣсто одного подчеркнутаго слова подчеркнула 22...

475. Напечатано въ т. I «Рус. пропилеевъ» М. О. Гершензона; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; приписка къ письму Н. А.—ны.

476. Напечатано крайне небрежно въ III т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 108; и съ нѣсколькими ошибками въ т. I «Рус. пропилеевъ» М. О. Гершензона; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; приписка къ письму Н. А.—ны. Видимо это не все письмо, но остальное въ немъ неизвѣстно.

477. Напечатано крайне небрежно въ III т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 106; и исправно въ т. I «Рус. пропилеевъ» М. О. Гершензона; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; приписка къ письму Н. А.—ны къ Н. А. Тучковой отъ 6 апрѣля 1849 г.

478. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

479. Напечатано неисправно и неполно въ XII кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 167; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

480. Напечатано очень неполно въ XII кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 168; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

481. Напечатано неисправно въ XII кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 169; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

482. Напечатано вполнину въ XII кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 171; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

483. Напечатано вполнину въ XII кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 172; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

484. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова. По словамъ Пыпина, всѣ русскія фамилии зачеркнуты, но только двѣ изъ нихъ нельзя прочесть.

485. Напечатано наполовину въ статьѣ г. Иванова-Разумника (кн. IV, «Современника», 1912); свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова.

486. Напечатано: по-французски въ supplement «La Voix du Peuple» 1849 г., №№ 50 (19 ноября), 57 (26 ноября) и 71 (10 декабря), съ подписью «Un russe»; свѣрено по газетѣ; подлинникъ не найденъ. По-русски появляется впервые; коротко содержаніе было передано на стр. 70—74 «Былого» 1907, кн. IV, статья г. Гершензона.

Переводъ на нѣмецкомъ языкѣ, сдѣланный съ помощью Ф. Каппа и Г. Гервега, вошелъ въ изданіе «Vom andern Ufer», 1850 г., съ полнымъ посвященіемъ: An Georg Herwegh», которое было и заглавіемъ. Подпись «Barbar». Варианты въ нѣмецкомъ текстѣ указаны ниже по-русски; переводъ на итальянскій языкъ сдѣланъ съ нѣмецкаго и напечатанъ въ XI и XII кн. журнала «L'Italia del Popolo» 1849 г.; подъ заглавіемъ «La Russia» подпись «Un russo».

Въ нѣмецкомъ текстѣ:

Стр. 330—1 св. Дорогой Гервегъ. Вамъ хотѣлось видѣть на нѣмецкомъ языкѣ сужденія.

338—между 9 и 8 сн. Вставлено: «Двое русскихъ писали на французскомъ языкѣ о Россіи: гг. Тургеневъ и Головинъ. Книга г. Тургенева (1847) имѣетъ для насъ большой интересъ, какъ вѣрная картина мнѣній, надеждъ и стремленій въ эпоху Александра, какъ автобіографія автора, который много видѣлъ въ свое время, но не зналъ той Россіи, которая развилась *послѣ* 1825 г. Точка зрѣнія г. Тургенева, напоминающая намъ объ утонченномъ либерализмѣ министерства Деказа ¹⁾ и Мартиньяка ²⁾, не можетъ, къ сожалѣнію, правильно понять русскія отношенія. Въ сочиненіяхъ г. Головина можно найти все, что давитъ Россію, что нужно передѣлать, но ни слова о томъ, что нужно сохранить. Это—протестующее разглашеніе всего, что тамъ скрыто произвольнымъ молчаніемъ; рассказъ о томъ, что совершается въ

¹⁾ Эли, герцогъ, либеральный премьеръ при Карлѣ X.

²⁾ Жанъ-Батистъ, либеральный министръ при Карлѣ X.

официальномъ мірѣ, тѣмъ болѣе полезенъ что правительство боится каждаго такого оглашенія. Однако, я думаю, что о русскомъ *народѣ* въ сочиненіяхъ Головина можно узнать такъ же мало, какъ и въ книгѣ Тургенева.

339—16 сн. Въмѣсто: «которая окрашиваетъ всѣ видѣнныя имъ вещи въ однообразный цвѣтъ»: «атмосфера эта, замѣтите, какъ тяжелое масло, отравляющее народу свѣжій воздухъ, распространилась до самыхъ далекихъ сибирскихъ границъ».

347—13 св. Къ словамъ «чѣмъ отказаться отъ общины» въ нѣмецкомъ и итальянскомъ текстѣ сдѣлана выноски: «Законъ, изданный въ началѣ нашего столѣтія, даетъ право общинамъ, выкупившимся изъ дворянскихъ помѣстій, дѣлить землю на европейскихъ основаніяхъ. Однако, не слышно, чтобы крестьяне пользовались этимъ правомъ».

361—16 сн. Вотъ, милый Гервегъ, все...

363—17 сн. Послѣ словъ: «Вы, вѣроятно, послѣдуете за мной» было: «Теперь довольно! Такія чудовищныя посвященія получаютъ рѣдко, да и вообще не часто получаютъ посвященія отъ *Барбара*. Монтрѣ, 25 августа 1849».

287. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

288. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

289. Напечатано въ № 6 «L'Italia del Popolo» 1849 г., потомъ въ Supplément à «La Voix du Peuple» отъ 1 апрѣля 1850 г., № 181; включено въ нѣмецкое изданіе «Съ того берега» («Vom andern Ufer») 1850 г., вмѣстѣ съ № 486 и въ качествѣ его продолженія, подъ заглавіемъ: An Giuseppe Mazzini (Fortsetzung des Briefes an Georg Herwegh), за подписью «Ein Russe» съ датой: «London, 10 november 1849».

Въ нѣмецкомъ текстѣ:

372—12 сн. Послѣ «христіанской»: «ни мѣщанской». Послѣ «цивилизированной»: «и слѣдуя восточному гостепримству».

374—14 св. Послѣ «Не Франціи ли?»: «которая обманула и убила Римъ».

374—15 св. Послѣ «рукъ»: «Эти пятна остаются на ея рукахъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ наказаны участники этихъ убійствъ, начиная съ президента и кончая послѣднимъ солдатомъ, который осмѣлился коснуться своимъ оружіемъ груди римлянина. Франція отказалась отъ своей роли—революціонной предводительницы».

376—4 св. Въмѣсто «онъ ропщеть»: «армія, разселенная по Польшѣ и западнымъ губерніямъ недовольна».

376—7 св. Въмѣсто - - - - - : «на мирное время огромный составъ (600,000) этой арміи».

Тоже. Послѣ «сдерживать страну»: «простирающуюся отъ Балтійскаго моря до Китая».

378—1 св. Въмѣсто: «такое - - - - - нелѣпо; оно должно погибнуть»: «Взятіе Константинополя было бы послѣднимъ усиліемъ, послѣдней вспышкой этой власти, которая должна погаснуть».

378—1 сн. 10 ноября.

490. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

491. Напечатано было въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Написанное по-русски, исключительно для московскихъ друзей и въ такомъ видѣ пересланное имъ частями, сочиненіе это впервые напечатано было по-нѣмецки и вышло въ свѣтъ въ началѣ января 1850 года; указанія Герцена въ письмахъ конца 1849 г., которыя могутъ быть поняты, какъ свидѣтельство, что книга эта была тогда уже выпущена въ свѣтъ, не въ состояніи поколебать факта, документируемаго и письмами Гервега (въ комментаріяхъ къ V части «Былого и думъ») и матеріалами АСГ.

Первое, нѣмецкое изданіе названное «Vom andern Ufer», aus dem russischen Manuscript и выпущенное въ Hamburg'ѣ Hoffmann'омъ и Campe, безъ указанія на имя автора и даже безъ всякаго псевдонима, содержало въ себѣ послѣ титула шмуцъ-титулъ: «Wer hat Recht» (Кто правъ) съ эпиграфомъ изъ «Прометейя» Гете:

Wahntest du etwa
Ich sollte das Leben hassen,
In Wüsten fliehen,
Weil nicht alle
Blüthen Träume reifen?...
(Иль думалъ ты,
Что я возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыню потому,
Что сны цвѣтушіе не всѣ
Созрѣли въ яви?..)

Затѣмъ были помѣщены: I глава «Vor dem Gewitter» ¹⁾, II — «Vixerunt!», III — «Consolatio», второй шмуцъ-титулъ: «23, 24, 25, 26 juni 1848» и глава I — «Nach dem Gewitter» ²⁾, II — «Der LVII Jahrestag der Einen und untheilbaren Republik» ³⁾, «An Georg Herwegh» ⁴⁾ и «An Giuseppe Mazzini» ⁵⁾. Два послѣднія произведенія напечатаны выше, см. №№ 486 и 489.

Второе изданіе было выпущено по-русски, «Съ того берега», самимъ Герценомъ въ Лондонѣ, въ 1855 г., подъ псевдонимомъ Искандеръ и заключало въ себѣ: посвященіе сыну, введеніе, «Прощайте», «Передъ грозой», «Послѣ грозы», «LVII годъ республики», «Vixerunt», «Consolatio», «Эпилогъ 1849 года», «Omnia mea mecum porto» и «Доносо-Кортесъ».

Третье изданіе, тоже русское, «вновь пересмотрѣнное авторомъ», Искандеромъ выпущено было въ Лондонѣ въ 1858 г.; оно заключало тѣ же самыя произведенія, что и изданіе 1855 г.

¹⁾ «Передъ грозою».

²⁾ «Послѣ грозы».

³⁾ «LVII годовщина единой и нераздѣльной республики».

⁴⁾ «Къ Георгу Гервегу».

⁵⁾ «Къ Джузеппе Маццини».

Четвертое издание, въ которомъ Герценъ не принималъ никакого участія, было выпущено тайно въ Москвѣ, литографированное. 1861 г., цѣна 40 коп., съ обозначеніемъ: «изданіе второе».

Пятое, французское—«De l'autre rive», traduit du Russe par Alex. Herzen-fils, Geneve, 1870 г. съ надписью «3-me edition»; было ли еще два французскихъ или это невѣрный общій счетъ изданій, въ которомъ настоящее должно было считаться четвертымъ,—мнѣ не удалось установить; вѣрнѣе, что прежде изданій не было.

Шестое, тоже французское издание было выпущено въ Женевѣ въ 1871 г., съ означеніемъ «четвертаго».

Затѣмъ «Съ того берега» было напечатано въ V т. Жен. изданія и неисправно съ массою купюръ въ V т. Спб. изд. Фирма Ф. Павленкова выпустила потомъ отдѣльное издание небольшого формата, Спб. 1906, гдѣ текстъ полнѣе.

Подлинникъ полнаго сочиненія не найденъ; исключенія указаны ниже. Текстъ данъ по первому русскому изданію 1855 г., какъ по изданію хронологически первому, появившемуся на родномъ автору языкѣ. Насколько текстъ этого изданія отступилъ отъ текста 1850 г. и какъ онъ исправленъ въ 1858 г., указано ниже.

Посвященіе книги сыну было сдѣлано въ новый, 1855 годъ и подарено ему съ насоро сброшюрованной книжкой, въ видѣ письма, съ подлинникомъ котораго, хранящимся въ АСГ., и свѣренъ текстъ. Черезъ нѣкоторое время изданіе было выпущено въ свѣтъ и открывалось именно этимъ посвященіемъ, оно повторялось и потомъ. Фотографія его помѣщена въ «Рѣчи» 1912 г. № 83.

«Передъ грозой» напечатано анонимно въ №№ 5, 6 и 7 «Le Peuple» 1850 г. (9—14 августа) подъ заглавіемъ «Qui a raison? Dialogue sur le tillac avant l'ogage», съ указаніемъ помѣщенной тамъ даты.

Почти вся глава «Послѣ грозы», до словъ «другіе бросаютъ» (стр. 415, 16 стр. сверху), напечатана по-французски въ № 13 «Kolokol» 1868 г., подъ заглавіемъ «Après l'ogage», какъ IV глава помѣщеннаго тамъ «Cogitata et visa»; послѣ конца перевода идутъ слова: «...Je m'arrête ici dans ce fragment—je n'ose pas répéter maintenant les paroles pleines de fièvre, de larmes, de douleur qui se pressèrent sur les lèvres le lendemain d'un horrible crime et d'un horrible malheur»,—а все полностью повторено въ «Быломъ и думаяхъ», т. IV, 1867 г., стр. 37—46. Въ Рум. муз. хранится копія «Послѣ грозы», написанная рукой М. К. Рейхель и исправленная Герценомъ собственноручно, но напечатанный мною текстъ ярче по языку и болѣе поздній.

«Dédication» (Посвященіе) напечатано г. Вѣтринскимъ въ № 88 газеты «Часъ» 1908 г.; свѣрено съ копіей, написанной Н. А.—ной и хранящейся въ Рум. муз. въ качествѣ «письма къ неизвѣстному лицу». Нѣтъ сомнѣнія, что это «посвященіе» относится именно сюда и именно здѣсь ему мѣсто. Почему Герценъ не включилъ его въ изданіе «Съ того берега»? Мнѣ кажется потому, что не имѣлъ его текста, а не получилъ его потому, что не хотѣлъ подвергать неприятностямъ людей, которыхъ имѣлъ всѣ основанія оберегать отъ нихъ. Изъ содержанія легко можно было догадаться, къ кому адресовано «посвященіе».

«Эпилогъ 1849» напечатанъ былъ почти одновременно: въ двухъ номерахъ «New-Yorker Abend-Zeitung» 1850 г. и въ декабрьской книжкѣ журнала Адольфа Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» 1850 г. Въ нью-іоркской газетѣ авторъ не былъ указанъ, а редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: «Рукопись сообщаемого здѣсь, по просьбѣ многихъ нашихъ подписчиковъ, «Эпилога» была передана прошлой весной г. Юлію Фребелю теперешней редакціей «d. Bl.» для использованія. Онъ прочелъ ее на своей послѣдней лекціи. Никому другому, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, она неизвѣстна и недоступна, потому что парижская полиція конфисковала русскій оригиналъ при обыскѣ у автора».

Въ журналѣ Колачека «Эпилогъ» былъ напечатанъ подъ заглавіемъ «Mein Lebewohl. Epilog zum Jahre 1849» съ подписью «Islander» и датированъ: «Zürich, 21 December 1849». Въ нью-іоркской газетѣ при той же датѣ поставленъ London, въ изданіи 1855 г.—Цюрихъ, въ изданіи 1858 г.—Парижъ.

«Omnia mea mesum porto», съ подзаголовкомъ «Eine freundschaftliche Admonition», напечатано безъ особой подписи въ VIII кн. журнала А. Колачека 1850 г., безъ даты и мѣста, поставленныхъ—и уже безъ перемѣнъ—въ изданіяхъ 1855 и 1858 гг. При этомъ редакція «Deutsche Monatsschrift» сдѣлала слѣдующее примѣчаніе:

«Печатаемое ниже посланіе прислано намъ авторомъ «Писемъ изъ Италіи и Франціи» и «Съ того берега» (обѣ книги въ переводѣ съ русскаго манускрипта появились у Гофмана и Кампе) въ такой моментъ, когда хаосъ въ партіи вновь заставляетъ серьезно разрабатывать вопросъ о ея задачахъ и будущемъ. Мы поэтому безъ промедленія доводимъ его до свѣдѣнія нашихъ друзей. Они прочтутъ это посланіе со вниманіемъ и испытаютъ діалектическую силу его слова съ точки зрѣнія того дѣла, къ которому всецѣло направлена ихъ энергія. Что касается нашего мнѣнія, то мы считали себя обязанными провиденціальному духу высокоодареннаго Admonitor'a за то, что онъ призвалъ насъ къ новой инициативѣ и создалъ мѣсто для жизненнаго теченія, которое, при всей философской привлекательности своихъ сомнѣній и скорбей, дѣйствуетъ, несмотря на это, укрѣпляющимъ образомъ».

«Доносо-Кортесъ» напечатанъ въ № 167 «La Voix du Peuple» отъ 18 марта 1850 г., за подписью «Is...r, docteur en théologie» ¹⁾, съ датой: «Cologne, le 10 mars 1850» ²⁾. Кромѣ изданій «Съ того берега» 1855 и 1858 гг., вошло въ сборники «Изъ Колокола и Полярной Звѣзды», Лондонъ, 1864 г., и «Еще разъ», Женева, 1866 г. Въ Спб. изд. не включенъ, но въ маленькое изданіе Павленкова вошелъ.

Наибольшее вниманіе «Съ того берега» возбудило среди группы нѣмецкихъ демократическихъ писателей, объединившихся въ журналѣ «Deutsche Monatsschrift, выходившемъ въ 1850 г. въ Штутгартѣ, а въ 1851 г.—въ Бременѣ. Это не мѣшало имъ напечатать въ своемъ журналѣ прибавленныя потомъ къ книгѣ Герценомъ двѣ главы: «Omnia mea mesum porto» и «Mein Lebewohl». Названные Герценомъ въ предисловіи писатели

¹⁾ «Ис—ръ», докторъ богословія.

²⁾ «Кельнъ, 10 марта 1850».

именно и выступили противъ него. «Самый остроумный противникъ» автора, Р. Зольгеръ до недавняго времени оставался совершенно неизвѣстенъ русской литературѣ и, только благодаря работѣ Ю. Каменева («Вѣстникъ Европы» 1914 г., IV), становится теперь опредѣленной фигурой, заслуженно названной такъ авторомъ «Съ того берега». Я не беру на себя критику историко-литературныхъ изысканій г. Каменева, произведенныхъ надъ журналомъ, ставшимъ чуть ли ни уникамъ, готовъ даже допустить, что онъ не всегда правъ въ своихъ предположеніяхъ, но во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что его работа пролила свѣтъ на совершенно до того неизвѣстные матеріалы и факты.

Чтобы дать читателю ясное понятіе о томъ, почему названный нѣмецкій журналъ такъ много говорилъ о сочиненіи Герцена, необходимо сказать сначала о немъ самомъ.

«Общая позиція журнала опредѣлялась—по словамъ г. Каменева—тѣмъ, что онъ былъ органомъ демократической интеллигенціи, только что пережившей сильнѣйшую революціонную встряску. Вѣяніе только что пронесшейся революціонной грозы всецѣло еще владѣетъ журналомъ. Но эта гроза и ея уроки отражаются на его страницахъ, почти сплошь посвященныхъ описанію и критическому изученію недавнихъ событій такъ, какъ отразились они въ головахъ мелкобуржуазной демократіи. Изъ бури 48-го года она вынесла въ неприкосновенности свой идеаль единой и демократически-республиканской Германіи. Единство черезъ демократію, а не черезъ Пруссію, это осталось политическимъ ея лозунгомъ... То, что задачи 48 года въ Германіи ни въ коемъ случаѣ не могли почитаться выполненными, а скорѣе, наоборотъ,—въ результатѣ его лишь шире развернулась пропасть между демократическими идеалами и воцарившейся реакціей,—это наполняло демократическую интеллигенцію вѣрой въ то, что ея роль не кончена, что она будетъ еще призвана выполнить свою историческую миссію. Но эта роль представлялась ей теперь въ нѣсколько иномъ видѣ: отъ понесеннаго пораженія она пыталась найти спасеніе въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ народными массами. Оторванность отъ массъ, теоретичность лозунговъ, недостаточное вниманіе къ реальнымъ жизненнымъ отношеніямъ она почитаетъ главнѣйшими причинами гибели движенія. Рядомъ съ критикой нерѣшительности, медлительности и исключительности парламентарной тактики умѣренныхъ группъ общества въ журналѣ идетъ усиленная критика той «философской» демократіи, которая пыталась работать *за* народныя массы вмѣсто того, чтобы призвать къ этой исторической работѣ ихъ самихъ. Это тяготѣніе къ народнымъ массамъ неизбѣжно окрашивало журналъ легкимъ налетомъ социализма... «Народъ» нѣмецкихъ демократовъ послѣ 48-го года оставался тѣмъ же нерасчлененнымъ и нѣсколько мистическимъ существомъ, каковымъ онъ былъ для нихъ еще до эпохи испытаній. При этихъ условіяхъ отстаиваніе демократическихъ идеаловъ 48-го года, усиленная критика теорій соглашенія и столь же энергичная критика идеологизма дѣятелей движенія—все еще не указывали дѣйствительнаго выхода изъ созданнаго исторіей тупика.

«Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно для общаго облика журнала то, что, столкнувшись съ воззрѣніями Герцена на итоги 48 г., онъ,

одновременно же, враждебно сталкивается и съ той оцѣнкой движенія 48 г., которая дана была въ томъ же 50-мъ г. Карломъ Марксомъ въ его журналѣ «Neue Rheinische Revue».

Хронологически критика журнала А. Колачека шла въ такой послѣдовательности.

Сначала въ VII кн. 1850 г., въ анонимной корреспонденціи «Aus London» отъ 20 юня говорилось:

«Уже положено серьезное начало специальной «литературѣ крушенія». Одинъ русскій, подъ заглавіемъ «Съ того берега», опубликовалъ въ высшей степени богатую мыслями и цѣнную книгу о крушеніи Западной Европы; одинъ французскій легитимистъ — о крушеніи Франціи, а Ледрю-Ролленъ, послѣ десяти-мѣсячнаго пребыванія въ Лондонѣ, выпустилъ первую часть 4-хъ томнаго сочиненія о паденіи Англии... За авторомъ «Съ того берега» большая заслуга... Съ безпристрастіемъ Спинозы и спокойной увѣренностью Гете наблюдаетъ онъ стоны и отчаяніе разбитыхъ революціонеровъ, но не совѣтуетъ и терпѣть, а учить отчаяваться съ сознаніемъ собственнаго достоинства и безъ претензій».

Затѣмъ въ VIII кн., въ которой была помѣщена «Omnia mea mecum porto» Фальмерайеръ посвятилъ «Съ того берега» уже особую статью, опущенную въ обзоръ г. Каменева.

Общее впечатлѣніе отъ этой книги рецензентъ призналъ очень сильнымъ. «Глухіе звуки изъ почти невѣдомаго міра. Страшная голова медузы, если она является дѣйствительнымъ распятіемъ для западно-европейскихъ государствъ». Самого автора Фальмерайеръ часто называетъ «Moskowitenphilosoph», Анахарсисомъ изъ Скиѳіи (Scythischer Anacharsis), намекая этимъ на героя извѣстнаго французскаго романа 40-хъ годовъ ¹⁾, но тутъ же отмѣчаетъ особенности русскаго автора. Его нельзя смѣшивать съ пишущими дипломатами русскаго правительства, представляющими свои рапорты министру иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде. Авторъ «Vom andern Ufer» состоитъ на службѣ у идейной державы. Онъ не прислуживается прихотямъ властителей и не имѣетъ качествъ усерднаго чиновника. Свободный отъ «политической предвзятости» и лишенный «педантической схоластики», онъ покинулъ печальныя степи Скиѳіи и, спокойно взвѣсивая, рисуется состояніе умовъ на Западѣ. Хотя онъ немного метафизикъ, «потому что излагаетъ явленія народной жизни до послѣднихъ пружинъ», но метафизикъ въ родѣ Паскаля,—не страшійся своего собственнаго «я» и не отдающій, какъ большинство людей, несчастію и страданію предпочтеніе передъ анализомъ и трезвымъ знаніемъ. Этотъ русскій анонимъ имѣетъ даже мужество оставаться *одинокъ* и, нисколько не отчаиваясь, избралъ темой для своихъ глубокомысленныхъ и интересныхъ діалоговъ нестерпимую скуку и удушливую атмосферу передъ грозой, какіе висѣли надъ Западной Европой наканунѣ послѣдняго «бурнаго прилива» и отъ которыхъ она не освободилась и по

¹⁾ Анахарсисъ—имя «скиѳскаго философа», посѣтившаго Грецію и сдѣлавшагося другомъ Солона, а также героя извѣстной книги аббата Бартелемо «Путешествіе юнаго Анахарсиса въ Грецію» (1779 г.).

сей часъ. Несмотря на радикальность взглядовъ русскаго автора, мы страшно ошиблись бы, если бы посчитали его за яраго демократа. «Нашъ русскій не поклонникъ западно-европейскаго демоса». Онъ всюду бывалъ, многое видѣлъ, осмотрѣлъ и нашелъ все довольно сквернымъ. Въ дальнѣйшемъ рецензентъ не останавливается больше на характеристикѣ автора, а приводитъ лишь наиболѣе интересныя мѣста изъ книги. (Ph. Fallmerayer, «Deutsche Monatsschrift», 1850, 265—278).

Въ слѣдующей, IX кн. статья К. Nauwerk «Die Gegenwart im Lichte der menschheitischen Entwicklungsgesetze».

«Статья Науверка, по словамъ г. Каменева, написана въ очень оптимистическомъ тонѣ, при чемъ его оптимизмъ пытается опереться чуть ли не на весь опытъ всемирной исторіи. Но вульгарный оптимизмъ Науверка не разрѣшаетъ вопросовъ, поставленныхъ Герценомъ, а попросту отвергаетъ ихъ. «Формула прогресса», выдвинутая Науверкомъ противъ Герцена, представляла себѣ исторію, какъ извѣчную борьбу «злого и добраго принциповъ», борьбу, въ которой побѣда должна достаться доброму принципу по той простой причинѣ, что авторъ позаботился заранѣе наградить этотъ принципъ побѣдоносной силой. Взявшись опровергнуть «литературу крушенія» и «школу гробокопателей и кладбищенскихъ проповѣдниковъ», его поверхностный радикализмъ не смогъ противопоставить этой «школѣ» ничего, кромѣ поверхностнаго наблюденія относительно «спиралеобразнаго» развитія—«революція-реакція-революція»—безъ малѣйшей попытки доискаться корней этой схемы и безо всякаго умѣнія вскрыть ея общественный смыслъ. Именно поэтому Науверкъ могъ съ легкимъ сердцемъ противопоставить мрачнымъ сомнѣніямъ Герцена голое утвержденіе, что во имя его схемы господствующая реакція приведетъ къ новой революціи. «Никогда,—писалъ онъ,—безнадежность не была столь не обоснована, какъ теперь... Все подготовлено къ новой, коренной, рѣшительной революціи». И ничего другого не было въ той заключительной главѣ статьи Науверка, въ которой онъ брался указать Герцену «залогъ скорой побѣды соціальной демократіи» (таковъ подзаголовокъ послѣдней части этой статьи). Правда, и Науверкъ могъ замѣтить Герцену: «эти массы (ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ), а не какіе-нибудь русскіе представляютъ собой тѣ силы, которыя нужны міровому духу для его новыхъ твореній». Но это звучало для Герцена пустой и давно извѣстной ему фразой, покуда не были указаны тѣ обстоятельства, которыя превратили бы эти «силы» въ дѣйствительныя творческія силы будущаго. Вульгарный демократическій оптимизмъ замолкалъ какъ разъ тамъ, гдѣ Герценъ ставилъ свой вопросъ. Поэтому, когда пришло «второе декабря», Герценъ могъ написать, что «оно отвѣтило имъ громче меня». Герценъ видѣлъ въ немъ оправданіе своихъ пророчествъ; Науверкъ же могъ только въ недоумѣніи развести руками...

«Статья Науверка: «Настоящее въ свѣтѣ закона развитія человѣчества» появилась какъ непосредственный отвѣтъ на статью Герцена «Omnia mea mecum porto» и была напечатана въ качествѣ руководящей. Но, видимо, она очень мало удовлетворила и редакцію, и читателей журнала. Проблема, поставленная Герценомъ, требовала болѣе серьезнаго и внимательнаго отно-

шенія къ себѣ. Декламаціей на тему о подготовленности второй революціи отдѣлаться отъ нея было невозможно».

Съ октябрьской книжки журнала за 1850 г. начинается серія редакціонныхъ передовыхъ статей. Первая статья озаглавлена — «Буржуазія», вторая — «Пролетаріатъ», третья (она раздѣлена на двѣ части) — «Демократія», четвертая — «Крушеніе». Среди этихъ четырехъ близко связанныхъ другъ съ другомъ статей послѣдняя имѣетъ своей единственной темой критику взглядовъ Герцена, первая — отправляется отъ этой критики, вторая и третья пытаются дать самостоятельный отвѣтъ на причины крушенія 1848 г. въ связи съ исторіей партійныхъ отношеній въ Германіи.

Всѣ эти статьи, особенно же послѣднюю, г. Каменевъ приписываетъ Р. Зольгеру.

Пройдемъ ихъ послѣдовательно.

«Въ *первой* статьѣ («Die Bourgeoisie») Герценъ ни разу не названъ, но для читателя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что именно его имѣетъ въ виду авторъ. Онъ критикуетъ не соціально-политическіе взгляды, а философскія предпосылки Герцена, поскольку онѣ сказались въ «Съ того берега». Отъ внимательнаго читателя не можетъ укрыться, что, въ своемъ негодованіи противъ фетишей тогдашней демократической идеологіи, Герценъ далеко перешелъ границы необходимаго. Критикуя фетиши, онъ замахнулся на дѣйствительныя цѣнности; критикуя «общія мѣста» демократической фразеологіи, онъ обнаружилъ въ ихъ оцѣнкѣ полное отсутствіе исторической перспективы; обрушившись на тѣ преступленія, которыя совершались тогда «именемъ народа», онъ дошелъ до чистѣйшаго индивидуализма. Критикой подобной критики и начинается анонимный авторъ. И надо сказать, что здѣсь его критика достаточно остра и прямо попадаетъ въ цѣль: онъ нащупалъ слабое мѣсто Герцена, то слабое мѣсто, которое изъ Герцена въ его взглядахъ на западно-европейскую цивилизацію сдѣлало скептика, а не строителя.

«Нѣкоторые мудрецы, — такъ начинается статья, — недавно вновь сдѣлали старое открытіе, что всѣ общія понятія, какъ государство, человѣчество, прогрессъ, цивилизація, не представляютъ изъ себя ничего иного, какъ пустыя абстракціи». Въ дальнѣйшемъ автору было не трудно показать ту ближайшую реальную зависимость, въ которой находятся сами проповѣдники индивидуализма, отъ отвергаемыхъ ими «абстракцій» человѣчества и цивилизаціи, снабдившихъ этихъ проповѣдниковъ не только идеями, но, — какъ язвительно замѣчаетъ авторъ, — и матеріальной возможностью ихъ разрабатывать. «Человѣчество» — столь же мало абстракція, какъ и личность господина N. N., и, если какой-нибудь поденщикъ не можетъ игнорировать этой «абстракціи» подъ угрозой умереть завтра съ голоду, то и состоятельнымъ проповѣдникамъ индивидуализма слѣдовало бы помнить, что всѣ условія ихъ жизни созданы отвергаемой ими абстракціей». Но авторъ статьи не ограничивается споромъ съ Герценомъ на этой только почвѣ; онъ пытается вскрыть жизненные корни индивидуализма и здѣсь подходитъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя, не представляя ничего новаго для нашего времени, въ то время, когда онъ ихъ формулировалъ, были значительнымъ шагомъ впередъ.

«Индивидуализмъ, — доказываетъ авторъ, — вѣдь и есть жизненный принципъ современнаго общества, разрушившаго всѣ бывшя связи и замѣнившаго ихъ лозунгомъ свободной конкуренціи всѣхъ и каждаго. Отсюда было уже недалеко къ тому опредѣленію теоретиковъ индивидуализма, которое и дѣлаетъ нашъ авторъ: Эти люди, пишетъ онъ, которые такъ рѣзко обрушиваются на современную цивилизацію, не замѣчаютъ того, что «не доводятъ въ теории до конца тотъ принципъ, котораго на практикѣ въ развернутомъ видѣ не имѣетъ возможности осуществить сама буржуазія».

«Нельзя отрицать правильности и остроумія этихъ соображеній, но надо указать, что — поскольку они имѣютъ въ виду Герцена — они не попадаютъ въ цѣль уже просто въ силу своей чрезмѣрной общности. Герценовскій такъ наз. «индивидуализмъ» 50-хъ гг., находившій свое дополнение въ тягѣ къ «общественности» русскаго «мира», былъ, конечно, отнюдь не «идеологіей буржуазіи», а лишь идеологической оболочкой чувства отчаянья интеллигентскихъ силъ только что отшумѣвшей революціи. Нашъ авторъ, въ своей защитѣ общественнаго дѣла противъ этого приступа отчаянья, не могъ и не хотѣлъ считаться съ «оттѣнками», онъ бралъ мысль Герцена въ ея наиболѣе общей формѣ: въ герценовской критикѣ «абстракцій» (человѣчество, цивилизація, прогрессъ) онъ видѣлъ прежде всего философскую предпосылку реальнаго отказа отъ участія въ борьбѣ. Но онъ былъ все-же достаточно объективенъ, для того, чтобы понять только что осужденную имъ точку зрѣнія въ ея историческомъ значеніи.

«Буржуазный индивидуализмъ представляется ему однимъ изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа въ его историческомъ развитіи. Онъ видитъ въ немъ великую разрушительную силу, высвободившую человѣческую личность изъ оковъ культурнаго варварства и духовнаго рабства Буржуазія, разрушившая крѣпостничество и феодализмъ, создала личность, но вмѣстѣ съ тѣмъ она расщепила общество на рядъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и тѣмъ бросила его въ анархію. Задача времени въ томъ, чтобы на почвѣ, очищенной буржуазіей, вновь возсоздать организованность общества, «вернуть свободную личность природѣ и человѣчеству».

«Отчаянью Герцена нѣмецкая демократія противопоставляла *историческую буржуазную культуру*, а герценовскимъ поискамъ внѣшней силы, которая разрѣшила бы его сомнѣнія, она противопоставляла картину растущихъ противорѣчій внутри самой этой исторически данной культуры. Правда, именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ она сама оказывалась въ высокой степени безпомощной. Сможетъ ли сама буржуазія увѣнчать свое историческое дѣло и примирить личность и общество? — Этимъ вопросомъ кончалась статья».

Рѣшительному бою съ герценовскимъ пессимизмомъ посвящена четвертая статья, опирающаяся на идеи и факты, выясненные предшествующимъ анализомъ («Das Untergangsthum»).

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Каменевъ, что именно эту статью имѣлъ въ виду Герценъ, когда писалъ о своемъ «самомъ остроумномъ противникѣ». Она неизбежно потеряла бы слишкомъ много въ пересказѣ, и единственно правильнымъ будетъ, потому, дать эту статью въ подробныхъ выпискахъ».

Для этого есть и еще одно основание. Тотъ призывъ къ народу, къ реальной жизни, къ провѣркѣ идей на матеріалѣ дѣйствительности, который нѣмецкій демократъ могъ противопоставить Герцену, служить, такъ сказать, стержнемъ статьи. Центръ же ея въ поразительно яркой психологической характеристикѣ Герцена и его друзей. Герценъ призналъ ея «остроуміе», мы же должны признать, что въ ней много исторической правды. И это немудрено, если принять во вниманіе, что она вышла изъ-подъ пера человѣка, имѣвшаго возможность наблюдать Герцена и его друзей въ интимномъ кругу, дѣлившаго съ ними ихъ надежды и пережившаго тѣ же приблизительно идейныя бури. Пропитывающій соотвѣтствующія страницы горькій сарказмъ, который, конечно, задѣлвалъ и самого автора, не мѣшаетъ имъ, поэтому, оставаться любопытнѣйшей попыткой *современника* проникнуть въ глубину настроеній Герцена парижскаго періода его жизни».

«Философіи не удалось ни установить новаго міра, ни окончательно разрушить стараго—такъ, подводя итоги своей критики идеалистической философіи, начинаетъ оппонентъ Герцена. Философія дѣйствовала только, какъ ферментъ, бѣдшая и лучшая часть работы должна быть предоставлена самимъ матеріальнымъ элементамъ. Полицейское государство находится въ такомъ положеніи, когда оно само должно прійти къ своему окончательному разложенію. Оно переживетъ еще нѣсколько ужасныхъ конвульсій, прежде чѣмъ испуститъ духъ. Не позволимъ же поработить себя впечатлѣніямъ момента, когда европейская жандармерія справляетъ свой кровавый праздникъ и почерпаетъ здоровье въ крови всего того, чтѣ намъ дорого. Мы уже видѣли стонущую Европу распростертой у ногъ Наполеона въ Дрезденѣ; это было наканунѣ отступленія отъ Москвы... Задача прессы теперь не въ томъ, чтобы возбуждать или пророчествовать, а въ томъ, чтобы подсказать народу, который при всеобщемъ крушеніи моральныхъ и правовыхъ понятій ищетъ для себя точки опоры, великую и истинную и—въ своемъ величійи и въ своей истинности—практическую идею...»

«Небесное царство близко, и потому нѣтъ недостатка и въ пророкахъ. И лучше всего дѣйствуютъ тѣ, которые пророчествуютъ о ближайшихъ дняхъ».

Приведа затѣмъ цитату изъ «Съ того берега», въ которой Европѣ предсказывается судьба Рима, Зольгеръ продолжалъ:

«Пророчество кажется намъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшнымъ. Правда, какъ и во времена паденія Рима, никто больше не вѣритъ въ господствующихъ боговъ и въ старыя добродѣтели; какъ и тогда чувство угнетеннаго народа ничѣмъ болѣе не связано съ государствомъ; правда, что отъ этого нѣкогда столь вознесеннаго государства не осталось нынѣ ничего, кромѣ системы поработченія и угнетенія, только поддерживающихъ ходъ машины; правда, что народы, отчаявшіеся во всемъ, чтѣ существуетъ, преданы неопредѣленной надеждѣ, что такъ далѣе продолжаться не можетъ, что они со всѣми ихъ неисчерпанными желаніями и силами не могутъ исчезнуть съ лица земли, чтѣ откуда-то и какъ-то должно прійти нѣчто, чтѣ выведетъ ихъ изъ невыносимаго положенія».

«Но когда у римлянъ деспотизмъ въ своемъ развитіи дошелъ до само-

разложенія, во всемъ созданномъ имъ мірѣ не осталось ничего, кромѣ рабской орды, которая, не будучи въ состояніи быть чѣмъ-либо сама по себѣ, шагъ за шагомъ слѣдовала за своими господами—отъ нравственности къ безнравственности и отъ безнравственности къ отчаянью. У насъ, наоборотъ, остался народъ, самосознаніе котораго выросло именно въ той мѣрѣ, въ которой власть, подъ которой онъ стоналъ, теряла вѣру въ самоѣ себя. Когда міръ рушился для римскихъ господъ, онъ рушился и для рабовъ, ибо они не имѣли другого міра,—и одинаково тѣ и другіе должны были бѣжать въ потусторонній міръ. Наоборотъ, у насъ чѣмъ безнадежнѣе становится отчаявшаяся въ себѣ тираннія неба, тѣмъ упорнѣе становится народъ въ своемъ рѣшеніи отыскать свое счастье на землѣ. Евангеліе, котораго онъ жаждетъ, не есть евангеліе утѣшенія въ жизненныхъ лишеніяхъ, но евангеліе исполненія вмѣсто обнадеживанья и лишеній. Идеаль древнихъ не могъ быть реализованъ: онъ лежалъ въ прошломъ или въ другомъ мірѣ; нашъ лежитъ въ будущемъ и на землѣ, *въ нашей дѣйствительности*. Eh bien!

«Если народы еще имѣютъ мужество и желаніе,—несмотря на русской кнутъ, подъ которымъ стонутъ ихъ господа,—жить, почему ихъ хотятъ уложить въ гробъ? Развѣ ужъ дѣйствительно настолько мудрѣе надѣющемуся доказывать, что ему осталось жить лишь 24 часа, чѣмъ за часъ до его смерти,—если бы она и была неизбѣжна,—игнорировать ее въ планахъ новой жизни?

«Стоять на томъ берегу,—заявляютъ намъ,—не есть ни заслуга, ни преступленіе, это—просто одна изъ позицій. Конечно, это такъ, но позиція весьма своеобразная. .

«Когда философія дѣлала свои завоеванія среди лучшихъ головъ, находились болѣе цѣльныя, лучше организованныя натуры, которымъ не была достаточна пустая жизнь рефлексій и блѣдная абстракція полного человѣка. Они были убѣждены, что анатомически препарировать человѣка не значитъ еще жить по-человѣчески. Они повторили монологъ Фауста, отправились искать человѣка и хотѣли жить жизнью, достойной человѣка. Дѣло имѣло свои затрудненія; ибо они имѣли въ виду не обычнаго человѣка, какъ онъ выступаетъ въ своихъ дѣлахъ, развлекается, ѣстъ и пьетъ, а искали человѣка, который бы соединилъ въ себѣ жизненные требованія обычнаго индивидуума съ изощренностью философски-образованной головы. Такъ очутились они, столь же рѣшительные въ теоріи, какъ и преисполненные надеждъ на практику, въ Парижѣ, центрѣ европейской жизни. Каждая сила ищетъ себѣ мѣста, и они нашли свое. Обыкновенный индивидуумъ долженъ былъ почувствовать преизбыточный аристократизмъ ихъ духа и облагороженное роскошью существованіе; а въ противоположность аристократіи они отождествляли себя съ народомъ и внушали ей удивленіе и тайный ужасъ, какъ сильныя натуры, умѣющія цѣнить въ народѣ его первобытную силу. Всегда стояли они выше всѣхъ, на вершинахъ цивилизации, какъ это и соотвѣтствовало ихъ внутреннему влеченію. А для того, чтобы они отождествляли себя скорѣе съ народомъ противъ аристократіи, чѣмъ съ аристократіей противъ народа, было достаточно, сообщая дѣйствовавшихъ, оснований: ихъ

отвращеніе ко всему, что въ то время заставляло себя цѣнить, было достаточно, чтобы исключить ихъ изъ правительственныхъ и вообще господствующихъ круговъ общества; одновременно и основой и результатомъ этого отвращенія была свобода духа, которая во всякой данной формѣ познаетъ преходящее и потому постоянно связываетъ себя съ будущимъ, дабы разрушить кристаллы прошлаго, наконецъ, глубокое чувство болѣзненности подобнаго, лишеннаго почвы существованія, которое лишь въ подъемѣ массъ надѣялось найти поле дѣятельности, достойное ихъ идеальнаго представленія объ истинной человѣческой жизни. Ибо они хорошо чувствовали, что ихъ способъ наслаждаться жизнью не есть ни наслажденіе, ни жизнь, и что только о томъ можно сказать, что онъ живетъ, кто чувствуетъ, какъ каждое движеніе его руки приводитъ въ движеніе тысячи пружинъ жизни, движеніе которыхъ онъ слышитъ и которыя посылаютъ ему въ тотъ же моментъ обратный толчекъ. И это было побудительной причиной того, что они ждали раскрѣпощенія народа, всемірно-историческаго дѣла, которое восприняло бы ихъ всемірно-историческія идеи.

«Какое горькое разочарованіе, когда оказалось, что народъ и при подъемѣ остался тѣмъ самымъ ограниченнымъ народомъ, какимъ онъ былъ при угнетеніи, и не вышелъ изъ предѣловъ самыхъ ограниченныхъ желаній!»

«Давно ожидаемый день дѣла пришелъ—и для великихъ характеровъ опять не оказалось ни одного мѣстечка, откуда бы они могли вмѣшаться въ водоворотъ жизни. Навсегда была потеряна надежда добыть когда-либо хотя бы мигъ истиннаго наслажденія жизнью. Положеніе было печально и достойно сожалѣнія. И нужна была величайшая степень искуснѣйшей діалектики, чтобы повернуть его такъ, что для человѣческой жизни и не нужна жизнь съ людьми, что, наоборотъ, удовлетворяются самими собой есть мудрость и судьба современнаго человѣка».

Обрисовавъ такими чертами психологическую подкладку душевной драмы Герцена, авторъ переходитъ опять къ попыткѣ Герцена опереться на стоиковъ. Онъ цитируетъ изъ его книги ихъ характеристику и продолжаетъ

«Позиція обрисована въ истинномъ свѣтѣ, но гдѣ же та истина, которую стоики познали лучше и яснѣе, чѣмъ другіе? Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, они поступали, быть можетъ, очень мудро, гордо и великолѣпно закутываясь въ свои плащи, однако, если эта драпировка была ихъ мудростью, то мы не видимъ, почему эта мудрость была выше мудрости обоихъ міровъ, которые не были съ своей стороны въ подобномъ положеніи и потому не имѣли никакого призванія къ тому, чтобы столь великолѣпно драпироваться. И—чтобы остаться при данномъ примѣрѣ—исторія, какъ характернѣйшій пунктъ всей мудрости стоиковъ, можетъ отмѣтить лишь то, что они, *лишенные возможности непосредственно дѣйствія*, должны были предаться резиньяции, что, въ концѣ концовъ, умѣетъ дѣлать каждая благоразумная женщина, достигнувъ извѣстнаго возраста и притомъ не устранивая изъ этого большого шума».

«Нашъ Admonitor хочетъ лишь того, чтобы не говорили постоянно о праведности—неправедности, а ограничивались вопросомъ, ведетъ ли себя човѣкъкъ сообразно своему положенію или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ можно

примириться съ людьми, если не требовать словъ отъ соловья и пѣсни отъ лошади. Но если каждый правъ съ точки зрѣнія своего положенія, зачѣмъ же еще прокламировать свою позицію? зачѣмъ тогда дѣлать необычайное усиліе ума, чтобы свое особое положеніе противъ міра вновь и вновь объявлять самымъ яснымъ, самымъ лучшимъ взглядомъ и,—ибо въ этомъ заключается въ концѣ концовъ смыслъ длинной рѣчи,—вышею нравственностью? Зачѣмъ вообще проповѣдывать право отрицанія міра, съ которымъ больше не хочешь имѣть никакого дѣла? Быть можетъ, все-таки, легче съ этимъ возлюбленнымъ ссориться, чѣмъ разъ навсегда порвать? Легче заявить ему, что его тиранія наскучила, чѣмъ совсѣмъ лишить себя общенія съ нимъ? легче завернуться въ свою тогу и противопоставить ему свое титаническое veto ¹⁾, чѣмъ просто повернуться къ нему спиной?»

Авторъ не ограничивается этими язвительными вопросами. Онъ пытается показать, что мысль Герцена вертится въ заколдованномъ кругу, и желаетъ вскрыть внутреннее ея противорѣчіе.

«Мнѣ довольно самого себя,—излагаетъ онъ позицію Герцена,—каждый человѣкъ долженъ удовлетворяться самимъ собой, въ эгоизмѣ нѣтъ ничего плохого, наоборотъ, онъ необходимъ; онъ такъ же необходимъ, какъ и тяга къ обществу; но если общество никуда не годится, то онъ уже совсѣмъ необходимъ; конечно, было бы лучше, если бы общество чего-нибудь стоило и тягу къ нему не приходилось бы убивать. Такимъ образомъ, мнѣ все-таки не довольно самого себя; все-таки человѣкъ не долженъ удовлетворяться самимъ собой; итакъ, эгоизмъ, который не умѣетъ примириться съ обществомъ,—одностороненъ, итакъ,—ибо я обладаю достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы не предаться односторонности,—я хочу заключить компромиссъ и такъ рѣшить дѣло: «устроимъ жизнь столь крѣпкой, столь самостоятельной, чтобы мы могли спастись даже въ случаѣ, если міръ долженъ будетъ погибнуть»...

«*Omnia mea mecum porto* есть философія специфическаго положенія, которая въ естественномъ желаніи сдѣлаться всеобщей забываетъ свою специфичность и,—такъ какъ уже само это желаніе представляетъ непоследовательность,—сама себя измѣняетъ. Поэтому было бесполезно требовать отъ нея сдачи и поскольку мы это дѣлали, мы ее не понимали. Мы могли бы, однако, понять ее тѣмъ легче, что всѣ мы, которые когда-либо бросили взглядъ на пропасть, раздѣляющую теченіе нашей образованной жизни и ограниченное—благодареніе Богу!—существованіе народа, всѣ мы не разъ ставились передъ искушеніемъ спастись бѣгствомъ на эту гордую позицію (*бѣгство* все же остается самымъ умѣстнымъ словомъ). Но такъ какъ мы признали неизбѣжнымъ тотъ компромиссъ съ обществомъ, въ который долженъ вступить всякій не абстрактный и не односторонній умъ, то мы въ концѣ концовъ рѣшили повторить чудо Магомета и отправиться къ народу, если народъ не хотѣлъ итти къ намъ; ибо мужество, нужное для того, чтобы

¹⁾ Намекъ на фразу Герцена: «Послѣ такого вопроса человѣкъ протестуетъ титаническимъ veto противъ фатализма среды и среда сдается». Этой фразы *нѣтъ* въ русскомъ текстѣ «*Omnia mea mecum porto*».

выйти изъ фальшиваго положенія, мы считаемъ даже болѣе титаническимъ, чѣмъ открытое сознание, что ты находишься въ этомъ положеніи...

«Можно быть лично лишеннымъ возможности непосредственнаго участія въ жизни, напр., въ положеніи изгнанника, — намекаль авторъ на Герцена. Невольное положеніе не можетъ быть безразличнымъ, но несчастіе — не принципъ»...

«Итти къ народу» — этотъ лозунгъ наиболѣе жизнеспособные элементы нѣмецкой демократіи противопоставили призыву Герцена — сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, «не насилуя другихъ и не тратя себя». Но одного голаго призыва вернуться къ народу, который Герценъ «укладываль въ гробъ», было уже мало, и авторъ заканчиваль свою статью противъ Герцена положеніемъ, которое онъ самъ оцѣниваль, какъ важнѣйшій выводъ изъ всѣхъ испытаній революціонной эпохи, и которое, взятое исходной точкой, способно было перевернуть всю аргументацію Герцена. «Величайшее поученіе, которое мы добыли изъ страданій трехъ лѣтъ, — писалъ оппонентъ Герцена и подчеркиваль курсивомъ, — заключается въ томъ, что не народъ является матеріаломъ экспериментированія (Experimentalstoff), для нашихъ идей, а наши идеи существуютъ лишь, какъ матеріаль экспериментированія для народа».

«Нашъ авторъ не даромъ поберегъ этотъ выводъ для заключенія своей полемики съ Герценомъ; при надлежащемъ развитіи высказанная въ этихъ словахъ мысль о соотношеніи между «идеями» и «народомъ» могла снабдить нѣмецкую демократію рѣшительнѣйшими аргументами противъ воззрѣній Герцена на настоящее и будущее европейской цивилизаціи. Но, какъ мы уже видѣли, сдѣлать надлежащіе выводы изъ вновь обрѣтенной ими истины о взаимоотношеніи между «идеями» и «народомъ» нѣмецкіе демократы не успѣли».

Въ 1851 г. журналъ выступилъ уже съ критикой воззрѣній Маркса въ лицѣ виднѣйшаго изъ ораторовъ и вождей крайней лѣвой франкфуртскаго парламента, Людвигъ Симона изъ Трира («Allgemeine Wahlrecht und Arbeiterdictature»).

«Полный предразсудковъ, созданныхъ отсталостью южно-германскихъ отношеній, типичный демократъ 40-хъ гг., Л. Симонъ, если и не понималь отчетливо, то хорошо чувствовалъ, что, несмотря на все различіе въ самой постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ, критика Маркса и Герцена совпадала въ одномъ основномъ пунктѣ: въ разоблаченіи фетишизма излюбленныхъ демократическихъ лозунговъ. Изъ-подъ пера Герцена, какъ и Маркса, «свобода», «равенство», «справедливость», «республика» выходили совсѣмъ не похожими на тѣхъ незапятнанныхъ богинь, которымъ поклонялись неискушенные демократы. Противъ Маркса Л. Симонъ въ своихъ статьяхъ: «Всеобщее избирательное право и диктатура рабочихъ» выставилъ цѣлую батарею доводовъ, смыслъ которыхъ сводился, однако, къ тому краткому положенію, что классовая позиція пролетаріата — этого продукта «болѣзни» современнаго общества — есть нарушеніе «воли большинства» и пограніе демократическихъ принциповъ свободы и равенства. И для Герцена, и для Маркса самымъ важнымъ итогомъ 48 г. было полное раскрытіе тѣхъ проти-

ворѣчій, которыя пронизываютъ современное общество и которыхъ не удалось покрыть ни республикой, ни лозунгами «равенства» и «братства». Симонъ же пытался потушить эти противорѣчія въ безапелляціонной «волѣ даннаго большинства», находящей свое выраженіе въ парламентскихъ выборахъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что статьи Симона, направленные спеціально противъ Марксовой критики либерально-демократическихъ фетишей, начинаются выпадамъ противъ Герцена, порывы котораго Симонъ старается смирить тѣмъ же указаніемъ на абсолютныя заповѣди некритическаго демократизма.

«Говоря о подчиненіи большинству, какъ объ единственномъ методѣ разрѣшенія всѣхъ поставленныхъ на очередь соціально-политическихъ и морально-политическихъ проблемъ, Симонъ пишетъ: «Пусть пріятель Энглендеръ, превосходя своимъ пыломъ Прудона, видитъ въ этомъ подчиненіи (большинству) позорный отказъ отъ «суверенитета индивидуума», пусть даже дружественный Admonitor въ прошлогодней августовской книжкѣ осуждаетъ это подчиненіе, какъ простое «продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній въ другой формѣ»,—хотя оба изреченія содержатъ въ себѣ долю правды,—однако, я не вижу другого выхода».

И далѣе: «Если бы пріятель Энглендеръ пожелалъ осуществить свой неограниченный суверенитетъ индивидуума, онъ долженъ былъ бы стать нашимъ непогрѣшимымъ и безответственнымъ королемъ, а мы его подданными; если бы дружественный Admonitor пожелалъ обезпечить себя отъ всякихъ жертвоприношеній, онъ долженъ былъ бы стать верховнымъ жрецомъ, а мы всѣ жертвенными агнцами. Но плоды подобной жажды свободы, подобной анархіи каждый можетъ въ полной мѣрѣ видѣть въ богатой исторіи королевской власти и церкви. И такъ какъ, вѣроятно, дружественный Admonitor имѣетъ столь же мало желанія быть подданнымъ Сигизмунда Энглендера, сколь и С. Энглендеръ жертвеннымъ тельцомъ дружественнаго Admonitor'a, то я полагаю, что мы поступимъ всего благоразумнѣе, если эти интересныя крайности практически завершимъ признаніемъ другъ за другомъ *равныхъ правъ и обязанностей*».

Фолькгаузенъ такъ характеризуетъ «Съ того берега» и «Письма изъ Франціи и Италіи»: «Діалектичѣская острота, которая могла бы поспорить съ діалектикой самыхъ заправскихъ гегельянцевъ, ослѣпительныя краски и поразительная образность, которая заставляетъ вспоминать путевыя записки Гейне, энтузіазмъ, который приводилъ на память «Слова вѣрующаго» Ладеннэ,—все это было въ обоихъ сочиненіяхъ» (E. Volckhausen, «A. Herzen», № 19, 342).

Мальвида Мейзенбургъ, тогда Герцена лично еще не знавшая, получила нѣмецкую книгу отъ одного изъ гамбургскихъ рабочихъ, сказавшаго ей: «Тотъ, кто написалъ это, тоже нашъ», т. е. передовой соціалистъ. Она ожидала найти какую-нибудь новую систему. «Но едва успѣла я приступить къ чтенію, какъ увидѣла, что тутъ нѣтъ и рѣчи объ отвлеченной теоріи; тутъ чувствовалась бурный потокъ живыхъ впечатлѣній, страстныхъ мукъ; пламенная любовь къ человѣчеству, безпощадная логика, ѣдкая сатира, холодное презрѣніе, подъ которымъ скрывалась обманутая вѣра, стическое отрѣ-

ченіе и крайній скептицизмъ,—вотъ что было въ этой книгѣ, что находило тысячу откликовъ въ моей душѣ и показывало мнѣ при безпощадномъ свѣтѣ истины и анализа все, что мы пережили, начиная съ февральскихъ и мартовскихъ надеждъ 1848 г. до событій въ Вѣнѣ и 2-го декабря съ его избіеніями, тюрьмами и каторгой. Меня несказанно поразило то, что въ душѣ этого русскаго отражались потерянный нами идеаль, наши неисполнившіяся желанія, наше отчаяніе и наша покорность судьбѣ. Я восхищалась мощью и смѣлостью этого мыслителя, который, не цѣпляясь за иллюзіи, только что приведшія къ такому горькому разочарованію, смѣло погружалъ въ рану зондъ, чтобы измѣрить ея глубину, и безъ изворотовъ, безъ фразъ искалъ причину нашего пораженія. Преобладающая въ книгѣ форма діалога позволяла ему разобрать всѣ стороны проблемы съ необыкновенною яркостью... При отъѣздѣ моемъ изъ Гамбурга одна изъ лучшихъ ученицъ моихъ подарила мнѣ эту книгу со слѣдующею надписью: «Дарю вамъ эту книгу, драгоценнѣе которой у меня нѣтъ ничего, потому что хотѣла бы жить въ вашей памяти» (M. Meysenbug, «Memoires d'une idéaliste», I, 367—368, 373)».

По словамъ Ф. Альтгауза, книга произвела въ Германіи глубокое впечатлѣніе и приковала къ себѣ вниманіе всѣхъ мыслящихъ умовъ (F. Althaus, «Alexander Herzen», «Unsere Zeit» 1872, VIII, 1).

О статьѣ «Omnia mea mecum porto» Варнгагенъ фанъ-Энзе записалъ въ своемъ дневникѣ: «По содержанию и силѣ, по горячности и страсти это—настоящее возмущеніе» (Varnhagen van Ense, «Tagebücher», VIII, 124).

Изъ отзывовъ французской печати того времени наиболѣе интересно написанное въ III—IV кн. «Liberté de Penser» 1850 г. Eugène Osswald'омъ.

«Авторъ, очень видный русскій писатель, эмигрировавшій изъ Россіи и высланный изъ предѣловъ Франціи. «Съ того берега» является истиннымъ образцомъ нѣмецкой литературы. Видно, что онъ хочетъ опредѣлить или выяснитъ свое положеніе среди или, вѣрнѣе, внѣ раздѣляющихъ насъ партій. И дѣйствительно, тѣхъ, кто оспариваетъ другъ у друга право на будущее, онъ считаетъ не менѣе ослѣпленными, чѣмъ тѣхъ, кто хочетъ насъ вернуть къ прошлому. Беспорядочное разрушеніе всего, что есть, хаосъ кажется ему по меньшей мѣрѣ столь же вѣроятнымъ предшественникомъ новаго міра, сколько нормальное шествіе прогресса. Онъ сравниваетъ себя съ философи первыхъ вѣковъ христіанства, жизнь которыхъ протекала бесплодно и которые находились въ антагонизмѣ и съ прошлымъ и съ будущимъ, не имѣя ничего общаго съ паганизмомъ и не находя въ то же время возможности исповѣдовать вѣру апостоловъ. Эта мысль проходитъ красной нитью по всей книгѣ; онъ затрагиваетъ въ ней очень умно цѣлый рядъ вопросовъ философскихъ, религіозныхъ и политическихъ, временами слишкомъ часто, быть можетъ, поддаваясь скорби своей души и обманываемый даже своимъ сердцемъ, онъ—который такъ горько упрекалъ демократовъ въ ихъ наивной вѣрѣ и энтузіазмѣ».

Некрасовъ, прочитавшій по рукописи одну изъ главъ, писалъ Тургеневу въ сентябрѣ 1848 года: «Герцену поклонъ. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакалъ, читая «Послѣ грозы»,—это чертовски хватаетъ за душу» (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», 96).

Сазоновъ въ письмѣ къ К. Марксу отъ 2 мая 1850 г., перечисляя возможныхъ сотрудниковъ будущаго трехмѣсячнаго журнала, говорить:

«Имѣется еще Герценъ, брошюру котораго «*Vom andern Ufer*» вы, быть можетъ, читали. Онъ скорѣе чловѣкъ увлеченія, чѣмъ убѣжденія, и чловѣкъ воображенія больше, чѣмъ знанія, впрочемъ, очень преданный и очень способный» (Н. Рязановъ, «Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ», «Совр. Міръ» 1912, IX, 152).

Н. Страховъ, пользовавшійся Герценомъ для проведенія своего взгляда на Западъ и социализмъ, сильно перегнулъ палку въ томъ мѣстѣ своей работы, гдѣ говоритъ о разочарованіи Герцена въ европейскомъ настоящемъ и будущемъ. Въ этихъ его страницахъ именно и обнаружилась крайняя не-объективность, а потому я не считаю возможнымъ приводить ихъ безъ критики, которой, какъ сказано въ предисловіи, считаю, однако, нужнымъ избѣгать. Поэтому ограничусь лишь общимъ мѣстомъ:

«Книга «Съ того берега» тѣсно примыкаетъ къ тогдашней западной литературѣ и произвела въ ней значительное впечатлѣніе. Эта книга почти совершенно для насъ чужая, построенная на понятіяхъ, которыя тогда имѣли мало хода въ нашей умственной жизни. Она могла быть вполнѣ понятна только для европейцевъ, она для нихъ была писана и, по нашему мнѣнію, ея мѣсто какъ разъ возлѣ произведеній Фейербаха и Прудона. Наравнѣ съ этими произведеніями книга Герцена принадлежитъ къ самымъ характеристическимъ памятникамъ тогдашняго настроенія умовъ, выражаетъ существенныя черты тогдашняго развитія» («Борьба съ Западомъ», I, 49).

По мнѣнію г. Иванова-Разумника, «съ этой книги можетъ вести свою эру народничество, такъ какъ мы находимъ въ этомъ произведеніи не только отрицательную сторону—безпощадную критику западно-европейскаго мѣщанства, но и указанія на положительные идеалы—вѣру въ возможность иного, не мѣщанскаго пути развитія для Россіи. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ все громче раздаются, все рельефнѣе выступаютъ у Герцена тѣ социалистическіе мотивы народничества, которые сохранили все свое обаяніе и всю свою силу для русской критической мысли въ теченіе трехъ десятилѣтій» («Исторія русской общественной мысли», I, 381). «То, что сѣялъ Герценъ въ своемъ «Колоколѣ», было временнымъ и злободневнымъ; то, что высказывалъ онъ въ письмахъ и статьяхъ конца сороковыхъ годовъ, останется вѣчно истиннымъ при всякомъ правительствѣ, всякомъ социальномъ строѣ. «Демоническая иронія» Герцена дѣлаетъ его страшнымъ для всякой догмы, будь она республиканская или монархическая, буржуазная или социалистическая. Мыслителя *свободнѣе* Герцена нѣтъ въ русской литературѣ и немного ихъ въ литературѣ міровой» (Ивановъ-Разумникъ, «Три письма Герцена», «Современникъ» 1912, IV, 203).

«Книжка «*Vom andern Ufer*»,—говоритъ А. Н. Веселовскій,—брошенная какъ бомба, въ полный тревоги и смятенія европейскій политической міръ, вызвавшая, на ряду съ немногими выдающимися выраженіями сочувствія и единомыслія, ожесточенныя нападки и жгучіе споры, была актомъ великой отваги и независимости, облеченнымъ въ непривычную, своеобразно могучую форму... По самой сущности своей, какъ проповѣди, какъ заявленія новаго

сгедо, она, казалось бы, исключала возможность художественных украшений, воплощенных в лицах, сценах, описаниях, характеристиках. Порою эта неизгладимая сторона дарования все же скажется и среди заявленной почти теоретического характера. Сама уже форма діалога, которую часто избирает Герценъ, полная жизни и движенья, съ вырастающей изъ оживленнаго спора идеею, является искуснымъ вкладомъ въ проповѣдническое дѣло политики... Но что эти достойныя искусства бѣллетриста, стилиста художественныя украшенія въ сравненіи съ тѣмъ всецѣло проникающимъ «Съ того берега» истиннымъ *драматизмомъ*, драматизмомъ идейной борьбы, отреченія отъ старыхъ вѣрованій, перелома, разрыва и выхода на волю, который придаетъ этому небывалому дотолѣ въ судьбахъ русской мысли изліянію наибольшую силу, даже художественное значеніе,—если мѣрило художественности не ограничивать творческой красотой!» («Вѣстникъ Европы» 1908, IV, 540—541).

Въ заключеніе приведу разсказъ Ѡ. М. Достоевскаго:

«Однажды, разговоривая съ покойнымъ Герценомъ (въ 1862 г.—*М. Л.*), я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе,—«Съ того берега». Объ этой книгѣ, къ великому моему удовольствію, съ похвалой отнесся и М. П. Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится,—замѣтилъ я, между прочимъ,—что вашъ оппонентъ тоже очень уменъ. Согласитесь, что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставитъ къ стѣнѣ.

— Да, вѣдь, въ томъ-то и вся штука,—засмѣялся Герценъ.—Я вамъ разскажу анекдотъ (слѣдуетъ извѣстный анекдотъ о Бѣлинскомъ и его статьѣ съ діалогомъ между А и Б. «Дневникъ писателя», I).

Въ изданіи 1850 года.

Стр. 392—9 сн. Послѣ «меньше и меньше»: «Для меня, дѣйствительно, сожжены всѣ оставшіеся позади мосты. Но это и не огорчаетъ меня».

393—2 сн. Послѣ «пустяковъ»: «Фарсъ разыгранъ; менѣе сильные, чѣмъ Раблэ, мы не рѣшаемся взывать къ опущенному занавѣсу».

394—6 св. Послѣ «на природу»: «еслибы они въ природѣ увидѣли самихъ себя и природу—въ себѣ, если бы они поняли ея неразрывность».

394—20 сн. Послѣ «больше развитія»: «Если мы исключимъ несчастныхъ людей, которые такъ подавлены матеріальнымъ гнетомъ, что не имѣютъ времени по-человѣчески страдать, и исключимъ еще золотую посредственность, которая держится въ одинаковомъ отдаленіи отъ береговъ рая и ада, то».

395—2 св. Послѣ «тѣло его»: «это тяжелая и скучная борьба со смертью».

395—11 св. Послѣ «новый оборотъ»: «То же самое, только въ иномъ масштабѣ, происходитъ передъ катаклизмами, въ которыхъ весь социальный

организмъ испытываетъ потрясеніе, при чемъ одна часть оставшагося отмираетъ, а другая овладѣваетъ міромъ».

395—20 св. Послѣ «перешель въ»—«нѣмецкій».

395—16 св. Послѣ «тарифа»: «Развѣ такая неестественная жизнь не должна была привести къ тяжкому разрыву?»

396—16 св. Послѣ «солнце»: «Хотя и учился въ Германіи, но въ глубинѣ души остался итальянцемъ. Натура итальянца, развитая природой и пластическими искусствами, прежде всего реальна. Мы прекрасно знаемъ, что нѣтъ ни лучшей природы, ни болѣе свѣтлаго солнца, ни болѣе красивыхъ женщинъ, чѣмъ у насъ».

397—15 св. Послѣ «говорятъ массы»: «Какъ можно было понять ихъ?—Но что имъ было дѣлать? Вѣдь, ихъ положеніе было ужасно. Повернуть назадъ?—О, нѣтъ! Что можно дѣлать до тѣхъ поръ, пока мы боимся неприятныхъ истинъ или истинъ, къ которымъ мы не привыкли?»

397—22 св. Послѣ «смертный приговоръ»: «Люди, общество приняли направленіе, которое трудно измѣнить, пока старыя формы еще передъ глазами. Мы сжились съ этими формами, какъ съ собственнымъ платьемъ».

400—5 св. Послѣ «давно не вѣрять»: «понимая, что здоровье невозможно, что ирландцы мрутъ съ голода, что пролетаріи должны остаться нищими».

400—16 св. Послѣ «не болѣе»: «Выселившіеся въ Америку европейцы остались европейцами».

400—17 св. Послѣ «безъ него»: «потому что ко всему стоялъ близко, былъ недоволенъ и стремился измѣнить окружающую жизнь».

401—21 св. Передъ «но кто же»: «Этотъ результатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что вы только что высказали».

402—1 св. Послѣ «варварскій»: «христіанскій».

403—2 св. Послѣ «варварство»: «и мистицизмъ».

405—11 св. Послѣ «общественною жизнью»: «Конечно, не все человеческое общество принимаетъ участіе въ этомъ движеніи, а только та доля, которая вышла изъ патріархальнаго строя въ соціальную жизнь; конечно, прогрессъ совершается не съ такой сухой скукой, какъ думаютъ, не прямолинейно и не по правиламъ, но отрицать его нелѣпо! Прогрессъ—это премія, которую даетъ исторія тѣмъ, кто пришелъ послѣднимъ».

406—5 св. вмѣсто «Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само»: «Если вы, все-таки, хотите видѣть какую-нибудь цѣль, то посмотрите: природа заботится только о томъ, чтобы поставить человѣка на ноги, ввести его во владѣніе окружающимъ, дать ему возможность понимать, чувствовать, наслаждаться».

406—3 св. вмѣсто «и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельство, климата, тысячи столкновеній»: «—жить въ обществѣ и непрерывно улучшать жизнь; не успокаиваться, пока не будетъ всѣмъ хорошо; развивать все, что заложено въ душѣ, и быть постоянно дѣятельной. Все это, такъ или иначе, бродитъ въ человѣкѣ, ко всему этому онъ стремится даже тогда, когда, повидимому, опускается и преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли».

407—5 св. Послѣ «какъ животныя»: «Этотъ скачокъ отъ орангъ-утана до развитога человѣка былъ бы, дѣйствительно, слишкомъ рискованнымъ для природы».

407—20 св. Послѣ «геній»: «какъ Колумбъ или Петръ I».

407—22 св. Не было: «Кортесъ сдѣлаетъ за него».

407—5 сн. Не было: «Изъ этого вы видите, что исторія можетъ продолжаться миллионы лѣтъ».

408—7 сн. Вмѣсто «напрасный... часовъ...»: «О, мы не забываемъ о томъ, что живемъ. Жизнь—не такая легкая ноша, что не чувствовать ея. Мы чувствуемъ ее по той скукѣ, которая такъ давитъ насъ въ мірѣ, въ которомъ мы могли бы дѣйствовать, но онъ не нуждается въ нашей дѣятельности. Вы говорите о наслажденіи».

409—1 св. Не было: «Да еще падать».

409—7 св. Послѣ «легче жить»: «*Мы* не видимъ ничего на горизонтѣ, а старыя стѣны, какъ ни стары и ни гнилы, могутъ устоять еще нѣсколько тысячелѣтій».

409—10 св. «Не было: «Очевидно для него?»

411—19 сн. Не было: «Pereat!»

412—20 св. Начало абзаца было: «Глубоко потрясенный, я понялъ, что теперь здѣсь готовится что-то великое: великая удача или великое несчастье».

412—5 сн. Послѣ «помириться»: «Но этого не хотѣли, замѣтьте—не хотѣли».

413—17 св. Послѣ «экипажъ»: «или человѣкъ».

413—20 св. Вмѣсто «16—17»: «15—16».

413—11 сн. Послѣ «не подпускали»: «никто не зналъ, что тамъ происходило».

414—26 св. Вмѣсто «знаніе и пусть разума»: «нищету знанія».

415—3 сн. Послѣ «вѣнскаго конгресса»: «То же совершается въ глубинѣ человѣческой души. Атеизмъ есть только начало, только общее основаніе... Но какая связь между этими и іюньскими днями? Самая тѣсная. Освободившись отъ прошлаго, мы еще не стали свободны. Несмотря на то, что признанъ былъ разумъ и объявлена республика, мы остались идолопоклонниками, рабами—такъ сильно стремленіе человѣка почитать что-нибудь высшее, подчиняться какой-нибудь власти. Какъ могли мы создать что-нибудь свободное, когда сами остались рабами старыхъ предрасудковъ и дѣтской вѣры?»

416—15 св. Послѣ «и къ государству»: «Въ такомъ случаѣ можно сейчасъ же призвать всю Францію, всю Европу».

417—14 сн. Послѣ «ликующими мѣщанами»: «Бѣдный Парижъ! Все, что было тебѣ дорого, обращается теперь противъ тебя!» Дальше все до «Пусть же онъ несетъ...» было написано въ видѣ обращенія къ Парижу во второмъ лицѣ.

421—9 св. Послѣ «24 февраля»: «Дѣло стало немного серьезнѣе».

421—20 св. Послѣ «инквизиторами»: «Духъ, котораго они вызвали за-
клинаніями, привелъ ихъ, какъ и Фауста, въ ужасъ».

421—23 св. Послѣ «консерваторами»: «Новаго здѣсь, вѣдь, ничего нѣтъ».

421—16 сн. Послѣ «религіи»: «—отсюда этотъ крикъ ужаса противъ
Фейербаха».

421—15 сн. Вмѣсто «либералы»: «Политическіе рационалисты».

422—16 св. Слово «Такъ Лютеръ Фейербаха» не было.

422—21 св. Вмѣсто «И въ этомъ-то братства»: «Они ду-
мали, что ихъ демократическія *ria desideria* могутъ осуществиться въ ста-
рыхъ формахъ европейской государственной жизни. и остолбенѣли, увидѣвъ
трудности своей задачи».

422—4 сн. Послѣ «явленій»: «То же происходитъ и въ политическомъ
мірѣ. Конечно, социальный переворотъ не можетъ стереть Францію съ лица
земли, но Франція Людовика XIV, Наполеона и Реставраціи тоже не можетъ
оставаться».

423—20 сн. Не было: «и Гизо, и Меттернихи, и Кавеньяки».

423—17 сн. Вмѣсто «Ни Меттернихъ своими солдатами»
«Конечно, Меттернихъ можетъ теперь сказать для своего оправданія: «По-
смотрите, не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ я отошелъ отъ власти,
а Австрія распадается и гибнетъ». Но мы можемъ отвѣтить ему: «Почему же
Австрія непременно должна существовать? Что-нибудь да выйдетъ: не сла-
вянское, такъ венгерское государство или два-три новыхъ». Такъ же не-
лѣпо отстаивать цивилизацію, когда пробилъ ея часъ; это тѣмъ болѣе не-
лѣпо, что она сама считаетъ единственнымъ путемъ спасенія выходъ изъ
своихъ формъ. Кромѣ того, ни консерваторы со всей ихъ ловкостью,» †

424—13 св. Не было: «бѣдность, вырабатывающаяся подавляетъ
способности».

425—11 св. Послѣ «ѣсть скромное»: «Къ такому невѣрію мы пришли
теперь въ социальномъ вопросѣ».

425—10 сн. Вмѣсто «Послѣднее усиліе не удалось»: «Въ
Парижѣ скучно, въ Лондонѣ невыносимо, въ другихъ городахъ еще хуже,—
такъ сильно уже отходитъ внутренній человекъ отъ внѣшняго».

425—3 сн. Не было: «какъ время Мирабо и Дантона».

426—22 св. Не было: «Подумайте социализмъ».

426—23 св. Послѣ «себѣ представить»: «побѣду социализма».

427—3 св. Не было: «Шампанскимъ вафли запивая».

427—6 св. Послѣ «очень глупо»: «Къ этимъ домашнимъ варварамъ
присоединяются еще и чужіе. Великая раса стоитъ на границахъ Европы,
которая, какъ и пролетарій, получила въ приданое отъ европейской цивили-
заціи только несчастье; она, согласно своему національному характеру, про-
тянетъ руку скорѣе самому дикому коммунизму, чѣмъ благоустроеннымъ пра-
вительствомъ Европы».

427—8 св. Не было: «Не знаю будетъ хуже».

427—19 сн. Не было: «Люди исподволь».

- 427—11 сн. { Вмѣсто «Она достигла ничего не пожалѣетъ».
428—17 сн. { «Въ природѣ нѣтъ ни любви, ни ненависти къ пере-
воротамъ».

429. Эпиграфомъ было:

Komm her, wir setzen uns zu Tisch!
Wen sollte solche Narrheit rühren?
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch,
Wir wollen sie nicht balsamieren!

Göthe ¹⁾.

429—13 св. Вмѣсто «двадцатое»: «двѣнадцатое».

429—20 св. Послѣ «рабочихъ людей»: «Неудивительно поэтому, если холодъ и дурная погода приводитъ всѣхъ въ уныніе».

430—12 св. Послѣ «своимъ мѣстомъ»: «и невозможность скрыть свое довольство этими преимуществами. Такія головы мы часто находимъ среди римскихъ бюстовъ, изображающихъ второстепенныхъ тирановъ или ихъ любимцевъ».

430—19 сн. Послѣ « - - - - »: «въ которыхъ никто теперь больше не вѣритъ».

430—7 сн. Не было: «Лица допустивъ его».

431—17 сн. Послѣ «надеждъ»: «Да, много мы пережили за послѣднее время».

432—8 св. Не было: «вы знаете слишкомъ много».

434—12 св. Послѣ «для нашего воспитанія»: «Наши теории раздѣляютъ нашу судьбу: онѣ утѣряли инстинктивное чутье, но не достигли еще совершеннаго знанія».

434—22 св. Не было: «между вами такъ легко».

434—3 сн. Послѣ «роли разочарованныхъ»: «Каждая точка зрѣнія, ведущая къ такому неестественному результату, осуждаетъ самое себя».

435—3 св. Послѣ «въ Америку»: «Бѣжать въ Америку—это мальчишество».

435—3 св. Вмѣсто «Сѣверные Штаты переводѣ»: «Развѣ тамъ не доведено до послѣдняго развитія то, что мы видимъ передъ собой въ Европѣ?»

435—13 св. Между «вѣками» и «я», длинный рядъ точекъ.

435—17 св. Послѣ «отставать»: «Этo—факты, а не идеализмъ».

436—2 св. Вмѣсто многоточія: «, а вы хотите избѣжать его».

436—14 св. Послѣ «ни врага»: «Онѣ взаимно губятъ себя, не понимая, что триумфъ не улучшить ихъ положенія».

436—21 св. Послѣ «благодаренъ»: «такого заключенія я не ожидалъ».

436—12 сн. Послѣ «революціонеры»: «Милый мой идеологъ, эта анти-

¹⁾ Пойди сюда, сядемъ за столъ! Кого такая глупость способна встревожить? Миръ разлагается, какъ гнилая рыба, мы не хотимъ ее бальзамировать!»—*Гете*.

номія слишкомъ устарѣла и совершенно непригодна для оцѣнки нынѣшней войны».

436—10 сн. Послѣ «проповѣдуете вы»: «потому что онъ обманываетъ и себя и другихъ».

437—5 св. Послѣ «есть»: «самый опасный».

437—6 св. Послѣ «старого міра»: «оправданіе для нелѣпостей народнаго представительства, облеченнаго всей полнотою царской власти, оправданіе нелѣпости короля, освобождающаго народы, и папы, дѣйствующаго сообразно съ духомъ XIX столѣтія».

437—7 св. Послѣ «революціи»: «и стремленія разъ навсегда положить конецъ самодержавнымъ народнымъ собраніямъ, королямъ и папамъ».

437—14 св. Послѣ «aeternitatis»: «но кто видѣлъ, какъ я, собственными глазами самое начало великаго возстанія въ Италіи и потомъ это несправедливое подавленіе и удвоенное иго, которое погрузило народъ въ еще большее рабство, тотъ врядъ ли сталъ бы такъ хладнокровно разсуждать... Это время глубоко запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, и я долженъ признаться вамъ, что во мнѣ никакого отвзвуха на вашъ оптимизмъ, коренящійся въ пессимизмъ».

437—13 сн. Послѣ «причинъ»: «чтобы броситься въ борьбу со зломъ».

438—21 сн. Послѣ «оплакиваете»: «и вотъ это мнѣ непонятно».

438—15 сн. вмѣсто «къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ»: «еще ниже».

438—12 сн. вмѣсто «Девизъ motu»: «Вспомните подземнаго крота, который и днемъ и ночью работаетъ».

439—10 св. Послѣ «своей ненависти»: «и въ результатѣ онъ часто совершенно овладѣваетъ предметомъ своего изученія».

439—11 св. къ слову «коновалъ» выноска: «Маратъ».

439—9 сн. Послѣ «осаднаго положенія»: «когда увидѣли на дѣлѣ республику 24-го февраля».

439—5 сн. Послѣ «нежели виноваты»: «Многіе знаютъ теперь, что если Парижъ переселился въ Варшаву, то виноваты въ этомъ консерватизмъ въ революціонномъ дѣлѣ, трехцвѣтныи флагъ, нелѣпая власть собранія депутатовъ».

440—8 св. вмѣсто «Формальная дней»: «Но теперь она нелѣпа, и нелѣпость эта стала ясна всѣмъ послѣ реакціи въ республикѣ. Республика диктовала драконовскіе законы съ высоты національнаго собранія, она безъ суда ссылала и, во имя свободнаго народа, голосовала благодарность отечества людямъ, которые вышли изъ крови разстрѣленныхъ кучами плѣнныхъ. И вы думаете, что такія вещи, которыя подрываютъ всю представительную систему, могутъ пройти безъ послѣдствій? Кто же станетъ теперь еще вѣрить въ возможность свободы и равенства тамъ, гдѣ засѣдаетъ такая лицемѣрная, рабская юриспруденція, которая опирается на оба рабскихъ ученія—сгнившаго римскаго права и отжившаго феодализма?»

440—15 сн. вмѣсто «Европа догадалась, благодаря реакціи»: «Нѣмцы въ началѣ своего революціоннаго пути увидѣли».

440—6 св. Не было: «и теперь вѣрите».

441—7 сн. Вмѣсто «близкое къ паденію»: «бросающееся въ глаза».

442—4 св. Вмѣсто «вердиктъ»: «приговоръ».

442—10 сн. Послѣ «нѣтъ уха»: «чтобы слушать мораль».

442—6 сн. Послѣ «мертвымъ?»: «Печальное время!»

443—6 св. Не было: «*чего они хотятъ, они не знаютъ*».

444—15—7 сн. Не было: «Фантазія очень далеко».

445—22 св. Послѣ «видѣли бы»: «какъ видѣлъ Барбесъ».

449—3 св. Послѣ «это понятно»: «Христось говоритъ о любви къ ближнимъ; это я тоже понимаю;»

449—6 св. Послѣ «широко»: «Мольеровскій мизантропъ былъ, конечно, не совсѣмъ неправъ, когда говорилъ: «Другъ человѣчества мнѣ другомъ быть не можетъ».

449—21 св. Вмѣсто «все, что вотировать»: «А соперничество этихъ людей есть вопросъ, занимающій сейчасъ всю Францію. Можете ли вы дѣйствительно всѣмъ своимъ существомъ интересоваться Ледрю-Ролленомъ или оппозиціей франкфуртскаго общества, или голштинскимъ вопросомъ?»

449—12 сн. Вмѣсто «мѣщанской»: «парижской».

450—2 св. Вмѣсто Кавеньяка—Ламартинъ.

451—23 св. Не было: «Это не побѣды».

451—10 сн. Послѣ «тутъ стоимъ»: «Какъ странно все!»

452—4 св. Послѣ «сплетни»: «Какая судьба!»

452—11 св. Послѣ «предразсудковъ»: «vulgar, какъ говорятъ англичане».

456—13 св. Послѣ «христіанами»: «Взгляните на начало общественной жизни, на тѣ времена, которыя на имѣютъ исторіи».

456—17 св. Не было: «и пять-шесть судебъ своихъ».

456—19 сн. Вмѣсто Симеона-столпника—Вашингтонъ.

457—5 св. Послѣ «смерть»: «Я не могу видѣть для всего живого иной цѣли, кромѣ самой жизни настоящаго момента».

457—8 св. Вмѣсто «неотдѣльнаго»: «неотдѣлимаго».

457—12—15 св. Не было: «Я совершенно усомниться».

457—17 сн. Не было: «страдаютъ рабы въ Россіи».

458—2 сн. Послѣ «даже люблю»: «не меньше чѣмъ природу!»

459—19 сн. Вмѣсто «Идеалисты непремѣнно какъ олени»: «Эту-то ошибку вы и дѣлаете, какъ всѣ историки и идеалисты».

460—8 св. Послѣ «рыба въ водѣ»: «Здѣсь, какъ видите, не можетъ быть рѣчи о благодарности».

460—9 св. Вмѣсто «плохо воззрѣніемъ»: «есть плохой знакъ этого здоровья массъ».

460—12 св. Не было: «нелѣпый общественный возстаніе неотвратимо».

461—14 сн. Не было: «fraternité террористовъ».

464—15 сн. Послѣ «отчего вамъ это показалось странно?»: «и аристократично? Но развѣ вы не знали этого, развѣ это новость? Вы особенно возмущены тѣмъ,»

464—15 сн. «Оттого» исключено.

464—9—6 сн. Не было: «Съ другой стороны поползновенія къ злу».

465—5 св. Вмѣсто «замѣтите, что общественности»: «всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы ее уничтожить. Вы знаете шутку одного французскаго путешественника, который сказалъ о Сѣверной Америкѣ: «Плебеи держатъ себя очень comme il faut въ Америкѣ». Понимаете, милый докторъ, почему я васъ обвиняю?»

465—15 сн. Не было: «Одно холодное остается».

466—11 сн. Не было: «вмѣсто знанія у насъ одинъ навыкъ, наглядка, примѣръ».

467—1 св. Послѣ «пролежала»: «цѣлый мѣсяць».

467—1 св. Вмѣсто «была сама о Сведенборгѣ»: «Когда она опять пришла въ сознаніе, ея положеніе стало еще ужаснѣе. У меня сердце разрывалось при видѣ ея отчаянія. Все же я посѣщалъ ее каждый день. Чѣмъ больше возвращались къ ней силы, тѣмъ чаще заставлялъ я ее въ слезахъ за молитвой. Черезъ двѣ недѣли она стала гораздо спокойнѣе, чѣмъ я могъ ожидать».

467—8 св. Послѣ «должна покориться»: «Я пожалъ ей руку и порадовался ея спокойствію».

467—14 св. Послѣ «на томъ свѣтѣ»: «, какъ говорилъ Сведенборгъ».

467—3 сн. Послѣ «Каинъ и Авель»: «Какъ же вы можете убѣдить меня вѣрить въ эти глупости? Легче ли отъ этого, или тяжелѣе,—фактъ налицо: я не могу вѣрить».

468—15 св. Исключено «и Карла X».

468—17 св. Послѣ «стыло»: «положеніе было тяжелое».

468—5 сн. Послѣ «въ Америку»: «Это рѣшено».

Въ изданіи 1858 года.

383—13 св. Добавлено: «Я ихъ самъ продиктовалъ молодому литератору, Ф. Каппу, по-нѣмецки¹⁾».

384—5 св. Послѣдней фразы нѣтъ.

386—8 св. Вмѣсто «общающій»: «пророчачій».

386—9 и 8 сн. Вмѣсто «его»: «ея».

387—12 сн. Вмѣсто «безнравственность»: «безнравственно».

389—15 сн. Вмѣсто «пассахъ»: «видахъ».

390—4 сн. Вмѣсто «мѣщанскую республику»: «мѣщанское самодержавіе».

393—10 св. Вмѣсто «ему»: «тому».

393—19 св. Вмѣсто «въ себя, въ жизнь. Паскаль говорилъ, что люди играютъ въ карты для того, чтобы не оставаться съ собой наединѣ»:—«съ собой наединѣ».

¹⁾ Это не точно. Каппъ и Гервегъ помогли Герцену сдѣлать хорошій переводъ.

393—2 сн. Послѣ «пустяковъ»: «не пришедши путемъ въ себя».

394—13 св. Вмѣсто «начало»: «одинъ начальный толчокъ».

400—12 св. Исключено «оставить».

400—21 св. Вмѣсто «каждой»: «всякой».

404—11 св. Исключено «прекрасенъ».

404—22 св. Вмѣсто «Вась все сбиваетъ дурно понятая телеологія. А какая»: «Какая».

411—10 сн. Вмѣсто «на рукѣ»: «течетъ по_уней».

412—18 св. Вмѣсто «со стороны»: «съ».

416—17 сн. Вмѣсто «разрушающіеся вамъ»: «разрушающейся веси».

416—14 сн. Передъ «Парижъ?»: «можетъ быть».

417—12 св. Исключено «презрительные».

417—13 св. Исключено «лишь».

418—2 св. Вмѣсто «истребленіе»: «разрушеніе».

418—7 св. Вмѣсто «одной»: «единой».

418—10 св. Вмѣсто «(Изъ одной рѣчи, произнесенной)»: «(Рѣчь Ледрю-Роллена)».

419—2 св. Вмѣсто «со дна души»: «во мнѣ».

426—2 сн. Вмѣсто «устали»: «ропцуть».

435—10 св. Вмѣсто «Дополните, пожалуйста, а»: «А».

435—3 сн. Нѣтъ «сломанный».

439—11 св. Къ слову «химикъ» была выноска: «Распайль», а имя въ текстѣ исключено.

440—1 св. Вмѣсто «не зная, что дѣлаетъ»: «сама».

447—1 сн. Исключено «не отдавая себѣ полного отчета, почему».

449—4 св. Исключено «мѣшаетъ развитію, что».

450—8 св. Исключено «всѣ».

450—9 св. Исключено «прежнихъ».

451—21 св. Вмѣсто «Долгая»: «Одна долгая».

451—23 св. Вмѣсто «особенно благородный»: «этотъ».

452—14 св. Послѣ «птицъ»: «думая, какимъ зломъ онѣ ему заплатятъ».

458—11 св. Исключено «мой».

459—15 сн. Исключено «или на скачкахъ въ Энсомѣ».

459—12 сн. Послѣ «висящимъ носамъ»: «Они мнѣ просто противны».

459—11 сн. Исключено «Вы знаете это и возмущаетесь...»

460—6 св. Вмѣсто «Горы»: «Конвента».

460—12 св. Исключено «нелѣпный общественный возстаніе неотвратимо».

463—7 св. Вмѣсто «гумусѣ»: «тукѣ».

464—10 сн. Исключено «враждебныхъ, не симпатизирующихъ съ большинствомъ».

464—9 сн. Послѣ «въ средѣ»: «не симпатизирующей имъ».

465—5 св. Вмѣсто «Вы правы»: «Да...» и послѣ «пока»: «вообще».

466—13 св. Вмѣсто «но, сверхъ того, было»: «и».

466—11 сн. Исключено «вмѣсто знанія у насъ одинъ навѣкъ, наглядка, примѣръ».

467—12 св. Вмѣсто «это мысль религія»: «то есть».

469. Второй эпитафъ тотъ, который указанъ къ стр. 429 въ вариантахъ по изданію 1850 года.

474—16 сн. Исключено «въ Китаѣ и отчасти въ».

481—11 сн. Вмѣсто «не вовсе ясно»: «пустое».

481—8 сн. Исключено «(братство и любовь)».

485. Стихи исключены.

486—6 сн. Исключено «эти».

486—3 сн. Исключено «въ ростѣ, исказившаяся въ чертахъ, и мѣщанская».

487—18 св. Вмѣсто «жизни»: «маятника».

Въ журнальной редакціи «*Omnia mea mecum porto*».

469. Вмѣсто эпитафоваго подзаголовка: «Eine freundschaftliche Admonition».

469—4 св. Нѣтъ: «Видимая, старая, офиціальная».

469—12 св. Нѣтъ: «на сердцѣ за плечами».

469—8 сн. Послѣ «земли»; «что работа двухъ міровъ трехъ тысячелѣтій не можетъ разсыпаться пылью. Монархическая Европа останется,—».

470—2 св. Послѣ «Григорія VII»: «Смертный часъ Европы пробилъ уже. Мы объ этомъ уже говорили и, сказать по правдѣ, это должно...»

470—18 св. Нѣтъ «Мы не Богопримецъ».

470—18 св. Послѣ «смерти»: «не находя противоядія».

470—13 сн. Вмѣсто «мы предавались горю и отчаянію»: «не находя исхода или какого-либо утѣшенія».

470—9 сн. Послѣ «жить»; «Да, я хочу жить, я не хочу больше склонять мою голову подъ ярмомъ, передъ которымъ склоняютъ шею наши современники».

470—7 сн. Послѣ «плакальщикомъ»: «Я не хочу больше этого вѣчнаго вдовства. Я имѣю *право* на жизнь, я не менѣе реаленъ, не менѣе свободенъ, не менѣе суверененъ, чѣмъ весь остальной міръ».

470—4 сн. Послѣ «Ріенци»: «и Юліанъ VII».

471—4 св. Вмѣсто «занятія развалинахъ»: «цѣли, какъ, по примѣру индіанокъ, сжигающихъ себя на кострахъ мужей, похоронить себя съ нимъ».

471—5 св. Послѣ «памятникомъ?»: «Нѣтъ, никогда, никогда!»

471—8 св. Нѣтъ: «мы страдали страданіями».

471—10 св. Послѣ «худшее»: «наши надежды».

471—12 сн. Вмѣсто «неизлѣчимые романтики его такъ»: «Покончимъ же съ этими дѣвичьими мечтаніями».

472—20 сн. Послѣ «дарамъ?»: «Послѣ такого вопроса человекъ протестуетъ титаническимъ veto противъ фатализма среды, и среда сдается».

472—11 сн. Послѣ «принадлежить»: «однимъ словомъ, протестъ является въ историческіе моменты подобные тому, въ который мы живемъ».

474—15 св. Послѣ «столкновенія»: «разражающіяся съ силой, не имѣющей, однако, никакого значенія для другихъ».

474—14 сн. Вмѣсто «и самая скорбная»: «и для которыхъ исторія знаетъ только одинъ примѣръ».

474—13 сн. Послѣ «цивилизация»: «къ которой принадлежитъ только незначительное меньшинство».

474—11 св. Послѣ «бытомъ»: «и не можетъ не найти для себя примѣненія, ни вообще какого-нибудь развитія».

474—7 сн. Нѣтъ: «Насиліе большинства».

474—1 сн. Вмѣсто «отрекается не готовы»: «не оглядываясь на родъ оружія и средства самозащиты».

475—9 св. Вмѣсто «Человѣчество варварство»: «феодализмомъ, который ему долженъ былъ быть не менѣе антипатиченъ, чѣмъ римское право».

475—17 св. Послѣ «новыхъ?»: «Что оставалось имъ дѣлать передъ лицомъ этого чудовищнаго рока, который велъ міръ къ восточному мистицизму, будучи связанъ съ нимъ введенными варварскими конституціями? Что другое, какъ сойти со сцены. И они сдѣлали это и поступили превосходно, и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдителями. Какое примиреніе возможно съ подобными эпохами? Страдаютъ, но не преклоняются, пребываютъ несчастными, но не жертвуютъ своимъ сознаниемъ».

475—17 сн. Вмѣсто «Мудрѣйшіе отошли»: «Вернемся теперь къ настоящему».

476—3 св. Вмѣсто «работъ коммунистовъ»: «работъ à la Луи Бланъ».

476—19 св. Послѣ «легитимистовъ»: «и нетерпимостью іезуитовъ».

476—11 сн. Послѣ «примирилась»: «съ Прудономъ».

476—10 сн. Послѣ «рыцари»: «революціи и герои».

476—9 сн. Послѣ «господинъ»: «авторитетъ».

477—5 сн. Вмѣсто «на то рѣчи»: «Какъ свободный актъ, я привѣтствую его отъ всей души; какъ горькую необходимость, какъ возложенный на насъ какимъ-либо моральнымъ закономъ долгъ, я отрицаю его».

478—1 св. Нѣтъ «Посмотримъ она».

478—7 св. Послѣ «рабствѣ»: «на отрицаніи личной независимости во имя Бога, церкви, монастырскаго устава, однимъ словомъ, во имя различныхъ абстракцій, общихъ понятій, общихъ мѣстъ, которыя не имѣли ничего индивидуальнаго. - - - - - , религія противорѣчій, давало представленіе о положеніи человекъ передъ абсолютномъ до цѣлостной, очень послѣдова- тельной системы нравственнаго рабства».

478—10 св. Вмѣсто « - - - - - признавало передъ - - - - -»: «Церковь говорила человекъ, что онъ свободенъ; она не допускала

государственнаго раздѣленія на гражданъ и рабовъ и, однако, несмотря на это, она проповѣдовала слѣпое послушаніе».

478—9 сн. Послѣ «основа»: «выродившагося».

478—8 сн. Послѣ «личности»: «въ то время, какъ ему внушается противоположное и его убѣждаютъ, что онъ свободенъ».

478—7 сн. вмѣсто «которымъ сужденія»: «теологическая точка зрѣнія въ антропологии».

478—5 сн. Послѣ «мистицизма»: «это метафизика католической догмы».

478—3 сн. Нѣтъ «напр., тѣло и духъ».

Въ «Deutsche Monatsschrift», въ «Эпилогѣ» (стр. 485, 19 стр. снизу) было слѣдующее мѣсто съ примѣчаніемъ:

Развѣ мы не видѣли патриотовъ въ Миланѣ, на Іоническихъ островахъ, женщинъ въ Венгріи, Фрейбургѣ, Бресчии, взятыхъ заложниками? Развѣ мы не видѣли Бланки, осыпаннаго ударами по приказу начальника шайки тюремныхъ сторожей, безъ роду, безъ племени? ¹⁾

¹⁾ Быть можетъ, вы еще не знаете о послѣдней подлости? Это очень возможно, потому что только два радикальныхъ «Листка» сказали по этому поводу нѣсколько словъ, всѣ же остальные газеты были заняты тогда весьма важнымъ обстоятельствомъ: онѣ негодовали на позорное политическое положеніе, которое создалось для отсутствующихъ осужденныхъ, ибо онѣ съ полною наивностью дитяти думали, что правительство можетъ быть заклеявлено еще чѣмъ-либо инымъ, кромѣ «собственнаго знака отличія».

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
17	3 св.	.	I.
35	7 св.	строгое	
48	2 сн.	Галахова	Галахова, Кеппеу.
59	2 св.	о	и
80	9 сн.	Дюрвиля	д'Юрвиля
105	15 сн.	Магелана	Магеллана
110	2 сн.	«Новой вариации	«Новыхъ вариацияхъ
130	4 сн.	Камилла	Камилля
139	5 св.	пропріетеръ	пропріетеръ
148	11 сн.	1857	1854
154	21 св.	Бона	Бока
180	6 сн.	Антоніо	Анжело
209	3 св.	Боке	Бокэ
228	13 св.	Гелдерлинъ	Гельдерлинъ
237	3 св. }	Боке	Бокэ
	22 св. }		
238	3 св.	8	7
	1 сн.	Рейссигъ	Рейссигъ, по мужу Ашинова
		№ 474 долженъ быть помѣщенъ	передъ № 471.
240	17 св.	теперь	теперь я
—	18 св.	ней	нею
—	—	любила	люблю
—	—	нельзя	нельзя ее
—	20 св.	(Пассекъ, «Воспомина- нія, III, 104).	.
244	2 сн.	побѣдили	отжили
245	9 сн.	швейцарцемъ	швейцаромъ
256	2 св.	(Апрѣль	(14 апрѣля

259	10 св.	быль, вѣроятно,	быль
267	2 сн.	Немедленно	5 іюля 1849 г.
270	12 св.	Эрнестъ	Эрнстъ
272	10 сн.	Шарлотту	Шарлотту,
	9 сн.	Лотхенъ—	Лотхенъ,
273	5 сн.	Герветъ	Гервегъ
280	15 сн.	Третьяковъ,	Тредьяковъ,
286	1 сн.	Людвикъ	Людвикъ
366—368	сверху	Женева	Парижъ
392	3 сн.	Развѣ	Развѣ это
—	—	что	что такое
—	—	міръ существуютъ	человѣкъ и вселенная?
435	10 св.	пожалуйста	пожалуйста, а
470	2 сн.	Ріензи	Ріенци
471	16 сн.	живутъ	живутъ
488	11 сн.	де-Местръ	де-Мэстръ
495	18 сн.	хотя	хотя
504	12 св.	переведшій	приведшій
534	2 сн.	Бартелемо	Бартелеми
543	10 сн.	ценнэ	меннэ
544	20 св.	фанъ	фонъ
—	22 св.	van	von
558	4 св.		строчекъ

№ 458 bis. Письмо къ матери.

(5—15 марта 1847).

Bruxelles.

Liebe Mutter! Da sind wir am Ende des Anfangs—in Braunschweig, heute werden wir in Hannover sein; morgen reisen wir von dort nach Minden und werden Ihnen aus Köln Nachricht geben.

Ich glaube, dass Sie schon jahrelange in Stuttgart sind ¹⁾.

Марья Каспаровна, почтеніе! Желѣзная дорога, скоро, ѣхать, вагонъ, Ганноверъ, таможня, все осматривать, пеленки пломбировать. Наташа въ крайности—сакъ взять. Пломбу-король называется Эрнстъ и шутить.

Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Дата опредѣляется въ послѣдовательности заграничнаго маршрута.

¹⁾ Милая мама! Итакъ, мы вернулись къ началу—очутились въ Брауншвейгъ. Сегодня мы будемъ въ Ганноверѣ, завтра оттуда уѣзжаемъ въ Минденъ, а изъ Кельна дадимъ Вамъ вѣсточку о себѣ.

У меня такое чувство, какъ будто Вы уже много лѣтъ живете въ Штутгартѣ.

№ 467 bis. Приписка къ Н. А. Тучковой.

(Сентябрь 1848 г.).

Тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ очевиднѣе разлука, что писать становится трудно. Хочется говорить и то, и то, а говорится бульонъ съ сахарцемъ. Дайте вашу руку, помните меня,—я это заслужилъ большой симпатіей. Прошайте, въ другой разъ напишу больше.

Къ стр. 504. «Круповъ» изданъ въ 1858 въ переводѣ на французскій языкъ, сдѣланномъ Аксенфельдомъ, въ нѣсколькихъ №№ «La Revue Française».

Къ стр. 531. Какъ видно изъ письма Плещеева къ Дурову отъ 26 марта 1849 г., въ Москвѣ тогда ходили по рукамъ копіи «Передъ грозой»; Семевскій высказалъ въ примѣчаніи предположеніе, что, вѣроятно, тутъ разумѣются сцены изъ римской жизни «Лициній» («Голосъ Минувшаго», 1915, XII, 64). Нѣтъ сомнѣнія, что почтенный историкъ просто ошибся—рѣчь идетъ именно объ одной изъ главъ «Съ того берега».

Исключенія, сдѣланныя при печатаніи до революціи.

(Напечатано съ одной стороны, чтобы желающіе могли вырѣзать и вклеить на соответствующія страницы).

110	11 св.	Николай
	12—13 св.	его преемникъ
293	17 св.	царя;
307	2—3 св.	l'autocratie
309	10 сн.	autocratie,
313	3 сн.	impérial,
314	19 св.	des empereurs?
317	20 св.	l'autorité impériale
320	13 св.	au trône
—	14 св.	l'empereur
—	18 св.	à l'empereur
—	23 св.	pour le trône,
—	13—12 сн.	la princesse de Brunswick ou de Courlande, le duc de Holstein ou sa femme de la fa- mille d'Anhalt-Zerbst,
—	11—10 сн.	et Romanoffs,—ils lui étaient tous inconnus, et de plus ils étaient Allemands.
321	1 сн.	le palais d'hiver de Pétersbourg annonce au pays sa volonté.
323	21 сн.	à l'impérialisme
—	6 сн.	l'impérialisme
323	3 сн.	auraient tranquillement accepté
326	20 св.	du trône de Pétersbourg,

- 326 2—1 сн. du tzarisme et de l'impérialisme,
327 2 св. de l'impérialisme
339 4 св. самодержавіе
— — имъ
342 8 св. самодержавіе,
346 11 сн. императорскимъ
347 10—11 св. императоровъ?
350 15 св. императорская власть
353 21 сн. престолу
— — за него
— 20 сн. въ царѣ
— 15 сн. къ царю
— 10 сн. къ трону
— 2—1 сн. и Романовымъ—Брауншвейгскую или Кур-
ляндскую принцессу, герцога Голштейн-
скаго или его жену изъ фа-
354 1—2 св. милии Ангальтъ-Цербстской. Всѣ они были
одинаково ему неизвѣстны—и притомъ—
нѣмцы.
355 15—16 св. Зимній дворецъ оповѣщаетъ свою волю
странѣ.
357 2—3 св. императорской
— 17 св. имперіализмъ.
— 20 св. спокойно приняли
360 14 св. петербургскаго трона
— 8 сн. царизма и имперіализма,
— 5 сн. имперіализма
366 16 сн. scrupuleux sur les moyens,
— 15 сн. d'une révoltante inhumanité.
— 12 сн. L'Empereur Nicolas,
— — un règne
— 11—10 сн. de son avènement.
— 5 сн. l'empereur Nicolas
367 6 сн. de l'empereur
— — lui
368 9 сн. à l'empereur Nicolas
— 5—4 сн. la dynastie des Romanoff
— 3 сн. La dynastie des Romanoff

- 368 1 CH. L'autorité impériale
369 6 CB. de la Russie.
— 8 CB. ou se briser lui-même.
— 14—15 CB. de despotisme militaire
— 22 CB. sur le trône
— 13 CH. le tzar
— 10 CH. aux bourreaux
— 2—1 CH. l'instrument du gouvernement.
370 1 CB. le gouvernement
— 2 CB. de ses régiments,
— 3 CB. les cadres de l'armée
— 6—7 CB. les paysans se lèveront en masse; ce sera
le signal d'une *jacquerie*.
— 10—11 CB. les Romanoff
— 13 CB. barbare
— 15 CB. la noblesse
— 16 CB. dans la nation
— — la noblesse
— 18—17 CH. d'une terreur
— 46 CH. cette impériale démence.
— 16—15 CH. dépouilla
— 14 CH. à ses druides;
— 11 CH. couronné
— 10 CH. la servilité
370 9 CH. et achetait
— 9—8 CH. la prolongation de quelques jours d'exis-
tence.
— 6 CH. la folie
— 1 CH. du trône et de la famille impériale;
371 3 CB. Monstrueuse complicité!
— 22 CH. d'une bureaucratie vénale et perfide,
— 21 CH. deux polices
— 16 CH. l'armée.
— — l'armée
— 13 CH. détestable gouvernement
— 12 CH. tout gouvernement
— 8 CH. gouvernement
— 6 CH. l'aigle impériale

- 371 — elle
- 372 10 св. въ средствахъ,
— 11 св. возмутительно безчеловѣчнымъ.
— 15 св. Императоръ Николай
— 15—16 св. царствованія
— 17 св. своего вступленія на престоль.
— 19 св. Николая
— 16 сн. Николая
— — онъ
- 373 14 сн. государя
- 374 13 сн. императору Николаю
— 9—8 сн. династія Романовыхъ
— 7 сн. Династія Романовыхъ
— 4 сн. Императорская власть
- 375 3 св. Россіи
— 5 св. самъ разлетится въ дребезги.
— 13 св. военного деспотизма
— 21 св. на тронѣ
— 12 сн. царь
— 9 сн. палачамъ
- 376 3 св. орудіемъ правительства.
— 4—5 св. правительство
— 6 св. полковъ
— 7 св. кадры арміи
— 10—11 св. крестьяне могутъ возстать массами; это
будеть сигналомъ для *жакеріи*.
— 15 св. Романовы
— 18—19 св. варварскимъ
— 19 св. они
— 21 св. дворянство
— 22 св. опору въ странѣ.
— — дворянство,
— 11 сн. ужаса
— 10 сн. императорскаго безумія.
— 9 сн. ограбила
— 8 сн. своимъ друидамъ.
— 5 сн. коронованный
— 4—3 сн. раболѣпную преданность

- 376 3 сн. покупалъ
 — 2 сн. право на нѣсколько лишнихъ дней жизни.
 377 1 св. безуміе
 — 6—7 св. трона и императорской семьи.
 — 10 св. Чудовищное сообщничество!
 — 16—15 сн. продажной и коварной бюрократіей,
 — 15 сн. обѣими полиціями
 — 9 сн. армію.
 — — армія
 — 5 сн. отвратительное правительство
 378 1 св. правительство
 — 2 св. императорскій орелъ
 386 8—13 св. самодержавіе, озлобленное и испуганное
 всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, душитъ
 съ удвоеннымъ ожесточеніемъ всякое
 умственное движеніе и грубо отрѣзы-
 ваетъ отъ освобождающагося человѣче-
 ства шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ,
 загоразивая послѣдній свѣтъ, скудно па-
 давшій на малое число изъ нихъ, своей
 черною,
 389 18 св. императоръ Павлѣ.
 — 19 св. у Павла,
 — 21 св. не токмо во всѣхъ царствованіяхъ,
 — 2 сн. развитіе императорства.
 390 6—7 св. 14-е декабря
 8 св. Исаакіевской площади.
 416 6—7 св. Монархія не имѣетъ смысла,—она дер-
 жится насиліемъ,
 — 10 св. корону
 — 11—12 св. оскорбленіе величества,
 425 19 сн. монархическій
 429 6 сн. царская
 430 19 сн. *во имя отца и сына и святаго духа.*
 440 5 св. церковь
 449 13 сн. *самодержавіе* петербургскаго царя
 461 16 св. не евангельское.
 464 18 сн. Бога

- 467 6 сн. нелѣпость
- 475 15 св. принимая другую.
- 478 10—11 св. Христіанство, религія противорѣчій,
— 13 св. искупленіемъ, церковью, отцомъ небеснымъ.
— 1 сн. Это еван-
479 1 св. гельскій миѡъ Бога и человѣка,
— — Христомъ,
— 17 сн. Христіанство,
— 12 сн. отпущеніемъ грѣховъ
— 9 сн. исповѣдью
шалости
6—5 сн. христіанскихъ мучениковъ
- 480 7 св. творцѣ
— — его
2 сн. христіанства;
- 481 14—9 сн. Христіанство, по крайней мѣрѣ, не оста-
навливало на такихъ бездѣлицахъ, а
смѣло приказывало любить не только
всѣхъ, но преимущественно своихъ вра-
говъ. Восемнадцать столѣтій люди уми-
лялись передъ этимъ; пора, наконецъ,
сознаться, что правило это не вовсе ясно...
За что же любить враговъ? или если они
такъ любезны, за что же быть съ ними
во враждѣ?
- 482 19 св. Архангелъ-Братство,
— 20 св. правительство,
— 21—22 св. церковь, чтобъ молить бога о прощеніи,
богъ, чтобъ наводитъ страхъ,
485 20 св. за гробомъ
- 494 20—19 сн. къ попу и къ солдату.
- 495 15 св. монархической
- 496 17—18 св. Церковь примирилась съ солдатомъ, какъ
только она сдѣлалась церковью государ-
ственной;
— 13—1 сн. Пришло наше время пѣть «вѣчную память»
или, если хотите, «молебень». Конецъ
церкви и конецъ войску!

Наконецъ, маски упали. Наряженные узнали другъ друга. Разумѣется, что священникъ и солдатъ—братья, они оба несчастныя дѣти нравственной тьмы, безумнаго дуализма, въ которомъ бьется и выбивается изъ силъ человѣчество,—и тотъ, который говоритъ: «Люби твоего ближняго и повинуйся власти», въ сущности говоритъ то же, что «повинуйся властямъ и стрѣляй въ твоего ближняго».

Христіанское плотоумерщвленіе столько же противно природѣ, какъ умерщвленіе другихъ по приказу; надобно было глубоко развратить, сбить съ толку всѣ простѣйшія понятія, все то, что называется совѣстью, чтобъ увѣрить людей, что убійство можетъ быть священной обязанностью—безъ вражды, безъ сознанія причины, противъ своего убѣжденія.

497	1 св.	
—	9 св.	брата,
—	10 св.	ангела-хранителя
—	16 св.	священника
—	—	воина
—	20 св.	священника,
—	21 св.	солдата,
—	15—14 сн.	священнику,
—	10 сн.	съ Голгоѳой
499	7—8 св.	во имя ученія, утопическаго и невозможнаго.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюловича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.